

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Исторический фольклор эвенков

сказания и предания

46668

Запись текстов,
перевод и комментарии
Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКОВА-ЛЕНИНГРАД

1966

Ответственный редактор
В. И. ЦИНДИУС

ВВЕДЕНИЕ

Эвенки — наиболее многочисленная (24.6 тыс. человек) и широко расселенная народность из малых народов Сибири. Перепись 1959 г. зарегистрировала их во всех краях и областях Сибири, за исключением Алтая и степной полосы, примыкающей к Байкалу (в Забайкалье степные тунгусы ассимилировались с бурятами и монголами к началу XX в.). Таким образом, помимо тех мест, где они постоянно жили (Амурская, Иркутская, Томская, Сахалинская и Читинская области, Якутская и Бурятская АССР, Красноярский и Хабаровский края и Усть-Ордынский национальный округ), в 1959 г. эвенки отмечены также в Хакасской АССР, в Тюменской области, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах.

В настоящее время эвенки составляют основное население в охотничье-оленеводческих колхозах Эвенкийского национального округа Красноярского края и Катангского района Иркутской области, в глубинных охотничье-оленеводческих колхозах Бурятской и Якутской АССР, Амурской и Читинской областей и Хабаровского края (Аянский, Чумиканский, Верхне-Буреинский и Хабаровский районы). В колхозах и совхозах остальных упомянутых выше областей и районов они составляют меньшую часть населения.

Эвенки по языковым и этнографическим особенностям делились в начале советского периода на следующие группы: 1) сымская (потомки нижнесагарско-еписейских тунгусов XVII в.) — расселена к западу от Енисея и к северу от Ангары (по притокам Подкаменной Тунгуски); 2) подкаменнотунгусская — в бассейне Подкаменной Тунгуски и севернее, до р. Нижней Тунгуски; 3) илимпийская — к северу от Нижней Тунгуски, до зоны расселения долганов и иганасаин, а также в районе г. Турухана и севернее, на запад от Енисея; 4) србогоченская — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Илимпей и Еромой, и восточнее, в бассейне вилюйской Чоны; 5) непекая — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Еромой и Икой (притоком Непсы), и восточнее, включая верховья Чоны (притока Вилюя),

Пеледуя (притока Лены) и нижнюю часть бассейна Витима, а также верховья притоков Лены (до Киренги); 6) токминская — в верхней части бассейнов Нижней Тунгуски, Нены (притока Нижней Тунгуски), Куты (притока Лены), Ильма (притока Ангары); 7) верхнеленская — в верхней части бассейнов Лены и Киренги; 8) северобайкальская — в северном Прибайкалье и в бассейне Верхней Ангары; 9) баргузинская — в верхней части бассейна Баргузина; 10) баунтовская — в бассейнах средних и верхних левых притоков Витима; 11) витимо-олекминская — в бассейнах верхних и средних правых притоков Витима и во всем бассейне Олекмы; 12) токкинская — в верхней части бассейнов Токко и Чары (левых нижних притоков Олекмы); 13) верхнеалданско-зейская — в бассейне верховьев Алдана, Томмота, Сутама (притока Учура), Амги и Гилюя (левого притока Зеи) с его притоком Тындой; 14) учурско-зейская — в верхней части бассейнов Учура, Зеп и смежной с последней Алгомы (притока Учура); 15) буреинско-урмийско-амгунская — в верхней части бассейнов Буреи, Амгуни и Урми (притоков Амура); 16) чумиканская — в бассейнах Уда, Тугура, Торома, Чумикана; 17) аянская — в районе Аяна и в бассейне Нелькапа и его притока Тотты; 18) сахалинская — в северной части Сахалина.

За годы Советской власти хозяйство, культура и быт эвенков — таежных охотников-оленеводов были коренным образом преобразованы. В настоящее время эвенки объединены в охотничье-оленеводческие колхозы, в которых наряду с ведущими отраслями развиваются и новые отрасли, такие как звереводство, а местами животноводство и огородничество. Охотничьи и оленеводческие бригады составляются главным образом из эвенков.

Неизменно выросла и культура эвенкийского населения. За эти годы большинство эвенков получило образование, и сейчас многие из них работают в административных, кооперативных, школьных, медицинских, культурно-просветительных и других учреждениях.

До сих пор в быту эвенков, особенно среди колхозного населения, сохраняются многие элементы национальной культуры. К ним в первую очередь следует отнести родной язык. Зная русский язык, большинство колхозных семей говорит дома по-эвенкийски. Сохраняется и сокровищница духовной культуры — фольклор.

Фольклор играл в жизни эвенков большую роль. Он включал как рациональные, так и иррациональные знания об окружающей природе, о происхождении окружающего мира, — знания, выработанные сотнями поколений в злачительной части на основе наблюдений и опыта. Фольклор отразил и устную историю народа. Он оказывал значительное влияние на формирование мировоззрения охотника.

С раннего детства, как только ребенком эвенк начинал понимать речь, и до возмужания он впитывал в себя те знания,

которые ему могло дать устное творчество. Первые сведения о животных дети получали из сказок, рассказываемых во время отдыха по вечерам и днем во время домашней работы. Сказки эти обычно начинались с вопроса познавательного характера (например, почему дятел имеет красные перышки на голове), ответ на который давался в художественной, поэтической форме. До сих пор большинство эвенкийских сказок сохраняет этнографическую концовку.¹ Имелись и специальные детские сказки, из которых дети узнавали, чем питаются животные, и в которых раскрывались качества и свойства предметов или говорилось о способах их починки, если они ломались. Для усвоения счета в большом ходу были считалки, благодаря которым порядок счета до десяти запоминался с помощью сочетаний чисел со словами, имеющими сходные первые один-два слога. Во время рассказов старики рисовали на земле следы птиц и животных, которые затем показывали детям в действительности.

Загадки тренировали сообразительность; их начинали загадывать детям, когда они осваивали стрельбу из игрушечного лука. Считалось, что охотник, убивший впервые копытного зверя, должен уметь быстро отгадать любую загадку. Все загадки, как и сказки, начинались с вопроса: *Тар ёкун?* — «Это что?». Возможно, что форма загадывания распространилась и на сказки. Наряду с загадками и оберегами подростки узнавали и мифы о вселенной, о ее происхождении, о происхождении человека и животных, о древних шаманах и др. Наконец, когда дети становились «настоящими людьми» (т. е. взрослыми), им рассказывали сказания и предания. Еще Георги писал в XVIII в. об эвенках, что «знания их утверждаются только на преданиях».² Сказания формировали представления об идеале охотника-воина, показывали его выносливость, храбрость, стойкость, знакомили с людьми иной культуры. Если между событиями героического сказания и современностью временная связь была уже потеряна и сказитель не воспринимал как реальные названия родов, имена героев и топонимы, то рассказчик родовых преданий видел в героях своих предков. Названия родов, личные имена и географические названия в преданиях соответствуют современным. В отдельных случаях рассказчик помнил все поколения, от поколения действующего лица до своего. Таким образом, у молодого поколения вырабатывались знания правил и норм поведения, обязанностей и мо-

¹ Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1936 (Труды Инст. народов Севера); Г. М. Васильевич. Религиозные представления о мире у эвенков. Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. V).

² П. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. 3. СПб., 1776—1777, стр. 36—37.

рали. По некоторым героям определяли время действия («до» и «после» того или иного героя).³

Эвенки относились к сказаниям и преданиям как к неисписанной истории и старались передавать их в неизмененном виде.

Известно, какую роль играет фольклор как источник для разных отраслей науки: фольклористики, лингвистики, истории, этнографии и археологии. Тексты сказаний и преданий, созданные самим народом, творцом и носителем истории, в художественной форме отражают разные этапы ее и «служат источником при разработке важнейших историко-этнографических проблем»,⁴ например таких, как связи между родами, взаимоотношения с соседними народами, общественная организация, моральные и правовые кодексы, развитие религиозных представлений и др. Героические сказания, служа источником для фольклориста-тунгусоведа, являясь своего рода зародышем эпоса, интересны и в общем плане генезиса этого жанра. Тексты, записанные у разных групп эвенков, отражают местные разновидности речи и служат источником для диалектологических и общих лингвистических исследований.

Богатый и красочный эвенкийский фольклор еще недостаточно записан и очень слабо изучен. В нем представлено большинство жанров: посни (в их числе импровизации, песни с устойчивым текстом — самобытные и переводные, шаманские песни), рассказы о случаях из жизни, родовые предания, эпические или героические сказания и мифы (о происхождении вселенной, человека и животных и др.), сказки (о животных, бытовые, юмористические, детские и другие, как свои, так и заимствованные), поговорки, загадки, считалки, обереги. Но углубленным анализом каждого из жанров этого фольклора почти никто не занимался, если не считать жанра загадок.⁵

Сами эвенки различают в своем устном творчестве следующие виды: 1) *нимкайан* (*нимкайн* у сахалинских и аянских эвенков) — этим термином называются сказка, миф, предание и сказание; 2) *улгур* (букв. «рассказ») — бытовой рассказ о случае из жизни взрослого поколения; 3) *икэн, хаган* (*хайн*) — песня-импровизация и песня с коротким устоявшимся текстом; *давлавун* (заимствовано из монгольского) — песня переводная; *эрлэвун* (букв.

³ Еще в начале нашего века илимский эвенки, рассказывая К. М. Рычкову о чем-либо, датировали события «до» и «после» войн оленевых пришельцев с местными эвенками (К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II, 1917; кн. III—IV, 1922).

⁴ В. К. Соколова. Фольклор как историко-этнографический источник. Сов. этнография, 1960, № 4, стр. 11.

⁵ М. Г. Воскобойников. Эвенкийская загадка. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 249—271; В. И. Ципциус. Загадки ногайцев. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 216.

«клич») — песня шаманская; 4) *ноловка, таџишка* — загадка; 5) *од'о, үэлумэ* — оберег; 6) *турбичкэ* — поговорка.⁶

На термине *нимчакан* следует остановиться подробнее. Он характерен для всех тунгусо-маньчжурских языков, за исключением маньчжурского, и имеет несколько значений. Например, в эвенкийском: 1) устное народное произведение (миф, сказка, сказание, предание; производные слова: *нимчакат* — «сказывать сказание», *нимчакачиймий* — «сказитель» и др.); 2) старина, традиция, время (*тар нимчаканду бичэн* — «это было в старину»); 3) камлать, шаманить (производные слова: *нимчакчи* — «шаманский бубен», *нимчанивка* — «камлание»).⁷

Между устным народным творчеством и обрядом также прослеживается связь.⁸ Так, юноша, чтобы стать признанным охотником, кроме обладания специальными навыками, должен был знать сказки о животных и уметь быстро отгадывать любую загадку. Некоторые сказки можно было рассказывать только в тайге у костра или в охотниччьем шалаше, так как, по представлениям эвенков, их слушали звери. Во время сказа сказитель, как и шаман, иногда покрывал голову платком и, рассказывая, подражал голосам зверей, а также имитировал их движения. Сказ, как и камлание, начинался с вечера и продолжался всю ночь до утра, а нередко и на следующий вечер. Все это происходило при притушенном огне очага, а когда сказитель спал, слушатели иногда подпевали (*д'арид'ачатын*) ему, как и шаману на камлании. В обоих случаях слушатели должны были быть внимательными и не разговаривать; разрешалось только вставлять реплики, отражая свое отношение к содержанию.⁹ У забайкальских тунгусов во время посвящения в шаманы начинающий шаман должен был рассказывать биографии шаманов-предков.¹⁰ Наиболее древ-

⁶ См. образцы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1.

⁷ Интересно, что сходное с *нимчакан* слово *лыми'ыл* имеется также в чукотском и корякском языках, но здесь оно известно только в значении «сказка». Имея в виду соответствие согласных *л* ~ *н*, можно говорить об общем происхождении тунгусо-маньчжурского и чукотско-корякского терминов. См. подробно: G. Wassilewitsch. Ursprung der Gesänge, Tänze, Spiele, Legenderzählungen und Schamanierens bei den Ewenki. Acta ethnographica, t. IX, fasc. 1—2, Budapest, 1960.

⁸ О тесных связях народной поэзии с магическим обрядом, о совмещении ролей певца, вождя и шамана у тюркских народов см.: В. М. Жирмухиский. 1) Введение в изучение эпоса. В кн.: Киргизский героический эпос. М., 1961; 2) Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 169—171.

⁹ Аналогично отмечено и в процессе сказа у бурят и монголов: «Рапсод, как и шаман, есть своего рода вдохновенный поэт. Хотя и поет по трафарету, но всегда вносит какие-нибудь варианты, в зависимости от настроения и обстановки. И стоит только остановить хотя бы на один момент поющущего рапсода или шамана, как он сбывается, начнет путать и вдохновение исчезнет» (Образцы народной словесности монгольских племен. Собр. Ц. Ж. Жамцарано. Т. 1, вып. 3. Пгр., 1918, стр. XIV—XV).

¹⁰ S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the Tungus. London, 1935, p. 352.

ние из таких биографий превратились в мифы.¹¹ У илимпийских эвенков в обязанности шамана входило «хранение» биографий духов-предков.¹² Все эти факты свидетельствуют о первоначальной связи между сказителем и шаманом и о совмещении этих двух профессий в одном лице, что характерно также для кетов, тюркских, монгольских и других народов.¹³

В настоящее время в связи с ростом культуры исчезли некоторые жанры эвенкийского фольклора, связанные с первобытными религиозными представлениями и шаманством, такие как мифы, обереги, шаманские песни, некоторые сказки.

Сейчас широко бытуют песни, в значительной степени переводные (*давлайын*). Песнями (в разных вариантах) стали многие стихи, опубликованные в первых учебниках. Широкое распространение в бригадах и на колхозных праздниках получила песня-импровизация. По своей роли она может быть приравнена к частушкам. Многие варианты сказок о животных через школьную литературу проникли туда, где их раньше не знали. До сих пор поются и рассказываются в бригадах сказания и предания. Слушают их с удовольствием, громко произнося реплики и подпевая сказителю.¹⁴

Большую роль сыграл фольклор в создании оригинальной эвенкийской литературы.¹⁵ В послевоенный период в газете «Совет-

¹¹ Например, мифы сымских эвенков о Муревуле, Гуризуле, Хеладане (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 38—41, 45—52, 59—64).

¹² К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кж. III—IV.

¹³ Изложенное выше не говорит о признании «приоритета шаманов в сказкотворчестве», как это приписывают мне (см.: М. Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. Учебник для педучилищ. Л., 1960, стр. 12), а указывает лишь на то, что на определенном этапе функции сказителя (хранителя устного народного творчества) и шамана были недифференцированы и что шаманство в формах кампаний наследовало многое от форм сказки.

¹⁴ К. А. Новикова в 1949 г. застала еще широкое бытование сказаний среди сахалинских эвенков, см.: К. А. Новикова и В. И. Савельева. К вопросу о языках коренных народов Сахалина. Ученые записки Лен. гос. Univ., серия факультета малых народов Севера, № 157, 1955; В. Соловьев. Исполнение химигакалов у сахалинских эвенков. Северяинец, Л., 1955, № 1 (журнал научн. студенческ. общ. при Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).

¹⁵ Еще в 1925—1929 гг. при разъездах по тайге с эвенками-проводниками я заискивала от них новые песни, сочиненные ими в пути на мотивы старых песен или на несколько измененные мотивы русских песен. В Ленинграде, в Институте народов Севера, мы разбирали на занятиях ритмы записанных песен и сравнивали с ритмами русских песен и стихов. Затем на ритмы родных песен эвенки стали сочинять стихи. Через некоторое время в литературном кружке эвенки начали зачитывать не только стихи, но и предания и сказания, а также сказки, написанные ими в стихах. Многие из них были позже опубликованы. См.: А. Салаткин. 1) Тайга играет (Аги эвидерэн). Сб. стихов. Под ред. Г. Василевич. Л., 1937; 2) Гегдаллу и Улгогорик (Гегдальукэн, Улгерикэн). Позма. Под ред. Г. Василевич. Л., 1935; Г. Чипков-Эден. 1) Родная земля (Балдыдик

ская Эвенкия», издающейся в Эвенкийском национальном округе, время от времени публикуется литературная страничка. В ней на русском и эвенкийском языках печатаются старые и вновь созданные сказки.¹⁶

Публикации исторического фольклора на эвенкийском языке очень незначительны. В сборнике «Материалы по эвенкийскому фольклору» (Л., 1936) мы поместили четыре сказания: два, записанные у сахалинских эвенков, одно амурское и одно аянское. Там же помещены родовые предания, записанные у сымских и ербогоченских эвенков, и фрагменты — у северобайкальских и тунгирских эвенков. Тексты преданий с переводом приложены в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков» (Л., 1936). Они представляют собой переданные в виде рассказа ответы на вопросы собирателя, и только последний текст (№ 10) является подлинным преданием о столкновении рода Момо с родом Нюрумня. В 1937 г. нами был издан на эвенкийском языке сборник «Торгайэй». Тексты в нем несколько сокращены и по языку приближены к литературному диалекту. Полный текст первого сказания мы помещаем в настоящей книге (сказание 15). В 1960 г. вышел учебник для педучилищ «Эвенкийский фольклор» М. Воскобойникова. В нем опубликованы два сказания сахалинских эвенков (из «Материалов по эвенкийскому фольклору», т. 1), три текста баргузинских эвенков (одно предание, опубликованное впервые в 1927 г.,¹⁷ фрагмент текста о происхождении названия реки Баргузин, записанный Воскобойниковым, и одно предание о столкновении Киндигиров с Чангурями, записанное Н. Гладковой) и одно предание подкаменитутгусских эвенков, записанное В. Колесниковой и В. Горцевской. Этими материалами пока исчерпывается публикация исторического фольклора (тексты с переводом).

В начале XX в. у эвенков с р. Котуй (илимпийская группа) несколько преданий записали на якутском языке В. Н. Васильев и К. М. Рычков; последний делал записи также у сымских эвенков. В 20—30-х годах были произведены записи и у ербогоченских эвенков. Большая часть их вошла в приложение к сборнику «Ма-

бугав». Сб. стихов. Под ред. Г. Васильевич. Л., 1938; 2) Гарпапи (Гарпанидя). Сказание в стихах. Под ред. Г. Васильевич. Л., 1939; 3) Стихи (Стихи). Под ред. Г. Васильевич. Л., 1940; 4) Лис (Сулакичан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Васильевич. Л., 1940; А. Салаткина-Вакувагир. Соненок (Интылгучан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Васильевич. Л., 1946; А. Платонов. 1) Песни эвенка (Эвенки давлавурии). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1938; 2) Лучшио стихи (Аяткул стихиили). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1946; «Прежде. Теперь» («Учэлэ. Тыкни»). Литературный альманах. Под ред. Г. Васильевич. Л., 1938.

¹⁶ В 1961 г. эти произведения были собраны в сборник и изданы в Красноярске под названием «Слово эвенка» («Эвэнки түрүнин»).

¹⁷ И. Попов. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.

териалы по эвенкийскому фольклору».¹⁸ Из неопубликованных текстов сказаний и преданий известны записи К. Новиковой 1948 г. у сахалинских эвенков; записи преданий подкаменотунгусских эвенков, сделанные В. Колесниковой, В. Горцевской, О. Константиновой и Е. Лебедевой. В Якутии в 1959—1963 гг. производили записи исторического фольклора сотрудницы Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, сами эвенкии, А. Романова и М. Мыреева.

В настоящей книге представлены тексты героических сказаний и родовых преданий, которые записаны нами на эвенкийском языке в 1935—1960 гг. во время экспедиций в разные районы расселения эвенков. Записи производились попутно со сбором этнографических, лингвистических и других материалов в чумах (на стоянках бригад), в школах и в домах колхозников (см. карту маршрутов).

Так, в 1935—1936 гг. мы принимали участие в экспедиции Министерства просвещения в Эвенкийский национальный округ Красноярского края по следующему маршруту: Красноярск—Подкаменная Тунгуска—Байкит—Тычаны—Байкит—Тура—Кербо—Стрелка-Чуня—Вановара—Кежма—Канск—Красноярск. Весь маршрут был проделан с помощью местного транспорта (лодки, оленные карты и верховые олени).

В 1947—1948 гг. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР и Испититута истории, языка и литературы Якутской АССР. Маршрут экспедиции следующий: Якутск—Чульман—Золотинка—Тында—Золотника—Сутам—Алгома — Покровское—Алгома—Учур—Якутск. Весь путь был совершен верхом на олене и на нарте.¹⁹

Продолжением этой экспедиции явилась поездка летом 1948 г. из Хабаровска в эвенкийские колхозы на реках Урми и Амгунь.

В 1959 г. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР по маршруту: Киренск на Лено—Ербогочен—Тетяя—Ербогочен—Хомокор—Наканна—Ербогочен — Преображенка—Непа—Токма—Ербогочен—Киренск.²⁰

В 1960 г. тексты были записаны во время экспедиции Института этнографии АН СССР в Эвенкийский национальный округ.

¹⁸ Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 245—255, 262—263, 269, 271—272. К. М. Рычков оставил и неопубликованные тексты (Рукописный отдел бывш. Института востоковедения Академии наук, письме Института народов Азии, фонд 49, тетр. 1—4).

¹⁹ Г. М. Василевич. 1) Эвенкийская экспедиция. Краткие сообщ. Инст. этнографии, вып. V, 1949; 2) По колхозам джугдырских эвенков. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., вып. 2, 1950; 3) Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948; 4) Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. Сб. МАЭ, т. XX, 1961.

²⁰ Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М., 1962 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. 78).

Маршрут экспедиции проходил через следующие пункты: Красноярск—Байкит—Тура—Нидым—Тутончаны—Учами—Тура—Байкит—Шолигус—Байкит—Куюмба—Байкит—Красноярск.

Из наиболее известных сказителей, которые нам рассказывали в 1935—1936 гг., могут быть отмечены Лучаткан Чемда и Кокотай Нищкагир, оба из поселка Вановара. В их передаче мы записали пять преданий. На р. Тычаны нами было записано семь преданий от Чурчанчи Момо. Последний, кроме того, знал много фрагментов. В 1960 г. на Полигусе был еще жив слепой сказитель Павел Баяки, который хотя и помнил много преданий, но рассказывал их не так хорошо, как другие, часто забывал и повторялся. Интересно, что, рассказывая, он вставлял свои реплики. Рассказывая в третьем лице, он иногда переходил на рассказ от первого лица. В 1948 г. в восточных районах был широко известен среди эвенков живший на р. Урми в пос. Талакан сказитель-колхозник Гаврила Эдян. От него мы записали пять сказаний (сказания 1, 3, 4, 5, 7).

Остальные рассказчики из встреченных нами на Урми и Амгуни знали не больше одного сказания. Сказание 2 записано на магнитофон в Ленинграде от эвенка С. М. Савина, приехавшего в гости к сыну. По отцу С. М. Савин якут, по матери — эвенк, но считает себя эвенком. Он слышал много якутских олонхо. Записанное с магнитофона сказание 2 (о Кодакчоне) значительно отличается от других сказаний большим количеством включений из якутских олонхо. Сказания 10, 11 и 12 записаны от студентов родом с рек Тутур и Чумикан и с Сахалина. В 1947 г. мы записали на р. Тынде (притоке зейского Гиллюя) от учительницы тындинской школы Александры Боярковской (из рода Хэбгимнгу) сказания и сказки, которые она слышала от своего деда Доңгоя. Записи нескольких текстов от Анастасии Салаткиной (из рода Вакувагир) произведены в Ленинграде. А. Салаткина после войны училась два года на подготовительных курсах Ленинградского университета. Она имела отличную память и очень любила свои нимпаканы, которые знала от матери. Текст «Бэрко и чангиты» записан от студента Института народов Севера Н. Сахарова, приехавшего в Ленинград в 1936 г.

Предлагаемые в книге героические сказания и родовые предания публикуются впервые. Чтобы видеть разницу между языком повествования и разговорной речью, мы поместили в Приложении I несколько рассказов на бытовые темы (случаи, имевшие место в конце XIX и в начале XX в. и представляющие интерес для истории). Тексты других жанров будут опубликованы в подготавливаемой нами отдельной книге.

Героические сказания 1—13 распространены среди эвенков, проживающих на восток от линии Алдан—Учур—Зея—Селемджка и до Охотского моря, включая и сахалинскую группу (см. карту-схему). Такого же типа сказания, часто с именами тех же героев

(Кидани, Гарпани, Дарпек, Нивони, Хулуро ~ Чулуро), встречаются и у эвенов, а от них некоторые попали и к юкагирам.²¹ Все эти сказания имеют традиционное вступление (*нимџакан тэкънин* — «основание сказания»), которое, по словам эвенков, должно указывать, что содержание относится к глубокой древности. Затем, после краткого описания первых этапов жизни героя, следует повествование о походах на восток («в сторону восхода солнца»), о встречах с другими богатырями, о борьбе с пими, о помощи таежным охотникам в борьбе с их извечными врагами, имеющими металлическую броню и оружие и ездищими на лошадях. В награду за оказанную помощь (помощь самой девице или ее отцу или брату) герой получает невесту. После свадьбы герой, прожив некоторое время у жены или у ее отца или брата, возвращается в свои места. Иногда, если жена или ее отец имеют оленей, герой возвращается с небольшим количеством оленей. Здесь он начинает обычную для охотника жизнь. У него рождается сын, который, дойдя до определенного возраста, как и отец, отправляется в поход. Иногда к состарившемуся герою приходит другой богатырь пробовать свои силы. Тогда герой обращается за помощью к сыну. Концовки эти сказания не имеют.

В сказаниях прямая речь поется, все остальное повествуется. Прежде и этот текст передавался речитативом.²² По словам урмийских эвенков, каждый герой имеет свою *икъэж* (запев, дающий мотив) с постоянным словом, значение которого ныне позабыто (см. Приложение II — нотные записи мотивов). Запев дает ритм для пения всей прямой речи и повторяется неоднократно как припев, что характерно также для мифов и шаманских песнопений.²³

В некоторых случаях можно установить, что постоянное слово запева прежде было именем героя или названием его рода, а возможно, и племени. Так, например, запев и припев «Орель, орель!» можно сопоставить с названием рода амгунских эвен-

²¹ W. Jochelson, *The Yukagirized tungus. The Josup North Pacific Expedition*, v. IX, Leiden—New York, 1926, pp. 290—297.

²² См., например, запись 1930 г. (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 115);

Дулин дунна дулкайидүй,
Умүл йёээ буркачапдүй
Дулин дунна Умусниид'эн бирэп.
Утук-утук утакчай
Д'апкүн мб калтацад'ип бочай.
Тадук ёкүчин-дэ ачип
Уларин мэчун ун'акантуй.

На самой середине земли,
На островке одной реки
Умусниидо среднего мира жил.
Был у него чум-угор
Из половинок посыми деревен.
И больше ничего не было,
Только золотое колечко.

²³ Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 141, № 110; стр. 142, № 112; G. M. Wassilewitsch. Schamanengesänge der Ewenken (Tungusen). Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, pp. 395—399.

ков — Орильский, зарегистрированным в документах XVII в.²⁴ О существовании этого рода амгунские эвенки помнили еще в 1948 г.; кроме того, след их пребывания оставался в названии озера Ориль в нижней части бассейна Амгуни. Постоянны слова запева-припева «Дэвэдареко» или «Кидайни» (сказание 1), «Кедайканен» (сказание 2) увязываются с названиями родов Деведарский и Кидарский, зарегистрированными у тех же восточных тунгусов XVII в.; слова «Кима ~ Кямо ~ Кимоко» — с названием родов Кима (эвенки) и Кимонко (удэ); слова запева «Ваку-ваку» (сказки нецких эвенков) — с названием рода Вакувагир, с которым перекликается топоним Вакунаяка (верхний приток Лены, приток вилюйской Чоны, приток Учами), напоминающий о местах кочеваний эвенков этого рода. Потомки его и по настоящее время живут на Нижней Тунгуске. По сообщению эвенков, каждый герой имеет свой запев-припев (например, в сказании 1: «Кудэргие» — запев-припев героя Кодакчона, «Дэвэдареко» — запев-припев героини Секак, «Кемонин» — запев-припев героини Монгукчон; в сказании 3: «Оле-доле» — запев-припев матери героини Секак, и т. д. Но запев-припев постоянных врагов таежных охотников один и тот же во всех сказаниях — «Дынгды-дымгды».

При сравнении сказаний восточных эвенков (сказания 1—13) с эпическими сказаниями других народов, в первую очередь соседей эвенков — якутов и бурят, мы находим ряд общих черт: аналогичное вступление, иногда генеалогическую цикличность, почти одинаковые описания появления врага и поединков, особое внимание к имени и названию рода, обусловленное экзогамией. В. М. Жирмунский объясняет типологическое родство эпоса тюркских и монгольских народов сходством идеологии на одинаковой ступени развития.²⁵ Нам представляется, что общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось.

Но вместе с тем сказания восточных эвенков имеют столько отличий, что можно говорить о дальнейшем самостоятельном пути их развития.

Эти отличия касаются целого ряда черт, перечисленных ниже.

Во-первых, отсутствие традиционных концовок.

Во-вторых, отсутствие красочных, подчас витневатых описаний быта, что характерно для тюркских и монгольских сказаний, а также крайняя редкость метафор; для эвенкийских сказаний характерны скучные описания действия и в то же время его динамиичность.

²⁴ Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 342; т. XII, стр. 97.

²⁵ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса, стр. 192.

В-третьих, постоянное восточное направление походов главного героя. Случайные заходы на запад обусловлены погоней за врагом чулуро, отклонения на юг — погоней героя за девицей. Выполнив то, ради чего он изменил направление пути, герой продолжает свой путь на восток.

В-четвертых, героями походов могут быть и женщины-богатырши.

В-пятых, целью походов является желание увидеть «край земли», найти противника, чтобы проверить свои силы, ловкость, и, наконец, найти «товарища» (мужа, жену). Во всех случаях богатыри в пути оказывают помощь нуждающимся в ней и разбивают их врагов. За оказанную помощь герой получает в жены девицу.

В-шестых, главный герой всегда бывает пешим охотником горной тайги, не имеющим никаких богатств. Он не берет ничего от побежденного врага. В сказаниях никогда не упоминается о том, что герой занимается рыболовством или олениеводством. Но племена, с которыми герой встречается в пути, занимаясь охотой, имеют в то же время коней и оленей, мясом которых пользуются в тех случаях, когда нет мяса диких животных. Наряду с отличительными чертами быта, внешности встреченных иноплеменников в сказаниях отмечается и языковая общность некоторых из них с героем.

В-седьмых, в эвенкийских сказаниях большее внимание, чем в тюркских и монгольских, уделяется названию местожительства героя и мест, где происходят его походы.

В-восьмых, в сказаниях отсутствуют шаманы и духи-помощники.

В-девятых, во взаимоотношениях со встречными народами и с исконными врагами (конным народом, имеющим железную броню) всегда соблюдаются традиции чести.

В-десятых, элементом фантастики в сказаниях являются лишь превращения героев в птиц, что может быть объяснено пережитками тотемизма. Деление мира на три части (небо, земля и преисподня), характерное для сказаний разных народов²⁶ и объяснимое как пережиток более древних представлений, встречается и в эвенкийских сказаниях, но в большинстве случаев эти миры имеют здесь другое, более реальное значение: верхний мир — это высокогорные районы, средний мир — горная тайга, нижний мир — степи и речные долины. В сказании 6 даже указывается конкретно место в нижнем мире, где живут враги чулуро-Сэлэргуны: к западу от р. Онона и к западу от ущелья Котор. Исключением является описание нижнего мира в сказании 2, заимствованное из олонко.

²⁶ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по Ларин. Л., 1929. стр. 97.

Представление о трех землях — Сивир, Кидан и уранкаев, по-видимому, является отражением более позднего административного деления Верхнего Приамурья на три округа (см. подробнее сказание 3, прим. 16).

Таким образом, нам представляется, что героические сказания восточных эвенков стоят ближе к эпосу, чем к героическим сказкам.²⁷ Они отразили один из этапов расселения древних тунгусов на восток из районов южного Забайкалья, датируемый не позднее VI в., судя по типу описываемого дома («айтурский») и по западному местонахождению врагов всех охотников (к западу от р. Онона).

Сказания 14—20 распространены у эвенков, живущих в районе между Олекмой и Амгой на западе и реками Зеей и Учуром на постоке (верхнеалданская и верхнезейская группы); отсюда они проникли на север — к верхнеамгинским эвенкам и на запад — к верхнеленским (см. карту-схему).

Зейско-алданские сказания рассказывают, и только в редких случаях (когда включены элементы из сказаний восточных эвенков) прямая речь поется.

По языку и художественным средствам они беднее первых; они не имеют ни вступления, ни генеалогической цикличности. По элементам фантастики (превращения героев, наличие волшебных помощников — животных и предсказателей, наделение богатырей сверхъестественными качествами, введение образа хозяйки тайги, преодоление сказочных препятствий, борьба с многоголовым змеем), а также по описанному в них способу наказания (привязывание к хвостам лошадей и др.) они ближе к богатырским сказкам и в них немало мотивов из эпоса тюркских и монгольских народов. Вместе с тем описание жизни героев (пеших и конных охотников, но не рыболовов и скотоводов) вполне реалистично, как и сами факты взаимоотношений с соседями-скотоводами. И эти сказания описывают походы героев, которые оканчиваются браком с девицей из группы скотоводов (сказание 20) или из группы охотников (сказания 14, 19). Иногда походы кончаются местью братьев сестре за ее самовольный выход замуж за скотовода (сказания 16—18). Хитрость, обман, к которым прибегают скотоводы, чтобы уничтожить героев (спаивание вином; поджог жилища, где они спят; попытка убить их сонными; предложение вступить в бой со многими воинами или многоголовым змеем), — мотивы нехарактерные для эвенкийского фольклора и явно заимствованные.

В этих сказаниях, по-видимому, отразились более поздние брачные связи между охотниками и скотоводами, имевшие место в Верхнем Приамурье. Охотники жили в верховьях рек в тайге

²⁷ В. Жирмунский. Героический эпос. М.—Л., 1962; Е. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

небольшими группами, а скотоводы жили по соседству на той же реке, в степной полосе. Охотники отправлялись в далекий путь и проходили ряд испытаний, прежде чем добивались своей невесты. Поэтому в сказаниях подвиги героя оптимизированы и преувеличены.

Особый интерес в алдано-чайских сказаниях представляют такие факты, как содержание в тайге девицами копеводов детей, рожденных от охотников, как грамотность работницы скотоводов, захваченной в плен от охотников. Собственные имена охотников с суффиксом *-ней*, *-най* характерны для эвенков; имена соседей этих охотников — копеводов и скотоводов — с суффиксом *-ла*, *-лутн*, *-дыр*, *-дор*, *-нгой* характерны для монголов и соответствуют именам, известным по русским источникам XVII в.

Второй раздел книги посвящен родовым преданиям.

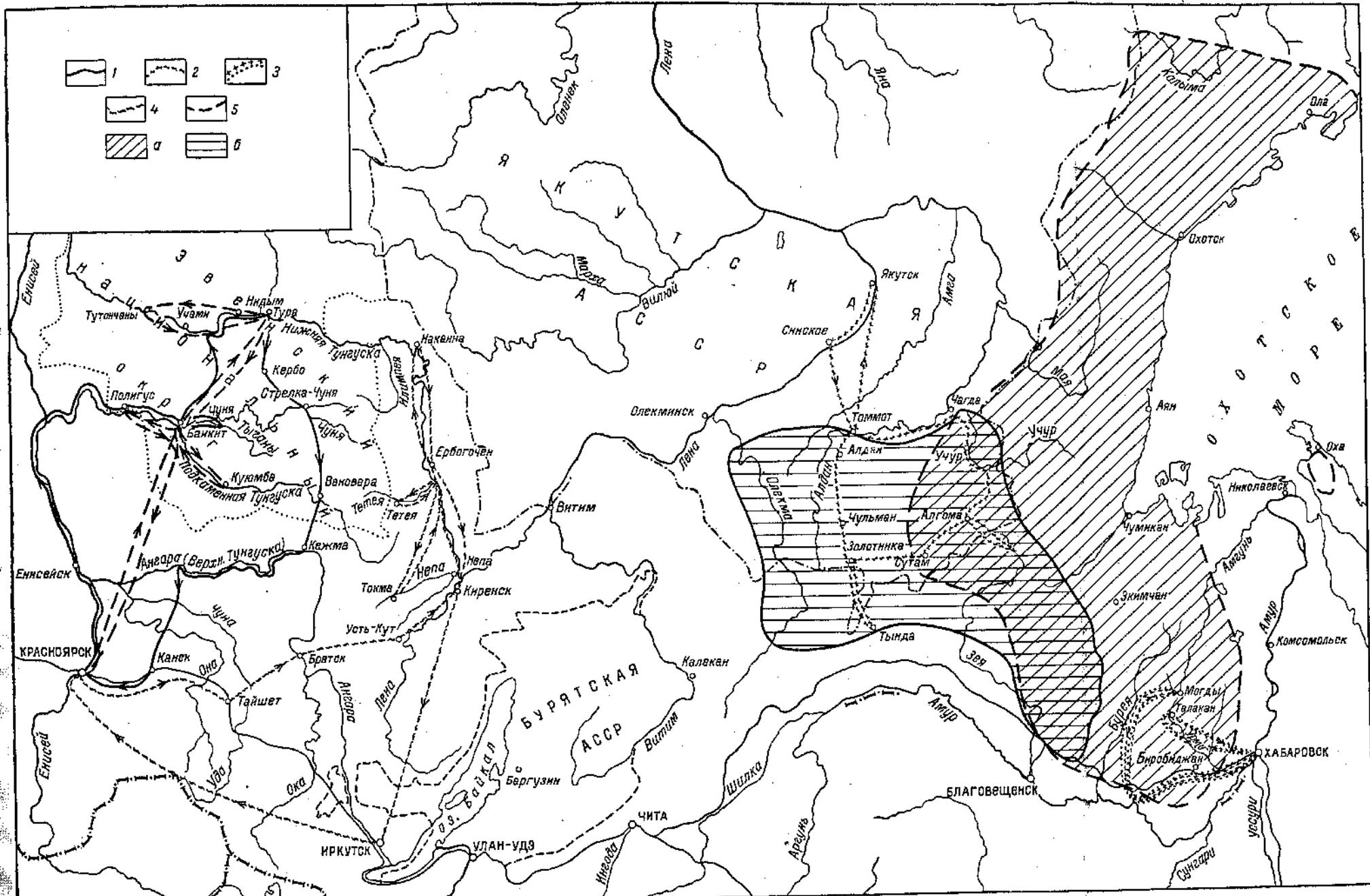
Такие предания имеются у всех групп эвенков. Предлагаемые нами записаны в большинстве своем среди эвенков с бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок. Они отразили жизнь эвенкийских родов в период до и после прихода русских в тайгу (XVI—XVII вв.) и позднее. Предания илимпийских эвенков (к северу от Нижней Тунгуски, включая верховья рек Котуд, Хатанги и Оленека) о Нургувуле, Уроне, Олуувуле и Унгковуле распространялись среди оленекских якутов (ассимилированных тунгусов) и вошли в оленекский хосунный эпос.

Предания рассказывались обычным разговорным языком, так же как обычные рассказы из жизни. Для сравнения языка мы даем в виде приложения несколько рассказов о случаях из жизни, имевших место в конце XIX и в начале XX в.

Герои преданий также являются племяными или олесными охотниками (о рыболовстве предания не упоминают). Преобладающей темой в них являются межродовые столкновения. Причины столкновения могут быть различными. Чаще всего это — неудачное сватовство (предания 8, 10, 11, 20). Иногда столкновение вызвано смертью сородича; в таких случаях считалось, что шаман соседнего рода «сыел» его душу (предания 6, 9, 11). Реже причиной бывает ссора (предания 14, 16) и еще реже — кровная месть (предания 11, 23—25). В преданиях подкаменотунгусских эвенков рассказывается о случаях, когда столкновение вызвано тем, что лося, за которым гнался один охотник, убивал охотник из другого рода, или когда вместо дикого оленя по ошибке или из-за голода убивали домашнего оленя; и последнее указывает на относительно позднее появление олесней у потомков ангарских племен эвенков, ушедших с Ангарам к северу.

В некоторых преданиях рассказывается о ссорах между членами одного рода.

Предания илимпийских эвенков отличаются от преданий всех соседних, более южных эвенков; сюжет их построен по схеме, характерной для эпоса и богатырских сказок тюркских и монголь-

Карта-схема распространения сказаний и маршрутов собирателя.

Районы распространения сказаний: а — дальневосточных эвенков; б — верхнеалданских эвенков. Маршруты: 1 — 1935—1936 гг.; 2 — 1947 г.; 3 — 1948 г.; 4 — 1950 г.; 5 — 1960 г.

ских народов. В них рассказывается, как один богатырь убивает в поединке другого и уводит его жену. Сына убитого спасает дед (иногда бабка), который воспитывает в нем воина. Подросший сын идет мстить за смерть отца и освобождает свою мать. В конце концов он погибает от медведя. По-видимому, тема мести за убитого отца и сама структура этих преданий были принесены в районы на запад от Лены группами оленных эвенков, выходцев из Забайкалья и Верхнего Приамурья.²⁸ Имена действующих лиц этих преданий припадлежали реальным людям. Так, Нургувуля из предания можно сопоставить с Нургувулем — из списка ессеевских эвенков 1683 г.; имя Уигковуль сохранилось в топониме Юнкебиль (якутская огласовка) — названии протоки Оленека; имя Олуувуль — в названии тундры на истоках рек Илимпей и Тетеи, притоков Нижней Тунгуски.

Предания, вошедшие в олененский хосуваный якутский эпос, получили местный, тундровый колорит и, бытуя среди якутов, включили в себя эпизоды, характерные для якутских преданий.²⁹

В преданиях отражены традиции и разные стороны жизни родового общества. Такие факты, как объединение двух родов, совмещение в одном лице вождя и охотника — кормильца всей группы, выдача женщин одним родом в оплату за убитого члена другого рода в знак примирения после столкновения, взаимный обмен известами между двумя родами, и многое другое перекликаются с данными документов XVII в.

Как сказания, так и предания интересны с этнографической и исторической точек зрения. В них много подробностей, описывающих общую для всех тунгусов традиционную подготовку к поединку или к бою, правила поединка, обычай пробовать свои силы при встрече мужчин. Для этногенеза эвенков с бассейна Енисея интересны в преданиях моменты, относящиеся к разным группам эвенков. Например, для западных эвенков характерно увертывание, отскакивание от пущенной противником стрелы; восточные же эвенки ловят стрелу середицой своего лука. Различен и способ уничтожения тела убитого врага (для западных — путем варки в котле, для восточных — путем сжигания на костре).

Кроме целых преданий, мы помещаем также фрагменты некоторых из них, чтобы дать более подробную характеристику родового строя, поскольку в каждом из них имеются сведения, не встречающиеся в других.

²⁸ Г. М. Васиlevich. 1) Ессеевско-чирингдинские эвенки. Сб. МАЗ, т. XIII, 1951, стр. 182—186; 2) К проблеме заселения тунгусами енисейской тайги. Рукопись. Архив Инст. этнографии.

²⁹ Например, в предании об Уропе введен образ работника по имени Нучча, нехарактерный для эвенкийских преданий. См.: Б. Долгих. Происхождение итапасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952 (Труды Инст. этнографии, т. 18), стр. 81. Слово «Нучча» (фонетически первогласовка слова «русский») введенно после того, как якуты познакомились с русскими.

Тексты даны без изменений и отражают различные говоры, на которых говорили дикторы. Они записаны на говорах следующих диалектов: подкаменотунгусский (Полигус, Байкит, Куюмба, Тычаны, Вановара), илимпийский (Учами, Агата, Шеконгда, Нидымкан), ербогоченский (Тетея, Накаша), северобайкальский (Верхняя Ангара, Байкал), олескинский (Тулгир), верхнеалданский (Чульман, Алгома, Учур), зейско-учурский (Тында, Зея, Амуткачи), буреинско-урмийский (Керми, Бирая, Бурея, Урми, Амгунь), чумиканский (Тугур, Чумикан) и сахалинский. Перевод близок к подлинику, по дан в формах русского языка. Это потребовало введение слов для связи главных и придаточных предложений, а также местоимений-подлежащих, что нехарактерно для эвенкийского языка. Дополнительные слова русского перевода даны в квадратных скобках. В отдельных случаях, когда буквальный перевод, который обычно дается в скобках, представляет особый интерес, мы оставляем в тексте его, а в скобках даем необходимое разъяснение, например: «[Мы] вышли из лужи земной» (т. е. с берегов озера); «Речь твою не брошу на землю» (т. е. рассказ твой не забуду).

Тексты записаны в общепринятой советскими тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначением заднеязычных *н* и *з*, палatalных *н'* и *ð'* и среднеязычного *й*. Добавлены гласные звуки среднего ряда *ε*, *ι* и обозначены долготы гласных (чертой над буквой). Варианты фонемы *э* обозначены буквами *а*, *о*, *э*.

В прямой речи сказаний срединные и конечные слоги, вставляемые для ритма, опущены и лишь в некоторых случаях сохранены конечные добавочные слоги. Поэтому ритм стиха в текстах в большинстве случаев не соблюдается. Но в каждом случае он определяется по запеву. В русском переводе для удобства чтения количество строк прямой речи героев не соблюдается.

В Приложении II даны именные залипы мотивов из сказания 2 (в эвенкийском тексте в соответствующих местах в скобках указаны номера мотивов). Нотацию составили Б. М. Добровольский и В. В. Коргузлов. Пояснения к нотации написаны Б. М. Добровольским.

Перед каждым текстом и переводом указаны имя и фамилия рассказчика (в скобках — родовое название), год рождения, место и время записи.

В заключение мы выражаем благодарность сотрудникам Института этнографии АН СССР — сектора Сибири (в Ленинграде) и секторов Севера и Русского фольклора (в Москве), а также рецензентам, сделавшим ценные замечания.

Г. Василевич.

УЧИР, УРМІЙ, ЧУМУКҔН, САХАЛИН, ЭВЭНКИЙЛИН НИМЦАКАРТИН

1. Кодакчэн

Билир, билир дуннэ элэкэс бвд'ацахин, н'ацн'а элэкэс илармэн сёрукард'ин н'ацн'а бвд'ацахин, бира мүн элэкэс дуннэдук йүктүхэнцэчин йүд'энэхин, дулин дуннэ дулкакийндүн, умүн йэни хулийдүн Котор цэку ойодүн утэх-утэйэ бичэ. Таду бид'энэ мата-бэйз балдд'аран. Нуцандүн умүн эднэкэн-орон ачин, умүн нина ачин. Тар бэйз умүн ахий-наакучий бичэ. Тар бид'энэл, нуцартги д'эргэйэвэр-байнэва вачал бичдти. Тар бэйз бэрин бичэ ирэхтэ ажрэвэц бнаан. Тар н'ян п'урин бичэн. Тарит ёма-дэхийэва д'улгийдэлливи энэ цэнэвнэнэ, вавки бичэн. Цэнүү дэгийнэ угийдэлливи ахий дэгийнкэнэ, илан тамнаксал угийдэллийн дэгд'эрйнэ. Тадуки тар бэйз таду бичэ, улзэвэ д'энэ, наинаван тэткэйэви хуналд'ин боки бичэ. Тар ажийн гэгдэх эмэртгийн тэллийн бичэ. Тар н'экэксэ, ажийн гэрбий Кодакчэн-мата гэрбийн бичэн. Хуналд'ин гэрбийн бичэн Сэкак гунэрий. Тар н'экэмий, нуцартги-бэйэл думайц'ачал бичэл. Умүн сиксэнийдүй ижүүнтгийн турэтчэ:

Кудергийэ! Кудергийэ!
Д'а, пайу, мити
Эр дулии дуннэдүү,
алэкэс бвд'ацахин,
мит бекчэйл.
Мит д'ури, ари
байцэдийн бокайт,
дулиш Сивир ойодүн
бекчэйр, би балдгчал?
Мит ацаад'акар?
Амийгти, эпийгти
би ачир бичий?
Дуннэ сиктугийн
йүчбэя бихихит,

самэп бимчэ.
Мит ковде, мёдук
йүчэл бихихит,
самэп бимч.
Үрчиник илармэн
сёрукард, н'ацн'адук
тичэл бихихит,
орондүйт сацнека бимчэ.
Би думайчим —
дэри умуктап
иэлки сэслэнэ,
цэллэтэн-вит.
Байцэ н'ян
хутэйч боттан.

Тәдүк хунад'ин түрөчттән:

Дөвөдәреко! Дөвөдәреко!
Көдәкчән-акай,
мит элгүйл, амийчил
бичбл, бид'ицбү?
Кедән-дүниә киргыйдүн
миткәчин бәйз

бихни, бид'ицбү?
Еракин-дә, мит
ацаң-акай балыцд'аи?
Миткәчин уранкай
бихни бид'ицбү.

Нәкүндүкин улгимиттән: — Си, сәрій бимй, улгучбәл!
Нәкүнин, Секак-ахай, түрөчттән акийтикай:

Дөвөдәреко! Дөвөдәреко!
Би, акй-эдә,
ділачтава амаргут

ииччай. Он сәл'эм
си энээвс сәрә?
Си, сәмй, сәмчә!

Тәдүк гүйиттән иуцан, тар ахай этэттән гүйиксә. Тар некүниткайви и'ап түрөчттәп мата:

Кудергий! Кудергий!
Сөкак ижәй!
Би дулин дуниэвә
гиркудай үалдачим.
Бурава ичәдәви
сбт эйбүчим!
Си д'энти-д'евгә

бәйцәй улжәвәни
тәліле, бид'ицбү,
Утәк-утандүви
мәнб'ицбә-виг.
Тиматиэ эрдэ
тәғәкәй, д'өвгәвни
бәләннедәби! —

гүйиттән: — Д'э, эр дулин дуниэвә гиркуд'ицав!

Д'э, тикән гүйиксәкәр, әнцэттә. Тиматиэ Сөкак-хунад'ин эрдэ
сбт тәғәчә, и'буу гөванду тәғәчә. Д'э, тар тәғәкәкән, иуцан
д'евгәви астаттан. Д'э, акинин тәғәттән, и'үүвчттән тулиски
д'үдүкки. Тар и'үкәкән, д'үләви ирән, дәрәви авуттан. Д'э,
тарицииң әхилә тимар д'евгәва д'евуттән. Тар д'әбүкәсәткәкән,
иуцан алаазви, и'урви камуйчан. Тәдүк д'үдүкви йүхнич. Тар
йүд'эрәкин, нәкүнин эргәчин гүпнэ түрөтчәрән:

Дөвөдәреко! Дөвөдәреко!
Көдәкчән-акай,
минәвә эмүкимд'и
әдү оп эмәникәсб,
ицәхинд'еппин?
Д'э, би оп әдү

эмүким бид'ицбү?
Көдәкчән-акай,
әдү д'үләвни
бихниес, айа бимчо!
Турбимәй дәлдикас!

Тар тикә гүнә, түрөчкесә этэрән. Тар акинин гүйиттән.
Дөптий иликсә, поростиләчана, тикән гүйиттән:

Кудергий! Кудергий!
Сиизвә ёкүн
д'апиед'э-дә,
эмәксә, д'ибд'ап?
Сөкак-ижәй,
вәләд'я, эмәксә,
вәлләким, д'аптәким,
би, бәйз бимй,

үд'аван үд'ад'апав!
Айат, эш мәргәрә,
эш союро, мәнб'ицбү!
Городи, дағали
поросай бири!
Түпца цәнәлдүни
мүчү/ицб-циз,
иизкин бимй.

Д'э, тар поростылаксай, түліскій йүрән. Тар нұқсан-да ділачай йүптуткәйін ңәнәхинчән. Шәкүниң бимі тәдү, ңәнәхикін, ина-муткаи тікчә. Тарит әмбәнмүрән тәдү. Ақинниң ңәнәрән йәнәнци солокій. Д'э, әр бәйә бимі йәнә дәрәнмән бәйуқтәнә, әчин иста бичән. Бәйә бимі тариқци солоксөбін, йаңдулә истан, түкті-рән ойолби. Тар йаңд'а ойолбін түктіксіз, дәрүмкійд'эрән. Тар дәрүмкійд'энә, дүннәвә муниттән. «Бира дәрәп тавалә бихин. Тар бира даңтунин тәлә бихин», — тікә гүниә, ичәчиттән. Д'э, бәйә бимі, тәрәхіксәкән, дәрүмкійкесбі, иллан, ңәнәхиндәви н'әкәрән. Ңәнәхиндәви н'әкәд'эрәкин, сөндүн дәри турәнцәчи дәлдівуттан. «Д'э, ёкүн ңәри турәттән?», — гүшәчәб. Тар бәйә дәлдідәви айамамат дәлчүнчарап. Тар дәлчаттакин, уғискәкій турән дәлдівуттан. Арай дәлчәттакин, дәлдінан бичә үүилә турәп бихин. Эргәчин гүниә турәчиттән:

Көмөнин, көмөнин!
Көмөнин, көмөнин!
Дүлиң буга матан,
доровою дәлдікал!
Ема Сивир-буға
бәйоп бихинин?
Ичәнови, дәлдінави
ка, уягучәкөл?

Ема бугадү
айакнад'арп бихинин?
Илб ңәнәд'энин?
Д'э, мата бәйә,
ни гербілкәп
мата бихинни?
Әніппіп, амийни
қүйә гәрблітін? —

Гүниә улгумайд'эрән. Д'э, тікән гүйкесәкән этәрән. Тадук мата-бәйә «Си улгучәкөл!», — уғискій ичәтчәнә гүндірән. Д'э, тікән улгучәид'эрән:

Кудергай!

Кудергай!

Би эмүккіш балдічай,
әнине, аміна ачин,
ақад'ақап бихим.
Умүн хұпат
нәкүйчі бихим.
Би бма бураға
цәпәрізуза аза сәра
әле әмәхинчә.
Би, гәлтар гәрбивум,
улгумірткес.
Дүлиң буга омолғай

Кәдәкчен гүнәрдү
мата бахым-дән.
Сій-кәнә ыргит
тәрәлкес-ән?

Илб үбәлкән?
Улгуміркәл-кән!
Гәрбіе пійә?
Амбими-дә,
әніпми-дә,
гербілшетіп
улгучәкөл!
Би дәлдінав, ичәнбә
бүй-дәл ачин.

Тікән гүйкесәкән этәрәп. Тарит шұқап уғплә бихін ахәлкәп улгучәид'эрән:

Көмөнин, көмөнин!
Көмөнин, көмөнин!
Д'э, ба ахәлкәп
улгучәид'ектө!
Би, дәлдікал,
дүр барғу сөнд'иви
үйдекал-дә!
Сивир-дүниә сүткідүн,

д'э, Кидай-дүниә киридүп
көхалтіна икәнә
н'әкәйзір бихим.
Олон-дүниә оргодүп
н'әкәйзім-виг,
әрбіне әңдердөхимнин
бекед'ам-цәп.

Тар ахй чাসкй гүндэрэн:

Екӯна көхалгава
удгүчбүнктэ?
Долдикал
би гэлтээр гэрбийэв
улгумирээс,
айат долдикал!
Дулин буга хундийн,
Мэцүкчүп-ахайк
Екӯма эр эвийд'э
улгучийнчим?
Инэндэя, долбоийва
гиркучийн-дэй.
Би мудалми бдаан.
Угэм сүнтиссамай.
Цуинэ ойойн
Сүнтиссамай туркевум.

Минду яйава бракис,
амаргут бкин-мал
тамамчай-вит!
Итиг-турбимэв
ишикай-вит!
Д'эндид'э минээс
дэбдийн н'индерин.
Авахи минээса ахайн
илан ашдийн бдаан
Хяргу буга хэдигүүн
авахи н'үүри би-даа
сүнтишсанав
очдай бакара.
Мүду хэрэлгийн
сүнтиссамай туркевум.
Бокорийн эр-ти бдаан.

Тикэ гүнийсэйн, ахий бимий этэрэн турэчинсэ. Д'э, эр бэй.
бимий турёлкэн бимий, тар ахиткай турётчэрэн:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Лхайн-Мэцүкчийн,
ёнкүпд'и би-вэл
бэйэвэ бэлэд'ом?
Турбимэс долдиракло.
Гуд'эйнэ, айувсэ

мулдичайви
би н'экэд'ом-цэн?
Тар-да бичэлийн,
турбимэс дунинэдүү
этэм гарадара.
Таринце-ийн
бкин эмэттан?

Таргит этэттэн турёчийттэ. Д'э, тар ахий н'ян турёчиттэн:

Кёмолии, ижмолии!
Кёмолии, ижмолии?
«Окин эмэд'эцэй?»
гувно, улгумийни?
— Дыгачаа элэксэ
дэгд'эрээсил, эмод'юйн.
Хэгднэй, баагар,

бкүндуук-ти хордино
Инникин бими,
бакалдид'аасе!
Минду, сатар,
илан-дүүри инээдээ
сатаракис, айя бимч.

Д'э, тар тикэй гүнийсэйн, тар ахайн этэрэн. Инац дулийн
оштуткийн дэгтмэй игти тартын ишүүрэн. Цэлачатки мона-
гилбэнэхтчэн.

Д'э, тар бэйэ ицаду тэгээтчэрэн. Тар бэйэ тэгээтчэн ишүүрэн,
долбоийва тэбдү, тар Котор ишүүрэн айодун. Д'э, тар бэйэ тэ-
гээтчэрэкин, тимийнаа дыгачаа дэгд'эрэкою, ур ахи эмэгэгчийн
иғ ишүүчэ бичэн. Агадж агдиргачин ишүүн ишүүчийн. Д'э, тар бэйэ
иҷенэ, дыгачатна иштихий иштэттэн. Иштэтэн бичэ дыгачайна кайна
эмэд'эрэн. Тар думайдараан: «Авахи истан. Д'э, эмэрэн, ба-
дага», — гүнчэрэн. Тар бэйэ бими тар ахайна «иуцан сониц», —
гүнчэ гүнчд'эрэн. Тар ахай истан иуцандулаан. Ишэнэй бичтэй

илан ділічій уксуқінд'е бичө. Эмәд'энэ, ичәчә бичө. Тар ичәнән авахи турәттің:

Диңді, диңді!	ахәкәнма ичәнни?
Диңді, диңді!	Әлій-ті әмәчбі,
Мата, дорово!	ур-дәп әмәчән.
Би ахавұнмас	

Д'ә, тікән гүниксәнән этәрән. Тар бәйә тікән гүнәкин, ту-рәтчәрән авахыткай:

Кудергийә!	әчәв әда!
Кудергийо!	Си тар ахәкәнма
Си, авахи,	әкүн ухава
бәйә,	бонадукин
дороло, гүнәм.	ахакташы?
Си ахавұнни	Екүн буруйчай
ахәкәнвас	ахәкән тар?
этәйемнү	

Тікән гүниксән этәрән. Д'ә, тар авахи бинә, н'уриктән уйис-кәкій үғирийв'эрән. Тар авахи бинә турәтчәрән, тікуликсә бинә. Эмде әмде турәнд'иши турәтчәрән:

Диңді, диңді!	Кәдәкчән гүпәрй,
Диңді, диңді!	сәниң-мата,
Дулив буга	би әрбән ичәкәс,
омолгип-мата,	сәнәвәз, сипавә
әб сурактак	әтәм шләнә!

Гүнә, тар дуннаелә тіктән. Д'ә, тар тіктәкин, Кәдәкчән ту-рәтчәрән:

Кудергийә!	си хәңдиңдүкис
Кудергийо!	чурчан усташд'ан
Айдан авахи	әхим түгурүйа!
сәниңд'ан,	

Д'ә, нұнартын гүмәтчәл:

Бакалдіран!	Миәнән замій,
Си миәнәз д'әзимй,	«Вам», — гүпдәни!
«Д'әбум», — гүпдәни!	

Д'ә, нұнартын айамат дәңкілтәнә илилдіксақтар, «Кә, колто-кол! — Си п'брәкал!», — гүмәтчәл. Авахи-сәницимән Кәдәкчән гү-піттән:

Кудергийә! Кудергийо!	сәниң-бәйә
Ко, си, авахи,	си п'брәкал!

Д'ә, авахи бимій колторон. Колторокин, бәйә иличиксә әдан. Д'ә, бәйә-авахи колточблы, «Би-бәйә бимій колтоңом», — гүпән. Авахиба колторон, сөнни тәкәндүлбін колторон. Авахи бимій п'ән иличиксә әдан. Д'ә, нұнартын бимій күхилла. Оңкучак-дун-

нээв томторихгана, томтор-дуушинаа оцкучакийца. Нуцарттийн гутда урээ хэргийн нэктэлжиний хэйра. Сици-бугава амжаана, бу-гава-дуннээс талгүй бвкэтина, мбна чукчара. Цэ, нуцарттийн кухид'эчтэн тэдүү. Бэйэл тэрэнцэлжүү кухид'эрээ. Тэдүү нуцарттийн ишэндээ долбони кухид'эрээ. Авахийн бихий, гүнисэ: «Ари-бэйэйн ишэндээ эцэтэй кэйра». Ари-бэйэ авахий-бэйэйн ишэндээ эцэтэй кэйра. Тэрэнцэлжүү кухид'эрээ. Нуцарттийн кухийнөвтэн адиллава эхийн сээрээ. Цэ, тар кухид'энээл, нуцарттийн бимийн хойо-хойолбовор намардадаана, мирамирдэдүүнээр турмалдэхсэл, дээ, адуламтчэрээ — ци-ке д'аланин силгиичээ, ци-ке гирамнааны силгийнчээрээ. Цэ, тар авахий, ишэксээ гирамнааны силгийнчээрээ, сэчээ. Авахийн д'аланин туртчэрээн:

Дэлдэ, дэлдэ!
Дэлдэ, дэлдэ!
Дулийн бура ма-
тай,
Коддакчэн-эдээ,
мигт бкүү ухадүүни

кухид'эрээн-ку?
Нолонти анцайдуу
уха ёчин бичийн,
Екүнмар тисэмбтмий,
кухид'эрээн-ку?
Этэгтэй, байас!

Гүнэкин, матацин, дулийн буга Коддакчэн гүнд'эрээн:

Кудергийнэ! Кудер-
гийнэ!
Бисинээсээ кэйрйн бмий,
умүүн турбинэ ёчини
вацнцайн
Би-до котармий,
умүүн турбинэ

этэм алтартта!
Си, кэймий,
манаанаа бакийн!
Би, кэймий
сийээнаа вад'ам!

Тикээ гүнэкинээсээл, ишэндээ кухид'эрээ. Тар кухине, анахийнаа кэйдаа ишээллэн. Комторийн тэмтэжчийн бидан. Цэ, авахий гүнийттэн:

Дэлдэ, дэлдэ!
Дэлдэ, дэлдэ!
Дулийн бура
обиц-бийн,
Коддакчэн-маты,

кэйрлийн ихинши.
Цэ, эдук минийн
цизи бзээд'иши?
гүнээ турагчирэн.

Цэ, тар авахийнаа бцхантики гараддараа, хакинийн бийодуун тээвэрэн. Цэ, тэгээхэйн, нуцаны өвлийн хөгжлийн ишээлжүү. Авахийнаа тар ийрэн. Ваксажийн, отува илларын. Нуцанын илакеакан, далгаран. Цэ, нуцаны тогодуун үзүүлжүүлж бийн. Иллаке, мудуун иллектан. «Эдүүкжээр дулийн дунисээ авахийн өчин хэргийн шурал».

Ур бэйэ алааданы, ишүүрви цэнээни бакажеэ, цэнэхинэн. Ур ишүүтви цэнээни дилачаа нүйтүүтгийн цэнэд'эрэн. Тар байж цэнэхийн-кэшд'эрэн, айансад'аан. Айансад'аана умуйн тэжээни бийодуун дэргүүмжд'эрэн. Дэргүүмжийн-кэшд'эрэн, ур бэйж бимийн ишд'аан. Ишд'аракийн, ёкүн-ка турэн бихижэчийн дэлчүүрэл. Тар байж цомчунан бихий,

үргэский турэн бихиргэчин. Дүйн туксун ойолайн, йэбн туксун хэргидэлийн ёкүн-мал дэгдэрэ. Тар бэйэ дэлчэттакин, тар нэкүнин турэн бихин. Нэкүнин эргэчин турэнмэ икёнкэндирэн:

Дөвөдэреко!	Эмэкоёкбн, ихим.
Дөвөдэреко!	Си «тавар айанырив
Коддакчэн-акай,	ёмаа бугава иссанцав»,
доровою дэлдэкаал!	гүннэ, цэпэхинчэс?
Горо айанийд'акакүннин!	Горо, горо эмэд'энни!
Си эмэхицис илан бэра бдан.	Д'э, Коддакчэн-акай,
Тар айанийвас илан инэцүйдү	городий, дагалд поросай бицэн!

Тар тикэ гуяэкин, айнин тикулд'арац, нэкүнткйви туртчарен:

Кудергийэ!	Бэйэ бараксан,
Кудергийэ!	амаргут бкин-мал ичэмт,
Сипээ ии	сийдэвэс плянд'ауль!
«Эмэкал», — гуччб?	Ёкүндулэ цонопни?
Ёкүнма голбий, цэпнениш-бу?	Д'уви даганаха, мучукал-кэн!

Тар тикэн гүйгээкэн хуйёттэн. Д'э, тар бэйэ бимий д'улэви н'ян айанийд'арац. Нуцан д'улгидэн ёкүн-да эхин ичэвэрэ. Айанийд'аракин, умүн буга-бирава хитчэчбн. Хитчэрэкин, умүн бугава ёкүн-кай хэтэжнэн. Эр бэйэ тард ахаматтэн. Эр бэйэ бимий ахаран, ахаран тард. Тард боколток брац. Боколток брац, арай орон-абду бинэн. Д'э, тарицийн бимий умшэт хоголиксай, ишийн лавадахинча. Д'э, тар бэйэ бимий д'авалтак, д'авалтак цэнэчэ. Тар д'авалтак цэнэд'эрэкин, умүн д'улэ истал. Ампар-д'ү бичэ. Тар ихиксайгай, д'увна ячэксэ, аракүн цэнэчэ. Арай ичэнэл д'үн урикэдүн д'апкун халгачий сэлэмэ дэлжэн бид'эрэн. Тар дэлжэн ойодүн умүн ахайгай и'уриктэлви игдэлд'арац, мэнумэ игдивүүдийн мэцумя остоол ойодүн. Д'э, тар ичэрэкин, ахайгай игдивүүмий настомиаби камүйрац. И'уриктэлви осолжмо билатитви билаттарац. Матаава ичэрэн Ичэксэкбн, Нуцан д'улэви лрэн. Д'улэви имурэкин, бэйэ уркэлэн иллан. Улгумирэн:

Кударгийэ!	Горо дунисээ
Кударгий!	айанийсай, эмэм.
Ви агай-байгаа бихим.	Минэ авзтту
Горо бурагадук эмэм!	эмүүвийд'ицбэ?

Тикэн гүйгээ этэрэн бэйэ. Уркэдүн иллитчана, д'э, турэн бихин дэлдэй. Дэлчэттакин, тар ахайгай эргэчин гүппэ туртчарэн ббкантгийн:

Кёмөнин, кёмөнин!	Уркээ нийгэл;
Мата-байгаа эмэрэн.	д'улэвар ишнээл!

Тар н'экэксбэй, бэгэний ийрэн, Нарын, нуцанын ивчэн,
Тар ивүксэхэн, нуцанын малудувар тағынсан. Тар тээрэвий-
никсэхэр, нуцандукин улгүмйир:

Кёмонаик, кёмопий!	Ичнээндэй
Ема буда байж-матан?	дэлдэгийн-дэй
Гэрбийс циййэл?	улгучбэлж-вит!
Ейн ичэнин, дэлдити?	

Тарит нуцардүйтэй бэйэ улгучийнгээрэн:

Кудергийн!	Си-дэй ахайкин,
Кудергийн!	дүүчий ахайкин
Би эншигийн ачиг,	дэлдэгийн, ичнээнни
амийни ачиги н'ян.	улгучбэлж-кэн!
Ацаад'акийн-дэй	Си гарбийе циййэл —
эмүүкийн бөгөччав.	

Гупд'эрэн мата. Д'э, тикэн гүнэж, улгумийсэл, ахайкин бэйэвээ
дэлтийн тэгэксэхэн, улгучийнгээрэн:

Кёмопин, кёмопин!	Улгучийнгээтэ.
Би гэлтэр гэрбийвэв	Би гэрбийв —
сүлгэр сураккаас	Мэнүүкчэн-ахайкин
улгумирэхис,	бихим, — гүнэм.

Д'э, бэйэ, гэрбийн улгучийнэкин, сэрап. Мэнүүкчэн-ахайкин
амарин авахийдук ахактаны ахий бихин. Д'э, тар ахайкин нуцанд-
дүйн аяа д'эвгээвэ улжрэн, нуцан орон авдучий бичээ. Иландулай
эмэгэлжэн байтахун, дэрийдуулээ эмэгэлжэн вачаа бичээ. Тард
нуцандүйн улийсбэйл, туйччээ. Таридукин умьн кирбас судалч, ам-
имухсэдүкин н'ян умьн амцахийкта судлач. Тэдүк нуцан силэ-
дүкин умум умкэн дэвээп судлач. Д'э, тар этэгэсбэй, нуцан:
«Пахибэ», — гүнччэн. Бүгэдүкки эмэхинийдүккүүжээ д'энтэн.
Д'э, нуцандүйн н'экэжэсээ сэктэнгүймийн, пошонж хулгавийн бүчээ.
Нуцан ёндэлчээ. Эр бэйэ тэдүйн д'улзээшигээтий, дэргүүтийд.
Тар ёнцэксэнхэн, умьн тиманийд улгучийнгээрэн, дэлтики тэгэжэй:

Кудергийн!	Мэт умүнчдүй
Кудергийн!	умүнчнгийнт,
Горо дүүнэвээ	дүүрэй, би бимчээ?
эмэм, айнанын.	Си д'алдүэ-ка
Би ацаад'акийн	би бихиний?
умүүкийн бэйэ.	Сүслэхэй,
Би тирээжийн	«сүслэх», — гүнэм,
гэлээктэрэй, н'экайэрэй	Эхийн сүгээрэх бихийн,
бэйэ бихим.	айсан байжини
Сүгээрэхис,	цэвэрн ирснэд'ицээн!

Тар этэрэн турбчиксэ. Тар ахи н'ян турэтчорэн:

Кёмопинг, кёмопинг!	мийрдү энхин,
Си, мата, дулзин буда	Си ичнээнти аяцандуу
омогчийн, Кобдажэн-мата,	би кэхэсгийн
гүнэрэй турблын	ачинийнхийн,

айава бнавас
эчэв омцоро.
Си гуэрис-тэй

манду элакин.
Манду-дэйнами,
амнами-дэйнами.

Тарит нуцартин колбонитта. Д'үрй колбониксэйкэр, куруумн'авар бра. Үмүн оронмо вара. Ваксал, улэрэ. Дағадү бихилвэ гон-нэчэл. Нуцартин илаллава куруумма д'энчэл. Тадук аяат билчэл.

2. Кодакчен

Нонопти анцанийдү элэкс бира эйенчэд'эрэкин, элэкс чука балдид'аракин, д'ур куцакан, балдиксэй, балдичэл дулий дуннэдү. Эрэ бид'эрин бихимнэ, нуцантин бихйтн, йдук эмэнэвэр эхий сара: угу бутадук тикинэвэр эхий сара, дулий дуннэдү н'экэйнэвэр н'ун сара.

Ичэрэкин, адуларакин бихимнэ, таду утумэкэн-д'учий бичэх скүпдүк-та хэгднэ — эвгидэн, баргидэн эхий ичэврэ д'ур бичэ. Д'үкэсэйн бичэн: гэ бичэн бумурин бэйэ бичэн, боле. Бумурин бэйэ гэрбийн, ёма бэйэ, гундэй, Бэскэнд'арийнд'а бичэн, боле. Гэ бэйэ куцакан, сэ бэйэ Кийндэ моблок балдичэй Кодакчен-бүкатир бичэ.

Нуцартин бихиктн, илан д'эр анцаниймакту гэ нэкүүни бумурин хуклэд'эвий бичэ. «Бумурин хуклэд'эннэ», — тар ажиний бихиннэ, нуцанмэн улд'эвий, бичэ, бэйнэлбэ тикий ванэ арахинай. Иллэ-тэлэ н'экэйнэ, олус сэ бэйэ, энэхий бүкатир-бэйэ бичэн.

Тар н'экэксэ, «Кэ-нэ, горово адигэтэн анцаниймакту, — гүнисээ, — бутчэний?».

Эр бэйэ илан д'эр анцанийн дагамад'аран, бумучэн. Эр ажийн гүнйттэй:

— Тар илан д'эр анцаниймакту улбичим би шинэвэ. Эр тикин бумучинши.

— Бэйэл кэтэвэ ин'эттэ мишэвэ: «Эргэчийн бумучинши биси», — туннэл.

— Ертэ-ти ёнцэс бэлэтийн, — гүнйттэн, — илан анцаниймакту эхикис имла, бэйэ бда, тэлэй оговос ичэд'нэй!

Тар н'экэйэрэкин бичэ, бэйчэ. Эр бэйчэлэн, нуцан думайдаракин: «Энэй бутуину бэскэп бэйэ, бумуд'эрэй бэйэ. Он-мал н'экэксэй, иликсэйкэн бихий, цэнэктэй!», — түнэп. Эркэн миркиксэй, миркиксэй, миркиксэй, миркиксэй, д'уллэмэктүү култиридулай цэнэхинши, куралдан иссэй. Тар иксэйкэн бихий, тадук цэнээрэн.

Эргэчийн мөб, сома гуд'эй мөб бихип. Мотикиндүлэн сома бүдэви н'экэд'эчбий. Арай тар н'экэд'эрэкин, иргит-ко бкүшдүк-тэй гуд'эй аяа чивкочийн эмэксэйкэн, арай таду мөди хэрэдүү тэгэд'эрэн. Тар тэгэксэйкэн, арай турдчи бкэакан, турдчэрэн, икэд'эрэн (см. поты I):

Геруканы! Геруканы!
Эрийн эмийл шкд'эм!
Соб бэйэ эре
илан д'эр анцапиймактү
бумуркэн дж'асеякэн,
мөнгийн тэжээлдүү
буксэд'эрэй джакуяппи!
Идук тэжээнд улгучийн!
Геруканин! Геруканин!
Ачапд'ави ачад'акал!
Ви шиндүү-чин
белдэхэн бүд'яякэн!
Эхийг цэвэржэн
джаками-как эрэ-чу

айа джаками,
плакице-как,
сома дацаадү-ган
джүүшдүүк-та хэргдүү
дүүйн бид'иийн, гүнэм,
Таду, гүнэм, арахийн
тэтэе, тэтээ бид'иийн
бокатирин тэтээрийн,
арахийн, гүнэм
н'эхийнээс тэтээрийн,
мэргурийн, саламанд'ян
тэтээ н'ян бид'иийн.
Геруканин! Геруканин!
Амцаави ачад'акал! — гүнэм.

Тар н'эхэхбэй, эри амцаави аячалан, умуктакийнчи
тиччэй, бид'иийн. Тар тикчдэлдэг арай бэйэ умийт бэйэ джүүш-
дук-тэй айа соб бэйэ бдан. «Илчэ бихилн», — илжээжэн гүнийт-
эн, — «Миндү тикэн гүнчдэй-ивит таре чижэхчэн. Ви-ти цэнэктэ-
тарти д'улэскэ», — гүнээ, н'эхэнэн. Д'улэскэ цэнэксэ, д'у бихин
эри цинакин дийдукин хэргдэц кийл'учи. Тарэ тацэрдрэ тэнчэй.
Соб эндэхл бэйэ бчэ. Нуцан бимнэ н'эхэхсэма тэтлбү, саламэ
тэтлбү тэтвээ тэттэн — тэжэвүттэн, тарэ тэттэн — тэжинчуттон.
Эхилэ сб сойна тэти, бокатирин — хүхикйт тэтвээ тэтчбийнли.

Тар тэтжээжэн, «Тар иртий?», — гүнчээ, тар гиркужэй, тар
сб эргэчин н'ян д'у бид'иийн. «Талд цэвэжэл», — гүнчэй тар
чигвэйн. Талд цэвэйн бихин арай джүүшдүүк-тэй дунюоду д'у бичэн.
шинаад дийжэхүүниий кийл'ус бичэн. Тарэ тацэрроор тэнчэй бицэз-
рэн бичэн. Екундуук-тэй гуд'эй мурин плитчарын арай. Мийдуукээ
эмэгэлжэн, мийдуукжээ дэктлийжэн мурин арай. Уйнргит уйнгчизин
бичэй. Тарэ тацэрроор тэнчэй тар бокатир мийдууйин, тулисан ючэй.
Тар н'эхэхбэй, ойолби хэтээлд'ячн-дэ вирбас улзана тицэхжээ-
чжэй, калан ўлэхин кимшилжэйн. Д'эрту муриний бихин илан ишэц-
мэктү ишцамжийн н'бдадай муцичэй, иртихи-тартихи тайд'янэ, «бу-
катир буруд'ицэн», — гүнээ.

Бокатир умпэ-жэт эчийн бууро. Тикэн илан ишцимжлиху мун-
накэй, муцнажэй, иуцан бичэн ишитчэй. Мурин, илжээ, «Ко-
хилэ! — гүййттэн, — си хүчинь бид'ицбэстэй, ило эйччиний, из-
нээжэй!».

Нуцан хэтээжимуяжбийн болж, джүүшдүүк-та со бийэ ишэй.

Арай илан ишцимжлиху хүктүүкэй, д'улэин исса. Тар д'улэин
эмэхээжэн, муриний уйнгчэй. Уйнгээжэн бихин, иуцан, утсандула
эмэхээжэн, таду чистэ тэхничэй, тоғови ишача. («Все болелии за-
бросил», — добавил по-русски спаситель). Тоғови ишаксанын, тар
н'эхэд'эрэхин, ажиний-дэй эмэд'эрэн, сб бэйэ Нонд мөнгүж балжийн
Кобдакчэл-бокатир. Эмэхээжэн, иш'емуничийн горойогдуу. Иш'ему-
чжээжэн, иуцан гүнчийн:

— Д'э, тэд'эмэт ишкуйбжими байж оча, айа оча. Тоғов
д'эгдэд'эрэн, айат н'эхийнэдээр н'эхэржин, уруучо.

Тар н'экэксөкэн, д'улави ячэ. Нэкуйн хүнтукэй бэйэ бчэ.
Нэкуйдулэви «Дорово» гүнэ гүйттэн. Эхин-кэт ичэхинэ, ёкүн-
ма-кэт эхин турэтта.

— Он тард бдан? — тикэн гүнэй, тар ажийн нэкуйдууки
турэнэлийн түкүликсакан, гүнэ турэтчэрэн:

— Илан инээци эхикис бэйэ бда, он'овос бд'идэв!

Тадук түкүликсэ, тар бэйэ хэтэкэнчэ. Хэтэкэнхэсэйн, мурин-
дулэви цэнэчэй. Муриндулэви эмэксөкэн, хуктывчэ муринд'и сб.

— Д'э, — ажийн гүйттэн, — хо! Таваргачин бэйэ! Си ахун
городо — н'экэйдэхийн! бэйэ, бикэхүнд'янни сикэхүн!

Эр ажийн цэнэчэй, цэнэчэй цэнэчэй.

Арай цэнэд'эрэкин, эргэчин мбр'анд'алд' иссэй. Тар мбр'анд'алд'
ихиксакан, арай муриний илчэ. Муриний тикэн гүнэн, икэд'энэ
(см. ноты 2):

Лэргэк! Лэргэк! Лэргэк!
Лэргэнкен хөвүй!
эркэй эшилэй икэхэл-гү!
илан д'эр ашанайайду
бсекд'ача, бумурик бичэ.
Бэсэнд'аринда, дблчэткал
ажийни турэнмэй!
Элиз-ке дблдира-цаа,
энэ-ка ханнүүчара,
эмэхкүтчэ тар ажийни,
айат турэттэкин.
Кэц гүним би,
эргийн ичэхинзин,
үрийн ичэхийнэжэл!
Эркэй үрийн ичэрэкин,
эргийн ичэхинцэжэл!
Ёкүндук-тэ сб бэйэ,
ёкүндук-та аяа бэйэ.

И'үүдэдүкин энэжэл гүнчэндэви
элкэй дблчэткал!
Мбра-эн'эйд'увэр
хэтэхэнд'ицэв-чү.
Таду сомат маннуд'ала,
мурин салдуукин д'авасэхэв,
айамат тикард'акал!
Эркэй мбралд' ихиксэй,
хэтэхэнд'ицэв-чү
баргийдала иссаракит,
дэгийн ида бид'энэй.
Таду-ка, гүнэм
дэгийн халганд'иви илмакив,
тэгэе айаканд'и н'экэйд'ицэв.
Д'ур халганд'иви түмий-чү
Мобра бударийн эн'эйдүлэх тикчэндт!
Соли малинууд'акал! — гүнчэй.

Тар-хилэ мбралд хэтэхэнд'ечэн бола. Хэтэхэнниксэ, «Дэг-
кэл-дб, дэгкэл-дб», — ёкүндук-тэ химэйт дэгд'ечэн. Эр бэйэн
бихимиэ сомат тикэн тикэрбчэй, аран-аран эхин буурэ. Сомат
дэгрэн-дб, дэгрэн. Тайл дэгийн ида бичэн, дэгийн халганд'иви
хэтэхэн. Дэгийн халганд'иви түрэн, тэттиктэрэн. Д'ур халганд'иви
түкэсэ, мбралд тикчэ. Халганд'иви гиркуйткүнд'аран элбэнд'э.

Арай тар н'экэд'эрэкин, арай со бэйэ Кбдакчэн иргит эмэх-
сийн, тар мбралд тикчэрэкин, дэгийнчайн цэлэлтийн уййский н'бдэ-
хинши. Тар уййский н'бдэнаал, нуцан таду душнэлд тикчэн, морил-
кан бэйэ.

Умийт бүкэс, таргачин сб бэйэ цалладуви тумнчай, тарйт-кан
цаллатни бүнгэхб-дб, нонопи би биччтии таргачийкай аяа оча.

— Кэхилд, — тикэн гүнэ улгучийнд'эрэй ханичай нэкуйн-
дууки: — Би синдү н'уцийктэ, — гүйттэн, — горо бугалд цэнэ-
д'ицэш, наадал дэгүн наадарахан балдигэс, истэ бугалд цэнэжэл, —
гүйттэн, дэгачай н'укусанткийн црижэж!

Д'эр (<д'эр эр) бэйэ түкэн икэд'эчэн. Тар акиний нуцантикин икэд'эчэн пэкүндүви шиғерүд'эрэн, түкэн туниа, икэд'эрэн (см. поты IIa):

Гэцде, гэцдеронин!
Геңде, геңдеропии!
Сөнни бэйзэлд'э,
Эркэн Бэсжид'арилд'а,
ицээрэй хинкэ-гэчэ,
долчэткал-гү!
Эркэй пацарайсан
Дэжү-дэгил умүксал
истэ бургалатин исчайас.
Эркэй ёма бэйэ бихий-цу
ицүндүк-тэй байсан
этirkэн бид'ицэн,
байсан этirkэн-иу
умүн хунад'иг бид'ицэн,
умүл омолгайч бид'ицэн.
Тар д'улан энэ иста
д'ур километри илаксакан,
ёкүндүк-тэй хэгдийн
Аллук-мбид'а бид'ицэн.
Айа тэрэл-иу,
эзэнхийл-байзэл-гу
хулгад'акийчийн
мб бид'ицэн.
Эмэксэл, иицүвкэл
мөнцүлтия бид'ицэн.
Тар мбва илаксакан,
айакэн гаралбан-иу
хокормийгда тэлписэ,
эгдийг тоғонд'овий
илаксакан-гу,
айакэн абдулбатын,
орорботын-иу, гүнэм,
силантын ашиглан!
Айа бэйэ авчиджайчунмай,
уха бэйэ коколлоджийнпмай
точормийгда, улшавотин
тэнэ, д'эзүүнэд'эхэн!
Тар-ка амаргут ирд'иу илакс,
ицэйд'эрэхис,
ицэйд'эн-этirkэн
ёкүндүк-тэй байсан бид'ицэн
умүн омолгайч-хутэн бид'ицэн.
Тар-ка эмэксэл-иу,
«Ёма буғадук тбкуд, эмэкс,
ёма дундэдук,
элкеху хулгад'акйт мөлба
бутунну сүкчаксакан,
д'эвд'эрэн», — гүншэхэн,
эркэй этirkэнцүлб
эмэвд'эцэл-кэгү
таркай эшийлэй
тар этirkэн хутэн,
«Д'эви», — гүннэ унд'эцэн,

ицэхийл ичхийн-кэт,
ицэхийл ит'емуна-до.
Синэ-ко «горо буғадук
эмэчэ бэйэ бихини
д'уланы црикэл», —
гүннэ, эрд'эхийн.
Оркай амьнан-ду
ицэхийл ичхийн-кэт,
ицэхийл нуцантикин
ит'емунийд'эрэн-гу.
Таршия орхижсан,
«Эрд' амьндуував
цэнэд'ицэт», — гүнд'он.
Тар-ка амьнлия гүнноми:
«Бэхжимтэй, эр-ка
Хоролц'он бөкэхти
тигүйнжийн, бид'ицэн.
Горо буғадук
айал бөкэхирил-гу,
эмэноватийн хөвийнчил-гу».
Ко, тикид Хоролц'он-иу
оштодуулээ энэ шинэ,
идаагад'аадн», — гүнн.
Тэдүк хувьтни уүрээн.
Хунд'игийн айа татгийн
тэтчинхийн, хадг'атна,
хадг'атна-гу, д'эхирэн.
Айа турэнд'иви: «Ор-ка,
увасий-ген ичхийнэ!

Д'уланы промод'ицэн», —
гүннэ-гу, эрд'эхэн.
Таду энэхүү-кэн
ичхийд'эрэн-гу,
тар-ка эрхийн-кэт:
«Ухээд амьндуував цэнэд'ицэт!».
Ко-ло, — гүнн, — таду
амьнед'ами, ит'ийн
этирен, эмэксакан,
«Илэцэнэгээ?

Дорумийнгэл», — гүнд'эрэн.
Таду эрхэнээ дээдэр
Таду-кир хоргу дунна
бөкэхиринд'а-ицхийнгээн,
хоргу дуннодук Салжунд'э,
эмэксакан, тар ахтиакама
ицэд'эрэн-гу.
Таду илан д'энгэжсан
укеукийд'амийн ожинсан,
тар-ка ахтиакама энэээз
ицхийнадуви тээврийнгээн.
Тар илансал гүнд'эрэн:
«Тар-би Аллуяма мөдүн
тэрэтиори од'ю, бид'ицэн-гу.

тэрэг гиргийэвэл чаварихийг, — авахийдүү мэтэвд'эцээн. Эркэй тэд'эмэгти, дагалыг илкэй бдук-тб-чан сурдэ бокатир бил'ицэн. Иргийг ш-дэг этгэний вара, иргийг ш-дэг этгэний калутта. Эркэй, мэваниш дацаан д'ур эргэчин д'улакин улиячий бил'ицэн-эркэй. Эр-ке мөнхтэр будээр ивааццичий бил'ицэн. Эшила синэн-шинээвээ дэлгатни, дэгдэнэ, чаварихийг айн эшилэ, никимладуу тэгэврэнд'эцээн. Таду тэгэгчэн,

бхалбайн-ку бутунуу, олигнаанын ичэрэ, тумийн-ту, турттуу, д'аргад'ана цэпэцнээн! Таду тикуликсакай, умүн бугадук эмэксэн, иргийэдук хайд'ицэн. «Иргийэдук мицэвэ тумийши? Ка, вакал!», — гүннэ тэгэд'энэн. «Кээ», — гүннэ, эргэн тэгэксэн, Сэлтмэнд'эмийнэ, бэйэ бксэ, тэгэд'эрэн-кэгэл! Таду си гундэви: «Эхйткүйн эмэд'эцэв», — гүннэ нуцандукин тусад'ицэс, бил'ицэн. Таду бил'ицэн.

Эр бэйэ бичэн муриндүүн учкалочий эрийн-дэг цэпэд'эчэн. Горо бдан — цэнэви эчэ сэрэ, дага бдан — эчэ сэрэ. Тамнакса додоун цэнэвкэйд'эцээн. Дэргивкэнисэ, дэргивкэнисэ, сб бэйэ адикатан аицанимакту дэргиксэн, дэргиксэн, ажчан. Екүндук-тэй байсан бэйэ, ёкүндук-тэй этгээндүүлэх иссана, эр ихихсакан, нуцан дэптэкий ичехийн бихин. Таду-дэг ёкүндук-тэй мончай илитчаран. «Акийми, — гүнэн, — тар тэд'ви улгучэнэ». Тар мблэ илхисакан, муриими тинчэн. Иссакан бцми, мблви урьскэй түктисэ, бутунуу гаралбатын хокогорон. Хокогоксб, сб отувитогово иларан. Д'э, самай айаргү орорботи д'авана, д'авана, силатна, д'эвд'эвки бичан.

Арай тар д'эвд'эрэкин, умүн Оролд'ин-бокап, эмэксэн, ичээч. «Эриндүкин тбокун, эмэксэн, ёма бугадук эмэксэн, эр тикэн н'экэд'эши?», — гүннэ, тикуликсэ, д'аргавки нуцанмэн.

Нуцанмэн эвки ичехийн, тар бэйэ д'эвд'эвки. Нуцандулан нэнэрэн тар этгээндүүлэх, байсан этгээндүүлэх. Тар цэнэксэн, «Тбокун, эмэксэн, бутунуу мбва суксача, орорбо айаргүрба вачай. Екүндук-тэй уха бэйэ эмэчэ!», — гүннэ этгээндүүлэх цэнэчэдэ. Этгээл, тикуликсэ, «Арахипай бугалдук эмэчэ букаатир хөнив-кэненни, бил'ицэн!». Тадук иктэжчэрэн мбт.

Тиматиэн, тимийнин хутэни, д'э, учиттан. Хутэви уциксэн, «Ичэнэкэл, — гүниттэн, — ёкүнма тар улгучэнд'эрэн. Тар бэйэ акийни бихин». Тар хутэви уциэн. Нуцан цэнэчэн. Тар ёкүн бэйэн, эмэксэн, арай ичэнэн — бэйэ ёкүндук-тэй айамама мбва бутушу хокогчай, орорботи д'эбд'эрэн. Тикэн гүниттэн:

Дицде, дицде! Дицдеронин!
Дицде, дицде! Дицдеропин!
Эркэй осилэй-гацаан,
Горо бугайцайлбай
бүккатризтил-пу,
айал сагдил байж
итчачийл байж,
эркэй эмэд'эжэй!

И'үцэйб-этгэйб
сицэвээрэй-ицу!
«Эркэй, д'улайну эмэксэн,
дэргүмийнж-ту», — гүннэ эрдэрэн.
Эркэй ёма бугайалдук
эмакбэцүцэ-гүй! —
эркэй эйлэ-кэжэн гүннэ.

Тар бэйэ эчэ ичэхинэ-кэт, бра-кэт. Д'эбд'эчбн, д'эбд'эвки. Тар нуцамэн ухэрэн эрйтчэмл. Кайатийн эрийд'эцбн? Амийцулэвз иэнэчээ тар бэйэ. Цэнэксэхэн, гуниш: «Он и'экчэн ёкундуку-тэ бүкатир бэйэ, — гүнийтэн, — мөлба бутуши хокогчай, орорбо бутуши д'эбд'эрэн».

Этиркэн сомат мэргэхинч: «Он эчэ эмэрэ тар бэйэ? — гуниш нуцамэн — мундулэ ирамэцэт! Хутэ, си-цэн цэнэхэл!». Хунатийн учиттэн. Хунат тэтүүксэхэн, айа тэтүүлби күктээ, ёкун-ка тэтүүн тэтүүкчээ. Хунад'ин сомат халд'ачийн бичээ. Эмсэг цэнэрэ и'экеттэн. Н'ян пэлэттэн, «Аминми турбд'ицбн», — гуниш.

Д'э, нэлийт тэтүүксэхэн, бүкатирдула дағамад'ачай. Дагамаксакан. Сомат халд'атна, арай ичэнэн — бокатриинчанак тар орорботил д'эбд'анкай, силатчайкай, силатчапкай. Эхилэ эмэксэхэн, дағамараан. Дагамаксакан, эркэн халд'атна, халд'атна, турбтчэрэн икбд'энэ:

Кёдай-кани! Кёдай-
кани!
Эрикбэн эхилэ
горо буга мэнницүлтийн,
горо буга чидэрдэлтийн
и'уцийн-кэн этиркбн-э
минэ-цу амийми улзэн.
Горо бугадук эмэсэй,

д'эмүүлж бид'эцэн-кэн.
Н'амахийгал д'үйнлавуу,
эмэксэхэн, дэрүмжийгал
Бма-кайна бугайлдуу
гиркүд'арийн бэйен бихис?
Он, гувд'окел эхилэй? —
ахайн эхийн гүнэн.

Тар бокатир-бэйэ эвки ичэхинэ-кэт, ичэхинидэви эйччиттэн. «Акинми турбтнэвэн алгахаракив, уха бид'эцбн», — гуниш, эчэ ичэхина. Сома иш'эмүүнчэндэви и'экеттэн. «Акинми бил гүнчэн, таргачайкай бил экэ тэ ичэхинэ», — гуниш. Тар хунат ухажсээ эрйтмий, ухажсээ эрйтмий, аран энэ соодоро, д'үлэвни мучуран. Д'үлэвни муучусакан, «Арай эхин ичэхинэ-кэт, бра-кэт, ёкун бэйэн, болга!».

Тадук гуниш и'экчэн этиркэн: «Би мэлми цэнэхтээ, эрийд'эцбн!».

«Н'й-кэт эмэрэкин, эдбви эмэрэ, эдбви пуцарбати ичэхинэ», — ажинми гунишвэйн д'бнан.

Н'уцэйэн-этиркэн, тэтүүлби тэтүүксэхэн, цэнэрэн бүкатиртай. Эмжса, д'э, арай ичэрэн — бутуши мөнцилбай хокогчай, тоогоно илакээ, д'эбд'эрэн орорботил. Горойдук ширээрэ, нуцамэн туниттан:

— Кэ, ирамэхэн, — гүнлэ, икбд'эчбн, тикэн турбтчэрэн!... Горо бугадук эмечэс. Дэрүмжийгал мундулай!

Үтэррэн, уүтэррэн, тикээ эрйтчими нуцамэн. Эрикса, эрикса, эчэ нуцамэн кейша. Этиркэн д'үлэвни цэнэхэлкүттэн.

Д'үлэйн цэнэхэлэн, бимэлчүкссэхэн, шиги шигиди вялчинчийн, арай дунинэцци бутуши курбулчай бичэн. Арай хэргүү дунинэцдук авахийн д'ээрэн ишэйт эмечэй. Эмжссэхэн, д'э, умнэжкомо дунинэвэл лэнүүрэгээр ийүүжнэн адий-ка огухичи бичэн, болэ сиргачи бичэн. Сиргадүли тэгэксэй, умён халгачи, ёхани андукки хойодуйн умжя ёхачий. Ёкундуку-тэ сурдахийн. Сэлэмо тэтийн иргит-ти бэйэ эхин кейшия нуцамэн — бутуши охижталан илээ. Ёкундуку-тэ

бэйэ эхин кэйяа эр авахинд'а эмэчэ. Тар авахинд'а гүнийтэн
городойодук. Тікэн турэтнэйэ эмэчэ, гүниэ икбд'эчэ боле:

Денде! Денде! Дендербний!
Денде! Денде! Дендербний!
Үгбайан-этгэрийн бил'экэн эшйлэ!
Дэнде! Дунд! Дендербний!
Айан ашигва зүйн илчаралкан
Н'үрд'ак-хунаатнаа би гад'ам.
Айа тэтийби тэтилд'экэл!
Цэлэхинпэрдүй бэлэннэекел!
Айакан д'элгүйдэй бэлэннэекел!
Турдими гүнкэрий

эд'элгийн илтэнэ-түү
хунаатны бүд'экэл, этгээн?
(Бүд'эн-шүү этгээн?)
Эхис бүрэ, буравас суксад'ицэв!
Дунинэвэс бутынку ачийнйд'ацэв!
Денде! Денде! Дендербний!
Би турдими гүрийн эд'элгийн илтэнэ,
химат ашткаймаа бэлэннэд'экэл! —
гүнд'эрдэга.

Этгээн бихин он н'экэд'энэн? Сононо, сононо хутэви тэтэвэн
тэтэвүкссэнэн, хупатни авахидүй цаладуй бүд'этэн. Эр авахинд'а:
«Химат ийда цэнэмий эр бугадук!», — хуниллэчэ, хуниллэчэ, бур-
гинэчэ илан дилилкэн уксукийткай оча. Тар уксукийтсанак бнадүй
бихин тар хунаатнаа н'икимнадүүви тэгэвкэнчэ. Н'икимнадүүви
тэгэвкэнниксэн, д'э, дэгийлд'эчэн. Бугатки цэнэхинчэ тар ава-
хинд'а. Тар дэгд'эрэкин, тар ахий тікэн гүннэ икбд'эчэн
(см. ноты III):

Дөвөдэрекэй! Дөвөдэрекэй!
Сэлэлүнд'э авахинд'а,
минэво дэлчлэгчакэл!
Дөвөдэрекэй! Дөвөдэрекэй!
Эр-ке мит дэгд'эрэкин,
бкүндүк-тэхэгднэ мб бил'ицэн
Тэдүнкар эр бэйэ, тогово илчарай,

орорбо д'элчэрэй бэйэ бил'ицэн.
Сагадукин д'авахсакайн,
Дөвөдэрекэй! Дөвөдэрекэй!
Н'икимнадүүви н'бдадави!
Дөвөдэрекэй! Дөвөдэрекэй!
Сб бэйэ бил'ицэн, — гүйттэл.

— Тара, багас, — гүнийтэн, — никимнадүүви нэд'ицэн!
Арай тар авахинд'а дэгд'эрэн мотикиндүп ббкатиркэн би-
д'эрэн. Цаматни саварийсакайн, н'икимнадүүви тэгэвкэнчэ тар
ббкатирба. Д'э, эр ббкатир бихипиэ, тар цэнэд'энэ, тікэн д'ар-
гад'аники бичэн, турэд'элжий бичэн:

Авахий-бэйэ, бкни айа ахийва гачас?
Си, авахи, минэво хэргүү бурагий эхээд'энин,
Си эргэчийн-таргачий бихинли!

Ехалбай тумшид'апкий, тумшид'апкий боле, элжилэпин ичэрэ.
Айа авахицэйт сбмат тікүлчай:

— Иргид'и-кэ кэййимцаа, си, багас, миницэчийн эргэчийн ббка-
тирва. Ви эхиткай ицамаа бэйэ-д'оло бкса, тэгэд'ицэн! Иргид'ийн
наажад'ицэн, ёд'ицэн? Кэ-се, бкүнд'и гидалад'ицэн?

Авахинд'а, тікүлжай, дуншидүү тэгэхэйкэн, д'оло-бэйэ бчэн.
«Ур ажинми мэтэвчийн ббла: «д'э, эхиткэн эмэд'эцэн».

Тар туксарийн тарткай, арай таду ажийн илчаран. Сб бэйэ
Кончэ мбдук балдчийн Кбдакчийн илчаран. Арай нуцан эргэчийн-
таргачийн ичэдэлжийн, сэлэмэ гидави гакса, нуцандулан
туксад'аран. «Нуцан сэрий минэ нэрийн». Авахицэйт цэлчлэй.

— Ҳи эхин сәрә, — гүннэ, — синэвэ. Эргэчин илкүнми ичэдэвэн ичэдэлэхсэй, сэлэмэ гидатни минэвэ вадави и'акзани! Минэвэ экэл вара! Би синдү айава бд'ицай. Ема-дэй буғалай цэнэксэй, бэлтгэчэн!

Д'э, гүннэ, и'акчёв! Арай сэй Қобдакчан-бокатир гүннэ икэд'эрэн:

Гэц, гээрбнин! Гэц, гээрбнин!
Эркэй Сэлэнд'эмийэ-бокатир,
авахилд'амийя, дөлчэткэл!
Соңан бэйэ Салмургунд'эмийэ,
бикэн искүйэлбийг
буғалай эксэксэкэн,

бкүлма-кат аза илэчэрэ,
таргачийн-ка буғалай эксэксэн!
Тэйй би ишнээнэ этэм вара.
Би турбинэв дбичэткал!
«Айаканд'и эксэч бихикис,
этэм варэ», — гүнд'эчийн акийн.

Тар эхилэ гүнчлэхийн бихи авахинд'а цэллэхкүйтэй бола.

— Д'э, илэхэвчийн эксэвкэнэхис, эксэд'ицэв, этэм нуцамэн илэчэрэ-кэт, ёра-кэт, — гүнд'эчэн.

Тар иэнүүмэн авахи бугаткэй эксэд'эхинэн. Тар буғалай эксэксэкэн, тар айаканд'и ихивкэнэйч бичэн. Нуцамэн тэдү эмбениксэй, авахи хунту буғалай цэнэчэн.

Қобдакчан бокатир, д'э, ёма-дэй городук горо буғалай цэнэд'эчэн. Түргимэн и'акзэвийн бэйэ, мурин-кэт, бкүн-кэт ийдайа ачийн, сэлэмэ тийэвүүкэйч бичэн. Горово-до цэнэдэхви цэнэрэй бэйэ эркэн цэнэд'эх-дэгэ ёкүндүк-тэй сэй бэйэ бихин.

Умнэт тигда тигдактэрэн, бокта боктарал, бкүрдүк-тэй сурдак бэйэ цэнэрдэгэ нуцан. Он цэнэрйн бэйэ куктын дбидэвки — игмийэн. «Екүн, иргит эргэчийн букатир-бэйэ цэнэд'эрэн?», — гүннэ, тикэн адулэвийн бичэн. Үнэкин дуннэвэ эрчэмжктүүн, доното дуннэвэ хэндэнмэктүүн түксад'ачай бола. Эркэн-дэй түксад'ача түксаача, түксаача, горово түксад'ачай, ад-кэт аицанимакту түксаад'ачай, түксаача. Д'эптилэн-кэт манаачай, тэттийн-кэт бутууну манаачай. Нуцан, д'э, эркэн цэнэд'эрэн. Эркэн цэнэксэй, цэнэжэй бутууну бэйэдүк-кэт, ёкүндүк-кэт ухачи бчай бола. Соммат арай цэнэксэй, тэттийн ачийн бчай, д'эмүүлийн, будэвий и'акд'эрэн. Арай цэнэд'эчэн, цэнэксб, цэнэксб, цэнэксб эзэхин ачийн браан.

Арай ичэнэн — умий д'үүчнаак бихин. Эр бэйэ бихинэ ихилэ тарй ихиксэй, урковетийн чоцкед'ачай, д'үтии бутууну симгиллийнин. Арай тар и'акд'эрэкин, ёкүндүк-тэй хэгдцийн букатир-ахайсан бэйэвэ адулэчай биси. Нуцамэн «Д'э, сэй эргэчин бэйэ, ёма буғадук эмэнни? Сурдак бино, экэл иро би д'улайв!», — гүннэ и'актэтэн, эчэн явра.

Он и'акд'эчэн букусад'энэ, букусад'энэ, и'ан д'улэсийн цэнэхинэн. Тар цэнэд'эрэкин, и'ан хэгдцийн д'үүчнаак бдан. Тар д'улай ихиксэйн арай нуцан: «Ивкэл д'улай», — гүннэ, чоцкеврап. Тэдүк-кэт хэгдцийн ахайсан тикийн бөгөдийн даралжэй, бкүн-дүк-тэй сурдак ахайсан: «Эргэчин уха бэйэ, эмжилжбай, бу д'улдулайвуй таакнэрэн! Цэнэксэн! Нээнэксэн!», — гүннэ.

Он н'экэд'эчэн? Аран эчэ сонокобуна. Тар бэйэ н'ан-дат цэнерэн. Цэниексэ, цэвэксэ, цэнэксэ, арай умён д'улай истан. Бултак, бултак эриксэгдэй истан. Арай тар в'экэд'эрэкии, уркэвэтии аран-аран истан. Дағамақсакан, чөцкинан бихимэ. Екүндук-тэ, ёкундук-тэ хэгднэх ахакан уркэви ийчэн. Уркэви нийксэ, ив'емуя-чэксэхэн джээ, «Эргэчий горо бугадук цэнэд'эрэ, агий-бэйэ, авэнкий бэйэлтийн бурийтгийн, тикэн бданни? — гуниэ н'экэчэн; — Нэ, д'улайн ийтэ!, — гуниэ, андуй цаладукии д'аваксакан, д'улайи аран-аран иврэн.

Эр д'э бихин, д'э бургийчэчэн боле. Уллид'эчэн ёкундук-тэ тағаний. Айа бэйэ биксакан, д'эптилэй д'эвуксэнэн, хунтукэкий бдан, ионоптива ичэдэлбэй ичэдэчий бдан. Арай тар н'экэд'эрэкии, ур ахакан тикэн гуниэ улгучэнд'эчэн эре (см. ноты IV):

Кимэ, кимэку!	Сурдак авахинд'амийа
Кимэ, кимаку!	Кима, кимаку!
Эр ёкун эшилэ,	эзэх эмэксэхэн,
Ёкун бинэн-иу?	минэвэ эксэдбий ш'экэрэн!
Мойадук балдича	Кима, кимаку!
Кбдакчэн-сониц	Таравэ би н'экэд'эшэс?
Кёму, кимаку!	Кима кимаку!
Эр-кэ горо бугайадук	Ёкүндук-тэ сурдакмийа!
эмэксэ, эрэйдэнксэ,	Кима, кемаку!
ш'экэйд'эхбүүнли!	Тоготдо эриксэлжэн,
Кима, кимаку!	тогокинд'о авахинд'а
Кима, кимаку!	эмэд'эрэн, — гүнэм.
Эркээл сатару	Эсийлэ сб бэйэ бимий,
Кима, кимаку!	тулуйд'ияас, — гүнийтэн.

Эр ахакан тикэн гүнийнэнд'эчэн, гуниэ:

— Д'э, — тар гүнийтэн, — он н'экэд'эцэс?

— Эмэрэкин, кухымкэнд'энэт! Ни кэйчэ-бэйэ д'алуучий бд'ицэн?

Д'э, тар бихин, илан инэцимэктү илтэнчэлэн, хэргү дуннас бутунну курбуликсэнэн, ётийн, ёкундук-тэ иб биксакан, хэргү дуннэдук эрэйдүүк икэн эмэд'эрэн. Тикэн гуниэ, туртчэрэн (см. ноты V):

Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!	Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!
Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!	Айа ашлакай Шёнак-ка,
Сэлэмэнд'э агуулд'ави,	Буялабэр эксэд'энэт!
сбмат машлуд'акаллу!	Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!
Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!	Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!
Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!	Би-гээ-бэйэ цагинд'эмий
Хэргүйд дуннэдуклануэрэгэр,	горо бугала идүрэн.
дулии дуннэлэ исчэцэйт!	Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!
Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!	Гүцэр! Гүцэр! Гүцэр!

«Сот химат», — гуниэ, абдулви илбэд'эчэн. Арай тар н'экэд'эрэкии тар бүкатир бихимна бэлэннэд'эчэн. Бэлэннекобж, бүкатирчийн тэтгээ тэтгэви тэтгээн. Бэлэннэд'энэ, со бэйэ Кбдэ мбдук балдича Кбдакчэн-бүкатир дэптэй гиркуд'ачан. Эр дэптэй

тиркүксәкән, авахинчанак, хәргү дуниәдүк йүкесәкән, арай ичәнән дәптикй ёкүндүк-тә хәгді ббатрийчанак илитчаран. Д'э, эр авахи тиңи гүнән: «Коңсо бәй!».

Көндө мәдүк балдічә бәйә Нәдәкчәп бүкатир, гүниш турғын чөрән:

Геде, гәдерәпши!
Авахинд'а ббкатрийд'а,
емай бугайлә айяпәд'аппи?
Әркәй улгүрд'екәл!
Тикел иопоти инәйдү
доровою д'авад'акал!
Әр-кә би-дән бәйә

Сиизәвә бакалыздайыт
әйбчим, — тикан гүнәм.
Дулип дуниш ббкатрийд'а
одиң-бәйә Нәдәкчәп бихим.
Си-цип әма гәрбаликән,
араҳинд'а атаманий әданиш?
Әркәй улгүчәкәл! — гүништән.

— О-о! Би сә бәйә бихим, Сөләргүшд'э, тоғово әркесәлкән, Тогондор-ббкатир бихим, — гүништән, — би эсей эмәд'эм, Сиекак-ахачай ахйа гамнак.

— Си эхинни гада тар ахйа! Иопон улгүчәмәткәт! На әңәхү бәйә этән кейіксә, гад'ацән!

Нұцартын эхилә ахакән турәпдүк тикулмәчихсәкәр, д'э, мәмәривэр колтуматчачатын бблә. Колтуматчәріл шұцартын бәйәләнән-тана сурдакил бәйәл, ёкүндүк-тапи сблә бәйәл. Авахинд'а Сәләмәнд'э тетиңд'ә ёкүндүк-тә эхй әделләттә. Эркән томтор-дунинәзә оңкучакицчатын, оңкучак-дунинәзә тәдкәәчәтіп, ёкүндүк-тә эхй тағавра, серилә исчарыйгачын күхийд'әчәтіп. Д'үр ббкатир би-иәл күхимнәдүтін бихимнә ёкүндүк-тә сурдак уғү буғадук тәд'әмәтті тігдеңчән, ббкта ббктачән, арахинай бәйүцилтін, чука эчән балдіра, балдгрй күцакән эчән балдіра. Цүнәңдити бутиннү суксадаңзэр ш'әкәрә, ёкүндүк-тә сурдакит хавахинчайтын. Нұцартын бинәл күхийчәл. Эр күхихсәл, күхихсәл, күхихсәл, шұцартын, д'э, авахи бимиз эхин кеййа, шұцан ббкатир тури-дәсін кеййа. Тәрәпкәкү күхихсәл, күхихсәл, дтәмәләнү күхид'әл. Д'э, шұцартын күхийд'әрдокторо.

Д'э, умпәкән сә бәйә бичән тиңи гүнәләрдоро турғынчорен сә бәйә Нәдәкчәп бүкатир:

Гүңәр! Гүңәр! Гүңәрәпши!
Әркәй Тогондор-ббкатир,
авахинд'а дәлчатақал!
Горо бугалә цәнәғәт мит-ко?
Дүпнәлбә ағтә суксара,
бәйәлбә ағтә әрдәрә!
әркәй ббкатрий-ка
кухийкіл дуниәләттіп ңүләрә!
Тар-кай сәләмәмбета бид'иңәп.
Д'улакин бәйә-гу

охил утанды илитчары.
Тәдү тогорочан-цу
д'әңдәрд'әрі моста бид'иңәп,
Әркәй мірія-зини дағадуи,
тәлә сурукеңсін,
авсү-чу кейд'аң-киғу?
Си-цип-цу кебид'аң-иңас,
би-чу кейд'аң-иң?
Әләкени-чу, шынни ичин-дү?

Гүниәнән думайдан, эчблә гүништә.

— Хол — авахи гүништән, — тәләй-дә цәнәрәт, дағани! На кейчә бәйә, сә бәйә бд'иңәп.

Эр бэйэ цэпүү дэги бксакан, ёкундук-тā сб дэгий хэгдгээ дэгипчэн. Гё илан дилжкэн уксукийчэнэк бксай, шуцартин дэгилчтэн тар бугаткай. Эр дэгиксэл, дэгиксэл, дэгиксэл, эр д'ур дэктэлэлдук тогогочийн д'анучан. Сб бэйэ Кодакчэн букастэр ёкундук-тā химэт дэгдэчэн. Арай д'э, химэт дэгдэнэ, арай авахийчин эмдэгчүүч.

Мбра мбсталан иссал. Таду илд'ара. Идук-ка д'ур сэлиппма гаксакан, гарандаран. Д'ур мурин бксакан, мбра итчилийн цэниэчэ. Пахибачан шуцандун, алатчиран. Авахичанак амарийксакан, эмечээ-дэ. Амарийксакан эмэксэ, авахи сэлэмэ тэтиксэвэн, таргачикакуй оча. Сб бэйэ Кодакчэн бихин дэлтикай иликсакан, нуцан бихимнэ, нуцартин д'авалдичатин. Д'авалдиксэл, кухимэл-туксакан, авахий гүнэн:

— Д'э, илан авцанимактү би шинэвэ гарандакта! Сб бэйэ бими, тулуйд'эдэс, уха бэйэ бими, моралы тикчээс, — гунд'эрэн авахий.

Ур бокатир угийррэн, бокатир. Тикээ илан долбоийлкан инээдильбэ таидуттан, гаравуттан. Эчэ кэйяа, гарандара.

— Д'э, — гунйттэн Кодакчэн, — кэхилэ, би н'ай синэвэ гарандакта!

— Д'э, си тулэймий, тулэйд'ицэс. Тали ичэд'ицэт! — гупиксэ, тэпкэхинд'эчэ бокатирчанэк сб бэйэ Кодакчэн. Илан инээдимектүви угийскэки угийржсэкэн бимнэ, бокатиринд'а тэпкэчэ. Ир-кэ илтэн илан инээдимектү гаравучийксэ, гаравучийксэ, умнэ-кэмэ мбра дблайн д'эгдэд'эрэй тоғолб ибдэч.

Эр-кэ бугаткай цэнэд'энэ, авахий тикэн гүннэ, икэд'эвкий.

— Уркэн-куцакан элэкэс улукайкэнд'и эвийд'эрэкин, хуниаткэн кийтижийн гирд'аракин, ирэмэнд'ицэв би синдуулэ!

Хэргү бугаткай соопо, соопо тикчээш боле.

Д'э, эр бэйэ сб бэйэ Кодакчэн хүшиллэчэн, бургицичэн, цэпүү дэри бксакан, амаскай д'улайи дэгдэчэн. Эр д'улайи дэгиксакан, Сэекак-ахакан дулийн дуннэлэ эмэксекэн бихий, таду дэрүмжитчээш боле.

Эр цэнэксакан, балдд'ак ахакан бугалан ихихсакан бихими: Тар ахий, урүйксакан, бокатир эмэнэдүкийн дэлтий бакалдиксакан, доровою и'энэд'эчэн бөль. Эр н'экэйд'энэ бинэл, шамахий д'улайи ивүйксакан эр ахий арахинай д'эштэл улжисакан, «Дарумжиткэл», — гунйттэн.

Таду бимэлчүксакан, адийкат инээдимектү дэрүмжийсакан, гүннэ:

— Таруид'ак-бугалави тэцэдүн, балдд'ак-бугалави цэнэдэви эйштчэм — бокатиринд'а тар ахаканма гүййттэн.

— Сб ахий, — гупйттэн, — Сэекак, агий бугалан цэнэктэ! Би, — гупйттэн, — бугадуви пэкүүми иэкүүй бичэв. Тарци гэлэлим, — гунйттэн, — д'э, цэнэдэви и'энэд'эм, — гунйттэн.

Тар инэцилдү нуцан: — Ёкукайми камуйжал! — гунйттэн тар ахаканма. — Бэйэл бд'ацэт, — гупйттэн, — горо бугалан цэнэд'э-

цэт! — гүййтэн. — Эр цэнүү дэгийн надарыкай балдажааны, умүүсийн, истэй булагалын цэнээрт! Таргачийн горо булагадук, эмчээр, — гүййтэн.

Цэнэлбэвэр н'экэд'эрэ.

— Д'э, эхилэ цэнэднэр н'экэд'эрэн. Д'энти-кэйт, төтти-кэйт ёкүндүма-кэйт эзэл эксэрэ, — гүййтэн, эр булагадук, д'э, цэнээрт!

Тар ахай Сёнак гүййтэн:

— Цэнээрт, дағаны, эмүкин эмдэгмурэ этэм эдүвэр, элжин ичийн! — гүййтэн.

Нуцартын бихимнэ булагалавэр, комуйлжсааны, дагдбайэр эйдтчэрэ. Эр ббкатир-ахай бихий мэцдүүкүү эмэгэлийн, ёкүндүк-тээдағаны айа мурга-муричийн бичээ бдан. Тар ахай бихимнэ тар муриндүүн эмэксэйн, эрйрэц, эмэрэн муришии, дагамааран. Нуцаны, укчалажсааны, цэнэхинпэрийн бдан. Соб бэйэ Кодажаан-ббкатир хүннилжбэйн, бургидчээн, ёкүндүк-тээ хэргдүү уксуий-дохи бчан. Ахай-ахай бихимнэ муриндүү укчаларан. Нуцан д'э, тэтгиви эчээ гада булагадукар: «Тайдын бакад'ицат», — гүнгүү.

Цэнэхид'эчтэн бола. Эр ббкатир-бэйэ цэнэхиннэдүйн тад'эмэдээ эдийн эдийн'эчбийн, хигин хигринд'эчбийн. Нуцартын, д'яа, цэнэхиннэ дэгнэл цэнэд'эчтэн боле Калтака сёними хэргийн дэлчэтна, калтака сёними угийн дэлчэтна. Ёкүн-мал булагадүү ухала бд'ариватын адулайнал цэнэд'эчтэн. Эркэн-дээ дэгд'эчтэн. Горово-дээ дэгнэлэвэр эхийн сэра: боло бихиткин, уксыд'и санын, д'ууга бихикин, силжэсд'и санын, цэнэд'эчтэн. — «Ёкүндүк-тээ горо булаг», — гүййтэн.

Цэнэд'эрэктин, цэнэксэй, цэнэксэй, арай билнрги бэйэ нэкүний хутэчийн бчай-вит. Тар хутэн ажийнми гэлэхтэнэд'эрэн. Ёкүндүк-тээ сити: бэйэ эрэй эмэд'эрэн. Идагурчай-ббкатир дэлтийн гэлэхтэнэд'эчбийн. Тар ажийнми Кодцаа мблук балдчай Кодажаан-ббкатир дэлтийн аран эчийнми лэпурэгээр цэнэрэ. Тикэн гүнис нэдд'эрэн:

Гене, генцэрэгни!
Эркэй эсэлэ нэхэрт!
Ема булагадук эмэлли?

Хэ, — гүнис, — обиши-куцакан,
Ема булагадук таржином оданиш?
Эсэлэ мишүү улгурд'яасан!

Химээт, камар-хагу гүнисэ, гүнд'ичийн.

Нэкүний хутэн бихимнэ тикэн гүнис, турйтчорин:

Тилте, тилтердэши!
Тилте, тилтердэши!
Билдэр, билдэр, гүнэм,
горокойн ашгийн бдан
би амьтими ажийнцамийн

хокторон гэлбэн-цуу
гэлбэхтэд'изэхэн арийн,
би-цэн бийн гэлэхтад'эм.
Бэжийн Бэжийнд'эринд'э
хутон бицсэм-цэн.

Тар гүнд'эчэн эрэ, тайдук гүнис: «Нэхээ! Эй! — гүнис, — си нэкүний хутэн бихини-вит! Улгүүтэхтэйт!».

Хоктоду иликсэйн, н'укаашимтэччай, бид'ицэн. Тар н'укаашимтэччай, амасийн мучуран тар куцакан. Эр куцакан, цэнэксэйн, цэнэксэйн, горо дуниалээ эмэчб-вит.

Билир горо анданыйдү цэнэксөкөн, таду бэйэ кэтэ ахакан билгий бичэн, бэйэксөкүн бараг сб оча, кэтэл бэйэл оча.

Дээ, нуцартын тар айнин нэгүүний бихимнэ, уруйнксөкөн бимнэ. Айнми дэптүүий эмэксөкөн, эмэчэ. Ахаткан мурийн ман сэргаду уйтчээ. Н'уканимтасал, доровотчал, уруйнксөкөр, д'улайвэр ийд'эчтэн. Утэмэ д'у ачил боксакал, айакама д'ува оча тар бэйэ. Дээ, нуцартын эхилэ уруйнксөкөр: «Буялайвэр истап, — гуниэ, — аят бид'энэ!».

Бимэлчуксөкөр, гүннэл, арахилай бэйэлбэ эрийнксөкөр, «Мунду бихий анданыйлти бдап, сивайбараа бд'ицдт», — гүнийвийл. Орорбо вайксөкөр, горолй, дэгалий бид'эрлияа бэйэвээ эрийнксөкөр, сивайбараа бчдтийн.

Эр бэйэ тикэн гуниэ икд'эчэн, сб бэйэ Кёцдэ мёдук балдчай Кёдакчэн-бдкатир:

Генэр, гендерни!	бүкнитрдаксакан, гүннэ,
Генэр, гендерни!	эркэй н'экэйбд'эчэв.
Арахинай бэйэнд'эмийнэл!	Дараакай тэгэтчэрий
Наротигд'ан дблчакэллу!	ахээжими гиркэйэви бакасакан,
Арай горо бугалай	айаканд'и бидэвэр н'экэмий,
н'экэйэксөкөн,	эхилэ умунду бид'энэ!
дуулин бугайации	Айаканд'и эвийд'экаллу!
Ончор-бугайации	Эркэй би ияэмлэктэ ияенчдүү
бутунну ижээжэсакан,	бэйэ бд'арий инэцн бдап, —
арахилай бүкнитрлийнуми	эсийлэ гүннитэп.

Арахинай д'энтилэвэ ихэксөкөр, нуцартын бихи сивайбараа бдап. Хади бэйэ, сонтоисбндр, бутунну атиркар, этиркар ёкакарбэ вайксөкөр, соонопкаал. Тар аял куцакар эвийд'эвийл бичэл.

«Эр бид'энэл эхилэ умун бугаду бицтэ», — гүннэ бид'эчтэн. Тар муданин, этэврэн.

3. Сёнак

Билир, билир, билир дуулин дуннэ мойкачан мётагачин монийвд'ацахин, угү п'упурмэн сэргүйлдир шааны азэлээс тэгэвүнэхин, йэгии йёнэ хулидүн, котор цэке ойодүн умун утук-утэн илитчачаа. Таду умун ахий, умун бэйэ бид'эчэ. Ахийн бичэ. Бэйэ, мэнин бэйэ дуулин ман исчай бичэ, ахий п'ан дуулин ман исчай ахий бичэ — дэгии д'аричай.

Тар бимн, нуцартын умун бира д'алум орон авдучийл бичбл. Умун хунэт хутэчийл бичэл. Элэкэс гиркүйталчай. Тар таду нуцартын хутэвэр иргийнэл бид'энэ! Бэйэ гэрбийн бимн Нинтэнэй-мата гүнэрий бичэ, ахий бимн Эрэгчэл гүнэрий ахий бичэ. Тар бид'энэл, хутотын турэчий оча. Тар хутатын бимн, турэчий боксакан, энинтийви турэчилчэ очан:

Чими тороканы!	Миндү гэрбийэв
Чими тороканы!	гэрбийкэллу! — гүнэм.
Эрэгчийн-эц'эй!	Он гэрбийэ ачийн
Нинтэн-с-амай!	бид'энэв — гүнэм.

Түкөн.. гүниксэй этэрэн. Энийний гүнэн: «Амийн гэрбийгүй!». Амийний гүнчө: «Энийний гэрбийгүй!». Тарит энийн гэрбидэлж турэтчэрэн:

Оле доле! Оле доле!	дэхцүддүйн бекетши,
Уте, никэ, ба гар,	д'анкуй энгийни
гэрбийктэ, гүнэм,	дэгидээ энгийни
аёйт сэллэ бихийнс,	турдээ цүнэн хүнадгүй
гэрбийгэс гэрбийгэцүйв,	сэй сурангай, — гүнэм,
Ний, гүнэ, гэрбийгэм?	айя голтэр гэрбийн
Нийтэй сониц-бийс	айя ахайсан, гүнэм,
хүнадгүй, гүнэм,	Сёнак гэрбийн
Эрэгчийн-атиркай	ахайсан б'якагай!
дэгнэмийн сувиними	

Тарит этэрэн. Хунаткайн гэрбиви урүүниксэйкөн, тулилэй йүкэзкэн, хэсэгтэн: «Миндү аяа гэрбий!», — гүнчө.

Тадуяг нудартш бид'эра. Эр хунаткайн эвийктэвийг бдан. Хунаткайн кийтийнгийн гиркэчийгэй, гиркэчийгэй, иймээт улзикчийгэй бдан. Олус аяа хунаткайн, сома гуд'эй хунаткайн бид'аран. Мүвэ мүлээгий, мбва извүүгэй бдан.

Тар бичэтийн нудартши, тадуяг турэяд'эчэтийн, эркэн-таркайн оронмор тацувьан өхий сэра. Оронтийн д'үрэн бракин, цалмактаду, иргактаду д'улэтийн эмээлгээн. Эмээлгээн оронмор д'үргэ сиргинийг бичэй. Уллээндтэн ёчийн бракин, оронмор вачдатин. Вэксэл, улла вэй д'эбуцкийтэн.

Тар бид'энэл умнээкэн хунад'итин турэтчэрэн:

Чими, торокапен!	сома хүркэйгүй бдан
Чими, торокапен!	умын бугадүй бимий,
Нийтэй-амай!	каандарийн, гүнэм,
Эрэгчийн-эг'эй!	эндийн бимий,
Дээ, эр мит бимий,	иинээж охийн манавра,
бид'энэ, агуулмий.	ашааныг цонумух бда.
Сё бдан, гүнэм,	

Түкөн гүниксэйкөн, хунат турэтчаранс:

Чими торокапен!	тацтондэвийн эйчиним.
Чими торокапен!	Ба даривэ
Би, ахайсан,	ш'эхийэдийн
бүнд'ар-бугана,	Цагдаачав.
тэцкэ-душигээ	Ои бимчай, би
тээрэмбий, — гүнэм,	ш'эхийэрекин, гүнэм.

Гүниксэйкөн этэрэн, д'э, амийний гүнгэй:

Орел, орел!	Си тиёндэ н'эхжээжийн
Бя-дэй гүнэм.	бма дүнши тацвийн
Орел! Орел!	истэши цэвжээний?
Сёнак хутэ-диэр,	Энэж цоюра, гүнэм.

Тари этэрэн, хунад'ии гүнд'эрэн: «Бракин-дā цэнэд'ицэв!». Хувад'ийн энэ дöлдöра, яэнэдöвийн п'екэлчэй:

Чими тороканен!
Чими тороканен!
Энэй, амай,

цэнэд'ицэв!
Бракин-дā, цэнэд'ицэв!

Эшиши н'ян турэтчэрэн:

Оле, доле!
Оле, доле!
Хутэй Сёнак,
аюэл тикин цонэрэ!
Гиромас букас
эчин нилбэн,
уллэс эчин маадалла

д'алис эчиш д'алупта!
Сатар ёдук
д'ёр авданыйа
цэнэрэжис,
айа бимчэй, гүзэм.

Тарит этэрэн. Хунайт «Бракин-дā, цэнэд'ицэв!», — гүнэн. Сомат д'алийг хунайт бичэй. Тикэн гүйэн, тэтгиви тэттан. Хэргү тэтгиви утсыгийн үйррэн, угүү тэтгиви хэргийг тикиврэн. Тикэн тэттэн-дэйүрэн. Тулилэй йүкса, тикэн турэтчэрэн:

Чими тороканен!
Чими тороканен!
Сёнак, энэй,
би ахай, дэ
цэнэхинэм.
Буга тэвёйнмөн
бракин-дā ичэксэй,

мучууд'ицэв.
Мудан горо
поросай, порости!
Энэл мэргэрэ,
энэл содоро
бакэллүү! гүзэм.

Тикэн гүйксэй этэрэн. Этэксэйн, бикрацми дэрэнтгийг гиркуд'ахинан. Хунайт, гиркуксакан, амасийг этэхинэн, «Горолдэмэм» — гүнчэчэй д'алдуви. Д'үн тар ичэвэрэн. Хунайт айанид'аран. «Горох», д'удукки эхим горолло. Д'эр, хунайт цэнэд'эрэн. Цэнэд'ийн, шуцан умуй тэктэн ойодүн тэгээрэн. Дэлчадаа ишэц дулийн бчай. Дэлчадаа ичхинэн — ишэц дулийн бчай. Хунайт д'эмүлчэй тар сидгилдүүн. Хунайт «олехин-дэй», — гүнчэчэй, — д'эмүлим», — д'эбдэвийн эйэчилчэй. Хунайт тикэн гүнчэксэйн, турэтчэрэн:

Чими тороканен!
Чими тороканен!
Олхийн амьтми, эйхими
«Эхэл цонэрэ», — гүннэл,
пувчайтийн миэрэ.
Умуй ишэцэй калтакадбүй
цэнэксэйн, д'эмүлим.
Д'эр, би ахайн
амасийг эхийг бихим.
Д'улбийн цонед'ицэв
Би соликомо билэтий,
турбийн иччирибукея,
мөншиг угу ичниврэй
сэргүүрийн п'ацн'ар-энэй,

дöлдöкаал би турбиймэв!
Дулийн тур-дунцэцэв
итчили, дöлдöкаал!
Минэ, сэхэргэзвэв
айат дöлдöкаал!
Би ахагас амцатми
ийдэрд'ам-лан,
коидэ комуййтши
курулж'эрэйзэв дöлдöкаал!
Д'эр, багдариг мэцүн
мэцүра шицакталжай
багдариг гаха бкай,
дэгилцэйтв!

Тікен гүйіксәкен, дәгілдәрән. Нуцан уғыскі дәгілдәрән. Нуцан мәния бұға тәзімбін ичтіз, дәгілдәрекі бічбі. Нуцан әркби-тарқай айаниад'араи. Тар айаниад'арасын, д'улгидәлін чиңкап-да әкіп дәгрә. Нуцан қәнәрән тар ділачай йүнитүкі айаниад'арал. Тар қәнәд'ерәкін, әкүи-қә иғин өдаи. Тар иғаш өдакин, дәлчұран. Дәлчұран арай түрән бихин:

Дәлдәле, дәле!
Дәлдәле, дәле!
Ема бұға, әма дунна
хұнад'ин-килини?
Тавар бағдарды
мәнүра ишқаталқан,
гудәй, айа дәғи-таха

айаниад'араи?
Нононғы бақалдіду
дорово бұғы!
Волгой тоқтоқол!
улғурда улғұчәмәткі!
Вадаи бақалдіксая,
сәзин сөхәтраскіт!

Тікен гүникес атәрән. Ахәкән ичәхинән, арай олдоңнайд'ин әнән дулип әктугид'ик сәләмә гәрчай, гәчин-дәти ёдук-тә турғәнді әмәрән. Тар әмәрәкін, ахәкән улгучанд'ерән:

Чими, чими торокәпен!
Чими, чими торокәпен!
Сәләмә гәрчи-дағы,
дороводұс — дорово бұғы!
Д'ә, улгумәрәкис,
улгучанд'еңбей.
Билир дулип дуаләдү
бекері сиңиң

Пицтәній гәрбілжебі
әтіркімә-жын
долдицкис, бид'пізбі?
Дулип бұға хұнад'ин,
Әрәкчән-әтіржима
сұраққан долдицкис, бид'яңбі?
Тар хұнад'ин, Сәкак гәрбілжебі
бәдам!

Сәләмә гәрин турәчиттән и'ан:

Дәп, дәле дәле!
Дәп, дәле, дәле!
Дулин бұға-дан
Нинтәній-сәңти,
Әтіркән хұнад'ап
Сәкак-ахәкән,
Д'ә, би улгучәпіктә.
Охә-әтіркін,
Үтәлд'ип-әтіркін.
Охә-әтіркін,
Үтәкән-әтіркін,
омолғин-џан бихим.

Сәләмә гәрчин-дағы
Д'үнкулжебі-Д'үнкулжад'ин
мата, гүнәрі, баҳым.
Ба си айаниад'арис
сұраққа долдиқса,
сүрйан әмәчан,
Д'ә, йәй, гүнис
айаниад'анин?
Ема бұзала,
бікүи пәдәдүн
әнендер'енин-қон?

Тарит атәрән турәчикес. Тар ахәкән, д'ә, турәтчоран:

Чими, чими торокапепі!
Чими, чими торокапепі!
Мата, сәләмә гәри
Д'үнкулжебі-
Д'үнкулжебі-
си, мата, би қанәрі
қәнәненов әкүи пәдәдүп

улғумбина-қон?
Санду би йла қанарив
нәде әнни, бид'пілін!
Ви мәнми сарыттын
н'әкәйад'әнбі-ән
Мата, горо мудан,
поросай бұғы!

Гүнән, ахәкән д'уләви қәнәхинән. Ахәкән тар-ті қәнәві дәгд'ехинән.

Д'үпкулд'ин-Д'үпкулкэн мата и'ан турэтчэрэн:

Дэц, дэлэ, дэлэ!	Цэлэхинчнши?
Дэц, дэлэ, дэлэ!	Бэйэ, токтокол!
Сёнак-ахакан,	Улгучэмтээт!
Бда баран сэхэнэ	Екундула хэлйинчэд'энни?
улгучэмтээтэ?	Инээдээрдэ, аяндай цонум! —
Едук цэлэмэ-цэн,	

Гунд'ирэн. Таду Сёнак ахакан турэтчэрэн:

Чими, чими тороканен!	Си мэнни йлд
Чими, чими тороканен!	цэнэлкэн бимий, цэяэкл!
Си, ахаканма	Миндү си цэнэрэс
айаншад'арива ахива	цада ёчин-цан.
энэл дэмэрйгдирээ	Би мбими сэргтии
Би горо бугава-цэн	айаншад'ацэв.
д'алдачав-цэн.	Си мэнни сэргтии
	цэнэкл, гунэм.

Тикэн гуниксээ этэрэн. Сэлэмэ тэгии тар-дат амардукии дэгиллэн. Амардукии дэгд'энэ, икэд'эрэн:

Дэц, дэлэ, дэлэ!	би мата-бэйэ бихим,
Дэц, дэлэ, дэлэ!	доёр ўд'авас тоңсүйир
Сёнак-ахакан,	үнүнкин ўд'авас гүннэр.
си, ахакан-бэйэ,	Дуниз тэкээдлэн
болгой токтокол!	истакис, в'ян
Едэ мининкүн-цэн	эхий туркэвэрэ-цэн
эхинни улгучэмтээтэ?	бэйэ бихин-цэн.
Утажакэй, ёма бурага	Үгүү н'уцурмэн
химат истайни	сэргүйрдэ н'ацн'а
хэлйинчэд'энни?	үрийдлэл дэнэчэлбэс
Оп-дэхэлиниччэлбэс	н'ян эхий бурярэ
тар-дэх бихикин,	бэйэ бихим-цэн.

Тикэн гуниксээ этэрэн. Ахакан Сёнак турэтчэрэн:

Чими тороканен!	Сёнак-ахакан
Чими тороканен!	цонум иргидүүв
Д'үпкулд'ин-мата,	учийхинксэ-цэн,
ёкүп нийддүүн	«Эрдээ горо бурага
кара каргис	итэвэвчийнээ, — гүнээ, —
блэвий шэкэд'энни?	ээдээ сочоро бодокол!».
Сомат сабаян садааны	Би синээрэ-цэн
н'эхэрэй блакис,	би-ка, гүнээ,
багар, бодокол!	нононтэ бакалдирдүүвэр
Сабаян садааны н'эхэмий,	эчийн сино ухат турдтээ
амаргут эзйт сочоро!	сэргүйн си мбили
Аксара эмй,	д'алилд'апни-цэн!
амаргут багар,	

Тар ахакан гуниксээний этэрэн. Тар этэчэлэн, д'э, нуцартгүй түүхэнд'ара. Сёнак-ахакан бимий тикэн гунд'эрэн:

Чими, чими тороканен!	Д'үпкулкэн
Чими, чими тороканен!	Сэлэмэ тэгийн

Д'үпкулд'ип-мата,
эр ёма Кидап-дуниэ
киртән айапнад'аң?
Би-ахәкән гупд'эм:
Эр йәғин булд'ар
д'апкуп лам бакалдп
д'апкуп калдис.

қадаға лопдорин
ойолбі гүкчанцат!
Ціл-ко пекон исчаш?
Си мәнии сәритин,
би эр-ти цәнәд'әрий
д'уләйекбәшш, бид'иүш.

Тар гүйкесә этәрән. «Д'ә, тимәтиә ділачә йүрицүң исчашат.
Ни и'бүт иссан?». Тікән гүйкесәкән, шуцартып цәнәрә хүйә-
чикесәл д'үрмәт. Мән сәрівар цәнәрә. Тар хунат цәнәвкәнд'әрән.
Нәнәвкәнчә, ңәнәвкәнчән, ур цәпәдүкви хәйрәп. Д'ә, ләм лопдор-
дүлән истан. Ихиксәкән, ахәкән и'бхици авран. Алуқәйкән,
этәмурәкин, әмәрән сәләмә геғип. Әмәкесәкән, тікән турәтчәрән:

Дәп, дәле, доле!
Сәкак-ахәкәл,
си әкігда-џан

зәмемулд'әчбес?
Би «әчин иста, бид'иүш!», —
гүнчәчәв, гупд'ирон.

Тәдү нұдан, мата бимі, гупд'ирән:

Сәкак-ахәкәнд'а,
дәлчәткал-џан
би гүнәрәйвә!
Си и'бүт ихинни,
тарит си химат
әмәчә бихинни-вит.

Тар-дә бичәлін,
әракия-дә-џан,
синовә, и'әкәйәріс
таңудүң-џан мәдүләре
әхй әмәнмурә бейә бихим!

Тікән гүйкесә этәрән. Сәкак бимі тікәл турәтчәрән:

Чими, чими, торокәнен!
Чими, чими, торокәнен!
Д'үпкулдин-мата,

си бүре миниг'үн
әкай дагадүң-кәт
и'әкәйәра, — гүном.

Түрәчикесә этәрән. Д'ә, нұдан, ахәкән бимі, д'уләни цәнә-
д'әхинән:

Мата, горо мудаң
поросай биғин!

Ахәкән ділачә йүпруткәннән цәнәд'әрән, мата тәдү әмәнмурән.
Д'уләви цәнәвкәнд'әнә, ахәкән айапнәчәлән айапнад'арап. Тарқай-
әркән цәнәвкәнд'әроп. Д'үганивай силокса тіктід'ин сәттән,
түгәнпивәп — садыкса тіктід'ин сәттән, болонша үкенід'ин сәттән.
«Болорон-ишият», — гүнчәттән. Нәлкинші абдана балдирид'ин
сәттән. «Нәлкирән-ишият», — гүнчәттән. Тарит айапнад'арап
д'уләви. Амйандукви, әйнандукви әмәхининен әңбә сад'эра. Цаңә-
д'әксәкәп, ңәнәд'әксәкәп, ділачә хәргидәткис дагамад'арап. Үмүн
сбма айа дүниәлән истан. Сбма айа авлии буғава цәнәхинән.
Тәдүк д'уләскій ахәкәл иярәп, «Багдарин йаң», — гүниә. Тариди
дагамәнап д'у — ампар-д'у өдаң. Тәдүк нұдан айамат адүләрәкин,
багдарин діғин кирилкәп мәңумо амиар-д'у очи. Үғү буғадук
илармән мәңумә томкот тутәкилкән, харгү буғадук д'апкуп салә

тірбевулкән д'у бдан. Тәлә истан. Ихиксәкән, ахй тәлә тіктән. Тікіксәкән, уркәвән адуләрән. Ділачә йүптуткай үркәчі. Тәлә ихиксәкән, тікән турәтчәрән:

Чими, чими торокәнең! Діцин кирилкай айгур амшар-д'у, д'э, би горо бугадук айаппәнәнам. Дәбүви итчилкән бимә, би түрәми годонмбы дәлдівакән! — гүнәм.	Би дулин бугадук сома горо бугадук айянаңпам, сатар әнцәкту д'үләви ивкәкәл! Д'әвгәт-тә омыйвам, тәттіт-тә сиәзм! Д'э, сатар хулічевкәл!
--	---

Тікән гүйкесә этәрән. Тар ахәкән дәлчәттакин, дәлә турән бихия:

Дөвөдәреко! Дөвөдәреко! Сүмкәлд'ин, бәканми	уркәвә нікәл, химат турғанд'и!
--	-----------------------------------

Уркәвә нірә. Нинәлдін йән. Йксәкән, илан д'үпті д'ұваңнәкесәкән, дігілдіткай йән. Дігітін д'үдү тәғәтчәрән катунин. Тарә «дорово» гүпд'ирән. Доровоксә, тәғәрән. Тар тәғәчәлән, д'үчі ахй улгумайд'эрән:

Геревлакән! Геревлакән! Ахәкән, хунәт, әма бугадү босқечә, балдічә ахәкән бихинни?	Емәл атіркәр, этіркәр хұнәттін бихинни? гүнд'ем. Гәрбис цийәл? Ейа ичәнни, дәлдіппи? Улгүриә улгучбәкәл!
---	---

Этәрән. Ахәкән турәчилилән:

Чими, чими торокәнең! Чими, чими торокәнең! Би ахәкән улгумырәкис, сураккас улгумырәкис. Идук тәкөнжәнисов улгумырәкис-џән, џүйәл хупад'ити улгумырәкис-џән, улгумырәкис-жес. Билир дулин дүниедү дәлдіркай бид'ицән	Шинтапп-сдинп гупәрәй, дәлдіңкайс, бид'ицәп! Әрбикән-атіркәпма дәлдіңкайс, бид'ицәм! Байандү гәрбіячә, олус бараң орооч этіркән бичә. Тар хупад'ин әдам Сәкак гәрбілкән ахәкән би биңном.
--	--

Нұшаптыкай гупиксә этәрәп. Д'үчі ахй ахәкәндү туйурон. Этәкесәкәр, пұцартын әкәкәнімә сәхәргөттә, д'үр ахй. Нұцартын тікән и'екәндеректин, сиксәрәп. Тәдү әпнәрән. Илаллава-жү, діғилжәнә-жү тәдү ишитчәрән. Нұцап умшәкәп тікә турәтчәрән:

Чими, чими торокәнең! Чими, чими торокәнең! Ділачә хунәт'ин, Тірләкчан-әк,	дәлдікал-кат би улгумырәйләв. Айа гәрбілжес горо бугадук
---	---

серуйан эмэчэв.
«Екүн ийдадүү?», —
гунэнис, «Минээ
ёкүкандү-цал
таткад-ицэн, — гуянэ, —
арасны идэдүви
таткад-ицэн», — гуниэ,
эмээ эмэчэв.

«Дунга мудамын
сэран, бид-ицэн,
ичэвке», — гумий,
элб эмэчэв.
Д’э, он и’экэд-ицэб?
Минээ умүүдү
экохтомчб, он бимчб?

Тар этэчэлэн, Түргакчан-ахакан турэтчэрэн:

Гөрөвлаканен!
Гөрөвлаканен!
Дулин буга
байшду гэрбийчэ
Нийтэний-мата
ахакан-хунад’ин,
Эрэикчан-атиркан
айадү сурагчирч
килили-ахакан,

Сэнак гэрбийжбэн,
Би буга мудамынг сям,
дунна төгднэйн
бутуши сацнам
хүчтумэ аяа
тэрбээ ячн.

Би дилач ахэргиддүүн
балдигави устадүүн,
би эхий сэра бичн.

Тарит этэрэн. Этэксэкэр, н’ан ёкаканма мөртийн сэхэргэттэ.
Тадук дилачай хунад’ин н’ан турэтчэрэн:

Гөрөвлаканен!
Гөрөвлаканен!
Сэнак-ахаканд’а,
долдикал айамат!
Д’ур баргу сэнд’ини
дуливкал-вит!
Айат иргэлэви
д’иктэвкэл-вит
би угтугчайэриви!
Биа буга мудамын
ичэдэвий эйэтчэни?

Биа дунна тэйбэйн
ичэдэвий эйэтчэни?
Би илаи дунна
уранкайваа бутуши
тунца чораткигачини
сацнам-цан.

Илүй бихи-вят
Ангур-хоктово сям.
Бутуши сацнам
Илүй цэвэрий булава
би сачим-цэн.

Тарит этэвий. «Цэнэри бихисэ, — гүнд’ирки, — ишоцмын
цэнэд’ицэт!». Мөртийн тикээн гүмбчихэй, ёкаканмэр камуйинсэй,
«цэнэгээт!», гүнзэл, цэнэхинэ. Тулиеки ийрэ. Нүүснэй, багдарин
гахал бда, дэгийнэ. Цэвиллийсэхэр, цоногд’эрэ ишнартин. Д’э,
ишнартин мөнэн цэнэрэ д’улбэр. Эркён-таркийн айанианд’ара,
уййискэхи түктид’эрэ. Түктисэй, түктисэй, ишнартин бичээс угүү
булава иста. Угүү булава ихихэйкэр, цоногд’эрэ, айанианд’ара.
Аяа дуннэчий дунно. Булагадукин хүчтүү буга: аяа, гуд’эй буга.
Тар цэнэхисэхэр, умён д’улэиста. Д’улэй исплатин аяа д’у бичээ:
дэгийн кирилжал амнаар-д’у. Тайлай ихихэйкэр, тайлай тикто. Тикиксокэн,
Түргакчан-атиркан тикэн турэтчэрэн:

Гөрөвлаканен!
Гөрөвлаканен!
Угүү буга хунад’ин,
Дэгийнчийн-эдээ,

булаглас омнам,
ихим, гунам.
Д’э, уркэвий ийнэл!
Санам, омэм, гунам.

Түкэн гунэкин, нийрэн. Нийчёлэн, йрэ. Д'улан иксэхэр, тэгэрэ.
Д'учий ахакаан түкэн турэтчирэн:

Дэри дэрэхэн!	Тавар гиркийс
Дэри дэрэхэн!	ёма буга-цаан
Дилача хунад'ин,	хунад'ин бдаан?
эдэ,	Нийэ гарбийжэн
ёйа ичэнин?	хунад'ин бдаан?
Ёйа долдивни?	Гэрбий ци?

Сёнак-ахакаан түкэ турэчиллэн:

Чими, чими торо-	Би мэн гарбийви
кэнен!	н'ай улгучэнд'ицэв.
Чими, чими торо-	Амийми — дудин буга
кэлэн!	байанду гарбийчэ.
Үрү буга хунад'ин,	Ництэнэ-этirkэн
Дэрикчэн-ахакаан,	килигли-хунад'ин,
би, улгумийрэхис,	Сёнак-ахакаан
улгучэнд'экээ.	гарбилкэн бихим.
Иргит тэжинэв	Эзийми гарбийн
тэжэлгирэхис,	Эрэкчэн-атиркай.
йдуу балднаав	Ичэнэв, долдивав
улгумийрэхис,	бкүн-дэйчин.
ёма атиркэн	Си ёйа долдийр,
ёма атиркэн	ичэрэй бихинни?
Гэрбильвэтил	Ичэнэви, долдивави,
улгумийрэхис,	сапэви улгучэнэл!
улгучэнд'ицэв	

Тарит этэрэн. Тари этэчэлэн, Дэрикчэн-ахакаан турэтчэрэн:

Дэри, дэри доракан!	Бэйэдү бэйэ
Дулин буга хунад'	улгучэннэтиш-цэн
д'ин,	сурал ячин.
д'э Сёнак-эдэ,	Гэрбий-дэ
би-вэл ддолдив,	Үрү буга хунад'ин
ичэнэв ёкүн бид'эн?	Дэрикчэн-ахакаан бихим.

Тарит этэрэн. Нуцартын-ахакаар туйүрэ д'алддүвар. Таду тарэйнцэрэ. Тар ёнцэксэй, тимэтнаа тэрэрэ. Тэргэксэхэн, «Иртийн цэнэд'ап?», — гумэтил, улгучэмэтчэрэ. Дэрикчэн-ахакаан д'алтийви гуид'эрэн:

Дэри, дэри доракан!	араснэй матал
Эдэйэл, ёрб урү буга	сойницил эвийшмий,
сойницилтийн эвийкйт	иизэдий арчалдийттийн
бурагдүвар умийттийн,	инэймэн бдаан.
эмэриттийн, эвийнйилтийн	Д'э, тайл мит иланай
инэци иинэцмэн бдаан.	цэнээрэхит, би бимчэ?
Эвийкиттулбэр	

Этэрэн. Сёнак-ахакаан турэтчэрэн:

Чими, чими торо-	Үрү буга хунад'ин,
кэнен!	Дэрикчэн-эдэ,

Би-ләкә бәйәвә
 әчин ичәро бәйә
 бихим.
 Ичәдәви сәт әйбим.
 Эвийимә әчин сәра,
 эвийнәдү таттави

әйәчийнәм-дән.
 Балдәкәй, эвийима
 әчиними ичәра.
 Ичәдәви әйбимим,
 арасынай әвийидү
 таттави әйбим.

Тарит этәрәп. Иланың цәнәнбәтлә әда. Җөпхиссәвәр таткәлләр
 бмакталба тэттә. Нуцартың цәнәхин. Тәдү әвикитиатын урү буға
 хүнәд/ин сәран. Тартыкәй айаниад/ара. Сәрини дүниенән цәнәд/ера.
 Дәрүкчәл-ахәкән тар сыйтап дүшиңә. Җ'ә, айанийкәл, нуцарты
 иста. Испатын әвйәкәт буратын сәма аяа буған. Войәл умырчыл,
 урү буға сәницилтиш умйичәл. Эвий/әре, икәнү/әре. Җәникчән-
 ахәкән, үгидәдүтн хариктад/ана, турбтчәрәп:

Дәрә, дәрі доракән!
 Урү буға сәницилтиш
 мatal, дорово брән!
 Бү әвйәрү буғаләхүп
 иснарав; илан буға
 хүнәд/ин бихим.
 Урү буға хүнәд/ин
 Дәрүкчән-ахәкән
 би бихим, гүнәм.
 Дилача хәргидәдүн

бекерү Тиргакчай-
 ахәкән — умүимун.
 Умүлмун — дүлин
 буға бекечә
 Шиңтәй-әтириән
 килянын Сәкак
 горбайлын ахәкән әдан.
 Мунәвә әвйидүвәр
 әвйәлдиккәндүрхүнү

Тикә гүникесәкән этәрәп. Тәдү умүн бәйә турбтчәрәп:

Дең доле, доле!
 Дең доле, доле!
 Эр-дә, эдә, гүнәм,
 урү буғә-лит
 сәникаултын, эдәл,
 д'ә, илан буға
 Кәдак килявдилтиш
 эмәчәл әвйидүүн.
 Эвйлдиккәндүт
 эмәчәлүю, бад/аш
 Миләвә улшумбәрәкис,
 би иң дүлини буға

Уха-әтириән
 Утәлд/ин хутон —
 Сәнәмә гәрчи
 Җүникулд/ин-Җүникулкән
 мата бинчым-чиш,
 Сәкак-ахәкән,
 д'ә, дорово орин!
 горово, гүнәм-чиш,
 бикалдиңдүкүнүр
 би иңкай-чишни?
 Ына ичени? — гүнәм.

Тарит этәрәп. Сәкак-ахәкән, д'ә, турбтчәрәп:

Чими, чими тороккәнен!
 Җ'ә, дүлини буға
 Уха-әтириән хутон,
 Утәлд/ин-хутон,
 саломә төркөк

Җүникулбүн-Җүникул/ин
 ариу, урү буғалы
 бине эмәчәл?
 Би ева-да ячи
 ичорә-да, дөкедира-да.

Тарит этәрәп. Тар нуцартың ишениктутиш ишнәд/әре. Илакнан-
 мәктүү ишнәп. Икәнүкесәй, икәнүкесәй нуцартын буға буғанынэр
 ишнәхиниритп әда. Җ'ә, Сәкак-ахәкән эниими, аминими д'онаи.
 Д'бикса, амьтакиеви эшитикини мұчауыт әдан. Җ'ә, буғалын
 ишнәхинийкәй, ахәкән турбтчәрәп:

Чими, чими тороканен!
Дилачә хунайд'ин
Түргакчан-экбай,
бураган бугалави
мучурдү эләкин бдан.
Эпими, амими д'бнам.

Эниими, амими-вит
он бид'эрэ тики?
Горо бдан амийдуки,
энйдуки эмәпэв.
Горо мудан порости!

Тарит этэрэн. Д'э, цэнэхинэн, дэгилд'эхинэн. Бугалә цэнэрэн, айанинад'ахинан. Айанинад'акан айанинад'аран бугалави. Сбва горово бугава цэнечтэй. Айанинад'акан, д'улави истан. Сагданчай энинин, амийнин. Утэвэр эмэнэдүн урунчексөкөр, н'уканимэтта хутэвэр. «Утэ, он н'экэйжэксө, цэнениши? Ема бугалва н'экэйжэнни?», — улгумийд'эрэ. Хунайд'ити турётчэрэн, икэд'эрэн:

Чими, чими тороканен!
Эп'бай, амай,
би д'ур бугава
н'экэйж-цан,
д'ур буга-вит
сөннүйлбатин
ункатпа ичэм,
бакилдим-цан.
Дилачә хунайд'ин
Түргакчан-ахажан
сөнин-ахажан'ун
умуудү узү бугал
н'экэйжэвэй, гунэм.
Нээрд'энэл-вит
ур буга хунайд'ин
Дэгикчэн-ахажан

гунэрйтн д'үлэн
ишшавуя, гунэм.
Тар ихихсайр,
иланы угү буга
дунээлдүлтн
ишшавуя, гунэм.
Сөннүйлтн эвиййт
дунээлдүлтн
ишшавуя, гунэм.
Таду эвилмэ
эвийсөкөр, хуйдтчёвун.
Улнат д'албун
бугалавэр муччачтн.
Би-дэ н'ян бугалави
муччав, гунэм.

Тарит этэрэн, тикэй гунижсө. Тадук таду бид'эрэ нуцартин. Орортин сэгур баран бчайл.

4. Илан ахажар

Билир, билир дулин дунинэ ойодүн, н'апн'а бимий чунурүн чуцурдэгчин балдид'ацахин, бскечэл бичэл умүн утук-утукэндү ахдэл бимий илан бичэл. Илан ахай, илайн. Авгуватин умутэл калачийхал бичэл: мэмбдүвэр аставкил, улбекил бичэл. Д'эвгэйжээр мэнмэнцивэр д'элувкил бичэл. Иланы мбайвар молавкил бичэл. Нуцардүтин умүк оронтин, умүн нинатин ачии бичэн. Илан бимий эвкил сэхэргэстэ бичэл, ёкуума-дээвкил улгучамтэ бичэл. Мэргти таду балдид'ара. Тар балдид'апал, нуцартин бимий бид'эчэл. Умүн Сэжак-ахай гунмурй, умүн ахай дулгүти Мэнүкчэн, умүнтиш Дэгикчэн-ахажан бичэн.

Тар эхилэ Сэжак-ахай турётчэрэн д'алтийви, д'ур нэкүнтакиви:

Деведэреко!
Деведэреко!
Мэнүкчэн-дээ,
нэгүйий-дэээн,
дблдикал-дацаан

би турялмэвэ
Цэрихий дилачә
хэргиддүн-дээ
бскехсайр,
мит унамалантн

эчилти сэхэргэттэ.
Би инацмэн
иинийдүй-да
бя сэхэргэктэ!
Ема бурадү
бсексанайр,
ацад'ахайр-да,
эййп, амийн ачиг
би балдичат?
Гулчэрэс су?

Мит уранытай
арий байжүүли,
би эмүкир иланыгайан
бекеэчтэй, бид'иүүнгүй
Бракин-дай
митни урьжээж
урлантай бихий, бид'иүүнгүй?
Сүү сэрое-дай,
бид'иүүн, ба гар?

Тар тикэн гүнисэхэн, этэгтэн турэхиттэ. Тэдүк Мэндүкчэн-ахай түрэгчэрэн:

Кэмо-о-о-нии!
Кэмо-о-о-нии!
Д'э, гүнэ-эм!
Экшнд'ө-цэн,
гүнд'эм-дэй,

ей длаачава
и'гүүг ичжэй!
Сү-гүү, сэйй,
самчас-дай.
Ви би сад'ицэв?

Тикэн гүнисэх тар этэгтэн турэхиксэ. Тар тикэн гүнэкин, Сёнакахай н'ай түрэгчэрэн:

Дэвэдэрэку!
Дэвэдэрэку!
Д'э, гүнэм-иу
Мэндүкчэн, н'экэй,
Д'э, гүнэм-цэн,
дулийн Сивир-дуинэвэ,
Кийан-дуинэвэ
н'экэйэрийл

бичэл бимй,
мит ахайкар
бура тэжийнэ
гирсумчалти!
Эр бурадукаар
мит цинэмчлэйт?
Иль иссаацэт?

Тикэн гүнисэх этэгтэн турэхиксэ. Мэндүкчэн-ахайкай н'ай түрэгчэрэн:

Кимо, кимоний!
Кимо, кимоний!
Д'э, гүнд'эм би,
Би-лэхэ, суном,
бугадуки,
н'ама д'удуки
эхий горолло бихим,

Сүй д'аланий бими,
Кийан-дуинэвэ,
Сивир-дуинэвэ
н'экэйэрийт бими,
багар цинэрэгис,
этэм танчэрэ,
гүнд'эм-цэн.

Тар этэрэн. Сёнак-ахайкай гуттан:

Дэвэдэрэку!
Дэвэдэрэку!
Би ахайкай
туржимов
дэлжаткаалу!
Д'э, дулийн
дуинэвэ
ахуй-ка горо

дуинэвэ делжай,
ахуй-ка эмэр
дуинэвэ-цэн
би ахайкай
тимайнана-цэн
инацидү
айашинд'ялан!

Түкән гүйиксөн этэрэн. Д'э, тар Мәңгүчән-ахәкән:

Кимо, кимоин!
Кимо, кимоин!
Сәкак-екий!
Си ахумй,

горо дүниэвэ
цэнэдэви
цэпэжесбий?

Түкән гүйин, этэрэн турбичиксөн. Умүнтин эхин турёттэ, д'уләскәккүй тэгчэйттэн, так дәлчачитташ. Д'э, нуцартын сиксэрвэ д'эбгүйэр д'энтэ. Д'эбукашкүй, ахина. Тиматна эрдэ тэгэрэ. Д'эбгүйэр д'энтэ, и'ан мэргүйвэр улёттэ. Тар ахий бими д'эптэви этэрэн, түгэви камүйраш. Урбакаши уүйскүй ойондтуран, и'урикталви айат уттал, билатши билаттараш, сүксалби сүграш. Д'э, нээнэхиндэви йүхинэн. Д'э, йүкбүйкүй, уркэви дэптүй иллан. Илжисәкән турытчэрэн:

Деведареко!
Деведареко!
И'экбийбл-цэн,
Д'э, горо мудан
поросай, гүном,
айат бикаллу!
Пникин бими,
ёма-вал дүлиэ
Кёдан кирякүй
бакасид'ацэт
багар-цап!
Дузин дүлиэвэ,
манин мэвзанд'иви,
манин акинд'иви
Далдачикайкайц,

д'э, гиркухилам!
Минцачип
ахәкән-цап
йүй эннэрэн
такчанад'и
тацаара?
Йду тиладалайви
цэнэд'иэрэ?
Сияээвь бихид'ин
цэнэд'ицэв.
Поросай бигийн!
Мудан горо
поросайвэ гүкэллү!
Айат бид'эхэллү!

Тар гүйиксөн, тар этэрэн турбичиксөн. Цэнэд'эхинэн. Тар эмэнмурэ. Сәкак-ахәкән айанид'арап. Д'улёви айанид'ана, иинэц дүлиңцуулын айанид'арап. Айанийкай, нуцан — «Д'э, умб!», — гүйин, эхин тацаара. «Умб», — гүйин, мүнэ эхин умна, айапнайтэй. Д'э, тар цэнэкес, умүп бужалы эмэрэн. Ёкундук-таяа күнтийн-дүнинэ: чукалкай, эхий авгун авданиачай бужалы истан. Ахий тар, ихийсәкай, адулараши, мушийрап. Мушийнэн — умүп бужалы ёмут бихин. Ёдуук-таяа ирас мүлжээн-мүчий, түгэнийду-дээ эхий доцоторо ёмуткай бичэ. Тайду ичэнэн — араснаш айа и'икй, и'уцийн-аки дбийчичити булаа бичэ. Тар ахий д'иктүргэштэн. Д'э, ёмут хулидүй ицапд'а бичэ. Тайду тэгэрэн. Тэгэйкес, нуцан турбичэрэн:

Деведареко!
Деведареко!
Гүнэм-цэн
Дүлийн Сивир
дүннэдүй
хүчтүтийн
дүниал битэ.
Эргачин-цэн

эхий авгунай
авданиалкай,
иляш халагийлкай
солжло лэнэнэ
балдоттан-ицвит!
Эргачийн айа
йүкто мүлжээн-дээ
түгэнийду-дээ

әхү доцоторо
мүлкәи амут!
Әрдін баран
дәрій дәрічәп
оңкайкайылты.

Әмәчб дәрій
әжайи иштәне,
әхин иштәне
дүнико биттән.

Тар ахй «би ахакән, әдү олоксо, брилү д'алин олус», —
әйәттән. Түкән гүйкесәкән тар этәрән. Ахи д'үдүккү әмәхими,
котонд'ово әмүвчә бичә. Тар ахй авсави н'ән әмүвчә бичә, ун'а-
птуими ахй гадан. Гаксә, аицү Җаладүви котови д'аваран.
Түкә турәтчәрән:

Дөвөдәрәко!
Дөвөдәрәко!
Гүд'әй айа дүниа,
би ахакән
әдү олокунә,
буғалача бимә,
ахү дәриви
сәмчәв-дә?
Әрбәп бараи
дәрій дәрічәп
н'әкайәрән буғадү
Еракин-қат,
бә-дә бихикин,

Дөрүвә д'әниәд'ә
әмәрйп буға бичә.
Битор бүйи-мал
бихистанкин
бәйцү, бағар,
миңдү вәйд'ајән?
Әр бүгәдү
умуккәй дәрій
умуктаи-дә
умуракин-дә,
д'әниәд'ә, бағар,
әмәрйп буға, бид'иңбән!

Гүннә, тар түкән гүйкесәкән этәрән. Тар ахй н'ән турәтчәрән:

Дөвөдәреку!
Дөвөдәреку!
Би д'олиич-да
бихикин,
би ахдән
әр умүп төгөрәй
котовов урыйский
н'аңи алай гарадам!
Миндү, гүпән,
діңиң алғачи
сәнәмә дәлкән

Әка! Окаи!
Тәдүк әр
би уп'акаптуими
гарадам-цин,
турбими итчиң
итчирабүкә,
би уп'акаптуими
шәрама д'үкчәнд'а
әка! Окаи!
Мәңдүккәи д'әнгәчи,
Мәңдүккәи тәтчи!

Түкән гүйкесә, тар ахакән урискى гарадәрап уп'аптуими,
котови. Гарадаксә, ахй урискى ичәхинен. Ичәхимикес, урискى
ичәхийәрі — сирдиәләдүп айа қуытқиң дүшиңәлә, діңиң халгачи
сәләмә дәлкән әкса, түктән. Д'үн н'ән би гүнногәчин түктән.
Тәдүк д'үләви инен. Айа тәті бутушу бәлең, д'үн дәдүн, арас-
най д'әнгәтиң бдан. Тар ахй тәдү бид'әрән. Тәдү ўиңәрән. Ап-
нәкса, тимәнина тәрәкәс, тулиски йүйбәттән. Йүйбикес, бмуд'ици
ичәттән — никй сәмә бараи. Ахй д'үләви әрәп. Уркәни сәмүкес,
тәтәрән. Тар ахй айамат тимар д'әнгәви ирикә этәрән. Штәкес,
д'абулдәби н'әкад'әрәкин, арай әкүп-кә тулғиәдүи иңи ишү-
рән. Ишүрәкин, ахй уркәви саңардулии ичтәтән. Җолчәттакин,
арай уркәдүп әкүп-кә бәйә шими тикирийгәчин ишүрән. Тар
н'әкекс, турәтчәрән тулайлә:

Кударийа, кударийа!
Кударийа, кударийа!
Минци амудыцлав
бкүн иччи эмочб?
Нолонтэл ашанайлду
цийэ-дэ бимй,
уркэви пикэл!

Д'энэд'э бимй,
химат д'эбд'ицэс.
Нанад'а бимй,
химат вад'ицаб.
Айнад'а бимй,
химат аид'ицэс.

*
Тикэн гүнэ, тар этэрэн турёчиксэ. Тар ахий уркэйи нийрэн.
Илнэдүп арай мата ирэн. Тар йнэдүн ахий малудуви тэгэвкэнэн.
Тэгэчэлэн, ахий турётчарэн:

Деведареку!
Деведареку!
Мата, гуном,
дорон, гуном.
Бий дойдлини?
Екуна ичэнги?
Иргит тээлэхий?
Иргит ишүтэлэхий?

Иргит сэксээй
бихини си-гү?
Деведареку!
Деведареку!
Илэх аяппад'апни?
Мата-бэйэ,
эйнини, амбини
цийэ гэрбичэй?

Тикэн этэрэн. Мата турётчарэн:

Кудерий, кудергийэ!
Кудерий, кудергийэ!
Си, ахакан, эдэ,
улгумбийдүс
д'э, улгучбийкэ.
Би эмүкин бокерий
Умүсни гэрбичий

мата бихим.
Си, ахакан, эдэ,
иргут тээблэйдэ?
Цийэ гэрбис?
Улгучдкал-кэн!
Эр бугалай эмэлэс
ахун горо авчаний өдан?

Гүннэ, улгумйтс'эн. Ахакан гүнэн:

Деведареку!
Деведареку!
Гуном-цэн,
Мата-бэйэ,
улгучбийкэ.
Би --дэргийн,
би эйнини ачин,
амбини охим сэро.
Гэрбийн Сэцак
ахакан бихим.

Би балдд'як бугав
цулии буга
Сивир-буга.
Д'ур ахий-цан
нэйчий бихим.
Тарицэйлби
утээг д'үүвар
этэвнэл-дэ
мийнчдтий.

Тикэн гүннэс, ахакан этэрэн улгучбниксэ. Мата турётчарэн:

Кудерий, кудергийэ!
Кудерий, кудергийэ!
Вий-бэйэ, гуном-дэ.
Сунтар суринкаас
Дэлдэгийн-дэ.
Билдир гүннэжийн
дэрийг сахэргерийнэти.
Илан Сивир ахийнни,
иланай умүндү-юн

бонд'яра, гүннэл,
сахэргеэжийн
Тэрэ би илан Сивир
матава гэлбэктэлиэв,
илан ашанай-копукий
д'алуптан-чан.
Дэрий барашмай
ахактана, эмэд'энэ,
д'э, бакам би.

Тар түкэг гүнэ этэрэн. Туйүрэн, бран матадүүи. Этэрэн тууцас, тайды нуцан айцэрэн. Д'э, д'ур бийсөл сөхөргөттэ, улгуч-мэчинтэ. Гар мата, айцэксэй, тимдина эрдэ төгрөн. Тэцэксэй, нуцан д'эвгэйэвэр д'энтэн. Мата, тар ахийн дбийтийн төгрөгэсэй, турьтчарен;

Кудерийэй, кудергийо!
Кудерийэй, кудергийо!
Ахайкэн дольдикал
би сахаимс, улгучинээзв!
Үйдекал-да!
Д'э, би бэйс,
уряан-куцакан
нэд'эриван, наадаван

Эндин, амийни бихинин,
амийндууис улгумимчэв.
Мийдүүки гарикчи бими
ишиг турдид'и
улгуминисимчэв.
Си, ахайкэн майнин
сагду иича, ахи бихинин.
Тара майнин-да

ен мэики сайнин.
Агад'акан-байэ
умүкни доскечэ бэйэ,
би канийн ачил,
д'үйн ачил бэйэ.
Д'уйзэ гөлөктэмүй,
п'экэйбэри бэйэ бихым.

Д'алдуви д'алдучакал!
Эхий сүгнэрий бими,
багар «этём» гүжэй!
Мана турдийн бихай.
Энэхэд хандчдатта!
Кудерийэй, кудергийо!

Түкэг гүнэ этэрэн, турьтчарен бүрэн:

Д'өвэдэреку!
Д'өвэдэреку!
Мата-бэйэ,
си-дэ гүнэрбэс
турдик буяаскы

эйн-дэ бихий.
Би агад'акан
ахий бихим.
Еланг этбий сүгнэра?

Түкэг гүнэ этэрэн, турьтчарен бүрэн:

Д'өвэдэреку!
Д'өвэдэреку!
Д'э мата-бэйэ,
си минээвэ
тэд' мөванд'ивэ,
хайкид'иви
д'алдай д'алдикэй,

тэд'и умууду
умүсийст дүри
умүпүнүртэй бими,
курумынвар
бүгжнэе бакарант,
айга бимчэй!

Түкэг гүниксэй этэрэн. Мата турьтчарон:

Кудерийэй, кудергийэ!
Сивайбава бакарн
мана эчэ бихий

Бр-ти инаджон
сивайбавар ошишан!

Түкэг гүнэ этэрэн. Тарит мата түмиски юукас, алайдава, нурви инихийцэй, тар цээрэн. Цэцэксэй, сивайбайсви бэйүрэн. Бэйүксэцэн, тар-ти-дэйт, ишэц дулиний эдээлийн ора, змүүрэн умён анам бэйүнмэ. Тарицатиар нуцартын сивайбара. Таду бу-

гайавар бакара. Нуцартын д'үчил, ёйачил ёра. Ахй этиркэнин сома бэйцэвэ вайж, дэгивэ вайж бэйз бичэн. Бэйцэдийн, варакин, варакин, манавран дағадуй, дэгидин н'ян манавран. Саксал, элэ н'экэйэрэ, цэллэлчэл. Таду билд'эрэ. Аді анцапива би-нэвэр эчэ сэрэ.

Тар н'экэд'энэ умүн утэтин балдран. Хуркээн-куцааны балдчай. Уркэн-хутэтин сома аяа куцаан, олус аяа, ирас бичэ. Утэтин эмкэлүүзи тэгчийнки өдан. Куцааны миркийтэвийн, гуркуктавийн өдан.

Тар билд'эрэктин, тимаана эрдэ арай бкул-ка ичин эмэрэн. Тар эмэнэдүй этиркэнин бими, уркэвэ нийксэ, ичэрэн. Арай дилчай тикийтгийн эхэ эмэрэн. Д'үткээгийн эмэд'эрэн, бэйүүйт ўд'алин. Бэйэ алаацав гадан, н'урви гадан. Гаксай, йүрэш. Нуцанын гарнаад'ран. Гарнаан н'урин чаклан ўүрэн. Тарицин тиктэн. Эхэнци бэйэ, туксанаа иэнэксэ, ирихинаан д'уллайи. Ирихинийксэ, уркэдүүви иёдэн. Тарицци наанивайн хигрэн. Сома бургу эхэ бичэн. Тарицци д'эчитэн. Тарицци д'эбүксэ, илаллава ёнцэрэн. Илаллава ёнцачийксэ, тимаана эрдэ ёкун-ка турэнин бихигэчин иллдэйтакин, арай турэн бихии туллайд:

Дэцде, дэцде!	качийкэнмэв
Дэцде, дэцде!	бкул варан?
Д'э, гунаам-цэн	Нонооптайду
си-и-гилэ	апцаанылду
умүнд'и-чү	сураскаас-кат,
балдирй-д'ен,	ээжийн дблдира.
Умусий-д'ан	Муга! Мумб
мата-байс,	качижамбэв!
эдэ, дорово	Екүн уха
н'ордий-цан!	буруйдуулайв
Минцино-д'ен	вашчи? гунаам.

Гуши этарэн тикээтийн. Умусий турэтчэрэн:

Кударийэй, кударийэй!	би-тэн очёв варал
Д'э, гунаам-цэн	Качижами бими
Д'э, бийс-мата,	Бдй тийчэс?
айдан авахий,	Екүнма-дан
эдэ, си-чи, гүнэм,	д'оромовкёндэви
качижамас	тийчэс, гунаэм.

Тикээтийн этарэн. Д'э, авахий бими турэтчэрэн:

Дицде, дицде!	амцаав дблдийн
Би-ко, гунаам,	гарадайсан!
качижамдуйв	Энэхүү д'энта
бкуна-цан	илдэгийн бэрга өдан!
тамад'ицэе?	Дицде, дицде!
Тавар хуржин	Дицде, дицде!
хутойчи	Ахийни-да

мийдү буд'ицбэ! Сэхэг-ахийн!
Бургис-тэй, ахикис-кат
эксэгчим би. бура, титаним!
Бракан-дай.

Тарит этэрэн. Тар этэсбээр, бэйэ йураи тулиски. Нууцбэй, мата авахива кукускэтэн. Авахий хөшнүүтэн. Евникея, нууцартын кухилдтэ. Авахий сома сониц, энэхи бичэ. Нууцамийн Үмусний-маты илан инээдүү кейдэви н'экэрэн. Эндэг тирорэ одан. Тар кухид'эрэктин, хутэн сонод'орон эмсэгдүүн эмкулажад'ин. Хутэн тар сонод'оно турэтчэрэн:

Гэц гэрочин! Сэхэг-энэй,
Гэц гэрочин! д'о, гуном,
Гэц гэрочин! си биа сана,
Гэц гэрочин! тэргүүчий?
Сэхэг-энэй, Үмусний-дэн
д'о-гэцэй, амниши-да
си-ла тавэр д'эбдэви-да,
тавэр-гу-цап вайдани-да
ицэнэл-цэн! н'экэрэн авахий.

Тикэг түүгэсэ этэрэн. Этэчби. Горокбимо бичжийн авахи турийн идан:

Данде, данде! урийн-хутгиви!
Үмусний-дэн Уха бийэ-при
этгэрийдэс хутгийн-цаян
вэм-дэ би! бкүнани
Д'э, эхийэ, ясод'ини?
Химамийат Ката би
бкайжарби ахйтсан-да
камуйд'аина! хакичарбан,
Мит цэнээдүй! мбвачарбан
Химамийат тасгалд'ини!

Тикэг гуниксэ этэрэн. Ахи бими сондорон. Сонод'оно, туролжийн бксэй, турэтчэрэн:

Деледэреко! болжасам!
Деледэреко! Би-юн, инэкин
Биргол идан сулабукаа,
Д'о, би авахий биа д'эсэд'эм?
амирадул-дай Д'эбдэг бими
аданинисэй, д'онкэл мина!
байдлач-дай,

Гуниэ этэрэн турбчиксэ. Тар ахи тулиски йураи. Тулиски йүкссэ, нууц авахиг'үү кухижлон. Кухид'эрэн ахи д'ур инээдийн долбоиймактүү, эчд-мэко дабдара, кетарра. Илалладуу кухид'эрэн. Илалладуу кухижэй, авахи турбчэрэн:

Данде, данде! худутукир
Д'э, гуном-зуп, сондигиг'үүн
би дуулж душнэдүү кухими-да,

ицалладү	ахй оча?
эвий улбикээс	Балдичан-џан
бичүүв-дад	эргэчин-цэн
Еду сатаран	олус ахй!

Түкэн гүнйксө, авахий этэрэн турёччиксө. Д'э, тар ахий турётчэрэн:

Дөнөдэреко!	амыадүс
Дөнөдэреко!	эхий батта
Авахид'а,	ахий бихим!
си амцаас дөлтүн	

Түкэн гүнинэ, ахий турётчэрэн-ивит. Н'ян илалгава үүхирэ. Н'ян эчбэ дабдара. Ахий авахийва кейцэткаачин браи. Авахий н'ян турётчэрэн:

Дундэ, дундэ!	гүнэм би.
Д'э, гүнэм,	Окия-ци-дэн
Секак-ахий,	кеирйлэви
иононт-дад	бихимн-д'ен!
ашаанды	Би синэвэ
ухат ёчин бачий.	алтачим
Этэргүйт-тэй!	айа турёид'иши!
Эрэгт үүхирэ! —	

Гүннэ этэрэн турёччиксэ. Ахайкэн н'ян турётчэрэн:

Дөнөдэреку!	Арай кеййиксэй,
Дөнөдэреку!	би эхим этэра.
Би, ахий, гүнэм	Арай этэргэнжээв
этэркүйцэв	ионон бинэгчийнн
намзевэлс-та	арийвуксээл брэй
шкүнд-и-цэп	иононтгачийн
коталайксэй,	бид'юктүлбэй
боконгдолви бая-	бэлжээгээс,
д'эн?	эмчёв вара.

Түкэн гүнйксө, этэрэн турёччиксө. Д'э, авахий гүнд'эрэн:

Дундэ, дундэ!	арийвд'ицээр!
Д'э, гүнэм би,	Экэл вара-дад!
этэркүйцэс	

Авахий шуцандүн таргачин эцэхий бэлж бичб. Таргаци арийвчиллац. Авхий Умуснийэ бэргэдэрэн, арийран. Умусний-байэ бэйэтни бдан. Очалан, ахий, авахийва олуктукин д'аваксэй, бцкайтий тиррэрэн. Тирэксэй, шуцанмэн хотонд'отпи ўрьэээн хүнтэрэн, вараан. Тар ваксэй, д'улдэвий цэнэрэн. Ахий Умусний'ун уркэн-хутэн'ун-мэр бид'эллэ.

5. Мэкигдли

Билир, билир, дүүнэ дулкэйшидүн мө бимий, чукағачин элэксэй юд'энэхин, боскечэй, урэ бимий элэксэй кирагинчиачин томторгод'онохий, уралтай ёчин бицэхин, тар тэлжкүйн бэйцэй д'огор

бидэхин, хэгдүйд ирлэктэй ёчик бицэхин, эр бэйз бими бекед'ачан. Эр бэйз д'уйавий бичд, кира н'ахамтана утсюнти. Нууц тар бид'энэ д'эвгэйши д'эбувки бэйз бичд. Мөдийн, тар бид'эрэкин, хэгдүйд бчал, ихэвчлэл. Д'э, тар бэйз дэргүүцин угийдэлийн баран дэгийктэнд бичдэл. Д'э, тар бэйз эйжиттийн, д'эбгэйши ваткса. Д'э, тар бэйз думайд'ача умийжин. «Би нудардуктийн ёма албахитни ваттэд'эцэн», - гүйттэн. Д'э, тар бэйз мб илакабай гастай. Тар гаксакан, томкорион. Томкорис, нууц хуркалжин браан. Оксакан, нууц умийн ёмуттуяа цинэрэн. Таду нууц хуркалжин дэгидү оцкоиттүн тулэрэн. Тар тулж-сэхэн, нууц д'улэвий эмэрэн. Тарицци эмжэбкан, д'удүүн динэрэн. Аяндэкс, тиматна өрдэ төгрөрэн. Тээрэс, эрдэжин хуркалжин тағана. Тариццийн илихийнкэс д'улэвий мучувран. Д'удүүн иццакталбатын истэн. Ихийкс, уллэтэрэн, д'энтэн. Д'энтэкин, бдүк-тэй айа д'энгэ. Д'э, тар бэйз тарит д'эбувки браан. Тар бэйз н'эн д'алдаж'араг: «Би эр тэкива вэкс, д'эбумчэв, тар айаа байцруяа бичдэл». Д'э, эр бэйз думайджэбкан, бэржэхими браан. Тушиа бэржбимэ бкесакан, умийн биракандулыг цинэрэн. Таду хокторийн, сбма айа хокториний бихин. Таду бэржбими тулэрэн. Тулжсаа, бэйз эмэрэн. Эмэкс, д'удүүвий аннараг. Аяндэкс, тиматна төгрөрэн. Тээрэс, бэржбими ичэнэрэн. Ичэнэн — умийн бэржандын бэйзүү гарнаачаа, таду тикч. Тард вэрэн. Тардийн бутушу, энэ хирэ, инихишэн. Ихинэ, д'улэвий эмэрэн. Эмэкс, тардийн хирээрэн. Д'э, бэйз д'энтэн. Д'э, эрдэйэ бэйнэрий идэдэви бакараан. Бэйз тадуук сэмэкс, баран толкуйч. Д'э, нууц алцаайави браан. Окс, н'ургави браан. Тарит бэйкүктэвий, гарнаавий бдан. Окс, нууц д'уйавий браан тэки иццакталд'ийн түүгэлд'эн. Нууц, д'э, бэйз горбигүү Цүлши буга омолгийн Мэйнгдин гүнэрий бий балдичаа. Нууцдун нэхүүни ачил. Тар бимий, нууц думайджэвий бдан. Нууц горомддүүн д'алдаттан. Тар бэйз бимий, нууц: «Би эрдэй баран байцэвэ вэйм. Тэлжм, бкүүми цицив д'эбд'эн? Би цэвжжэ! Цэвжжин амцаави бакад'ийн. Умийн утук-утуулдүү дундажээ энэ гиркура, сагдаандай ийзэм? Буга тэгжимээн энэ ичэрэ, сагдаандай ийзэм?». Эрбий д'алдэкс: «Би цэнэцэт бихим, буганаа тэгжимээн ичдэвшил». Тар думайджэкс, ахинчай. Тар ахинчай, тиматна өрдэ төгрэча. Д'э, тар тэгэкс, тиматна ёкакард'и камуйчай. Нууц умийн наанава тэнкүйзэн бчай бичдэл. Тар бкес, таду пригихави төвчэ. Тардийн инихишнийкэс, цэнэхинчэ. Цэнэхинчэ, уркэдукши илэрэ гира-никэс, амаский иллан. Иликэс, нууц утгантакиши турочиттэн:

Доке, доке, доопин!	Утук-утуулж,
Доке, доке, доопин!	дундаж бими,
Д'э, гүнэм, гачблайни	горо-горот

цанхийним би.

поросий брин!

Тар бэйз тикэн гүнлэ, айашийд'ахинан. Мэйнгдин матад бимий цэнэрэн. Д'э, тар цэнэд'энэ, нууц умийн бугадуу сиксэраан,

йицаран. Аицэксэй, тэмдтияа эрдэ нэнэхиндэви инихи хэркэрэн. Хэркэксэй, нэнэхиндэви инихиинэн. Инихиинийксэй, д'улэсий ичтэтэн. Ичтэтэн — ёкун-каа эмэд'эрэн нуцантайкайин. Эмэд'эрийн ичтэтэн — арай эхэй. Сома хэгдийн эхэй эмэд'эрэн. Бэйэ думайд'ааран: «Нуцанман би нэйрдүү вакса, улзэвэл д'эбд'ицэв», — гуниэ д'алддараан. Алацаан бэлэннэрэн. Бэлэннэксэй, гарпадави н'экэрэн. Думайдан тардалан дағамдараан. Дағамд'ана, гарпадави н'экэрэн. Тарицци эхбэй тэгээрэн. Тэгэксэй, туртчэрэн:

Лурил, лурил,	Барилд'иши
Лурил, лурил!	Игканий-ицэн?
Д'э, дулин буга	Д'э, миизэвэ экэл,
омолгийн-даа,	экэл гарпара!
Мэкигдийн-да,	Минду никимнодув
хүтэ-чика,	илан царичий
Д'оюнай эсилэ	сэлээмэ нуйиргий
эр-ту миизэвэ	бихин, гуиэм.
таварит, гулом,	Кэ, тайду д'авакал!
алацаанд'атни	Тэлэй би синэвэ
иткалиний	сэд'ицэвэ, гуиэм.
минтижий?	Бэйрий-ицэвэс
Н'дэгүү, н'урви	сэд'ицэвэ, гулэм.

Д'э, бэйэ бими алацаан, н'урви нэд'эн. Нээнэн, эхэй эмэрэн, дағалан. Дағалан эмэчэлэн, Мэкигдийн ичэрэн — тэд'эмэти илан дарилгэн цёнум сэлэ куйиргийн ирд'ааран. Тар эхэй: «Д'э, миандук, куйиргидукин д'авакал! — гунд'ирэц. — Бэйэглэ бими, маннукал, айамат түктэни бжал! Си минэвэ эхий токтотто бдакис, би синэвэ цэнэвэд'ицэвэй!». Д'э, бэйэ д'аваран. Д'авакса, айамат маца дуннэлэх халгаими батканан. Эхэй д'укуриллан нуцанман прихиндэви. Бэйэ нуцанман д'улэсий эхийн тэнмукана. Бэйэ эхбэй амаский бпкайшинаи тэниттан. Иларакаан д'укурихиниксэй, эхэй туртчэрэн:

Лурил, лурил!	бэйэ бихинни!
Лурил, лурил!	Лурил, лурил!
Дулин буга	Д'э, Мэкигдийн,
омолгийн-даа,	матаанд'а, бэйэ,
Мэкигдийн-да,	Д'буалын-чу
мата-бэйр,	дэлдэчтэкал!
маца, маца	Айат гуиэм;
батканд'анини!	Д'э, дундия-цу
Д'аванд'ас	Сивир сицкивэн
маца, маца!	д'э, д'урин-би
Ургэ, ургэ	Гиркуяцатын бихин!

Цэнэксэл, айанийд'ара. Д'э, тарэ айанийд'ана, эр бэйэ хэгдэдэх хокторблудулай истан. Д'э, ихиксэй, хокторблудулын цэнэрэн. Цэнэксэй, хокто илан буяаский хуйдийнэн. Д'э, бэйэ айамат иликсэй, хоктодуви хуйдийнэвэй адулдараан, мунийрэн. Мунийнэн д'эгүйтгий хокто хуйдлдидүү арай долбохик диличий сүчал. Д'э, бэйэ дулин-дулий бихий хоктово ичтэтэн — аицбдалаа хокто бэйип диличий

сүчэй. Дээ, бэйэ тэдүк н'ай апцутын хоктово ичэттэн. Ичэтнэх — арай солко ишцакталкайн мурин иргийн пригид'ин сүчэл длаачаа йүүтүүткэн. Дээ, бэйэ тэдүү думайд'араан: «Аягуватын хоктово цэнэд'ицбэ, — гунаа думайд'араан. Тар думайдаксаа, цэхииндээ н'эзэксэй, эхээни гүйд'эрэн:

Доке, доке, доонии!
Доке, доке, доонии!
Си, эхэ, уранкай бихий

даат алж бид'ицэн
гүйчэншийн — гунаам.

Эхэцийн айамат хукийхийцэй. Уклэхийнкэй, амтатчаран. Амтажикэй, эчэй амтара, түркэврэн. Бэйэ, тариццы тикуликеяа, котор ирэктээз нэлгэгээлий суултурагар тайзи. Тайникэй, дулии дулии хоколийран. Хоколикэй бэйэ эхэцийн дилвэц н'апчурагар иктерээн. Тар вэраан, эхэцийн дилвэц хбгран. Хбгикэйкэн, долбохик дилин локучарийдүү длаачаа тикийтгийн дэлищи локорой.

Локосб, бэйэ цэнэхинэн. Бэйэ думайдараан: «Дээ, дулгүтийн ўд'ава цэнэд'ицбэ». Тар дулгүтийн ўд'ава цэнэхинэн. Тар цэнэхинэтийн ўд'атийн тартыг иритта, бэйэ мучунаан — ўд'ан ячи. Сбл-дэхэгднээл бэйээл ўлгалтын бичёл битте. Бэйэ айанид'араан. Дээ, тар цэнэд'энэ, умийн бурагүй бэйэл ўд'алтын бманктал. Дээ, бэйэ: «Тар бэйээл ахүлла гороло цэнэрэ? Боконч бими айа бимчэй. Тийвантай ўд'атын ячин. Тарицэлба цэнэчб, бокончб. Боконч — нуцанцаачиний хэгддэл бэйэл-вит. Тар амаргийд'ин боконикэй, бэйэ туртчэрэн:

Доки, доки, доонии!
Доки, доки, доонии!
Дээ, гуаэм эхийэ,
матал-байял,
эцэл-гүй, доржвойо
дблд'каалу! — гунаам.

Ема буга матасийн?
Шийн гарбийнин бдас?
Ичэнэжэр, дэлдэнгэвар
улгучэнэмуу, гунаам.
Ижэ, гунаам,
айанид'араас?

Тар тикэ гунийксэй этэрэн. Этэчлбий, бэйэ туртчэрэн:

Гуруканен, гуруканен!
Дээ цэвэлдэх бэйэ-дэции
дороводжүү дорово бэчин!
Дээ, гэлтэрэм-цэн
гарбийд'эрээ-гүй
улгумийр бдакис-күй,
дээ, улбумийкэн-цизи
улгучдийнрэй бэйэ бихим.
Геруканен, геруканен!

Гэ, си-ка гунаа-да
эдэ, сунтар суреканын
улгумийр бдакие,
йарин йийн эхийлдүүн,
дайкун булд'ар бакалдьсүн,
ирээга мэ сувэрэндүүн
түмийнлэхий, гунаам-цэн,
сонин-байяа гүйэртэйн,
Ирэнүчэн-бэйэ бихим.

Дээ, гиркийн н'ай улгумийд'этчэй: «Мити байэцт?». Мэкигдил улгумийрэн: «Си ёма гарбийч бихийн?», — гунаа, улгумийран. Чагуу бэйэ улгучбрээн:

Даву, давукаанин!
Даву, давукаанин!
Эсилэ Мэкигдин-мата,

си, эдэ, дблд'каалы!
Би улгучийнкэн:
дулии бурагуу дөкөччя,

д'апкун кадара,
д'анкайцутын бекең
Кадапчай гәрбійч.
мата бихим-шән.
«Илә, — гүниэ, —
айаннабд'апни?»

улгумірекис-шәп,
Ділачай йұптулайк
ділачай хунайд'ин
ақайндула-вит
айаннабд'ам би.

Кә, тар иуцартын улгучомәйкескән, иланы умүндү айаннайхина. Тар цәнәд'әнәл, умүн бираға эйәкәй итчәрә. Дұр тәрінин уре бәм өдан. Бәйел урәзе хәндулайн цәнэттә. Д'ә, бәйел бәм әрғидән мудандулын иста. Испатын уре тәріндүн сәма хәгдісәл сәницил сәлемә палкачыл илитчара. Мәкігдин амардуктын цәнәд'әнә. Тар сәницилдула ишишал. Ихиксакар, сәницил нуцарватын ичачәл. Мит бәйәцілті түрәтчәре сәницилтікі:

Герукайни, герукайы!
Герукайни, герукайы!
Илә-көзү хәдерйтів
бәйелті-үни

Котор йәнәс-бира?
Дұр тәрінин урәйлдү
бұйым-гу тисутмай,
бұйым-гу этәвд'әрас?

Тарил бимі түрәтчаре:

Н'әриги, н'әриги!
Н'әриги, н'әриги!
Тіли, тіли!
Бу-байәл тіксүтчәрез,
«Екүй ибдадүн», —
Гүнәкис-шәп,
ділачай хунайд'ин
Н'үнурмәк айа ахайан
«Пулин буға омолтін
сәници-бәйә Мәкігдин
әмәд'әрән», — гүннәвә-
ти

долдікескәйкай, гүнәм,
ділачай хунайд'ин
«Әтавкаллу! — гүнчән, —
Каравкаллу!», — гүнчән.
«Би бугалай зәмәй,
айава этән бра, —
гүннә. — «Әра бугава
әкеллу хәдевібиз!», —
гүннә, мунәво
әтавукбінілчән.

Бәйел тәдүк тікүлдікәл, ләгімәчиликтін. «Саламәл пал-калд'ивар ділілбахуи шапчуд'идәвүн!», — гүна. Д'ә, Ирәнүчән бимі гүнд'ирәк: «Д'ә, би и'брәкта! Миназа ионон вәмій, вәктін — сағді байоза», — гүнд'ирәк. Тар бәйәл иопси Ирәнүчән цәнәрәк. Цәнәчәвә әр байәнә Сәләргүн сәниң үгүйд'ин иктәрән. Иктәнән — адағүд'арыйва калтака ми्रәвен хуурорегер иктәчә. Бәйә тәдү тікчә. Тәдүккар Кадапчайн сәници Мәкігдіткі гүнд'ирәк: «Әдә, мулад! Гирківәт наран. Д'ә, би-кәнә цәнәктә!», — гүннә, цәнәрәк Сәләргүлтікі. Сәләргүн-сәници палкави бәләннәчәд'әрән. Тар цәнәчәвә сәлемә палкатын иктәрәп, адағад'арыйва, калтака оғонбін хокорогор. Бәйә тәдү-дә тәңәрәп. Тәдүк Мәкігдин гүн-д'ирәк:

Доке, доке, доонни!
Доке, доке, доонни!
Әдәл бәйәл бим бд'ас?
Сәт суракиҳүн,
хәгдісб гарбылкәхәл
бәйәл биябүн, гүнәм,
Сәләриүл, гүнд'эм,

д'үр Сәләргүн-сәницил,
минәвә зәмүкимә
екүймән сулад'ас?
Д'албас вәрес, д'антас.
Д'ә, минейківә
умүн иктәдү
этәрәп сулара!

Тікән гүнэн, бэйэ цэнэрэн. Цэнэксәкбى, и'ан-дат иктучад'арав
Мәкйгдүм. Д'э, Сәләргүп-сөниң гүнд'ирэн:

Н'эригт, н'эригт!
Мәкйгдүм-мата,
Нәрихй ишүүцүй
порости, гүкәл!
Нонокийдүк амаргилә

Бүлүнч эмбимүчдүт
амаргилә кайчи бимүй,
ижүчүй, акчүй бимүй,
порости гүкәл!

Гүйиксә, д'э иктәд'эрэн палкатин. Иктәд'эрине Мәкйгдүм
адағараи. Адағанаң урәксәкәй, д'улгидәдүи хөгдүү д'ою
бичэн. Талә туңца путечи сөләмә палкави дүүни буҗалы уургәциэн.
Сәләргүн богатир палкайа ёчин бәап. Гэ, Сәләргүн эмәхинчбә.
Тар эмәхинд'эрекин, гэ, Сәләргүнма Мәкйгдүм колтод'орон.
Сәләргүнмә сөнин тәкәндүлиң колторон. Колтоноң, Сәләргүн-
богатир баргүвү сәйдулый сөкөс йүран. Гэ, Сәләргүн эмэрэн.
Палкатин иктәд'эрэн. Мәкйгдүм палканы д'авараи. Д'аваксә,
тітәрән. Тітәкес нуцамын палкад'ин диләп н'айчурагар шктэ-
рэн. Тар д'урывэ Сәләргүрбэ вәран. Сәләргүл д'утын даға бичди.
«Далби халгартиң хокоргочол-тү?». Тарнилби д'үрүнэ ичхий-
никсә, Сәләргүн д'үләтиң цэнэврэн. Нэнэвүксә, тәдү ишдән.
«Халгарбар хуйэлбэр оғорокти! Бугалайвар мучүңиакаллу! Мэр-
рун садааёт!», — гүйиксә, тар цэнэрэн.

6. Низәнийд'э

Билир, билир дүниә улапкүп кумаләммәтиң гарадайчайгачин,
тәниңэ гарадаа чагачин бид'эрекин, д'улкай уранкай бскед'ача. Утән д'үчүй бичә. Эр бэйэ «энэ» гүнәри, эйин ёчин бичб; «амы»
гүнәри, амий ёчин бичә. Агад'акай бскед'ача. (Тар шимцакан
тәкәниш).

Эр бэйэ гэлтэр гәрбий, сунтар суракин Низәнийд'э гүнәри
сөниң бичә. Идук-тәй йүшерийи өхүн сәра. Үрбүттен думайдайтый.
Мәими д'алдүүви: «Олус сөниң бихим. Миңжүчин сө байз ёчин», —
гүйчэттән. «Йәрийд'э билкәи Олон-дүниө оргодук миниңчиг байз
ёчин», — гүйчэттән.

Д'э, эр бид'энэ, нуцандулан урацкай-байз эчин эмора, эчин
бакалдира. Энисэдүкни бакалдира дөлбү-мөт тикиялттаи. Тимәр
хөлтанду йүнэ, йүнэ тәнкәчүүк бичә. «Хөргү буғаду халд'аркай
бскеракин, аяа бимчә! — тәнкөттөн. — Бараи байз күхиллакин,
ци сө бэйэ сулаңчай бимүй, би күхимчөв, байлал», — гүни, тән-
кад'ечән. Аңцәкса, тимәтина мөлликәй, бөдү хүклүд'аракин, туллаб
бэйэ тәнкөтчарэн:

Гөрөвлакәши!
Гөрөвлакәши!
Собыкү Низәнийд'э,
Доронойо дөлдүкад!
«Эр дүлиң дүлләдү

сө байз ёчин», — гүн-
из
тәнкәчүүк бяхинан.
Утаян-утандукви
иэл-көт энэ цинэрэ,

кихэргед'ийат,
Түкэн гүнччини,
хүлтутыгийр сөнницил

кухийд'эрэ бэйэл —
тэлээ си, суруксэ,
кухийдимчёс, бёлж

Тар ахий турэччиксээ этэчэллэн, Нивээндээ турэчилжэн оттан:

Геце-е, геце-е-орой!
Симбир дэвшил
Бакаксай, кухийд'эйж!

Тар турэччиксээ этэрэкин, ахи турэтчэрэн:

Геревилакайнин!
Геревилакайнин!

Симбир этбили,
этбили тэрэрэ!

Тар тикэн гүнэжин, дэлбимээт тикулжтэн бэйэ Нивээндээ.
Тар кухийд'эрэйл бэйэлбэ ахий улгуцэниттэн: «Хэргү бура сөнничин, авахи н'үүцэймэтийн сөнниц, Гарагалтун Силин гүнмурй, угү бура сөнниц, Катай гүнэрий. Тар суруксэ, тар сөнницилжүн кухийд'эрэл!». Тар гүнэжин, кухийд'эрэйл сөнницилдулаа цэнэдээви эцэхинд'эрэц Нивээндээ. Түкэн гүнэ, турэтчэрэн:

Геце-е, геце-е-орой!
Би-үэн бэйэ,

дулийн бура сөнничин,
эмий-дэй исчажаан!

Д'э, онохонийксайлан, цэнэхинд'эрэн. Эр цэнэхинд'энэ. Эр дэнэхинд'энэ эргэчин гүнис турэлжэн бд'аран:

Геце-е, геце-е-орой!
Дулийн бура сөнницилд'ан

Нивээнд'эн-жэн
сурум сөнницилдулаа!

Кухийдми цэнэхинийн. Бурави чоростайлжсай, тиргимээт цэнэхиний, ороно-коть ачии, ёкүма-кэт авдуяа ачин бишэ.

Д'э, хэргү бура сөнницилжэн цэнэхинчэн тиргимэжэн. Д'э, д'үүдүүкни цэнэхинийсэй, дэшачай тикийтлэгий цэнэхинчэн. Д'э, тар эрийн-таркай цэнэвжийн бэйэ. Эркэл цэнэвжэнд'эрэкин, д'улгийдэгийн эргэчин турэн ишцуд'эрэн. Д'э, ишдан дэлчэтчаран. Эргэчин гүнэ ишцуд'эрэн:

Нэдэрэжжиний!
Нэдэрэжжиний!
Хэргү бура сөнничин,

Гарагалтун Силин,
д'энтэйрэй
муудандулаа ихимиран!

Түксад'ана турэтчэрэн:

Нэдэрэжжиний!
Нэдэрэжжиний!
Авахий-сөнничин
д'энтэйрэй

муудандулаа ихимиран!
Эмэй бура сөнничин
минээр, эмэжэс,
ийд'аийн, бука?

Д'э, эрэ Нивэйнид'э-сбниц дöлчäтчай. Дöлчäчийсäкäи, нуцан дöптийн туксад'ача. Түксахинисäкäш, умнёт-тö бакалдïран. Бакалдïсäкäи, ичэттэкии, агй-сбницимäн авахй-сбниц боколток дчä, д'авалтак бчä. Нивэйнид'э, эр бэйэлбэ ичёкебäи, турёлкэн дчä:

Гене-е, гене-е-орой!
Хэргү буга сбницин
Гарагалтун Силин,
арй бэйэлли кейинкея,

ахад'ани «д'эбдэни», гуна.
Минэвэ кейми,
сб бэйэ бид'вэс!

Д'э, нуцартын бакалдïсäкäи, турбчилчдл. Сбниц олуктуви д'авучад'ана, турёлкэн д'арай:

Гене-е, гене-е-орой!
Гене-е, гене-е-орой!
Хэргү буга сбницид

Гарагалтун Силин,
арй бэйэ ахапаван
он'овос сб д'нижай!

Тар турëттэкин авахй-сбниц, олуктуви д'авучад'ана, тикэн турёлкэн д'арай:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
Агй сбницин

Нивэйнид'э-мата,
дороной дöлдикай!

Тикэн гунэкин, Нивэйнид'э-сбниц авахй-сбницимäн покойва энэ бүрэ, колтод'очд. Эр колтонодүн авахй-бэйэ тэмтэриксäкäи, эчэн тиктэ. Тар тэмтэрийчиксё, авахй-бэйэ тикэн турёлкэн д'ача:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
Нивэйнид'э,
сбцику бэйэ,
колторыс, ёдус
сбтаран д'ача.

Хуцутубнэл урацкай
колтороктии,
эчийни тэмтэрэ бичбэв.
Эр синдү элзэсэхн
тэмтэрийн би
колторокийе.

Тар цэнэксёл нуцартын кухйлчдл. Эркби-таркайн кухйл'эрэ. Тар кухйд'эксёкэн, авахйва Нивэйнид'э-сбниц, кейинкай оттан, илалладу кухйкёс. Тар кухиксёкэр, авахийнид'ана кейинкай, вэллан ббла. Авахй турёлкэн оттан:

Дицде, дицди!
Дицде, дицди!
Нивэйнид'э-мата,

окол мино вэра!
Өдүк агй бийэн'уу
отэм макүстэ-эн!

Тариции энэ дöлдира, вэран. Вайкай, тикэн турчиллон:

Гене-е, гене-е-орой!
Гене-е, гене-е-орой!
Эрнэкалын эмэрэ!
Агй бэйэн'уу

экаллу макүстэ!
Симбир вад'ицав,
Симбир кейд'ицав!

Кейинкёсäкäи, кетарийкий бэйава: «Д'улэви цэнэксёл! — гунит-тэн. — Тар цэнэксёкэн, мицавэ д'блициакал, атагастаракин. Тар д'бнакис, йдү-дэ бимий, дöлдид'ацай», — гуниттэп.

Тар хуйчийлдітэ, Нунаи, Катан, д'улави цэнэрэн. Нивэнийнд'э мөнин саритпи цэнэттэн. Тар хуйчийсэйн, Нивэнийнд'э сбниц цэнечэ дилача инендулийн биткакай. Эр цэнечэ, цэнечэ, эрийн-таркай цэнечэ. Эр цэнэвкэнд'эрэкин, угиский турэн инчуд'ечэ, угу бугаткакай. Эрэ нуцан, Нивэнийнд'э дблчачаран:

Н'ең'едәреку!
Н'ең'едәреку!
Дулин буга

сбницинд'ян
дорсовойо дблдікал!

Тар гүйксэ, н'ан турэтчирэн:

Н'ең'едәреку!
Н'ең'едәреку!
Нивэнийнд'я,
сбниц-бэйэ,
минэвэ-дэ
дулин буга

сблицинд'ян
атагастад'аран.
Минэвэ айкал!
Минэвэ бихакал,
Нивэнийнд'э-сбни!

Тар гүнэкин, Нивэнийнд'э-сбниц турэтчэрэн:

Гёң-е, гёң-е-орой!
Гёң-е, гёң-е-орой!

Би, ёмй-хат
нуцаңмай исчацав!

Тар гүйксэ, цэнэвкэнд'эрэн эрдэт. Эр айаннаксакан, тар бэйэвэ эрдэт истан. Эр ихийсэ, эргэчин бимй, турэлкэн бд'аран:

Гёң-е, гёң-е-орой!
Экүн ухаван бчай?
Ахакайма-дай

атагастачиний?
Би синэва-дэ
он'овос од'ицав!

Тар ахива атагаставий бэйэн Отанинд'а-сбниц. Тар бакалдиксакар, кухидэвэр и'экэд'эрэ. Отанинд'а-сбниц эргэчин гүнэ, турэлкэн бчивкй:

Орел-дай, орел-дай!
Сбнку бэйэ-дэ,
минэвэ эмй сэрэ
бакад'ицас.

Миндулэ эмэнэвэ
идаакайсакан,
ахад'ицав-цан!

Тар гүннэдүн Нивэнийнд'э, тікүлийсэ, эрдэт кухидэви и'зкэчэ. Д'э, кухийчэл-дэ кухийчэл. Кухийликсэл, эрийн-таркай колтоматчал. Нивэнийнд'э-сбниц таркай кейчан. Эр Отанинд'а тікэн турэлкэн бчай:

Орел-дай, орел-дай!
Экэл минэвэ вара!
Эдук д'улэсий
этэм мэнуста!

Тікэл инэкинд'и!
Эхикис вара,
хуватпи бүд'ицав!
Айа лэкүчий бихим!

Тарит элихэ Нивэнийнд'э этэрэн дугд'амй. Тар Нивэнийнд'э-сбниц, Отанинд'а хунэтпай ахийави таекайсан, д'улави мучүхинай. Эргэчин гүнэ, турэлкэн бд'аран:

Гёң-е, гёң-е-орой!
Отанинд'а, киннив,

би бугалави
сурухицнэв.

Эмэрд, сурурд-тү
атагастаракан,

маконъ, бий-көт
д'бийдиакал-да!

Пороестиләкәкән, д'үткәйви-утәнтүкүиң ىонхинин, ахын
бодомно. Д'э, эр ىапәвкәпд'ечәтиң. Цәнәвкәйтчөрөктүн, урискәкүй,
буғаткәкүй түрән инцүд'ечәни:

Недерокопи!
Недерокопи!
Сәңку бәйз,
Низәйид'э,
сөниңниңд'а,

доровойо дәңгәкәл!
Айраканни
шарлас-тә
сигда кайинни
Сиңечин бәйз ачиң!

Низәйид'э-сөниң ахыгаливи д'үләви әмәчен. Тәдү билчәл.

7. Өтаний

Билир, билир, билир мәтадин тәғәр-дүннә тәпүүвд'э-
зехин, ләм аләнис котор йәнәдүн бд'анахин, котор йәнә дәрә-
ниң йүл'әңзехин, аләкәс гүгдаринин ухуләт д'үгл'үтиң көрдіс би-
хин, утән нәкүдү иллитчаран. Тар дәдүн умүн мата балдід'ача
әмүккәкүй. Нуңандүн умүн ороини ачиң, умүн иинайа ачиң.
Эйниими, амийми иргитта балдинани экин сәра. Бәйз думайдат-
тан, думайдад'аран. Думайдад'энэ гүнчәд'эрән: «Дулии дүннә
ситкүйдүн йүчә бихикив, аның әптіләдукин тукалә балдічә бимчә;
мәдүк йүчә бихикив, сигдәдүв угдаңса памарәчә бимчә, угу
үгүйвир сөрүкәрді н'аңынадук тикчә бихикив, ороңдүү саңыса
памарүмчә», -- гүннә думайд'аран. Түгэлд'эн д'үн күйә көкчил-
кән, ләрүмнә иянәкталкән; д'үтад'ан д'үн ценү дәүй тарамна
дактілән илбәрийлән.

Нуңандулән дәги-дә, әмәксә, аллән әмсәр. Уларни тақијәллән
әмәрә, аллән түрәттә. Нану дәғицини н'ан ачиң бдан — манауран.
Төкүй бәйцәцин, сәкәдкән, сәкескән, алдән аліна.

Тар бәйз тәдү бид'эрән әмүккән. Сәхәргедән — гиркин ачиң,
улгучбәттән — ций-кәт ачиң. Тар бәйзә әмүккәкүй бими, аңунал-
лаш. Әмүккән бихия сөбмат әнәлгәлән. Тар мата ғөрбүн Өтаний
ғөрбүйчү бәйз бичә. Мәи думайдаттән, дулии дүннәнү гиркудәві,
дулии дүннәнэ н'әкәйбәви. Д'э, қәнәхинидәви, иуңан сикса тик
думайдәкәкән, ахинен. Тиматпа әрдә тәләрои. Д'әбгойәви д'әп-
тән, тәтілби тәттән. Ирә байиң наинан күпәмичи бичә. Эни-
байиң тиләүинин-сарихинин ән'әгәптүчүй бичә. Тарыцини ән'әгәп-
түкәсәкән, бәйз тулискүй йүрән. Йүкәкән утәнми уркәдүн иллан.
Тар бәйз — «әргәчайкәкүй бәсин!» — сәхәргед'эрән. «Таргачайкәкүй
бигин!», — икәд'эрән:

Дәки, дәки,
Доң, доони!
Д'э, гүнәм, би-ла,
Утәк-утән д'ү,
гүнәм би-ла,

илармай сәнәлкән,
дүгипмән курдулкән
апә тикте бикәл!
Әрдән аңаңишли
әмәд'иңдә би.

Эхим болд'оро.
Би, бэйэ наадави
ситери гиркуд'ам.
Д'угалд'аи д'ү
дэгэй дэктэлбэд'ин

элбэржжэя д'ү,
тугэлд'эн д'ү
чбрама д'үкчэв,
мудан горо
поросай бигин!

Тикээ гуийксээ, этэрэн турёчийксээ. Эр бэйэ нуцан бими, цэнэхинчээп Ийнээцци солонгой айланыд'аар. Эркэн-таркайн цэнэд'эвий бичээ. Нуцап д'улгийдэлийн коцнории гаки «гак!» эхин и'экэра. Д'эр, бэйэ бими айацайд'ари йүпэцци-бираамы дөрвиндүлэн истая. Сома котор йаацинд'а. Тар түктэрэн. Тар ойолбн түктэксэнэя, д'э, мунийд'эрэн дэруумийд'энэ. Эр бэйэ бими, длаача тикилтики ичэттэкин, длаача йүнтуткин ичэттэкин, олус аяа цэрий дувинэ ичэвуттэн. Тар бэйэ бими думайд'аар: «Иртий нэнэд'ицэв», — гуинэ. Д'э, тикэ думайд'аксан турётчарэн:

Дэки, дэки дбнин!
Дэки, дэки дбнин!
Эмцэ амцатни
айдард'ам-даан!
Кондэ юмуйтили
мэнкэн сэхэрэгд'ам.
Н'ултэр длаача

йүптуг айа,
гуд'эй, сагд'энэ
дуннаэл ичэвүйтэ.
Бракин-дэ
н'ултэр длаача
исчэ бими аяа,
гунэм-дэ.

Тикээ гуийксээ, этэрэн турёчичксээ. «Д'э, би, мата-бэйэ бими, цэнэхиндэви н'экэм», — гүнэн, иллан. Илийксээн, гирахиндэви н'экэд'эрэн. Гирахиндэви н'экэд'эрэкин, ёкун-ка цанмакта турёнинэчин дэгийнд'эрэн дэгэ турёндукин хунту. Бэйэ тара дблчэттэн. Айамат уйдерэн. Арай угыскэй бихин. Бэйэ тара д'иктергексээн: «Йдү бихин? Турётчэрэн», — гунчэрэн, угыскэй адуллад'эрэн. Тар ичэттэкин, длаача йүптугид'ин өмэд'эрэн. Бэйэ тара д'иктергэрэн: «Дэгэ турёнин урацтай турёнимдэх урочё», — гуинэ. Тар эргачийн гуинэ, турётчэрэн:

Геревлаканин!
Геревлаканин!
Д'э-гэй, гунэм,
дуулин буга
омолгийн-цэн
Отаанд'а-сний,
дороко! — гунэм.

Ичэлэвн-дэ
дблдшави-да
улгуччэйнэ
Анцаний эрдидүн
бакалдтран!
Инэдий эрдиндүн
ицэлдтран!

Тикээ гуийксээ, этэрэн турёчичксээ. Мата турётчарэн:

Дэки, дэки
до-он доонин!
Дэки, дэки
до-он доонин!
Мата, д'э, си
үгилд дэгэри
цэнүү дэгэй
би, урацтай,
турёнимд-цэн

урочэ бина,
турэлжийн бкэй,
турётчэнни.
Урацтай гунд'еэбдүү,
дэктэлбэй бданиг!
Ема бугаду
öскече бихиний?
Си-ко улгуччэнэ!
Би ичөнэв, дблдшав

Бүкүн-дэйчай.
Аңадаан би,
амүккәй-цэн.
балдима бихим.
Энийн, амийн бийс
айчийн бихим.

Си бүкүн-цан
долдигчиллий?
Иргэйт тэгжилбэн?
Цийэ гербийлбэн
bihilpi си?

Тикэн гуунэ, этэрэн турэчикас. Цэнүү дэргүй туртчэрэн:

Геревлакайни!
Геревлакайни!
Мата байэ-цэп
уруу ичвэрий
иширмай
сэргүйдир
и'аачи'а хөргийдэллэп
дүнинэ н'эхэйдэй,
душигээ тэргийн
тэйтэндэй,
ичэвэр, долдигчав
баран сб.
Хүчтүмэлчэлвэ
ииччим-цэн,
хүчтүмэлчэлвэ
долччим-цэн.
Ехалкай, облиян
боксай,
энэ долдира, энэ
ичэрэ,
би н'эхэйдэйцэс?
Дулиг дунинэ

ойойодүн
арасийн бихин:
бэйэ бэйэвий-дэ
вад'ориван
ииччим би.
Сб сураккав
сулагаларий
бдалис-тэ,
улгучийн-зито.
И'ултэн дилачай
дэгийн бурагий
тиргирий-дэ,
дилачай-дэй
хөргийдэдүн
бсиеча бичэ
Тиргакчай-цан
ахакай-цан
бицнэм би.
Мудан горо,
поросай бишин!

Гунэн амаский токорихийн:

Мата-байэ,
Эр би цэцэнен
уд'авав ичэткэл!

Айалыгд'аддэвж
йлий энчилжээ
ичэрэвэ-дэй.

Тикэн гунаэ-дэй, энд'эрэн ичэвэрэ. Тар цэниэрэн. Байэ бимий сома брдак сома тикулчай бичэ. Тикүлийс, туртчэрэн:

Доке, доке,
до-он, доонин!
Д'э, гунэм-цэн,
си гуд'ай дэгэй-цэн
гуд'ай, н'ултэр
дилачай хөргийдэдүн

бсекери Тиргакчай
килияли-ахийий
энчээ ўд'авас
тоңсуйд'ижин!
Уникши ўд'авас
ункед'ицай!

Тикэн гунэн-дэй хэтэкэнд'эрэн байэ. Тикэн этэгийнсэхэн, нуцан туксад'аран. Кэ, нуцан туксаран, туксарах дилачай йүптууткий. Эр туксарин чимдүн ниткуй мб томконуттаан, хэгдэц мб иэлгэгээли сулудаттэн. Д'э, байэ туксад'аран-дэй туксад'аран. Эр бэйэ бимий туксанави муданцуй, килейнави мудаклай истацаалан цэнэттэн. Д'э, байэ туксад'ана, умүп котонд'о д'оло бихин. Тард нуцан судурийсбэйн хойотги нэчаран. Тиктэн ойотни, д'олон хуургэрэн.

Ойон дулин дулин дэллэрэгэр, дэллэрэгэр. Нэшарийдүн бэйэ д'улбэски судуринэ, сүлурпэ цэнэрэн. Цэвэги мудаклэн, сэлэмэ гэгин ёксд, дэшилд'эрэн. Дэшилийсэхэн, айашид'аран длачай юутуткэйин. Угрыскэй учү илармэн сёрукард н'ацн'амакту түктэрэп. Тар түктисэхэн, нуцан длачай юутуткэйин тикчэрэн. Д'ур дэктэллэдукин того хутанийгачинин чургихивап, кургийнэ цэнэрэн. Таду наадал лам бакалдтийн, йэрийн йөнэ уйилдтийн, багдама лам чувар ойолби тиктэн. Н'ацн'ава иссарий йац бичдэп. Тар ойолби доррап. Тар доксакан, бэйэ айамат мунийд'эрэн. Тар мунийд'энэ, иртий-ка турэнмэ дблдран. Дблдинаан — эргэчийк, гунце турэнмэ дблдран:

Геревлакан!	дулин бугаду
Геревлакан!	боскенэв
Эрай, гунэм,	сий ахүкайма
Екун, ёкун	я'экэйбий!
мувэни умчан?	Илан Сибирдү
Екун, ёкуп	эргэчийн матава
чукавал д'эпчэн?	ацчими дблдира.
Мата балдчан	Ичэнэдүв-да
олихин-да	ячийн-цаан.
сурахирцатпи	Дблдинаадув-да
сурахирчай.	ячийн-цаан.
Эргэчийн-мата	

Тикэн гүнисэхэн, н'ацн'ава иссарий йацна ойолын чагидатки дэктэлдти сирбина аланд'аран, аран баттийви. Д'эр, бэйэ дэгийлэвээн иччайксэ, цэнзине ўд'аван цэлэрэн. Цэвэжсо, янаан н'ацн'алдэ далкийчаран. Яацци тэлли цэнэхисэхэн, бэйэ цэнэрэн. Д'эр, нуцан тэлэх тағаксэхэн, амасий-да эхин чуптургара, д'улбэский-да эхин юурэ. Д'эр, бэйэ тэлдүү кайивран. Кайивүксэхэн, бэйэ турэтчэрэн:

Даки, даки	зэрэй буга
до-он, доонин!	зэрдэхилим!
Надан ламуудив	Би длачайв
Йэргин булд'арив,	хэргийдблайп
багдама-цаан	би-мал, гунэм,
ламунд'а-ан'ий,	чилдивкайол!
багдама-цаан	Часки би-да
йацнипд'а-да	длачай эргийдблайп
итчиинд'ип	ицчэвийн эйдтий
дблдикал,	д'аличий бичэв;
сэлкэн ёмий!	бурадуки-цаан
Эрай Кетан	эмэхиницэхийн
буга киридүү	гунд'эм-цаан.

Тикэн гүйжсэхэн, тар эхилээ этэрэн. Этэчэлэн иргйт, иргйт ёкун-ка турэнин бихин. Тураантий ичэхинэн. Бэйэ, Остань-мата, ичэхинэн — умүн атиркэн арай иллитчаран авгийдадүн дацаудун. Тар иллитчапа, эргэчийн гүннэ турэтчэрэн:

Оле, дблдэ!	Гунэм-цаан.
Оле, дблдэ!	Ёкун, ёкун

дүлийн бура
омонгийн Штапий,
хутэ-нийй,

Түкэн гүйнкөкөн тар этэрэн. Тәдүккар турбатчорон тар атпрекан;

Оле, дәле! Оле, дәле! Хуто-шика, Отапыкап, дилач-да хунад'ин Тирлакын	Кодакчай-киливчи, Д'авылго-Күнүмчөт ахасаңд'а си «сон боконд'оюбэр», гүнш, ахад'ани! Горо орёро сарылдар'ицде!
---	--

Тар түкө гүйкесөббөк, атіркай иші-дә цәнәниң ичәкебчä. Бәйз д'уләсий ичэттәкин, ишан дүниә дүниәнен, йаң-дә ючін бчä. Тарит бәйз д'уләтиң цәнәд'ирән. Отапи цәпәвкәнд'еп. Эркәп-тарқан цәнәвекәннитәп, сәләмә гәкчәп бисәкәп, дәрүнд'эрәп. Д'ә, мата бимі аның сәпд'иви дәлчäчитта. «Үгү цәпәрипп аның сәпд'иви дәлдід'аңаў, — гүниттәп, — д'әғинцү сәпд'иви, хәргү буға авахиң сөниң дулин дүниәлә йүрәкин, д'әғинцү сәпд'иви дәлдід'аңаў!», — гүнчэттәп. Д'ә, бәйз дылачә йүнтүткәп айашнад'аран. Тар цәнәд'енә екүн-ка ишәв дәлдірац. Ікүн-ка ишиң ишүттәп. Отани-мата, тәрә дәлчүна, цәнәд'эрәп. Эр бәйз айамат дәлдіракин, арай дүниә ниргид'эрәп. «Ағді ағдірац, — гүңд'эрәп, — күдту». Д'ә, бәйз дәлдіракин, колто ишін биңәт бәйз тициләкин ишін биңәт — иркиттәп-вит дүниә. Д'ә, дәлдіңаи арай, дагама-нэн арай. Бәйз ишәв дәлдікса, ишатиң цәнәниң — ичәвуллән. Арай бәйел күхид'эрэ-вит. Умүн Чулурә, умүн мата — д'үр бәйел күхид'эрә. Чулурә маташа кейңіт бчä, баңаға. Мата ту-рәнниң бихин:

Гөце, гөнө-ей!
Гөце, гөнө-сий!
Салэргүл-бэй,

Тар Сэлэргүн түрэгчэрэл н'ай, бэйс дүлгүйчилтэй

Дицде, дицде!	илиң аңдайы
Дицди, дицди!	кухакенең-төр,
Үүгү буға сбницик,	диңгэтиң аңдайды
Д'олоний-сбницик,	кейдәви н'өндөм

Тікен гүйкес тар әтәрән. Өтәй-мата д'з, турбний өттән.

Доке, доке! Доон, доончи! Д'э, эдэй, дорово бгын! Экүн энцид'и эвийд'эрэс? Айа, гуд'эй эвийд'эрэс!	Хэргү буца Чулу- рэн, Сэхэргүн, сбииц-бийэ си тавар матава-дй бкүн буруйдульиг, бкүн ухапан бинийн-дй
---	--

атагастанни⁹
Си миндү-цэн

улгучэкэл!

Тикэн гуийксэхэн этэрэн. Авахий турэтчэрэн:

Диңде, диңде!	бараал бэйэвэл
Диңде, диңде!	манаксакаан,
Би дуулин бура	би, этиркэмэ
байанду гэрбичэ	кеййжсакаан,
сбииц Мэдрүрий	хунатпайл-дан
этиркэн-цэн	гадави-дэ
падан хумчад'ян	и'экэд'эм-цэн!
хөргэмэлтий	Нуцал-дэ
хупатна-дап	эмэксэхэн,
гадави и'экэд'эм!	мэнийн-цэн
Мэдрүний-этиркэн	мэхийд'ед'аран.

Д'э, Отаний-маты бимий таду турэтчэрэн:

Доки, доки!	хуватгайн-дан
Доон, доошиц!	авахи бикин
Д'э, би гуэм,	ганааван саны?
хэргүү бура авахий	Окин-дэ эчийн
Салэргүн-сбииц,	арай бэйээшийн
Чулурь,	алахийдук п'ян
Си азий бэйээшийн	эчийн гада-дэ!

Тикэн гуиниксэхэн этэрэн. Д'э, авахий турэтчэрэн:

Диңде, диңде!	гуинэл, ичэл'д'э.
Диңде, диңде!	Би-вэл бэйэдүк
Минэ авахий	ёнкумын итэгэс?

Тикэн гуиниксэхэн, авахий багар турэтчэрэн:

Диңде, диңде!	сбиицин-дэ
Диңде, диңде!	Отаний-сбииц,
Си-дэ бикин,	синээза-дэ
гуэм-цэн,	соторо кэйрэйв!
Дуулин бура	

Гуинэл этэрэн. Нуцартин таду, лагимчийксэхэр, кухиллэ. «Авахий-сбииц и'бракал! Колтолол!», — гуандэрэн Отани. Авахи колторон. Колтон тэнчаран. Нуцартин таду д'үрий кухиллэ. Колтотин ичин уүү буяла, агдэй би, ниргинэ цэнэршэн, хэргүү буяла түцилэжитин ичин тиргйтэн. Нуцартин таркай кухид'эрэ, таду кухид'эрэ, кухид'эрэ. Томтор дуннэвэ оцкучакицнара, талгрик бугава авлацна, авлан дуннэвэ талгийцнара. Нуцартин муункуэ ишава кирицна. Нуцартин тэрэнкэй байэл кухид'эрэ. Авгүва-дэ эцбэтил кэйиллдэра байэл. Нуцартин кухинэвэтийн адэ бөгэвава-дэ, адэ анцанива эхил сэрэ. Д'э, эр кухид'энэл, нуцартин умүүц бира эйжэхий кухинэл цэнэрэ. Д'э, авахий-сбиицин турэтчэрэн:

Диңде, диңде!	Мит, гуэм,
Диңде, диңде!	д'үр сбииц,

бакалдіксай,	хәргү буға авахин
кухайліст	үшкәт болгоро,
туғурук	Үрү буға
анцай әдаш,	сөницил,
Диңде, диңде!	айат, гүнәм,
Мит дүниэво	әмлә тәрәра.
чукнаран,	Мит этәрекит,
балдірій-дә	д'әкіндіракит,
әялән балдіра.	би бамчай?
Мунжайд-дә	

Тікән гүйиксә, этәрән турәтчәми. Отаний-мата турәтчәрән:

Доке, доке!	йдүй-дә д'алайа:
доон, доның!	пакун, ақий әчий.
Ви умис-дә	Ки йдүй-дә
иллакса,	бучәлій-дә
әхим мултұра	сонорій әчий!
д'алык бихим.	Әмүккебкүп
Кейми, кейдалайви	мәпми, гүнәм.
этәм этара!	Авахай, си
Бумай, умүн	эрди баран
турәя әчий	арй бәйзаңи
буд'ерій бәйз	мананаас.
бихим би.	Боконіймчай,
Би мата	буруйпі, ухан
аңад'акап,	тірәрілдүв
әмүккен бәйз,	әләкел бичай.
балдіксай,	

Тікән гүйиксә этәрән. Н'ан-дәт кухид'эрэ. Эркәп-таркай күхид'эрэ. Авахә-сөпниң турәтчәрән:

Диңде, диңде!	сүрдак бихинни!
Дулии буга	Дәррій д'алаңың
сөпниң,	әчий, н'үцини
Отанийд'ә,	сүмус әчий.
сөпниң-мата,	Екүма-џан
блекій-дә	ураңқайдукин
сурагирцатни	балдіча
сурагирчай бихим.	бөйз бахинни?
Екүн мүўби	Біла-џан,
умүккәй, балдічай?	Он койрій әдам?
Бад'аке-дай	

Тікән гүйиксә этәрән. Отаний-мата турәтчәрән:

Доке, доке!	тилдуп суму
Доон, доның!	тилделләни,
Хәргү буға	натан чахамнав
Чулурбі,	д'ә, н'уръялан.
Саларгүн,	Д'ә, маниұвқаал
сөпниң-мата,	сөт айат!
би, бәйз, гүләм,	

Тікән гүйиксә, этәрән. Гүйиксәкәр, н'ан күхид'эрэ. Отаний д'ә, хәврән аңәхайви. Бутуншуд'ин авахайва тар н'әкәкесәкөн, ну-

цап сэлэмэ тэтвэн ёли-тэлж туцулмайгда колтовий бдан. Авахий колторийг ялан амнадукин сэксэ д'олконийгий бдан. Авахий иксаран. Тарбайн мултэчёлэн, нууцамян кэйдэвий н'ээрэн. Тар-дат бэлжийг ялан гарадааран. Гарадаасын, билирги хотогий д'бникас, эзинэлтуундукин, эзинэлтуундукин хотогий лувухийнан. Тарицийн сэмчээ. Тарицийн гаксакан, хөгж'яран. Хөгжран, варан. Вакса нууцамян, тоогою иларан. Илакса, тогоду далгаран. Тогоду далгаран, бутушу хулээнтэймэн мүдү итиктан. Тэдүк «Айдан авахий дулийн булагал азин эмэрэ», — гүйцээн.

Тар ваксакан, бэйэ цэнэрэн. Кухийнэви ўд'алийц амасий мучуд'яран. Йүд'алийви мучуксакан, умуй бугаду сома баран д'у бичэ бихийн. Тэдүк адикүн д'у тохижуултан. Тэлэх истан. Умуй эздицэ д'унд'я бихийн. Бэйэ тар д'унд'ялаа цэнэрэн. «Бэгинтийн, н'уязайтни, хэгдэвүйтни д'үн бид'идэн?», — гүнчэд'эрэн. Тэлэх истан. Уркэдүн иллан. Тар илчаракийн, умуй мата эмэрэн, «дорово» гүнд'эрэн. Тэдүк матадук Отани улгумийд'эрэн:

Доке, доке!	улгучёкэл,
Дооп, доопин!	н'уязайхун
Си, мата,	д'үн юд'я бихин —
адэ, бэйэ,	миндү мэтэвкэл!

Тикэн гүнийксэ этэрэн. Этэчёлэн улгучёнд'эрэн: «Эр-ти бихин, — гүнэн, — би бэгиндүлэвий мэтэвүкта!». Отани долчэтчэрэн тар турдымэн. «Бэгийн н'уязай, Мэнруний-мата эмэчб, си д'улас улгумийд'эрэн». Н'уязайтнид'э Мэнруний-этиркэн гүнд'эрэн: «Мата эмэчб бихикин, химат тургэнд'я ивкэллэу!», — гүнд'эрэн. Матава ивд'эрэ д'улжвар, ёлгэнэ иврэн. Тэгэрэн. Йчёлэн, этиркэн тикэн турдётчэрэн:

Гени, ген'я!	гүнэм-цэн,
Гени, ген'я!	ёма бугадук
Мата-бэйэ,	аманьядли?
байя дблдинни,	

Гүнинэ этэрэн. Мата турдётчэрэн:

Доке, доке!	мата бихим,
Дооп, доопин!	гүнд'эм-цэн.
Би дулийн булагаду	Си этиркэнэ
босчё бихим.	ёйа дблдичинни?
Отани гүнэй,	Улгучёкэл-цэн!

Тарит этэрэн. Этиркэн турдётчэрэн:

Гени, ген'я!	Барал орон
Гени, ген'я!	аудува-дэй
Отани-мата,	иргитчё бихим.
би этиркэн,	Барал бэйэ
билжэв-цэн	эмэйчийн
горо ашчайий бдан.	дунга бичэн.
Эдү сагданам.	Байжчёв би,

бэдү бимий.
Тар бид эрэкив,
авахай Чулурэ
сөнницивд'э-дай,
Сэлэргүн-мата
элб эмзекэй,
байжүүв, гүнэм,

барадивай
манакса,
д'антай, варан.
Си айава бини,
хута, айава бналас
бэйши/и-ции
тамад'ици?

Гүнинэ этэрэн. Этirkэн омолгиткайни гүндэрэг: «Омолгийл, иландуулээ эмэгилжжин пацгай-байтахуна нийкаллу! Матаду туйудбэрэ! Дэгиндулээ эмэгилжжин актайга ваколлу, матаду туйудбэрэ!», — этэрэн. Ваксэл пуцандуп туйура. Бүгдүүкки эмэхийчбүдүкүү элэжэс д'энтэн. Д'үр орои улзээн бутууну умжээжин улбэрэ. Тариццатин умён д'эбүктэт д'эбүттэн. Гар д'эбүкэжжин, нуцан таду ёнцэрэн. Ёнцэксэжжин, тимшна тэжэрэн. Таду инэйтэн, умён инэдийн дэрүмжжитэн. Инэчжээжжин, ёнцэрэн; этиркбэчин тэдү сома айат нуцамай д'эбүвжжиттэн, аржинэй айа тэттигээ бүшшэн. Д'э, нуцан ёнцэрэн таду н'ян. Ёнцэксэжжин тимшнаа эрдэ тэжэрэн. Эрдэ тэгэжжэжжин, тимшнаа д'эбукэжжин этэрэн. Этиркбэтийн турётчэрэн:

Доки, доки!
Доон, доонин!
Д'э, н'уцэйэ,
эхэж бэйэ,
билир билигидук
горо ашнайва
эмэгч си
сагд бэйэ,
ичэнэс, дöлднэс
енлий барац,
бид ицбн-ции!
Би турэлмэв
дöлчжтжжак!
Би сөхөргэлим.
Эрдил барац
орои авдучий
иргитч бихинши.
Барац хутова
балдачч бихинши,
иргитч бихинши.
Би агад'акайн
умён бэйэ
гиркурий
гиркууми,
умён надаач
бихим-дэй.
«Бэйши надаас?», —

гүнин-ции,
улгумий бихикис,
би надав —
дараан тэгэрий
гиржий-ции
атиркаийши
голгажтэмий,
гиркурий-дэй
бэйэ бихим.
Надан киливали
хэргэтий-ции
дэгчаду
энэ дэгчадамжжана,
салгииду
энэ салгажиншана
иргитийс
надан даршиир
надал д'уунти
дарши доджин
осхетна иргитийс
Даржечжан,
ахажжан-хунад'ис
Кида киливалис
бихим, гүнэм.
Би тарийцаа
гэлээд'эм-ции.

Д'э, этиркбэчин таду турётчэрэн:

Геня, ген'я!
Гени, ген'я!
Отанжжан,
хутэ-ника,

си-дб гупарис
турэн-ции
син эжжин.
Би-дэ эхим

бугаскй гунэ.	сэд'ицан-цан,
Дарнекчай	мэндүкин
хунайд'ив-да	улгумиймй.
тара мянник	

Тарыцдар этркэн тадук гундирэн: «Хунатпа гэннэхэллү!». Хунат, гэннэрэктин, д'э, эмэрэн. Умүн ахий элгэттэн, умүн ахий д'улгидбэйн арнуулжттан. Эмэнэдүн хунатпан д'ур цалэдукин д'аваксайл, тэгэвикэнэ. Тэгэвикэнэ, аминин улгумийд'эрэн:

Гени, ген'е!	бид'ерй бэйэ
Гени, ген'эй!	цэрихий инээндээт
Би хэргэ хунайд'ив,	ичэвикэнэн.
Дарнекчай хутэв,	Митла Чулурэ
ацнаий бэйэ,	Сэлэргүн-џэн
си сурактулас	обшиандук
эмэксэ, гэлбэд'эрэн.	авахийдук-тэ
Миттү хэгдций	бихаран.
айа бкса,	Тара-дэ д'алдакал!

Тикэн гунийсэй этэрэн. Ахакэн, д'э, турэтчэрэн:

Дэвэдэреко!	сү бүрэксун,
Дэвэдэреко!	суглэрэксун,
Мэнруйн-амай,	би-вэл ёдь
Сэкалайн-эн'эй,	этэм суглэра?

Тарыт нудан: «Цэнэгэт, цэнэд'ицэв», — гунэн. Тара этэрэн. Отаний-мата бимий улгумирэн:

Доке, доке!	абдуяа ёчий —
Доон, доони!	урацкай бихим!
Элакин-цэн	Эр буга бкүн
турдны-дэ	бэйцэчий бивий?
бүнэдүс. Мит бкүн	Тбэй бэйцэ
курумучил бидэт?	бихин-ну, ёчийн-ну?
Миндү бкүн-дэ	

Тарыт этэрэн турэчийсэй. Этркэн турэтчэрэн:

Гени, ген'е!	Горо анцай
Гени, ген'е!	бдап, гунэм.
Хутэ-ника,	Орон авду
Станикай,	ахүкай эчб бихай.
бдү агй бэйцэп	Барал орон
цй-вэл бэйүктэчб,	бихин, гунэм.
сбд'ан, бид'ицэн!	Би-вэл мэн
Билир, билир,	байандукив
эдэр бицэхийви,	сивайбава
бэйүктэчийв.	омий, ёд'ан?
Би-да бэйцэвэ	Ороц авдуйяа
вайцкив-цэн	вайкэллүү, гунэм.
Сагданийсэй,	Ахүн эйтиэвэр
эллэм бэйүктара.	тар сивайбадакаллу!

Тар этэрэн. Нууц тар сивайбаат ёдан. Тар орондо дүгнинэ вачал, бадагар. Омолтилийн, хүнийгийн -- бокалыг бутууну умийвүксаал, хадилгийн мбайа мөлдтэй, хадилгийн мүйэ мөлдтэй, хадилгийн уллэсэ минэттэ, хадилгийн улдтэй. Химмийн яйт улэмжлэлээр, н'ачас ирирэ. Д'э, ункатна д'уланэр д'үүгүрэ, уришал, уришал галандук. Дэбүликсакар баран бэйзэн гониэрэ. Угү буга сбницилтийн ахайкарба эмүүчэл бичэл. Дулин буга сбницилбайн н'ан эмүүчэл бичэл. Мөнгүний этрекэн бими тикэн турётчарен:

Гели, ген'эй!	Ема энин
Гени, ген'эй!	эрэлгэд'и
Эрдил баран	эвийгэшүү!
бэйэл дексал,	Ичэдбүүн,
умүүкбүксаал,	иинкин н'эхиймий,
курулаксаал,	д'олчары
эвийсэл-дэй,	д'олчантыгатын!
курултэйсэл,	Д'улбэскэй балдрийт
эвийнэ эвийнелүү!	улаучинтэйтэйтэй!

Тикэн гүнэ этэрэн. Бэйэл тарит: «Ёкүн энинэ эвийд'эн?», — гүмётчэрэ. Д'э, истангалаадавэр н'экэтэ истангалаатта бэйэл. Истангаламий, Отаний-матадү угү буга сбницилтийн эхий тэрёэрэ. Истангалавэр этэксэхэр, н'брчатаа. Н'брчамай Отанийд тэрёрий байэ ачийн. Тар н'брчаксакар этэксэл, араснай эвирд'и эвийсэл этэчэл. Ихэндэвэр н'экэчэл. Ихэндэвэр н'экэчэл баран бинэл. Д'э, тар икёнд'энэл, хэвчэнэл сома баран бэйэ хэвчэн. Отаний-мата сома дөлдийн сбчи бичэ, сома катан бхачай бичэ. Тарбайн баран бэйэдүк шуцан ёкүн-ка туршилбийн дойлдран. Дойлднан турэн уйнэй бихин:

Геревлакапен!	Энэхүү мэтэвэрэ?
Геревлакаисен!	Эрбэл баран
Мэцруий-этрекэн	сонишиг-да
киливлиг-цэп	уминчараатийн,
Далрекчап, оддэ,	минду бда
доропо бигиц!	Энэхүү саиканэ?
Мула, мула!	Курумдунавар
Айа эвийндуки	Энэхүү эмэвкэнэ?
минду ёддэ	

Гүнэ, тэрэтчэрэн. Бэйэл икёнчтэниэр икёнд'эрэ, хадилгийн, энэл дойлдира. Этэксэ, н'ан турётчарен:

Гривлакалин!	Гүнэм-цин,
Гривлаканин?	тадук бдасин,
Отаний-мати,	д'э, би ахайсан
доровойо бгийн!	би синду иими
Н'ан-дэт биллэр	ицантынс
бурадуки	хуларигт мөцүн
эмхийнцахис	улаантуими
бакайдчадууккар	д'э, тьсивум.
би н'экэйд'энши?	«Бүми, — гүнэм, —

бухихтэд' ишсө». Багдарин мэцүн миура томкот ухайбүсэхэн, тикивүм. «Д'авакал!», — гунэм	Дарпекчан-эдэ, этиркэндүс хуларин мэцүн ун'актунма бэлэктэрэл, «Экал тикүлла», — гунэм.
---	--

Гүнийксөй этэрэн. Тар этэксэхэн, угийский ичэттэн мата Отани. Ичэттэкин, ёкүй-кăй уйиййт тогорочин түкчэрэн. Бэйэ тара хэкснэйэ андү цаладүн тэвэрэн. Тэвэксэхэн, д'авад'арийгачийн бичднүүдэлдүүв. Он-дэйн биави эчбэй сэра. Икэнд'эрэл бэйэл эмбнумурэ. Бэйэ илдэйдэй искави эчбэй сэра.

Арай умпэндэйн уйдэмэйн бдаан, арай ёкүндүк-тэй хактирэй дуннэдүү цэндэд'эрэн-ду, ёд'аран-ну. Цэнд'эрэйи эчбэй сэра. Арай сөнин курунхэтэн. Бэйэ айамат уйдексөй, ичэхинэн. Ичэхинэн, арай д'ур оговийн тэжэндүүкүүн дэктэлбэй мурин ойодүн укчалад'аранивт. Ичэттэкин, дуннэцийн каланддикэн эмбнумчэн хэргилэ. Тадуу уйдексэхэн бэйэ турётчэрэн:

Доки, доки! До-оп доини! Эре, эре ёкума вাপад'эн, ёкума-жа кувулгатия эксерэн мицэ, энэ савкана? Байм-дэ,	яйдэви н'экэнни? Д'эмий-дэ д'эбдэви н'экэнли, анэ савкапа? Сачай бимий, сиандуу тикэн эмчбэй д'эбүвэ, гунэм-гэн.
---	---

Гүнийксөй, д'э, тар этэрэн. Этэчэлбэн, арай турётчэрэн:

Геревлакайнен! Геревлакайнен! Отани-маты би д'энпэд'э эчбэй бихий. Экэл цэлэрэ, Экэл болгоро! Эдэй цэлэзши?	Би дикачай хэргидэдүн босери, д'апкун бугалай тиргарий-дэй д'глажай хунайдин Тиргакчай-ахайан бихим, гунэм.
--	---

Тикэн гүнийксөй этэрэн. Отани маты айамат уйдеран. Арай уйдэракин, агэн'элиш куминэчбэй ахайан дэгийвд'эрэн. Мурин ойодүн, д'урин умүн муриндуу дэгийвд'эрэн. Бэйэ тадуу турётчэрэн:

Доке, доке! Дооп, доини! Си, ахайан, бдүү албастактаси? Кувулгат-ахайан бданчи, гунэм.	Эдэй тикэн н'экэнни-цэн? Ема бугалай мицэ эксэппи? Екүй наададүн? — гунэм-цэн.
---	---

Тарит этэрэн. Тар этэксөй, бэйэ ахайан муринми сомат илбэрэн. Тар айашнайксэхэн, айашнайксэхэн, истан бугалайи, д'улайи. Отани-матава цаладукин алгэнэ, д'улайи иврэн. Отани-маты тээрэ-

рэн. Тэгэксэкэн, д'үвэн адуларан. Олус-тэй аяа, гуд'эй д'үн дён. Багдарин мэнүн мүд'ин булкучал д'улкэн. Ахайкимэ, бэйэ, дэптикэй тэгэксэкэн, улгумийд'эрэн:

Доке, доке!	эмүүчэс?
дооп, допин!	гуном-цэн.
Си, ахайкэн,	Би синэн
бдэ минээ	ахайави гад'ицэн

Тар гүйксэй этэрэн. Ахайкэн турбтчэрэн:

Геревлакайен!	би синдуу
Геревлакайен!	ајэт цэлжээ бимй,
Мата-бэйэ,	эмчэв омүүврэ, гуном.
Отаний-мата,	

Тикэн гүйксэй, этэрэн турбчичсэй. Нуцартын тэдүү ёнцэрэ. Ахайави гадан тар бэйэ. Тэдүү биллэн. Нуцан тэдүү надаллава ёнцэрэн. Тэдүү бичёлэн, долбо дулинин бэйэ дөлдирэн — турбнин бихин уйскэй. Д'э, дөлдиракин, Дарнекчай-ахайкэн кидан турбнин бихин-ивит:

Даведэреко!	Аяа ахайкэн,
Даведэреко!	суректалас эмэм.
Тиргакчай,	Цилачай хүнайд'ин,
ахайкэн-эдэ,	Тиргакчай,
дорово брэн!	ахайкэн-эдэ,
Нояоптиду-дэ	уркэви ийкэм,
бакалдиндү	химат, гуном.
си д'уллас ирэмэм.	

Тикэн гүйксэй, д'э этэрэн. Тар этэчлэн Отаний-мата турбтчэрэн:

Доке, доке!	бкүн турбнин бдан?
Дооп, допин!	Илкаал, тэрчакал!
Тиргакчай-эдэ,	Уркэви ийкэл!

Гүннэ, сэргүвэрэн. Тиргакчай-ахайкэн турбтчэрэн:

Гиревлакайин!	Би д'үв итчин
Гиревлакайин!	кулунд'араг.
Отаний-эдэ,	Ахикаал, гуном,
бкүн долбо	эхэл курбухин!
турбтчэн?	

Тикэн гүйксэкэн, ахай этиркэнци кумлэрэн. Ахайкэн Дарнекчай н'ян турбтчэрэн:

Даведэреко!	Мэнума д'үдүккис
Даведэреко!	этэм тағиавра.
Тиргакчай,	Би си соницдууис
ахайкэн-эдэ,	эхим цэлэрэл!
Д'эйда-Д'эвилгэн,	Би-вэл синдуук
Кувулгат, гүнэм.	бтии итэгэс

ахй бид'эцбв?	ахакан бихим.
Си бривас бри,	Эрти д'ус уркэвэн
си угирнэвэс угиррй	дулии дулии
ахакан бихим,	дэлшэрэгэр хэкихинэм!
си даглэвэс дэгрй	

Тикэн гүнийсэх тар нуцан этэрэн. Ахакан Дарпекчан тиктэн. Д'э, тар тикиксэх, нуцаан уркэвэн дэллэрэгэр хэкихинийсэхэн, д'ур буялж цэнэцнэн, д'улж ирэн. Тар ирэкин, ахий тэгэрэн. Отаний-мата н'ян тэгэрэн. Тар ахий турётчэрэн:

Даведэреко!	Бекүй удадув
Даведэреко!	си д'оромочс?
Тиргакчан,	Этиркэцни
ахакан-эдэ,	Үд'аван үд'амж,
би этркбэндэв	элж эмэм!

Тикэн гүнийсэх этэрэн. Тиргакчан-ахакан н'ян турётчэрэн

Геревлаканен!	Дарпекчан-эдэ
Геревлаканен!	си этркбэндэ
Отаний-мата,	Отаний-мата
би синдук н'ёгут	эчж бихий, гунэм,
ахилганав,	Эмэнэви үд'алж
Ноноп сарайв,	мучукаал, гунэм.

Тар ахакан этэрэн турётчиксэх. Дарпекчан-ахакан турётчэрэн:

Даведэреко!	Иличэрй
Даведэреко!	ахакан бдам!
Тиргакчан-эдэ,	Си содукис
сий муламниц	эхим вэлэрэ!
сурун этэм мучура,	Би-вел синдук
бракип-дэ!	Бекүйими итэгэс
Си ахаканма	ахий бдам!

Гүннэ, тар этэрэн. Тар этэксэхэн, нуцартын лэгимэчилээ д'ур ахий. Лэгимэчийсэл, ахай кухиллэ. Нуцартын д'ури тулийский йүрээ. Тар йүчэллэтийн Отаний-мата, тэтисэхэн, йүрэн. Йүнэн — д'ур ахий, н'уриктэлдуквэр д'авалдиксэл, кухид'эра. Мата, илитчана, ичэтчэрэн. Тэрэцдэй ахай. Таду мата ичэтнэ илитчараан, ичэтнэ думайдад'эрэн: «Эр ётэйл ахакар?», — гүнчэнэ. Тардалан айамат дилачай дэгд'эрэн. Отаний-мата бимий турётчэрэн:

Доке, доке!	Бекүнмар тиссэмдтмий,
Доши, доши!	кухирэс-тэ?
Ахайж эдэл,	Бури этэклэлтуу
дблдикааллуу!	айа, айа бицэхин!
Би турэнмав	Эхиксүү этэрэ,
айат уйдекаллуу!	Айа этэн йүрэ!

Тикэн гүнийсэх, этэрэн турётчиксэх. Дарпекчан-ахакан турётчэрэн:

Даведэреко!	Си, мата-байз,
Даведэреко!	дблдикаал-кан

би ахাকান-цан
турдымэв-эдэл
Авгүзвүн

ионон си
гацайт очаас?

Гүйнксэл, тар эзэрэн. Отаний туршчэрэн:

Доке, доке!
Доов, доовин!
Дарнекчан-эдэл,
ахакан-эдэл,

би гацайт онин
ионон улгумийн
ахакан бичсэл

Гүйнэ, туршчэрэн:

Би ёк д'уривэ
гамий сатаанд'ицэв? —
гүпэм-цэв.

Бэйэ түкүллан. Түкүлийсэктэн, бэйэ ахалбэ д'уривэ д'аргаг-д'аран. Д'э, ахал долдира, нухид'эрэ, шуцан ичээчиттэн. Тар ичэт-чэнэ, нуцарбатын, д'э, бэйэ д'уривэ н'урилтэлдүктэн д'аваран. Д'аваран-да шуцарбатын н'урилтэлдүктэн уйилдирэн. Уйилдиксэл, идакаллан. Нуцарбатын д'уривээ сигдэлбэтийн идакад'аран. Тар идакаракин, тар ахакан Дарнекчан туршчэрэн:

Даведэреко!
Даведэреко!
Отаний-мата,
бэйэ тохтолкол!
Би турдымэв
долдикал-кайн!
Идакамий-дэй
д'уривэ тэрэц
идакакам!
Вэймий-дэй,
д'уривавун

вэрий-дэй, вакал!
Би, ахакан,
этэм алтэлтэй!
Вэймий, вакал!
«Вэймий, вэд'ицэв!», — гүйнэ.
«Аримий, арийд'ицэв!», — гүйнэ.
«Караймий, карайд'ицэв!», — гүйнэ.
Ганаас ахий
бичэв, бид'ицэв.
Мэнци күнүүлэс, гүйнэм.

Д'э, д'уривэ идакараи тэдүү маты. Идакакамийн, идакакамийн, д'уривэ ирэктэдүү локороп. Моконоол тэдүү шуцартын тэснээнэл, тэлжнээнэл, соонопол соонопол д'аргамажитта. Дарнекчан-ахакан туршний бдан:

Деведэреко!
Деведэреко!
Отаний-мата,
Түргакчан
ахакан-эдэл,
ухадүүлака
ахий дулээв бүрэ.
Олуу д'аличий
ахий бихим, гулэм.

Эхий алтэлтэй
ахий одам.
Бумий-дэй эдүү,
Түргакчаны,
умүндү буд'ицэвтэй
Цуцан-да
ишигни-цэн
этэй сулжантай

Дылачад хунад'ин, д'э, туршчэрэн н'ян:

Гөрөвлөлжийн!
Гөрөвлөлжийн!

Отаний-мата,
Эрэй, гүйнэм.

Энб! Бирга!
Би тэд'эмэ
буруйчай бихим.
Дарпекчайма
ахийви, багар,
гакал, гүзэм.

Тар тикэн гүнийксээтэрэн. Бэйэ дагалдатин цэнэрэн. Цэнексэ-
кэп, ахалдуу улгумирэн:

Доке, доке!	эр идэвэр
Доон, доони!	тэд'ээ мэнд'ицхун!
Ахайкар-цэн	

Гүннэ, улгумирэн:

Эдук д'улдески
тикэн-дээ
этэрэс бра-да?

гунд'эрэн. Этэчэлэн ахакан Түргакчай турётчэрэн:

Геревлакайнен!	Эдук д'улдеский
Геревлакайнен!	энээктин мэкуустэ!
Эдук д'улдээкай	Би бонсон далдуви
балдирй ахал	«Би ойолийв ёкүн-да
бдук тикэн	йчин, — гүнчээкий.
аээтин и'ээрэ!	Би окия-да
Хүркби-куцкан-	эвийн эндэйра бичёв», —
и'чи	гүнчээкийв.
ататкаан-цан	

Тар этэрэн түрэчийксэ. Этэчблэн, бэйэ нуцарватин д'үрээ
локонодук гурёрэн, тикийврэн. Тикийврэкин, илаши д'улдэвэр ирэ.
Д'э, иксэкёр, нуцартин иланы улгучамбичтэ. Бэйэ Отани ду-
майдаттан, гүнчэттэн: «Би, бэйэ, эри нонон гацат бнав ахи
Дарпекчай бичэн-игит. Би тарийци, бракин, гацат бихим». Тা-
рит нуцан гадан ахийави Дарпекчаймэ. Гансакан, д'э, мата
гунд'эрэн:

Доке, доке!	Би тарийци
Доон, доони!	гацат бихим.
Түргакчай,	Си минэвэ
ахакан-дээ,	эр бугалдээ
би гацат бнав	эмүүвчээс-вит.
ахийни-вит	Эмүүвчлэвий
Дарпекчай	тэлээ иэнэвээл
эрий бихим.	минэвэ, гүнэм.

Тикэн гүнийксээтэрэн. Түргакчай турётчэрэн:

Геревлакайнен!	«Багар эмүүвчбэй», —
Геревлакайнен!	гүнээ, буруйдарий
Отани-маты,	бдакис, би
бя-дэ буруйив ёгим!	цэнэвд ицэв

Тикэн гүнийксээтэрэн. Нуцан: «Эр-ти инэцмэн цэнэвучим», —
тар-ти муриинд'ивар цэнэхинэ. Цэнэхиниксэкёр, айаннад'ара иланы.
Мэдруй-этirkэн д'улдээ иста. Тар ихийксэл, тэдү Отани биллэн.
Биксэкбэн, ур эмэвүүвий ахи амаский мучууч. Д'э, тэдү бид'эчэн,
бид'ицэн.

8. Хуругчээн

Дүнин тэвийнэдийн бд'аракин, и'ацг'ацши хагачааны кумтэентийн д'ававчай бд'аракин, Н'унурмэкт-атиркайн дулиш буғадүй бсекед'ачай.

Дулин буғадүй бсекед'ачай, болгихта мбции элэкс болтолгод'орон, сэнкирэн элэкс сэрбэрэгэд'эрэн. Айамат адууларакин, н'ахамдаткайн мбцийн н'албургагд'арал. Арай шуцан уйдэмкорэн: «Екүн дағанай, эдэ гүнэрй, гиркийэ ёчин бид'эрэн арай. Эр-ка ёкундук йучай, бид'ицэн, — гүнчэвий, — д'эрэн (<д'э эрэн>, — гүнчэрэн, — эрэн эмүкий бичёв, бид'ицэн), — гүнчэд'эрэн. Олус горово толкуйдданай.

Д'э, н'экэксэй, урсийкий мундирэкий, ёкүн-ка шуцан ойолийн н'экэйэри ёчин бивкай. Кукуйдрий кукбий ёчин биттан, кукуйдрий сорицин эвкий иенэра.

Д'э, шуцан бихэм-дэй ѹиз-бирадүй бсекед'арал-и-вит. Арай эр бид'энэ, д'ур орочий биттан. Нийдэй бүновьн, эчэ сэрэ. Тарэ гүнчэвий: «би ёнэлж», гүннэ, «д'авад'ам!» Эрэ атиркайн Ѣнэ-бираддүви тар д'ур н'амалг'уими и'аруткэмэ мүлбэхийн хулдүй бид'эрэн. Чукагин чунавай оцоктод'оро. Эр н'амахаллиг гэр-бийтийн д'ур чампараикмахал н'амахал. «Эрйлбэ би иргичийгэ гиржилэвий», гүнчэд'энэ д'ававкай. Тиманийткайн эрдэйс эмэд'эвийл. Тадук мэнин д'үкчай — утэн калтакайн. Илонон иргийхэн — д'икта калтакан, тадук гөвүкта — и'ацта калтакан иргийхэчий бичэ. Тадук эр атиркайн «эр эмүкий бичёв», гүнзэ, олос думайд'аран.

Дэ-хилэ, умүкэн тиманийдүх хагачаанд'ави гадан, тулсыжий лэнпулирэн, «Укун'уд'э серетта!» гүннэ. Эр ѹуксэжэн, н'амайва сирд'аракин, арай утэн калтакайн д'үдүй бикин-ка энэй дблдира чёрцад'аран «Ти-ий!». — «Оголор! Екүн тэнкэлд'эн?» гүнчэрэн. Тар гүнд'энэйэ, хагачааны урсийкий гаранддараи, тухад'аран д'үткэхийви. Д'э, д'үлайи туссанай эмэрэн атиркайн-турэн. Тухана эмэксэй, уркэлдийви имэлчэрэн. Иксэ, ёкүн-кат ёчин. «Ти-ий! Оголор! Екүн гүнэн? Екүн турбэйтдэ биксэжэн сууреэн?», — гүнчэд'энэ, лупэлдийд'эрэн тулсыжийг. Йүнэлийсэй, д'уви хоролий хоролд'орон «ёкүн тэнкэд'эрэн?» гүнзэ, гүнзэ хоролдсон. Д'э, эрэ тикэн н'экэрэн. Н'амахалдулайи укүн'угэ укүниссан, ишнайтней ёдан браг. «Барэднаак укүн'уими уцкуривой ичэцниэхэй!», — гүнчэн. Тадук ёдук-тэй кихейдан. Эхилэ укүн'у сирилдан. Эр сирд'аракин, н'ян-дэт тэнкэлдэн, чбрцаандан ёкулдук хуцту. Эрэ, бэйэ биксэй, энэй дблдира. Н'ян-дэт туссанай, халкачаймын гардааксбран. «Д'э, бдамэ ичэхтийн сатар ичэдэвбий ичэд'ицбий», — гүнчэрэн, туссад'аран. Атиркайн-турэн эцэхийчит тухад'аран, уркэви мильтши мундужийн эмчэрэгээр пачад'аран. Утэн калтакайн д'үви ичэхийд'энэйэй ид'арэн. Тар ичэхийцэн — арай бэйэ биксэй, шуцан бикин-кат энэй ичэрэ, арай бэйэткэй-куцакайн шуцан сэктэвүрдүй аран хүнилдд'аран. «Д'э, бараксайян! Эр ёкүн тикиврэн?», — гүнчэнэ. Д'э, бдук урүнисэй, шуцашмай лацкальд'айттай аяагда солжомо билатин, чаварийхийксэй, тарийтий

чакылдан айамат. «Д'э, эриндук укуләд'әңәв укүн'увә сирдакса». Эр әмәвүкәсән, делбимә д'әбувканд'әрән. Тарыцин арай уму-кәлдәвә әннакса, умүкәчигәчин бд'араи. «Ті-й!». «Тәд'әмә дәгици ағиткән-куңакан», — гүнчәнә. Илалдава әнцәрән, илан-д'ачигачин атіркәнигүн айамат сәхиргәзкий бд'араи.

«Кире ёкүн бараксаи, ёкүн айакинин, бараксан дундәлій-дә гиркунашын, үчігйт тікнәййән?». Эр атіркән думаттый ухәрән. Идук-кәт тәкәчи бинә, әмәд'әккәп — әчә сад'ара.

Д'э, умүн тімәнидү әр куңакан-турәш турәрбүд'әрән. Д'э, турәрбүтсө, нұцаң әвәкәдуқкы курдусс'урун:

Миндү гәрбийәв гәрбикәл!	хашүктауд'ақати.
Дулин бурадү	Тар ханцүллактік,
арахинай аймакил	бы гүнә, гәрбийәнд'әңәв
әмәхәл, гәлтәмінд'әл,	бі гәрбіви?
«Гәрбис ци?», — гүнәл,	

Тавар куңакан турәттәви этәрән. Н'унурмәк-атіркән:

— Д'э, тәд'әмә-дә дәгици гәрбийәс гәрбид'әңәв! — гүнән. — Гәрбис әдүкәсәр д'уләсий Дулин буга Хуругәчбииң бикәл! Аңақыл арахинай хашүкүйл, ханцүлдактік, тавар Хуругәчбимә, гәрбис Дулин буга Хуругәчбииң бикәл! Тәдүккар урс'у лукикәнәс, алаңад'айас бд'ицәп. Тімәтна әрдәкән беләннәд'ицәв. Тімілтідук чәскәй луқит әвівкі бд'ицәс, — гүнд'әрән.

Эр куңакан бичә ёкүндүк-тә урүнд'урун. Эр нұцаң алаңдайан бқсакан этәрән. Эр биәд'ин ёкүндүк-тә айат лукукәтчәрән. Ынабираңди солококи, алаңанд'ави цалд'ана, әвінәд'әрән. Эр суруксә. Эр бәйәткән-куңакан дулин бурадү бқин-ка әнәви ичәре ичәрән, «Әр ёкүн оғолор?», гүнән. Аймамат ичәрәкин, арай дігін халга-чиптикіш бивкі, үйиски әрін-әрін чорокбочи бивкі. Д'э, нұцаң бичә алаңанд'атиң лукуләд'әрән арай. «Д'ә-рә, әвәкәләви ичәвкәнкітә. Ёкун оры?». Нұцаң бичә, инихи никсө бран, тухад'ахинан. Д'ә, нұцаң бичә ахуңдү-дан ихивд'ан? Эркәндү иссаран-дат. Д'ә, уркәдүүи мүкчәрәгәр и'бдәд'аргара. Эр арбагайкан атіркән едүк-та олорон. Оңдаңчаран, олөкө. «Ёкүндүк н'әкәм эрі?», — гүнчәнә, ичахинән. Арай аймамат уйдәрәкин. «Әр тәйи гүнит бойдәңитін, бид'ицәп!», — гүнчәнә лупулайд'әрән тулискәки. Д'ә, котонд'ови цалихинд'анайа, нұцаңмән ихиликсә бран. Нандаваи хигилдән, симтунцадүви катарии улбәниәк улбрән. Д'ә, дурук-мавән улбәниәк уләрән, «Хутәдүви д'әбүвкән-ицәв», — гүнчәнә. Д'ә, дулин буга Хуругәчбииң тавар сигдилбүн ихәври улдәвә бутунны д'анача-йес-вит. Д'ә, нұцаң д'әбулд'әрән, кара хорокиди-ни ма амдахинан. Карапайдикан бд'аракин, арай ңымқәзкий. Мунд-кәндімә имүхәвә сәракин, хәлакайдін бд'аракин, шымқәртін. «Ёкүндүк-тә ихәлжей? Тәд'әмә ағиткән-вит!». Д'ә, д'әпті д'әбгәйәзи этәрән. Д'ә, нұцаң тікән турәрбүд'әрән. Д'ә, нұцаң әнйндукви хашүд'аран:

— Би горокбндулй гиркуктаракив, би бимчэ? — гүннэ, энди-
дукси гэлэд'эрэн: — Дулин бугаду хаватад'арий д'ур халгачий,
гохиачий бивкий, бид'ицэн? Би гиркийэви гилдэктэдэви эйжчим, —
гунд'эрэн: — Ділачай юутуткай сурурэкив, ёкүн бид'ицэн? — Д'э,
тижэн гүнивий нудаан.

Н'уцурмэк-этркэн гунд'эрэн:

— Токтолол! Умүн ашцаймактүү улдээвээд'эмийн сittэ, ур-
гууми эд'элийн д'алупта, экэл гиркуктара. Токтолкбл! — гүн-
д'эрэн.

Тар гүннэдүн токтод'орон. Хуругчай-турэн алацайнд'ави гаха,
йёэз-биранци солокбий эвийд'энд'эрэн. Д'урый д'амсуш алацайнд'ави
лукулзэмдэг сэмактүүви танимкайд'аран. Арай ирбэктэ мөцнүү луку-
лэмжэрэн. Баргудукин чомбиджис, лукутий тағавран. Тар
тижэн я'екэд'энэ, илалдаса-дай анцанэви, илан д'алдава-кат анца-
нэви эчэ сэрэ. Тар эвийтэд'эрэкин, бжин-кат энэлгийн ичэрэ арай
үүрийэлийн дэгүйлдэн. Арай я'ацн'аткай ичэрэн. «Д'э, ёкүр тавар?», —
гүннэ, арай тарицайлийн турёрбүд'эрэ. Нуцап дöлддэгд'аран, арай
турёр, турёр бивкий. «Д'э, ёкүр?», — гүнэн нуцан. Угийн цэнэ-
д'эрэктин, нуцан турэнмэтийн дöлчтэчана, тухад'аран. Нуцан
утажсай, туссахийнакин, бугатин лэвэжётнэ, кёйана эхин тускара.
Ухэрэн тускатми, гукчанд'аран, сунтгид'аран. Тар суруксэ бчай,
энд'эклитин тухалйтэн.

Тар суруд'урукин, арай д'ур бихилчай-вит. Д'улайи эмэрэн.
Эмэксэ, «Иттэ», гүнэн. Арай бжин-кат энэлгийн ичэрэ айамат
тэгээтчэрэ. Д'э, тар эмэксэ, ханцүлдан:

— Д'э, ёмайя бихис? — гүннэ.

Тар ханцүрэкин арай, гэрбийлбэр улгучёнцэтгэтийн. «Д'э», тар
элэксэ эмээй, улгучёлдэн:

— Сёкардин хүнийлийн бихив, — гүннэл: — Хэгдүү хүнад'ин —
би, Мэнцүкчай гүнэрий бихим, — гүнэн.

Тадуук дулгүү хүнад'ин гэрбийн «Дарцэжчан» гүнэл:

— Сэмэй хэргүү — Сёкарчай. Д'э, бу буцадувуи, ділачай йүк-
тудүн арахишай бöкжилээцэхийл эмээндэгтийн. Тарээ дöлддэгээл,
эр эмэрэв. Эр-дээт эхийтэйн бүтээгдэхийн түргэдүүвнэ эмэрэв,
бид'ицэн. Эр-дээт эмэд'ицэтийн эр буцалай хэргүү буга Сэлэнтурийн.
Н'уцурмэк-этркэндук хашууктад'ара:

— Идү бихикоун, этэрэ бакара мүнхэвэ, — гүннэ.

Н'уцурмэк-атиркан: «Экэллүү сурурэ, — гүнэн, — эмэрийэтийн
этэйэткэлдүү. Эр би буцавав бакард'ара». Тикэ гүннэгээ этэрэн
Н'уцурмэк-атиркан.

Омолгийчай Хуругчай-сблиц ёкүн-дай энэ сэхэргэра, тар сони-
цилба дöлддэгээ, олус думараан. Олус-тэй кихэйдаан, тар я'екэд'эр-
актий. «Арай ёкүн, ёкүн эмэрэн?» — гүнчэвки. Арай дöлчүннатийн?
«Үркэвэ цийкэлдүү!», — гунд'эрэн. Д'э, тар арай гүннэдүн урикэвэ
ийд'эрэ. Нийсэл, ийнэтийн д'улэгтийн яд'эрэн. Д'анкун сэлэмэ
кэроватга тэрэгийн пэрэ. Эмэгэтийн дулин буга Хуругчайни тикэн,
тижэн турэрбүд'эрэн. Д'э, ханцүлдан:

— Нононті бимій, доровоңд'о биғін! Амаргүптін бимій, улбулиқан улгұрд'ицас, ёма буғадук әр буғалә әмәнді? Гәлтәр гәрбізи улгучқәл!

Тавар этэрән. Д'а, әхилә Саләнтүр улгучқәлдә:

— Хәргү буға Саләнтүрин бихим, — гунән, — Секард'ин ділачә хуйлбән гәләктәд'эм. Мәңкүчәнмә гәләктәд'эм, — гунән.

Кә, тар гүниксә этэрән. Тавар этәд'әкәнин, дулин буға Хуругчәнин әкүндүк-тә тікүлдан; дірамді дірамдулғиши араң әчә хәтаргара, иемкүйді иемкүйдулиши араң әчә этіргере. Эвунки умұқән тәғеріктапа дірамулд'арап. Үйіскій уйдәйнәдүви умұн сәммә тугдалдан. Д'а, нұцаудулан олус тікүлдан. Эр хәргү буға Саләнтүрин ичәдәнд'ес әкүмадұ сурдактаран? Хойови дулиндукин умұқәші өхаті, тицәни мудандаудын умұқән пәләчі, самаки тбрайдукин умұқән халгачі. Амутқандін өханд'аши ичәхиннәс әкүмадұ сурдактаран!

Арай ичәхиннән айамат — ор өханд'адүн умұн тәғерікта гаранд'а мә лақкучад'арап.

— Си әмәд'ек үд'алайви сәмат химәт мұчұкал! Д'алкун учатічі алаңдатпи лукилд'ицәв синәвә! Сәмат химәт әмәд'ек үд'алайви мұчұд'ақал! Эхикис-шүп мұчұра, ибгундама мәт сирдәкеймәс иләхінд'әдәв! Сәмат химәт әр-де йүкәл! — гунд'эрән.

Тар гүннәдүн хәргү буға Саләнтүрин тікән гунд'эрән; д'а, нұцаң турәрбүд'эрән әхйлә:

— Хә-эт, татайбун! Эр дулин буға Хуругчәнин, әкүндү әсқед'ақас? — гүнән, — турбидү дәксутаран, — гунд'эрән, — Мәңкүчәнмә гадарымадұ гад'ицәв! — гунд'эрән. Тар үзекес, мәнмәс, ухук, сәксәбәс урәгестәннә әйівкәнтәд'ицәв! Боеоктөлд'ис тәвәсқәтчициәв!

Тар гүннәдүн дулин буға Хуругчәнин әкүндүк-тә кихейдан. Тар и'әкәд'әнәл, «Арай д'үкәрә күхиғәт!», — гүнәл, тулискәкіи лупулайд'эрә. Д'а, дулин буға Хуругчәнин гунд'эрән әхйлә:

— Нопомо лукиләрд'ицәв әйірет! — гүниттән.

Д'а, нұцартии әхйлә лукиләнд'әлбәр д'уләскій умұқән икәннә тәриндүн илд'ара.

— Д'а, авғұ и'брәл'ап?

Саләнтүр гүнән Хуругчәнмә:

— Кә, си и'брәқал!

— Кә, кә! — гүнән Хуругчән.

Илалдава-дә иткучапашар, ділпінчәнәвәр әчәл сайд'ара. Д'а, туындалдава түрүвчаксә, д'а, нұцаң бихәм-дә Хуругчән: «Әхилә хәргү буға бәйән хәргіскій-ті адагад'ақан», — гүнчәд'эрән. Тікән гүпчаксә, самакмәдүн лукуләд'эрән. Тар лукуләк-сәкән, какаңд'ақан тоцорогор лукуләрән. Эр лукуләнәдүн Саләнтүр бичә әкүндүк-тә олорон.

— О-эт! Татайван, оғолор сурдагәй! — гүнән.

— Кә, би-кәнде лукуләктә! — гүнән, амутқанді өханд'аши тоңәхбекип ичәхиннән. «Анәй-танәй, авақканан!», — гүнән. Тар

гүннекбэл, «Дулий буға бэйэл үгискэйй адагад'ацан», — гүнчээрэн, алаанд'ави сэмактууд тэнчэрэн. Хуругчбимэ «Үгиский адагад'ацан», — гүнэ ойочирадуй лукулэрэн, мөтавай лилтэрэгэр лукулэрэн. Дээ, д'урмэнти икёнтэхий дэшигийтэй тусгад'арак, эркэн-дэт бакалд'арак. Екүндук-кат эчлэл токторо, колтуматилла. Кухйлдэ, эркэн-дэ, тархан-дэ колтуматчара, хэкиймбтчэвэйл. Дээ, томтор дундэ тэлдэй бик. Эр кухийд'энэл иртийл-дэ суруд'ерийвэр эхил сэра. Мацаагда дундээж и'үүцилбар дулнакэрбатин лэвэктчэрэ. Дээ, Хуругчбий-сбнид гүнэн шуцамай: «Авгүүке силгилчлэл бихий?».

Хэнцэлбэр адулара. Д'ур хойолд'ивэр турукчаматнаал, уйүнчэд'эрэ. Арай Сэлэнтур умүш халганин умүкэнцэчин силгилчэ, арай тикилтэй бчэ бишо, илгимад'ача. Хуругчэн гүнэн:

— Эргэчин бими, муннун кухийд'энд?

Тарийлэх гарадаран. Дээ, ибгунда мөниткий оцилканмэн бд'арак, нуцамян ириктад'ана. Дээ, тикий-дэхэг буға Сэлэнтүрийн гирамдэракин, ичэвүүливийл бд'ара. Хэргү буға Сэлэнтүрийн: «Токтолол!», — гүнэ, турэчийн бран.

Дээ, гүннэдүй дулиш буга Хуругчэнийн ёкин-кат эцэт токторо бчэ, ириктавий. Арай тар ириктад'аракин, хэргү буғатий турэнни, турэн бичэ. «Екүй и'экэд'эн?», — гүнэ, Хуругучб-турэн мултuvран. Арай уйдерэкин, хэргү буға Сэлэнтүрийн хэргийскэй, буғалдэви сурухинчэ бичэ. Тар сурухийд'энэ, турётчэрэн. Арай Хуругучэн уйдэрэкин, «Бэйэткэн-куцаканцис лукйткэнд'и лукиткэчид'эрэкин, ахаткэн-куцаканцис киптийд'и гиркачилд'аракин», — гүнэ, — мучүд'идэв.

Хэргү буға Сэлэнтүрийн, кэйивүкэй, хэргү буғалдэ тимирдэн,

Кэ, таду Хуругчбий эмүкйн сурүүтийн эхийн. «Дээ, йдук эмечэ? — нуцан гүнчэрэн; — өлий-тэй, бид'индэй!».

Эдү-таду үд'алби сад'арап. Цэвэрэн. Утэн-калтакайн д'үн ичэвүүллэн. Дээ, арай туллай тэгэрэн, эмэхб, д'үнти уркэдүп. Тэцэксэ, тикий турэрбүд'эрэн:

— Н'үцүрмэй, гупэри, эвэкэнд'эв, урканд'эвти икэл! — гүнэн.

Улгучбнэдүй Н'үцүрмэй-атиркай тэүэтчамиин, элбэмтэй хэтэкэнчад'эрэн уркэлбви. Никэйбэн уркэвий, ичхийнч'эрэн. Арай хутэн эмечэ, арама-вал тэгэрэн. Дээ, бкүндук-тэй урулизи. Арахинай н'экэксэ кумаланми, бихижэй, дурукмавийн айадийими — «орин, эгин сулара!» — бобурама соктэвэрэй. «Кэ, хутэ, икэл!», — түнэй.

Тар гүннэдүйн прэн. Арахинай д'эвгэвийн энэ сулара дэлби астарал. Д'эбүүкэнд'эрэн нуцамян айамамат.

— Дээ, эр, утэ, ир буғалба гиркуктаасай, эмэндигд? — гүнэн.

Хуругчбий-сбнид горово эвэлбви с'эргэлдан, тадуук хашураан:

— Сёкэрд'ин хүнийлийн илдэ суручэтийн?

Н'үцүрмэй-атиркай тарицдүйн гүнэн:

— Мэнүкчийн ёкүндук-тэй горо буғачай. Си, хутэ, этэндэ иста.

— Дээ, ёдэ этэм иста? — гүнэн. — Ката и'үүцнэл, ишинацэв, — гүйттэн.

— Ділачә йүктүткәйін с'урукәл, — гунчән. — Ділачә йүктүмәвән с'уруд'эрәкис, д'үр йәнәвә әдәксө, баргуду чбраманд'а д'ү бид'инәп. Тарә бақаракис, тәдү бид'яңәти.

Тар гүннәдүн, тар н'үңнінәлін д'әпті-д'әбгәви омзорон, цәнәхиликес бран. «Истанай», — гүнә, тәтті-тәттіни бутунну тәтгәрән. Д'ә, Н'үңурмәк-атрқан д'айамат (<д'ә айамат> п'үкәни-матнал, поростіләссара.

— Үмүй аңцаний әмәдәви! — гүниттән.

Тар гүнә, цәнәхийнд'эрән эхилә. Аланәви цәлихінан-да, цәнәхийнән. Тухад'а бичивки. Ділачә йүктүткәй тухад'арал. Дәгрі дәкітләчі сүптид'аңын; әнә гүнчәрә, п'ахамда мәңци п'албулы бд'аран, тухад'аран. Нуңай цәнәд'әри уғидүн әдіндүн дағадүн бихи мә бутунну суллұмд'аран «Тійәүнәби гакта», — гүнчәд'енни. Ішкүн-кат мәнін әхин тиішвүн бра. Н'елбирағар түнівкі, мәлми үд'ави этән әзмәрә-хин, амасқақиі горойбұдук ичәвд'әрән әмәмдән үд'ан. «Әр ғочикта аңцаний үт мучүнніті бракив, әрәгәмәр сәвд'аңдат», — гүнчәрән. Эркән-дә, тарқан-да тұксаран. Тұксаракин, әкін-кат әнән ичәрә ёкүндуң айат китиличи бира ичәвүлчә. «Әвәкәв гүннән, тавар гүннән әмәрән?». Арай барғидән әх ичәврә. Тарә олод'орон. Олоксобон, п'ән барғидәвән йүктүткәкі тухад'аран. Тухад'аракин, әр н'ән-дат умүкән йәнә ичавүлдән. Қа, барғидәвән ичәхиниәт гиркуд'аран. Әр ичәхинәп, арай ёкүндуң-тә айа хунаңт ичәвүлдән, гүнчән: «Ун'акаптуның сәнним». Дулин буга Хуругәчәкін: «Он н'әкәксө, бақаңтәв!», гүнчәрән.

— Ема буғадү, — гүниттән, — сәнмид'екіндең иуңнікәл!

— Йүктүкәнтикі с'урукул — гүниттән: — Иләтін йәнә барғидәвән илан діличік үксуқи бид'әрән. Нәғидәдү үлбуликес-тикивчәв. Тара сәрән, бид'иңән. Қә, тарә бақаксә, әмүвдәви! Тарә әмүврәкис, минәвә гад'иңәс, ахийави гаңәтіс.

Д'ә, нуңай бимі тухачә тухаран. Эр-дәт ихилчә, умүкән йәнә хәдәлдән, барғисқақиі тұксахинп'аҳинаи. Эр-дәт гөвукта йәнә ичәвүлдән. Тарә барғисқақиі тұксасбран. Нуңай «уригдән, — гүнә, — уригдәндү әхів би илда». Д'ә, урұхинчәд'әнә тұксаран. Тар-дәт ичәвүлдән. «Д'ә, әрті, бolla», — гүнчәрән, ичәтнәйә әмәлдән. Ёкүндуң-тә хәгдіңдә йәнә ичәвүлдән. Тар барғидәвән ичәтнәйә әмәрән. Арай ёкүндуң-тә хәгдіңдә үксуқиңд'ә бид'әрән. «Тавар-ті бблага?», — гүнчәнә, әрухинци ишалә әғүрән, барғисқақиі олохиниңсә бран. Үксуқиңд'аңды чапакәклян тұксаран. Ихиксәкән, ичәттән — умүктағдалии, мәнин әчір. Үксуқи с'уручә. Умүкталибән гадан. Гахса, д'айаран. Үксуқиңци этәйед'әрән. Ахунма бид'иңән, тар-дат әмәрән. Үксуқиңд'аңын, әмексәкән ойодүн хәрілдан.

— Умүкталибас ёкүн эксәрән? — гүнә турәрбүд'әрән.

Дулин буга Хуругәчәнни.

— Би гачай, — турәрбүд'әрән: — Келкүмус ун'акаптуымав бақаракис, бүд'иңбә!

— Бакакүп! — гүнэк: — Эр мүдү бихикин, бакад/шыа, — гүнэн, — анданымактү алаттави! — гүнэн-дә, гад'ухинан.

Д'э, дулин буга Хуругчёни: «Гороке!», — гүнэн.

— Көтөлдөхэ андан калтакалий эмэвд/эндүй! — гүнна. — Дыгийн бөгемактү узлэд/ицэв, — хуркуд/ахиний урьскжий. Хэргү түксы угиддэлийн аярэн.

Дулин буга Хуругчёни эркэн-дёт, таркайн-дайт тэргэтчэнэ, алатчаран. Эйжий, соловий тиркуктаттан. Тар тиркуктад/аракин, арай ёкүндүк-тэй эдийн бран. «Эр ёкүн н/экэлдэн?», — гүннэ, д'иктүргэрэн. Урьскжий муундуурэкин, хэргү түксы хэргийдэдүй ёкүн-дайчийн. Урьгдэнмэн ёкүндүк-кат хэгдийт мүвэйн урүхийн д'эрэн. «Екүндүк-кат горолб урүхийн?». Бираачин ичэхинэн — ицарагдан сулааччай. «Эр ёкүн хүрд/эрэн?». — гүннэ, мёнин сэхирэн. Дулин буга Хуругчёни-турээ, илан диличий уксукици ц'ургуяа омцочб, бид'эчб. Тар н/экэд/эрэкин, эр илан диличий уксукици эмэрэн, дағадүйн тағэрэн. Тар дағадүй докса, тикэп, тикэн турэрбүд/эрэн:

— Ун/акалтуимас эмэвум-цу. Нономо д'эгинцу маанаваа ичэкэл! Тайдү аячий бимий, аний нэлэв чимйткнидүйн ун/акалтууди бид/ицэн!

Нономо д'эгинцу маананд/ашиг ичэвкэнэн Хуругчёндүлэ, өцканийсэ, сиркулан. Дулин буга Хуругчёни, гэлэктэксэ, эчб бакара — аячий. Тукалдагдаа чөвоколб/орон.

— Аний маананд/аадүй адулакэл! — гүнэн.

Тард адуланаан, арай кихил-комус ун/акалтуунин ашиг манатши д'авакса, эмүвчб. Эр бакаксаа ун/акалтуими, бкин-кат эзэви урүнэ урүнчб. Тар бакаксаа, уксукици умууталбай сомат аяат нонон бид/эктүн нэд/эрэн. Уксукиилэвти тикэн, тикэн турэрбүд/эрэн:

— Цэнхэхилддүүви ёдук-тэй хэгдийн шэхийэ, — гүндам, — эр ун/акалтуима баканадүс би умүкбий тобийва лукулб/ицэв. Лукулб/ицэв, цэнэд/ицэв. Эр умүйн йэнэ баргийдлэйн н/экэйб/дэвий, тайдү бакадави. Би ёкүндүк-кат сомат хэлнийчэд/эм бугалави!

Тар поростиластай, эр-дат цэнхэхийнд/эрэн. «Д'э, эргийт эмчэв, бид/эцэн», — гүнчнэ, нуцан д'элти-д'эвгэйэвий, ахийн-да амийа аячин бран. Тикэн цэнэд/энэ арай ёкүними ичэрэн. Гэлэ тускаран, тобийва ичэксэ. Нуцанмэн лукулб/эрэн. Тарийн мэвра тоцорогор, дулиндүйн хоколийсэ, тайдү локороп. Мококсэ, эмэнэн «Илан диличий уксукинд/э, эмэксэ, хуталдүүви д'эбүүкэнд/эцэн!», — гүнчэ, эмэнэн.

Тадук бугаткийви эрийн-дэ, таркайн-дайт тускаад/арап. Эр сигдилдүү бугадуки эмхийнэвий ахууда бланын өхин сараа. Д'э, нуцан ахүнчад/аанай? Н/үцэвий дулмактүн лэвэкётээ тухад/арап, ирэктэ мөнчи илдэрэгэр түшэ. Эр шуцан кухийнцүүн ёкүд/ка хаватарий бэйцэн дағадүйн эхин сулаанта. Эхэхэллийн бимий, палнай с'ургууд/эрэ. Екүндүк-тэй сурдакт тухаран. Д'э, тухад/аракин, нуцан-цу бугаян, бэма-гү арай тэгитна, ичэтэ цэнэд/эрэкин, би дацини бугавайн урэлд/эрэн. Арай айамат ичэхинэн — ёкүпдүк-тэй

айа д'ү бид'эрэн, ёкүндук-тā гутда д'ү. Тар уркэлэн эмэксэкэн, тикэн, тикэн турэрбүд'эрэн:

— Уркэвэр нийкэллү! Нононтнгд'ан бимп, улбулжкэн улгур бицан!

Тар гүннэдүйн дөгйт Мэцүкчэнд'а уркэвэн нийд'эрэн. Эр ирэкин, тэгэвүнийн айагда н'экэксэх ичэктэвүйн нээрэн. Тар нээксэкэн, цаладукин доровомин, тарийа элгэрэн, тэгэвүйнэн айамамат д'үдүви. Мэцүкчэнд'э тикэн турэрбүд'эрэн:

— Горово н'экайэнд! Ун'акаптуунмав бакаанд? — гүнэн.

Хуругчэн «бакам» гүнээ, улгучёлдэн айамамат, ёкүндук-тā урүүнүн.

— Ка, элзкин, — гүнэн, — умун анцанимактү мит д'үкрэ сивайбайавар бэлэнжид'ицэт, — гүниттэн.

Дулии буга Хуругчэнин «горокэ!» гүнүүвки. Тадук гумёчилчэл. Гумёчиксэл, сивайбавар блчал. Тадук айат билчэл.

9. Умүсний

Умүсний-мата бсжед'эчб. Амийми-дā, энийми-дэ эвкий сэрэ. Умүккэжжэн бсжед'эчб бичб. Д'үн бичб ирэктэ калтакэн. Д'үн дөвийн адуляракин, ёкүн-дā ачийн бичб. Нуцал биксэкэн-иүн, бид'эпкй, бид'эпкй бичб. Солокй, эйээхийн бэйүктэвий бичб. Эр нуцан умийкэн бэйдүкэжжэн, ёкүнма-дā эчийн вара бичб. Д'э, эр бэйэ бэйүкэб, эмэхинчб. Эмэксэб, ахинчб, тикилжис. Эр ёд'энэ толкичч-тү, ёчч-тү бичб. Тар ёд'эрэкин, турэн дблдивчб:

Дэвэрдэжжэн!	би-кэ сипдулб
Дэвэрдэжжэн!	эмчэб, эчч-тү?
Мата бэйзгээн	Эр-кэ н'ян
тэгэд'эжэл-гү!	үүгү бурадү
Дэвэрдэжжэн!	хэгдэцэх молоп
Мата бэйэ-тү,	н'ян ёд'арийн, —

гүниттэн. Айдан ёрийд'аран:

Дэвэрдэжжэн!	Нэнэчийнки-гу,
Мата бэйэ,	өтийнки-тү?
цэкэрийс-ку,	Айава брэхис,
брэйс-ку бдан?	эхим омноро!

Эр мата ёргочийн гүннэ турётчёрэн:

Героканен!	бэйэ-дэцэн
Героканен!	цонхиндэви,
Ахайкэн-иү	бдэви н'экэлчб?
ахайкэнтий	Героканен!
сэхэргэд'аран.	Героканен!
Героканен!	Ахайкэн-иү бид'эцэл
Героканен!	эцэхийн ачийн
Ахайкэндү	айнад'эм, бд'ам?

Эр ахакан матава цэнэвүйттэй. Буялэвийн энэдэви нээрэн. Цэнэхинд'эчэл эр ахакан байэн'ун. Эр ахакан д'улёл нэнэд'эвкий. Цэнэвкэнчэл ахи буялан. Ахийн буялан исчал. Д'улланычал. Ихиксакхар бэйлэлбэ ичэрэ. Кухиййтэ. Кухийксэл, калтака муудандукин кидачал, ватта. Этэрэн. Тавар ахийави гаттан, ахан'ун билиттэй.

10. Умуслийн

Дулин буга элэксэкэн мойна мөтадикайнин изитэргэд'энэсийн, лам-булд'ар билэсэкэлдикэн бэлкинд'аасайн, угү буга элэксэкэн сэрукаалдикэн сэрүвд'аасайн, дулин буга дулкакийндүн эгдэйнэнд'э дантудун биванд'ача, боскед'эчэн дулин буга сбниг гэрбин бими эмүкин боскеч, Уму-Умуслийн сбниг. Утуй утэж-чийн бими, мойна бэйун наанпад'ин далдалкан, токийн нууцид'ин тэрэвкэлкэн, угэлкэн, бэйун дэлин калалкан, бэйүп чапанмэн котолкён бичэн.

Эр бэйэ, йэнэци солоки бэйүкэс, д'ан имуллэдүви д'ан мойна бэйүнмэ эмууттэн. Эр Умуслийн тэд'э сб бэйэ бичэн: дуннэлэй гиркурийн халгакайнма, д'ур д'анкүн куйэз гобчалкайнма умнээвийн этэхийнмукэнэ бичэн. Угийн дэгрэ эрбэ дэгивэ хэйэлэвийн эвийн исивкайнэ бичэн. Эр Умуслийн тэд'эмэ-дэ сбт сбмруттан, нудан гувчэттэн: «Дулин бугадү бигдэ-ти бисин, миницэйн энэсийн бэйэ ёчийн дулин бугадү», — гүнчэттэн. Эр Умуслийн гүниттэн:

— Би эр гиркуракив, ушкат бэйцэг гохилкан биттэн, дуннэлэдэй гиркурийн бэйэцэг, угийн дэгрэ дэгэри гохилкан биттэн! — эр Умуслийн гүниттэн: — Би эр ёкундуу балдичаав? Угу бугадук тикийн бихикив, хорондуу сацисакан бимчэ; хэргүү дуннэдук йүчэ бисикив, чурчандуу тукалакан бимчэ; дулин бугадук эмечэ бисикив, энтилдүү угдаансакан бимчэ.

Умуслийн-сбниг, умнэжээн бэйүкэс, эмэкс, чайшицы сулуурокин, угийскэй турби ишцүрэн. Айамат дблчайнаа — шуцаанчай турэлжэн-мит.

Тараадин гүйттэн:

— Дэри, дэгиви! Дулин буга сониции дорово! Би эмэм угү бугадук. «Тиккэл» гүнэхис, тикийнэв; «Экэм» гүнэхис, этэм.

Эр Умуслийн ёва-дээ энэ турттээ; сбнэлийн ичэттэн. Тарийн, турэтийсэкэн, илтэнд'эсийн. Эр бэйэ бими тикийликса, чапикйлби малулэвии гарадачикса, алаацави хэрхакеэжэн, байж турэтчэхинээс утуу-утууийтийви:

— Эр би бугалын ёкун-кат элжийн гиркура, ёкун бикэс, инэмцэйэжэжийн, ёкун дэри гиркуран! Би цэнэном иртики д'улгидэв бдан-дээ. Айат гиркумий, илан анцайлий мучүд'ицэн. Тардалын айат бид'экэн!

Гүйжэс, Умуслийн-сбниг түксад'ахийнчэн йүйттүүжээ. Эр бэйэ цэнэрэдүү д'оке мө томкогоочин томкопуттан, хэгдэц мө цицтэмбдүгэвши цицтаныттэн. Эр бэйэ түксад'аракин,

д'улгілдәдүн калтака халгалқан, калтака ңалалқан, калтака ёсалқан Чулурб браи. Муннукәнма силатчариләк начаран. Эр эмәксә, сөниц бимй калтакарайткій гүйиттән:

— Би ириктә муннукәнца.

Тарицин:

— Кә, нәкү, ирикәм! — гүйиксә, тәкаиткій даварийчилчан. Тар даварийчад'аракин, муннукәнцаң хэтекәнмүчән. Таридин ахактаң'аракин, муннуканцаң бутуниу д'эрәни Умүсликән-сөниц.

Эр Умүсликән часкай түксад'амин, тукаладу хүннилләхчекәйн, мәнүмә гәкиткән бисә, ділачай йүптутикән дәгд'әхинән. Эр цәнәд'әнә, болорйың сициксад'ин сätтән, түгәрйівән садиқсад'ин сätтән, д'угаривәп силәксәд'ин сätтән. Эр дәгд'әнә, сөниц бимй, хүңтутикір дұндаева илтәниттән. Таргачин горо буға-вит урү буға-вит. Цәнәксә, цәнәксә утү буға икәнд'әккән истан. Утү буға икәнд'әккүн көтәр мәнд'а бисин, рәснай дәғүл дәвантин.

Эр Умүсликән-сөниц тар мәнд'а тәкәндүн дікәнән. Тар дікәнчәд'әрәкин, сыйсә рәснай дәғүл эмәллә. Эр эмәксәл, рәснай әвийнмә өйттә: ціл и'брчарй — н'брчаттан, ціл икәрй — икәттән, ци истангалләрй — истангалләттан. Эрбен сөниңдүк умүкәмә сөниц упкат әвийд'и суптіттан — Йүлтән омолгин Гарпавулчан. Эр әвийд'әнәл сөницил бимй сәмнүд'акачитта. Эхайлә нуцартын гүйиттә:

— Дулин буға сөнициин эмәрәкин, хуларин сәксәвән алаңа итәгәстүн усніл'әцәт, мәнмәп діргиң бураги мәстолб'иңәт! — гүннәл сәкәттә.

Эр сәкәттаракти, уйыскән Кидак ділганин инцүд'әрән, икәвкән бимй:

Нимәдәрекой! Нимәдәрекой!

Йүлтән киливлии Дарпекчан-ахәкәп харванд'ана түрәтчәрән әхилә:

— Утү буға сөницилии, ёпа-ка сү салакачинкіхун, бутук бәйәвә әхил сара бинәл? Дулин буға сөнициин Умүсликән-мата эмәнәп тугурук умүп инәци өдан; әхин-дә долләкицисуң тәкәндүн дікәнчәд'әрән, әхин-дә!

Утү буға сөницил гүйиттә:

— Дулин буға сөнициин бикин-лақа иснави иссан? Исті-дә бимй, мундук сумайд'иңәп-дә? Тіккәл, эмәкәл, икәниңәр! — гүйиттә.

Эр ахәкән соңомуна, соңомуна, «посленәйви икәніктә-дә», — гүниә тікчән әхилә.

Айамат-ті икәнд'әрәктии Умүсликән-сөници, тәлқашхинчәкәс, иркіхынчаксә, хэтекәнчәкән әхилә, дбләкинд'а илан буғали дәл-пәргәкнән. Мацания дүйнәңдітіл хәннәмәктуви ләвәксәкән, түрәтчәхинчән әхилә:

— Дулин буға сөнициин би бихим, Умүсликән-сөници! Эмәкәллу, сәксәвән алаңаңдар итәгәстүн уснікәллу!

Үгү буға сөницилиң мәмәривәр ичәтмәл өчәтін. Хәділтің, әләлпесел мәнәк хәтәкенчәтін. Эрбәп сөницилдүк умүкәмә сөниң, дәйткій иликсә, Гарпавулчә-сөниң гүйиттәп:

— Екүн әвийд'и әвийд'еп? Н'ур-тү мудайд'ин нәмкимәтчәрәп, алаңа-рү д'әйәдін токтомбәтчорон, уругун-цү әрчимд'ин колту-матчарап? Упкат әвийдүк синмакал!

Умүсликән-сөниң гүңчән:

— Екүн-лака ухан сөницилтиң биңакыл: мәмәрілдүккәр цә-ләд'әрәп? Хакин хакиндуләвәр гидалайтар! Н'урит нәмкимәткәр!

Тәдүк сөницил гүмәчилчәтін:

— Авгү ә'брәд'ап: би-рү, си-рү?

Умүсликән гүңчән:

— Си ә'брәкал!

Гарпавулчән-сөниң сәмактүки н'уринд'аби әүснинжәкән, «үгіскі-ті адағад'иңәс», — гүнә, тәңчән. Н'аңп'атқай һ'урин тиңкәчән. Гәнчән гарпачән, «хәргіскі-ті адағад'иңәс!» — гүнә, — урәксақән», — гүнә, тіккітавәи шәтәрәгәр гарпачән. Тар гар-пачалан Умүсликән-сөниң: «Би-кәнә гарпакта! — гүнән, — үгі-скі-ті адағад'аңәс!», — гүнә, сөниң үрдәстәдүн тәңчән. Үгіскі адағад'ары байәвә мәтанд'авәи наңтарагар гарпачән. Гәвүкә гарпаксә, чурчанд'авәи хокорогор гарпачән. Илівүкә гарпаксә, миңәнд'әзән тәкәрәгәр гарпачән. Тар гарпүчәлән, Гарпавулчә-сөниң гүңчән:

— Минәвә әкәл вәра! Би дусәви Кимәнәрл Мәңдүнкән из-күнд'иви толүйд'иңәв!

Тар гүңчәлән, Умүсликән-сөниң «тәд'әмә-дә әваи вад'әм», — гүйкесә, әлі-тәлі түмнінаи. Тарицин ибоноптігачын әдан.

Тәдүк н'әхәйілвәр авуқасал, Гарпавулчән бұғалан қәнәхин-чәтін. Ноңоптідүн сөницил қәнәхиниздүтиң д'үр йәғин ағді ағдіттан, бікта боктатташ, таргачиң турғапд'и қәнәттө зә сөни-цил. Эр сөницил, түксад'анаң, араспай айа дүнишаңа иисилчәтін. Илатал-дигиттәл дәткәр дәләмізбәл дәлдүлітін қәнәтчәтін. Эр дәлә-мітчаләв ылтәнмұрактиң, айдан иңдүлчән: соңод'би, тәпкәнд'би, колто иғинд'би. Авахй д'әбулчә-вит Гарпавулчән бұғалан.

Эр сөницил, айданма дәлдіксақәр, сувәлбесчәтін: «Оя қәнә-д'әрәп?», — гүнәл. Гарпавулчән-сөниң гүнән: «Бу илә мәңд'иви әнәд'иңәв?», — гүйкесә, түксад'ахына. Умүсликән-сөниң, индак-такән, әдіндү әділмұвд'әбін. Әдімә дәйткій тәргөпметін иихисә, д'ү мұннуктүн намарәчән.

Эр памарүчад'ана, синкіттаи Умүсликән-сөниң авахиңүн сөницил залдің'ариватін. Тәд'әмә еб әңәсі әмәчә-вит, тутакай д'авүчад'ары, сәләмә улләлкән Сәләргүңд'б-анаң араспай айа бұған буқатыр сөницилвәи вәчә. Иүлтән этіркән тулғидәдүн бутунны бәкәе бүнәп өчә, илама сөницил күхид'эр: ләм омол-гүн — Үрәвиәр-сөниң, буға тағындүн босқечә — Отаникәп-сөниң. Иүлтән-омолгүн — Гарпавулчән-сөниң. Илаллава күхисел, Сә-

ламтаруңд'э бутунну кёйраи. Эр кёйчалай, Дарпек-киливли сононо, сононо турэтчээн:

— Нийлакэ тикин минэвэ айд'ан? Бутунну айцат сбиицил кётарра. Дулик буға Умуслийкэн-сбииц гороке — эхин эмэрэ. Эмэхинээ умүн анцаний бдан. Авахийд бурэн минэвэ!

Эр кёйиксэй, авахийнд'а гүниттэн Дарпек-ахаантий:

— Тэтэлви аяат камүйкал! Эдук илаллал цэнэд'ицэт! — гүниэ, дэлжиндүви дэрүмкиттай.

Умуслийкэн-сбииц, сбииц бксэй, авахийнд'алай цэнэрэн, илэчдэмнэй. Эр цээнксэй, илэчдэгтэн:

— Минэвэ салэмэ мэчикйтни гарадаакал! — гүнина.

Сэлэргүнд'э гүниттэн:

— Постой! Буд'ицэс экса тэвэрэ! Синдук бид'идэ бэйэ эчин тэвэрэ, — гүниттэн.

Умуслийкэн-сбииц, тар гүнэкин, мугдэхэнэм тэнцэрөгөр тэнцэрэй, дэрэхэйимэй гарадааран. Сэлэмтүнд'с, түкүликсэй, «Сэлэмэ мэчикйтни дэлвэн иаментикта!», — гүниэ, гарадааран. Умуслийкэн-сбииц мэчиккэн калтакай цэлэтий тэвэрэн, тадук гүнэн:

— Би-кэнэ гарадаактай! Си тэвээкал! — гүнэксэй, Умуслийкэн гарадааран авахийнд'ава.

Тарицин кёйиан, экса тэвэрэ, дэлжэямэ йапурагар тикиврэн. Эр тикивүнксэй, авахийнд'а колтулжесбран, Дээ, эр сбиицилжэн авахий кусийлчэтийн. Авахийнд'а Умуслийкэнэм умиэт эхий нэвкана. Уржсэй, мугдэхэрээ хёклийгда колтотгои. Кусийчбл, кусирэ, кусийчэл, кусирэ нунцартин. Кусиймий мацанна дуннэвэ кутацна, куту дуннэвэ мацанна, томторво оцкычаницна, оцкычакка томторийцна. Илан берава кухийксэй, Умуслийкэн-сбииц колтон тэптилчэн. Сэлэргүяд'ава Умуслийкэн иктерийклэн Сэлэргүнд'э улзудукин сэлэнд'эл конкомулчэтийн. Сэлэргүнд'с тэпкэлчэн, союлчён ахилэ:

— Умуслийкэн, сб бэйэ бихинни-вит! — гүниттэн. — Эр колтонд'овос бдук д'улэсий синтий хэргү буға авахициин эзни ичхинэ!

Гүйиксэй, авхийнд'а бдяанчачаан. Умуслийкэн, чикимнад'аваан хбгриксэй, тогоду далгажсэй, Йүлтэн-этгээний д'улан ирэн.

Умуслийкэн-сбиицаа ийлдүүлжин умүн сбома гуд'эй ахийнд'а малүдү тэрэвжинэн. Тадук умүн ондоонд'блжэн актакийд'ава ваксэй, туйчдэн. Умуслийкэн-сбииц ахиллалчай Йүлтэн-киливливлай Кимэнэрий Мэнүнкэн-ахаанчайма. Илалладу умийвчэтийн эр-тар буға бэйэвэн сивайбамийкийл. Эр умийвүсэл, сивайбалчэтийн. Сивайба этэчблэн, араснай эвийимэ эвилчэтийн. Эвийксэл, эвийксэл, бутуши тар гачэтийн.

Умуслийкэн ахийви бугадүн умүн анцанива бихин. Тадук умийкэн киннитийви гүнчэн:

— Би бугадукки эмэнэв д'ур анцанийдүк улэрэн, буғалави цанэрдүүвэлэкийн бдан, — гүнэн.

Йүлтэн-этгээний гүнэн:

— Цэнэрий бэйзэвэ эхим д'авчара. Цэнэцэт бимий, цэцэклэ! — гүнэн.

Эр цэнэхиндэвэр умүн ишээвэ камуйра. Тимлини цэнэхийчтэн, умүн дэктэн дэлэмийчэвэ элгээпэл. Мэнцүлбэй-ахаан д'ур бэд'эн элгэвүрви элгэхийнсэй, н'брахинчай эхилэ, д'алви пурастилхихий. Умүслэйн мэнин дэлэмичблви илбоенччэй. Эр цэнэксэл, цэнэксэл, дулийн буғавар иста. Эр ихихсэйнр утэхийнэр олдоондүй чбрама д'уввар илдвчтэн. Эр Мэнцүлкэн Умүслэйн дулийн буғадувар тившд'ара. Сома айат бид'ечтэн дулийн буғадувар.

* * *

Умүслэйн Мэнцүлчэн сомат байанчтэн. Умүслэйн-сөнний идэйшийн бакачан. Тиматна өрдэ тэгээ, тэгээ байгуягчэн. Бэйумийн, бэйунэ эвкий вара, эхийн мучана. Цуцан бий-дэ ваксай, эмэйтэн. Сома айат бид'ечтэн.

Тар бид'эректн, умбэгэн долбо дулжийнин Умүслэйн гиркин Мэнцүлчэн-асаан дэлхийн тэлжилчэн, иркилчан толкниими д'апка-дүн. Умүслэйн-сөнни «өран?» гүнээ, ималчаран, гиркийн ичэчилчэн сөнни бимий. Мэнцүлчэн-асаан тэлжийнми д'апкаадүн гүниттэн:

— Сурдэке! Сурдэке, эхэй, ёкүнций д'эбуулзэн; эдэ Умүслэйн-кэн, айат дэлччагчал! Тиматна унэн дулишин эмэд'ицэтэн хэргү дунин авахийндр'алин. Буғадуккар авахийнтийн илалла бчч. Эдэбэйэ, айат бэлэндэкэл! Буддэ икээдээ эмэрэн! Сөт манийнкаал! — гүнэн...

Умүслэйн бэйүүци хиүйнсэкэн, бэйүүци улсынши навиадуй чакиликсэйн, бутуунувьол шинжилэн. Эр шинжилжийн, д'улдэй түксана истан. Эр ихихсэй, асийн ичээшн — цду-уб ячийн, төтлийн бутууну урэййчэл. Эр Умүслэйн, болгохсэйн, соцоло, соцоно ийн цэнэнэвэйн муйжийтэлэп. Илаллава муйжигэрэн, ёкун-дэ ўд'айан эчбэй бакара. Дүйтн ишээлж ўд'аватын бакарал — дэлбортгийн цэнэмнээстэн. Ёкулдүн-тэх хэгднээг огусинд'ят туркучт цэвэмнээвэстэн. Эр цэвэмнээлтийн Умүслэйн-сөнни соцоло, соцоно, түксад'ахийнап. Түнцэлладу соцонон, Умүслэйн-сөнни ёсадүн мунинукаанджийнр н'аксанд'ал бда. Эр Умүслэйн, түксаксай, түксаксай, хэргү буғалд тикиччийн саңарва истан.

Эр ихихсэй, д'алдамлан би тикидтийн хоргү буғалд. Умүслэйн муцинайксаса, корголд'уткай биксай, чимухинаан хэргү буға салдур-дүлийн. Эр тикихсэй, тикихсэй хэргү дунинээдистэн истан. Хэргү дунинээдистэн сома хактэрэд дунинэ-вит; дэлччай калтакан дэлччай, бея калтакан бэгэлжийн. Умүслэйн-асаан мөнэг гиркуд'ахийн сэлэмо ўд'али кадағадук кадағадлэх нэтина. Эр монэг цэнэд'энэ, умүн д'улдистэн, эр дэчин кирилкаан д'үнд'ацци уркэйэн гөлдөктэлжэн. Тарииди ийн-дэх уркен эхийн сэйра. Умүслэйн-сөнни, дэрийсэйн,

д'үнд'а, олдондүн даваринчад'аллац. Эр даваринчад'ана, д'үнд'ацци дбткйн турёвимэ дблдіран. Айамат дблчайтан — турётчэрэн нуцан мён асий Мэнүнкэн-асакан. Тарицай гурйттэн:

— Кимэйи-эн'ай, аливес! Екун буғалан эмэвүксө, миавэ муцнайллан. Бэйэл дилливатын астарийн ииэндээс бдан. Гороке эхин эмэрэ Умүслэйкэн тиркив!

Тар гунэкин, Умүслэйкэн-сбниц гүнэн:

— Би эмзэв илаллаа бдан. Сэлэмэ д'үнд'авас уркавэн энэ бакара, муцнайд'ам. Уркэви ийнэл, эдэ Мэнүнкэнчэн!

Тар гунмэрэкин, Мэнүнкэнчэн-асакан туксана эмэксэхэн, уркенид'ээвэ нирэн. Умүслэйкэн-сбниц д'үлэн ярэн. Ийнэ бичэ — Мэнүнкэнчэн-асакан бэйэл дилливатын астад'аран. Умүслэйкэн-сопиц аслидукви улгумирэн:

— Сэлэргүнд'ээвэй илэ цэпэчэн? Окин эмэттэн?

Тар гунэкин, Мэнүнкэнчэн-асакан гүнэн:

— Сиксэ эмэд'идэй, бэйэлэ бэйучэн, д'эвдэви. Сöдүк сб, эцэсийдүк эцэсий, сэлэмэ иллэлкэн Сэлэнд'э-авахи, — гүниттэн Мэнүнкэнчэн-асакан: — Сöгда мата бимй, кейд'ицэс. Умүслэйкэн эдэ, илэ мэнд'иви этэнхи кэйрэл — гүнэн.

Тар гунэкин, Умүслэйкэн-сбниц гүнэн:

— Би ёдас-тэ бимй, балдиксэ бид'ицэв энэ-лээ вэлдира, этэм цэвэрэ!

Тикэ гуннэ, гуннэ, сбниц Умүслэйкэн алчайчэн. Эр алатчаракин, сиксэ, дилачай тикрийн дарагүн сэлэ игин иннүлчэн. Тар индүксэ этэмурэкин, сэлэмэ калканд'аватын чоцкиллан, турётна турёма Мэнүнкэнчэн-асаканма турёчиллэн:

— Дэндэ, дэндэ! Мэнүнкэн-эдэ, тургэнд'и ийнэл калганимар! Дэриксэ, эмэм, сбт ийнэл!

Тар гунмурэкин, Умүслэйкэн-сбниц, ёва-дэ энэ турёттэ, тулискй йүрэн. Эр йүрэкин, Сэлэргүнд'эни, ололдоксб, тэнкэлчэн:

— Энэй! Аливес! Идук өмнини? Умүслэйкэн-сониц, дорово! Айат бакалдтар! Умүнду бид'эцэт!

Тар гунэкин, Умүслэйкэн-сбниц, тикүлийсэ, «синдү дорово болан!» гүйжсб, оюктонд'бийн синтарүгар кукускуран, ашиг нялатви сёний тэкэндүлэн колторон, Сэлэйэнд'эчин тэкэндүлшии колторон. Сэлэйэнд'эчин тикүлийсэ, чаварийчай баргүквя. Умүслэйкэн-ку бэйэ айат и'экарэкин, йүчэ оттан. «Хакирвас, мёварвас эр-ти такад'ицэв, игэ цинакинма!», — гуннэ, гуннэ, колтучай авахинд'ава.

Д'э, эр авахийлкан сбниц вэлдирдүтийн нуцартин вэлдирдүтийн бутуны хэргү буга сэвэйэлийн авахийлий, цэлэлийсэл, будэ. Нуцартин колтотий игин урү буғалд даргийттан, гүйттэн. Таргачийн сурдакйт кусийтта Умүслэйкэн Сэлэргүнд'э. Эр кусийсэл, кусийсэл Умүслэйкэн сбниц кэййлчай авахинд'ава. Авахинд'эчин тэнкэлчэн:

— Умүслэйкэн-сбниц аракүчира колтукал! — гүниттэн: — тэд'эмэ-дэ эцэсий сбниц бисишиги-вит. Би-дэ эргэчийн матава эчийими

ицэрэ. Экэл вара! Минээвэвэл вайсэй, түүндүв айд'аний? — гүйттэн.

Тар гүнд'эрэкий, Умуслийн-сбниц, бижжийн гарадаксай, аптачийн мянган кавканд'азын хбграи. Эр вайсэй, бутууну тохижу далгаран. Тадук чайжийн гэлэктэнэ бутууну аахилва натчай. Бутууну далгаксай, хулэнтэрэтийн дэгийнэр.

Тар давдиксай, дулийн буялдэвийн асийн уими цэнэсничэй. Нэнэксай, цэнэксай, цэвэксай дулийн буялдэвийн эхийн истас. Эр ихийнсай, айамат дэрийнхэсэхэй, цэнэсниччийн д'улдэвэр, Цэвэксай, цанэксай иста. Эр инатийн д'үтийн сбма айат бисин, ноночтгачийнми. Тимийн тэгэксай, Умуслийн-сбниц орорви ичнэчэй. Ичэнэй сбма айат бид'эрэ, ишонтдуккар д'урд'и хавуучай.

Эр бид'энэл, умүн хуркён-куцаалын хутэлжэсэл очатий. Эр Умуслийн, хутэлжэн боксай, сбмат урүүчэй. Урүүнэвийн сбдун эзрэгтийчайни очан. Эр хутэвэр сбма айат иргичтэй. Эр хутэтин умзай андамай, умүн анцанжитилжинчийн бттан; д'урэ андамай, д'ур анднаанжитилжинчийн бттан. «Таргачин сити куцакамйт Умуслийн-сбниц хутэн, бэйэ бмий, Умуслийндуук д'анд'и сб бэйэ бдяят», — гумэчтэй мэмбэрлийнумэр. Эр Умуслийн Мэнцүкчэйн-асаакай сбма айат бид'ечтэй, сбма бараан адулжасэл очатий.

11. Умүн-Умуслийн

Билир бичэй умүн бэйэ. Эр гэрбийн бимий Умүн-Умуслийн. Эр Умуслийн д'үүн дбдэн ичэттэн — дбдиддуйн бисин умүн сэргүүчэн. Тар сэргүүчийн гадан, дбдүн бисин учинчай мбгдэ. Эр мбгдэ дбдүн бисин улэ. Тар улэт тохижо илараи. Д'үн элбэнэй бэйүн иниад'ин, тэргэксай бэйүн иниад'ин биччай. Эр Умуслийн сбма д'адаци биччай: «Чэ!» гучин — цина-дэйчай, тулгийддүйн иргит-ти оронийн ачийн. Д'эзитилэн — бэйүн уллэд'ин. Бэйүүнээс памяа, д'эбүттэн. Эмий вара — эттэй д'эрэ, омийттай. Эр Умуслийн сбма сбниц биччай: дүчин халгакама душнээлэй эвкий түүвкнээ, угийл дэргивээ эвкий дэргивкээ.

Умийкэн д'алдажай: «Дулийн буяраду бигдэ балдчай?», — гүйттэн. Эр сбниц Умуслийн умийкэн буяануул гүүми, цэнэсийнчай. Эр бэйэ халгаанд'и цэнэсийн. Эр Умуслийн исран умүн урэлэ. Тар урэ ойодүйн тэгэгчээнэ, буяава адулжд'ачан. Тар адулжжийн, гүнэн: «Анади буяа балднан?». Эр тэгээтчэрэкий, эхэ нүцантгийн эмэл'эрэй. Умуслийн дикэнэн, и'урит лукийбрэн, варан. Аталлан, уллээций д'эрээн. Тадук эр Умуслийн цанэрэн, цэнэрэн, буяалай исран, умүн дуинэлэ. Тадуу бисин умүн д'ү. Тар д'улд'иhrэн. Тадуу бисин атirkalжийн этиркэн, сбма сагддэй. Эр этиркэн бимий улгумжрэн:

— Эр синээвээ ёкүн эр буяадаа эмүрэн? Эр дуинэлж чивкайчан-да «чи!» эчэй турдсина. Эр си ёкүнд'и эмээнни? Гэрбис ций? Ема буяадаа балдчай бисинни?

Эр Умуслийн-сбниц гүнэн:

— Бишэв улгумирэкис, улгучинийтэмдэ: би эмэс сөн горо бугадук. Би гэрбив Умүн-Умусийкэн. Сий, этркэн, сагд бэйэ, араснэйээ дблдичинни, бид'ицэн, иччинни-дэ, бид'ицэн, сөнниц бэйэй санни, бид'ицэн?

Эр этрийн гүнэн:

— Би балдинаав эр буга элэхэс тэвүүдээсэн, балдчав, — гүнэн: — Ичэний, дблдинаав баан. Би, эдэр бидэсийн, араснай харгына-дэ, бэйэ-дэ, бэйнэ-дэ чурдэкинэн ичэчэв, — гүнэн: — Элдэвэр цэнэрэкис, булд'ар-лам бид'ицэн, илан сөниц цэжүнэн, умүнтин асий, сома сөнницил. Тарилба кэймий, тэд'а сөниц бид'ицэс. Эд'эцэ нэйра бмий, элдэ эмэдэй.

Эр Умусийкэн цэнэрэн, умүн биралд иран. Тар иснан бирава эйэки бэйэ удан бисин. Эр Умусийкэн бимий тар удалай цэнэрэн. Иран, умүн д'у бисин. Умусийкэн гүнэн:

— Дорово, д'унд'а! Уриэнэ азакаллу!

Д'у дбдун гүнэн:

— Екүн турэтгэн?

Бэйэ д'удук йүрэн, тадук Умусийкэн кусирэн тэд'э сөнин-бэйэн/ун. Эр кусиксэ, кэйран. Булд'ар сөнницилтия гүнэ:

— Нэжүпмэр бүд'ицэвун.

Эр цэгүнтийн бимий гүнэн:

— Умусийкэндү этэм цэнэрэ!

Эр асий бимий суптэрэн. Эр Умусийкэн асайшчан. Умүн бугалд иран. Тар иснан бисин умүн д'оломо д'у. Эр д'ува Умусийкэн бимий иларакан токориксакан, уркаван гэлэктэрэн. Эр Умусийкэн гүнэн:

— Д'оломо д'унд'а, дблкай бисикис, дорово!

Эр д'у дблай ёкүн-дэ эсин турэтгэ. Эр Умусийкэн тар д'улаа прэн. Тар иран, умүн бэйэ уклэрэн. Сома хэгдин бэйэ. Эр бэйэ олдондуй бисин халка. Умусийкэн гүнэн:

— Гороке уклэшии, тээрэкал!

Эр бэйэцни эсии мёлла. Умусийкэн тар халкава гадан, уклэри бэйээвэ интэрэн. Омкотон дулмаван иларакан интэчлэн, мёллаш. Тар мёл'ийксэ, гүнэн:

— Эр синээ ёкүн эр бугалд иран? Би синээ тикий д'эвд'ицэв!

Эр Умусийкэн бими дэлби цэлэллэп, гүнэн:

— Би эр бугалд иран, асийва асамий.

Эр бэйэцни бими Умусийкэнээ д'эвдбви укчургуц. Эрицийн бими авахи. Эр Умусийкэн иуцацали кусиллан. Эр кусиксэ, кэйран. Кэйиксэ, Умусийкэн тулийский йүрэн. Умнэт утгийский турэн иницүрэн. Умусийкэн бими турэтгэн:

— Угү буга эн/эй, дулгин буга амай, миндү сэнэйэв бэлэкэллу!

Эр Умусийкэн бими д'алдажан: «Умүн н'ур бичэн шадан булагий буллагар», — тар н'урви гадан, ирэгэрэн, тадук удиский лукийлэрэн. Лукийлэксэ, мудалцукиг д'аварац. Тар н'урити иуцаан-мэн утгийский цэлэврэн. Умусийкэн н'уритни дэгдэчэн. Умусийкэн

үгү буғаду асйици боконон. Эр асицци эмүврән буғаләви. Исрән. Буғаду утәниң төғөн д'әгдәрән. Олдоңдүй д'үйа бран. Тәдүк утәндүүшүнң иңәрән. Дәдүп бисиц бәйэ араши. Малудүп — эхә панин-сәктәвүн бисин, алаңд, в'ур бисин. Эр алаңаңа Умусин-кән гадаи, эңдәтикүйви тайчараи, албараи умибт. Сиксә бәйәзиң эмәрән, надан имәнпәдүви падан бәйүшмә эмүврән. Эмәкә, гүнән:

— Екүн эмәчәп би буғаләви?

Умусин-кән д'үлән эмәрәп, арай тар Умусин-кән иңкүни бичәп.

12. Гарпаникән

Дулии дүниэ, дулиңдүй, дүниэ кумалапдиң тәнуувд'эрекин, умүн сбниң төванд'ачаң. Нуңан гәрбии Гарпаникән бичән. Екүндүк-тә балдышави эхимән-дә сәд'ара. «Ами» гундсон — амин-да ачин. «Эни» гундсоң — эйлийп-дә ачып. «Дүниәдүк йүчб бихикив, хорондүв чука балдічә бимчә. Уғашык тикчә бихикив, хорондүв саңыса бимчә», — гүнчәчәп.

Эркән-таркән бичб бихии. Нуңан бид'эрекин, гакигдә дәксәкән, «так!» эхин гүнд'эрэ; күкәйп-дә дәксәкән, «кук!» эхин гүнд'эрэ, упкатпа ваттан.

Гарпаникән-сбниң инәнтикийн уна тәңәнә, бәйүктәлә гирку-д'аран. Бугава бәйнәлвән д'үви тулгидәллиң бутушумә манаңд'ана, горолдулыг гиркуд'аран.

Эркән-дә бид'энә, Гарпаникән-сбниң горойолво д'алдәчиллан. Д'уләсский мәргәд'энә, утәкәнтикийни ичэтчәрәп. Горокомо д'алдә-д'ана, утәкәнтикийни түрәтчәрәп:

Күйүкәкә, күйүкәкә!	би-мал умүн буғадүви
Утук-утукәп,	сагдашмұвд'ап!
айакәрәд'и сәңгәд'акал!	Би-үен бәйэ ойоллы
Уркәп-куңакән бид'екең,	обиң-бәйэ ачып бид'ап?

Сбниң-мата бикәнәм, горово-дә эң д'алдәтчара, алаңаңи гаксәкән, кәңтирәдүви хәркәрәп. Бүчүвчә арбагасви тәтикең, кәрбәкәсәм мәтакәви дәлдүви авләд'аран. Утәкәнтикийни ичэтчәнә, п'ак-дәт түрәтчәрәп:

Күйүкәкә, күйүкәкә!	сана-вал болдоңд'ом!
Утук-утукәп,	Сөндат горот гиркуд'амп,
Поросай, порости!	илан-дирин аңаңийлүви
Окин-дә эмәңәтни	мучуна-вал әд'эм!

Дулии буга Гарпаникән, утәкәнциалини уйбашкесәкән, айагда корбо бәйүнцәчиң маңаппалиң түкесад'аран. Маңаппай дүшешвә эдиәкәрдит ләвбәктиэ, бугави эмзиң'эрәп. Сбниң-мата цәнәрийдүп сөгдалин күкәд'эрэ, и'уриктәлини амаскүгдә эйдүп әдінбид'эрэ. Нуңан цәнәрийдүп шыткүл мбл гүлдикәм-дә маривд'ара, әгді мбл циңтәлдүллиңвәр иңділд'инэр түкчәро. Сбниң-мата үд'ан-дә әгді сирү уктинәгчайнип. Дүниэ бичб бими әдү-тадү изектәвчى.

Гарпанийкайн-сöниц горово-дб цэнэви, дагава-дä цэнэви эхимэн-дб сäd'ара. Эркэн уйдэмэк бчай, Кэдрэс д'идин ойолийн илбэвч бэйцэгчийн д'улбэклэви түксад'ариви.

Кэдрэс д'идин ойон-дб тамнаксагдат тамнад'аран, цэнэвэн д'авад'арал. Гарпанийкайн-сöниц тамнаксава луулмийгдэ, эдэвши асантийн ойонблой цэпэд'эрэн, д'идицми эмэнд'энэ. Горо-дб цэнэн мудайан ичэвд'эрэн. Кэдрэс д'идин горо цэнэнэвэн манавран. Сöниц-мата бид'эксэжээн ёкүйдук-тä эсиймэн тағтавд'ара. Цэнэви дабдд'ана тэциэкви гэлэктэд'эрэн.

Цэнэн дулгийддүн авлама дуннэдү чбраманд'а илитчаран. Д'алиун д'алачи чбраманд'а олдойблэв дэлгэчадү гарлавд'ана ичэвд'эрэн. Гарпанийкайн-сöниц тэрикттик муннийд'эрэн. Иртийн цэнэцэлти эхимэн-дб сäd'ара. Иртийн ичэхийнэкин, чбраманд'а тулгийдүн, «моноятол мбл, — гүнчээн, — бэйэл икэрилгэн бд'ара».

Гарпанийкайн-сöниц чбрамава токорд'орон, уркэвэн гэлэктэд'эрэн. Уркэвэн албад'акса, тулгийддүн илитчаран. Турула албад'акса, чбрамава токтод'орон. Чбраманд'а сöналийн матанд'а килдилд'аран.

Дулин буга Кэдэрэнинд'эн, сöналиви килдичакса, дуннэдий гиркуд'акса Гарпанийткй ичэтчэрэн. Дулин буга Кэдэрэнинд'эн эгдитти эгдимэр, эзэхйтти эзэхйтмар, гүгдэлти гүгдэлмар. Дэлжий ичэхийнэкин, ёллагачийн конволбомо, иктэгдэлийн багдактэра, н'уриктэлийн куривд'эрэ, ёхалин бимий гиалдиканчайр токорд'оро. Дэлжий илитчана, Гарпанийткй тикэ турэтчэрэн:

Кэдэргэйкэн! Кэдэргэйкэн!
Дулин буга Гарпанийкайн,
цидук улгумийса,
д'ував токтолиши?

Эдээлв дэрэвэс муйд'ара,
айа эйдд'ин эмб уд'алийи
мучүд'акал! Э

Дулин буга Гарпанийкайн, турэлвэн долдиксакай, алацави илбэд'аран баргуукви нэмкичилэн. Баргуц-тй илнүүлэн, н'урилни гад'аксакай, Гарпанийткй ичэтчэрэн, нэмкиривэн алэтчаран. Дулин буга Гарпанийкайн булэхэви нэмкийд'эрэн. Нэмкийсёжэн, ичэтчэрэн — эчимэ-дб нэвкэцд'ара. Иларакай нэмкинэвэн алацай сигдэдүн тэвэчэ. Тикүлини сöдүн алацави д'авасакай, булэхткви ичэтчэнэ, нэмкиривэн алэтчаран.

Дулин буга Кэдэрэнинд'эн нуцанцаачин нэмкийд'эрэн. Дулин буга Гарпанийкайн н'урилдукин килдиймэтчаран. Иларакай нэмкинэвэн илацави тэвэд'эрэн. Сöницил-мatal бид'энэл, алацалвар нбдаксакай, самнарайлд'и токтомбчилаа.

Нүдартин кухирдүтин тамнарийл тамнад'ара. Долбоний бд'акин, тоогодо д'ануттаа, инацай бд'акин, тамнаксагда гулбүттэн. Сири-дунна авламд'аран, авлайн-дуянэнэ сирийд'ара, кирацай-дуннавэ оцкучакийд'ара, оцкучак-дуннэвэ кирацайд'ара. Кухиткэрд-дб бид'эрэктин, тамнарийлти муданд'ара. Самнарайлвар нбдд'анал, калбуулдукивар д'авалдира. Сумугдэ гилллуд'ип эцэхильвэр тэрэм-иётчэрэ. Султуулмийгдэ камамётнаал, эцэхйт дэлмэгчара.

Эркән-таркай кухйычам кухйид'эрэ. Нуцартин кухийли элбигүү аді анданың биавай, ций-дә охин сайд'эрэ. Болоний биавай сацкесагдат сатта. Нәлкәниң биавай чулагдат сатта. Кухиткәр бил'энэл ёдүтәдү тикитийд'эрэ, Эңжыйтиң манауд'ана, даңдилдірина алатмайтчара.

Дулин буга Гарпанийкән буләхәви нобад'араң, ойоүү бид'арап. Буләхәви тирәд'энэ, тиңдүй төгөд'эрән. Сампармийи гад'аксакан, кавкадүн ивәд'эрән. Буләхәни соңод'опо, бишии мулайн'ана, Гарпанийкүй туретчарән:

Кәдәрәгейкән! Кәдәрәгейкән!
Дулин буга Гарпанийкән,

экәл, экәл вайд'ара!
Минава тиңд'эрәкис, он бимчә?

Дулин буга Гарпанийкән энәкәни мулайн'ара, сампармийи гад'аксакан, кавказан чикалд'араң. Эд'еллиң чикапид'ара, эдівә ахаптүкій тутума н'аци'адү турән гәлтәд'эрән:

Гуруканын! Гуруканын!
Дулин буга Гарпанийкән,
мұлә! Акайявлав,

экәл, экәл вайд'ара!
Акайявлав вайд'ами,
миниңдібен этәни ичәре!

Дулин буга Гарпанийкән горово энэ д'алдад'ара, буләхәви кавказан самнартви токтохинаң. Ваксакан, тәкаандү дәримкитчәрән. Дәримкитчәрәкин, түксүл дәлдүтүп турән гәлтәд'энэ ойолын илтәнд'эрән:

Гуруканын! Гуруканын!
Дулин буга Гарпанийкән,

Миниңдівә этәни ичәд'эрә!
Поросай! — гүни.

Дулин буга Гарпанийкән, д'апкуи д'аличүй чбраманд'а д'үнитіктүйн уркәвән сукчаксакан, йиәд'эрәп. Уникаңыл коспокийлү гөләк-тәмій албад'араң, д'алийдү уркәдү кайиңд'ана бил'әхинән.

Дулин буга Гарпанийкән, амаскій амахиңлаксакан, сәләмәнд'ү уркәвән алаңтапи экихинән. Уркәвән сукчаксакан, дәләк йиңхинән. Д'апкій коспокийдү сәлемә мұтқаңдү буләхәдин үзүчакиңд'а эңтід'энэ иллитчарал. Үсқи иншакталыш, үсқи күкүашаның. Балдікса энән ичәре бәйнә бил'әрәп: д'үр оғдоңдукин д'үнитірмәң, цәктиләлкән, мәңдукин измәлкән, мәңумын ухилкән. Цулин буга Гарпанийкән ухидукин алтәхіпән. Тұлинбүйнекиң, иректәдү уйд'эрән.

Бәйцәлип әңтід'энә прәктаңа токорд'ороп. Дәнкій ичәтчиңе, Гарпанийкүй туретчарән:

Әңтәйн! Әңтәйн!
Дулин буга Гарпанийкән,
би хүнцив әңт бамай,

би ойодукин этәни тиқро!
Би ойодукин тиқмай,
әмүккәкүй тиркуд'адаңи!

Гарпанийкән сәник, ойодүп тәрәкесән, үрбеки үгіривд'епә, түксүлдүлә ишәд'эрән. Үгіллі дәгійд'епә, биңкі курбұд'эрән. Эңтіни эңтід'энә н'аци'адү курбұд'эрән. Цулин буга Гарпанийкән бхасгадалин мүлкәд'эрә, сөгдалын, кикбұд'енил, ойодүп тәгетчарән, охамән-дә тікчәре. Чутума н'аци'али Ібңакчайма ўд'ахинан.

Надан түкесу ойоллтии, д'апкуи түкесу эргилити, эргүр, эргүр калдүд'ана, ўд'алии ахад'аран. Сөниц-бэйэ бид'эксёкэн угучакни нёмэдүн, бокотогочийн намарад'ана, түксүлиэ илтэнд'эрэн. Түксулнуи гёжчинд'ана, тампаксава кондолмийгда, н'ани'алий дагд'эрэн.

Нээнэткэр бид'эрэкин, эдийнэ дойтихи Коңакчай турэлийн тэлтэд'эрэ:

Гурукаин! Гурукаин!
Дэрийм, каандарий сб онан!
Киран, кираг мацаанд'ав,

сбти, сбти манийд'акал!
Дулин буға Гарпанийкэн
ўд'алийв ахад'аран!

Коңаңчай-киливлэй соцоти сонод'орон, сэнэлил манавд'ара, сигдилдүү муцинад'ара. Муцинаткэр бид'энэ булд'арба дагамад'ара. Булд'арийнд'а баргийддүн Воршэнд'э тивд'аран. Дэгдэткэр бид'энэ, булд'ар ойолын йлэ-дэ нэнэрийн эчэмэ-дэ сайд'ара.

Дулин буға Гарпанийкэн үд'алий ахад'ана, киливлэва бурйд'эрэн. Булд'арийчин ойодуви тамнаксагдат тамнад'аран, булд'арийнд'а баргидан арёма ичевд'эрэн. Тэлэд'унд'а илитчаран. Гарпанийкэн-сбниц тармава цэнэд'эрэн. Д'унд'а ойолын гухи-кэнцэчин ариктад'ана, дуннэлэ тикчэрэн, угучакни уйд'эрэн. Самнэрви гаксакан, уркэдүн илитчаран. Уркэвэ ичэтчэнэ, д'үткй турдтчэрэн:

Куйуккэ! Куйуккэ!
Сэлэмэнд'э д'улд'а,
дблкай бимий,

дбйави савканд'акал!
Эхийнс савканд'ара,
уркэвэс токтод'олим!

Горокбямын бимэлчэксёкэн, д'унд'а уркэлтийн, алканд'ави гаксакан Воршэнд'э килдинкатчаран. Сэлэмэ алканд'ави, сэлэмэ куйиргивэн кариодуви уййчэксёкэн, Гарпанийва алканд'аран. Дулин буға Гарланийкэн алкандукин адағасчаран. Сэлэмэ алканд'а ойомбдүн тикчэрэн. Дулин буға Гарпанийкэн алканд'адук этэжсчэрэн. Самнарин тогогдои гуливд'аран. Тэринтүй д'эйзлкэн самнаринд'аи иктерии ташудуи тоғордийн суптад'арал. Дулин буға Гарланийкэн, алканд'ан'үүк кухид'энэ, сэлэмэ куйиргивэн комдорогор токтохинап. Сэлэмэ алканд'а куйиргидукин уйётчэнэ, дуннэлэ тикчэрэн. Булд'ар буға Воршэнд'эн алканд'ави бурисэ, сампардук адағасчана, ўйлэй килдшмэтчаран. Дулин буға Гарпанийкэн Воршэнд'эвэ токтод'ороп. Самнарин албад'аран. Екүндуулин иктерэкин, сампарии албад'аран. Тэтүэлэн нийд'анакан, тоғогдот д'анууд'аран, чутума н'ани'алий аргийти аргийд'аран.

Дулин буға Гарланийкэн токтоткэр бид'энэ сэлэмэнд'э тэтэвэн сминарыйтии нэхтэд'эрэн. Сэлэмэнд'э тэтэдукин олуктэл, сэлэл тоғогдолд'и гулдийд'анал, дуннэлэ тикчэрэ. Сэлэмэ тэтэвэн ойодукин лукчанакан, уллэлэн дагамад'аран. Сөниц-бэйэ бид'эксэд'улакиши иллэвэн сэксэгдэл уксэнэйвчэд'энэ, мирэнд'эвэн дэлхийд'эрэн. Гойовуйя мирадукин улама сэксэкүн ушкэнцэчин ушкэнд'энэ, сампардуий эйэнд'эрэн. Гойовуйя булэхэн эзэхийн манавд'аран. Сэксэдүви булкууд'ами, дуннэлэ тикчэрэн. Булэхэви

түрэд'энэ, түцэдүн тэгэрэн. Самиаритни нээд'энэ, калкаван чикад'арай. Эд'элтий чикаанд'ара, н'ацп'алий турэн ишцүд'энэ ойолийн илтэнд'эрэн:

Гуруканни! Гуруканни!
Дулин буға соницүүнд'а,
иоросай, иорости!

Дулин буга Гарпанийкэн энэ д'алд'ара, булэхэнн вайд'аксэй, д'уван кургийвд'эрэн. Собиц-бэйэ н'ацп'алий дэгд'эхинэй, Кобдакчанын ўд'аван н'ацп'алий ўда'хинаан. Тамнаасана луунулмий, түксүл дэмжитих д'улдэклэвий цэпэрэн. Цэпэтжэр бид'эрэкин, эдийн дэвтийн Коцакчан турэлийн эрмэдү гэлтэд'эрэ. Килиний соцотийн соцод'орон. Сэн'элийн мудаанд'апал сигдлэдү муципад'аран.

Гуруканни! Гуруканни!
Кирэн, кирэн мацанд'аа,
сбди, сбди муинүвд'акал!

Дулин буға Гарпанийкэн
ўд'алийт ахад'аран!

Дулин буга Гарпанийкэн, турэн дэлдэвүлчлэлийн, горово-дб энэ цэнэрэ, Кобдакчанын боконд'орон. Сигдлэдү боконд'ошо шилчардуукин д'авад'аран. Нэлэдүүн учийсэккэн, киливлийн идакад'аран самнаарви канчакад'ин. Дэвээхийн музд'ана, сигдлэдү соопчорон. Кобдакчан-киливли ишамүкталби авд'ана, Гарпанийтийн туртчэрэн:

Гуруканни! Гуруканни!
Дулин буға Гарпанийкэн,

Экэр, экэр идакара!
Минөййүү музлод'акал!

Дулин буға Гарпанийкэн, турэлнэн дэлдэксэлж, киливлийн мулайнд'ана элд'эрэн музд'ара. Сигдлэдү ахийжээ, н'ацп'алий цэнэхинэй. Гарпанийкэн бурамааны н'ацп'алий дэгд'эхинэ. Собиц-бэйэ бид'эксээ илан андашийн цэвэни илааллава цинэхэнэй, булаглави эмэд'эрэн. Эмэхэнэй, д'үүмийн дацаадүн д'үйншил д'аксэй, ахийн'үнми билд'эхинэй.

* * *

Дулин буға Гарпанийкэн эдэрийл аицашийн амарийнлай имбичэл, Буғави гиркуд'ана, бэйцэлвийн манад'аран. Ц'а, Гарпанийкэн сагданхийдү боконмууд'аран. Гуриктэллийн буркаасчалал, аицашийн илтэнд'эрэ.

Гарпанийкэн-сбииц утэлжээ бд'аран. Уркэн-утээни ишээцтийн болгатчана, умэгдат улд'эрэн. Уркэн-омолгийн ишээчтэвэе улзва эхин-дб улд'эрэ. Уркэн-омолгийн бэржинийн эвийлд'эрэн. Ишээтийн түксактад'ана, чипичийн лукйтчэрэн. Ишээлийн-гү, аицанийн-гү эд'эрэ илтэнэ, омолгийн бэйүүрээ бийүүктэд'эрэн. Ажлын гиркуд'ана, мёйнчээрва нэмжийчэрэн.

Гарпанийкэн омолгийнд'аи, Чиндэнийкэн-сбииц тэцнэхийн албад'ана, горойблви д'алдатчаран. Д'үлээн ишээ, амалкийн энхи-тийн дэлжийкэн туртчэрэн:

Чиндала! Чиндалэ!
Амай-Гарпанийкэн,
эн'ёй-Кацакчан
бидэгийн горойбл
буғалва д'алдажинам!
Он-май умүн буғаду
ахийгачийн сагдаимууд'ам?

Амай-Гарпанийкэн
Си-вэл сэни, биград'ин?
Бма бурагу
сбниц-бэйэ тиванд'аран?
Тар горо буғалд
екүнд'и исиври?

Гарпанийкэн-амийн, турёллэн дөлдүксэй, утэткийви ичэтчэнэ,
нуцантайкин турётчэрэн:

Куйукбек! Куйукбек!
Чиндэнийкэн-утэ.
си-дэ цэпэвэс
эхий д'авчара бихим!
Эдук цэнэргэкин,
д'апкун булд'ар чағийддүн

сбниц-бэйэ тиванд'аран.
Тарийлэх буғалд
сбмама горолб:
ургийл дэргий дэри,
илтаракан умуксакан
исерийн дуниэ.

Гарпанийкэн омолгийд'ан, Чиндэнийкэн-сбниц, горово энэ д'алдад'ара, цэнэткийви нэнэхийнэн. Амийнми угучактүн угийскэй дэгд'эхийнэн. Угийлий ариктад'ана, турёлин дөлдөвд'ара:

Чиндалэ! Чиндалэ!
Амай Гарпанийкэн,
эн'ёй Коңакчан,

бкин-дэ мучүлатни
сана-вал болдолд'ом!
Поросай, порости!

Чиндэнийкэн-сбниц, амтлгаливи уйзчийксэй, н'аңн'алий түк-
сулын дэгд'эхийнэн.

Гарпанийкэн-этрэкэн аржлаха гиркуд'аран. Буғави бэйцэлвэй-
дағалайви машад'аран. Кобцакчан-атиркэн, Гарпаний-этрэкэн, инэ-
нэйтайкин тэгэд'энэл, омолгийвар алжчара. Омолгийтэн цэнэнэлэн
ади анцанийн биаван, ци-дэ эхин сад'ара.

Эркэн бид'эрэкин, буғатиц тугувд'эрэн. Н'аңн'а-дэ түксулду
дахийвд'аран, сиғий-эдийн эдийд'эрэн, сэлэмэ ббкта ббгунаад'аран.
Эдийн эдийчэлэн, ббкта ббгунаачлан, гброкбимо биксэй, турэн
гэлтэрэн:

Йаргуд'эрэ! Йаргуд'эрэ!
Кирбкэтэмэ маңчачамы,
сбди, сбди манинууд'акал!

Дулии буга Гарпанийкэн
буғацан дагамаад'аран!

Турэн инүүцчэлийн, горово эчийн бихий, сбниц-матанд'а дбл-
кайттүтийн дблд'ахийнан. Душнэлэх тикиксэй, Гарпанийтийн турётчэрэн:

Йаргуд'эрэ! Йаргуд'эрэ!
Дулии буга Гарпанийкэн,
доровьо дблд'акал!
Горойо буғалдуу

сунчайга гэрбильс
сундулэх эмэд'эрэм!
Дулии буга Гарпанийкэн,
горүлийн кухийдэвэр
кухийрэп-күү, эд'эн-күү?

Гарпанийкэн сбниц, турёлвэй дблд'иксэй, алаңд'ави гад'аксэй,
сбналийви кийлд'ичаран. Дэлжийкэн ичэтчэнэ, алаңд'ави илжвд'-
эрэн. Гёканихи ицуцацачийн илжвд'эрэн. Сбницил бид'энэл эчтэй
илитчара, алаңд'ивар илжвүксэл, дэлжилтэнэ шэмжиймэгчэрэ. Угүү

буға сөнициңдән Гарнашыра иштәтчәнә, нүрви гаксә, буләхәви иәмкәндәрән. Дүлиш буға Гарнашыкәп нүришлүкни адағычаран. Иларәкән иәмкәниәвән, иланайын төвәдәрән. Үгү буға сөнициңдән, иәмкәксө, иштәтчәрән. Дәнишкән иштәтчана, иәмкирийән аләтчаран. Тар нұцаңчаңи иәмкәндәрән. Иларәкән иәмкәниәвән, иланайва тәвәдәрән.

Сөницил-бәйәл бидәнәл сумугда гимәйәндүү калбулдуқвар д'авалдің анал, мбримәтчашам дүлмәтчара. Цуцартын күхнәлдүүн аңдан илтәниәвән ци-дә очби тәңдәрә. Күхиткәр бидәнәл, дүни буға Гарнашыкән һәдү-тәдү түкитиәндөш, ебкесәгдәт ләциәрийдәрән. Сәксәлүү мапаңд'анал, бүшүүи аләтчаран. Дәйзи мудандүү соңод'оно турәтчәрәп:

Күйүкәкә! Күйүкәкә!
Дәймүң-дә сә һән!
Билгайын олгод'орол.
Бинайы мудапын
әмәрән, бид'ән?
Би-дә бәйә турбашав

Чинделәйкәл омолгый
би-мал эхин дәлдіра?
Би-бәйә турбашы
д'орину сәлән
гүл'анал, дәлдівд'акти!

Үгү буға сөнициңдән, иланлава күривкәкесәкән, дүниәлә нәдәд'арал. Түңәдүн тәғәкесө, самнарви иәдәрән. Эд'әлпин чиңәнә, Гарнаш турәтчәрән:

Күйүкәкә! Күйүкәкә!
Чинделәйкән омолгый

би-мал эхин дәлдіра?

Горокбино бимәлчүкәкән, сүйә-эдиг әдіндәрән. Сәләмә бәкта ббогунад'арал, уңкума түгдә түгдәдәрән. Түгдә түгдәчәлән турән илтәндәрән:

Чинделә, чинделә!
Дүрмән дәгтиләчи тәрә-
екбимя,
сәд'и, сәд'и малинуад'акал!

Гарнашыкәп-амийав
әрікчагдән сулшашы!

Түрән иинчәлән горово эчән бил'эрә. Гарнаш омоатын Чинделәйкән эмәд'әрән, Алаңави гад'акесә, буләхәви иәмкәндәрән. Эргүйский адагад'ацеван мәтавайын аталаң'арал. Үңиски күлдүнчаша-вайын эрікесәвән тәжелдүрән. Олдоитики этәкбичешовән, д'апкүн әвтәләвлән атапд'арал. Пәмкәкесө, алгатчарал буләхәви иәмкирийән. Буләхән иләйдәнә нұцаңчаңи иәмкәндәрән. Өн-дә иәмкәнчәлән иланайва тәвәдәрән. Иларәкән иәмкәнен, иланава тәңдәрән.

Сөницил-матал бид'әнәл самнарйыл'и тоқтомочилла. Цуцартын күхирдүүтүп тоғогдо д'апүд'арал. Чинделәйкән-бәйә бикесе горово-дә эчәл күхид'эрә. Самнарвайы қандалид'арал, ىалавак капулайд'арал. Буләхәви тойовүд'апа, самнартын тоқтод'орол. Орондулы пәвкәнд'апа сәлгымаклән дәлкүнд'эрән, тоғогдолт күртвд'эрән. Уләптәгдәвән әдідү әдімүкбид'эрән.

Дулин буга Чийдэнйкэ амьви урагд'аран. Д'үдүви дэрүм-
кискэ, н'ай-дат цэхэхинд'эрэн. Угайлэ уциривүксө, чутума н'а-
н'адү ариктад'ана, түксулиун бурийчэрэн.

Гаршанйкэн, сагданыйсб, билдэхинэн. Кёнжакчан-атиркчан сагдацкийд тирэвдэрэн. Чингэнийкэн-омолгийн илдэдэ цанэривэй, ни-дэх эхин салдара.

13. Гарпас-мата-Гарпанұғай

Билир, билир, дуннэ элэкэс бид'аракин, н'ацурай-эн'эй элэкэс хағачаан хөрөгтэйний танургуунэ бд'аахин, умүн бэйэ бске-д'ачай. Дуннэ бимий кумалан нэптэчгэчинин, тэвлэхинэ бске-д'ачан. Үрээ өндөтийн бимий томторкои бна, бксед'аахин, бира өндөтийн ийүктүкэнэчин бна бске-д'аракин, чука бимий элэкэс петэд'эрэкин, мд бимий элэкэс умүн сэмэ бд'аракин, умүн мата бске-д'ача бичэ. Эр мата бими «д'улкан», гуниэ адуларакис, утэн-уталкэн, утэмэ д'улкан бичэ. Эр бэйэ гэрбийн бичэ бими суца суракин Гарпас-мата-Гарпанчал бичэн. Д'э, д'үр д'алкун куйэр кбкчалкэн бэйцэвэ д'үрэ эхий хэтэкэнмукэнэ мата бичэ. Эр д'удүви бид'эрдэгэ биксекэн, агуулксакан, бэйдэвийн н'эке-рэн. Алаадави гаксакан, бугава-дуннэвэ ичэтчэрдэгэ цэнэхин-дэвий. Эр турэлкэн бд'ачай:

Генә, генб-йой!
Генә, геню-йой!
Бура-дулицэв
урацкай бэйэ
бокечан, бид'яшни?
Эмүнкэрийн

эчэв боскера, бад'яаны?
Тарийлба-дэ
гэлэнтэдэв,
галбиктерийн
иинэй өдан!

Эр бэйэ гэлбкэтэд/энэ цэнэд/эрэн, цэнэд/эрэн, бугава ичтэнэ, длаачаа йүүтүүткэй. Борон дилкэн ураякай-эвэнкий бэйээз гэлбкэтэд/эргэрэ. Эр гэлбкэтэд/энэ бимий, киладук килалыг ичэчээ ирүн-байцэвэ. Тарийци алаадтни гарналчай. Гарналийсэ, «Сэргээн-кэл!», — гүннэй», гарнаад/аран. Тар гарнаалд/аракин, бэйцэйн, мэдэксэ, турэтчирэн:

Эцтэр, эцтаний!
Сошиц-матанд'я,

Гаршанүчэн-бэйэ,
ибраи, ц'ектэн.

Эр бэйэ гарнчадаа. Гарнанан гойовүйнмучад хэтэкэнчэл д'ур бэйцэ, ирүйн-бэйцэ. Тарицайлби ахаматчаран. «Аввакам! Аввакам!», — гүнэ дэмви эхийн эхийн. Тарицайлийн д'улэскэй сүнтира. Тарицайлби ахаматчаран. Тарицайлби ахаматчаракин, д'улэн турьтчэрэ:

Геруканен, геруканен!
Геруканен, геруканен!
Минци бэйүп — авдуулд
вав
нэрэн — дэвтээн!

Бэйи, бараксайын,
арай этэм ичэд'эрэ!
Би карен-бэдуулав вяран,
арай этээнчи эмара! —

түнд'эрэн гс бэйэ. Гарнас-мата-Гарнапучан дөлдиксакан бимий, турэндүн урүнд'урун. Эркэн түксад'арац. Түксакса, түксакса, дагамад'аран. Даца чагу бэйэ, ичэксбэй, эмэд'эргэрэ пудандулан. Гарнас-мата дэптэки цэнэд'эртэрэ. Д'ур муйэдэдукин того куриш-нэд'энэ, цэнэд'эрдэгэ. Чагу бэйэ, эмэксбэй, д'ан чиракши д'авасса, эмэд'эрдэгэ, колтод'ордого. «Минши уячаквав бдэ вачас?», — тунэ. Гарнас-мата колтод'ордогон. Д'эр, д'ур бэйэ тэрэцкий кухид'эрэ. Бэга калтакхадукин кухийсэж, д'аллэмжту тэрэцкий бэйэл кухид'эрэ. Бэга калтакхадукин чайкий Ирэнд'э-мата кёта-рилд'арац. Кётарийса, турэтчэрэн:

Геруканен, геруканен!	айа ахайын
Гарнас-мата,	Сэкаичан гарбийн.
бмийвар экол вара!	Тарицман бүд'ицэв
Нэкуноч бихим,	эхикие вара.
асаткэн-хупат	

Д'эр, Гарнас-мата хундтпэн гадави, эцэцмэн эчин вара. Кухий этэксэл д'урд'янхийд'эрэ, Ирэнд'э хундтлан. Д'эр, эркэн түксад'ара халгакард'ивар, тиргимэт. Длачай юутуткэйн түксад'ара. Түксакса, түксакса илан шинэйдү түксакса, иссад'ара. Ирэнд'э хундтппи эрид'эрэн:

Геруканен, геруканен!	Гарнацучанду бүм.
Гиркийэс эмэвум!	Имат нүүрэл д'удукка!
Кётаракса, ёкса-рү,	Д'эти-д'эвгэйс бокал!
синэвэ бүксэ,	Тэтти-титкэй!
инэкин мучулам.	имат болзашекэн!
Гарнас-мата-	

Тадук асакан, тулийн юуксэ, акиндулайни Гарнас-мата-Гарнапучаныма элгэхийнисб, ивд'эрэн. «Ои нээкорд'ицэв?... гүйттэн, — кётарчалас, цэнэчим бэллагага», — гүйттэн. Йувукса, умирд'эдэгэ д'эти-дээтилбээтин, тэтти-тэттилбээтин бэлжинэд'эрдэгэ. Тадук улийсэ, аяцад'ардактара.

Анцакса, тимтинаар тэцэксэл, сивайбазар ёддвар ирүй-оронмор гэнэд'эрэ. Оронмор гэгтийксэн, эмунц'эрдэктээр. Вайсан, бестад'ара. Остайксэн омолгивар уциэ. Умүн омолгивар эргү бурагалай уциэ, умүн омолгивар дулгү бурагалай уциэ, умүн омолгивар угу бурагалавэр уциэ. Бэйэлбэ гэгшдэрэ. Тар гэгшд'ялти илтийн ишнэйлээ эмувд'эрдэгэрэ. Цулин бурагийт эмэрэ урацкаан-эвэнкий бэйэл. Угу бурагийт эмэд'эрэ эвэнкий бэйэл. Эргү бурагийт авахил эмэд'эрэ.

Ур омолгиватин умнёт човокотпол, тагдира. Тар омолги гүниттэн: «Ёкүлтийл тэгэлтий бэйэвэ ахактад'атта?». Вутушу човокбтийн, тагдшал макара. Аважицэлтий, сивайбими этэксэл, Гарнас-мата ахийсан титэчл. Тарилби Гарнапучан ахалчай. Эксэцэл, длачай тикийткэйн экспечл. Тайлам амуткэн бихин. Тар амуткэн дойнакхаман хэргү бурагалай чоинтэ, соялакэр билэ.

Тар Гарлас-мата, ахакса, тәлідә чәпәлдірән. Тәліт чәпәлдікса, авахил бугалатиц иссаран. Ихикса, агад'акан-куцакан бикса, иссаран. Йнама дү'ләтін йд'эрән. Авахи тіңбіми дулиндукин умүн нәлжачи, эйәви дулиндукин умүн ёчачи авахғид'а. Авахи, ичекса, «Куцакайма улайкеллу, агад'акан-куцакан!», — гүнияттән. Тар ахи Сәкақчап куцакайма гүнияттән:

— Идук әмәни? — гүнд'ирән. — Си-вәхин ёманни авахин-дұла?

Куцакан гүнд'ирән:

— Экінми синәвә ўд'ачаев, — гүнд'ирән.

Эр куцакан аваханд'аткай: «Сәкақчайма жата сәвкәникта!», — түнән.

Авахи гүнд'эрән:

— Хутә, жата сәвкәкал, эләкин, — гүнд'ирән.

Тар куцакаткән сәвкәниллан, гүпән:

— Таду сома араснай тәвуриктә! Тарә д'әнкәт! — гүнд'эрән Сурурә. Эр муриндукки йүксә, мәла түктід'эрә, тәвүктәлвә д'әв-дәвәр. Түктічбләтін бимі, тарийцітін оронд'о бчә.

Ойодүви д'үрівә эксәхинчә. Авахайдук д'ороморон. Д'үләви эксад'ердәгә. Тар оронин бимі, «айамат д'авучакаллу! — гү-нәп, — авахидү әмнәкил боконмұра». Эр д'үләви эксад'эрән. «Д'үләви ахуичакаса, іспәт бид'ән?». Тадук д'үләви иссаран: Д'үләви иссалан, тігдәкәкүн тігдәрән, ағдикәнүн ағдран, ббк-таканүн боктад'аран, хиғынкәкүн хиғынд'аран. Тар амаргиддүн авахи-бәйә нұнән туратчирән:

Дәңде, дәңде, бунни!	зхикис-қәт, гад'ицәв!
Дәңде, дәңде, бунни!	Айа зыйт-ку бучинни!
Гарлас-мата-Гарпашуап,	Уха зыйт-ку бучинни!
ахайви бурәкис-қат, га-	
д'ицәв,	

Гарлас-мата тікүлчә. Тікүліксәкән, жалғанми тулдурәгәр хәкихинисә, түксад'ардага. Авахи-бәйә оңоктоби суллурагар кокоскод'орон. Авахи-бәйә сомат хәнниаки бичән. Тадуккар ңәлави колтод'ови чирак-бәйуп ділкәкінин колтонд'отни колторон. Авахи тәкса, анат-бәйүп ділкәкінин колтотни колторон. Тадук күхйлідічтін д'үрій. Авахи бәйәвән әңқәнтикій гараданчә Гарпас-шүчән. Гарандайса, икімнәдүн тәрәзбән. Минәкса, минәкса, «манақеду», гүниә адудланә. Билиргимій мунчә тақеміва чиқад'аран. Авахи-бәйән хәргү буғаткәкій түрәкәгден суруд'ән туратчирән:

Дәңде, дәңде, бунни!
Гарлас-мата, поросай брия!

Авахи суптиран. Д'үләви ңәнәхинчән. Гарлас-мата д'үләви дәнәд'эрән, Эржән-тархан түксача түксад'аран. Д'үләви иссар-дага, ахайләви. Ахайләви әмекса, д'үдүви дәрүмкітчәрдәгә.

АЛДАН, ДЭЙ ЭВЭНКИЙЛИН НИМЦАКАРТІН

14. Төргэнэй

Умүн омолгычай эпиншуми бид'ечэн. Ц'улбай ачир — атут. Эр бид'энэл, нудац байгуулд'ечэн. Энийн умбокон хуручб дарагантий, омолгыткүй, гүнчб:

— Екүн-мал эмэрэкин, минэвэ хашуугтаракин, энэ тэдэврэ. «Ёкүяа бкал» гүнэктин, энэ бра!

Атиркай хуруд'екенин, атулатын эбэй эмэчб, хашуучай:

— Энийни идү?

Тар омолгий гүнчб:

— Эчэв сара.

Эбэй гүнчб:

— Тикэ бихикин, минэвэ куйиргит ухийнэжэл тавар ирэхэдү.

Тар омолгий ухийнэчб. Уйтчэрэкин, хэбэй жэцтэрэлэви гараданчай тар омолгыва. Омолгий намаранчай, хуктихинчб эбэй. Хуктид'ечб, хуктид'ечб, горово хуктид'ечб эбэй. Ихэккэнэм исчай. Тар ихэккэнду хунил эвийд'ечбл, маутлаймэтчанал. Тар хунилба ичэхб, омолгий гүнийлчб:

— Хунийэл, хунийэл, эбэйвэ маутлакаллу! Минэвэ айкаллу!

Хунил эбэй д'улэсийн тусахинчай, мэутлыба цалд'анал эчэл маутлара, сүнтэвчай. Тар эбэй цэнэд'ечб, цэнэд'ечб, эмэчб д'алтийви. Дулинтийтийн эмүүвчб. Тар эбэйил д'эшилдэвэр н'эжэчэл.

Омолгий гүнчбай:

— Кэ, миндү харана бүкэллүү, мэнми тэхилтэ. Ц'оитэхун, аяа бид'инэн.

Тар тикэ гүнэкин, эбэйил ухаагүчүйма харацма бүчэл. Омолгий гүнчб:

— Энэтийн батта, хэгдэ, хэгдимийэ хараша бүкэллүү!

Тикэ гүнэкин, хэбэйил хэгдикбимэ бүчэл. Хэгдикбимэ бүрэктин, харашма, умүн хэбэйил хэтэкэнисэй, хэтэкбруд'ехинчб хэбэйдүүк хэбэйлэ. Хэбэйил ахалчай, эчбл боконю. Тухайнчай-ийн, тухачай, Горонголбийн атулби бакачай, эншиими бүд'эхийн. Энийн арай бүчб. Цэнүхинчб горолтаки бураалтийн. Төргэнэй-хунайтнай гэлэктэнэхинчб. Цэнэчб, цэнэчб, бакачай умуй д'укайма. Тайдыгатиркайчай бид'эрэн. Тар омолгий хийцүчай:

— Он бакамий Төргэнэй бид'эрэйвэн?

— Си хоктолуви кэтэ ургэхэлэ цэнэд'ийнэс. Тарилба цэнэмий, гад'инэс Төргэнэй-хунайтва. Эмий цэнэрэ, этэнни гара, — атиркай гүнчбай, — би синдв угучакийас бүд'эцэв.

Бүчэ угучакийн, угучакийт цэнэхинчб. Цэнэчб, цэнэчб, сирикүй бчай. Иччай тайдыг, гүнчбай:

— Он би цэнэд'ийдэв?

Угучакийн турбчилчб:

— Чинэрэхэр боксай, тутутгэж сиривал!

Тутучэл, тутучэл, исчайл муданмэн. Н'ян цэнэхинчэл авлайма.
Цэнэксэл, цэнэксэл, исчайл — кийтиг тирд'ара. Омолгийн гүнчэй:

— Он цэнэд'ицдэй?

Оронин гүнчэй:

— Сэлэмэ унталца бкэл, цэнэдээт.

Тар цэнэхинчэл. Цэнэчэл, цэнэчэл, н'ян ишмэлд'и гидалж, д'ара. Тар цэнэксэл, цэнэксэл, д'эгдэ бид'эрэнд'эгдэкүн! Н'ян гүнчэй:

— Он цэнэд'эн д'эгдэвэй?

Үрүчакийн гүнчэй:

— Дэгил бгэрт!

Дэгил бкэл, дэгилчэл, хадэчэл д'эгдэвэй. Цэнэчэл, цэнэчэл, н'ян сукэлд'и хбднилд'ара. Илж-дэх цэнэдэ — сб. Н'ян гүнчлэй:

— Он-ка цэнэд'ицэт эрэй?

Н'ян цэнэрэ орон д'алдайнэлийн. Цэнэчэл, цэнэчэл, н'ян халкачар халнаад'ара. Тар цэнэчэл. Тар цэнэксэл, цэнэксэл, мүкүн, бутууну мү, муданийн ачин.

— Он цэнэд'ицэт? Мү мудана ачин.

Үрүчакийн гүнчэй:

— Кэ, мит оллол бгэрт! Оллол охал, цэнэдээт!

Илтэничэл тар цэнэчэл:

— Кэ, эхий ёкүн-дэх ургэхий хокто ачин. Дагалж исчажаат Төртэй-хунятаа.

Цэнэчэл, цэнэчэл, ихилчэл. Д'үүкүн ичэвүлчэй, килулий, сигүнчачин. Исчарактий, ахий йүчэй, эрчачаа, гүнчэй:

— Би Төргэнэй бихим.

Тар омолгий гүнчэй:

— Он-ка Төргэнэй-хуняат бинэ, эчэй аяа бира? Д'ус аяа.

Тар ахий гүнчэй:

— Бикэллу ахилтэнэмэклэй, би эрдээт эмэд'ицэв.

Мэнших хуручэй, ахилтэнэ эмэчэй. Долбочо. Долборокийн, гүнчэй:

— Кэ, ахинцэт!

Цэнэчэй д'үви дблайн. Капур, капур бд'ачал тэтжэлийн дблайн.

Тар омолгий гүнчд'эчэй:

— Ёдэ капур, капур бд'аран?

Тар ахинчэл. Ад'эрэктин, бутууну иллэлбэй гидатчавкий. Тэжэлтэн эмэклэн исхийлэ ачай. Ад'эрэктин, кицгин эмэлчэн, чбранд'и чбранд'ана.

Омолгий гүнчэй:

— Ёкүн эмэд'эрэп?

Ахий гүнчэй:

— Би синээвэе улдэгийчим. Би Төргэнэй гэрбэчийн бихим. Тэтжэлби дблитин угдахакарба тэврий. Минээвээ эхйткэн Төргэнэй дүктэлд'ицэн. Эрил угдахакар капургаллактийн, гүнчэд'эцэн: «Би вам гэрбэчийдми».

Тар Төргэнэй, эмэд'энэ, гүнчэн:

— Уркэна ийнхэй! Ёкүн урчакж уйчэй сиргадух?

Тар гэрбэчийн, мижчайжисэй, сүүчинчай уркэвэ. Гэрбэчийн дүнгэлдээ. Дүктэчэй, дүктэчэй, арай канур, канур бийчэй. Төгрэнэй гүнчэчэй: «Гэрбэчийн вэй, гирамшилвай хүйтд'ам». Хуллава нэктэлчэй, эдү омолгий хукальд'эрэн. Гүнчилчэй:

— Он сий би гэрбэчийнгүй ахинчай? Би Төгрэнэй-хунрат бихим. Си бутувну ургэхий хоктого цэнэнийн, би си ахис биштэв. Минтгэй катэ омолгий эмэдэвэр н'экчэчтийн. Ций-катэ эчэн кийра ургэхий борылба хоктодуу, си кийнни. Би сиши ци бихим. Би, гэрбэчийнгүйнми ёнголт, ургэхий хавала бүд'ицэв. Тарилба ункатаа кийракис, энэ нэлээтэ ёкундук-тэй би сишинаа эдийд'ицэн. Этэнни кийра тарилба, этэнни сатара, энэ цэлэрэ, н'айт амаский мучуд'ицэй бид'эклэв.

Тар омолгий гүнчэй:

— Ойд'ицав!

Элэкс гүнчэй:

— Би бэйцэцэлбий бихий, тарилба этэйэнэхэл!

Этэйбичилчэй. Кэтэжкүйн бичэл бэйцэллийн — тацпира эхил. Элэкс ичэксэй, цэлэлчээн. Бэйцэл киктэвэр н'экэлчэл. Тар омолгий Төгрэнэйлэх хуруучэй, гүнчэй:

— Бэйцэцэллийн минэ киктэвэр н'экэд'эрэ:

Төгрэнэй хуруучэй, гүнчэй:

— Эннэл кикта, эр митки!

Горово этэйбичэй, элчэй цэллэрэ, бэйцэл дöлчачийлчал цуцанмэн. Горово этэйбичэй, Төгрэнэй гүнчэй:

— Чалбатканийлбий этэйэнэхэл! Тар чалбууцдуу бихи эбэйил. Тарилдук энэ цэллэрэ! Дээшиглэлэлэктэн, гүнчэй: «Би Төгрэнэй бэйзэйн бихим!».

Эмээчэй чалбууцлаа, чалбаткар сирпалчал. Тар омолгий соцолчб. Чалбаткар ханцүүчал:

— Си цийц бэйзэйн бихиний? Эр Төгрэнэй дүүнэцэн Төгрэнэй гүнчэй: «Худту бэйзэвэ энцэл тийнэ!».

Тар улгуччомтчэрэктэн, эбэйил эмээчэл. Эмэд'экентэн, тар омолгий гүнчэй:

— Би Төгрэнэй эдийдтийн бхим!

Чалбаткар, эбэйил эчэл тэд'эд'эрэ, хашуунчал Төгрэнэйдүн:

— Мунтикий эмээчэй худту бэйзэ. Тара бү сирбад'арав, эбэйил дээшиглэд'эрэ.

Төгрэнэй гүнчэй:

— Экэллу тара сомира, тар миний байзцэн!

Чалбаткар мучуучал, гүнчэл эбэйилвэ:

— Тар митий, Төгрэнэй бэйзэйм.

Тар омолгий горово этэйбд'эчэн чалбарва, эбэйилвэ. Этэчэлэн этэйбийви, Төгрэнэй гүнчэй:

— Уучакви бакакал! Бакаксай, наажыл! Важсай, сэхэдүйн булкукал д'ур наадалмай. Тэлж си мишэвэ гад'ицэй.

Тар омолгий уучакни вাখаа, д'ур наадалмава булкучай сэхэдүй. Тадук Төгрэнэй-хунратва ахилчай. Айат билчб.

15. Төргәнәй, Чәникәй

Билир, билир, дүниәр-әп'әй тәйинәкәндің тәйийд'эрекин, шаңғараламай улкүчбі өхадінин киляргард'аракин, д'үр хуркәкәр бичәл. Ақпидігү гәрбін бичәп Төргәнәй, иекүндігү бичә Чаникәй.

Тар бид'евкім, бид'евкіл, инәнівде минутагачын бивкіл, аныңда долбонитгачын бивкіл. Тар бид'енәз, ге күнәкән инәніткіш ихаувкі бичә: әвіккәрәви бивкіл, алаңқанәви бивкіл. Тар алаңқанц'иши «чиң, чип!» оры чиңкәнә, «кук, кук!» оры күкәкійә әвкіл ойолын дәғиңкәнә, упкатна вәвкіл.

Шекүндігү күнәкән бкуңдуку-тә әрү сидің бичә: дунгәлдукуви, чимкалдукуви иликсатви намарәвкі.

Төргәнәй бәйүктәвки-дәт бчә. Бәйүвкіл, бәйүнмә вәвкіл. Тар вәкәсә, имәннәлдүви уйиксө, д'үләви эмәвүвкі. Тар эмексө, гирківи ичәрекин, айа-дә, айа бчә бивкіл. Төргәнәй хандүвки Чаникәйдүк:

— Екәсә, ер си бултургәнни, багдаргәнни?

Чаникәй гүнәп:

— Э-э! Үгдаксакарткій, иманнакарткій булыктарәків, бултургаттан, багдаргаттан, бид'ицбен!

Төргәнәй н'ян бәйүвкіл. Тар бәйүкса, бәйүрвә вәвкіл. Н'ян д'үләви эмәвкі Чаникәй ёдүк-тә сә аяя — бултурин, багдарин бивкіл. Төргәнәй н'ян хандүвкі:

— Си, тиқән багдаргачынни, бултургачынни? Улгучәкел, аяя бид'есиви. Эхикис улгучбен, би синәвә вәд'әнәв!

Чаникәй гүнәп:

— Акайкәкән, әкәл вәра, улгучбен/әнәв. Ділачә йүптуғид'ин д'үр гахантамал ахәкәр, эмексөл, минәвә игдітта, авұтта, олонхин би багдаргачым.

Төргәнәй гүнәп:

— Кә, си д'үрдук гәва д'авадәви!

Чаникәй гүнәп:

— Д'авакүн!

Төргәнәй д'үви олдоидүн дікәнән. Тар дікәнчәд'эрекин, инәц дулин бд'аракин, д'үр гахантамал ахәкәр дәғиәл эмәвкіл. Тардат Чаникәй мбләкіттүн дібра, д'үлән йәр. Тар иксөл, Чаникәйвә игділчал, авұлчал. Тар авұлмурактін, Чаникәй әжидә-гүвә д'авакүл. Тар д'авакәсә, акйни, эмәдәи, тәпкәлівки:

— Төргәнәй сәт химәт эмекәл!

Төргәнәй түксанды әмәвкі, гахантіма ахәкән дәктиләлнән нин-нүпд'а дуғәдүн локовкі. Тар тиқән Төргәнәй ахычы бран.

Тар ахйләкәсә, илаллава д'үлүви ахынуими бивкіл. Төргәнәй бәйүвкіл. Тар бәйүкса, горово бивкіл. Төргәнәй д'үләли эмәвкіл. Д'үдүн ий-кәт әчін: ахын-дә, иекүний-дә әчін. Мәңги ичәнән, мбдин тиқән. Иекүними сәмтумәнд'а калапд'а ләдүн которочбо бакача.

Д'э, Төргэнэй эмүкин бтэ. Тар эмбимуксэй, Төргэнэй д'алдайчийк: «Он би бэйэ бцэтгэв, эмүкин?». Тадук Төргэнэй цэнэхинийк длаачаа йүйтумэвэн. Тар цэшэд'энэ, илан длийчий уксукийндэ бакалддивий. Икэвий:

Ген'е! Ген'е! Ген'е-коюон!
Кираанд'а доровою д'ава-
каал!
Эр би сайдук-муудук
Цэнэхинчай бихим.

Илан длийчий уксукийндэ,
Бякула сайнин —
улгучжээл си мянгдуу!
Эр би, эмүкин бкса,
бий эмэм.

Илан длийчий уксукийндэ улгуччнивий, икэвий:

Диди! Диди! Диди-коюон!
Агуй байякүн, доровокён!
Д'ур гахантимал ахайкар

длаачаа йүйтумэвэн
цэнэчблэтийн,
илаллаа бран.

Төргэнэй гүнцвий:

— Кэ, си миндүү бэлэмчэс?

Илан длийчий уксукийндэ гүнтивий:

— Кэ, би синдүү улгуччниктэ. Си сурукэл длаачаа йүйтумэвэн. Тар цэнэд'эрэкис, илан бирал бид'энэтин. Тарилва си, согда аяа албахийчий бимий, дэвд'энэас. Тадук илдити бира баргиддэйн д'ацрэй бэйүүр бид'энэтин. Тарилдуу д'агийн бэйүүн калтакаа ийэви дулиндуулын хокомчо. Мэцумэ нэмэчий, мэцумэ илан даричий ухийч. Тар-цэн д'авамий, си аяа бэйэ од/ицэс.

Төргэнэй цэнэхинийк, длаачаа йүйтумэвэн, тар биралдэх ихизний. Ичэрэкин, сб дэлэй бивий бирацны. Төргэнэйдүү ёкунд'и-дэйдэйн, ёкүйн-дэйчийн. Төргэнэй эйэхий, солоки ичэччийк, усийтанаа хиркихид'амнаак түксанжий, мбд угдаксакарын тицэлдэкилдүүн намаранниксэй, бирацны дайнувий. Тар тикээн илан биралаа, иланыва дайчай. Илдити бира баргиддэйн бэйүүр ўд/алматиц ичэчээ. Тар бэйүүрээ Төргэнэй аракүкэн бэйүүд'эхийнвий. Бэйүүцилбэш шуцанмэн мэдэвийк. Тар ичэксэл, бэйүүр хэтэжбийвийк. Төргэнэй нуцарватын ахалтуйвий. Тар ахаксаа, ахаксаа, боконинки. Бокониксэй, мэцумэ нэмэчий, мэцумэ ухийчий байгуулмэ бакачаа. Д'ур ийэдүкни д'аваксэй, Төргэнэй укчаксэй курбуувчийвий. Урэкбэй бимий, мариктагачийн бкнаа, дуннаа бцкучакийн томторийн элигийн савра, курбуувчүүвий. Илаллава илчийвий, туцналлава даримкичийвий. Дэриксэй, «Мэцумэ ухийчий бэйүүп, — гүнцвий. — Дэрри сумучий, хогорий эзтэчий бихим. Кэ, кэйинин си минэвэ?».

Тар тикээн Төргэнэй укчакийчий бчан. Тар укчакийти н'ян байжийлви ахаливий. Бэйүүцилви бокониксэй, умүн сбнцачампа вайвий иргиххэйэвий.

Төргэнэй н'ян цэнэхинийк длаачаа йүйтумэвэн. Мэцумэнд'э урагэнд'олб ихизвий. Тар урэвэ ихиксэй, иуцан учакши «Тэйкэчээл бкал!» — гүнэ, сбгинийвий. Укчакши тэйкэчэн бквий. Мэнин, сбма д'окс куцакэн бксаа, соцоливийк урэнд'эх хэрэдүүп.

Тар соцод'орокин, мэдүмэнд'эх урэнд'эх ойодукин уксукайнд'эх, дöлдиксэх кунаканци соономби, уруниксэ, «Екун сэвэкин бүрэн хутэйэв?», — гүннэ, дэгнэ эмэксэх, гавийн хутэйэвий. Д'улайвий эмэвүүкй. Д'удувий эмэнниксэ, уксукайнд'эх бэйүүкй. Тар бэйүнд'эх ачиндун Тöргänэй бэйүр гирамналд'ити эвийкдрэвий бвий, хултувүнэви оча.

Уксукинд'а бэйүктээмий ухээсө, сбмат умнёт дэрийсө, д'улави эмэксө, д'удүви ахинийвк. Тар ёд'эрэктин, Төргэнэй аракүкаш уксукинд'э халгардукин мёнми уййвк. Тар уйиксө, хунтувүнми иктувк. Уксукинд'э уйскй дэйлийвк. Урээнци ойовбн иссара-кин, Төргэнэй тикивк.

Тар тикиксө, Төргэнэй н/ан тар урэцци цэскэй нэнэд'эн, ёкүнма соономбн дöлдöвкй. Тар дöлдöкса, Төргэнэй эмэвкй. Эмэксө, ичэрэкин, арай олгомно ёмутканду Чиркимай нирэй кунакайнэ эмкүтчэрэн:

Чи́вэр! Чи́вэр! Чи́вэр-койон!
Байу, байу, байу-койон!
Экэл соноро!

Төргэнэй, Чиркимайдула эмэксб, Чиркимайдук хандувки:
— Ни хутэн?

— Ци хүтэв:
Чирхиий бүн

Чиркимай Гүлшвя.
Энэ вахантамал

— Эр тахантамал ахакар хутзвэр эмзэнэвэтийн ой өлгүгэв. Төгрэнэй н'ян ханнуүкүү:

-- Мәртін-кә йлә сурчәтің гахантамал ахакар!

Чиркумай гүнэн:

— Гахактамал ахाकар дуннэндлэвэр суурчэтгүй, инэцмэн эмэдээсэтийн д'ян д'ур часилдүү.

Төгрэнэй д'бнивкп, д'алдүзи гүнийкүй: «Эр би хутэв!». Төгрэнэй Чиркимайтыки гүнийкүй:

— Кэ, си нуцанмай дэлбимэ соновчбокол, химт эмэдэгтийн гахантамал ахайар.

Чиркимай күзакамэ дөлби соодувчбай. Төргэнэй мэнин сици дöдүн дикёнивки. Гахантамал ахакар эмэд'эривэтийн ичэксб, Төргэнэй д'утын олдоондуулан эмэксэ, дикёнивки. Тар дикёнчэд'энэ, дöлцүвкий гахантамал ахакар икёнметийн.

Экиндігү гәрбіп бичән Гелтіңаң Қувулғат. Экиндің гәрбін Гелтіңаң Қувулғат гүйкүй:

— Сөт химат тіккөт! Хутәв соңорон!

Чиркімай онкоіоноткин аманшыран. Нәкүндің үзілдіктерінде көрінісінде оның табиғаттық мүнәсабатынан жақындауға болады.

Ген! Ген! Гене-койон!
Эгэт-вэл-дэ түкэ!

Төргөнэй эмэрэн,
дараачандүй бид'эрэн.

Гэван хүнбд'ип Гөлтицаачан Кувулгат тикийн олгомноюн
ämүткэндуулж. Хутэлэв түкслана эмэвж. Хутэвч Чиркимайдук
гасжжих укулгивий.

Тар укуулмурэкин, Төргэнэй түксана эмэвкий. Гахантмаа ахакан дэктэлэлбэй илан шутаачий сүкэндээт тохтовкий. Гёван хүнд'ин Гелтичачан Кувулгат ижүүлий гүнийвкий:

— Пурганд'арий иоросай бүни! Си онэ дэлдэра гүннээв түтээхис, эчэ умү хургээн-куцааны соодоро, — гүнээ, — уйсдүүн бидээ кэл күтэнүүми-этэркэнүүми! — гүнийвкий-дээ дилайн йүштумбээн дэгдэхийнвкий ижүүндигү ахакан.

Дээ, Төргэнэй, ахийн н'ян бакалдикеё, ахинууми биливки. Хутатни биксэ домбонийтийн ихэд'энкй. Аминши энгийбрэй бикй, алацаканы бчай. Тар алацаканын куцаканы «чин, чин!» бри чивкайчайна ойолийни эвий дээгүйвээ бчай, бэйүктэвий-дээт бчай. Тар бэйүксе, хуятуяаир бэйийнвээ, чивкэрээ бакалдивкий. Тарицийн улгумийвкий: Гэрбис ци?», — гүнээл. Омолгайчан гэрбийэ ачийн. Цийэ-дээ, гундэн, ачийн бивкий. Омолгайчан д'улэвши эмэвий, энинтэйви гүнийвкий:

— Эр би, бэйүктэд'энэ, чивкайчарба бакалдичим. Тарцийлби миндүүк «Гэрбис ци?», — гүнээл, улгумийттэ. Тадук ин'эттэ, гэрбийэ ачийнд'ив. Эр-кэ би би тикэй гэрбийэ ачийн бидээв? Гэрбийэв миндүү бүкэллүү! — гүнээ, улгумийвкий омолгайчан амийдукви, эмийндукуви.

Энэнийг гүнийвкий этэркэнтийни;

— Ка, эдэх хутэдүүвэр гэрбийэн бүрээт! — гүнийвкий: — Ка, би бүктэ гэрбийэн хутэдүүвэр. Хуругчён бицин гэрбийн хутат!

— Ка, элэкин! — гүнэн гё.

Омолгайчан, гэрбийч биксэ, урууниксэ, алацаканын гаксэ, бэйүвий. Тар бэйүксе, н'ян бакалдивкий чивкайчарба. Чивкайчайчийн нууцдүүкийн улгумийвкий:

— Гэрбис ци? — гүнээл.

Омолгайчан: — Би гэрбийн Хуругчён! — гүнээвкий.

Дээ, Хуругчён, тар бэйүксе, бэйүрвээ вайвки. Д'анимэ вайм, д'анийви эмууввкай д'улэвши. Н'ян умтэ бэйүксе, умүүл үлгүйчэнэ ичэввий. Тар үлгүйчэнэ «Екүн эрэй бэйицбий!», — гүнээ, Хуругчён ичэчайвкий. Тар ичэрээсийн, «Екүнцүк-тэй аяа биввий!». Хурутэчэн гүнээвкий: «Ка, би шуцаман шинкинд'и д'авакта!», — гүнээ, ахакталиввий. Д'аваквийн үлгүйчэнэ. Тар д'авакса, урууникса, д'улэвши тухсахийлжийн, ахакталлаа ашамдак, болгийтал бокотолтийн буружиэнтийн, нэлгэлбэ нэгдэлмийгдэ. Соб бэйэ, бүгүриксе, биктаг ойогдомийн түксана, д'улэвши эмэвкай. Аминдүүкийн улгумийвкий:

— Екүнцээ эр? Цээрэй-үү эхий-үү?

Аминийн гүнийвкий:

— Эр амакаа боканиш. Эрэ энэрэ д'энэрэ!

Тадук н'ян Хуругчён суурүүвкай, бэйүвкай. Тар бэйүксе, цэнэд'эрэкин, ёдук сб эдш-суүр эмэвкай. Тар эдш-суүр гүнгээн, тарийчин арай турёчиливвий:

— Соб омолгайчан, эр си ёкума гэлэктэд'энни? Энэнийн идүү бихин? Улгучажаал! Эхийнс улгучёнэ, би синэвэ, олонмос, гад'ицэв!

Д'э, Хуругчэн ичэчийнкүй — ёйа-дээ эвкий ичэрэ. Д'алдүүви гүйвийкүй: «Ёкүн, й/дү бинэ, турёчтиттэн?». Гүнчэнэ, мурэлгиви ичэчийвийкүй. Ёкүндү-дээ ёчийн бивкүй. Д'э, ёван-дээ энэ сара. Д'улбви д'улбэскийви цэнэвкүй. Тар цэнэд'энэ, бэййүр ўд'альватын ичэчийвийкүй. Бэййүйлийн ноноюо илбэвчбл биникүм. Тар түкэп ёйа-дээ энэ вэра, Хуругчэн д'улбви эмэвкүй. Тар эмэксб, эйндукви улгумийвийкүй:

— Бэййүд'э цэнэд'эрэкив сб эдн-сүйт браи, тадук ёкүн-ка турэтэн: «Эр си омолгайчан ёкүима гэлэктэнни?», — гүннэ. Тадук: «Эйинни йду бихиш!», — гүннэ, ханцүктарак.

Эйиний гүннэн:

— Э, тар ділачай хунайд'ип Сөкакчай Кувулгат, бид'ицэн?

Хуругчэн улгумирэн эйндукви:

— Тар ділачай хунайд'ип Сөкакчай Кувулгат йду бихай, бид'ицэн? Улгучёкэл си миндү. Би нуцаандулжан цэнэктэ! Нуцан минэвэ сот кихиттан, илэчттэн. Бэйцэцийблэв д'улбэдүв илбэттэн.

Хуругучэн энин гүннэн:

— Кэ, би синдү улгучёниктэ. Инац дулин хэрэмэвэн сурункэл. Тар цэнэд'эрэкис, н'ацн'ава истэ турунд'ачи д'у, ділача хувайд'ин Сөкак бид'эрин. Тар д'удү умүн далаачай, д'иктэ калтакай иргийхэй, умкай калтакай умкаачай авахицкур-мата бид'ицэн. Тар а кеймий, тар хунатпа гад'инас ахийави.

Д'э, Хуругчэн энтэлби д'утгүй д'ур далбадүтийн д'ур-д'атэл пүтэчийл сэлэнд'элбэ илливүүкүй.

— Кэ, эр сэлэнд'эл сомтүрэктэн, су минэвэ «будэн» гүнчэдэвээт!

Эр эйиннууми, амийнууми пуростилавкүй, цэнэхиниизвийкүй Хуругчэн. Д'э, тар Хуругчэн цэнэд'эвкүй-дээ, цэнэд'эвкүй, долбонийва цээзиизвийкүй, инэцизвийкүй. Д'э, тар цэнэксб, цэнэксб, мэнткүйви гүйвийкүй: «Хэргү бурагдуу эмечэ бихикив, түцилэктүүв түкалаа намарачай, бид'ицэн», — гүннэ, ичэвкий түцилэктүүв — түцилэктүүн түкалаа ёчийн бивкүй. Тадук гүнивийкүй: «Дулин дуннаа ойолийн эмечэ бихикив, арбагахийн хуцмалби сэмкэнтийл бид'ицэн», — гүннэ, ичэвкий — арбагахийн умнёт сэмкээч бивкүй.

Д'э, тар цэнэксб мэцумёпд'э д'улдээ ихилвийкүй. Тар эмэксб д'улдээ, уркэвээн ийксэвийкүй — эзикй би-да нийрэ. Хуругчэн, чивкачай биксэ, мбид'адү дбчавкүй. Ичтэчэнэ авахицкур-сбонц мблад'авкүй, мбва д'уййай ивулийкүй. Тар авахийд'э д'уви уркэвээн ийвийкүй. Тар ниймурэкин, Хуругчэн, ділкэн биксэ, д'улдээ ийвийкүй. Тар иксэ д'утгүй дбдүн билийкүй.

16. Алтайнэй

Билир бичай. Илан омолгай бичээ: Илхагден, Алтайнэй, Тийянэй. Тар илан омолгай, умүн хунат. Тарил умүн д'удү бид'эчэл. Амийтийн, эйнитий ёчийн — бучбл. Эргэчин д'у бичээ. Тар н'экэд'энэл бэййүвкүй. Д'уритэн д'удүвар эмбимучэл. Хунайд'итин дэмэрйид'эвкүй бичээ. Акийлийн, бойжхэл, эмэвкүй ёхилтэнэ, хунат тар гунивийкүй арай:

— Акй! — гунчэ: — оловсө! Миндү орокёнго тухакий хутэйэн д'аваха, эмүдэвши, акй!

Эхилэ тарицийн тимийнин бэйүхинишил н'янци. Бэйүхэл, тухакай утэвэн эмүчэл, тариймар бүчэл хүнйтвэр — ижүүндүүвэр. Тарайит тухакийтийн эвийд'эвкий ишэц. Эхилэ гёвукта долбоши ёзкий. Бэйүд'эл эмэвшил. Таркаша түнүүши:

— Акйяа, акийяа, эрицмэс эд'эним кеййяа. Эриццүе д'ахикканаа онгал, мү эхид'ин ирэ, — гуччо.

Тарэ акийшии бран д'ахикканаа. Онхэ, бүчээ ижүүндүүи.

— Эрицдүни тухакийни тутааны дид'энээв д'ахиккандүүи.

Тарицайлийн акийлэг бэйүчэл н'ян-дат, д'уирб эмэнмучэл н'ян-дат. Тар бэйүчэлтийн, хүнэт биралай тухавши. Бира бичээ, бираакун. Д'ахикканаа цаллаа, тухакий хутавэн доддуй дичээ. Дихэ, катачай. Биралай хуручээ, тарицмав бирааду түгчээ:

— Минэ, — гунчэ, — ци ахилднаат бэйэ, эр д'ахиккэнмэ үагийн!

Тар бил'эвши д'удүүви. Арай гээд'энкий баргилай. Бутун ишээвээ энэ мэлла ёчай. Тар бэйэ ахүйма-кат ёлавши эвши сара.

Тар бд'аракин, дэгимиий эмэчээ. Д'энин ирэктэвэн хорорвотон холбохб, доччай. Тар н'эжэхээ, хэргэлчээ. Тар хэргэнтийн хүнэт д'удукви йуциэрэн. Ичэчилчээ, уркэдүү иуцамдай ичэхээ, тар дэгимиий э гунчээ:

— Ни удрин: си-ту, хуцту-ту?

— Тар би удрив, — гуччо хунайт.

Тар н'эжэхэл, тар хүнэтва, д'ун калтакаавай гавший, дэгиву хинд'эхинэн хүнэттайва д'ун калтакаавай. Калтакадүн бутуину ишээвээ Илихагден акийний ад'авши, энэ сара. Ахилтана Алтайнэй, Тивийнэй эмэчэл, бэйүхэл. Арай эмзэтийн д'утын калтакаан ёчин. Калтакаагдадүн ад'аран.

— Илихагден! — гуччо Алтайнэй, эмэхээ: — Чушица! Д'умийви айаван ичэкэл! Сэнни-ту, эчэс-ку?

Ур бэйэ тикээ гунэкий, лэгийчэллийвши. Гуччо тар бэйэ гиркиши:

— Мит эхилэ хунайтият дэгий Кералто-Гаралто хурувруу. Мит эхилэ бэлэннэхэл, ахалгэрт! Илихагден чушилд'аши, ад'аши!

Ахалчай эхилэ д'ур бинэл, ижүүнэн: Алтайнэй, Тивийнэй. Бираава эйжээкий хурухийчэл. Цэнэд'эвший, цэнэд'эвший, гороцохово цэнэд'эвший. Цэнэтмий, угэхэл, чуприкбчээдүү тэгэвший. Тар н'эхэмий, тэгээтчэнэл, этэркээтбимэ ичэвший. Танар арай Тацкахет-этэркэн тацкалд'аай.

— Ее, тавалай хуручэт, — гуччэл, — хуручэл тацкалд'ааралай.

Тарицайтийн, олохб, хэгээнчэчэб. Тэгэчээ тар бэйэлтийкай, тар бэйэлдүк ханцүүлийкай:

— Ир хутэл? Илэх хуруд'эс?

— Бу, — гуччэл, — хуруд'уруу. Хунайтиавун бэйэл хурувру. Ахад'арав. Кээ, этэркэн, сб бил'ицбэ, мундү тарэ, си сацкис, бил'ицбэ, эхилэ улгучэхэл! Бу смаали хоктолий хурумийл, бакад'цавун? Тарэ айамамат тэдэвшил! — гуччэл.

Тар тацкалахиттан. Эхилэ тарицайтийн:

— Тэдэвкүн! — гучб: — Дэлгуматин хоктово ахалкаллу!
Сойд'эс! Тар цэнэд'эрэксун, сёкта, гуниши, «чи!» брий абдучий
бид'ицэн, «мурбэк» гуниши, мурбутарий абдучий бид'ицэн. Эхилэ
ичэвд'эрэ.

Нэнхийнвийл. Онтон арай адулалгиннара — авдукбүйдийн
тулгийдэдүн мурбуулма. Мачалэ кэтэцэхэй гувдэ, мурин ийн
кэтэцэхүн. Эхилэ ихицнара д'улмийалай. Хунат йүмэлчэб, арай
иагималчай уркэдүй. Ихэх, хэргэлчб:

— Алтайнай, акийай, эмэнни-гүй?

— Эмэм, — гучб.

— Тар и'экэхэйл, д'эвгэйэ танд'анайнуу арахинай, улд'эндүүн.
Д'улавун икэллүү!

— Е-е! Энээрэв гра, — гучб, — этиркээнци эмэгчин! — гучб.

Арай этиркээнчин бакалднайнаран, дороволчб. Тар дороволчбо
ционум охичий уткэкүнд'иви дилва, чэхкохбкин, иктэчб. Тар
и'экэксэл, эбчэл тар Нералтава-Гаралтава. Тар и'экэхэйл, хунат
д'удуви бикенчб. Алтайнэйээр нэкүнми д'ү дбдүкин, цэлэдуу-
кин гапнаран-дай, тулийскэй ирихицнаран. Гиркин Түййанэй бом-
ник мурмайава д'аваачай.

— Мит нуцамай наласигат! — гучб.

— Түййанэй акийими, олхийн цэлэрэйн, Алтайнэй акийидукии
олехин-дай цэлэрэйн! — гучэнэ: — Акийай, акийай, миэ экэллу
наара!

— Е-е, — гучб, — урс'у турэти! — гучб: — Нуцамай тавар
муриш кутуруктуужин уймэлчэжэл, и'уриктадукин, Түййанэй химат!
Тар и'экэхэй, илбэжэл!

Бот муриш хуручэй, ахийва кутуруктуу лулчээми. Диниймэд'эхинчб
муриш. Тар вэрдэктара хунатпа.

17. Алтайнэй, Түййанэй

Элэкс бид'эсийл, эд'ийгүүникин ёкүн-ка эмечб. Арахинай он'очий
нигийн бираийлай эмечб. Тара эр хунат гачай, никэээ зөвийнхэнчб.
Тар п'экэд'эчбэйн, арай дэгий эмечб. Эмечб-дай, д'үн даийгдадүн
дбксай. Тар ичоттэкин, Мэксэвул дэгий бичб. Тар хэрэнэ хавалчай,
хунат дэлчэтчаракин. Тар дэгий хэргэлчб:

Эр бид'орийвс бирацца
эд'ийгүүникин эмэд'ицэн!

Тар эмэхб, байж эмэд'ицэн
Екүпдүк-тэй аяа ичэдүйчий бэйз.

Тар эмэхб, гунд'ицэн:
«Эвийнэлэг, орокдоос буд'ицэн!

Эвийнээс тухажийна буд'ицэн!».

Тар бухай, гунд'ицэн:
«Миннуп хуруулдажэл!

Тар хуруулдаж,
атирканаас буд'ицсан
сина хурубд'эм!», — гунд'ицэн.

Тар дэгийн дэгилчб. Тар дэгийлчэлэн, бэйэ эмечб. Тар эмэхб,
тар тухажийн бүчээ хунаттуй.

— Би синэвэ хурубд'ицэн, — гучээ.

Эвийнэ бухай, хуруүчэй.

Тівійнэй бэйүд'ечэн Алтайнэйнун. Тар бэйүхэл Тівійнэй умён токийва гарнавий. Тадук токийва хигд'эрэктин, хэгэн пд'евий. Алтайнэй гүнивкай Тівійнэйнэйн:

— Екుна дөлдийнин?

— Екుна дөлдід'ацай? — гүнивкий. — Ид'евий. Би дөлчэттакив, токийва бохогтовбя нимцэд'эрэй «булис» н'экэвий.

Д'улавэр хурувий. Арай д'улавэр иенам, хүннэд'итин ёчий.

— Олихин! — гүнивкий шэгүндэмэр: — Хэрэд'эпо, хуруд'эрэн эйёкэки.

Тівійнэй Алтайнэйнун дипдэчэвий. Аицдэчэхэй, Алтайнэй думадавкай. Тэгэлтэй тэгэвэй, муриндүви кацкайи намавий, муриндүви ухийки, гүнивкий:

— Акай, хуругт! — гүнивкий.

Тар хэд'евий:

— Тівійнэй! Тівійнэй! Тівійнэй!
Хуругт! Хуругт! Хуругт!

— Акийай! Акийай!
Акийай! Ад'эм бш!
— Ад'экл! Ад'экл!

Би-дэцэн эмүкши
хуруг'эм, хуруд'эм!
Чушицаав чупид'акал!
— Алатчакал! Алатчакал!
— Хавалгат! Хуруд'ицт!

Хуруд'энэл цэнэхийвий. Бирацалы цэнэд'евий:

Никия! Никия!
Нимэртий эмэвий!

Ичэд'эрэ — д'ү. Этіркэнийн атгрэчий тэгэчэвий тар д'удү. Тадү ёнцэчилвий. Тар д'удү. Гарнцматин ханцүвий Тівійнэй Алтайнэйнун:

— Екుна сэвкай бид'энэ, идэчай бихис?

— Би эргэчийл идэчай бихим — билисэй.

— Билисэй бимй, бу цэнэрийнэвүн сэвкай бишцэд'иний?

Тар этіркэнүүн атгрэйшилд хуруд'эривэтий сэвлэл бичбл. Тар сэрийвар улгучбичтэй:

— Су би н'экэнэл Кирэ-богатирлай цапод'эрэс? Эр сүнцинэ нэкүнмэхүн д'оромочб. Эрэ су, албахила ёчир бими, би н'экод'энэл, талай умён нимэртий иссацахүн. Тар өхижэй, гүнэ: «Екүн идэчай бид'энни?». Тар бэйэдүк ханцуктадаёт. «Минци идови. — тэд'эвд'энэ, — би бихим Мүкулту», — гүнэ улгучбид'эдэй.

Тадук тарилтий улгучбэкин, цонхинэ. Иста, гүнэ:

— Манциви идэви тэдэвкэл!

— Би Мүкулту бихим.

Тівійнэй гүнэн:

— Муннун хурулдэй!

Тар Мүкулту хурулдэрэн. Хурулдхэл, эйёкэй хурулдэчэй. Тар хуруд'энэл н'ян нимэртий иссал. Тар иххэл, н'ян ёнцатчал тадү.

— Ур өдү билисэк бичэ, — гунэн Алтайнэй: — Этгэрхэн гунчэ: «Гэ нимэрлж иссандахун, ишан ханцуктадаёт: „бэхжүүлэхийн?“ Ханцуктарааксун, гундийнэй: „Миний идэхий бихин Курбэлтуун, Курбэт эвийжий бихим“».

Тивийнэй Алтайнэйнүүн тар бэйээвэ хуруувчлж. Тар хуурлдхийнэкин, думайчал: «Билисэк улгуччэнд д'улбэский ишан бихин. Таргачинма этэйд'идээ».

Тар ишээд'эрэктин, д'ул хэгдил бид'эрэ. Кэтэл д'улду нэхжүүн хувьт бид'эрэн. Тадуут күтэгтийн бид'эрэн. Хувьт арчантай эмэд'эрэн. Дороволох, бакалдид'аран. «Акийлби эмэрэ», — гуннэ урүнд'урун. Урүнхэ, арахинай д'эвгэвэ бстад'аран, д'эбдэтийн. Этгэрхэндийн, эмэхэ, ахийви тэд'эбд'эрэн:

— Акийлби тэвэрдү д'уду ёхимукаажэл!

Тар гунихэ, эхийн ёнцэгчилгээний таду. Ахинд'арактий, бэйэхүүн эмэвжий, «ёнцэгчэллүү» гунивкий. Тар гүнхэ, арай эмэрэжин, Тивийнэй Алтайнэйнүүн сэргэгчл, Алтайнэй ахийнтийви гунчдэй:

— Ёхима думайд'ачас? Катад'арав. Бука митэ вад'эрэ. Эдук си сэрэнчэнэ ёхикаал!

Ад'эрэктин, дэгийн муянууилдүү тогово иламийнэй.

— Хататкал! Би гуниэв эмэрэн!

Тивийнэй тэпкэвий:

— Ёхун албахийчий бимий, йүгнүү! Мундулээ эвурбкаал!

Курбэлтуун курбэцйтни гарандавки. Арай д'үтийн йапчургавий, бутуннуу д'үтийн эрэлж тоого бччай.

— Мүкилтун! — эрйвкил: — Мунэвэе урэхэм!

Мүкилтуны амутгээн мүвээн амцагт мүкуххокчуйчийн. Тар ишээвжин, «Унцуулын!», — тэлкэвийн ишкүнми, тогово сивдай. Тадух лэпүүлийнэй, эвийл буддэ.

Тар ишээвжин, ишкүнми гавжил, ёхун бихивэн: д'уван, бутуннуу гавжил. Кирэ бэйзэлбэн гарнүүжил. Кирэвэ мэндэлж тухаммукааныгийн. Кирэ туханивийн. Тар тухаммучалатин, Тивийнэй Алтайнэйнүүн эрдцими ишкүнмэр гахал, мүчхүчинийг ямарсан. Тар мүчүд'арактий, д'ул авэр ихивийг иланий бинэл. Арай испинтийн, д'үтийн ойодүүн лаукта, арахинай чука балдчай.

— Адил-ка анцанийл оччай, хурухийнэkit? Д'увун горонтимилчай, — Алтайнэй гүнэн.

Анцанийн эдэлжин д'алуугта, дэгийн Мэксэгэй эмэхэ. Тар эмэхэ, уркэдүтийн доччай. Дххакам, хэгчээ:

Тивийнэй Алтайнэйнүүн,

Сэрэнчэллүү!

Кираан эмэд'изэн,

албахийчий бинэ.

Эдүү гиржийгээл бимий,

этэс вавра, —

гуннэ, тар дэгихийн дэгийлчай. Тар хэгчэлээн, адиллакаймэ биччлэтийн, «Хататкаллүү!», — тэпкэд'энэ, эмэлчэ.

Бираңдатын эйәкәй солод'орйва, солокбүйтэй эйәнмүкбиммәлчә. Иччэйлнэтин — д'ур дыличий эмэд'эрэн Қиралту. Эмэрэкин, Алтәнәй Тівйәнәйнүи күхилчәл, гарпүчилчәл. Эзкіл вәрэ, жаңкәнә. Тарицилтиң «Сү мипәвә этбрәс кеййай!», — гулән.

Тікә гуләкин, Курбәлтүнмә Тівйәнәй гүничә:

— Кәтаткал, курбәчі-вәл, ёкүш-вәл бими!

Курбәлтун курбәнитин ухәрәпдәчә — калтакавал дәгтіләд хохобөвки. Дәгтіләйә ўчиш бчалан, дөлбі мұкучб, ўчиш бчә. Тівйәнәй Алтәнәйнүи гарпукутмәйнекил. Қиралтана ўчинцийвийд. Тар дүгән.

18. Куреңәй

Умүн иәкүнтіп-хунат, д'ур акийн бид'ечән. Ақниллиң бәйүктәвекіл бичәл. Бәйүхәл, иәкүндүвәр энйікәнәп эмүвекіл: чивкәнә, нийкійә, луқкәнә, зәнән эпәйшікера. Мәртін и'ан хурувкіл бичәл. Тар хуручәләтін, иәкүнтін гүнд'евкі бичә: «Идук-кә городу умүн бәйә-байа бихин. Би тар бәйәдү дуківүима дукімчәв». Дуктан, гумагайа ўчиш бичән. Нуңан горово д'опчад'ачан: «Екүндү дуктакив, аяа бимчә? Би акийлдүви вәвқанкта туksакийда. Тар нашигадүн, олгыксә, дуківүна дукчицәв».

Тар ахилә акийлін эмәчәл, бәйүхәл. Нәкүнтін соңод'очб д'удүви тәгәтчәнә. Ақниллиң ханиңчал:

— Нәкү, ёдә соңод'онни?

Нәкүнтік гүнчә:

— Акийа, акийа, би чивкәчәннелбі, иїкіншілбі дәғилле, улуқийн хуктылән. Минду энәйіхин, умүн бид'эрәкив. Минду д'авакаллу туksакийда, инәкинә, эввейнәв!

Тар и'экексәл, акниллиң әртәкәкүн гәләктәпблчәл туksакийда. Д'авачаң, эмүтчәл иәкүндүвәр. Д'үлләвә биксәл, акниллиң хуручәл, и'ан бәйүчәл. Тар хуручәләтін, иәкүнтін туksакив вәчә, наинаван хүрчә. Хүрикес, олгыча. Тар олгынадүви дуківүца дукчә Куреңәйлә: «Куреңәй, би бид'эм эмүкни. Ақнилби бәйүктәвекіл. Би синәвә гәлб'эм, минән ахийави гакал! Мәницизи ахиви вәкал». Тар дукікес, д'ахиккәнди тар дуківүима дічә. Айамат уллічә д'ахиккәнмә, бирали тінчә, эйәндүлий. Тар дукіпүима уңчәлбін, акниллиң әмочәл, ханиңчә:

— Нәкү, плә туksакийци и'экенин?

Нәкүнтік гүнчә:

— Тулипдү бид'ечәв туksакип'үими. Қиран дәгрән. Дәғилихиммүраң. Әдүк, акийа, экәллу миядү ёкүша-кат вәра, эмүре. Би этәм соңоро, этәм эпәйшікера.

— Кә, нәкү, бу бәйүхинен д'аллайә. Си бид'экәл айат!

Хуручәл. Нәкүнтік бид'ечә эмүкни. Тар дуківүима уңиән Куреңәйдулб, туңніллайи ишәциллайи исчә. Даңырдуң паригетчә. Тар пәрийд'эрәкин, Куреңәй тәрбәчінин йәтіркәнд'а мүлбәй. Тар ичаксә, икәлби ибдүмиак Куреңәйлә туksача, гүлчә:

— Куреңэй, Куреңэй, си далирдүс д'ахиккән тағавчай!

Тар гүнэкин, Куреңэй эчэ тэд'эрэ, уичэ тунца бөгатирва:

— Эчэ улекиттэ бихикин, гакаллу тавэр! Д'ур д'эр дарийа гиркүкааллу бира д'апкадүл, тар д'ахиккәнэмэ нэклалу. Улекитчэ бихикин, атirkаймэ тікаллу сэлэмэ бочкадү, бирадү чопикаллу.

Эмечэл тунца богатир, ичэчбл — тэд'эмэ нэрийд'эрэн д'ахиккән. Лэвухинчэл д'ахиккәна, тавэрва гиркэчэл. Тар д'ахиккәна нэчэл, мэртн хуручэл Куреңэйлэ. Д'ахиккаймэ хулёнчэл. Таду бичэн тусакий ианнаи дукйивүчай. Тар нэксэл, тацилчэл — ци-кэт эвки сара дукйивүнма. Куреңэй гулчэ:

— Гэннэклалу атirkаймэ, гэрбэчинмэв. Тар таңд'ицэн.

Атirkаймэ тацилчэ. Куреңэй, дблдикса дукнавац, ахиви вачай, гүнчэ:

— Вакаллу д'ур д'эр тунца хукурийэ, д'ур д'эр тунца мурина, бэлэнэклалу, — гүнчэ, — илан д'эр бөгатирва эркэллу д'улай!

Эрирэкин, эмечэл илан д'эр бөгатир. Куреңэй бөгатирла гүнчлэхэ:

— Су хурукэллу, гэннэклалу тар хунатпа, акийлбан вакаллу. Тадук минэвэ гэннэдэвэйт!

Тар бөгатирил хуручэл тар хунатлай. Бөгатирил эмэрэктн, акийлийн д'удувар бид'ечэл. Умилчэл идарихийва. Акийлийн соктолчбл, гүнчлэхэл:

— Нэкү, си ёд'ани? Мунэвэ вадаевэр н'экэд'эрэ.

Тар нэкүнтн гүнчэ:

— Сийэвэ эр-дэ вэлд'ицатн тар бөгатирил. Би Куреңэйлэ хуруд'эм!

Акийлийн туханийлчэл. Тар туханийллактий, бөгатирил уркэлтий тэнчэл адилва. Адилва тэнэктн, умүкэн акийнин дилжэн бхай, йучэ. Гё акийнин, лэрэдүй бхай, тағавчай адилдү. Тар акийн-мэн д'авачэл, хэркэксэл, хурувчэл Куреңэйлэ. Нэкүндүү акийнин, дилжин биксэ, сиүэчэн бчай. Цэнэд'эрэктн, ойолйтн дэгчэ, акийнтийви тэнкэд'энэ:

— Гунэрив, гунэрив: «Химат хурудёт! Митвэ ванад'эл эмечэл!». Нэкүими улекиэ дблчэтчэс. Тар муцинакис — аяа! Эчэс дблчэттэ, бикэл тикэ! Он-дэ бмий, минэвэ боконд'одбви! Дунинэйлбэр сашни, бэйүктэд'эривэт!

Тар тикэ бд'анаал, исчэл Куреңэйвэ Куреңэй арчачай. Тунца бөгатир илгимад'ачай д'үн дагадүн. Хоктолий тавэрва гиркэчэл. Тар хунат Куреңэй д'улдай цэнэчэ. Акийнин вачай, дунинэдү имачай, калтакай бхавай лувухинчэл. Куреңэй сивайбави горово эвийд'ечэ. Сивайбави горово эвийхэ, нулгичэ хүчту бугалай. Тар нулгичблэтий, д'үкчэлтий цэнэдүү акийнин эмечай. Эчэ ёкүна-кат бакара. Арай цэнэд'энэ, биракай д'апкалий ичэчэ гирамкайма. Тар цэнэд'эрэкин, гирамкайидү душшэ дбдукин туречилчэ:

— Ёкүн бихинни? Бэйэ-ву, ахай-ву? Бэйэ бими, ванакэл тбхийа, умүн халгамайн эмүнэ! Куреңэй тулгийдэдүн мурир с'елэлтий бихай. Тарилба тавуксай, с'ералткаал, миниткий эмүдэвий!

Тар бэйэ хуручэ, бэйучэ. Токида вача, умүн халганын эмэвчэ. Мурир с'елэлбэти тавукса, эмэвчэ. Гирэмийн дагадүн бид'эчэ. Тар ахай турчилчэ:

— Мурин с'елвани гирэмийнгүй дундажткэй дикэл! Би, инмэ бксай, сэнмийд'ицэв. Си мишво танкэл!

Тар бэйэ с'елбэ тинчэ. Ахай, инмэ бксай, танмучай. Инмэ биксэ, бэйэ бчай. Тар арай Курецэй ахийн бичай, ишонопти. Улгучэмбчилчэл. Гүнчэ:

— Си миндү халганы тикил, токий халганын. Би си акийнмас бакад'ицэв. Си энэ д'бичара бэйүктэд'экэл!

Тар гүнэкин, бэйүд'эхичэ. Курецэй ахийн д'үкчлэвий хуручэ. Курецэй арай нулгийчэ. Д'үкчэн дагадүн гирэмийчлэл тар бэйэ акийнмай. Ахай бакачай тар бэйэ акийнмай, мурир с'елэлвэ тавучай. Тавукса, с'ералгичай. Гирэмийнтийн тинчэ. Тар бэйэ, инмэ бксай, нүчэ. Ийрэкин, ахай ичэчэ — тар бэйэ калтакай ёхан ачийн. Гүнчэ:

— Си бид'экэл, би ижүүлий бэйүнимэ ванивийн гэлэктэнэктэ. Бакамай, бэйүн ёхаван эмуд'ицэв, ёхайас бд'ицэв.

Тар гүнд'эксэ, хуручэ. Тар бэйүнимэ бакачай, калтакаван ёхаван лувухийчай, эмчэ. Ехайан тикинчэ. Тикинчесэ, гүнчэ:

— Си ижүүлий боконд'окол! Нуцан бэйүктэд'экийлдулайши цэнэд'эрэн. Си бакад'ицэс!

Тар бэйэ цэнэхийчэ, ижүүлий гэлэктэнэчэ. Цэнэчэ, цэнэчэ, арай гороптийн атулин бичэл. Тар цэнэд'эчэ цэнэд'эвий миши тогокбай. «Дагалай бакад'ицав», — ёнцэтчай тайду. Тимийн тэргэлтэнэ н'ян цэнэхийчэ. Цэнэд'эрэкин, арай сацг'ад'ачай. Урүнчэ, «боконим, — гүнчэ, — ижүүлий». Эмчэ. Тогоо д'эгдэд'эрэн. Ижүүлий ачийн. Тогоо д'апкалайн уллэл силучэд'эрэ. Ц'эничэ уллэйэ. Д'эбд'эрэкин, ижүүлийн эмчэ. Ижүүлий, ячэксэ, соодолчо:

— Би гүнчэчээ — синэвэ этэм ичэрэ.

Акийний гүнчэ:

— Экэл содоро, ижүү. Мит цэпэхиншэйт, бэйүктэд'энэл. Курецэйвэ бакад'ицэт. Бакакасал, ижүүимэр Курецэйтэйвэ вад'ицэт!

Тар ц'экэксэл, хурухийнэ. Бакачал бүкатрива — қадарилба мэчүүкчэтчэрэн. Хашуулчай:

— Ёкун бихинни? Ед'анини?

Богатир гүнчэ:

— Би хэгдцэ богатир бихим. Қадарилба мочикийтчом эдэхилдэй.

Акүнчай гүнчэл:

— Богатир бимий, мундү тиркийзвун эмэком!

Богатир гүнчэ:

— Кээ, эмэд'ицэв. Қадарыциви цэлихийд'ицэв!

Тар цэпэд'эчэл, илан бинэл. Цэнэчэл, цэнэчэл арай хоктодүү бэйэ хуклэд'эрэн. Цэгийдэдүйн бира эйбид'ирэн. Ханцүчай:

— Ёкун бэйэн бихинни? Ева бд'анини?

Тар бэйэ гүнчэ:

— Би богатир бихим. Мүвэ мүкэхинициам, тийциам.

Гэ ббгатир, кадарва цэликтад'арий гүнчэй:

— Ббгатир бимий, эр бирава бутуннувай мүкухийкал!

Гэ гүнчэй:

— Ед'ицэй, мүкухинд'ицэй, тийд'ицэй!

Тар мүкухийнчэй, бира умнэт олгочо. Тынчэй, н'ян бира ёчай. Д'ур акунаачен гүнчэй:

— Си мууду гиркийн өкаал! Бираанди мүкухийкал! Хурурт, гэлэктэнбэйт бу нэкүнмэвүн-хунатва, Куреңэйвэ гэрбичий адчайва.

— Кэ, — гүнчэй, — хуруртэй!

Нэнэхийнчэй, цэнэчбл, цэнэчбл горово. Нэнэд'эрэктин, д'укчай санч'ад'ачай. Д'укчай дацаадуй лучади д'ү бид'ечай. Гүмбтчэй:

— Эхий ахилтайн эмэд'ицэйт, ахинактийн.

Ахилтайн хуручэй д'улай дцийн бинэл. Куреңэй айат арчачай, ивкэнтэй лучади д'улай. Кундуулгчай идарихайлба, д'ян укурба вавкайнчай. Умд'ачай, умд'ачай д'ур акийний соктолчбл. Умүкэн ббгатир, кадарва д'авуцаад'арий, н'ян соктолчбл. Гэ ббгатир эвий д'эпта-кат, силүрэ-кат, умра-кат. Куреңэй хандуучай:

— Ёдай баний д'элтэй?

Ббгатир цэлэтийн арпуулийвий. Тар турэтчевий. Куреңэй турэчийсэй, гүнчэй:

— Су бид'экэллүү, д'эбд'экэллүү, бу д'укчалай ахиннайд'арэв.

Тар йүксэй, лучади д'ү уркэвэн катачай катилд'и. Тар бэйэл соктолчбл д'ү дöдүн, энэл ёкүнма-кат сэра. Арай умүкэн ббгатир эчэй сокторо, мүүэ мүкухийнчэвий. Арай ёйа-ка д'ү дöдүн санч'ан бллан. Ичэксэй, цэлэтийн ичэвкэнчай.

— Ёдай д'ү санч'ад'аран?

Д'ур акунаачен окоонколий ичэхитчэй. Арай акийнан туханийлчай. Мүүэ мүкухийнчад'арий ббгатир мүүцихимчай, сицай д'эгдээвэ. Гэ ббгатир кадарицайти уркэвэй ийчай. Тар йүксэл, ахалчай Куреңэйвэ. Бокончбл, Боконисэл, дуннэдү д'урива Куреңэйвэ ахийтайвэ ималчай.

Тар имаксэл, умүкэндү бид'эвийл, бэйүктэд'энэл.

19. Мэкэгдир, Сигундар

Илаа омолгийнкүйн эмэчэй урччакийлд'и. Тарах хэгэчэй Мэкэгдиртийн:

Мэкэгдэр, Мэкэгдэр, хунявлан, хунявлан,
Сигундар, Сигундар, хурурт, хуруртэй!

Гүнчэл: «Кэ, камад'ис, хуруд'ис?». Гүнчэй Мэкэгдир: «Хуркуйн!».

Эдэлэ, дороген!	урччакийт, урччакийт,
Эдэлэ, дороген!	н'ама-гүү, н'ама-гүү,
Алайкаалгу-үү!	орондо-дээвий
Алайкаалгу-үү!	мавутлайд'ара.
Бицэн'э, бицэн'э,	

«Багдаке! Багдаке!», — гүнчөл тәдү ур бәйәл-турән.

Тар хуурэр мавутләрә утучактый. Мәкәгдир умүн утучакпа д'ававкай:

— Кә, камадыл хуктівгәт Сигуңдар хуләттікәкій!

Хууруун, цәнәд'әзкій утучакит Мәкәгдир.

— Эшә хуктівра! — гүнивким.

Утучакилтии бимі моңмол бичбл. Бирава ходоливкій.

— Эхй, эхй экәллү ходбәр, — гүнчө Мәкәгдир; — Эхй, эхй хулгакалла! — гүпчә.

— О-хо-хо! Си мәпни хулгакал, бу эңиәрәв хулгарал! — гүнчөл.

Мәкәгдир мәшип хулғавкай. Амардүтіи цәнәд'әзкій, бира д'апқадүй локовкій хулакки. Әхилә ходөсіллә бирадым. Н'ап хурухинивкій. Хәрәллівкій Мәкәгдир, ур бәйә турәй:

Догорел, договорел!	бәралә, бәралә
Аракүн, аракүн	иссицат, иссицият!
изпад'екеллу!	Әхйткәй, ахйткәй!
Аракүн, аракүн	

— Екүді бирадә иссаңдат?

Гүнивкій:

Тар бира мүн — байә сәхап, бид'ицән!
Эмкөрии — байә кәңтірән, бид'ицән!
Чұврікшіи — байә дәлени, бид'ицән!
Иңан — байә иктәлии, бид'ицән!

— Кә-хилә, эхйткәй тәлә иссаңдат, — байә гүнчә, Мәкәгдир. Гәнәхәл, бараптүй бирадә ихивкій. Тар п'екөхә, Мәкәгдир хәрәллінәрән:

Догорел, договорел!
Хәріпчекеллу
тавар бирадук!

Ур бирава ходод'онол:

— Хулгарикүн! Эхй-нәл! — гүнчәл.

— Эхй экәллү ходоро, — гүнчөл Мәкәгдир.

— О, аләтчәкәл синә, — гүнчәл.

Сигуңдар хүмәттән эритчехинчал илан байә. Мәкәгдир гүнчәл:

— Бирадук хәрәнекеллу!

— Э-э! Бу ходод'ицәвүш! — гүнчөл тәдү.

— Кә, ходоколлу! — гүнчө Мәкәгдир: — Ои-ка ходод'ос, иш-шіктө!

Ходокинивкій әхбәлә ур-бәйәл. Гүхим, гүхим, ходолло әзкіл. Тадук ходөвкіл, барғайдава ихивкіл, әмкәрвә түктікіл. Әмкәр дүлиимән иссанап, әңганичанапкіл. Эйәхинивкіл мүдү, утучактай, ёттай. Мәкәгдир мәргәлтікіл: «Миткийб-дә әмбимуха, ходоянкто, ои-ке п'екәд'әм бикене».

Утучакив-цик	сигиғиура бикалсу!
үрундүн-цик	Окамлу, окамлу!

Баргидә, баргидә эмкәрдү әлә ходочб. Ходод'овкىй, ходод'овкىй, ходод'овкىй.

Ходовкىй, түктіхийнивкىй эмкәрвә. Айат түктічб. Элә Сигундәр-хунаттыкىй цэнэлпивкىй. Нэнэд'энэ, ичәчицәливкىй. Тава-ар арай мәнума д'умийайа бид'эрән. Тәлә цэнэвкىй Мәкәгдир, ихизкىй, ўчакви уййиккىй, йиккىй. Арай умүн ахىй бид'эрән.

- Екүді ахىй бихинни? — гүйивкىй.
- Э-а, би Сигундар-унад'ин бим, — гүйивкىй тар ахй.
- Кә, Сигундар-унаттыкىй эмәд'эм, — гүнән бәйә.
- Едә эмәнни Сигундар-хунаттыкىй? — гүпчә.
- Ахиләдәви, — гүнчә.

Д'үкәрә бид'евкил тар д'үдү Мәкәгдир-турән:

- Кә, әхицәт! — гүййинәрэ билисийәкситил.

Ад'аннара. Домбони дулиниң әтә. Екүн-ка хәрәкүрәмәлчә арай. Мәкәгдир гүйивкىй:

- Догор, екүн хәрәд'эрән?
- Эңә, д'ү итчин. Айат, айат кумләкәл! — гүйивкىй ур күнәт.

Сигундар хунад'ин арай эмәциәрән муринд'и, хәрәлнәхәнәрән арай тулылә:

Тоңколд'ин бәкаңкүв,	әкәл, әкәл хүкчакына!
уркайевә ныйкәл, ныйкәл!	Мәкәгдирвә әдівәв
Мәңумәкәр калгайавав	этинни тітбәрә! — гүпчә.

- Мәкәгдирис әдівәс сучад'ам! — гүнчә.
- Екүн н'әкәд'эрән? — гүйивкىй Мәкәгдир.
- Д'ү итчин, — гүнчә.

Сигундар хунад'ин хәрәд'евкий тулин:

Әхшити кургакәчәр	Тоңколд'ин-ка бәкайекен,
бәркәретин ёд'андүви	нийкәл, нийкәл! — гүнчә.
долбовү-ум-кү!	

От, тікүливкىй әхйлә:

— Мәңумәкән халгакәнмә хүкчад'алим! Нид'әңес-ку уркәвә? Тәд'емә-дә н'әкәлини, бадага? Миндук сәрәнчәкәл әхйлә! Эр-дәт әхйлә хүкчад'алим! — гүнәх хәкәлнәхбүкүй ур Сигундар хунад'ин.

Уркәвә тохохбүкүй, хбүниңнаран. Кангер тікчә мәңумә калғап. Тоңколд'икән бәкаңкүн уркәлә хәтәкәниңнаран. Уоттурәк хүкләд'евкий уркәдү. Тәрә Сигундар хунад'ин капухбүйт түңнаран. Тарыңми иамалайвкىй, халғанма токохикини, тәниңнаран, ибдацнаран ур Сигундар хунад'ин-турән.

- Мәкәгдир, — гүнчә, — емарис?

Тар гүнчә:

- Би Сигундар хунаттыкүн эмәрив.
- Еда?
- Ахиләдайи.
- Едә бәкандүв тақапчани? Эр бирала эмәлчәкәл, — гүйивкىй: — Илалладү мүдү хүкләкәл, — гүйивкىй.

Хүклэд'эвий-й Мэкэгдир мүдү, илламаавки, эмэвкүй эхилэ.

— Кэ, минэ ахиллаат бимй, кичикэрвас гэнэйкол. Д'ур кичикими бид'ицэн тар хокто дацаану.

Мэкэгдир эхилэ гэнэхийлийн. Хоктоли цэнэд'эвий, арай д'ур эхэндээ бид'эрэ. Д'ур сатимарсайтийн. Таримба эхилэ эмэвкүй, сөччэрдүктин д'аваажи. Сэргүйтгэн элгэд'ээз, тухад'авий тартыкай Мэкэгдир турэн.

— Кэ, кичикэрвас эмэвум, — гүннүүкүй.

— Урс'у бигин, — гүннүүкүй Сигуундар хүннэд'ши: — Хурукул, гэмнэхэл, — гүннүүкүй, — д'ур сируткайма, — гүннүүкүй: — тар хокто д'анжалий цэнэд'эрэхис, д'ур сируткай бид'ицэн, тарилва тэнэхэм!

Элэ гэннэвкүй Мэкэгдир. Цэнэд'эрэхис, арай д'ур төхимийн бид'эрээн. Ийэмийэчил арай бид'эрэ. Эр бэйэ тухана эмэвкүй, ийэччэрдүктин намаралын. Эр-кэ, тухад'ахийлийн эмкэрлэй. Ур Мэкэгдир-турэн д'улдэви ихивүүкүй.

— Кэ, сируткэрвас эмэм! — гүннүүкүй.

Сигуундар хүннэд'ин эхилэ гүннүүкүй:

— Кэ-хилэ эдлэд'ицэн, сб бэйэ бичэ бихинни. Кэ, минэ ахиллаат бимй, — гүнчэ, — сбнаас садав, бэйүкэл!

Урс'у эхий ахинмуря, Мэкэгдирва.

Бэйүүкүй Мэкэгдир, бэйүнэ эвкүй бакара. Арай эчэ бакара, союзовкүй, тэкэндү тээрэхб, думайд'ана. Мучуувкүй н'ян д'уткайвий, ахилдэви ихивүүкүй. Ахийн хинцүүлийн:

— Ур Мэкэгдир, бэйүнэ вани?

— Эчёв, — гүннүүкүй.

— Мэкэгдир, схалли ёдэ авулчал? Кэ, н'ян бэйүкэл! — гүннүүкүй.

Эхилэ бэйүннэрэн. Урэвкүй гэлэктэтомий. Бэйүп сонсем ачийн.

Дэрийвкүй. Н'ян тэкэндү тэгэвкүй, думайд'анаакүй, тэгээтчэнэ. Икэвкүй:

Каран д'ү — тукалэ бра!

Каран орорби бэйүр бра!

Каран кумаларби тавьжтал бра!

Каран тэншэлбий лалбукан бра!

Каран иимэхийби чуулринэр бра!

Каран ухийшиби сбктаал бра!

Каран тиүртүрби биктар бра!

Гүннэ, гүннэ, хоцод'овкүй н'ян, тэкоччанду тэгээтчэнэ. Н'ян мучуувкүй д'улдэви. Эмэвкүй, ахийн хинцүүлийн;

— Мэкэгдир, бийүнэ вани?

— Эчёв, — гүнд'эрэн.

— Эр-кэ схалли авулчал?

— Октар, сбктаал ширнагад'ара.

Ахийн-турэн саламатийни ликэхийдү, гүннүүкүй:

Октар, сбкта-а-я,
эмэ-ка-элду!
Саламатийн!

Эхилэ өхтар, сёктал эмээнэрэ. Ур Сигундэр хунад'ин ханцүлийк:

— Өхтар, сёктал Мэкэгдирва ёдэ нирпагархун?

— Эхивун нирпаргара, — гунийкүл.

Өхтарва, сёкталва идакэлжийк Сигундэр хунад'ин. Мэкэгдир мэнин тэкэчэндү хоодод'овкй, инмокильвэ муламиха, хоодод'овкй.

— Си ёдэ улбэкичэрис? — гунийкүл.

Мэкэгдир гунийкүл:

— Би д'учи бихив, — гунийкүл, — таду орочи бихив.

— Адэ орочи бихис? — гунчэ Сигундар хунад'ин.

— Н'ама орочи бихив, — гунчэ Мэкэгдир.

— Кэ, тарицэлтихи хуругтэт, ичэндэгтэт! — Сигундар хунад'ин гунчэ.

Эхилэ хурхийнэрэ. Хуруд'эннэрэ. Тар хуруд'энэл маталтий иссэл. Мэкэгдир матал д'улатын бицээрэн. Ахийн тулиш бид'элчэ. Тар матал эхэнвэ д'энчбл — сэвэнэмэ бчал.

— Кэ Мэкэгдир, тээрэлчижэл сэвэнчэвчүччэ.

Ур Мэкэгдир ахийви эричэ, тэпкэнки: «Ахё-ё, ахй-й, сэвэнни?». Чэрүлий. «Эр ахй йлэх хуруун? — гунийкүл: — Ахийви гэнэхэктэ», — йүвкий. Ахийн ачин, хуручин. Сигундар хунад'ин таргачий бичэ. Тарицми илардакан иктэчэ, илан дуниэлж дэлнэргэчэ. Тар н'эхэхэ, илан чивкай бхал дэгилчэл. Тацаан-турэн мэнин, н'ан дэгилчэ. Ур мэнин тацара бичэ, эхэндэ уллэвэн эвки д'энтэ бичэ. Эдэйи д'энтэ дэгилжийк бурага, уйискэй.

20. Сирбут-Сирбүнэй

Бэйэткэн, ахаткэн бид'эчб, пакүнэчэн. Аминтий, энйтити бучэ. Бид'этбл, бид'ечбл. Сирбут-Сирбүнэй хэгдлэхин, экиний сёкталдук бэркэнэл бвкай бичэ. Тар бэркэнд'иви Сирбут-Сирбүнэй бэйүктэд'эвки.

Үмлэхэн бэйүксэ, вача хинкйчэнмэ. Экинтэйви хуручэ, гунилчэ:

— Экийэй экийэй, ёкумийава вэм? Ехамийалийн амаский-д'улэсий хулакачал. Ниргилий.

Экиний гунчэ:

— Нэкэйэй, пэкэйэй, эр гэрбичий хинкйчэн. Эр гэрбичий д'энтэвүүвки.

Вачаан тарицэлба, лбваничэн. Н'ан хуругч Сирбут-Сирбүнэй, бэйүчэ. Тар бэйүксэ, вача хорокийва. Н'ан экийтэйви хуручэ:

— Экийэй, экийэй, ёкумайава вэм? Мэнин коциорижүн, никимчан цонимкакүн, ниргилжин эгдикэкүн. халий д'апкал, хулааржүр. Иктэлд'иви, «так-так!» бинапин, кикчарал.

Экиний гунчэ:

— Нэкэйэ, пэкэйэ, эр хорокий гэрбичий нимэ. Тард эмүкэл!

Сирбут-Сирбүнэй эмүчэ, лбванду локочб. Гими н'ан бэйүчэ, кэвэрдулж цэнэд'эчэ. Тард иэнэд'эрэкин, гипчэн хуктылчэ. Тард хобдачэ, умнэт вача. Түксахича экийтэйви:

— Экаййәй, экаййәй, — гүнча, — ёкүкүпма вәм? Ділин хорондүй д'ур иректә балдічә, амардүй багдакә балдічә, халгарин нонимкақүр.

Экинин гүнчә:

— Нәкүйәй, пәкүйәй, тар гүкүт гүнчән.

Тәвәр гивчәнмә эмүчә, лбәнәндү локочә. Тімәниң п'ән бәйүчә, хурчә амутқартык. Амутқапқы тәрәтчәрәкни, дәгчөл д'ур п'үц-п'акыл, эвід'әчәл амуттү. Сирбут-Сирбүнәй бәййтчә, бәййтчә, хбдачә, хбдачә. Умүи шуңғакы умүи лукайшы тәнәчә. Төвәхә, хурчә мү дәлиш. Гөвәп п'ән лукайшы тәнәчә, хурчә п'ән мү дәлиш. Хурыйсәл, шуңғакыл п'ак мұлук йүчәл. Сирбут-Сирбүнәй лукайш ачай әчә. Сирбут-Сирбүнәй соңолчә:

— Лукайш бүкәллу амаскай!

Н'үңғакыл гүнчәл:

— Мунә боколлокис, лукайш вәс амаскі бүд'иңәвүн!

Тікә гүнихәл, дәгилчәл, ин'елд'әңәл. Сирбут-Сирбүнәй сәтмарит соңолчә. Экинтикүй дагамалчә, ирәктәткүймә сүллилчә, гүнчә:

— Экаййә, экаййә, би синәвә вад'иңәв әр-дәт! Амутқантык хурувкәникесә, лукайш бәз хурувкәниипи! Әр-дәт иктуд'әңәв!

Экайниң гүнчә:

— Нәкүйәй, нәкүйәй, экәл соңоро! Хуцтулә лукайләс әд'иңәв. Лукайләс бракив, си цәнәхиндәв тар горониткүй бугалтык. Лукайләс хурупчәлә шуңғакылла боконд'оцбәс. Эхаткән си экәл бәйүктерә. Би синдү шуннад'әңәв, илә хурудәс әр-дәт: әдук йәгүттән урекбәнди дид'әрән мурин, Чоколдой гәрбичи. Тар муринма ний-кәт әвки д'авара. Нұнанмән д'аванчәвә мурин д'әпівкүй. Тәрә сатанары бимә, хурукул!

Сирбут-Сирбүнәй цәнәхинчә. Экайни'упми хуйәтчә соңоно:

— Мұчуд'ам-иңү, әд'ам-иңү.

— Эхикис мұчұра, би би бид'әңәи әмүкүни? — гүнчә экайниң соқод'оно.

Цәнәчә, цәнәчә, ичәнүлчә урекбәнди. Дағачә. Арай тар бәйәл гирамналтын бичәл. Д'апкүн урекбәнмә цәнәчә. Үякал бәйәл гирамналтын бичәл, мурин д'әпіненши. Цәнәчә, цәнәчә, ихилчә йәгүттән урекбәнмә. Арай ичәчә — урекбәнди орондүн илгимад'аран мурин-murkakui. Үпакачин оп'б, мәнниң сициарин. Гирамналба симйтчаран. Сирбут-Сирбүнәй вә дәлдітчә городук, сәрби угири-нәд'әнә. Сирбут-Сирбүнәй цәләлчә, гүпілчә: «Ои би шуңаптикүй цәнәд'әңәв?». Тікә гүникесә, чиңәрәкәи әчә. Гирамнал хәргидәлтін иғәхинчә. Тутуд'әчә, тутуд'әчә, горово дәлчәтчана, идү мурин сәд'арыйвән. Гүнчәчә: «Екүндукин д'аваракив, ая бимчә?». Тікә гүникесә, этәкбәнчә шікимнапай. Тікирәчә. Шікимнападук тикирәчәлән, мурин сәгринчә урекбәннициви: умнот әли-тәләт хәтә-кәнчәл гирамнал. Мурин хүкәлкәнчәлчә кәңтірәтпі. Сирбут-Сирбүнәй әрә-дә әчә. Уқәлкәчкесә, мурин хүктіхинчә кадарлә. Кадарва ихийсә, хүкәлчәчә. Сирбут-Сирбүнәй әчә тиқра, әрә-дә

эчә. Кадардук хүкәлчәксө, мүлй эйхинчә. Мүдук йүчб, Сирбут-Сирбүнәй эчән буручб. Тәлй мурии гүйлчб:

— Окй-дә анданыза бид'эм, ёкүд-кат бәйә-кәт минә эчән д'авара. Си ёкүн бихинни? Бәйә бкса, кәнтірәдүв уккал! Хуругт д'улбский. Си минди бәгінми бд'аңас, минә муриятад'ицәс. Си бид'еридүс эмәпмүчә экінни соңод'орон, гунд'эрән: «Си бүтә бихинни». Си н'ан экінми д'бінчад'ани. Экінни бид'эрәдүи малудүи д'үр сөргәл бид'эрә солотот он'очил. Тар сөргәл оноктодү иливүвчал. Тар онокто хәрәлии солотомо мурии бид'эрәп. Тар мурии синци эйнинис, аміннис бичен. Тар мурии ичәмй, си эйлд'ицәс, минә ибдад'ицәс. Соңолмай, гёвү инамуктази ибдадави андү сөргәлә, гёвий — д'эгиневүлә. Тәлй онокто мәнни нәлтергәд'әнән, мурии илд'аңын. Тәлй си авгува эйтмй, гадави!

Тікә гүйкесө, Чоколдой-мурии хүктіхинчә. Хүктід'әчә арай д'әрис-и'үн ёккил мәл, олус химәт хүктівий. Ихилч д'үвән, экінни арчача, соңолчб. Сирбут-Сирбүнәй н'ан соңолчб. Соңоликб, Чоколдой-мурии гүнәллип инамукталви сөргәлткі ти-күвчә. Тіківд'әкенни, онокто нәптіргәзкин, золотомо мурии йүчә. Мурии ма йүд'әкен, Сирбут-Сирбүнәй ойолби укчә. Чоколдой-мурии бид'әчә, гүнчә:

— Би гүнәрив синтәкі — д'ус дағадүн миндук айатмар мурии бид'эрән. Авгува муриятад'ицәс?

— Би д'үрівә муриятад'ицәс.

Андәтчал. Тіминин Чоколдой-мурии гүпчә:

— Би сәм, ёдә си миңеве д'авачас. Си сәнмичес д'үр лукиви. Д'үр лукис д'үр нуңи'акидү бид'эрә. Си лукилби ахалдәви н'әкәд'әнни. Би тар лукилбәс гачалбә сәм тар эчәл нуңи'акил бирә, тар д'үр хунат — Сигундар хүнийлин. Тәлә исмәл, си д'үрівә ахалави гад'ицәс.

Сирбут-Сирбүнәй гүнчә:

— Кә, ңәнәхинцәт, би с'уневе д'үрівә гад'ицәс. Дәррәксүн, гә гәдү д'үрәлдід'ицәс.

Ңәнәхинцәл. Чоколдой химәт, химәт хүктід'әчән. Солотомо мурии сүптівчә. Сирбут-Сирбүнәй аләчилчә. Аләтчә, аләтчә, арай гилбәс бчә, аракүкән эмәд'әчә. Дагамәлләкин, п'ан химәкүнди хүктілчә, н'ан сүптівчә солотомо мурии. Аләчилчә аләчилчә горово. Эмәчә солотомо мурии, бокончб. Сирбут-Сирбүнәй тікүлілчә, гүйлчб:

— Си ёдә сүптівүтчани? Эр-дәт би синеве вәд'ицәс!

Чоколдой гүнчә:

— Экәл, экәл вәра, уккал нуңандүн, би аракүкән ңәнәд'ицәв амардүн.

Сирбут-Сирбүнәй солотомо муриндү укчән. Ңәнәд'ицән, ңәнәд'ицән. Мурии сб удан бичә. Тар ңәнәд'әнә, исчә бираева. Эгдікәкүн бира, мү хуларин. Тар бираева хәдүнилчә. Солотомо мурии хәтәкәнчә. Эчә хәдәрә, бира дулиидүн чәпәчә. Чоколдой мурии хәтәкәнчә, сөгингә муринтай, бәйтәй. Хәдәксәл, ңән-

хинчёл. Сирбут-Сирбүнэй Чоколдой муриныг укчай. Солотомо муриныма эмбичээ. Тар цэнэд/эрэкин, цэнэд/эрэкин, нэлгэйэ ичэвүлчээ. Дагамалчай, арай тар мурир, хукуурийн бичблээ. Илтэнчээл. Н'ян ичэвүлчээл мутгэхийн бичблээ. Мутгэхийн гүнчлэлийн, бэйзийн бичблээ. Илтэнчээл, н'ян ичэвүлчээл чуликийн бичблээ. Чуликийн гүнчлэлийн бэйзэл далилтийн. Тээй гүнччээ Сирбут-Сирбүнэй:

— Би ихим Сигундэрээ. Лукшими гадшидэй!

Ичэвчээ, солотот гилбэнд/эрээн. Тар арай Сигундэр д'үн бичээ. Дагамалчай. Тулгийн дүүн солотомо серго бид/эрээн. Тар сергэдүк муриными уйчээ. Д'үлэп ичээ. Сигундэр тэүэтчэрэн солотомо осталдүү, солотомо тэрэкийндуу. Бутууну д'үн буркиничай солотот. Сирбут-Сирбүнэйээ ичэксээ, гүнчээ:

— Илкаал уркэдэй! Илдүк бихипни бэйзээ?

— Би — Сирбут-Сирбүнэй бихим. Д'үр лукшими бокончүд/ам. Д'үр лукшими си хүншлли хурувритеш!

Сигундэр гүнчээ:

— Боконийни би хүнийлбав, би синдүү д'урин хүнийлбийн ахиллас бүд/ицээв. Битэр бкал, би эр-дэт эмэд/ицээв. Тэдэвнэхктэ, синдүү айалдээ тэткэмэ бүддэтийн.

Тар хуруракийн, эмэчэл д'үр бэйзээ, айалба тэткэлбээ эмчэл, бутууну солотот он/очийлава. Тар тэткэлбээ тэтгэсээ, сивайбалчай. Сигундэр гэрбэчийн гүнчээ:

— Н'ама укурубээ, н'ама д'эр д'эр муриныма вакэллуй!

Бутууну айа д'эвгээвээ бикайнчай. Тэдүк хүнийлбийн цэнэвкэвчээ. Эмэд/чэл гиргинийн/анайшикүүр. Тоткэлтийн сицуунтийн килүүнэд/ара гиртилд/аинаал. Д'үрийн д'үр лукшими нэлд/аинаал. Таэрэвкбичээл Сирбут-Сирбүнэйээ дулиандүтийн. Сирбут-Сирбүнэй соктолчай. Соктохбай, илжээ, тийнчийн, одономийн эмта. Төгэчинчай, тэрэвчийн, тэргилбээ хүнччавчай. Осталдүүн дараалшиныг — осталдүүн хүнччавчай. Сигундэр гүнчээ:

— Ахинлайнхолму д'яндук д'үрийн д'үлэй!

Хүнийлах хурувчээл, Ахинчай, дулзинд/увар ёхинимучай. Тар ёхинимчайтэй, Сигундэр эмэчээ д'үлэтийн, бэржид/иши гарнаадай. Турувд/чай омкотолийн, Сирбут-Сирбүнэй мөччай. Ничэхинчээ — Сигундэр шуцанмын вэдэвшийн/н/эхд/эрээн. Цилхиийн бхай, оконохиийн/йчээ. Цилхиийн бхай, д'үдүн дэргүйтэд/чээ. «Сигундэр, — гүнчээ, — си минэ этгээний вара». Осталдүүн дэвши, түрэлдүүн. Тээй Сигундэр гүнчээ:

— Си миээ экэл илчээрээ! Айаралд/цэт! Бэйзээ бхай, осталдүү тэргээл!

Сирбут-Сирбүнэй бэйзээ бчай. Осталдүүн тэгчээ, н'ян умилчай, соктолчай. Соктолийнчай, бутуунуу хүнччавчай. Тээй Сигундэр д'үр д'эр ббгатирва эмэвкэнчээ. Сирбут-Сирбүнэйээ д'авачай, хөркэчээ. Сэлээмэ боччадуй дичай, бираудуй чийнчээ. Горопо эйэнчамай, Чоколдой-муринын кёдэлтэй. Тоюоличай сиргэвэтийн хэхэ, бира эмкэрлийн гэлэхтэд/чээ Сирбут-Сирбүнэйээ. Арай ичээ — сэлээмэ боччай эйэнд/эрэн. Ичэксээ, тара сбгнчай, дэлиэрэгийн баргийскай.

Сирбут-Сирбүнэй йүчэ, Чоколдой-мурианду укч. Н'ян цэнэхийнч Сигундэрлэ. Иччэ д'уван, муриими гэ сэргэдүж уйчэ, мэний дэлжбэй оча. Хүний бидэртийн окошколийн садаркандулий дэгчэ. Лукийлби д'оромохб, иучэ. Сигундэрлэ хуручд, гүнчэ:

— Тэд'ё, энэхий бимий, минэвэ кэйкал! Кухинэгээт!

Сигундэр гүнчэ:

— Кэ, си эмүкин, бу илан бөгтгэрил бихивун.

Сирбут-Сирбүнэй гүнчэ:

Илзийн'ун кухид'эцэв! Этэрэс минэвэ кэйра!

Сигундэр гүнчэ:

— Этэйни кэйра. Миний йэргин дэлжий кулийнцийв бихин. Тэрэгтэйни кэйра?

Сирбут-Сирбүнэй гүнчэ:

— Кэ, кухинэгээт! Ичэтчэн — авгүүжий кэйд'ап! Тэлгэ сад/ицэт.

Кухинэчэл наптака дуннэлэ. Кухичбл илан анданайва. Сирбут-Сирбүнэй упкатва кэйчэ. Кэйчалай, йэргин дэлжий кулин эмэчэ. Кулийн'ун н'удун анданайва кухйтэ, д'алкун дилвэн вача, эрэгэр нуцанмаж гарпад'ача. Тар д'алкүвэн дилвэн вад'эрэкин, эмэчэ омолгийчэн, гүнчэ:

— Би синци хутэс бихим! Би гүннэд'эм дулгү дилвэн гарваал! Тэлгэ си эр кулийма вад'ицэс.

Тикэ гүнчэлэн, Сирбут-Сирбүнэй дилмавэн гарвахд, вача. Кулийнмаж кэйчэ. Тэгэксэл, хангуулчэ:

— Он би синэвэ хутэтээм? Би ахийа бачин бихим.

Омолгийчэн гүнчэ:

— Би улгучэнд'эм упкатвэн. Энийни минэвэ уцран, улгучэндэв. Си Сигундэрва вачас, кэйчас. Тар хүнийлбэн си ахйлажас. Тар миний энийни. Би йэргин анданайцийв. Энтэлби минэ улгу чэнэктин, би синэвэ бакам.

Сирбут-Сирбүнэй омолгийн муриандүви угувкайчэ. Нэнэхийнчэл Сигундэр бидэклэн, исчал. Таду аяат билчэл.

КАТЭНЦАЛ ЭВЭНКИЙЛТИН НИМЦАКАРТИН

1. Хэвэкэ, Лоцко, Энтэйэн

Хэвэкэ булэннилчэн, ганачайлчэн. Аксалдэран Н'урумн'алнуун. Мотэлдулий аксалдчал. Мотэл асилгалтийн, Н'урумн'а тэгэ. Аксалдэд'акилтийн Хэвэкэвэ Н'урумн'ал турчара. Нэрэтийн бинэл кэтэхийн. Д'уван хакура, дотгийдадувэр нэртэлэ. Хэвэкэ, тэгэ дотгийдалдрактийн, шийцилгэндулий угдушиэн, нэгнэйлд'ипи угдушиэн. Надан нэгнийлийн, нуцан д'анкытийн. Нэрэтийн таду ашакталла, Хэвэкэ д'алван. Умүкёнмэ гатактава ашакталла, Лоцково шийцвэ. Лоцко этэркайчэн Н'урумн'а анаран, шукшиллайи тэтчэрийвэ. Нуцан калтакайи тэтгэн, калтакайвэн анаран. Эдэлэн тэтгэ, нэрэтийн эмэрэ. Бэрэн шукишиллайи тэтчэй, амйнмурэн. Тадуук н'экэлдүлий Лоцково ашакталлан, н'экэнэ камийддэвэр.

Лоцко ашии шамал бичбн, Д'ека гарбон. Ноцково варэ Н'урумы'ал. Ашийлэн эмэрэ. Таду улгучбмэчилэ Н'урумы'ал, Шамбриттал, эмэмий, албан Д'екээвэ ичэрэ, тэгэтийд тэгэтийрээ. Ичэтчэрэ — Д'екэ мэлкбон. Тэгэтийд атаки тууткэд'эрэн. Н'урумы'ал ёва-дэ албара баками. Атаки бид'иний, д'улдуулавэр цэнүүштэлдтийн.

Н'урумы'ал цэнүүшияэ д'улдуулжир. Тадук Д'екэ и/эн эзэний бдаа, шуруректин. Атаки бидэлийн Н'урумы'ал инд'эржил бийльватин д'эбд'ечэн. Д'екэ хуйцд'ицми гүнэн:

— Тамиитига талу эмэвкэл!

Тарэ Д'екэ Н'урумы'ал бийльватин ишнэрэн талэдүү. Гүнэн хүтэй;

— Пуртайга эмэвкэл!

Тамиитига Н'урумы'ал бийльватин д'игрэни. Д'игрэкин, тамиитиг хадаллээн. Тэлж Д'екэ хуйцтийн гүнэн: «Хулзэм».

Д'эвран шэушэлд'ийн, долбо ад'энэ. Тэлж Н'урумы'ал д'игнэлийн кэтэ буддэ. Буд'инилээ эчэл шара.

Тар Лоцково ашакталлактийн, Хэвээж шигцилгэндүк лэнурбран, мийнбран Пачакийлэ; цэллэхэн, эдэвх вайвра. Хэвээж ашигви гүнэн: «Пачакийлэ мийнбран», — улгучбнэй Н'урумы'алтийн. Хэвээж гүнэн:

— Пачакийд алажийлдай, талын ашадатин.

Хэвээж Пачакийва иштан. Пачакий гатакта — ишниц тэд'эммэе — нарээ цэллэнэтийн. Хэвээж д'урвэ ашанын мэними алгаруулсан и'урияд'и, Пачакийд учиттаан. Хэвээж Пачакийд таматачан — ашиллалдгэйтгэтийн, хуйилвэр д'үргэчтгэтийн. Тар гэрбийн тамакан. Тарэ таманамий, дурушио бивкий, эвкий аксалддира. Этбрэ вэлддира.

Тары Пачакий Хэвээжээ учичиллан, д'урвэ анцанийл. Тарэ эвийүүтийн бишши: талд мицбийд'ара иёциламини, энэх хавалбушчай, тар мд — эвийнтийн гэрбийн бад'ака. Тар дуншэдүү иштээ бикир километрал. Тар иштээ шарагийн Пачакий Хэвээжийн элгэд'эрэ. Д'үткэвти орон хуктыд'эн. Шарагийн тинц'эрэ, цэлэлд'ивэр д'авашшаад'ара. Пачакий шарагийн ашигшинаан, халганцукийн д'аварын тарийнхуду динчилд'эрэвээ. Шарагийн Ишакий элгэрэн, д'авамий. Хэвээждүү бүрэн, гүнэнэ;

— Кэ, шарагийн д'авакал халганцукийн!

Хэвээж шарагийн тинэн, хуктыдэн. Мөнхиц ашигшинаан. Пачакийдүк горотморзо ашиаран оронмо. Тэлж халганцукийн д'аварын.

Пачакий нэгийнхийн Хэвээжийнээ учитчаран. Д'урвэ ашанын учиттаан. Д'урдүү анцаний Пачакий гүнэн:

— Эшийлэ этэгт учитчамай! Шанкаш! Эд'эндэл и'урду вайвра бдаа!

Хэвээж Пачакийтгийн гүнэн:

— Тимэтина шурудбийн, булганшэлдүүлэйн, Н'урумы'алдуулж и'екэд'эм.

Пачакий гүнэн:

— Гиркуувката Н'урумы'алва ишдэйн?

Хэвээж гүнэн:

— Он'оркол, тэгдэ авам, гүктэтийн, кэтэмэмэ — эдээцэл манавра умүкэндү анцанийд.

Хэвэкэ бэрэн Пачакийва шурубд'эмий, шалтыйан, эдэн булэхиллэ. Гүнэн:

— Он'оркол! Булэннилд'энни, эжэл булэнэ!

Хэвэкэ тимтэй шурурэн нэгнийлд'иви, ваньшинэн Н'уруми'алва. Шурурэ-эн. Дуннэхийлийн шарэн. Тадук шамааны бакаран. Этиркэчэн шамаан беднэй, толкэ умүкэн хутэн. Хутан тбаш шбний — гатакта. Таре этркэн хэрэкэ, эчэ Н'урумн'а биш. Хэвэкэ хэрэкэйэ эвий вэрэ, булшэллийн ванкий. Хэвэкэ этркэчны эхулиялан, индэйи, Н'урум'алдуу шучадай. Таду умүкэн Н'урумн'а бид'эрэн — бэйэ ибд'эн этркэн. Хэвэкэ тэрэн Н'урумн'ава булбими.

Атгркэчэн Н'урумн'ава түнэн:

— Ева тэгээтэйни? Ашиш балдчай.

Н'урумн'ачан тар ийрэн, тукшамипан д'алдулай. Хэвэкэ түмпэрэн этркэн хэнкэдүкүүн. Тар Н'урумн'ава илгэрэн, тукшашинан, эдэн нэрэтийн ишта. Ашанисан, эдэн тилинкэнэ. Этркэн тари хутэн Хэвэкэвэ хаништан. Шамаан илкэллэн хавайян Хэвэкэвэ. Хэвэкэ ашашинан Н'урумн'ава. Таре этркэн хутэн тукшад'апкий, шуптывчавий Хэвэкэвэ. Тадук бокончоой тукшамат. Талы хэрэлгэндү Н'урумн'ава бокено. Хэвэкэ гиркайви гүнэн:

— Ши эдү илкал! Би эмукин дагамакта, мэнци ўд'ам Ѹд'аний!

Тадук гиркайи эмэнэн. Нуцан тутэкэтий шурурэн. Илитчарива тутэкэтий чомбиттан. Хэвэкэ мучушнан этркэндүлэ, ваймий. Мучуд'аал мотгэвя ичэрэ. Хэвэкэ гиркайви иикэрэн:

— Мотгэвя ваньакэл!

Гиркий н'урумашинан, вэрэн. Тадук д'уллайвэр эмэрэ. Этркэндү шээнчэллэ. Шамаан тэрэ, шээнчэд'энэ, гүнэн:

— Умүннүйэ туркуд'ани.

Шерд'иви ичэтчээкий.

Хэвэкэ Н'урумн'алдула шурурэн, ваньштан. Шамаан гүнэн:

— Умүннууэ вад'энни. Нуцанийд'ити хэнкэлд'и улгуччим, — шамаан тар гүнэн: — Урйлээз тацкал. Тар гүктэтийн — урилэн кэтэ.

Шамаан шэйушэлд'иви нэнэд'эрэн, улгуччэнд'эрэн. Тадук шаман, урилэнэ нэнэд'энэ, гүнэн:

— Кэтэннүйэ урилэнмэ цэнэмнэ. Н'урумн'ади Кёрдаку умүкэн д'уйн бид'эн. Таду, — гунд'эрэн, — умүкэнэ нэжүнэйн вабд'аний, — шэешэлд'ийн улгуччэнд'эрэн. Шамаан шэешэлийн мудалтий, — гүнэн.

— Мэнни шуруд'екэл эсилэ!

Хэвэкэ шурурэн, Н'урумн'ава гэлэктэрэн, умүннува бакаран. Н'урумн'а шбний Энтэкэн гэрбин. Шоний Энтэкэн Хэвэкэвэ урэмжкэн. Хэвэкэ Энтэкэнмэ шарэн. Орорвби тэргэн. Нэгнийлвий гүнэн:

— Энтэкэн орорин, энэхийнэ гарнакалу, д'абдэвэр, шилдэгэвэр.

Нүцартын гилгэвэ гарнара, вэрэ. Гилгэ эдэриктэллэн, д'алви онйллан. Орор хүктэлэд д'уланыэр, Энтэкэн д'улан. Хэвэкб оронду намашинан, орор умурэндүти. Хүктэйнэн Энтэкэн д'улан, орор динилэнэ. Энтэкэн Хэвэкбээ ичэрэн орор умурэндүти, Хэвэкбээ тэгэрэш, гүнэн:

— Хэвэкб, ёд'ани? Илкал!

Хэвэкб гүнэн:

— Би-ти бишими!

Илла хотмачилла, гатактамачилла. Энтэкэн гүнэн:

— Ушигийнду урбт бинэ илкал!

Эвийичитин бишни н'урилд'и. Элэксэ н'урилвар д'үгэлдэрэ. Хэвэкб ушэндээрэн Энтэкэндүлб. Энтэкэн н'ури Хэвэкбэлд ушэндээрэн. Н'урилд'иэр д'үгэлчэрэ, мэнутмэтчэрэ, эдэвэр айаралдира. Хэвэкб цэтийндулэви мучушияан, гилгэвэ шилад'арилдул. Гүнэн:

— Энтэкэнмэ хиндаан, мэдэхкэнэн. Ашигдукин кэрчимэвэ д'эвүүнэн.

Энтэкэн мишоча д'алдулай. Хэвэкб Энтэкэн ашигвэн гүнэн, кэрчимэвэ кармандын агуудан. Тэдүк Хэвэкб Энтэкэнмэ ашашинан. Боконон д'алби иечариза. Энтэкэн д'авийа эрд'эрэн, бирава дэгдай. Хэвэкб дблчайчараан, атричайрэ дблчайчики. Атричайч баргийрит гунд'эрэ:

— Екүнд'и олонон? Хэвэкб эмэчб бинэн?

Энтэкэн д'алдулай дэгэрэн, гүнэн:

— Хэвэкбд' эмэпчэл бишип! БацараЍаллу! — тэдүк гүнэн. — Н'уци'акий улжэллэлийчийнтиратиц, ганаачилмий.

Хэвэкб шинкитчараан бэйэлээ, дэгнэрэн бирава нэгнийд'иши, бацараЍэн Энтэкэнма.

Удункакүн бдан. Д'улайрэ, н'уци'акий тусалчараан, этэйэмийвэ бэрти тусаван ацаан, капуран, тусалчараан. Этэйэмий эчб ичёмэтиэрэ. Д'үдү бишильвэ бэйэлвэ вачилдай, тусалчара. Ацаан. Энтэкэн илжчараан, н'уци'акий ашакивэн д'эбд'эрэн. Хэвэкб Энтэкэнмэ д'үнкүндулийн гарпанаан. Энтэкэн н'уци'акий ашакивэн кикишишчад'ана буддэн. Тэдүбэйлбэ манаара, д'үдү токторо. Хэвэкб Энтэкэн д'албан ункатлэн манааран.

Тэдүк н'ян шурурэн, гэлэктэллэн хэрэкэлэ. Тайлай цэнэд'яя, Хэвэкб мүэвэ умийлан, эзэнкйльвэ дблдираан. Ашал икбд'эрэ, эвийд'эрэ. Мүдү дблдираан, нэкүүми гүнэн:

— Дблчайчеллу!

Нэкүүни дблдираан, гүнэн:

— Тэд'ё, тоогоитин ичэвүллэ, — Хэвэкб нэкүүни гүнэн: — Гуниш бикшэн, гунд'энэш, эгдэжчэн.

Хэвэкб ашал икэнд'эрйилдүл н'урмэран, шинкитишияан. Шбницаца ичэтнэшияан долбо. Шбницаца ичэрэн кэмбелелэн. Хэвэкб нэгнийдүлэви эмэрэн, гүнэн:

— Шбницаца, илмактава ичэчэн, кэмбелелбкүн шбницацитин!

Хэвэкэ түксамалчаран д'улватын, ёд'ерилвэ. Умүкэн Н'урумн'а шийнээс түктэрэн. Шонадукии мөрчнэн, Хэвэкэ чайгдлайн көмбөлөндүлбэ. Хэвэкэ гүнэн:

— Едай иэрбран?

Шилэвэн мэдэрэн. Хэвэкэ ашшинаан долбо бэйэлбэ. Долбониива ашактаран. Хэвэкэ хэгэррэн, д'уктэ хэгэррэ. Тэжэнэ гидаманд'эрэ. Хэвэкэ амаргут хэгэрчэ. Н'урумн'адук шотмар бдан. Д'улёлти аруран, хэгэрхэйм. Гүнэн:

— Э-э! Бийаматтэй? Би шоб бишими!

Шалгэллээн, ушаллэн, Н'урумн'ава ўд'ашшинаан. Тэлүй бакаран бучёвэ — ханучай. Дэлгүй шамшиад'аран. Хэвэкэ утуумэрэн шийнээс таду варэй. Тэлүй нэкүүни Н'урумн'ава актакит н'урмараан. Н'урумн'а н'урмайд'ариве гарнаран актакиве царс, нэкүүимэн варэн. Хэвэкэ нэгнийлдулэви эмэшинэн. Эмэрэн. Хэвэкэвэ ичэмий, нэгнийлин гүнэ:

— Гиркийвэр дабдираан.

Хэвэкэ Н'урумн'ава түксамалчаран. Н'урумн'а Хөнжээвэ гүнэн:

— Хуйэви хуйлэчбэ, Ой-дэй и'экэд'экэл!

Хэвэкэ токторон Н'урумн'ава. Таду Хэвэкэ гүнэн:

— Түрийн'эр бид'эгин!

Улгучёмэтэ, мучушидайи, этэдийи Н'урумн'алва ватчэмы. Нэжүүни «Бучёвэ, — гүнэн, — угэдэти урэлдүүлбэ, эдэтийи Н'урумн'ал балавачилла».

Тадуук Хэвэкэ д'удүүи горово инэн. Сагданан. Сагдачлайн, Н'урумн'ал Хэвэкэвэ турчара. Хэвэкэ харгилдүй бакара. Мотив азгалд'аран. Н'урумн'ал ашара, ханинктаалла:

— Ашుла бичбэн?

— Город бичбэн.

Ашшинаа ўд'алий. Мотив вачай Хэвэкэ, таду боконо. Мотив хигд'эрэн. Хэвэкэ амаргийд'ин түксамалчара. Н'уриве камнира. Хэвэкэ албараан н'уриви гад'амий, тулацүшиэн. Ашакталла. Ашактад'аракий, Хэвэкэ шукшиллан д'ивраан мобла матавулгали. Хэвэкэ буурен. Таду Н'урумн'ал иуцанмай гарнатчара. Хэвэкэ гүнэн:

— Э-э, шагдачлэвэ эмэрэш, чолкочблб. Ёва и'экэд'эш? Эдэшийн ачии.

Хэвэкэвэ вэрэ, гүнэ:

— Каланду уллэвэн улдэгэллүү!

Уллэн яйну. Умманмай гэлээктэлэ. Умдний тилээмэчийллэн. Эчэ шилэ бра — яйну мү.

— Етий дуннэвэ эркэнд'эчбэн, яйну бинэ?

Улгучёмни илард таптаран, гүнд'энэ: «Манавраан. Манад'ам».

2. Энтэкэн Куркэгир, Пачакий Момо

Энтэкэн Куркэгир сбниц бичбэн. Пачакий Момо бичбэн. Энтэкэн Пачакийн манара Кобдуяйлва. Пачакий бэйэлийн д'эмүлд'эчэл.

Үлмэ ёчин бичө. Нуцартың Көрдүйәцилва орориотиң вайд'әңкитиң, д'әвүәд'әңкитиң. Тәдүк хәракәмәвә голбиктәлә, Хәрбәльвә. Нуцартың эңәкәрвә вайчатиң.

* * *

Момолду Улбамчә сәниңг бичән. Нуцаш Көрдүйәлиниң тури-да гарначимәчилләк, орориотиң д'әбдәвөр. Күсімбәчириң бәйелвә вайд'әңкитиң, орориотиң тәнүд'әңкитиң, асамынтиң мәрдүвәр гад'аңкитиң.

3. Орор

Пачакай биңестин, Пачакайдуң чағыйдәлүүн орор әдү бичир бичэткиң. Күсімбәчириң бәңсеситиң, орориоң эчтән сәрэ, лүчалва эчтән сәрэ. Пачакай бинәдукуң орочыл бичатиң. Мүчал эмэрәктиң, оророво салчал. Эләкәс Вәскәбәдү бид'әріл орочыл бичал биркә. Нонон Катәннәдү ғаналчыл бид'әчэткиң. Ҳадүн орордулың кусімбәтчәңкитиң. Ороро ёчир бәйел орориоң вайкыл бичэткиң.

Момол ҳалтиң Қимәл бичэткиң. Нуцартың горолб Енисейвә дәғисчэткиң.

4. Хәвәкә

Хәвәкә бичән ғаналчылду сәниңкитиң. Эсилә суурәен нуцан бәйүсиллән д'алви. Саманий бисин. Саманий гулләрән. Саманий гүнән:
— Д'үрвә түркүлд'аңас умуңдулә д'үлә.

Тар чайындү умүкәндү бәйәдү ғүнән:

— Тар сұтабд'аңап, си отбыны вәрэ нуцанмән. Нуцанмән асад'аңас д'яннула. Д'әймә д'үл иссаңас, бирава барғымнаң ичтәтчән. Үдүнкән түксүкән әмәд'ән, хуйукүкән. Тәдүк нуцарватиң эсилә түксамалчад'аңас, тәдүк манаң'аңас. Илайи гиркайи вайвүнни.

Хәвәкә увкатпа манарап, д'үрвә хүркәкәр д'эліврон, түксанмуран. Силемәйниәветиң асасиyllан удуңду. Тарыйалай боконон нуцарватиң. Д'есунә эсила Хәвәкәнә д'үкәтә. Нуцардулатиң миңчанд'әрйина бираякәнма халашыт п'урит гарнарап. Суректәвән ишпәттән. Пәлиәргәмә, бартындаңдын бурурән. Хәвәкә тәрәрән тәдү. Тар хүркәкән нуцанмән тәтәтчәрйәвә гарнатчиллан. Гарнатчакай, хата тәтәтчәнә, нуцаш адагад'ад'ай. Хүркәкән п'уриви манарап, д'үрвә йәғир. Тәдүк хүркәкәнмә гүнән:

— Әмәкәл миндулә!

Н'уриви алайвүчиллән йәцинмә. Хүркәкәнмә уләккирән, д'авадайи. Хүркәкән тар ббрән. Хүркәкән нуцанмән эсилә дараж гарнатчиллан. Гарнарап нуцанмән, иәрән тәдү.

5. Хэвэкэ Момбэр, Тэпэкэ Момо

Момбэр бичэн Хэвэкэ, тадук сбниц бичэн Тэпэкэ Момо. Хуйукүкэн Хэвэкэ эмэрэн бэйэлдүлэх, бэйэлвэ турчэрэн. Турчээ кэйим, ганачилла сухийнусал. Хэвэкэ эзэнкильэ манаан. Дашкуима бэйэлвэ манакайим, умүкэнмэ хуркэхэнмэ бакараан. Дүр хуркэхэр тулцусинэ. Гэва гарпарат, хуйутмэрвэ. Вэрэн тадуу. Вакайим, гэва акиндимарва асасынан. Асактакайим гана-мачиллан, албараан вад'эмий. Тадук гүнэн:

— Тонторокийкал!

— Си тонторокийкал!

Тонторокийнан, Хэвэкэ гүнэн:

— Гарпакал!

Хэвэкэ тонторокийнан, хуркэхэн тар гарпарат. Гарпакайим, гүнэн:

— Кэ, ичэнни!

Хэвэкэ гүнэн:

— Дэллэдү.

Илтиг анцай бэйүчирэ Хэвэкэвэ.

Хэвэкэ хагдалчай. Хэвэкэ энийний бисин, асийн бид'эрэн Хэвэкэ энийний анцүйтталлан:

— Екума бисинни?

— Хэвэкэ,—гүнэн,—бүчэх горолб асиватэгэлдү. Тар хутэн бисим.

Хуркэхэн улэхиттэн:

— Хэвэкэ бисим, хутэн бисим.

— Ёкүн этрэн сагдачакакүн бинэн, — тар атиркэн гүнэн: —

Ева н'эхэнни?

— Сагдачакакүн илэх хуручэн? — атиркэнмэ тар хандүктаран.

Атиркэн гүнэн:

— Эдү ўд'анкэрийн бичтэн.

Тарийна ичэнэсчэн, ўд'алайн сурураан тар хуркэхэн. Багдакал ўд'алватиin дачай. Хэвэкэ бэйумтчэрэн багдакэлва. Хуркэхэн тар эмэрэн, хигд'эрэн Хэвэкэ. Багдакэл хакирватиin гад'аран. Хуркэхэн хандүктаран:

— Хи бисинни?

— Би бисим.

Хуркэхэн тутэхжийн д'аваран. Тутэхжийн гакайим, албараан хогд'амий Хэвэкэвэ. Тэлэй хуркэхэн тар тутэхжийн д'аваран, сүксилалби тэтэллэн. Хэвэкэ амарит гиркуллэн, амаский тулцуусиндай. Амаркайн тукаландук амаритви гиркуд'аран, сүксиллан тукаландүү. Хэвэкэ бикайн дулкукэлдүү. Хуркэхэн тар тутэхжтии никимнаван хөргран. Дилвэн цэлхийнан н'урикталдукин энйидулдэн. Энйимэн гүнэн:

— Каланма мүлтүүкэл!

Энчбийн каланма мүлтүүран, хутэйи дилвэн улсрэн. Тар гүнэн:

— Эк, — гүнэн, — д'орооц биче бинёя. Ёсаллайчал буликт-мэтира.

6. Лоцко

Амакайи Пачакийва гатактава улгучбид'эм. Хэвээндэсэи вира-мэдү вэлдчэтин.

Таду бичэн Лоцко гатакта. Тэлүү ганалчил бид'ечэтин. Тэлүү нууцартин аксалдгчайл. Аянчлэцийн ийд'эрэ, тарит булжилла. Тар гатактава вад'эвийл, хэрэхэл ийрэ д'алжай.

Лоцко энэнийнтийн вачийн, тарит ажшалциря.

Лоцко бэйэвэ учинэн, улгучбимтэй, аяйлддэн тохёлдүү. Нонж эчэтин булэнд'эрэ. Лоцко аяйлдд'эрлийн буратиин вэрэ. Лоцко алэтчараан, аяйлдд'эцээ эмэдэн. Аянчийн алэтэн, аянчийн хэрүүн, гүнэ «вэрэн». Илгэрэн, вачал.

Лоцко түкуллан. Нуударнатин вадайи д'алддатчараан. Бакалдира вад'эвийнүүн. Урилдирэ, матал энэл шалдгчара, урийнедүүвэр. Лоцко ашиг бичэн таду. Илгэд'энэ оорви, тэгрен тэдэл оорвотин; вад'эчэтин — шэрэн. Оорви аракүйн инэгэд'эрэн. Эдийн Лоцко даримдд'эрэн урийнэй. Хэрэкэл хэлбүд'эрэ. Лоцко ашиг адийн шэрэн, мэвэцмэн. Гунд'эрэн:

— Эдийн эмэйэтни вачилд'эн.

Лоцко ашиг илгэд'эрэн, гулувундуул бад'эрэн эмэд'эмий. Сэвэдэлвлэ умижкэнд'элжий. Мэдэртчээни, эдэтийн тэгтивра. Лоцко ашиг нуталтгын дэрэви д'айчад'апжил, кумулдэчд'элжий, эдэтийн тэгэрэ. Думытчараан, эдэтийн бацкаара — цэлүүчилла. Эдийн эмэдэлэн сэвэдэлдүүн бид'элжий. Эдийн эмэйэтни тукшамалчараан, вэлдайи. Түкүндд'арилва булшал оорвотин тэгрен. Лоцко тукшамалчүүшинаан чөркатчана:

— Нуцамэн ийдү нэчэштүү? Шунэ вайчам, харанымэ оройочилва!

Вайтэн. Умүкэн булжин шёрцад'эрэн. Шамэй гатактадитин шёрцад'эрэн. Лоцко шёранцилва угацарытки тукшамалчүүшинаан, гүнэн:

— Окир вэлдэвийнэриалд'аний? («Вот шердитай!» — replica).

— Бэйэвэ тэрийн амьтадаллан, нуурилвэн камникажиллан. Тадук вэрэн, ункатпа манаран. Тар манавран.

7. Иблэ

Ганалчилдүү ийн Иблэ бичээ, асийлэрэн, тарит Иблэ бран. Хуйдд'эрэн Иблэтийн. Тар хуйдд'эри бэйэ ашиг амьтади, энийн биштин. Тэрээ бэйэвэ эмугддэдүүвэр шалд'эрэ, эчэл айабд'эрэ. Атиркайн шалд'эрэн, эдийн шалд'эрэн. Тари этиркайн хутэн биштин, гатактакаакүн. Эдэйи вайвра, хутэйи илкчэд'эрэн гатактайи, гүнд'эрэн: «Хутэв щбиний бд'ан». Түгээ илкчэд'эрэн. Тар Иблэвэр гатактаван эчэл сэра. Бэйэ таре мэдэгчэрэн. Тари бэйэвэ алтавутчавжил, д'удувар хиликүмбэчэнэл. Бэйэвэ эрунчут улгид'эвийл; бэйэдүү илкэнддүүвэр тэбд'эрэ д'эптилбийэ, уллэвэ лбглайа. Тарилд'и бэйэ ажсад'апжийн тарил алтавутчарытш. Аянчийн хуйдктэмүрэн Иблэ тари, тадук гэдүү аянчийдүү ажшараан. Нэлинийдүү, шицилгэн маналлакин, ажшараан, нуударнатин вадайи д'алддатчиллан.

Тавэр этиркэн хэлбушинэн. Тар байэ дариймшинаи — мудуряатчэрэн, улдэгкидэн. Этиркэн тари хутээн хэлбушинэн. Хэлбүд'энэл, мөтіва вачал. Бэйэ тари дариймсча. Эмэрэн, мөтіва шилдэгчаракти гулувүндүвэр, урийнедүвэр. Бэйэ тари шагдэннэгийд'ин эмэрэн. Нуцартын Ибд'эвэр эвкий ичэсмэгтияа. Д'эбд'эндти, д'эбд'эрэ шилашалвар. Н'урильвар локон. Локод'онбодук амаргид'итин гарпараан. Этиркэн хутэвэн вэрэн, этиркэнэмэ вэрэн. Бэйэ тари арчамкашилаан ашалви, нулгийн. Тари бэйэ арчараан, нулгилдул эмд'энэ, икэллэн.

Атиркачан, ддолдикса, икёвунимэн тэлмий, түднэрэн. Ашигви арчараан агибд'арив. Түкүндүйн сэдүн ашигви хөдниаран. Атиркачанмэ хэд'урвэн мурукжрэн, аминалын чипчирэн, гүнд'эрэн:

— Эрулд'иви хэцкётчэнкис!

Манавран.

8. Начакий

Тар Хэвээкээ эвгийдбүн, ганалчил эвгийдбүтн бичэн. Тарил времялдү эзэнкийл бурдуква эчлэ шэрэ, — инд'ечтэн ухлээд'и, оллолд'и, хорокилд'и, мүдигилд'и. Лучива-дэ эчтэн шэрэ. Он бини тарбавэ ичнэгтийн («Монгол биржэ» — реплика). Д'ур бэйэл лүчава бакара. Мотийа гэлэктэд'ечтэн. Лучал эчблэ гэлэктэд'эрэ, толко мотийа. Ацарадү, Кешмадү бакачатын. Толкэ д'урвэ бэйэл бакара. Гё бэйэ чукатай, гё — монготира. Эзэнкийл лүчадива бкира-дэ эчблэ шэрэ. («Хорокийл-да, хорокийл» — реплика). Хоктово — санка цэнэмниэвэ д'ивэд'эрэ. Гё иллан, гүнэн:

— Екуя хоктон бдан? Омакта, лучал мобийнналтн. Давай сунтгайд'ап!

Гиркин гүнэн:

— Бэйэл ичэнэвээт! Авадил бинэрэ?

Шуурэрэ. Амакийн цэвэрэ. Йалан бдан. Самий Кешма. Ичэчилэ гулэлэвэ. «Екур тэрэ?», — «Эчбэ шэрэ». Лутава арчара. Палаткава ичэнэд'эрэн. Чукэтийкүн, иргэчий сахаанд'апий, эдэн вэлэлэ. Эйтгчэний дороводайни. Лучал түрүй-дэх элзэкс эзэнкийвэ ичэрэн. Илитчарахти, лучал эмэд'эпкийл. Доровод'оро, бад'эрэ. Нэлэгчэрэ, эдэвэр вэвэрэ. Лучал мэндит хэцкётчэнкил. Эзэнкийл эвкий тилэл. Тар монои гүнд'эвкий: «Шина купичад'эм».

Гиркин нупчад'авий, эдэн вэлэлэ. Горово тэрээтэ. Лучал нуцарватын ушара. Деревицалэ шуурувэрэ. Он-дэй албара тилэл. Ихэрэ күпеттулэ обедадү. Настолдү тэвчэл авадтийнэмэ д'эптилэвэ. «Туйгус шадиш!», — гүнэн. Эвкийл тилд'эрэ. «Давай чай пит». Эзэнкийл д'алдүвэр гүнд'эрэ: «Вадавэр и'экэд'эрэ?». Мэргти намуд'эрэ лучалцаа. «Шадиш, чай пит нада!». Он-дэ эвкийл тилэл. Ноопоро лучал. Тарий чукэтгитмэр, ичэчилэн. Нуцардугийн чашкал биш. Колобово аадивраан чукэтгитмэрдү. Шемлэли, шэллан, алалывран. Эвэдит гүнэн: «Айакакүр!». Тадук сушкальва гадан, д'эвран. «Айакакүр!». Шахарва д'эвран. «Этэкэл

вамуд'эмб айалва бэйэлэв», — гунд'эрэй. Бэрилбэр ибдэрэ, Д'эвуллэ. Гиркий д'арийлан — д'энуллэн, «Аланчу! — гунэн, — айалва д'антлэлэв бакаран». Обедан илтэнэн. Хукитэн д'алупта, Күпет гүнэн: «Ломийш отыхай!».

Увалайшинаан. Елиш гёвра улирэ. Д'улайшэр пончутэтэн, д'энтмэлэтэн ирамэйирэ. Нирул алтасиилла эвэнкийш, улухийз вадатш.

Началишияа лучал думачийла: «Мээтэ бинэрэ эвэнкий». Улухийш энчийэтэ шуцартыгтын, колобово д'урдлблэр. Тэлж гё тиллэн, гүнэн: «Улухийлэ вакатчэр». Эвэнкий думаттан, иргэдүви тиллэн. Колобово бүрэ, аран инисинэ, майничийла, эмдэтийн тиманинэ. Тарил эвэншияа д'улдулайшэр цэнүсинэ, колоболво эмэрэ. Д'алтий дивэд'илэ. Чукаатгэр д'алви алаа гүллан. Д'эбд'эрэ, «Алакакүн» гунд'эрэ. Эвэншияа гүнэн:

— Улухийш, чинкарва вакатчэрэ. Тарилдү д'энтилэлэв д'урдлд'эрэ. Тиманина вайт кэтэжкүнэмэ.

Банзаж, цэнэвэрэ. Д'ургэлд'ирэ. Тарилтдук лучал гэрбильчтий «нирушка», тарийлаа — «лучал» гэрбийре.

Тиманиш, кэтэ бинэл эмэрэ. Гёткитэн күпеттулэц цэнэрэн, улухийш, чинкарва эмэвкэ. Тарил д'энтилэлэтийн бүрэ, иектрэвүрэтий, порокишиа, пистёрва бүрэ. Мэргтий учичийла, иектрүйтэн.

Тэлдук лучал реийанияа бра. Амакал гэрбильвэтийн улгучэллэ. Куркэгирэтий, Момолво дукүра. Тэгэмэрэ улгучэллэ.

Пачакий лучадива салчай бичэн. Пачакийдук эвгийлэ шарва шаллэ. Пачакий чукэти бинэ Күнцэгирнуун ганаачийлд'аран. Мёванин эгдэ. Тэлж Момол кэтэ бичётий. Пачакий вэлдиллан н'урилд'иви Кудаэгирнуун. Лучалшиа Пачакий гүнэн:

— Күнчэтийр инополчтий. Тарил шуцартшиши бийвэтий.

Начальник судчиллан. Пачакий гүнэн:

— Минэ турчтий, вэлдидэвэр.

Күнчэгир охторо: эксэл вамуд'ара. Ункияд'ирэ начальникаш. Күнчэгир гүнчтий:

— Эчбүни вайнайд'эрэ. Пачакий мёнийн вайчилийн.

Пачакий шинбийт бдан: кэтэвэе вайрои. Күнчэгирээ эгдилетий манааран. Күнчэгирээ шатчана, аягад'анкай лучалдулэ. Күнчэгир Пачакийдук цэлэллэ. Лучалдулэ мийнбра. Пачакий бираалэ Чадэрчэ ашараан. Этирхэр душаша бүрэ. Лучалдулэ тукшаша ункат. Этэрэ вэлдид'амий, цэлэллэ.

Тадук Пачакийша лучал анцанишиа эчэл гошийре, мёнийн эмэдэн. Гёдү ансанвидү казакий шуанман тасчура ишиандулаа. Казакий шуанман губернала эмэрэ. Тэлж шар-тэгэмбр бичэн. Сектакард'и идаканкий бичётий. Начальник судираан Пачакийша, шалэлд'и бшидётий, цэлэлдэн. Пачакийша тэрээрэ полдү сэгдэнээвэх ошира шалэлд'и. Идакара, шуанман илинкай. Больнисаду иэрэ, лекарсалд'и шутэрэ. Недсляду авгаряарэн. Облесательство бүрэн, эдэвши умүкёмтэй вайрэ. Эвэски шуанман кинясит бра. Лучадива сэрэн, иргэчий бичэн. Кинязичиллэн век эвэски.

9. Пачакй Момо

Элэкэс ганалчил бичэтин. Мунци бичётин Куркагир-дэ Момо. Хүнтүл ё chir бичэтин. Эвэский бда: Кочонбл, Хэрбэл, Лопокбл. Ганалчил бда.

Умү-нун Пачакий Куркагирду сбниц бичээ.

Ганалчил кусиллэ Чёмдэлнуун. Эдү кэтэхкүйн илэл бичэтин. Куркагир, Момол сбмат аксара. Аксапкэнэ, элэкэс айал бичэтин.

Чёмдэлвэ вэрэ кэтэхкүйнэ. Чёмдэлдү пэктрёвүр бичэтин. Момолдү элэ лукил бичэтин. Тарилва луучал бакачал, ганачиллактийн. Момодтва кин'асва бакачал. Умүнэм Куркагирдива кин'асва Чёмдэл вэрэ, Пачакий нэжүүмэн. Пачакий тикуллан, Чёмдэлвэ сомат вэрэн.

Чёмдэл луучалдул а эмэрэ, Ацарапа. Уцкилдэрэ луучалду. Момол, Киркагир дабдара. Момол луучадтва эчэл тилд'эрэ, Чёмдэл — тилд'эрэ. Уцкилдиректин, он'овуурва тэгэмэрдудэ уциа. Момблва күнүйт салэгйт идакалла. АцараЄдү луча хэгдүү бичэн. Нуцан тэгэмэрдү дукүран: «Эвэнкийлэ идакхаракип, ункат буд'энэтин». Тэгэмэр дукучай: Сёктаканд'и н'экэхэллүү. Сёктаканд'и идакалла, эдэтий мэрвэр ганатта, аксамий. Айакакүн бдан. Пачакийва кин'асту ибэрэ, хэгдүү бдан. Тарилтдук бэрилд'и улумчиллэ, пэктрёвүрвэ галла.

10. Пачакий Мамо

Пачакийдук д'ур н'амад'ил болла. Тэлд касна бдан.

АцараЄдү бурдук баллэн балдд'амий. Нэктэсэлтий анцанийтэйн буд'эрэ. Эвэнкийлэ сбт касд'эрэ, д'эмүкир бда. Орортин адикэр бда: цидү тунца, цидү н'уудын. Эвэнкийл тукалава д'эвүүчэтин. Нуцартин тукалд тулувүнд олгыра, «олгоции айамамат», — Бурдуква тукаланун уркулла. Касна эсилэ эмбий ачин бдан. Порок ачин бдан, севенес эмэнэн. Тэлд күпэсил бда. Унийчиллэ. Порокво кэтэхкүйн эвэнкийлдү бурэ. Эвэнкийл бурдуква галла, айатмарит д'эвүлэ, элэкэс оросво, пурупчасэ ачин бичэн. Күпэсил айатмарит иргичилла. Орортин бараЄлла, этэчэтин орорво д'эбд'эмий. Орортин хэгдүүдилэ эсилэ. Бэйуйн кэтэхкүйн бдан — мбтил.

Эсилэ умүкэн н'амад'и бдах анцанийл. Минци амийм балдирэн эсилэ. Амийм д'адац бичэн. Екүн-дэ ачин бичэн, — оронийн ачин. Асилбд'ана, энцэхийн д'урэгдэвэ гачэн. Тадук д'эн орон бичэтин. Эвэский айатмарит байусиллэн.

Ункат эвэнкийл АцараЄдү бурдуква гад'ацкитин. Минци амийм эдук АцараЄдя нэнэцкин. Ицинхкүйнду д'эптилбээвар гэнинсина. Күпэсил умнэт кэтэхкүйнэ бурдуква бурэ. Эдук д'урвэ бэгэлла АцараЄдя нэнэцкитин. Күпэсил гүнэ: «Нэлкэнэвэ улумийд'эхэллүү, мбтилла, багдакалла бэйусчэхэллүү». Гё ичин бдан, тутгэни,

таду гүйц: «Тицарийтвар нэлкирвэ, сирүнчесарвар эмэврэс?». Н'ян бүрэ, тута-дэ өдөтийн эзэнкүл исаёд'эрэ.

Тэлэй балдим, эвэникй бдам. Часкай авади биркэ, сами. Би эсилэ бэйэ бдам. Амийн эсилэ сэйт алцауллаш: «Хавалд'акад ёва-дэ эрүүчү энэ гунц. Айамамат хэцүүтчээц, айамамат бидэ-кэл. Амакаа тэд'эд'эини айатмар бд'ан». Ву кэтэжбүй бэйэ бисив: аким, аким, аким, би, искүм; д'ур умнёт балдира, искүм; д'ур асаткай нэгүүтэл, умүкэн искүм-асаткай.

11. Момол, Чёмдайл

Пачакий элэхэс тиркуран, илан бинэ, Чёмдалдулб, сэлэвэ уцнэн, асиви дайндайвэр. Гарнад'ана, гүйцэн:

Сэлэ-э!

Чёмдайл ичэрэ сэлэвэн. Умүкэн бэйэ гунд'эн:

— Химилгэн! Химилгэн!

Гэ гүллэн:

— Пачакий уяд'эрэн. Едэй гунд'эини «Химилгэн! Химилгэн!» — Сэлэ! Сэлэ!

Чёмдайл и'яи гүнэ:

— Химилгэн! Химилгэн!

Пачакий албаран мацаара. Хэрбэ мацаараллан:

— Аслийа гэлбрэн Пачакий.

Чёмдайл гүнэн:

— Он ахийа бүлд'эм? Сансэлтвэр далуматта!

Хэрбэ бацэрбран.

— Эрчэмэйул бинэл, и'экэд'эс? Лучасинчал бинэл, тэгблэвэ эвийд'эс!

Хэрбэ гүнэн:

— Тара хисэлдүүлээ эмэхилүү!

Чёмдайл туктэрэн хисэлдүлб. Пачакий хоргийнт бдан. Пачакий гүйцэн:

— Амардү бикэллүү!

Амийн д'улблэ цэнэрэц. Чёмдайл Пачакий амьтнамп гарнаран, Багдарикайма. Пачакий Чёмдайл и'ирүүлати түктусикай, тогонд'оно дагамаллан. Чёмдайл туссанай, эмэллэхийн Пачакий, цэлэлээ. Бэйзэлийн асакталла, город'онол. Пачакий асад'арап п'ян хэрэгэлэвэ. Умүкэн Пачакий бэйэйн албача, гарнаувуксай, хуйэцэнэ бинэ. Пачакий гүйцэн:

— Ет садуйэллэн? гарпакта!

Н'урвэ эсэктэд'эрэн тустуви.

Пачакий бакараи Багдарикайма, гүйцэн:

— Эдүй бид'ээхэй! Гирамналви сокориний! Эдүй алдчилсан!

Тадук туссансан. Пачакий Чёмдайлна тикиллан. Пачакий этиркэчэнэ угдусчарийва бакараи Аицулаякту. Чикилчай бичэн, Гарнассаран нуданмай, этиркэчэнэ. Чёмдайл алтасчилсан, өдий гарниара. Гүйцэн:

— Ники, мэнни тажаний!

Пачакий гүнэн нуцанамян:

— Гирамнаалва иёд'яал!

Тадук Пачакий сурурэн. Бэйэйлийн гоход'оро сэллилдэмэр. Пачакий н'урви манааран, туркэвүтчэрэн — илаача сулара. Н'урин бичэн киректэмэ. Гарнааран Чёмдайл хэнэндүй, сэлливүндүй сандар бдан. Чёмдайл гүнэн:

— Сэллийн! Туййэр бивээт! Этэхэллу гарпатчами!

Тарит гүйтэн Пачакий:

— Идүү бид'ячётийн эрий д'алин? Эмчэт кусайд'эрэ, аслий бүчэл бисикис! Айат бид'ярёт! Бүдакис эсилэ, айатмар бд'ацан!

Этрикбийн, Чёмдайл бэйээций, тэлэй Пачакийла эмэрэн. Этрикбийн тэлэй эмэрэжин, тутэхэтий училэллэй сэллилдэмэр. Тутэхэй балчээрбран. Пачакий сэллилэн этрикбийн эмэрэн. Пачакий тикулан, нуцанамян [Чёмдайлвэ] хбийн'синаан.

Пачакий д'улайи нэнэснэн, Чёмдайлвэ манамай, тэгэлэ, эмэгүүснэдэвэр нипчишки. Чёмдайл туссан лүччалдула. Лүччалду уцкилдэрэ. Чёмдайл, гүнд'энэ:

— Мунэ Пачакий манааран.

Луччал гүнэ:

— Нуцарватын гэннэхэллу!

Тэпэкбээ, Пачакийва гэннэбра. Уцкилдимчиллэ луччалду. Чёмдайл лүччадива хэцкэвэ сэра. Момол эчэл сэра. Уцкилдимчиллэ, дабдара Момол Чёмдайлду. Пачакийва эчэтий тэнтимётирэ. Комиссар гүнэн:

— Нуцанамян кин'асит он'околлу!

12. Чёмдайл, Хэрбэл

Пэктрэвүр Чёмдайлдүй д'ури. Эрүү балдчайн нуцардүтийн Чёмдайл Хэрбэлнүн. Элэкс самасэчил бичётий. Хэрбэлдүй илан са- масэл, Чёмдайлдүй умүн самайн-асий. Хэрбэлдүй бэйз буддэн. Самайн гүнд'эрэн:

— Тар, бинхажэ, энээрэн тийнэ.

Нуцартын д'окелдэрэ — асаткайнэ бүрэ тэлжвар. Анцаний кал- та-кан асаткайн мэнцидүүйн бид'эрэн, энэ бүврэ. Тадук тар асат- кан бобгиан, урга бдан. Тэлэй эмэрэ нуцардулатын, асаткайнэ эйбчилчэл. Сад'эрэ, урга очвэр, ибд'анийла. Эрйлти гүнд'эрэ:

— Ургэвэ энээрэв бүрэ.

Тарил н'айн эмэрэ, эйбчиллэ, галддэвэр. Нуцартын баллэ бү- д'эмий, хуутувэ бүчиллэ. Хэрбэл бад'эрэ д'окед'амий.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да! — гүннэл, кусиймуллэ. — Тэрэй этэс бүрэ, суиз манавд'арав ункатва!

Нуцартын тикулла. Гаданчах Чёмдайл сонинцакхүн. Накүнэн-дэ, ажийн бичэн сэллүлдэй. Тэрулдэра тар төрганийдүй кусайд'евэр. Чёмдайл элэ д'аинкуйн бэйэл, Хэрбэл — д'аинкуйн д'эр. Тар тирга- нийдүй эмэчэл. Бираайакайн баргиддүйн Хэрбэл бра, эвгийддүйн — Чёмдайл. Нэктрэвүртий д'ур Чёмдайлду, Хэрбэлдүй элэ бэрилтий. Баргид'ийн гулувүнавар илара, эвгийддүйн туши-дэ гулувүй

бисин. Тәгәтчарә, улгучәмәтчәрә. Хәрбәл умүкәнмә этіркәчәнмә унис, салдәвәр кусимүд'әривәтиң-му. Этіркән тар әмәрән, хан-жүктаран:

— Ёд'ас-кү, бүд'ес-кү?

— Хүңтуйә бүтчәрән! — Чемдәл гүнә.

Этіркән мучүсінд'аң, д'алдулайиң гүңән:

— Хүңтуйә бүтчәрә.

Асилламүд'арыва ханцүктара:

— Хүңтуйә ёд'апни-гү, асилламүд'апни-гү?

Нуңан гүнән:

— Этәм хултуйә асиләра. Сәксәвән түнд'әм! Вад'әм!

Нуңан тарәвә айавд'ачан. Хүңтувә бәрән.

Тарә бүчилләктин, җәмүлиевийл. Н'ан этіркән тар маңарән. Н'ан Чемдәл бәрә бүд'әмй. Нуңан таңиллаң, гүнд'әнэ:

— Умүн, д'ур, илан, діғин, тунца. Үңүкән бинәл, би түктәд'әс тәгәвә?

Чемдәл тикүлла, гүнә:

— Бүрәт тіңсөз, урга бимнәнмә бүгәт, әнәл кусирә!

Луккән бисин, хуйүкүкән Чемдәлдү. Тарәвә гарпалла уйидәкәкүнмә. Ойолитин кикәд'әнә ңапэрән. Пачакиң җәләлләи, гүнд'әнә:

— Екүн таргачин тілпәкәкүн, бинәкә, әд'әлим тәрәрә!

Җәләллән, тарәвә ичәмй. Пәктірүмәчилкәкүттә. Пачакиң иекүнмән пәктірәнә силукталдулын. Пачакиң гулувүндүви тәгәтчәвий. Ақиндуләви Пачакиң иекүнин әмәрән, силукталви кормедүви эксад'әнә. Пачакиң гүнән:

— Эрән! Эрән! Синә гүпчәв ургәт, ургәт!

Барби д'аварай, асилә вайлән Чемдәлла бәркәмәмәт. Чемдәүүкән бра. Нәләллә, туксамәчилла. Нуңан асакәкүттән. Күсләлләктин, сәнә Чемдәлдиң тәкәчәндули угдусинчән. Амаргут нуңанмән бакара угдусинчад'арыва. Түр-дә и'әкәмй, діцин бәйәл бимй, бакачал. Діцин бинәл шуданмән бәд'әрә вәд'әмиг — адағасчаран. Екүн-дә албачал вәд'әмй. Гаданчә туксад'арына бокайчаран. Нуңан и'урви сиректәвән тәңән, доколотчопо бәд'әрән түксәмй. Эсі-вәл д'уләсий ичәрән — діцин бинәл сбиицима бәйітчәмй албачал. Нуңан, доколок бинә, діцинэтин иярән антәлдулын. Цудартин, умүкән буурәкин, туксанана уникат. Сәнә ичәрән, Гаданчча доколбәтчорыйян. Эмәчәл хүңтул, асад'ара Гаданчайна. Н'урилтин буруд'әрә бинагачай. Нуңан тарилла турүнмулжы. Горойо Гаданчә д'уләсий туксанчаран. Н'урил сунмән уникатиң курукәрә, шуданмән әвкил вәрә. Нуңан сәллүлбичи бичә. Туксанан гороткай. Гаданчә д'икйилләв. Лоңко — Пачакиң иекүнин бичбән. Тарәвә пәктірәнә умүкәчәрдүлән. Гүнән:

— Етти гарпалд'ам?

Тәдүк омночбл, пәктірүрә, хойолий гарлара. Нуңан и'ур хосинмән капуттан, туксактад'аммін. Тәдүк әмәрән д'алдуләви. Этәрән кусид'әмй. Гуллән:

— Миндук н'урва тақаллу, чипкачийкәргачайма умийвд'ам.
Гасичилла, буддэн.

(Горолб кусйлдіңкітін. Еқұна-вал д'оголмі, бэйэ, изкүнин-ңу, ақинни-ңу эсикін бүрэ, кусйлдікәтчәңкітін. Худатунуи тәғәнүн кусйлдід'әнел, сөницилва вакайиміл, мәварватын д'әпд'әңкітіп).

13. Момол, Куркәгир, Н'уруми'ал

Үшкат әзәнкіл (Момол, Куркәгир) зәдү билд'әчәл, ганаалчыл гәрбілін бичәтін. Момочб, Пакачи амйнин, әмәчән Д'урунәлб, дәндәви. Момочб асияи гадан Куркәгирде, Момомніңе Куркәгирдү бүрэ. Асайд'и д'үрәтчәвікіл биңкітін. Чолко Момочб үд'алын н'анә әмәчб, дәндәви. Дәнән әдан.

Тәрә діңән Н'уруми'ал биңкітін. Н'уруми'ал Турұ чәскікән билд'әңкітін. Н'уруми'ал цәләвікәчиллә Чолково. Момочб тұксад'ачан Куркәгирдулб, амардукин — Чолко. Нонон Н'уруми'ал Куркәгирилнүн кусйлдіңкітін.

Айаралдівұнавар Н'уруми'алдук д'урвә асальвә гара. Пачаки асйләрән гәва, гәва Куркәгирдү бүрэ. Тариптідук этәд'әңкітін буләнд'әмі. Н'уруми'ал тәғәлд'и Куркәгирнүн умүнүптә, этәре цәләлла.

14. Кордо

Городү кусымалдү, вәлдісәлдү Кордо бичән. Илан бәйзәл бичән умүкән Хәркигир, те — Саремікта, илдітін — Кордо. Киран бичән. Н'урілвар дәктіләңкітін киранд'и. Хәркигирдү сбниң бичән Гилбевул. Гилбевулци бәйзәл әрүпчул бичәтін. Нуцартын Ирыктедү Кәтәнцәдү бичәтін. Кордодү әчәтін борива киран дәктәниңедукин киранма вакайиміл. Кирандү аксалдира. Тәлл әмәсінен Кордо. Хуталин зәдү әда.

15. Куркәгир, Н'ушкәгир

Куркәгир, Н'ушкәгир кусйлкәкүттә, самаңтәйкәкүр әмәрә. Дулиндулабәр биралә Войавдулә Куркәгир әмәрә. Куркәвиғит әзәнкійцид'итін куризвәнтәчәтін Н'ушкәгир. Куризвәнтін Н'ушкәгир иләсиківән самаңмэр сәктәвд'әнә тәнүрән. Самаңтін гүнән:

— Хатаглат синдү илчактад'ам, хата сиңкәкүндү сиғділәп-түнтәд'әм.

Тар кусинәрә. Әмәрә Куркәвир, Н'ушкәвир. Товоловор илара ичәзуултәт. Тар хәмкитмәчилкәкүттә н'уркәкүрд'изәр. Н'ушкәвир иләнмәтін Куркәвир хәмкірә омкочолын. Куризвәнтін Н'ушкавир гиркуллан черкәтчәнекәкүн самаңмэр. Н'ушкәвир давдара.

Әрә бичән иләлдү — н'урілтиң мблдү гөвсилад'аннара.

16. Сэргүйб Кордүйал

Сэргүйб ганалчил сөнницигэн. Лучалнаа салчайжавэр Сэргүчэ бичэн. Нуцан эсийлэв сагдачай. Сагдикайкүн. Д'алин адикайкүн. Д'алин тарил дилимийасинэ, бэйэгдикэйкүр. Суурга, д'анкун бинэл Кордүйал. Д'улвар сөнницимэн эмбий эсийлэ. Морд'инчэр иблүүтчэрэ — нуцартин бэйд'ол. Сэргачб асайлантиг этэйчилгэн. Бид'эңэрэ, бид'эңэрэ, эсийээл биржана цэгидэлии укичёл. Асай тар ичэрэ эсийлэ д'анкунма байж, унтажвар лукчара баргийкайкүнд'и. Асай тар эсийлэ сөнницуудын цэнэрэ. Сэргэйб гулувуудын хисйтчаран. Нудан хулгадукви ичтэтэн, гүнэн:

— Сумучакэр! Сумучакэр!

Тар гунэн-дэх хулайн нийн хичисийн гулувуутгийви.

Эмэрэ бэйэл, нуцанмай хүкблэгчэрэв гарначила. Хүкблэд'энэ адагад'ан, эвкил тэмжэрэ, век гарнатчара — урувэтчара. Н'урилвэр маналла. Манавуллактиг, котолвор д'авара, тутэхэвэр, бэрилбэр нэрэ. Котолд'ипар туксамалчара, сүкэлжэктэ нуцанмай. Түг-дэх эчэл вэра нуцанмай. Нуцан, Сэргэйб ганачилнаа маначаа бичж. Вэйхэймийл, асайлан сурувэрэ. Атirkаймэ эмбийэ, доводод'одон. Хуржэкайкүн таду бисин, гиркулайкаа. Түгдэх эмбийэ, гүнэ:

— Донотокол!

Эмэрэ дилимийд'арил. Атirkайдү таду иргисэйэн бэйуста: оллоло, чинкэрэ, гбсалва. Асасиниммэр н'энээрэ нуцарватин. Асара, боконо нуцарватин. Умүкэнтиг асий тэвэлд'эрэн д'иктэлэвэ. Тар эдийн ичэрэн ёдү, д'улзи н'үцниттэй эсийлэ д'олумжий чадитгидук, эдийн эмэрэ чадитилл.

Эсийлэ долболтоно нуцартин ёсилия. Ёсилид'арактиг, нуцарватин түксамалчакайкүттэ. Асий тари, улгучэнд'эвки, суми мугдэжэндү кумулчэд'эрэн. Эдийн тари гарначилаан эсийлэ чадитна, түксад'анкайва. Асий эдгэгийн бাযэрбэраа. Чадит нуртакайд'и асивыа учийссээрэн, булчё бинэ. Асий тарэвэ учийнэрэн. Машара ункатва тарил.

17. Гилбэвул

Городу Мачаку бичэн, этгээдээ Бийчээ бичэн. Айакайкүн этгээн бичэн. Тэлэй-дэх Гилбэвул бид'эчэн. Гилбэвул нэхүүнүү аксалддира. Эзийлэ, маутыг усилбийл. Усилбийл микчамжид'анал аксалддира.

Тэлэй Энгэхий биржэ. Нуцан Гилбэвулна гарначилаан н'уритви. Гилбэвул Хэркигир адағастан. Хэркигирина манаара, Хэркигин умүкэн бдан.

Нуцан Гилбэвул бинэ туксанин бидбүтки, н'үзүүмэ бэйэл тадаа.

Гёдү ансанайдү мучурал, туксасинан. Сөнницима бараган, орохмын гарпаран умжрэвэ. Гё синкэлчаран сөнницима симэгчарайва, Гилбэвулва, гэх ийнхэттен:

— Ний бисинни? Гилбэвул? Урятчай биджин, усиланду уйийм.

Гё гүнэн:

— Е-е, урётчёл биңкйилт!

«Экта гүнигид'арэ», — тар гүнэн-дә түксахинэн төгәлдүлөви. Тар бинә Гилбәвул ахахинац. Асйлән эмәкәйим, гүнэн:

— Илә суручан?

Асйн гүнэн:

— Эчим сәрә, пәс суручә биркә.

Удуң бичән. Д'үвән муруктәнбәрән, ўд'айан гәләктәрән. Силәгимнәвән ичәрәп, ўд'асинан. Ўд'асинан, эмәрән тәгәлләви.

Гё ўд'асинан, исчә. Тәгәлин и'үдн'акылва вачал. Н'үн'акылва вакайим, атиракчан гүнэн:

— Урипкаллу-кә-цән!

Гё гүнэн:

— Этән эмәрә! Горо-о! Асатжарвә гүкәллү, сипкитчәдәтн иуцамнән, эмәд'ерийә. Эдәтн д'әлийвә эмәд'ерийә.

Мәйми ороктоду д'айран, чикиллан. Чикилқайим д'евулжәтвәтн түксамалчаран. Бәритпи аарап уркәвән, тәдүк гүнэн:

— Ни бисинни, бәйә, си-и?

— Би-и! — гә сбниц гүнэн,

Н'үн'акыл ороконмән д'евулд'ерән, илитчана мудүлчә.

Тарит гарпараң, Гилбәвул иуцамнән хикәндүлән. Гилбәвул манарап д'апкунма бәйәл тар д'үдү.

Гильвә д'үлва манарап. Этиркәчән и'ан бәрилви әд'ачан, хәрәкәдү д'үдү. Манақайим д'ува ичәнәсинән н'апә. Этиркәчән гарпараң, Гилбәвул дабдарап этиркәндү. Гилбәвул, аксакайим, сбнәлән миқчәнән. Тари гүлләп:

— Эрчекәңүн бинә ёва и'экәд'әяни?

Гиркйвәтн гарпараң. Этиркәнмә тәктәрән тутәкәтпі. Хәрәкәдү тәлә бисин. Этиркәчән тәдү бид'ерән. Тар бинә әкәннәчән, иуцарватн чёркачишлап:

— Ёкунду ичелдиңнәрә злакәс, әвидәвәр соцод'онол!

Этиркәчәнмә түксамалчаран Гилбәвул. Этиркәчәнмә әкәннитчәривә вәрән Гилбәвул. Тәдүк местолдулә нәүүсисинән, манақайим. Тәлә тар бәйәвә уласина, этиркәчән вәнәвән, тәдүк гүллә:

— Гирамнадү итимкаллу ёкұна-вәл! Илакаллу тогоду!

18. Бакад'а Момо

Шамән бичән, шиветәйгәчин, аптайва урәмупчән, мәлкән-д'әпкүә, гәрбиян Бакад'а. Н'ан шамән тәдү бичән, хәгдикәкүн шамән — этиркән эчә уләк бимй, тоңнокүн, бумуд'ерийә айлап.

Д'үлтін бичәтн д'урпу. Тімәннә дәлдіра унәмәмә: ёкун-мал күнәкәндәчин ун'ад'апкүй, соңод'опкүй. Эвәнкүй упкат дәлдіра соцод'орйвән.

Күнәкән бинә соңод'орон, игинмәд'ерән. Кәтәлләвә соңод'орон. Шамән тар сәвәнчәллән күнәкән шонод'опкүй ва шәшәнд'ийи, гүнә:

— Эцб куцакай биш. Шаман, куцакай биш, шоцод'орон. Гемор од'аран. Нуцанмай гөлөктэгт! Ихимбэт, кэта бинэл! Науна эгэл шурувэрэ. Ирэхэн шурубд'эн тимайнэ, ултурувэх ходнадаавэр, ирэхтэй!

Ихимбэтинэ шоцод'орина. Шаман н'боришинаа. Эвэнкийл кэта бинэл, амардүн эмэд'енким. Эмэрэ, куцакай шоцод'оно улгуучад'аран ирэхтэдү. Шамаш, эмэмий, мурүлэмний мурүкбрэн, эвэнкийцилд'иви ункачийни. Ихимбийлэх тайды, куцакамаа дүгийддүүвер ишнэл. Этэрэ икэнд'эмий. Куцакамаа шаман гашшийлсан оюогоопдук. Ирагэлд'и ганичилсан. Шаман шэвэгчэд'энэ ирэхд'эрэн. Куакайнэ гадда, д'улбэр шурувэрэ, уувшилаа. Д'улбэр эмжэйэн бра, мбва хэгдүйкүйд'и, Надалладуу бэйэ бдаан (*«Вот интересна бичэн» — реплика*). Н'ян сэвэнчэнки бдаан. Сэвэнчэнлэкин, гэрбайэн бакара. Бакад'а гэрбин бдаан.

Бакад'ава иргачилла. Бэйэкёйн бдаан. Унтувүйнэн бра, гишийн, шамашийн бра. Нуцан шэвэгчэнки бдаан, бумуд'эрийэ. Тиматиэ абраад'аа, айшаттакин Бакад'а. Нуцан Момо бичэн. Бакад'а горово анцанил ишэн, эвэнкийльво айшатчана. Н'ууц д'ар анцанила йнэн. Бакад'а ашиллаачин эвэнкиймийва, хутэйэвээ эчб бра. (*«Хүмчий бишүүн, тикин шаманыяа бичэл» — реплика*).

Нуцан амакаанунми шамаанун ажшалдира. Түүний дулиидүн ажшалдира, шээшэлдүүй. Бакад'а аливи гүнэн:

— Амакаанун пийнкэтмачилээ шээшэлд'ийн ициндү. Шилээс улдэнэкэл, түгэкэндү уцкүкэл, умжинмо цэнэхэкэл д'удүүвэ!

Бакад'а алауллан алийи, гүнэн:

— Бираду, д'укэдү амакаанун пийнкэтмачилээ, гулувүрэ ачир! Бакад'а амакэткийн гүнэн:

— Д'укэдү сэнкэтмэткэт!

Д'укэээ зэрэ, тэду тэдэхтэдэвэр. Горолто тэдэхийлэх хэдээ ид'энэд'ин. Шамашнилвар тэтээ. Улгучбмттэ нацаллайа. Хэгдимийкүн ишикүн бдаан. Тэдү тэдэхтээю, Бакад'а д'үүшинийки, либгэмий. Амакайи д'арадай, д'увэшишики. Иргилдүүн кобцактал кобцалбушинийлээ. Тарил инд'эрийвэтий нириметкалтий — сирабчи вүнтин. Бакад'а туцаллава коцалбуд'ачай, д'увбд'ичби. Амакайв туцайдүүвээ этэрэн кобцалбуд'амит. Доцоторон. Бакад'а кобцалбураан д'урвэ тирганийл, амакайи шайдай. Тэрэ доцоторон. Бакад'а алийай эмэрэн эчб доцотомбтра. Аливи гүнэн:

— Али, дэгилээр д'уктэ мэлкэндэвэр! Эду бид'жини шукум. Дуннэ д'аикалан, атirkан, дэгиллэн, мбраалай! Энэ шилжээ төтлдүйн нэрэ, — алагуран.

Алийн алагунаан омцочб, агава бушидүүвэ омцочб. Бакад'а аливи шурувүтчэрэн. Алийни дуннэлэе бурйрэн, алии бран. Бакад'а век мэлкэн бчан.

19. Утишка

Утишка шёт этиркэн бичэн. Н'ян бакалдира тэргиуи. Нонж эчтэйн булёнд'эрэ, айал бичтэй. Тар тэдэ Утишка матаакин бичэн,

Йэкёдивэ хэцкэвэ шары. Таду Утишка нэкүнин бичёя, хуркёкэн. Хуркёкэн йэкёдивэ хэцкэвэ шэрэн. Хуркёкэн тари маталилдулайни нимэгүрэн. Тари тэдэх хуркёкэнэмэ гүнэн:

— Йэкёдивэ хэцкэвэ шанни?

— Эчэв шарэ.

Дамиэ шад'зиэ, хуркёкэн тар йэкёлдү бичёи. Тарэ тэдэй йэкёдит хэцкэт улгучёмтчэвий, Утишкава вадаавэр. Тарэ хуркёкэн д'улайи эмэрэн, нимэвд'экёйим, гүнэн Утишкаткий:

— Тэдэх митиэ вамуд'эрэн. Йэкёдит хэцкэт улгучёмтчэнэ, вамуд'эрэн. «Эллурва, вами, гадаавэр, — гунд'эрэ, — нимэкильвэ, бмактал, тарилва гадаавэр. Орорво гадаавэр, вами». Бэйзтийвэр гүнэ: «Утишкава вадаавэр хэвгүрэлтээр».

Утишка нэкүнин гатактакайни. Утишка хуркёкэнэмэ гүнэн:

— Пэктрэвурдүти чикшийнэ!

Тиргараан. Утишка нэкүнми хинкурээн, гүнэн:

— Харгилдү нуцанмэн пэктрэнинэ амаргийд'иш.

Тиматиэ унэ тэгэра. Утишка нэкүнин тэгёвэ улжиттан, гүнэ, мотива ашилгави.

— Ванагат, д'эбдэвэр!

Д'үри шурура мотийдулай вамуд'апкайнуун. Утишка нэкүнин я'брэшинаан шукшийнүн, тари вамуд'апкай амаргийд'ин. Утишка нэкүнин намашинаан шукшиллалду, түшшэлэнд'эпки, дунзэлб буруд'эн. Горово тулцура. Утишка нэкүнин шуптвууллан. Эцэшийн абулийлан. Күцакай вамуд'апкива пэктрэнэн, урарэн — шэндүлийн пэктрэнэн. Тари вамуд'апкай хукэлбийнэн. Аруран, хукэлбийнэмэ. Аруд'ана гүнэн:

— «Хэвүн» гүктэтий!

Түри гүнэкин Утишка нэкүнин и'умурэн. Дилвэн хэркэллэн. Хериэвд'эри вамуд'апкива шуртатги училдрэн. Урарэн. Урамий, вамуд'эпкай тулишшийн, шуптидави. Тулнүд'энэ, пэктрёвүнми гад'апкай. Пэктрёвүндүн хуркёкэн чикэнэн — улаача. Тулдүд'энэ амашкийви пэктрэнэн, пишкабд'ан. Утишка нэкүнин д'уви дағамаллэкин, пэктрэнэн. Варэн таду.

20. Д'эйэрэк

Ганалчил бицэштийн, Хэвэкэ чагийдадукин шамашэл бичэтийн. Хэвэкёдук эвэшкай нимцахарвэ шаллэ. Шэушимд'и шээнчед'эрэн, мэлкэн бинэ. Тэлли шамашэл д'элум эвэнхийлээ д'эвд'эвкийл бичэтийн, бмилватин. Омийн аран-аран ичэвувкай, шаман ичэвкай. Нонон булэнкэлвэр бмилватия д'эбд'эвкийл бичэтийн.

Чичэкэ шаман бичёи, тадуу Д'эйикэ — атиркай-шаман, н'ян Д'эйэрэк — Арчамка ашиг, Аччада хутэн. «Арчамка — Пачакай хутэн, Кешиаду бид'эчбэн».

Упкат этркэр Д'эйэрэкиэ шачтатийн. Шэвэнчечэн, урга бкайам. Күцакай хукитэдүн балдилцашин бид'эпкай. Тари эвэнкийл гунд'эрэ Д'эйэрэкиэ:

— Хутэв бумуд'эрэн.

Д'эйэрэк гунд'эрэн:

— Би би дöчий шэвэнчэд'эм?

Эвзиний гунд'эрэн:

— Хутэв буд'эн, энникин шэвэнчэд'эрэ. Химат шэвэнчэгэл! Балддалан этэй алэтгэ — буд'эн. Буддэкин, шэвэнчэд'ийн этэйни бокон. Цэвилнэ истакин, этэйни бокон, этэйни абгаранэ.

Тэрий Д'эйэрэк хивилд'эн, шэвэнчэлээн, дöчий бинэ. Айцачилд'эн шэвэнчэд'ийн. Шэвэнчэлд'эн, хүкитэдүкин куцахаймэ эддүүни шэвэнчэд'ийн нэд'эн. Д'эйэрэк хүкитэйн бичин бча. Куцахаймэ «хэ-эх!» гуши, эддүүни изэрэн, гашининан. Эдэвэн ичэшинд'эрэ, дöчий бдан. Д'эйэрэк булигэд'эрэнэ айцачилд'ан. Бумуд'эрийн абгараллаа. Этэдэлэн, эхий дöчий бичэн. Бумшэд'эри тимайнэ аяа бдан. Гиркукталд'ан унэмэмэ, этэкс бумуд'эмий. Д'эптийн д'эвуллан аят. Д'эйэрэк эциэкёнимэ локоний, тбргээ локоний.

Арчамгадук, этэд'эмий шэвэнчэд'эмий, хутэйн гавий. Дöчий бвий. Толко Д'эйэрэк балдий, моцнорбий. Хэгдикэхүр бран моцнор — хэцкэйэ эвий тилээ. Шукупийн шэвэшэл. Д'урвэ хутэлвээ иортэрэ: ге Н'урик, ге — Хагдаача; д'ур моцнор бчал. Тэдүк Д'эйэрэк этэрэн д'урхэлд'эмий, этэрэн дöчий бими, шэвэнчэд'энэ.

21. Йургини

Ганалчил бичетийн. Бэйэ бичэн сийнчийн Йургини. Нуцан эрйээлэ цэнэрэн д'идилдулэ биралы Йэрэмэлий. Чагит эсилэ төрүлдэрэ ганачилдэвэр, вэлдэлдэвэр. Йургийн мэндлэн төрүлдүүни. Эмэллэ чагит Ошикир. Нуцан Ошикирнун булэнд'эрэн, ганачилдэви. Нэжүйн бисийн Йургийнци Лэнкэнч. Төрүлдүвар эмчилээ. Лэнкэнчээмэвуллан эсилэ дэлхи, кэлэрэн иуцан.

— Минду балзэпкэлху!

Ошикир кэлэрэ н'ян дэлзвэр, болжүйнэрэ Хинчицээ. Эмэрэ төрүлдэвэр. Йургийн д'удүн эмэлля. Сийнчайхун Йургийн тэрэ. Дэллэ. Эсилэ тээрэ, гүллэ. Йургийнэ ханигутамга Ошикир:

— Ка, бд'янни, асиви буд'янни?

Йургийнчайхун унурбэхкүйндү иллитчана гунд'эн:

— Бд'эм-цу, бд'ам-цу? Этэм бураа Сэксалиоти хултэрэ.

Тэдүк-тэ гарначиллан Ошикирна. Ошикир нуцамай гарнара, бэрээн пэлнэс дулжакийна, сиварийкүйд'и ш'урит. Дулжакийн капургааран. Йургийнэ вэрэ. Нэжүйн эсилэ ганачилман нуцарнуутин. Лэнкэнчэ тари умий гарнараан. Эхэ н'уриялтийн буурал тигдэгэчия Лэнкэнчэ сэллидүн. Эсийнэл Лэнкэнчэвээр арилло:

— Лэнкэнч! Мити датэмэгтэй!

Лэнкэнчэ тар тусакаакүттэй эсилэ. Далдулайви цэнэрэн. Тэдүк дэлийн н'ян гарпатта Лэнкэнчбэ. Лэнкэнчэ йурэн, тускаран лупумиэк бэйзэлэвэ. Бэйзэл тар нуцамай асаачукана, гарнатчанал

иуцанман. Талайвэр суптывра. Тарийлэх түксасинан век тар Лэпкэнчэ. Асий илитчаран тарийлэх, котово д'авчад'аран. Асий түксаран талайвар. Нототни тарын эсүдээрэн. Асий тари н'уриван сэллэлүндүкин гаситчаран, чуптумдатин. Буруттэ. Лэпкэнчэ тар түксасинан.

Ошикир асамкакүр эмэрэ Лэпкэнчэлэ. Лэпкэнчэ түксача, хувтуудүү дуннэдүү боча. Далдулан эмэрэ.

— Илэ Лэпкэнчэ? — хашуктара.

— Сучаврав иуцанман.

Далдулавэр иенусинэ. Тэрэмийн Лэпкэнчэ акыны ичэнэсийнэн ванивэтийн. Сүкчэл Иургиний хумтэлд'и. Сүкэнэвэтийн күнчүдүн хуллан иймийн н'экэрэн. Нэрэн, хоройран мбдү.

Бисин таду д'удуйи дигинмэ тирганийл. Эсийнэл Лэпкэнчэ акындуливи бэйсийнэн. Уд'алитин цэнэмнэл суурэрэн. Дулиндү асаалвэ арчаран, д'урвэ. Суурврэн д'улэвий, акындулийн үнэ; гёва эмэмнэвэн асийлэрэн; гёва д'алдүүви бүрэн. Тар эсилэ айаралдира Ошикирнуун.

22. Иургин

Н'ян шоницкакүн Иургин бичэн. Н'ян эзэнкийвэ вача. Н'ян урйлдэрэ Лоонкотчин. Таре булешэлийн д'ур бичэл. Иургини эзэнкайлдулий тикүнд'аран — ашиллад'эвийн вача.

Урйлдэрэ, матацилла. Иургини хунад'ин бишни — хутэн ашигчай. Иургини хутэвий хинкурэп, улбячимэт вадаавэр. Булешэлийн гатактакакүр — шэрэ. Иургини илгэд'эрэн, гунд'эрэн:

— Минэ вад'ацатин.

Шонинма шэрэн, хутэвий гүнэн:

— Иуцанман эдимчика! Улбячимэгээт, наадаавэр.

Иургини хунад'ини кимэгүллэн омолгийлдуү. Бэйэвэ эдимчиллэн. Илмакта бэйэ д'алдэрэн ашиллад'аши. Ашиламуллэн. Этэрэн нэлүүтчэми, гүнэн:

— Ашиллад'эм.

Горо улбячидб'энэ дбгийд алабд'аран. Тар илмакта бэйэ ашилларэн. Ашигий д'улэх ханыран. Ашиб тар д'улайи эдийэви эмэврэн. Иургини хипкучэх хутэйи.

Тирга тилэмчийлэх эднүүнми. Иургини орорви оношлбикбнэя, тилэмчийллэкин. Илмактам бичэтин д'урвий. Гёва гүнэн:

— Оноштоюйт д'уктэ, ваддайи гёва!

Тар ишиллад'эвий эчэ мэдүчэрэ, эчэ цэллүүтчэрэ, почем знат, гирий вад'эн. Иургини ашигий д'удукши хутэлви йувуттэн тулишкай. Хунад'ийдтэн тилэмчэвэкл. Иургини хутэн хуйукукэн. Таре хунат гүнэн куцакаймэ:

— Орорво ичэнэкэл!

Иургини ашигий гүнэн:

— Орорво горово оношинаан! Екүн өрбэн оношинаан?

Иургини ашың д'үүкүнү йүрөн. Иургини опод/опбодук тукшамалчачаң д'үни, тіләмәтчәлтиң, вадайы. Иургини ашың хутейк тулилә гүләкәнән:

— Н'амасәл эмәчәл. Ширилд'аңат! Ева тәгәтчәнни?

Әдү хундат дилви тиләд'емниң, ләнер браң тулиски. Бәйә хәнүрән, ашыңи кормедукин д'аварап. Иургини уркәдүви тәгәтчән, тулилә тигитчән. Хутәни корменан шуртатпи хәгран. Тарқакүн бәйәнә бәйучилләп д'үдүви. Бәйә тарп и'урүлвән тәвәйиллән. Иургини тар байәнә д'үдү вәрән. Түңи уләкиммат вәрән,

23. Нургәвул, чацитил

Бичән бәйә Нургәвул, бичатиш д'үр асәлиң, хутәлин-бәйәл д'апкуи бичәтиң. Долбо нуцандулән эмәрә чацитил, д'үвән мурәләй эрәліснә, тәдук берилд'ивәр мәдәнкәчиллә, Нургәвул йүдән. Тар хутәлин юүвәчиллә. Чаяцитил нуцарватин ункатватия вәре. Чаяцитил, вәксәл, гүмәчиллә:

— Мит Нургәвулва вәрәп.

Умүкән чаяит түнән:

— Вәрәп-кү, брап-кү; би ичәчән эрйәкәклә н'урліктәти наң-бәрочаң нуцанмама.

Тәдук таңна хутәлвән, элә нуцартин д'апкуи, амбынтын туксачаң. Тар чацитил содолло.

Тар Нургәвул д'алви бакараң, тәдук чацитилва цәнчәсінән. Бакара ағидү оронмотиң, тәшүтсә, нуцанмай д'әздәвэр. Тар оронми бәйә онод/оно, ичәрән Нургәвулва. Тәдук д'үләви туксаниң. Д'үләви эмәксә, ултучбләя:

— Чаяцитилва ичәчә бисим. Нургәвулмәмә чәскәкй н'урліктәти наң-албуләд'ачай.

Бәйәл итігалла нуцарватин тигичшілдәвәр. Тар бәйә гүнән:

— Би горокбүндү ичәчәв, этәрә амакән эмәрә. Мит эсйткән д'әпилгәт!

Бәйәл тар нуцанмай тәд'әрә, д'әниллә умүкәндү д'үду. Д'әпилчәләтиң чацитил эмәнчәрә. Д'әничәрәлва иәмкичиллә. Тар ункатва вәре.

Нургәвул тәдук эмүкин суурөән. Тар дүриң д'әр бәйәл нуцанмай бакара д'омордү әд'ерпәв. Упкат итіләрә борилвәр, тәдук гүнә:

— Тәд'әввәт, цалумә!

Түңи гүнәктин-нуң, Нургәвул илмалчараң. Эчәл ичомәттә д'олордудың туксад'арпәв. Нәмкичиллә, түңи-дә албара. Тар самасәлд'и нуцанмай гәләктәллә, нуцанмай бирадү бакара. Тар бәйәлвә уциң, вәннадатиң. Бәйәл эмәрә, ичәрә — д'олор ункачин Ыакийчә; хәйесәлнүн кусид'акни, нуцаң бучб. Тар эмәвәрә бучавә д'үлә. Бәйәл гүнә:

— Тәлгәткәллу нуцанмай? Ичәвәт аваді биңе таргачин сәбичән.

Тадук нуцанмай тэлгэттэ, нуцанцилин бичэтийн д'ур сэлэмэлийн. Тадук улэрэ, каландутын эчэ тацилканимэйтэ.

24. Олуул, Нургэвүл

Нонопти хбниц Олуул, Нургэвүл бицклийн. Олуул бичэн ёдү, Нургэвүл — Лимтидү. Гарпатмайтчээол, н'урилвэ д'авацкийтийн.

Олуул, ноноптил хулицэл бицэсэтийн, бид'эчбн. Олуул кэтэвэ бэйэлвэ вाचа. Нуцанмай кэтэрэ д'авацкийтийн, Олуул д'улэвийн тусеактаадийн. Олуул ўд'алдити бэйэлнэ асацкийн. Олуул атирканийн. Тарэвэ нулгихийн н'урьиа ачийнд'и. Нулгихичё. Бэйэл Олуулва вামучдл. Нулгихинэ; урэвэхоролихинэ, мучуксайл. Эйнтийн эрийрэн:

— Икэл д'улэв!

Этиркэн ирэн. Омолгийлин илан. Хутэл гүнэ:

— Амдкаа эмэрэн. Ороно тэншукэллтуу!

Умүкэн омолгий лэпурбран, оронмо тэпурран. Эйнтийн этиркэндү ороп уллэвээн бүрэн. Олуул гүнэн:

— Едэ цэлэрэс минд'и?

Айувуксай, гүнэн:

— Мөлайи оголийктэ!

Омолгийлин гүнэ:

— Кэ!

Олуул хогд'аран. Омолгий, эллуюмэ михиниксэ, илкэрэн бэрхэнмэ, Олуулва вадаавэр. Хухийллалва итгэра, гарпадаавэр итгэра. Дулдуу омолгийн гунд'эрэн:

— Би наявканд'эм, биннакэ.

— Кэ!

Омолгий гарпаран хукитэлэн, эчэ наарэ. Олуул хоктолий тусахинан. Омолгийл тундралайчэл, ичэд'эрэ — Олуул мбтгачийн түксад'аран. Боконилла, Олуулва хоролхина. Олуул тэгэрэн, гүнэн:

— Омолгил, би хуудулж аяат эмэчэм. Минцивэ тирганийцам хокориллилас. Ёва гарпамус, гарпакалдуу!

Омолгий хикэмдүн гарпара. Эчэл вэрэ. Нуцан гүнэн:

— Омолгийл пустикаллуу атирканий миндуулж.

Пустира. Олуул гүнэн:

— Гарпалватын хикэндүүкүүрүүрээ урикэл. Минцивэ н'урвэ хацахилдуулив арийдай!

Гуниеллийн бран. Тэлэй мэжчэрэчбэ. Мэктэрэкин, иланыва гарнавурватын омолгийлдүү бүрэн амасий, «бм», гүнэ.

— Энэйкэ, экэл цэлэттэ, хинэ этэрэв вэрэ.

Атирканий омолгийлдүү хуурүүрэн, дэткёртий. Нуцарнуунтийн нэлкинийзэ, д'уганийва-дэй гиркуран. Йдү-вал ибд'эрилийн бичэтийн. Тадук тарилдуулж эмукин хуурүүрэн. Омолгийл — Лимтилэ. Хэгдэ дэт бид'эрэн. Тарилтидук тар дэтэвэ Олуул дэтин гүнийвийл, бираакэн Дэткэн дэрэндүн.

25. Ўрән

Этіркәп бичә. Хутән бичә ахىчә. Хутон балдімакта бичә. Тар этіркәп хутән ганаңчылтикі хуручә. Тәдү вәчәл тар бәйә хутәвән. Хбизитиң Ўрән вайчә. Ахиван гәниәчә ахайави. Этіркәп тар д'айасшә хутәни налан хәргидәлли. Ўрән эмәчә, ахива гача. Хутәйән албача гәлбіктәд'әмй. Этіркәп гүмчә:

— Ашен хутайә.

Тар хурувчә ахайәп. Тар этіркәп хутәйи алаңұлчә, ганаңчидан, вәшилдән гапалчылва. Татылчә тарицмі, гүлчә:

— Хуруқел эйними гәлілескөл!

Тарициң гәлибхичә. Эрудицілви тәтігбәли тәтчә, айадійлви тәтігбәли, беримйқәкүрли мәпниуними гача. Хуручә.

Эмәчә, д'үлә ычә, эйними д'үтәд'ариллән. Нәтә д'үл бичәл тәдү, ганаңчиқәкүр. Ўрән гүчә:

— Чайиңдәкал!

Чайник хуйүлдәлән эвалчәл хутәлняунтын. Эййлчә, ганатқа-чылчә. Иректәкәмшәимә маңаңа дүрәдукин тәғәрдүлән. Гүл куңда-кәр эшіл нәвікәнә. Н'ән д'үләйи исшә. Тәдүк чатілчә. Чатід'ана остал хәргидәлли микчаҳичә, гүнә:

— Эр-ту бид'әни, амйнма вәд'әвкі?

Үрән пуртатпи пәдәнчанчә. Тар адағанчә. Тәдүк ахачәл нуцанмән, ганатчанал, ганатчанал. Тар тәтіләлви исчә. Ганаттә, Ўрәнмә вәтчә. Ўрәнмә вәкәйим, эйними хурунчә. Тар амәкә-ләйи ихипчә. Искәним, гүнән:

— Эр скүн гиркуд'авкі?

Амәкән гүнән:

— Экәл түг гүнә!

Тар гүнәкин, тар күңакай гүчә:

— Би әчәв нуцардуктін иబләлә.

Тәдүк хомбтина бакачә. Хорметви торогод'оно ахакталчә. Тарициң қахитчә қалтакәвән олдонимбі. Тар күңакай тар олдонми ичәчә. Йчекәйим, хомбтици хбизисчә. Қалтакәвән ҳалғанмән ҳбизисчә. Тар хомбтицин бучә. Тар күңакай амәкәләйи мұчұхичә, қалтакә һүни бина. Тар амәкәп ичәчілүә тар күңакәнмә. Тар күңакай д'үр мәваций бичә. Тар күңакай мәварин иңүкәкүр бичеттін д'үри. Амәкән айычилчә, шимшанд'ана. Тарициң айчә, Тар күңакай амәкәйи, айдакин, н'ән хуручә. Тар иәнәд'әчән, д'үр мәтілва хойдулай дүңгіләнд'әріліп ичәчә. Тарицилви аха-хичә. Ахад'ана, гәва вайчә. Вәкәйим, амәкәләйи ирүхинчә. Амәкән гүлчә: «Хомайу бихинди!».

26. Ўрән, Үңкәвүл

Үрән бичән, бәйә хбизиц бичән. Гарпақиль нуцанмән — әвкіл вәрә. Адаавкі, гарпарактін. Нуцан бәйәлба нәнкі, нуцанмән әвкіл. Үрән туғи гүнән:

— Бэйэ хөнид Уцкэвул бихин, би вуцандулан хуруд'эм — гүнэн.

Урэн хуурэн Уцкэвулдулб, илалдалт истан, Уцкэвул д'улан истан. Ирэн. Уцкэвул, ичэмий, гүнэн:

— Екума бэйэ бихинд?

— Би бэйэ бихим — Урэн.

— Е-е, — гүнэн, — хб бэйэ бихинд. Ёдан-ка хагдачалав эмэнд? Илмакта бицэхийв, звиймчэлти. Ёдээ эчбээс эмэрэ, илмакта бицэхийв?

Уцкэвул цоним н'уриктэлви игдид'эрэн. Урэн эдүвэр аксаран, Уцкэвулдук аксаран. Аксаканим, Уцкэвулзвэ игдид'эривэ гарпаран. Уцкэвул эчбээ успейяа н'урви гамий, адаагаран. Урэн урарэн, эчбээ вэрэ. Адааганим, тулиский йүрэн. Тулайлб Урэн ахаран, ганачилдан, Уцкэвул адагүлдан. Албад'авки гарпатчамж. Эргэчийндү хамэй мбоду учихинмурэн н'уриктэн, тадувар тағаран. Таду Урэн нуданмайн вэрэн. Уцкэвул гүнэн:

— Ирэктээндүк тағавум, тадук вэнд.

Урэн амаскийи д'улайи хуурурэн, хоматтива ваканним. Уцкэвул д'алин тилдэ, Уцкэвул ваневан. Д'ур бэйэ гүнэ.

— Кэ, Урэнмэ ванцагт!

— Э-э, — гунэ д'алти, — Урэнмэ этэс вэрэ — хб бэйэ.

— Э-э! — гунэ, — хаманмэр нимцанмукад'ацат!

Хаман нимцанан. Нимцаканим, гүнэн:

— Хуруд'эм иланы. Д'үн эвгидэдүн ёнцэттэцэт. Тиматнэ уна гёги мб дуғэдүн дбд'ацан, эрэ гёгива вад'ацакун. Вами, урэлдүлб хурукалду. Эмий вэрэ, экэлдэ хуурэ. Тари майинэн.

Тар хуурра. Урэ эвгидэдүн гёги дбран. Хуракиван гарна кайим, капура. Урэн д'улан баргилб бирайава сурурэ.

Тиматнэ унэмэмэ мүнктэн бичэн. Бэрилд'изэр ийтэтнэл, даги хинэ. Дагрэ. Эрилвэ Урэн ичэттэн, гүнэн:

— Бэйур илаан дагрэ. Эхийкэн мүнктэн ачин бдакин, хуруд'эм.

Бэйэцми гүнэн:

— Гиркий, мүлэхэл!

Мүлэд'энэ, тар иланма бэйэвэ бирадубакаран, дикэнчад'эривэ. Эри бэйэвэ д'авара. «Экэл улгучэн», — гүнэ. Тар бэйэ эмэрэн, мүвэ эмэмнэ. Тар Урэн гүнэн:

— Ёдээ-кэ хэкчэс, эрупчү бран?

Тар бэйэ гүнэн:

— Хүкитэв энүд'эрэн.

Тар Урэн тулайл д'эвулдэн. Д'эвд'эривэ тар бэйэл, н'урмаканим, гарпара. Урэн адаагаран. Адааканим, мэнциви бэйэви эчбээ бакара. Хуцтув хаманмэ бакаран. Гунд'энэ: «Эр амцатви д'эвд'эркэс!», — гарпаран. Амцаан дблын гарпаран. Хаман буддэн. Гарпадави н'экэллэн, бэрийн капургаран. Тадуц тусахийнан нэлэлдэн, бэрий ачин бмий. Тусахийнакин, д'ур бэйэ ахахина. Ахад'ана, пуртатни амаскийи нбдашчаран. Гё бэйэ ахахинан.

Үрэн туксад'ана, бираїлай, моцоктулай тургараи. Нэцирийвэ таёхимэ түйтэрэн, бирая д'апкадуу миңчайын элэ, лэвэрэн. Хамайдүн майдидүн гарнараи. Үрэндулэ тар бэйэл дагра. Үрэн, дагрэктин, гүнэн:

— Этэс варэ бид'эрлийн. Бхалваав далдакэлдэ!

Далда. Далдакайим, варэ нууцамай. Үрби буддэн. Мэнмэн талгэгтэ — д'үр мөвзаний. Үмәммән чара, халгалмай бруктара. Үмәнин юпүү, эчэ нуулчай бихи. Амаскай хурурэ, амийндулай. Этрекий бид'эрэн, бэйэткаймэ каландий дастан. Амийтийн гүнэ:

— Эркэш-дэ бэйцэвэ варэрэв. Үрлимо ваняэрэв. Үмәммән бруктараав — юпүү.

— Э, — амийни тэгэрэн тайду. — Э, кэтэлбэ тэгэлбэ иргэгчээкий, бултайдэнэ, тарит юпүүллэн.

Тар хурурэ тарил бэйэл д'уллаавэр амаский. Тайдук гүнэ амийтийн:

— Д'уллаский мундулай эмэциэтин! Бу илкэнд'эцэвүүн дундэвэ. Тары ўд'анал, эмэд'эцэтин.

Хуручэлбэтийн, Үрэн амийни хутэвэн прогчилдэн. Тари Үрэн хутэн бултавий бдан. Амакай хутэви татигатчана, лукилд'и мукутилд'и гарпачайвий, хутэн адағавуй. Адаған бдан. Олгамнэ гарпавий, тар адағавий. Хутая тар хувуулви эвийжий, Үрэн эвид'экилдулий.

— Элэй, амийми урд'эрэн, маленкэ ессэлуче, — гунд'эрэн; — Амийндукуви хэлээкэ.

Хутэн умнэ гүнэн:

— Би бдуу балдичаав?

Амакай гүнэн:

— Миндук балдичас!

Хутэн гүнэн:

— Он-ка хиндук балдичаав? Хи хагдц хоб! Эр-кэ хоктолий ўд'алдулий илкэхэл бивкий. Эр ёкур и'акаҷотин?

Амакай гүнэн:

— Минцил илмакта бишэхэви и'экалэлбий.

Тар хутэн ючэ тэд'эрэ:

— Имэкир бивкий! Хи миндү улгучжээл!

Тар улгучинэн амакай:

Амийнмас вачатин, энийнмас хуурчбэтийн бэйэл.

Тайдук гүнэн:

— О-о! Би цуцардулайтийн хуруктэ!

Хутэн хурумуллакин, амакай гүнэн:

— Экэл хурурэ — кэто бэйэл, дүүн д'эр.

Хурурэн тар куңакай, амакай албаран эмээмукэнд'эмий. Тут-дэ хурурэн.

— Хутэ-бэйэ, — гүнэн, — дундэ дулиндүн танин бид'эрэн. Тайду н'урилай, бэрилэйи бивкай! Хэлэдийэйи биккай!

Хурурэн тар куңакай тавинма истан.

— Кэ, амакай, д'эндэс, бултакта! Си н'урилов бкал!

Тар тавиц гүнэн:

— Кэте — дігін д'ар бейзл бид'эрэ. Тарил бейзлбэ таңна экэл!

Дігіп д'арвэ п'урвэ бран, этэрэн. Тар хуурэн омолгы. Истан д'уллә — көтөккүн — дігін д'ул бид'эрэ. Н'уритби д'айтаран таллә. Укәц удурудукин и'урйави бран, бәрійеви эрүпчува бран. Мәнциви д'айтаран. Тадук д'улдулә хуурен. Таду умукән д'ү бихин, айапчумама, хәгдимәмә. Тарә уркәмән истан. Уркәдү бәрви нәреп, мәниш йрәп. Йрәкин, умүн ахى бид'эрэн. Эр ахى д'екбәнчәрән, йрәкин. Тәтәтчәрән, баргыйдәдүн көтә бейзел туратчара. Тулийский йүнә, ичэттәп. Ичэттәкин, умукән байэ әвәсий д'аврәхипан. Дәрихинийксә, д'апкалән әмәрән. Д'уләви әмәксәб, бәрийн ичэрэн.

— Эбэй! Екүн бейзән әмәрән? Эбэй! — эри бәрильвәп ичәкәйим, гүнэн.

Тадук йрән д'уллән, малудү, баргыйдәдүн тәтәтчәрән күдакән. Тар күнәкәимә гүнэн:

— Идук гиркуд'ани?

— Би, — гүнэн: — аңад'акан бихим.

— Ева д'абд'энди? Д'абдәи, аңақән халгакәнмән гәнишкән!

Халгакәнмән күдакән гәнишрән, хәди'әвә, нимдәвә әмәврән. Тарәвә тогодү хиларан, ирйлдән. Күдакән пуртайа ачин халгандү бичән. Тари бейзә ханцүктаран:

— Екүси? Пуртаси?

— Ачин, — күдакән гүнэн.

Тар бейзә луктуттан ңонимма пуртава, гүнэн:

— Эр пуртат д'әвкәл!

Улдә ирчә бчә. Нимдә эрүпчу. Нимдәвә михинән, тарицит хәкупчут ёхадуп ибдәнчаран. Тари бейзә нақвәнән ёхадүн. Тар күнәкәимә тар бейзә пуртат гидаләмий н'әкәрәп. Күдакән адағаран. Туксанан. Туксанакин, тар бейзәткән тәпкәндән д'алби:

— Бейзәл әмәсәл бихин!

Әмәрә, күдакәнмә ичэрә. Эртик дундэткй әмәд'эрэн, н'уритби ىалайд'ана. Тар күдакәнмә хувулитин дігін д'ар бейзәл ганачилда. Нуңан бәритпи адагүд'ана, н'уритбатин иктуд'апкй. Тари күдакән ганачилдан. Д'ай н'урба тінэн — д'ан бейз бувки. Дігрә гарпаран, ункатпар вәрән. Умукәнимә хуларэн, хәмава бейзәв. Тар күдакән мәндуләви әмәрән. Әмәкәним, гүнэн:

— Д'үктәмә әнифәт! Хи таду бид'энди, ёдү ирәксәмәчиндү — би.

Тадук ганачилдан. Хәләмәвә имәнделвән ганааттан — тілкәнән.

— Эриксәмәпүйәв хулакал! Экәл вәрә! — гүнэн.

Тар күдакән ача вәрә, эйнми хуурүрән, нұлтихинән д'улләви.

Тар күдакән лузы илалдава этәйттән, илалдалы әмәрәп. Түг н'әкәд'әнә, илайдүтін тірганийдү бейумирын. Эрә хуурәкин, амардүн әмәрән.

Күдакән тар долбо хактірадү әмәрән. Әмәрәкин, эйнни уркәни анаран. Д'әвулдәкин, гарпаран. Тар күдакән адағаран.

Эчэ вэрэ. Тар куцакан илдан. Шурилвани туксапчана д'аварац тадук гүнэн;

— Эр тирганийдук хэлэд'эм, — гүнд'эмэ, — бя-де? — тари бэйэ туксахинап, тадук куцакан ахахинан.

Боконон нуцанамай, хотгоондомын гарнаал. Тар бэйэ буддэн. Тар куцакан пулгихинэп. Амакийн интаян. Иштакин, амакан гүнэн:

— Хб-дэ бэйэ бихид! Урэндэчии бэйэ бихид! — н'ян гүнэн. Умжхэйэ дундаа ойодын ирэлийнинч! Нийзэж бэйуста нуцарватан.

Тар хуркёөн думайхилдан. «Ева н'экэд'эцэн?», — думайдан. Тари гүнэн хуркёөн:

— Би бира д'апкадүп мачалэвэ ичоччи, урбривэ ёкүнма-вал. Эцэн-мэл бид'эрэ, бид'эцэн-мэл?

Тар хуркёөн бирава ичэрэн. Бира д'апкадүн эмэд'эрийвэ коцномово. Тарицми тигичлдэн. Эмэрэкин, хуими лукканим, тэрэгэлдэн. Амака нуцанамай охиттан. «Би нуцандукин адаагад'анай», — гүнэн. Тар энтэлэн энүрэн. Ичэчб — энтэн ичэвүлчэн. Тар н'ёмат д'үлэви туксахинча. Д'уйн искайим, илара хоролихинан, тадук буддэн мэнин.

Үрэнмэ кэтэ авэнкийл улгучёнивкийл. Улгурйлтийн хуцтумэкёр.

27. Ганалчийл

Бэйэл ганалчийнчал. Хуцтул бэйэл ахалтийн бичёл д'үри. Ахал д'айачал бэйэйдилвэр, гучэл: «Эртий хуручэл бэйэл тарил!» Д'авватын хацатчал. Амут баргискин нуцитчэл, гүнд'эмэл: «Хуручэл». Эмэд'эрил гучэл: «Тарилва наадынч!». Д'аврахичал, амут дулииндүн эйчэл. Бучэл. Бэйэцилвэр гучэл, д'айачалвэ: «Тэргээллү! Бутчэл».

28. Дигэр

Дигэрдүү эрүүчүл илэл бичтэн. Мендел бичтэн. Д'авад'ара маутыт мелелейэ, тадук инд'эрийэ хигд'эрэ ойокбиймо. Ирэксэрийктэвэн гад'ара. Тара тинд'эрэ, бэйуимэ н'арбакинма. Н'арбакин бэйун хүктэлд'эн, тарил иш'элд'эрэ. Туг н'экэхиймий, кэтэхийнмэ бэйурвуяа вэд'эрэ. Цинакиртийн бисий, бургункил. Цинакирва тэлгүйтчэрэ нуцартын, гүнд'энэл: «Иркицилвэр д'эвүүлжэн». Тадукинин оллойо хинатчачатын, Вэд'эрэ оллойо тар д'эвүүлд'эрэ илд'эрийвэ. Д'апкайимийл, нуцартын сициндүлжийнчийн д'авад'ара. Тадукинник гиркулийкил бэйунэвэлиймий. Бэйун бинэ в'ян хүктэлд'эн, н'арбакин бинэ. Тадукинши тар тэгб маниапрал. Тар тэгэ Дигудү Катанчаду бид'энкин.

29. Эгинкэгир, Мэкэгир

Умүн бирадү бичёл Эгинкэгир ил. Тар бид'эрэктин эмэчёл сома баран Мэкэгир ил. Тар эмэксёл, урйнчёл, урйнчёл д'улгиддүтн. Тадук умүн этиркэхэн мэ уйлчёл Эгинкэгир илдүлэ, гунчёл:

— Нонон сү д'алгалисүн бү д'албуи кусичёл бичёл. Тар кусикёбл, титёчёл бичёл умүн асйва. Тар титэнэллийвэр асийл буд'ицэсун-иү, этэрэс-кү асийа? Мэдэвкэллу мунду! — гунчёл Мэкэгир ил.

Таду гунчёл Эгинкэгир ил:

— Бү эсив сад'ара ожилтва, сү гунэс мунтий, бид'ицэн.

Таду этирхэн гунчэ:

— Мэкэгици сома горо ёдан, тарилдуий би куцакан бичёв, тэлли тар гусицэситн.

Таду гунчёл Эгинкэгир ил:

— Сү ожилтва д'ончад'арас, бид'ицэн горонтилва. Бү эчийв сад'ара тарилба.

Таду гунчёл Мэкэгир ил:

— Сү эчбайсун сара, бү сарав!

Тадук гунчёл Мэкэгир ил:

— Еми-дэ, гад'ицавун асив! Бүрэксун-иү, асиксун-иү!

Таду Эгинкэгир ил гунчёл:

— Этэрэв бүрэ асив! Икусикёл, кеймий, ваксал мунэвэ, гад'ицасун!

Таду Мэкэгир ил гунчёл:

— Кусигээт тимьтэ инэпайдү! Еми-дэ, сү-гү, бү-гү кейд'ицэт!

Таду Эгинкэгир ил гунчёл:

— Кэ, кусигээт багар! Бү-дэ эсив цэлэрэ, мунду-дэ бид'эрэ айал бэйэл, энэсийл!

Тадук тар долбонийдү. Эгинкэгир ил бэйэткийн алдажалбар очал бичёл. Тадук тимийн, тэргэксёл, курева очал бичёл, тар курева лупурэгэр гарпуматтавэр н'урит.

Тадук кусиллидүвэр гүмётчёл бичёл:

— Ний кейчэ, этэн сулад'ара цивэ-дэ; сү-дэ, кеймий, эдэвэр сулара, бү-дэ, кеймий, этэрэв сулара! — гунчёл Мэкэгир ил.

Тадук кусилчёл бичёл. Эгинкэгир илдү д'ур сома сбницил бичёл. Тар гэ бэйэ бичёл агад'акан, атиркэн омолгийн. Тар атиркэн ялон Мэкэгир илдук кусикёл титэнэтн бичё, Эгинкэгир ил. Тадук балдчэ бичё эр омолгий. Тар кусирэктин, атиркэн гунчё омолгийткэвий:

— Экэл кусид'эрэ. Си саний-дэ — тар си д'алли Мэкэгир ил!

Тар кусид'энэл Мэкэгир ил вачал бичёл, сома баран бэйэвэ. Таду гунчэ атиркэн омолгийн, этэгэнчэксё, доктомийа Мэкэгир илбэ:

— Кэ, — гунчэ, Эгинкэгир ил сбницити.

Тадук этэгэнчэл курева, д'уртн бинэл урийэлий курева. Атиркэн омолгийн тар тикчэнэ, гунчё:

— Би супци бисим! Экэллу вад'ара!

Мэкэхирил гүнчэл:

— Митци гёт эмэрэн. Экэллу нэра нүцанман!

— Тавар атэрхай омолгийн, — гүнчэл этэрхай Мэкэхирци.

Мэкэхирил гүйз:

— Гёва вад'ат!

Сома баран угччойл гёла бэйэлб. Тар бэйээс д'авачал ини-
кинд'и, нуцанман усийт эркэхэл бичэл. Тадук курева айнсэл,
эмэчэл Эришкэхиринадум. Тар эмэсбэл, вачал бичэл ункал
Эришкэхирилбэ. Тар умүн асива титэнэлтийн сома баран бэйээвэ
вачал. Мэкэхирил бичэл буруйа ёчир.

30. Ваддикйт

Бичатын д'ур акүнасал бэйэл. Гэс бичэн иничэн. Тэлж бичээ
нэлкиний. Нуцартын д'үдүүвар бил'эрэ. Д'энчэнэл, мэлдэрэ туцуулирва,
сүсчинусал эмэд'эрэлвэ. Тар бэйэцил н'урилтын тулайл бичатын.
Тар эмэрэ н'урилдулатын, гаря н'урилватын, суруувэ. Тар бэйэл
гүнэ:

— Бурэн-дээ эсийэ.

Тар сагдавү муцдакачиллан, солеруктүүи нэцпллэн. Таду
киректэ оноктовын бакаран, н'урйави бран, нэкунтүйин гүнэн:

— Нээ, эсилэ туксасинимэт!

Сагдавү ниннүкэриэ гаран, тарилд'и чинмэсислан. Нэкунми
гүнэн:

— Эр си бираява хитсэл, эр бираяа хөгоркийгүйн, таду
хөгоркийдү асанцива алттави! Би эркандү, бдү-вэл түйсчэлли
киректэ оноктод'ин.

Акйидиү цэвүрва циншукэнд'и чинмэснэн. Д'улэлэви ичэрэн
умкактачива тэжээлжгүйнма. Тар мундэрэн тэжээл чадийдтэйн
чинмэшдээ. Тар тэжээн хэргийдэлэн чинмэнэц, энэ иманиава
хийснэ, тэжээн хэргийдэлэн түгсиснэн. Амакакэн биксэл, дэлдэрэн
эмэд'эрэвэ асанцива, гүнчэнэ: «Эр аваджүйн бэйэ бинэн?». Тар
эмэрэн чинмэнд'ийтулэн, муралтг н'өншиллэн, бдү-дээ ёчийн
чиммектэ. Тар гүнэн: «Эр тэжээн чайжин кэчэй бинэн?». Тадук
гиранчаран тэжээн ойолён, тэжээн хэргийд'иин түкит хийндуулжин
нэмжирэн. Тар бэйэ гимдис буурэн.

Тар эсилэ н'урилвэн гаран, суксиллалвэн тэтэн, хөгоркийг-
гүйн хэллэн. Хөгоркийва тэллийц б иссан. Тар д'апканцадук
дэлдэрэн нэкунми нээмийтчэрийнэн: «Tacl! Tacl!». Тар сипкичиллан.
Ичэрэн нэкунми капутчээ ирэмэвэ олгово гарава, тарит гаралт
н'урилва тэвэнд'эрэп, энэ-вэл адагура. Тар д'алдүүви гүнэн:
«Эр-ти, нэкундукийн этанин ёмтэйэ гаря». Алттээн манаадалэн
н'урилви. Тар манаараан н'урилви, умүкэн элэ хэлэрэн. Тар гүнэн:

— Эр н'урив умүкэн хэлэрэн, эрит эсилэ сина вад'элий.

Тар нэкундүүви гүнэн:

— Ваксбокал-дээ, элбэ-дээ бран!

Тикит өлбтви нэмкирэн, тарийнмайн гарацитви тэвэрэн. Тар гүнэн:

— Синцил-дā бисиктэн, ёйав-дā эмчэс гара.

Тар ажиндиву хогоркийла сирунчэрэн, нэкүндүви барви бүрэн, гүнд'энэ:

— Кэ, си-дā нуцаннуунин төгринкэл!

Тар бэйэ гүнэн:

— Би-дā гарацийави такта!

Тар гарава гаран, итилэрэц гүнэн:

— Кэ, нэмкичилкэл!

Тикит нуцалмайн нэмкирэн, нуцан тэвэссэрэн-дэ, албаран — хикайнин дулжакийндуулжин лудуучаран.

Тар акунаа бэйэл сүгслилалватын гара, н'уритватын гара, д'улдвэр суурээ. Д'улдвэр эмэллэ. Д'утын лунид'аран. Сипкичилла, долдираа турдвэрэ, этркэн гүнд'эривэн:

— Елэ-кэ, бра? Асумила нэнэд'эрэ ёчир сүгслилала.

Тар этркэнэ бэйэл умийривэтийн төпүтчэл, умэрвэ гад'эрэ: «Паф, паф, паф». Тар бэйэл бэли цэнэрэ сүгсин'усал. Этркэн, долдимий, гүнэн:

— Эмэд'эрэ-дэ!

Тар сүгслилалвар лукйксал, уркэвэ нийрэ. Этркэн, ичэмий, ижэсэнэн:

— Эр ёдү эмэврэн! Тар бүрэп эсилэ!

Эр этркэнмэ, атркэнмэ вэрэ, кукийлвэн асилларэ. Асиланэл билээ.

31. Часиткакур

Урйнчэд'эксэл, нулгирэ дигин д'эр д'ул, урйнэ вавд'акту. Урийт бичин кадафай ойодүн. Умүкэн ашиг мавутви омцорон. Тар асий нэчинчансэн маутви амарийндулдвэр. Амарийнмар исилмий, долдираан сэвэничэккүрвэ. Үгүчакви уйжэс, сипкитийсан, ичэрэн — эмэчэл сэвэничэд'эммер, д'уйкийалдүтийн дигин д'эр илэл. Сэвэнчэрэ, сэвэнчэрэ, сёрадилватын хоцналжакүтта. Тар асий хуктывд'эсийшэн д'улдулдвэр. Эмэксэл, улгучёллэн:

— Часитилва ичээх бисим, тарбээ.

Тард асийва эчэл тэд'эрэ. Тарци асици бэйэ ажиний (инаний) бичин. Тар эдэвий ажинийн н'уритэлвэн чираллэн, хафад'энэхакүн, гүнд'энэ:

— Эркакүн н'уриткэ малбука дойядүн н'албулад'асмачин.

Тарци бэйээни сэлэмэн мэдбэчиллэн. Тар бэйэ гаран хуркэхэнмэ гиркийёви, н'эрүүттуяа олломосна. Бэрилвэр, н'уритвэр гаран. Тар долбоний дулжакийнмайн долдира яйрэхакүнматин. Тогохомии каланд'иви сирэн мүт, эдэн д'усэлэрэ.

Умүкэн бэйэ д'уй бичин курукэхакэндү. Тэдүк бэйэ лупурбран малуклэви, малунтууми ландулбүд'анаакакүн, хукелийсан кадафалий, кэрэн биралы хуррэн, малунтууми эйхэхий нобдад'энэ.

Чацитил нәмкічіллә тиқсавай. Бира д'апқадұп бисим сурудәләтін. Уріләнмә упкатвай вәрә. Қадағай дүлгікелің йәкчә бичән, тар барғыдәріңін нән үрінчөд'әчтіп. Таршына әчәл ичөд'әре чацитіл. Умүкәп этіркән, йүд'өнінд'ән, йәкәчіллән:

— Егдат содомицна?

Тара этіркәиме чацитил дәлдіра, тәлә-дә уріләндүлә әмәрә, упкатва вәрә. Тар хүрд'әчбай аракүкән йүрәп мүдук, олломбтчорйлудың цәнәрәп, гиркиндүләви. Тар тиргарақын, дәлдіра— пултыйлә, асайләтни сурувұлла. Соңқылқур ғұр'евкіл. Тар суурәктин, әмәрә д'үлдүләнәр олломомийл. Тар сурууңылән, асастәвәр нұцарватын. Шурилға тәвра бүтәлдүк. Атіркәр ултучәнә шуцартылған. Тар байәл асаспа. Чацитіл дәт дулиндүн тәңзәлчәл. Тар бәйел д'үлдескітін жәнәксәм, түшінбілә дәт д'апқадүн. Тар чацитил хавасілла. Сағдану тиркілви алабұран:

— Самәнгін д'уләнү бид'әңән, иничесәл самән амардүн бид'әңдәти, айат нұцарлатын вассәкеллү!

Тар әмәд'әре чацитіл. Нұпаккәтін дагамарактін, тікіт самәнмәтін нәмкірәп сағдауы. Гыл иничесәлжетін жәмкіра. Умүкәнмә иничәнмә адагағарівән тід'акілін пәвкәнә. Халтің дәттүлі түксакталма, нәмкічін д'энәл. Упкатва чацитілва вәрә, асалвәр мучүвүсна. Умүкән чацит түксад'ана гүнән:

— Асәл, асәл, мучүскаллү!

32. Асай, чацит

Асай, чикәниб'әнә, ичәрән чацитна. Чашт ділви кичусинд'ачай дүнкәдү. Асай н'уриктәлиән исиллан, гүнән:

— Екүн баңмәктә? Екүн маца?

Чаштту, баңмәктәдү чикәйләсін. Асай, чацитна ичәрән, ділвән д'аваран. Тәдүк тар асай матақтіни гүнән:

— Чаштна ичәб бисим. Умүкәндуң д'үләв д'увүттөт хуллалвар.

Гә асай гүнән:

— Ет упкаттая ичәйцина!

Тар асай асайцілва хутәлвән йесінмүрап инмекілдү. Эйнікін д'үдүви асинан.

Чаштна ичәд'өвкі асай жәтдемәмәй д'уйя боча. Дәлдүн хуллалвар шәбә. Мәнәкән д'үзи дәбіндейдүн д'икіллаң укәбид'и, сүкәтәй бине. Чашт әмәрәнгиркинди—матақтән вәрәп. Тәдүк гәлә д'үлә сурурән. Д'үлән прән, тоғовби хувүллап. Асива әчбән ичәттә. Асай д'әлум чацитна токтосипан. Чашт йәкәллән: «Хулацайик! Хулацайик!». Тәдүк бәниң бдаи.

33. Асай

Асай тәкәндү чикән д'әран. Чашт тәкәндүли угдусинчад'аран. Асай тар ділвән исиллан, гүнән тиркіткіни:

— Асай, чацитна ичәб! Сүкәйи хивәдәд'әкәл!

Гэ асй гүнэн:

— Си-глэ ёдү ичэд'энэнни чацйтла! Этэм тэд'эрэ! Этэм хивэдэд'эрэ!

Асй тари хутэлви инмэкийлдүүлийн умцэрэн даранд'и. Хутэлви ёсимвурэн, сомилбүүран. Сурви хулладүүлийн ёсимвурэн, тогодуйхи д'үрвэ голокочбр нэрэн, тоғови д'апкадүн.

Чацйт гэва, эвхийэ тэд'эрэ вакханим, чикэнд'эвхийлэ эмэрэн. Тар тоғови хувүллэн унажанд'и. Асй тар дилдүүлийн сүкэт токтосийнан чацйтпа. Чацйт гүнэн: «Хуларайик!».

Тиматиэ тар асй чацйтпа йүүрэн тулискй. Омолгийнлийн д'үлэвэр эмэрэ. Асй тар гүнэн:

— Асй тар, мина эчэ тэд'эрэ, вавчай.

Бэйэ тар асй гүнэн:

— Си-кэ ёкүн кечакас? Эчэс ваврэ?

Бэйэ тар чацитпа токторон, тогодуй иларан. Асйдуйи союзлон.

34. Эвэнкий, чацит

Бэйэ ашигнан бид'эчэн. Гулэкэвтийн бичэн угийн, пурйгэчийн, чацитилдук цэлэлчамий. Бэйэ бэйумэшмий, ашиг туктивүнэ үтирийвий угилэвий. Эмэрэкин, ибдэвий.

Умий бэйэ бэйумэшнэн. Нийакирин говолло мбтэва. Нуцан ашашинан. Н'бллан, коколлолви ибдэрэн, ёвүни ибдэрэн. Часит бакаран. Тэйтэн. Ашигтай тукшашинан. Ашиглэн иштан, эрйиллэн:

Ашайэй, гиркийэй!
Туктивүнэм ибдэвэл!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ашиг дблдэран. Цэлэллэн хуцтуучавэ дилганийн. Икэллэн:

Этэм, этэм ибдэрэ!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле! Дилгани хуцтукбүяя!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Часит икэллэн:

Гиркийэй, ашигай!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Он-ка-кур-ка бд'ашни?
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Коколлови ибдад'эм!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Ониви ичэтчани!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ибдэрэн ашиглай. Ашиг ичэттэн. Тэгрэн коколлови, бд'аналви. Хата эвхий тэд'эрэ, икэвки:

Едэ-ке тури дилганий?
Бор-бо-ле!

Часит икэрэн:

Нийакирви начиуд'амий,
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Дилгани шокорим,
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Авулми ибдад'элим!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Айамамат тэд'энд'экл!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Аши тэд'эрэн, ибдэрэн туктівұна. Қаңит туктішінән, ин'ек-
тэд'енә:

— Ха-ха-ха! Едә әд'ем уләкчид'эрә ашикәкүнма? — Ашиткү
гүнән. — Эшиткән шина шуруувд'элім д'үләви, ашийави.

Аши гүнән:

— Гакал упкатва идәғөлви. Мине әмбікол!

Қаңит гүнән:

— Идәғөлвәс очев ғамуд'ара, би шине ғамуд'ам.
Гаран, шуруврән. Амакәк бәйә әмәрән. Эріллән:

Ашийән, гиркаййәй!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Туктівұның ибдәкол!
Бор-бо-ле!

Аший әчин. Шимулий. Гөвран әрірән, шоқолппод'оно:

Бунни-тү, бунни-тү?
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Дәрүчбікәкүн бишім!
Бор-бо-ле!

Ачин ёкүн-дә. Туктівұна гёна бран, туктірая. Аший әчин.
Д'агдава хандүктарап:

Д'агда-йай, иәкүйәй!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ашияв ичес-кү?
Бор-бо-ле!

Д'агда гүнән:

Эчәв, эчәв ичәрә.
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Ирәктә хандүктақал!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ирәкта кутучй,
шұдан ушкаташ шәрән!
Бор-бо-ле!

Ирәктә хандүктарап:

Ирәкташай, иәкүйәй!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ашияв ичес-кү?
Бор-бо-ле!

Ирәкта икәрән:

Ичәчәв, ичәчәп.
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Қаңиткәкүн шуруврән
Бор-бо-ле!

Бәйә икәрән:

Иртікй шуруврән?
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Ирәкта гүнән:

Ділачай бурушкитткай шуручай.
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Тартікай цәнәкол!
Бор-бо-ле!

Бәйә шамайдулай цәнәрән. Эмәрән, хандүктарап:

— Он и'екәд'ем? Ашияв шуруврән қаңит.

Шамайдүнән:

— Эшікән әкәл шурура. Шурукәл д'әзиндуын берәл.

Бүрэн бэйэдү иланма хёвул, гүнэн:

— Умүкбимэ цулкал, д'үдүви эмбэл. Мэнни мурукбшкэл дуннэвэ илана бёгэл, Мучукуса, ичэткэл хёруви. Упкачин лургирэкин айтии бакад'ани. Эшикин, тар эрүочу. Илард гиркуд'ани дуннэвэ.

Бэйэ, хёвүви нулжисэ, мурукбшнан. Иландулж бёгэл мучурэн. Хёвүн эчэ манавра — умүкбэндэн эмбнумчэ. Гёва нүллан, гёвүшиан мурукбшнэн. Н'ян иландулж бёгэл мучурэн. Хёвүн эмбнумчэ унаптуидин. Бэйэ урүнчэд'эвки. Хёвүлин айакитчара. Илбүвшнан мурукбшнэн. Н'ян мучурэн — хёвүн манавчэ. Бэйэ шуурурэн шамандулж, улгучнэн улкатвэн. Шамэн гүнэн:

— Эшикэн аяат итгэгэл! Бэрйэви, лукийэви айайа бкаал, сэлэмэлэ мудчилэ. Ашьи галдэктэшкл!

Бэйэ итгэран айамамат лукйэви кэтэвэ бран. Барвэ маннэва бран. Шуурурэн длаача буруншбтийн. Илаллава цэнэд'эчэн, иштан чацитва. Уркэлэн эмэкэйим, эрйллэя:

Чациттай, чациттай!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!

Кэ, ши, шоб бимй, йүкэл!
Борболе!

Чацит икэрэн:

Экэл-кэнэ, алйткал!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Иктэлви бурунчэм!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Давдаашалмий, кин-
тэви!

Бор-бо-ле!
Хутэлви н'үкэд'эм!
Бор-бо-ле! Бор-бо-ле!
Давдаад'ам-мал!
Бор-бо-ле!

Бэйэ эшин алаттэ. Уркэвэн шот нийрэн. Ичэрэн — чацит ашигвэн вэшшэд'эрэн. Нэмкиран чацитва, шёлдулж нэвкайнэн: Чацитва вэрэн, ашьи тинэн, шуурувэн.

35. Киндигир, чаничийл

Бичётин дэгийн иэкүнэшэл, умүн хунад'итин, д'ур куцакэр. Нуцартин чаничийлд' иёлдүтчэрэ. Куцакэрбэ гүнэ, аяат ичтэнэл, энэл д'элуврэ ичэтнэл, энэл д'элуврэ бидэтин, Нуцартин д'улажвэр бэрэ. Хунад'итин бакараан тамакийва, акнийлийн таллэ. Куцакэр мбэва түктгэд'энэл, зөнд'эвкийл:

— Дағамакийдү-гла эшиг ичэвра, дағамакийдү-гла ёчир!

Куцакэр чаничилва д'элувдэ. Илан иэкүнэшэл шомамат тамакийва тэнэ, дилитин харуйилда. Нуцартатия н'уричилда хунтул — чаничил Нуцартин йүре д'үдүквар, Кушилдэ чаничилнуу. Мүйэ мүйэдүвэр акийтин гүнэн:

— Энал сбт адагура, хэрд'эрэс!

Тури гунэкин, дулугун иэкүнин, энэ мэдэрэ, йэмбут курбулдэн. Тикин-дэ нуцаммэн нэмкирэ, вэрэ. Тадук гёвэн иэкүнмэн вэрэ, тэлйткэн нуцаммэн вэрэ. Хунад'итин, акнийлийн вай-

д'ектін, туңашынаи, төтіңдіңтін тәтіңші. Тікін куңапмай гар-
пара, варә чацичил.

Чацичил әмәрә, ичәро — хүнәткәвмәти вәчәл. Шоцолдо ху-
нәттүвар, гүндәнел:

— Едән шәд'әнә мәниг'эріл гарпад'авдән? Бәйә бимә ётча-
наи д'үдү!

Күңакәр тукишачәл, дікәйділ чацичилді. Чацичил күңакәрде
харитчәрә, вәдәвәр. Чацичилдү бичәп умүкән бәйә, Киндиғи-
рилдуң гаспа. Тар Киндицикүр ценад'әнә, гәләктәд'әнә, куңа-
қанмә ичәрәп, бакаран. Йәзәні, имдан, чикәлдән, гә чаңит әдән
ичәрә. Гиркіни, дариникий шурурәсін, Киндицикүр дагамәраң
куңакәндүлә, гүйән:

— Ултурға шәпәлдік'акал Киндиғирилдула, би-дәт бичөв окин-
дүви-вәл Киндиғицикүр.

Н'әкәлби бүрән куңакәндү, тогойови илавұнаи. Тар куңакән
әмәкән Киндиғирилдулә. Тәдук улғур бәйән.

36. Бәркә, чацитіл

Д'уга кетемәмә матал, урыйнчед'әнәл, икәлдід'әчәтін, д'арбани-
над'ачатін. Тар матал д'арбанинад'анал ёкұна-да әңгійтін д'уга-
нива бра. Нуңартін эле д'арбадәнәр сәчәтін. Нонон зәзекіл
туғәнисе бейіктәд'әңгійтін, д'уга инәтчәммәр. Нуңартін д'уганнива
туғә тәллинәлвәр д'әпинкітін. Нуңартутін умүкән мата бичән. Нұңан
ахайчи бичән, нәкүний бичән, хутәп ачай бичән. Гәрбик
бичән Бәркә, нәкүний — Тәғән, ахай — Чипа.

Тәлі нұңартін д'уганнива д'арбанинад'ачатін. Бәркә сәбма бәйә
бичән: бейіүрә сәбма пәлән бичән, ёкүндүк-кән әңкін пәләрә. Бәркә
гүнмүрі, ёкүна әхалдүви ичомі, вайқии. Нұңан Буллатыл
хутетін бичән. Бәркә ахайайи Ңацағирдүк гачай, Чипа Ңа-
сағымцү бичән. Пұдаи д'угакітіна кирнишиуми бид'әчән. Кир-
нишин күтетвар сәбмат айаңуңкітін. Буллатыл сәл байахал бичә-
тин. Ңацағицикүр байандү хүнәтви бүчән.

Тар нұңартін күрүйәрактін, туғәній бллан. Тар туғәній
бран, иманаллаи. Бәркә-бәйә, туғәннелләсін, д'алдуқви хүйдтән. Нұңартін н'ән н'әні'е тेरүлдіра. Тар хүйдтәнә, Бәркә кирниши
гүнән:

— Кә, етіркән, айат улукицилви улумбид'әкәл! Н'әнн'әнійә
бакалдід'арал!

Кирнишин, тутухинд'әнә, д'улдүт күтепдүлбен әмәрән. Тар
әмәксө, гүлән:

— Кә, күтет, ёкүра-нал бакамтім, қажиңнәкәлду!

Нұңан тутуд'әхинаи, Бәркә-бәйә, д'ални уйбычиксә, туғәній
бейіктәд'әчән. Тар туғәннідү нұңан көтән бейіурға д'әнчән. Нұ-
ңартін туңца амәкәлвә туғәнніндүвар д'әпчәтін. Түғә нулгай-
тәд'әрәктін, нәлкіній бллан. Бәркә бейіуд'әнә, матава бакалд'ран.
Тар мата н'ән бейіуд'әрән. Бәркә нұңандуқиин анықталлаи:

— Екүнцкүр бихинви?

Мата гүнэн:

— Би бихим Җацацыкүр.

— Би тар Җанарира сাম.

Тар тікә гуниксә, Бәркә нұңандукин н'ян ханиқұтаран:

— Синди амйнии құ?

— Амйнии гүнмурій бәйә Хәңта.

Бәркә ділви бхіран, бхіран, гүнән:

— Тар би әзанғырвә әчәв сәре. Әкін-да Хөңта гүнмүріва әчәв дблдіра. — Тәдүк н'ян гүнэн: — Тімікайә салділд'эрән!

Мата гүнэн:

— Эр салдід'ақат тімі. Қә, мата, тімі мундулә нулгікеллу.

— Нулгід'әзбенүн, — гүнэн Бәркә.

Бәркә, д'уләви әмәксә, д'алдулә улгучәнен:

— Би матаға бакам, Җацацыкүр гүнмурій бәйәвә бакам.

Нұңартын тар биракама солоки үрінчед'эрә. Би нұңандулаң гүичә: «Бұ тәғәлтозә сундулә нулгід'әзбенүн».

Д'үғандин гүнэн:

— Қә, нулгід'әзбет!

Нұңартын тәғәлтозә нулгіхинә. Бәркә-бәйә тіхүхинән. Тәғән орорви онорон, Чипа дәрпухайлән. Бәркә матаға истан, д'уйави аваліллан. Д'уйави авалыйса, мәйави гәннәрән. Матал малудуктін мәбәи чициран. Идеңділ дагалйтін мәңци тикиржәнән. Бәркә матал идеңділтін дагалйтін қәнәллән. Тар қәнәд'әнә, матадилдү идеңділдүтін бәйәзівә ёма-вал ичәрән: Ичексә, гүнән:

— Қә, әрүлдулә әмәчә бихим!

Гүйиксә, авалналәви д'уләви суурән. Қәңқириктиң әмәд'эрә, Бәркә-бәйә сәмат д'алдәчиллан, он чацитілдүк тұксандәви. Нулгілін әмәрә.

— Қә, — нұңан улгучәллән, — мит әрүл маталдулә әмәтәл бихип. Би идеңділдүтін ёкүима-вал ичәм, әрүвә. Чацитіл д'әптил бинәрә? Әдүк нулгід'әт! Су д'ұлавар калтакабан әлбәкеллу, орорвор д'авакаллу, намакаллу, нулгіхиниммәр н'әкәкеллу. Би нұңардулатын ирәмәктә.

Нұңан ирәмәхинд'әнә, гүнән:

— Нулгіхинмі, миндү иматқүйа уғучакия уйкеллу!

Бәркә-бәйә котони гарал, ирәмәхинән. Д'үғанин нулгіхиллә. Тәғән орорви онорон, Чипа д'үви калтакабан әлбәллән, матадідәва әлбәрән. Тәғән орорви әмәврән. Актіралд'араки, нұңартын орорвор намара, нулгіхинә. Тар долбонийва нулгід'эрә. Бәйәндүвәр сәмава имәва уғучаквар уйрә.

Бәркә чацитілдүлә әрәмәрәкин, нұңартын малутківар өста. Бәркә, әмәксә, упкатватын адулалллан, тәғәтчәнә. Икәдүтін улләл хүйд'эрә. Бәйәңділтін д'ур тәғәтчәрә. Гә бәйә сәма дірам, сәниңма урәд'эрән. Нұңартын Бәркәдү чайиммілла. Икәдүвәр улләнә улбіллә. Нұңан әрәмәтчәрәкин, гә бәйә улгучәксәнә бд'авки, ёкұра ичәнәви. Актіралчалан н'ян д'ур бәйәл әмәрә. Д'үкәрә әзәхілл

байэл. Бэркэ сбмат цэлэлд'эцнэрэн. Нуцан сбва горово чацитилду эмэч бичэн. Д'улайи сурудёви н'экэллэн. Нуцартин гуниллэ:

— Тэгэткэл! Н'ян чайэс умд'аат!

Н'ян чайимна. Бэркэ н'ян сурудёви н'экэллэн, чайпэ умуксэ. Нуцартин эвкил тиэ. Часитил эзийтиг уркэлийви сиүйнчавий. Нуцан гүнэн:

— Сивцил д'үгарри ёхийчал.

Бэркэ эхйтви йүллэн. Уркэвэтиг иссаракин, нуцартин д'авалла. Бэркэ д'авад'арива кототий гидаллэрэн. Нуцартин илла, Бэркэвэ котолд'ивар гидалдабэр н'экэллэ. Гидаллрактэн, Бэркэ утэлд'итиг тэвээнэрэн. Нуцартин, мёнцилвэр утэлвэр гидаллара. Тиэ н'экэд'энэ Бэркэ би-мал-дэ уркэлжтиг йүрэн. Йүрэкин, нуцартин сбмамат тэпкэрэ. Мэмбдувэр кухиллэ. Гё гүнэн:

— Си йүвкэниний нуцанмэн!

Бэркэ тэлжкэкүн кухидүтиг д'алви д'укчалати тусасчай. Тала уүчакин уйчад'эрэн, барин дарадун локчад'аран. Бэркэ бэрви гаран, уүчлактүви д'алви октойблити уктувхинэн. Уктиврэн, уктиврэн тадук ўд'ави даргидайялтии мучураи. Часитилва түричиллэн. Эрэ! Часитил сукайллалд'ивар суруимётчэрэ. Д'улгү сбмат суруимётчэрэн. Илжтиг часитилви ийнд'эрэн. Эцэхйткутиг гүнд'эрэн:

— Сү чайникйлавар экэллу бурярэ! Нуцанмэн вэгжт, боконмй!

Бэркэ-байэ сбмат тикүлд'аран, часит турэрвэн дöлдöкса. Цэнэд'эрильвэ часитилва гарпачайлан, улкатва часитилва вэран. Иланма часитилва вэксэ, д'улати мучуран, ахайдилвати вэран, мучухинан. Тулгидэлэтиг эмэрэн, дöлчäттан. Атиркäчай чбийлд'аран, икёвэ тэхид'энэ: «Бургүвэ бэйэвэ сурувкэнэ». Нуцан д'улати ирэн. Тар тэхид'эрийэ дилдүкин д'авакса, дилд'ин тоғолий дэрэн. Нуцан атиркäчанин болгассаракин, умүкэн ахаткäчан бицандуливи йүчэ. Бэркэ эчб ичэра ахаткäчанма йүд'эрлэвэ. Нуцан гүнчбэн:

— Би улкатва часитилва, ахайлвati вэм.

Улкатва вэйткэсэ, д'алви октодийтиг ахахилсан. Нуцан д'алви ахад'ачай, ахад'ачай. Нуулгилин горолжбутчал бичэтиг. Бэркэ-байэ нуулгийливи бокочб. Д'алин «бэйээмэт вэра», — гүннэл, болгод'очбл.

Тар эмэксб, нуцан чайицми умёллан. Нуцан этэрэн умд'амий, гүнэн:

— Би улкатва часитилва манам, — гүнэн. — Кэхйло, часитил этэрэ эмэрэ.

Д'үгэний и'элийчечэтиг, «эчэл вэра бэйээмэт», — гүннэл. Нуцартин нуулгихийндэвэр н'экэлчэтиг. Д'ува цихблисбл, д'эйиллэ. Тбгэн, д'эвд'энэ, бирава солокий иччэйллэн. Тар ичэтчэнэ, ёкүрвавал бирава солокий ичэрэн. Нуцан акийтийви гүнэн:

— Акий, ёкүр тар д'укэлий лугдууд'эрэ?

Акийийн гүнэн:

— Ирэй?

Тар иччэйллэн. Тар ичэтчэнэ, ичэрэн кэтэмэмэс часитил д'үкэлий сукайллалд'ивар суруимётчэрэ. Бэркэ-байэ гүнэн:

— Тавэр чацитіл әмәд'ера!

Нуцан сомат д'алдайлан, он н'әкәдәви: тұксахйндағы-ғү, пәктірулдәви-ғү. Бәркә гүнән:

— Әгәт пәктірура, нұнартын сома кетэ. — Ахйткайви гүнән: — Си чуйур әрәллиң иғәхікәл. Би Төғәннүн бид'әңдәвүн.

Бәркә ахйткайви сомат улгучәнд'әчән. Чипалә гүнд'әчән:

— Чадитіл минәвә варактін, си нулгихйндағы акнилтікайви.

Чипакан, Чипакандачайын, чуйурә иғәхінән. Бәркә Төғән бид'әллә. Эрәт Чанитіл дағалд'ара. Әрдән чацитіл әмәкүттә, д'апқун бинал. Бәркәйәвә чацитіл оролихина. Чадитіл әләвекәтчәнел аныктамұлла:

— Эрүкій-хут улгучәнә, вад'аңдайын! — Бәркәдуқ аныктамұлла: — Мунцилвә д'алвавун ңидә вাচатін? — Тар тікә гүнәл, анылчайтын.

Бәркә гүнән:

— Би ёкұна-кат әчәв сәра.

Тәліи чацитіл улгучәллә:

— Мунцилвә д'алвавун манаңаң, мундү улгучәнән умүкән ахатқан. Тұксахийнвікі, күхід'әрәктиң. Тар ахайын аран әмәран. Умүкән чацит гүнән:

— Кә, су мундү-дә баләкәллу, тар бәйәвә вадәвүн.

Тар чацитіл әләвекәтнел нұнарзатын сурувчәтін. Бәркәдү солва айалва сукейлалва бүчәтін. Тоғандү-хан солва айалва сукейлалва бүчәтін. Нұнартын д'үкән сомал химәл бичәтін. Ақиннин сома имә бәйә бичән. Чадитіл сомат әлінчәд'әвкіл, «горойбәттін» гүнәл.

Кә, упкап тәләктиңхина вәвкилва бәйәлә. Тар иңәд'әңдер, ихилла чацитілди орортін үд'алватін. Тар чацитіл саба горово инәтчәтін. Нұнартылтын орортін сабт гороливкіл бичәтін. Чадитіл саба горово вәвкійцілва үд'алватін гәләктід'әчәтін. Эчәтін үд'айатын бакара. Тар д'арин сомат тікүлд'авкіл бичәтін. Умүкән чацит сомат имәт н'брәд'авкі. Тар н'брәд'ана, иллан. Чадит гүнән:

— Си н'брәхикал!

Бәркә н'брәхинаан. Нәкүнин амардүн нәнәд'әран. Бәркә сабт имәт н'орахиан. Бәркә д'алдүви гүнән: «Нәкүнмәв чацитіл вад'эрә». Тар нәнәд'әнә, амаскайви нәкүнми ичәттән — нәкүнин ачин, әчәп ичәвре, арай чацитіл әмәд'әрә. Тәліи нұнан сомат имәт иңәхинән. Бәркә сомат тікүллан, нәкүнмән вәрактін. Нұнан тар дариский миңбәнән. Тар миңчәниксе, чацитілва пәктіруллән. Кәтәвә чацитілва вәран, илантін тұксахина.

Тар чацитіл, д'әмүликсәл, д'үләвәр сурутілла. Чадитіл Бәркәзе сокорро. Тар сокориксәл, д'үләвәр сурутіре. Бәркә н'ай д'үткітін сурурән. Тәдү нұнанмәп тулилә умүкән бәйә этәйәд'әрән. Бәркә-бәйә нұнанмән ичәрән. Тар ичәксө, дәлчачаплан. Д'ү дәрідәдүн, д'әмүликсәл, д'әвд'әйттә. Бәркә тар этәйәмнү

вэти гарнаан. Тар этэйд'эрэй «эк!» тиккэхүйтэн. Д'ү дбгиддүн д'эвд'эрэй гүнэ:

— Айат, айат тігиткэл!

Этэйд'эрэй эвки д'авра. Бэркэ этэймчүүэтин ойолын гарнаачан. Д'үгит этэймчүэ тэнтэвкэй:

— Иктэрэвүнни? Иктэрэвүнни?

Этэймчүүтэн эвки д'авра. Чацитл гунийкэйл:

— Едээ элкий д'авра?

Умүкэн чадит йүллэн. Тар йулчавэ Бэркэ варан. Чацитл гунийкэйл:

— Эр бэйээчит п'ани суурас.

Нуцартин ичэвкэл бэйзэмэр. Тар бэйээдити бучэ бивкий. Чадиткакайр тэлжэктэжүүчийкэйл. Соткутий гүнэн:

— Би ёкундуук-наан эчбэ цэлэрэ.

Тикэ гуниксэ, йүлкүйтэн. Тар тикчэнэ, чадит Бэркэтий гүнэн:

— Си минавэ-нуун д'эгий, упкатва д'элчинни!

Бэркэ чадитлва соткульвати варэн. Чадитл сомат Бэркэдүк цэлэллээ. Нуцартин умүкэмэт д'удуквар эвкийл йүрэ. Чадитл Бэркэдүк д'удувар долбонива дикэичэд'эчтэн. Бэркэ-бэйэ тар долбонива чадитлва этэйд'эчэн. Чадитл долбопшива эчэл йүд'эрэ. Бэркэ-бэйэ сомат д'алдад'ачан. Тар долбониду сома иғин бичэн. Бэркэ интэрэвүүтэн. Нуцан иктэрэвүкссэ, гүллэн:

— Чадитл, д'удуквар йүкэллү! Би сунэвэ, йүрэкихун, этэм ватгра! Эрэкихун йүрэ, би сунэвэ эр-дээт ватгдацав!

Чадитл нуцанмэн тэд'эрэ. Тэд'эксэл, йүтиллэ. Бэркэ, чадитл йүллэлтийн, гарначиллан. Бэркэ мэнин улгучёнд'эчэн:

— Би йүлчэвэ упкатва чадитлва ватгалим. Би чадитлва ватгим. Тар чадитлдүк умүкэн бэйэ, энэ йүрэ бид'эвкий. Би чадитлва ватгисэ, д'улэтийн илим. Би илд'энэ, чадитва умүкэнэ ичэм.

Чадит, минэвэ ичэксэ, тэвкэллэн. Сомамат тэвкэд'эвкий. Тар тэвкэксэ, гүллэн:

— Кэ, мата, минэ экэл вара. Би синдү хавалд'ад'ацав.

Бэркэ улгучёйэй:

— Би сомат нуцардуктийн, нэкүүмэв вайналдтийн тикүлд'ачав. Би тар чадитва уткэнд'иви дилвэн хөгжим. Би, упкатва чадитлва ваксэ, нэкүүмий д'бийм. Тар д'бийксэ, ўд'аливи гэлэктинэйм. Минцивэ нэкүүмэв вад'дакиэтин бакам. Нэкүүмий вад'актутин ачийн. Тар вад'актутин арай сөксэлийн. Би эмүкий эмэнмум. Би ахийдукки, нэкүүдукки эмэнмум. Эмүкий эмэнксэ, соонкод'очбэ, энэйд'эчбэ. Эзэйд'энэ, ахийви ирэхийнэвэн д'бийд'ачав. Тадуук төрүүи умүкэн бэгэ бичэн. Би ахийви сомат д'бийд'ачав, иманша дбгидалши д'гээви д'бийлим. Би, чадитлнүү кухийксэ, ёкунадаа этэм сад'ами. Ахийви д'бийксэ, чуйур эрэлийн динэткийн сурухиинэйм. Ахийви бид'бикхэн ихим. Ахийв бид'биктүүи ачийн. Чуйурдук йүчбэ. Би ахийви йүд'бикхэн онтойби гэлэктлийм. Нуулгихийнэвэн ичэм. Ахийви онтойблийн ахалим. Собна горово нуцанмэн ахад'ачав. Минди ахийв сомат амийми

төрүлән нулгийд'эчө. Би ахиви д'айырдүви түрганийдүви боконим. Тар бокониксә, төрүләвэр нулгийхинэв. Иллдүвар түрганийдү төрүвар истав. Тар төрудүүн көтөмөмэ матал уринчэд'эрэ. Эр маталдү миңци кирнив билді'эрэн. Би, эр маталва бакалдіксә, улгучэллим. Маталдү илан самахэл бичётин. Бу, уринийксакил, самаңма нимцәнмукахнэв. Тар самаң, ичэчийксө, гүнэн:

— Часитіл сбма кэтэ оқтолийхун ахад'ара.

Гё самаң гүнийки:

— Сома-дә уләк бихийни!

Соткутии самаң гүнэн:

— Амакардү, иргичилдү самаңнйлти эмэд'эрэ. Сбма кэтэ часитил эмэд'эрэ, — гүнэн н'ян. — Бэ, бэйэл айат бэлэннбэллү. Часитил сбцилти эмэд'эрэ.

Тар н'ян эвэнкблду сбцилти бичётин. Тар сбцилти ёлтии ёкундуук-та эвкий цэллэрэ. Матал түрганийтийн часитилва этэйбвийл бичётин. Матал соткувар самаңвар нимцәнмукахина. Самаң нгвцанд'аракин, чуректэлии пэхимиилэ, гихикии окоргорон. Самаң нгвцанд'амий этэрэн. Этэксө, гүнэн:

— Часитил галд'ара.

Тар долбонийдү самаңцилти бутічал, эвэнкйл цэллэллэ. Тар цинакиртии гоголлоктии, умүкэн ахй идэглэлтий йүрэн. Тар идэгэлдүн чаниткакүр уклэд'эхжүттэ. Тар ахий, эхийетин ичтээ нуцарватин, д'уләви йрэн. Эвэнкйлии пэктрёвүртии тулиндү бичётин. («Тар иною эвэнкйл бэркэрвэр тулийлэ нэжүүкйл, иллтии эдбтии котороро. Д'удү нэмий, бэркэрци иллтии которовкил»). Эвэнкйл пэктрёвүрвэр би-дә гадатин албачатин. Тар тикэ н'экад'эректин, часитил гарначилла. Эвэнкйл пэктрёвүрэ ёчир тусакталла. Нуцартин түрга эчтэйн этэйтчэрэ. Часитил сбва кэтэээ эвэнкйльэ вара. Эвэнкйл н'ян кэтэээ вара. Эвэнкйлии бэркэртии д'үдү биректин, часитилва давдимчал. Часитил кэтэ бичётин.

37. Бэйэ, часит

Билир, билир тар бичэн. Эгд ицарагд бира налдия далтудүн тугда ура эрэдүн умүн д'үкчан түпүд'эчэн. Д'үкчакан тулгидэдүн д'үр орор тооточчобтии. Сбнаи д'авкадүн элэкс гиркуялтад'арий омолгийчэн эвийд'эчэн. Д'үкчакан тулгидэлтийн инмэкийл умнүд'эчтэйн. Тар д'үкчакандү ахий тэгээтчэйн, унтува сацанад'ачэн. Тар ахий эдиеи алатчачан. Эдийн бэйүчэ бичэн. Ахий д'алдуви гунд'эчэн: «Будакүн буййунэ-вэл эвкий н'эхүрэ, бурдукийз-да манавд'арак». Тар ахий эдий илаллава бэйүктэксө, ёкунада энэ вара, д'уләви мучүхинчан. Тар мучүд'ана икэнцэктү бэйэвэ, налдиптий эмэд'эривэ ичэчэн. Тар бэйэ часит бичэн. Бакалдіксал, дороволдимчал, тақинду тэгэчбл, дамгатилчал. Часит бэйэдук анцуктачан:

— Си ёкунд'и бэйцэлэ бэйүктэцнэнни?

Бэйэ гүнчэн:

— Би діғин-нұн алгачілқа бәйцәлвә, чунивікілвә, сүрінектев-
кілвә, туғәзілвә атчамарва бәйіктәд'әңім.

Чацит гүнән:

— Би таргачір бәйцәлвә әчөз сәрә. Би д'үр алгачіла
бәйіктәнім. Би синә бакам, би әдү-дәт д'евуцим.

Бәйз, сабт ңәләликсә, гүнилгән:

— Си миңә экәл үйра, миңни утәв бихин. Си тімій д'үләв
әмәдәви. Д'үләв әнә ырә, си, ақави ақақса, уркәлів сиғиппәви,
би утәви амдағыс ибдад'әңдәв.

Чацит әләкейчән. Тікә гүимәчиексәл, д'үләвар суручтін.
Бәйз, д'үләви әмәкса, ахйдүви улгучәнилчән:

— Би чацитпа бакалдім. Чацит миңәнә д'евдәви н'әкәрән.
Би утәнәр бүдәт әм. Тімій нұдан әмәд'әңдә.

Әні, тарә дәлдіксә, утәви муланникса, сбмат соцолчоң,
долбоніва соңод'очон. Тәрәлтәнә тәрәкса, килебәйзеви ахұлчан.
Әтдівә честәзе ахұлчан. Чацитва аләчилчан. Арай дәлдічал чацит
әтәд'әнә әмәд'әрән:

Д'он, д'он, д'он!	Ут, ут, утәвәр!
Д'әп, д'әп, д'әпчелім!	Биля, биля, билгайәв!
Ай, ай, айакан!	ка, ка катад'орал!
Үл, үл, улләйә!	Ә, ә, әләйәл!
Им, им, имайат!	Үл, үл, улләйә
под, под, поддакаллу	Д'әп, д'әп, д'әпта!

Тікә әтәд'әнә, чацит умнәт ақави ақақса, уркәлітін сиғипчан.
Тар сиғипчаракин, бәйз умнәт адалын честәзе ибдәтчан. Чацит
амдан честәт д'алуптан. Чацит әгәлчән:

Ә! Чол, чол, чолдон!	Ә! Әр, әр, әрүкән!
Ә! Лич, лич, личар!	Ә! үл, үл, үлмәкү!
Ә! Тиң, тиң, тиңар!	

Тікә әтәд'әнә, чацит әнчән, Чацит әнд'әкәнин, бәйз оорови
д'аватічан, горол бутаткі нулгисінчән.

38. Мани-чацит

Билир, ноноптидү әзенкіл д'авит цәнәцкітіп. Уғучакілтін
әчір бинкітін, орортін-дә әчір биңкітін. Нуцартін бәйіктәң-
кітін. Әләкәс мацил бичәл. Мацил-чацитіл бичәл. Мурирдү
үтучад'аңкітін.

Тәдүк бәйумә бичән. Хактіралд'аракин, мацил бәйәлә әмәчәл.
Тәдү бәйәдү хунаткан, ахшы бичә. Чанмічә, имурәнмән гадәви
н'әкәчә. Тар арай чанміха, утіскәй ичәчә. Тар чацитілба
қадарилду ичәчә, аракұлан гүнчә:

— Чацитіл әмәра!

Әтіркәнин д'авләви тәвүтчә. Нуцан хутәви сәндукин кими-
скад'әчә, тәпкәчә:

— Он бәнни бакара сәхәвә? Тәдү лугәр нәрйә! Тарицин арай д'үтүд'әчә. Эдү луғәр бихин! Эдү луғәр бихин!

Хутәви һәлихинчә, д'аңдук йүхә, Тәдүк д'авут хуручәл эйәкәй, «Күккү пурул! — гүннэ. — Ун'аптук долин!», — гүнчә.

Чаңиткәкүртән тәпкәлчәл:

— Абаккавун суптівчә!

Чаңитл һүңгүлтүкій әмәчәл. Тадук ахи и'ан бичә хүңту.

Чаңитл һүңгүлтүкій әмәчәл, биракәндүлүк хүкләхинчәл. Ахп мүләчә. Ичәчә, гәткій аракүкән гүнчә:

— Чаңитл әмәчәл! Эмнәк тухалла, халлағат хаййқталавар!

Әхилэ тар гә гүнән:

— Чаңитл һ'уриткәлбәти халлағат!

Хүкләд'эрйлбә халлад'ачәл. Чаңитл гүнчәл:

— Сирағес-мәл бинә!

Ахал чаңитлдук тухачәл, чаңитл суптівчәл.

39. Куригул, маци.

Бәйә бичәп — Куригул. Нуцанцин д'үр иәкнилин. Куригул асий, гүл — омолгүл. Бәйүсчәрә, бултад'ара. Асий гүлд'әңән:

— Ңәләчим әмүкин д'үдүви. Эмәнд'әнни минә. Эңәкәл әмәнә, булиссайчы!

Үгілә гуләвә бран — иңкуя. Тәлә асайиви түктівән. Д'үн тәлә дуннәдү әмәдәлән. Долболтоно, гиркуд'акса, бултад'ана әмәд'эрән. Бәйүсина тирга хәрәкәлтәтийи бәйәл иланы. Куригул тәлә бәйүнмә багдақава вәрән, цинакин амәкәвә вәран. Куригул хиғыллән бәйүнции. Өкін-дә мурдуңәд'әнәл хәргиски хигд'эрән, эси-вәл угиски гәлүсиллән. Илә хәңкәчиллән. Ичәйллән — маци тар асайән Куригулцайва дәгівд'эрән. Асий гүнән эсйлә:

— Ке, әмәннәкис минә эсілә әмүкинд'и, кәсәд'әнни амардүв!

Куригул һ'урви гадан, гарпакәкүттән нуцанман, дулиндү абуллан. Дәгрән тар маци иәкүндулән. Эси-вәл тук-сә ичәйллән угиски. «Си-вәл минә, гиркүй, этәйәннәкәл!». Һ'уритви гарпарат нуцанман аран абуллан. Никалитин дәгрән иәкүндулән. Эси-вәл ичәрән и'ая ділганиман тәғрән. Һ'урви гаран, бәрви, гарпакәкүттән нуцанман, иргинцивән чұптулттан. Лупумнак дәгрән.

Бәйәл тар д'уләвәр іценүра. Нуцанман сәрә, йдү-вәл бикичин. Һ'ур ад'әңдә тәңтіре, олдосолин ушқачин сәләчайл. Куригул тар тавин. Нуцан тар амцаң әмүкин сәлә ёчин. Куригул тавиттан эсйлә сәләнә амцаудүви. Тавиттан мәңдүви, иәкүнлүви тавиттан, Никәдүви тавиттан. Иәкүнин тар Никатин — бәйә әзәсі. Сурура әсйлә мацилә тарил. Иста нуцанман, гуләдүви бид'әкәкүттән. Эрірә нуцанман — йүрән. Маци тари бәричү хата һ'уриткәкүн. Эсй-вәл Никәтин гүнән:

— Амцалд'ивар н'урилвар товочилгээт, угэсийн пэмкинэ буруллэкин н'ури.

Маци тар гарпаккүттан н'урви угэсийн. Никатин н'урви амцатви товоллон бурууд'эривэ. Н'уркакүн амцалан буурэн. Тарвэлий Никатин, н'ян гарнаран угэсийн. Мацикакүн амцави азараан, н'урви товодови. Н'уркакүн тар маци амцалан буурэн, лупумнээж эмугдэллийн цэнэрэн, мукэлэллийн йүрэн. Вэрэн нуцаннамж тадуу. Гулэлэн маци бээрэ. Ашйтин иуцарватыг эчэх тацматира. Эри хоронмбын угэчича тар Маци. Асийвар гада, д'уллэвэр цэнэвэрэ. Албавий тэгээтчээшийн — бурултуумэ. Хоронин йанцумчай. Нуцаннамж Куривул тавиттсан, сурулж браан, хоронмбын сурултэн. Аянчанийн кэнмэ иниттэн, сурултэкин, тадуук буддээн.

40. Чакилтулă

Чакилтулă д'ур ахийн бичээ. Гэх гамакта бичээн, гэн — холоктон. Чакилтулă хуруучээ, бэйумильчээ. Цинакинтийн хутэцчээ. Чакилтулă д'умэвийн эмэгчээ. Тар ахийн гунчээ:

— Ахис хутэлийн гэцэд'эрэ.

Чакилтулă хуруучээ, эмэгчээ ахийни холоктови д'үкчамылă. Ичэчинксб ахийн гэнүүнми д'үктэ хуручээл, амуткантай. Эмэннэн ахийн хутэн балдчай, д'үкчадуви бид'эрэкин. Бирайалдуулж гэлэктэд'эчэх хэцахалла. Умүкэй хёцанмай бакачай. Тар ханцүкталчай:

— Ес бихинни?

— Минэ Чакилтулă эмэгчээ д'үкчадуви. Хутэйи ёт-тээ эд'ицээ иргирэ.

Тар хёцашан гүлчээ:

— Екум-дэйшиин, элэ хаким бихин.

Тар гүлчээ:

— Тарицмэтид'ис иргийгээт!

Иргийлчэл д'үктэ хёцашанун хутэвэ. Тадуук хутэтин хэгдихочай. Нийтийн вэвэй очай. Умий энэйнин гүчээ:

— Амийндулайи хурүкэл. Нуцай ёмудылтийн шулгихичээ. Икэд'энэ цэнэкэл, энэ омцоро: «Чакилтулă, Чакилтулă!», — энэйнин гүнэн.

Түр икэд'энэ хуруучээ. Цэнэд'энэ икэд'энэй. Бирава мижчанд'ана омцочб. Н'ян энийндулэвийн мучүхичээ. Энэйнин гүчээ:

— Еманд? Элэ эмэнд?

— Омцом.

— Экэл омцоро, луху икэд'экэл!

Тарицай, икэд'энэ, н'ян хуруучээ. Эшэ омцоро икэйими. Тар ишина бэйэлдүүлэ. Ишина, тар бэйэ гүчээ:

— Еманд?

— Амийн эмэгчэн эр д'үкчадуви, Чакилтулă гэрбичий, — гүчээ, — тар-ту бихинд?

Тэлэй бэйэ ахийни дүктэлчээ, эмэнмуяа хутэвээн, хуруучээ хутэнэш.

41. Бэйэткэн

Эвэнкүчэн бэйэчэн бичэн. Асалин д'ури. Гё асийн сэлэд'эрэн, эрупчут эксэд'эрэн, гёйн айат эксэд'эрэн. Бэйэ тарэвэ эвкий та-пурэ. Асийн хутэтэрэн куцакаймэ, тадук гён асийн д'айаран, куцакаймэ, хитэнмэ хутакацмэ нэрэн. Эдгүйн эмэрэн, гё асийн гүн-лэн:

— Асийс хутэтэрэн хитэнмэ хутакаймэ.

Хутакаймэ гүнэкин, эдийн сэлийллэн, гүнэн:

— Асийва эрупчу эксэд'эм, эмэнд'эм сина!

Гёва асийва эмэнэн д'үкчадуви. Тадук гётни асийти нултисийнэн. Куцакаймэ д'айанайи тар асийн биралдээ эйрэрэн. Куцакаймэ тар бирадү бакаран сёцан, иргичиллэн. Куцакаймэ иргйттэн. Гиркулэн бдан. Эвэнкүй-энинин ичэрэн куцакайн ўд'азайн инадү, д'апкадү, гүллэн, цайдиллан:

— Минци хутэв ўд'ан эр бинэн?

Унталан куцакайн бран, хуйукүкээрд'и; гёва унтаава хуйукүкэнд'и, гёва хэгдит. Куцакайн мүдүү бивкэ бдан. Н'бын идалбай гиркукталлан д'апкалий. Тадүү бакаран унталва, энинми бнаалбан. Тарилва тэтгэлэн куцакай. Гёва хуйукүкэнмэ албаран тэтчэмий, гёва тэтгэчэй айат. Куцакай тар соодониллан, албамий тэтгэчэмий. Энинин соорвогийн дөлдөран. Туксамалчараан, хутэйи тэтгэчэрийн д'аваран. Сёцан гүнэн:

— Минци хутэвээс суруувунни! Евүнави н'эхэлийнни?

Эвэнкүй гүнэн:

— Минци бисин! Биралдээ суручэндээ си д'аванни!

Тадук эвэнкүй тар хутэйи иргичиллан. Хутэй бэйэ бдан. Хэгдикээкүн бдан. Бэйүрэ бэйүсивий бдан. Вавий бдан. Энинин гүнэн:

— Амийнми хоктовын цэнэд'эндээ, хоктовын ўд'ад'агдат!

Үд'асина. Амийндулайи эмэрэн, боконо. Амийндуйи бицээтэн. Амийн д'эбд'энэн — ёкундээ бачин. Асилд'энэ гүнэн тар бэйэ амийнми:

— Мит улгучэмтчээцэт сагдила?

Тар эмэд'эрий бэйэ улгучиллэн:

— Минци ултур бисин! Бэйэ асийн хутэтэрэн, гё асийн хутэвэн д'айаран, хутакацаймэ нэрэн, куцакаймэ бирадү эйлмий. Сёцан иргйттэн. Энинин бакаран. Бирадү ўд'аван ичэксэ, унталан бран. Соодорийва энинин д'аваран, д'улайи увасинан. Д'авакайим, иргиллэн хутэйи, бэйэ бдалж. «Кэ, — энинин гүнэн хутэйи, — амийнми ўд'аван, илкэхимбэн ўд'ад'агдат!». Тар бэйэ эсийлэ амийнми боконон. Си тар ултурвэ саний? Асийн тар эмэнэн д'үкчадувий?

Тар бэйэ амийнин илгэллэн эмугдэдүви:

— Ника, — гүнэн, — би асийн эмчэв д'үкчадуви хутакаймэ хутэтэрэкин!

Тадук тар бэйэ гүнэн:

— Миндивэ энгиймэв си эчбэс эмэнэ, — түдүк гүнэн: — Эр би бэйэ бдам. Тар хоктово ўд'асиним.

Тар бэйэ чунурёдүн солото балдирац. Нуцан ичэвкэнэн амийткайви чунурёви солотово. Тар бэйэ тимэнна бэйүстэн, багдакава варэн, халганимэн амийндулайи эмэврэн. Амийнин халганимэн бсанын хүгилэн, д'эвулдэйи. Хийгрэн, этэрэн. Асийи халганцитпи иктэрэн, эллэвэн капурах. Асий буддэн.

— Хутэвэв эсикис д'айанара, эмчэв д'эмуд'эрэ. Минэ улэнчутчэс, «Хутакамэ хутэтбэн», — гүнэн.

Бэйэ гёлайи асплайи суурэн, мучусинэн.

Тэлж хутэн солото чудурётэрий буддан. Тары дуннэдү сүндаду нээрэ. Тариптидук солото дуннэ хэрэдүн балдирац. Эсиктийн бунируква тукалат даста, солото эситкэндулб ойогийнанын бимчэ.

42. Д'эптил

Д'эптил нулгирэ эвэнкийлдүлб. Эвэнкийл өчёл тилэ, эрүя бэйзэл бишгүйгэтийн. Нуцарнуунтийн урьиччэлэ, гиркийлбтчэнэл. Д'эптил дэлгилэ хүнад'ильватын. Эвэнкийл бүрэ, дэлгилэ нуцарциватын. Дэлгирэ. Д'эптил нулгийшина хэрэкэт. Хунад'иватын айамамат д'авучилла: эвкийл хавалийвканэ, улйд'эвкийл айаткут д'эптилэт. Хунат эвкий тилд'эрэ, ёддэ нуцанимэн туф айат д'авучилла, гунд'эвкий: «Таргачир айал!». Эвэнкийлдук бэйэ матамарэн Д'эптилдүлб.

Эвэники нэкүнми гүнэн:

— Би айамамат бид'эм, эвкийл минэ хавалийвканэ, айаткула д'эптилэйэ улйвийл миндү.

Энгийндулбайи нэлжэн уярэн. Нэкүнин мучушинан.

Эвэнкийл хунад'итин, Д'эптилдү бид'энэ, тилгилэн нуцанимэн савэнчэптийнээр вэмүд'эривэтийн.

Умин шэвээнчблэ, умүкэндү д'удү умүнүнтэ, хунатвэр гёла д'улдэ нэрэ куцакарниун хуйукүрни. Куцакар дагамара; цалэвэн д'авчад'анал, гунд'эвкийл:

— Эр минци бабкэ бд'ацан!

Гё гунэн:

— Минди!

Хунат ханчүктаран:

— Едэ гамуд'арааш бабкэлвэв, инд'эрйидуки?

Куцакар гүнэ:

— Шигэ тиматнэ вайд'элэ сэвэнчэптийнээр.

Хунат тиллэн, куцакарвэ улбячирэн:

— Ашилкэллиу! Би йүд'энбячалим.

Тулишкий йүкэйим, шуними мугдэхчэндү нээрэн. Мэнин худтульвэ тэтилвэ тэтгэн. Тукшад'ашинан хоктолий. Куцакар ичэнэвийл, ичэтчэрэ — мугдэхэнэ, гунд'энкийл:

— Нуцан чукчулд'эрэн!

Тиматнэ эмэрэ, хунатвэ вэлдэвэр. Хунад'итин ёчийн. Хунат, хоктолий тукшад'ана нэцирйлб дагамаран, түктэрэн. Таргит мик-

чайын иманналә, иманнадү хүррән. Д'эптил гәләктәнәшина, ўд'алий ашад'анал. Нәцирийә ишта, тәдү ўд'ан манавран. Д'эптил тәдү албалла бакад'амй. Нәцирийә мурәлий киңләчүшәл гиркуктара, албара бакад'амй. Шамайтін шевенчәрән, албаран бакад'амй. Гүнә:

— Нуцанытін шамайтін эңәши. Эвәт нуцарн'унтын күши-мүре!

Нулғишина хүнтулә урикиттулә.

Хунат йүрән иманнадук, тукшапашкан энтілтіківи. Эмәкәйим, улгүчеллән упкатвән, хәсекәттілләп амаймы, эйнми:

— Едә минә әрүлдү иләл бүчәшүн?

Эйнми гүнән:

— Едә тилуләд'ечәш, айат бид'әрізи?

Эвәнкіл тәтілвән лукта, тативре д'эптил хунаттүтін. Дікени-д'әктулән ңәнәврә, вәрә, дәрәвән чипчире, эдәтін тәгрә. Мәртін нулғид'ешине.

Д'эптил мучүктара д'үкійаләвәр, гәләктәнәрә, гүнә:

— Хунат йүчә бинән.

Бакара бүчәвә, гүнә:

— Эр-ка шудан бинән?

Д'үлапәр әмәврә. Тарә, шевенчәд'әнәл, сәзәнчәптінәвәр вәрә. Туби эвәнкіл Д'эптилве уләккире.

43. Д'әнтигир

Эвәнкіл айал бичётін. Күтетітін Д'әнтигир бичән. Хунатвар Д'әнтигирду бүрә. Қуқинмәр вәптиңтамучал, киннивар хуйәчи-хәл. Уринихәллә. Куңакар гүнчәл:

— Бәйәкәнтәд'ицәвүн ун'акәчәрбас.

Ахә ханичай:

— Минә вәгләд'ас?

Мәндүви гүнәб: «Кәңүрәктү игәхиним». Бәләниәчә, билгака-райә нәчә кәңүрәктү. Эхилә әхилтәна әмәчәл бәйәндильтін, Д'әни-гләлчәл. Тар ахә гүнчә:

— Чикәннәктә тулилә.

Иүтә. Мұгдуқәңдү күнүви тәтіпчә, мәниин кәңүрәклий игә-хинчә. Тарицийин ойойолин киңләлд'изәр гәләктәлчәл, эчәл ба-кара.

Илаллава бихәл, нулғайчәл. Тар ахә илаллава хукләчә иман-надү, тәдүк күргәкүн, әдікүн боча. Тар хупат иманнава бого-род'оро, ойойолин тухача. Эдін ўд'аван липкайчә. Энтилтіківи әмәчә.

— Едә әмәнни?

— Минәвә вәптиңтамуд'ечәтін.

Тар әхилә айаннәхикүтчәл, нулғайкүтчәл.

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда земля только становилась, когда пебо с тройной радугой было, когда вода рек впервые из земли, как ручейки, потекла, на самой середине средней земли, на берегу одной реки, на холме с крутыми склонами был один чум-утэн.¹ Там жил один мата-богатырь.² Не было у него ни олененка, ни собаки. Была у этого человека только младшая сестра. Жили они охотой на зверя. Лук у этого человека был сделан из края лиственницы. Были [у него] и стрелы. Поэтому он ни одного зверя перед собою не пропускал, всегда убивал. Перелетной птице, над тремя облаками летающей, пролететь над собою не давал. И вот жил там этот человек, питаясь мясом животных, а одежду из шкур изготавливала сестра. И в каждое возвращение брата делала она запасы. Брата звали Кодакчон-мата. Имя же сестры было Секак. Так живя, стали они задумываться. Однажды вечером [брать] обратился к сестре со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Ну, сестренка,
Мы на средней земле,
Когда она только становилась,
Начали жить.
Мы оба, в лесных зверей превратясь,
На средней Сивир-земле³
Живя, откуда произошли?
[Разве] мы сироты? Как это
Нет у нас ни отца, ни матери?
Если бы мы вышли из лужки земной (т. е. с берегов озера),
То это оставило бы след.
Если бы мы вышли из дупла древесного (т. е. из тайги),
То это оставило бы след.

Если бы мы упали сверху, с неба с тройной радугой (т. е. с гольцов),
То на макушке у нас был бы иней.
Я думаю — весной все птицы
Стайками летают
И звери имеют детенышей.

Тогда сестра обратилась [к нему] со словами:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Кодакчон-братец,
У нас, вероятно,
Были мать и отец.
На краю Кидан-земли,⁴
Вероятно, имеются

Подобные нам люди.
Как бы то ни было,
Мы сиротами родились.
Вероятно, имеются
Подобные нам уранканы.⁵

Он спросил сестру: «Ты, если знаешь, расскажи». Сестра Секак к брату обратилась с речью:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Я, братец-друг,
Увидела свет солнца
После тебя.

Как мне знать то,
Чего ты не знаешь?
Если уж знать, то ты
знал бы!

Сестра кончила, начал говорить он. Мата-богатырь опять обратился к сестре с речью:

Кударгие! Кударгие!
Секак-сестрица!
Я по средней земле
Надумал походить:
Очень хочется мне
На мир посмотреть!
Ты, вероятно, заготовила
Мясо зверей для питания.

Будешь жить на одном
месте
В чуме-утэн.
Утром, встав рано,
Приготовь еду! — говорит.
Постранствую-ка [и] по
средней земле!

Ну, так поговорив, они легли спать. Утром Секак-девица очень рано всталла, еще до зари. Встав, она приготовила еду. Тогда брат встал и вышел из чума по своей надобности. Потом вошел в чум, омыл лицо. Съел утренний завтрак. Поев, собрал лук и стрелы. Потом вышел из чума. Когда он выходил, сестра речь держала, так говоря:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Кодакчон-братец,
Как, меня одну здесь
Оставил, уходишь?
Ну, как я здесь
Одна останусь?

Хорошо бы тебе побывать
Здесь пару дней!
Прислушайся к словам
[моим]!

Так говоря, она кончила речь. Тогда заговорил брат. Встав против нее и прощаясь, он сказал:

Кударгие! Кударгие!
Какой злодей-людоед,
Придя сюда, убьет тебя? ⁶
Сестрица Секак,
Если злодей, придя,
Начнет убивать-пожирать,
Я ведь мужчина —
По следам его пойду!

Не печалься, не плачь
[И] жили [себя] на одном
месте!
На долго ли, на коротко ли
Прими мой привет!
Через пять переходов вернусь,
Если буду жив.

Сказав и распрошавшись, он вышел вон. И вот отправился прямо в сторону восхода солнца. А у сестры, когда он уходил, скатилась слеза. Так и осталась она там. Брат пошел вверх по реке. Охотясь, он еще не дошел до истока реки. Двигаясь вверх, наш парень долел до гольца, поднялся на вершину [его]. Взойдя на вершину, сел отдохнуть. Отдыхая, рассматривал местность. «Вот там исток реки. А там устье этой реки», — так говоря, рассматривал. Когда он собирался пойти, вдруг до его уха словно птичий голос долетел. «Что это за птица кричит?», — подумал он. Прислушался хорошенько. Когда он слушал, вверху послышалась речь. Стал слушать: слышна вверху речь. А речь была такова:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Средней земли мата,
Привет услышь!
Какой Сивир-земли
Ты человек?
Расскажи-ка мне,

Что видел, что слышал.
Из каких мест
Держиши путь?
Куда направляешься?
Скажи-ка, мата, кто ты
по имени?
Отца, мать [твоих] как звать?

Спрашивает она. Кончила говорить. Тогда мата-богатырь, говоря: «Ты расскажи», вверх смотрит, так вот рассказывает:

Кудэргие! Кудэргие!
Я один родился,
Ни отца, ни матери нет,
Сиротинка я.
Одна младшая
Сестра у меня есть.
Я, не зная местности,
Сюда направился.
О моем звучном имени
Если спрашиваешь:

Я средней земли молодец,
Кодакчон-мата.
А ты откуда родом?
Где твоя земля?
Расскажи же!
Как твое имя?
Твоих отца, матери
Назови имена!
У меня новостей нет (букв.:
виденного, слышанного
нет)!

Он кончил говорить. Затем та девица, что над ним летала, стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Я, девица, расскажу!
Слушай, внимай!
Своими обоними ушами!
Я, странствую

По краю Сивир-земли,
По окраине Кидал-земли,
Много мучений испытала.
Над Онон-землей⁷ пролетая,
Я попала в безвыходное
положение.

Она продолжала:

О какой же заботе
Мне рассказать?
Слушай! Если спросишь
О моем звучном имени —
Слушай хорошенько! —
Я средней земли дочь,
Монгукчон-девица.

О чём, [о какой] забаве я расскажу?
День и ночь я ухажу [от погони],
Приходит мне конец.
Устала я двигаться вперед,
Не осилила я этой погони.
Если бы ты оказал мне добро,
Потом, когда-нибудь я отплатила бы.

Мое волшебное слово⁸ останови!
Разбойник собирается убить меня.
С тех пор, как за мною
Гонится враг-авахи,⁹
Прошло три года.
Глава нижнего мира,

Враг-авахи в своей погоне
Меня не нашел.
Под водою уходить
Я устала.
Вот скоро пагонит он.

Сказав, женщина кончила речь. Тогда парень обратился к этой женщине со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Девица Монгукчон,
Чем я могу тебе помочь?
Твой рассказ когда слушал,
Жалость большая к тебе родилась.

Что бы ни случилось,
Рассказ твой на землю не брошу
(т. е. не забуду).

А тот-то [твой враг] когда придет?

Он кончил. Эта женщина опять держит речь:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
«Когда придет?», — спрашиваешь.
Лишь солнце начнет появляться,

Он придет, громадина,
Ну, живы будем, встретимся!
Мне хорошо было бы
Три-четыре дня протянуть.

Она кончила говорить. Звук ее крыльев послышался в направлении к полуденной стороне (т. е. к югу), и сама она блеснула на солнце.

Парень продолжал сидеть на камне. Сидел там день и ночь, на вершине крутого гольца. И вот, когда он сидел, утром, когда солнце всходило, с той стороны, с которой прилетела девица, послышался шум. Словно гром был этот шум. Прислушиваясь и приглядываясь, парень смотрит в сторону этого шума. Что-то приближалось, заслоняя солнце. Подумал парень: «Видно, враг-авахи приближается». Посмотрел и думает: «Да он богатырь!». Вот враг-авахи приблизился к нему. На вид это был трехголовый орел. Прилетел, стал рассматривать. Этот авахи такую речь держит:

Дынгды, дынгды!¹⁰
Дынгды, дынгды!
Мата, здорово!
Ты не видел девицу,

За которой я гонюсь?
Здесь недавно [она]
пролетела.

Вот он кончил говорить. Тогда обращается тот человек к врагу-авахи:

Кудэргие! Кудэргие!
Авахи-друг, привет тебе!
Я не сторож девицы,
За которой ты гонишься!
За какое зло

Ты преследуешь
Эту девицу?
Чем эта девица
Пронзилась?

Он кончил. Вот у врага-авахи волосы стали дыбом. Рассердился он и заговорил. Громким, очень громким голосом заговорил:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Молодец-мата,

Хорошо известный
Кодакчон-богатырь,
Я стольких видел,
Но мимо тебя не пройду!

Сказал [и] спустился на землю. Когда он спустился, Кодакчон такую речь произнес:

Кудэргие! Кудэргие!
Громкий (т. е. известный всем)
враг-авахи, богатырь,

От того, что ты громаден,
Я же покинусь от страха
И на расстояние пальца ноги!

Вот они договорились:

Столкнемся!
Если ты меня съешь,
Скажи: «Съем!».

Если убьешь меня,
Скажи: «Убью!».

Вот они крепко [на земле] встали друг против друга. «Ну, ударь кулаком! Ты начинай!», — договорились. Врагу-авахи сказал богатырь Кодакчон:

Кудэргие! Кудэргие!
Ты, авахи, богатырь человек,
Первым начинай!

Вот враг-авахи ударил кулаком. Ударил он, парень удержался на ногах. Тогда, после того как авахи ударил, парень говорит: «Теперь я ударю кулаком». Ударил врага-авахи, ударил в основание уха. Авахи удержался на ногах. Вот они начали биться. Впадины взрыхляют, холмы во впадины превращают. Они, топчясь, с высокой горы скатились. Чащу в небеса превратили, равнину — в чащу с валежником, деревья поломали. Битва продолжалась. Бились они равно. День и ночь бились. «Я, авахи, таежного человека не могу одолеть». И таежный человек не может одолеть врага-авахи. Равно борются. Сколько дней прошло с тех пор, как начали бой, неизвестно. Вот они лбом в лоб, плечом в плечо оперлись, смотрят — чей сустав задрожал, чья кость неустойчивой стала. Посмотрел [мата], а суставы врага стали слабнуть. Кости авахи дрожат. Авахи увидел, что кости дрожат, о [своей] слабости узнал. Вот враг-авахи речь повел:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли мата,
Кодакчон-друг,
Из-за какого зла
Мы деремся?

Зла не было
В прежние годы.
Чтоб отнимая друг
у друга,
Мы деремся?
Прекратим-ка друг!

Когда он сказал, наш богатырь, средней земли Кодакчон, говорит:

Кудэргие! Кудэргие!
Если я одолею, [то] убью тебя,
Не сказав и слова.
Если же я поддамся,

Не жди от меня и слова
[о пощаде].
Ты, одолев, убей меня!
Я, одолев, убью тебя!

Он кончил речь, и они продолжали бой. Вот он стал одолевать врага-авахи. Каждым ударом стал добивать. Вот авахи говорит:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Богатырь-молодец,

Кодакчон-мата,
Ты победы достиг.
Кто мне теперь поможет? —

сказал он. [Мата] бросил врага-авахи на спину и сел ему на печень. Сев, собрался перерубить [ему] горло. Убил он врага-авахи. Убив, развел костер. Врага исек на костре, [тот] пеплом стал. Сжег [оп его] и [пепел] бросил в воду.¹¹ «Пусть вперед на среднюю землю враги-авахи не выходят из-под земли!».

Парень нашел взятые с собою лук и стрелы и пошел. Понял своим первоначальным путем, в сторону восхода солнца. Идет себе. В пути он присел отдохнуть на колоде. Отдохнув, встал. Когда вставал, услышал какой-то голос. Словно сверху послышался ему голос. Прислушался этот человек: действительно, сверху [кто-то] говорит. Посмотрел человек вверх: над четвертой тучей, под девятой тучей [кто-то] летит. Прислушался этот парень — это речь его младшей сестры. Сестра такую речь повела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Кодакчон-братец,
Услыши [мой] привет!
Долго же ты путешествуешь:
Уже третий месяц пошел,
[С тех пор как ты] отправился
[Я] этот твой путь
За три дня

Пролетела [бы].
Ты ведь отправился, говоря:
«Так странствуя,
До какой земли дойду я?».
Долго же, долго ты добирался
сюда.
Ну, Кодакчон-братец,
На долго ли, на коротко ли
Мой привет прими!

Лишь сказала она так, как брат рассердился и к сестре обратился со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Кто же тебе
Сказал: «Приходи»?
Чего добаваясь,
[Ты] отправилась [в путь]?
Жалкий [ты] человек!

Потом когда-нибудь увидев
[тебя],
Обдеру тебе спину!
Куда [ты] отправилась?
Возвращайся-ка
Поближе к дому!

Так сказав, [он] ушел в сторону. Этот парень пошел себе вперед. Впереди его ничего не видно. Он спустился вниз по реке. Когда шел вниз по реке, в одном месте кто-то побежкал. Наш

парень погнался. Гнался, гнался, вот-вот пагонит. Когда он стал пагонять — [это], оказывается, [домашний] олень. Тот, задохнувшись [от бега], вывалил язык. Вот наш парень бежал, стараясь поймать. Пытаясь поймать, он дошел до одного дома. Дом был деревянный. Подходя и увидев дом, пошел тише. Посмотрел, а около входа дома на восьми столбах железный помост-лабаз.¹² На лабазе девица расчесывает волосы серебряным гребнем, сидя на серебряной скамье. Когда он посмотрел, девица убрала гребень в стол, а волосы покрыла шелковым платком. Увидела богатыря. Увидев, вошла в дом. Лишь только она собралась войти, как в дверях встал молодец. Спросил:

Кудэргис! Кудэргис!
Я — гзажий человек,
Из далеких мест пришел.

Далекие страны пройдя,
пришел.
Ты пригласишь?
Меня на обед к себе?

Он кончил. Когда он стоял у двери, внутри жилища раздался голос. Он прислушался — это девица обратилась к работнице:

Кемонин! Кемонин!
Молодец-мата пришел.

Открой дверь
И введи [его] в дом.

Сказала [она], и работница открыла. Когда она открыла, [девица] ввела его. Введя, усадила [его] на почетное место. Усадив, начала спрашивать его:

Кемонин! Кемонин!
Из каких мест ты, мата-
богатырь?
Как твое имя?

Что видел, что слышал?
Расскажи же о том,
Что видел, что слышал.

Парень рассказывать им начал:

Кудэргис! Кудэргис!
Нет у меня ни отца, ни матери.
Я скрота, одиночок жил.
А вот ты, девица, имеющая дом,

Расскажи, что видела, что
слышала.
Как имя твое?

Мата сказал. Так разговаривая и расспрашивая, девица села против молодца и стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Если о моем звучном
Имене ты спросишь,

Скажу: мое имя
Монгукочон-девица.

Вот парень, когда [она] рассказала, узнал [ее имя]. Монгукочон-девица — это та девица, за которой гнался враг-авахи. Девица накормила его хорошей едой. У нее были [домашние] олени. Была забита яловая воженка, что ходила под тремя выюками, под четырьмя седлами. Ее мясом и угостила. От этого мяса остался только один кусочек, от жира остался только один глоточек, а навару осталось с ложку. Поех, он сказал: «Спасибо».

В первый раз после ухода из своих мест он наелся. Ему дала [она] соболью постель и рысье одеяло. Он започевал там. Двое суток он ночевал там, отдыхал. Вот однажды утром, переночевав, он сел напротив и повел рассказ:

Кудэргие! Кудэргие!
В дальние места я пришел.
Я спрота, одиночка,
Я человек, который
Друга себе
Ходит [и] ищет.
Если бы [ты] согласилась,
Если бы [мы] вдвоем

Объединились бы,
То что бы случилось?
Как думаешь ты?
Если согласились,
Скажи: «Согласна».
Если не согласились,
Я, человек странствий,
Пойду своим путем.

Он кончил, тогда речь повела девица:

Кемонин! Кемонин!
Ты, мата средней земли,
Молодец, Кодакчон-мата,
Что ты уничтожил
Моего обидчика,

Я этого не забуду.
Сказанных слов мне довольно.
И у меня нет ни отца,
ни матери.

И вот они соединились. Соединившись вдвоем, устроили свадьбу. Забили олепя. Забив, сварили. Сходили за соседями. Три дня свадебное угощение ели. Потом вожили по-хорошему.

2. Кодакчон

Семен Савин (мать — эвенкийка Эдян, отец — якут), род. в 1894 г., малограмотный.
1960 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

В давние годы, когда река впервые потекла, когда трава только вырастала, на средней земле жили два паренька. Жили-поживали, откуда они появились — не знали; упали ли с верхней земли — не знали. Одно дело только и знали они — бродить по средней земле.

Если взглянуть вокруг, то увидишь чум-утэн¹ такой большой, что не видны ни ближняя (т. е. передняя), ни дальняя (т. е. задняя) стороны его. В нем жили два человека, один из них был больным. Звали больного парня Боскопдярица², другого парня звали Рожденный от дуплистого дерева Кодакчон-богатырь, сильный человек.

Тридцать лет болел младший брат. «Больной лежишь», — [говоря], кормил его старший брат, принося разных зверей. Бродил он по тайге, очень выносливый человек был этот богатырь.

Как-то раз он говорит:

— Ты что-то долго [болеешь], сколько же лет болеешь?

Вот уже тридцать год подходит, как он болел. Старший брат говорит:

— Вот уже тридцать лет я кормлю тебя, а ты продолжаешь болеть.

— Надо мной уже много людей смеялось, говоря: «Какой же ты хилый!».

— В этом году я тебе помогу, — сказал брат. — Но если ты не встанешь через три года, я тебе покажу!

Он отправился на охоту. Когда он ушел, парень задумался: «Не быть же все время немощным, больным человеком! Попробую я как-нибудь встать и идти», — говорит он себе. Вот ползком, ползком, привставая, все подвигался, почти два дня до порога он добирался. Наконец, добрался до ограды. Добравшись, он встал и пошел.

Были там красивые деревья. На каждом дереве он пробовал оставить знак. Вдруг в то время, когда он передвигался, залетела откуда-то красивая птичка и села на вершину дерева. Села и заговорила, запела:

Герукаен! Герукаен!
Вот теперь я пою!
Словно умирающий,
Тридцать лет проболев,
Лежишь ты у корня дерева.
Расскажи, откуда ты родом.
Герукаен! Герукаен!
Открой-ка рот! Я окажу тебе
помощь.
Ты, собравшись в путь,
Уже стал здоровым.

Когда встанешь на ноги,
То неподалеку
Будет очень большой дом.
В нем самая разнообразная
одежда,
Которую носят богатыри, говорю.
Разная соболья одежда, говорю,
И серебряная и железная одежда.³
Герукаен! Герукаен!
Рот открой, говорю.

Когда он услышал и открыл рот, [туда] упало что-то вроде яйца.⁴ Как только оно упало, парень стал сильным и очень красивым человеком. «Вот ты и встал! — сказал он себе, встав. — Ведь мне так говорила эта птичка. Вот, попробую-ка пройти вперед!», — сказал он и пошел. Прошелся вперед, смотрит — стоит дом с замком величиной больше, чем голова собаки. Потянул он [его] да так, что вырвал. Очень сильным человеком стал. Начал он надевать соболью и железную одежду — разорвал, надел еще — опять разорвал. Наконец, самую крепкую одежду — боевое одеяние — нашел и надел.

Надев, «куда же идти?», — говорит. Шагая, увидел — стоит еще дом. «Иди туда!», — говорила птичка. Пошел туда — стоит дом на земле, замок с собачью голову. Потянул [его] с силой, оторвал. Смотрит — стоит красавец-конь с естественным седлом и крыльями (букв.: с седлом из себя), стоит на привязи. Потянул богатырь на себя цепь, порвалась опа. Вышел на улицу. Выйдя, вскочил на коня, сжав своими икрами бока (букв.: грудную клетку) коня, кнутом ударил по крупу. Конь три дня пытался его сбросить, мучил его, бросая туда и сюда, думая: «Упадет богатырь».

Но богатырь ни разу не упал. Он выдержал, промучившись три дня. Остановившись, [конь] сказал:

— Ну, будь моим хозяином. Теперь поедем, куда захочешь!

Он, сделавшись богатырем человеком, пустил коня рысью. Три дня ехал, доехал до дома. Приехав домой, привязал своего коня. Привязав, пошел к чуму-утэну. Вычистил всюду и развел огонь. (*Повествователь добавил по-русски: «Выбросил все остатки болезни»*). Развел огонь. Тем временем пришел старший брат — сильный человек, Рожденный из дуплистого дерева Кодакчон-богатырь. Подходя, он уже издали усмехался. Усмехаясь, сказал: «Вот, действительно, мой брат стал здоровым человеком. Огонь горит, обрадовался [он], что может по-настоящему ходить». Говоря так, он вошел в дом. Брат совсем изменился. Старший говорит братишке: «Здорово!»; тот не оглянулся и не произнес ни слова.

— Что это такое? — спросил старший и, рассердившись на младшего, сказал: — Если в течение трех дней не станешь человеком, я тебе покажу!

Младший брат (букв.: этот человек) тоже рассердился и убежал. Отбежав, пошел к своему коню. Придя к нему, он сел на него и очень быстро поехал.

— Ну, — говорит старший брат, — вот так здраво! Что же ты за человек! Давно ли ты начал ходить, [а уже] зазнаешься, эх ты!

Старший брат пошел, долго шел. В это время братишка его доехал до большого моря. Добравшись до моря, конь его остановился. Конь такую речь пропел:

Лэргек! Ларгеникен-хенгуй!
Лэргек! Лэргекен!
Вот теперь и пой [о том, что]
Тридцать лет жил
И болел ты.
Боскондяриндя, послушай
Слова старшего брата!
[Если же] не послушаешь, не спросишь,
Когда старший брат, приди,
Говорить будет, [худо тебе станет]!
Я тебе говорю:
Когда он вниз посмотрит,
Ты вверх смотри;
Когда он вверх посмотрит,
Ты вниз смотри!⁵
Очень сильный он человек,
Очень хороший человек!
Против ого советов
Ничего не говори, знай себе слушай!
Я перескочу через море-матушку.
Сидя верхом во время быстрой езды,
Ты узду (букв.: железо) хорошенько держи
И крепче сиди!
Когда, доехав до моря и перепрыгнув,
На тот берег попадем,
Там будет четыре камня.
Если я встану на них четырьмя ногами,

Дальше поедем хорошо.
Но если я ступлю двумя ногами,
Упадем в море-матушку!
Ну, сильнее гони вперед! — сказал.

Вот [конь] перескакивает море. Перескочив, полетел [и] летел очень быстро. Человек хотя и крепко сидел [на коне], но чуть-чуть не упал. Очень быстро уж [конь] летел. Там было четыре камня, конь четырьмя ногами прыгнул. Конь прыгнул четырьмя ногами и скользнул. Зацепившись [только] двумя ногами, упал в море и поплыл (букв.: начал двигать ногами).

Тем временем, откуда ни возьмись, появился сильный человек Кодаккон. Когда они попали в море, он правой рукой подбросил их вверх. Подбросил вверх — и человек с конем упали на землю, сразу умерли. [Когда они упали], этот сильный человек плюнул на ладонь и потер рукою, и они стали такими же [живыми], как и прежде.

— Ну, вот, — говоря, дал он совет младшему брату: — я тебе укажу — поедешь ты в далекие места. Расстояние до них так велико, что семь птиц семь раз рождаются прежде, чем доедешь (т. е. через семь лет доедешь). Иди на восход солнца.

Так старший брат советовал младшему, так он пел:

Генгдэ! Генгдэронен!
Генгдэ! Генгдэронен!
Богатырь человек,
Боскандяриндя-братишка,
Ты послушай меня!
Когда доедешь до земли,
До которой надо ехать
Столько лет, что перелетная [птица]
Успеет семь раз снести яйца,
Встретишь богача старика.
У него есть одна дочь,
У него есть один сын.
Не доходя до дома,
В двух километрах от него,
Будет большое жертвеннное дерево —
Место жертвоприношений,
Дерево добрых людей — звенков.
Дерево, которому поклоняются.
Дойди до того дерева,
Отрывают, сломав, ветку.
Разведя большой костер, говорят:
«Скот и оленей сохрани
Нам для питания (букв.: для вертела)!».
[Ты] кусок мяса величиною с шапку хорошего человека,
Величиною с рукавицу плохого человека,
Оторвав [от убитого оленя], съешь!
Потом, когда сожжешь [ветку] и отправишься,
Там будет старый вождь, богач,
Там будет его сын-парень.
Тот, прида, [скажет]:

«Из каких мест приядя, разбойник
Сломал все жертвенное дерево и ест?».
Говоря, поведет [тебя] к отцу-старику.
Когда сын старика, так говоря, [станет] приглашать к себе,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он крикнет:
«Ты, из дальних мест пришелец,
Иди-ка своим путем!»,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он позовет: «Идем к отцу!»,
Тогда отец его скажет:
«Вот ведь Хоролден,
Наш слуга, прогневал
Богатыря из дальних мест;
Пришедшего обидел!».
Вот, не дойдет Хоролден
До стола, [как его] побьют.
Потом старик пошлет свою дочь.
Дочь, надев лучшие одежды,
Стесняясь, войдет.
Он скажет вежливо:
«Посмотря на хорошего богатыря,
Пряталаси его в дом!».
Ты не рассматривай ее.
«Устал ведь ты.
К отцу пойдем», — скажет.
Тогда отец, старик хозяин,
[Сам] приядя, скажет: «Куда пойдем?».
«Отдохни!», — скажет он,
Но ты не слушай его.
Потом придет с нижней земли
Богатырь, враг-авахи,⁵
Салзунде с нижней земли.
Прибыв, он унесет девицу.
В пути, превратившись
В трехголового орла,
Посадит девицу на шею.
Тогда девица скажет:
«Грех мне сидеть на жертвенном дереве!
Прихватим его в попутчики», —
Брагу она скажет.
Действительно, он сильный богатырь!
Ни с какой стороны его не убьешь,
Ни с какой стороны его не сдавишь!
У него около сердца, вероятно,
Особых два куска мяса.
Днем смерти своей [он]
Сам распоряжается.
На лету, зацепив тебя лапой, [орел]
Посадит на шею себе.
Сидя на нем, плой в него так,
Чтобы глаза его не могли видеть,
[Рот] не мог пллюнуть или сказать.
Потом, рассердившись,
Ты [все-таки] его одолеешь.
«С чего это ты на меня пллюешь?
Убей!», — говоря, он спустится [на землю].
Ну, сказав [так] и спустившись [на землю],
Салемэндя сидет, став человеком.

Тогда ты скажи ему: «Сейчас приду».
Вероятно, ты сам убежишь от него.
Я буду в том месте.

Этот человек [Боскондяриндя], сидя на коне, быстро поехал. Много ли, мало ли ехал — не знает. Ехал сквозь туманы. Летел, летел очень долго [на крылатом коне]. Сколько-то времени пролетев, этот человек остановился. Там стояло одно дерево. «Старший брат правильно, — говорит, — рассказывал». Остановившись у дерева, он отпустил коня. Пройдя, влез вверх по дереву и поломал все ветки. Наломав, развел большой костер. Поймал самого лучшего из оленей, убил, обжарил на рожне и начал есть.

Во время его еды подошел слуга Оролдин, пришел и смотрит, говоря: «Ты, разбойник, из каких мест прибыл, что так поступаешь?». Рассердился на него и выругал.

Человек ест и не смотрит даже. Слуга подошел к богатому старику и говорит: «Разбойник пришел, сломал все дерево и убил самого лучшего оленя (букв.: оленей).⁷ Плохой человек пришел», — жаловался [он] старику. Старик, рассердившись, сказал: «Обижает ты богатыря, пришедшего из дальних мест». Потом побил [слугу] палкой.

Утром рано [старик] послал сына. Отправляя сына, он сказал: «Поди посмотри (т. е. узнай), о чем тот расскажет. У этого человека есть старший брат». [Старик] отправил сына. Тот пошел: «Что это за человек пришел?». Смотрит он — на вид хороший человек, а дерево сломал да еще оленину (букв.: оленей) ест. Тогда он сказал:

Дынгда, дынгда, дынгдароний!
Дынгда, дынгда, дынгдароний!
Из дальних стран богатырь,
Матерый, хороший человек,
С талантлом (букв.: с духом-хозяином) человек,
Приходи-ка [к нам] в гости!
Старик хозяин
Тебя приглашает,
«Войдя в дом, отдохни», — сказал, зовет.
«Из каких мест изволили прибыть?», — говорит.

Но человек [Боскондяриндя] и не взглянул, знай себе ест. Устал [сын] звать. До каких же пор звать? Пшел парень к отцу. И думает: «С чего это богатырь человек сломал все дерево, оленя убил?».

Старик забеспокоился. «Почему не идет этот человек? — говорит. — Он обязательно должен прийти в гости. Дочь, сходи-ка ты [за ним]!». Посыпает он свою дочь. Заставил надеть лучшую одежду. Девочка была очень стыдливой, хотела было не пойти. И другого боялась: «Отец начнет ругать», — думала.

Вот надела [она] нагрудник и пошла к богатырю. Приближалась, стесняясь. Посмотрела, а богатырище жарит их оленя на

рожне. Придя, подошла. Подойдя, так начала петь, стесняясь, свою речь:

Кедайканен! Кедайканен!
Дальних стран житель,
Дальних стран богатырь,
Вождь-старик, мой отец,
Послал меня сюда.
Из дальних мест приди,
Ты, видно, проголодался?

Под теплый кров
Зайди отдохнуть!
Из каких мест
Идешь ты, человек?
Что скажешь теперь? —
Сказала тогда девица.

Этот богатырь и не смотрит, хотя и хочет посмотреть. «Если не выполню слов брата, быть беде», — говорит и не смотрит. Хотел улыбнуться. «Как брат говорил, так я и не стану смотреть», — подумал. Девушка устала приглашать и чуть не заплакала; вернулась домой, сказала: «Не смотрит. Что это за человек?». Тогда старик сказал: «Пойду-ка я сам позову!». «Кто бы ни пришел, не подходи, не смотри на него», — [вспомнил парень слова брата].

Старый вождь, облачившись, пошел к богатырю. Пришел, смотрит — [тот] все дерево поломал, огонь развел, сидит и ест оленину (букв.: их оленей). Еще издали раскладываясь, [старик] говорит ему: «Ну, приходи в гости!». Напевая так, продолжает: «Из дальних мест ты пришел. Отдохни у меня!». Долго просил его, устал приглашать. Звал, звал, но уговорил. Пошел старик домой.

После его ухода [парень] пробыл недолго. Через три дня затряслась вся земля. Пришло время появления атамана врагов авахи из нижнего мира. Прибыв, он мигом вывел из-под земли нескольких быков, запряженных в повозку. Сел на повозку одногий, с одним глазом на правой стороне лба, очень страшный, в железном одеянии. Никакой человек не мог его одолеть — везде железо. Прибыл никем не побежденный авахи. Еще издали авахи говорил, такую речь он пел:

Дэнгэ! Дэнгэ! Дэнгэронин!
Дэнгэ! Дэнгэ! Дэнгэронин!
Старик Угоян, вот теперь —
Дэнгэ! Дэнгэ! Дэнгэронин! —
Красивую девушки с длинной косой,
Девушку Ниордяк возьму.
Надену красивые одежды,
Приготовься к поездке!
Еду хорошую приготовь!

Пока не отавчут моя речь,
Отдай свою дочь, старик!
(Но отдаст ли старик?)⁸
Если не отдашь, сокрушу твою
землю!
Все твое владение уничтожу!
Дэнгэ! Дэнгэ! Дэнгэронин!
Пока не исчезли звуки моей речи,
Скорей собери свою дочь, говорю.

Что делать старику? Дочь с плачем нарядилась в одежду. Отдал он в руки врага свою дочь. Авахи со словами: «Надо скорее уезжать из этих мест», покатавшись по земле, обернулся трехголовым орлом.⁹ Этот орлище усадил девицу себе на шею. Усадив, полетел. Направился авахи в свои места. Во время его полета девушка такую речь пела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Сэлэлүнде-авахи,
Ты послушай меня!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
В пути у нас
Огромное дерево будет,
Там человек огонь развел,

Там человек оленину ест.
Схвати его за ворот!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Брось его на шею себе!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Тогда ты будешь молод-
лом! — говорит.

— О! — сказал [авахи]. — Я положу его на шею себе!

Летит авахи, [видит] — у дерева богатырь. Схватил его лапой (букв.: рукой) и посадил себе на шею этого богатыря. Этот богатырь в пути так ругался и говорил:

Авахи-парень, когда ты взял хорошую девицу?
Ты, авахи, меня в никакий мир несешь,
Ах ты, такой-сякой!

Говоря, он плевал ему в глаза до тех пор, пока тот не перестал видеть. Авахи очень рассердился.

— Каким образом хочешь ты одолеть такого богатыря, как я? Я сейчас превращусь в каменного человека. Тогда с какой стороны ты ударишь палкой? Чем заколешь меня?

Авахи со злости спустился на землю и превратился в каменного человека.

[Парень] вспомнил: «Мой старший брат предупредил, [говоря]: „вот сейчас приду“». Побежал туда [парень], а там стоит старший брат — сильный человек. Из дуплистого дерева рожденный Кодакчон стоит. Вот он, приняв вид человека, взял железное копье, побежал к авахи. «Он знает, что [авахи] меня убьет», — [подумал младший]. Авахи испугался и говорит:

— Кто тебя застает! Приняв вид младшего брата, ты собираешься убить меня железным копьем. Не убивай меня! Я сделала тебе добро. Где бы ни пошел, помоги! Раз сказал, сделаю!

— Ну, теперь я скажу! — и Кодакчон-богатырь запел:

Генг, генгронин! Генг, генгропин! Вылези-ка в то место, [откуда он Богатырь Сэлэлэнде, пришел].
Авахи, слушай!
Силач человек, Солэргун,
Моего братишку, взял на спину,
Никого не задевая,

Тогда я тебя не убью!
Послушай-ка мою речь!
Если хорошо довезешь, не убью! —
Так сказал старший брат.

Как только он сказал, авахи перспугался:

— Ты куда попросишь свезти, я свезу, не трону его, — говорит.

Он повез младшего брата в его места. Отправившись в его места, благополучно довез. Оставив его там, авахи направился в другую землю.

Кодакчон-богатырь отправился в дальние места. Он был пешим охотником (букв.: человеком); у него не было ни коня, ни другого средства передвижения, только железный посох. На хождения в дальние края он был мастер.¹⁰

Однажды полил сильный дождь, выпал град, но человек все шел. Всем было слышно, как он шел. «Кто, откуда богатырь идет?», — говоря, смотрели. В талой земле увязая до таза, в мерзлой земле увязая до колен, бежал он. Бежал он очень долго, много лет. Кончилась еда, сносилась одежда. И все еще продолжал путь. От такого движения он стал хуже всех людей. Измучившись вконец, оставшись без одежды, голодный, собрался умирать. Но он шел и шел. Силы стали покидать его, а он все шел. Вот смотрит он — стоит чум. Человек этот, едва-едва дойдя, постучал в дверь так, что весь дом задрожал. На все это смотрела богатырь-девица.¹¹ Она сказала ему:

— Ты такой сильный человек. Из каких мест ты пришел? Страшный, не входи в мой дом! — сказала и не впустила.

Ничего не сделаешь! Страдая, он опять пошел вперед. Вот на пути у него опять встал большой дом. Дойдя до этого дома, он опять постучал со словами: «Впусти в дом». Тогда великан-девица с лицом величиною с луну, страшная девица сказала:

— Ты такой паршивый, [что], придя в наши дома, испачкаешь их. Иди! Иди!

Что поделаешь — чуть не заплакал он. Попал человек дальше. Шел, шел, дошел до одного чума. Вот-вот умрет, уже дыхания не хватает. Шел, шел, едва дошел до двери. Подойдя, постучал. Девица открыла дверь. Открыв, усмехнулась:

— Из каких далеких мест идя, таежный человек, человек из эвенков, богатырь, таким ты стал? — сказала. — Ну, входи в дом!

Взяла его за правую руку и с трудом ввела в дом.

Вот он живет и жиром покрывается. Отжармливает [она] его самой лучшей [едой]. Поправляясь, съедая пищу, он совсем изменился и принял прежний вид. Между тем девица такой рассказ повела:

Кимо, кимоку! Кимо, кимоку!
Кто же это?
От дерева рожденный
Кодакчон-богатырь?
Кимо, кимоку!
Из дальних стран придя,
Очень измучившись,
Ты настраптировался.
Кимо, кимоку!
Страшный авахи —
Кемо, кемоку! —

Приди сюда,
Меня унести хочет.
Кимо, кимоку!
Что ты думаешь об этом?
Кимо, кимоку!
Страшен уж очень —
Кимо, кимоку! —
С дыханием огненным,
Огненный авахи идет.
Теперь если ты силен,
То выдержишь [встречу].

Сказав, так спросила:

— Ну, как поступишь?

— Если придет, немного подеремся. Победивший будет иметь счастье.

Вот после этого через три дня нижний мир весь перевернулся; сильный гул послышался с самого нижнего мира, песнь, такая речь раздалась:

Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Железный конь мой,
Быстрее лети!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Из нижнего мира быстро
проникнув,
Мы доедем до средней земли.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!

Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Красавицу Шекак
Увезем в свою землю.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Моя громовая речь
Далеко разнеслась.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!

«Быстрее», — говоря, [авахи] погоняет коня. Лишь только [он] сказал, как богатырь стал готовиться. Тем временем богатырь надел одежду. Приготовясь, сильный богатырь, От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь вышел навстречу. Авахи, шагая навстречу, выйдя из нижнего мира, не успел хорошо взглянуть, как перед ним встал великан-богатырь. Тогда авахи вскрикнул:

— Гнусавый ты человек.¹²

От дупла рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генге! Генгеронин!
Авахи-богатырь,
В какие страны держишь путь?
Скорей рассказывай!
А на первый день
Мой привет услышь!
Вот я, человек,

О встрече с тобою
Давно мечтаю! — сказал так,
Богатырь из средней земли,
Кодакчон-мата, человек.
Как тебя звать, ты
Атаман [врагов]-авахи, поведай!
— говорит.

— О, я — силач Сэлэргунде с огненным дыханием, я — Тогондор-богатырь,¹³ — говорит. — Я пришел сюда, чтобы взять в жены красавицу Секак.

— Ты не возьмешь эту девицу! Сначала договоримся. Кто сильнее из нас и не сможет [другому] поддаться, тот и возьмет.

Они немногими словами раздразнили друг друга и начали кулачный бой. Они были страшными и сильными кулачными бойцами. Аваки в железной одежде ничего не боялся. Ровную землю они превращали в рытвины, рытвины выравнивали, ничто их не сдерживало — бились, как на войне. Во время поединка с верхнего мира начался сильнейший ливень с градом — такой, что уничтожил всех зверей, всю растительность и малых детей. Точно они хотели разбить всю землю, так сильно они боролись, схватившись. Бились они, бились, но аваки не поддается, богатырь тоже не поддается. Боятся они наравне четверо суток, конца не видно.

Вот однажды силят Кодакчон-богатырь такую речь произнес:

Гунгер! Гунгер! Гунгеронин!
Тогондор-богатырь,
Авахи, послушай!
В далекую землю
Лучше пойдем-ка, говорю.
Не станем землю портить,

Не станем людей мучить.
Пойдем-ка на площадку
Поединков богатырей!
Вот есть где-то
Железная площадка,
Босой человек

На ней не устоит:
Как огни горяча
Эта горячая площадка.
От моря-матушки
Она близка, говорю.

Вот если пойдем туда,
Узнаем, кто кого одолеет:
Ты меня одомеешь
Или я тебя одолею.
Согласен или нет?

Задумался авахи над сказанным и сразу ничего не ответил.
Потом говорит:

— Хо! Пойдем туда, друг. Кто из нас одолеет, тот и есть силач.

Превратился этот человек в перелетную птицу, в сильную, большую [птицу], и полетел. Второй, [авахи], стал трехголовым орлом. Они полетели в те места. Летели они так быстро, что искры сыпались из крыльев. Быстрее летел сильный человек, Кодакчон-богатырь. Авахи хотя и быстро летел, но отставал.

Вот долетели до площадки у моря. Остановились там. [Кодакчон] где-то нашел два конских волоса из гривы и бросил. Они превратились в двух коней и направились к духу — хозяину моря. [Кодакчон] поблагодарил [духа моря] и ждет. Авахи в железном одеянии прибыл с опозданием. Прибыв с опозданием, таким же [человеком] стал. Силач Кодакчон встал против него, и они схватились. Схватившись, цемного побились, и авахи сказал:

— Чрез три года¹⁴ я тебя брошу [на землю]. Если ты силен — выдержишь, если слаб — упадешь в море, — говорит авахи.

Противник поднял богатыря вверх. Таким образом держал и перебрасывал его трое суток. Не бросил [на землю] и не победил.

— Ну, — говорит Кодакчон, — [теперь] брошу-ка я тебя. Если выдержишь — держись! Вот посмотрим! — крикнул Кодакчон-богатырь, силач человек. Три дня, будучи поднятым вверх, кричал богатырь [-авахи]. Трое суток так подбрасывал [Кодакчон] и бросил [авахи] в глубину морскую, в пылающее пламя.

Уходя в свой мир, [враг] такую речь держал:

— Когда твой сын впервые будет играть белкой, когда твоя дочь станет резать ножницами, я приду к тебе.

Авахи с громким плачем стал спускаться в нижний мир.

Сильный человек Кодакчон-богатырь повалился, покатился. Став перелетной птицей, полетел к себе обратно. Так он, добираясь до родины, прибыл к Секак-девице средней земли, там отдохнул немногого. Девица, обрадовавшись приходу богатыря, встретила и поздоровалась. Встретив, она повела его в свой теплый дом и накормила его разными блюдами. «Отдохни!», — говорит.

Прожив немного, несколько дней отдохнув, он говорит:

— Я хочу вернуться на свою родину, на просторы Тарундяк-земли, — говорит девице богатырь. — Красавица Секак-девица, пойду-ка я в таежные места. Был у меня младший брат. О нем соскучился, — говорит, — хочу пойти туда.

В тот же день он сказал девице:

— Собери-ка мелкие вещи, — говорит, — мы станем мужем и женой,¹⁵ вместе пойдем в далекие места. Перелетная птица семь разнесет яйца — столько времени надо идти до моей земли. Из таких далеких мест я прибыл, — говорит.

Собрались в путь.

— Вот мы собрались в путь! Не бери с собой ни еды, ни одежды,¹⁶ — говорит он. — Ну, пошли из этих мест.

Секак-женщина сказала:

— Пойдем, дружок, я здесь одна не останусь; на это нет моего согласия.

Они, собравшись, приготовились в путь и собрались схать в свою землю. Эта богатырша на себе (букв.: на своем седле) носила вещи, а друг ее имел хорошего коня. Женщина, подойдя к коню, подозвала [его]. Она, сев верхом, отправилась. Сильный человек Кодакчон-богатырь повалился, покатался и превратился в большого орла. Жена [его] поехала на коне. Она не взяла из дома одежду. «Там найду одежду», — говоря, двинулась. От движения богатыря дул ветер, выла буря. Они двигались, летели, одним ухом слушая звуки сверху, другим — снизу. Летели, смотрели на все плохое, происходящее на земле. Долго летели. Много ли, мало ли летели — не знают. Осень по холоду узнавали, лето — по росе, так и двигались. «Ну, далекие же места», — говорит [она].

За то время, как они летели, у младшего брата родился сын. Подрос он и пошел искать дядю. «Какой-то быстрый человек идет», — [подумал он]. Идагурчан-богатырь вышел навстречу. Чуть мимо дяди не пробежал. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генгэ! Генгеронии!
Вот теперь пусть спост,
Из каких мест пришел
Богатырь паронок.
Что за земля у твоих
предков (букв.: корней)?
Расскажи-ка мне! —
быстро сказал он.

Сын младшего брата такую речь произнес:

Тынгэ! Тынгэронии!
Тынгэ! Тынгэронии!
Давно, давно, много лет прошло —
У моего отца был старший брат.

Счастья в пути он искал.
А я, сын Боскондяриида, ищу [его].

— Эй, малыш, да ты сын моего младшего брата! Ну, поговорим!

Они остановились в пути и поцеловались.¹⁷ Расцеловавшись, вместе полетели домой. Вернулся обратно парень. Этот паренек долго ходил, в далекие места зашел.

Давно, давно, много лет назад, когда [Кодакчон] ушел, там людей было мало; [вернулся] — людей стало много. Вот они, старший и младший братья, обрадовались. Младший вышел навстречу старшему. Жена его привязала коня к телеге. Поздоровались, поздоровались и с радостью вошли в дом. Этот человек [Кодакчон], оказавшись без чума-утэн, сделал хороший чум-дю.¹⁸ Обрадовавшись, [Кодакчон с женой] говорят: «Ну, теперь домой пришли, хорошо жить будем».

Прожив немногого, созвали разных людей, говоря: «Уже годы прошли, как мы соединились (букв.: как нам годы стали), теперь устроим угощенье». Забили оленей, созвали всех ближних и дальних соседей. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь пропел:

Генгер! Генгеронин!
Генгер! Генгеронин!
Люди, все слушайте!
Странствуй по дальним странам,
Среднюю землю,
Онгтор-землю
Всю прошел я.
Везде странствуя,
С разными богатырями

Встречался в пути, — говорят.
Был рядом сидящую
Девицу, друга себе нашел.
Начал хорошо свою жизнь,
Мы вместе теперь жить станем.
Играйте, пляшите!
Вот сегодня наступил день,
Когда я настоящим человеком
стал, — говорит.

Наставив разные блюда, устроили угощенье. Некоторые люди опьянели. Все старики и старухи, немного подравшись, плакали. Молодежь играла.

Так живя, говорили: «На одном месте теперь жить будем». («Это конец, окончилось сказание», — сказал повествователь).

3. Секак

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда средняя земля, словно шкурка с головы оленя-мойки,¹ расстилалась, когда верхнее небо, словно радуга в шесть рядов, только становилось, па берегу девятой большой реки, на вершине горы с крутыми склонами стоял одинокий чум-утэн.² Жили в нем одна женщина и один мужчина — муж и жена. Он и она достигли среднего возраста — сорокалетнего.

Жили они [и] имели оленей полную долину. Была у них одна дочь. Только что начала ходить. Жили они, воспитывая дочь. Мужчину звали Нингтони-мата,³ жену — Эрокчон. Постепенно дочь стала говорить. Заговорив, обратилась к матери:

Чими, тороканел!
Чими, тороканен!
Эрокчон-матушка,
Нингтони-батюшка!

Имя мне
Найдите, прошу!
Как без имени
Жить я стану?

Она кончила речь, мать ответила: «Пусть отец даст имя!». Отец сказал: «Пусть твоя мать [тебя] наречет!». Тогда мать, чтобы имя назвать, такую речь держала:

Оле, доле! Оле, доле!
Доченька, малышика,
Назову-ка я твое имя;
Если ты не забракуешь,
Назову я тебя именем.
Как же (букв.: ком же)
назвать тебя?
Нинтони-богатыря
Дочь, говорю я,
Эрокчая-старушки [дочь],

Под четвертым ложным ребром
Созревшая,
Под восьмым ребром
[Созревшая],
Девочка, имя которой даю.
Широко известное,
Благозвучное имя
Имей ты, хорошая девочка;
По имени Секак
Девочка будь!

Кончила она речь. Обрадовалась девочка имени, выскоцила на улицу и хвастливо крикнула: «А у меня красивое имя!».

Живут они. Девочка уже начала играть в игрушки. Опа, играя, режет ножницами, шьет иглой. Хорошай, очень красивой девушкой становится. За водой ходит, дрова носит. Так они жили, разговаривали и не знали счета оленям. Когда наставало лето, период мошки и комаров, олени приходили домой. Подошедших важенок доили. Когда же не было мяса, они забивали оленя. Забив, ели мясо.

Однажды девушка держала такую речь:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Нинтони-папаша,
Эрокчая-мамаша,
Наша жизнь пот такая
Мне наскутила.
Большая тоска

Напала на меня.
Жить в одном месте
Наскутило мне.
От скучи мне кажется
Дни без конца
И годы очень длинными.

Сказав, она продолжала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Я, девушка, хочу
Океан-моря [и]
Равнинной земли

Основание узнать.
Надумала я
Недалеко пойти.
Что бы случилось,
Если бы я пошла?!

На речь ее отец отвечает:

Орель, орель! ⁴
Я говорю —
Орель, орель! —
Секак, дочь моя,
Ты, направившись,

До конца
Какой земли
Дойти надумала?
Не ходи, прошу!

Копчил он, а дочь говорит: «Я пойду, что бы ни случилось». Говорит дочь, не слушая отца, и в путь собирается:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Мать и отец,

Я пойду!
Что бы ни случилось,
Я двинусь в путь!

Мать ей говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Дочь моя, Секак,
Не ходи ты сейчас!
У тебя на костях
Хрящи еще не
отвердели,
Молодые мытиды

Еще не окрепли,
Твой мозг еще
Не заполнил черепа.
Года через два
Если бы пошла,
Было бы хорошо.

Она кончила. Девушка упрямится: «Что бы ни случилось, я отправлюсь». Уж очень настойчива была девушка. Сказала она и одежды надела. Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила.⁵ Так нарядилась и вышла. Выйдя вон, такую речь держала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Секак-мамаха,
Я, девица, ухожу!
Что бы ни случилось,
Я вернусь, лишь посмотрев
Основание земли.

Ну, на долго ли,
На коротко ли
Попрощаемся (букв.: пусть
будет прощайте)!
Не печалиться
И не плача,
Оставайтесь, — говорит.

Кончила речь она. Кончив, направилась к верховью реки. Девушка, в пути оглянувшись, подумала: «Далеко я пошла». А чум еще виднелся. Девушка идет и идет. Кажется, далеко, а от дома еще и не удалилась.

Вот продолжает девушка свой путь. Дорогой она присела на колоду. Солнце уже было на полдень. Взглянула на солнце — самый полдень. Девушка проголодалась в пути. Подумала: «Есть хочется!». Захотела есть. Подумав так, заговорила:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Вот отец и мать,
«Не ходи», — говоря,
Отговаривали меня.
Только полдня
Прошла я,
А уже проголодалась.
Но я, девица,
Назад не отгинусь!
Только вперед пойду.
Мой шелковый платок,
Мое слово сделай
волшебным!⁶
И ты, вверху видимое,
С радугами небо-матушка,

Мое слово послушай!
Дух средней земли,
И ты послушай
Мою речь!
Хорошенько слушай!
Я своим сильным ртом
Громко прокричу.
Моего широкого горла
Мою веселую речь
Послушай!
Вот я, из белого серебра
Оперением покрывшись,
Безым якуравлем-гаха,⁷
С темными каймами на
крыльях, полечу.

Сказав так, полетела. Летит она в небо. Летит — видит очертания земли. Вот таким образом совершает она свой путь. Когда она летела, перед нею и птичка не пролетала. Летит она в сторону восхода солнца. В пути вдруг услышала звуки. Прислушалась к звукам. То, что она услышала, была речь:

Дэнгдалэ, дэлэ!
Дэнгдалэ, дэлэ!
Чьей земли, каких мест
Ты, девица-красавица?
С оперением из
Белого серебра,
Красивая, хорошая
Птица-таха

Путешествует.
При первой встрече
Прими мой привет.
Подожди, остановись!
Поговорим-ка!
Уж если встретились,
Познакомимся,
О себе расскажем.

Сказав, окончил он речь. Девушка взглянула — с полуденной (т. е. южной) стороны железный ястреб-птица,⁸ говоря, подлетает. Когда он подлетел, она стала говорить:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб-птица,
На твой привет пусть
будет мой!
Ну, если спрашиваешь,
Я тебе расскажу.
Давно на средней земле

Жил богатырь
Никто ни по имени.
Слыхал, вероятно,
Об этом старике?
Об Эрокчон-старушке
Ты, видно, слышал?
Так вот — я дочь их
По имени Секак.

Железный ястреб речь держит:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Ну, дочь Никтони-богатыря
Со средней земли,
Секак-девица,
Я расскажу!
Я сын
Из рода Оха,⁹
Утольдина-старика
И Утакан-старушки.

[Я] железный ястреб-птица,
По имени Дюнкулкон-
Дюнкулдин,
Мата-богатырь.
Я, услышав весть
О том, что ты пустилась в путь,
На этот слух прилетел.
Куда же ты направилась?
В какую страну,
Зачем ты попала?

Кончил он речь. Начала девица свою:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Мата, железный ястреб,
Дюнкулкон-Дюнкулдин,
Ты, мата, о моем, пути,
О моей цели для чего
Расспрашивашь?

Тебе совсем не нужно
Знать, куда я лечу.
Я направляюсь сама,
Своим путем.
Ну, мата, конец далек,
А пока прощай!

Сказала и вперед двинулась. Своим путем полетела. Дюнкулдин-мата продолжал:

Дэлт, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Почему не хочешь
Говорить?
Чего испугавшись,

Улетела ты?
Друг, обожди!
Поговорим еще!
Куда торопишься,
День ранний,
Год долгий!¹⁰ —

говорит. Секак-девица отвечает:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!

Не надоедай ты
Далоко странствующей девице!

О далеких местах
Я мечтала.
А сам ты
Своего пути держись!
Очень нужно мне знать,
Куда летишь ты!

Я куда надумала (букв.: своим умом),
Туда и буду путь держать,
А ты лети [туда],
Куда сам надумал, говорю.

Сказала и полетела. Железный ястреб за ней полетел. Летя следом, запел:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Ты, девица-друг,
Постой, обожди!
Почему со мною
Не хочешь говорить?
Спеша, до какой земли
Скорее добраться
Торопишься ты?
Как бы ты ни торопилась,
Я — мата-человек,

По твоему свежему следу
Следующий!
Когда долетишь
До основания земли,
Встретишь меня, который
Не может быть не встречен.
Я тот, который летит
Над тобою в небе,
украшенном радугами,
Тот кто не спускается.

Кончил он, запела Секак-девица:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,
Для чего ты меня
Задеть собираешься?
Если силу мою узнать
Собираешься ты,
То подробуй догнать.¹¹
Если силу мою узнать
Попробуешь, то потом
Не плачь, не сердись на то,
Что Секак-девица

За собой следовать заставила,
Такой длинный путь
Пройти заставила!
Если не заплачешь,
Пожалуй, следуй [за мной]!
Я тебя, как ни говори,
Во время первой встречи
Дурным словом
Не отругала.
На это ты сам
Напросился.

Девица кончила речь. После этого оба, соревнуясь, полетели. Секак-девица тогда речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб,
Дюпкулдин-Дюпкулдин-мата!
На край какой Кидан-земли
Мы держим путь?
Я, девица, говорю:
Девять океанов,
Восемь морей
Встретим мы;

Над восемью круто склонными
Мысами, морскими мысами
Мы пролетим, соревнуясь.
Кто же первым долетит?
Ты сам знаешь, [куда]
лететь.
А я сейчас полечу.
Может, и обгонишь [меня].

Сказала и кончила. «Вот завтра долетим до мест, где восходит солнце. Кто первым долетит?», — сказав так, они разошлись в двух направлениях. Каждый летел своим путем. Летит девица и ускоряет свой полет. Вот долетела до морского мыса. Долетев, вытерла пот. Только справилась, как подлетел железный ястреб. Долетев, так запел:

Дэнг, дэлэ, далэ!
Секак-девица,
Ты когда собиралась

Сюда прилететь?
Я думал, что
Не долетит она.

Он, мата, продолжал:

Секак-девица,
Ты послушай,
Что я тебе скажу!
Ты первой долетела,
Ты быстрее прилетела.
Несмотря на это,

Что бы ни случилось,
Я не тот человек,
Который задерживает
Тебя в пути.
Но я не отстану от тебя.

Кончил. Секак так ответила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,

Ты не только со мною,
Но и около меня
Лететь не пробуй.

Сказала и вперед полетела:

Ну, мата,
Конец далек,
А пока прощай.

Девушка отправилась в сторону восхода солнца. Мата остался на месте. Девушка движется вперед и вперед, она [ведь] путница. Летит и летит. О лете узнает по выхавшей росе, о зиме — по выпавшему инею, об осени — по всплеску весел. «Осень наступила», — думает. О весне — по выросшим листьям. «Весна наступила», — думает. Летит вперед. Не знает, когда ушла от отца, от матери.

Летела, летела, стала подлетать под самое солнце. Долетела до одного очень хорошего места. Попала по красивому лугу. Посмотрела перед собою: «Вероятно, это белый голец», — говорит. Приблизилась к нему — это деревянный дом. Хорошенько разглядела — белый, четырехгранный, серебряный дом.¹² С неба (букв.: с верхнего мира) на тройной серебряной веревке спускается меч. Из-под земли (букв.: с нижнего мира) появился с восемью железными подирами дом. Долетела до них. Долетев, спустилась. Спустившись, посмотрела на дверь. Дверка — в сторону восхода [солнца]. Войдя, такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Четырехгранный
Айгурский¹³ дом,
Я издалека
Путь держу.
Если внутри есть хозяин,
Звук моего голоса
Услышь, говорю.

Я со средней земли,
Из очень далеких мест
Путь держу.
На ночлег меня
В дом впусти!
Едой я обеднела,
Одеждой обносилась.
Ну, пусти погреться!

Сказав так, окончила речь. Послушала девица — внутри речь раздалась:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Сумколдия,

Работник мой,¹⁴
Открой дверь,
Скорей, скорей!

Дверь открыли. В открытую дверь [девица] вошла. Войдя, прошла три двойных помещения и вошла в четвертое. В четвертом помещении сидит хозяйка. [Девица] сказала ей: «Здравствуй». Поздоровавшись, села. Когда села, хозяйка дома спросила:

Геревлакан!
Геревлакан!
Девочка-девида,
На какой земле [ты]
Родилась и жила?
Каких старика

И старухи ты дочь?
Как имя твоё?
Что видела
В пути, что слышала?
Обо всем расскажи!

Она кончила. Девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Я, девица, расскажу,
Если ты о новостях
Расспрашивашь.
Где мои предки (букв.: корни),
Справлюсь ты;
Чья дочь я,
Справлюсь ты.
Я расскажу.
Давно, давно, на средней земле —

Вероятно, ты слышала —
[Жил] Нингтони-ботатырь;
О стариже, вероятно,
Слыхала ты.
Об Эрокчон-старушке,
Видно, слышала ты.
Богатством прославился [он],
Много оленей
Было у старика.
Вот его дочь я,
По имени Секак-девица.

Окончила [девица] свое обращение к ней. Хозяйка дома девицу угостила. После угощения две женщины обо всем говорили. Пока они говорили, настал вечер. [Секак] тут заночевала, три или четыре для гостила. Нагостившись, она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,¹⁵
Тыргакчан-тетушка,
Послушай-ка ты,
Что я расскажу!
К твоему добруму имени
(т. е. к тебе)
Из далеких мест
Я по небу прибыла.
Для чего? — если
спросишь,
То отвечу тебе:

Я прибыла сюда,
Думая: «Она меня
Всякому научит,
Разным обычаям
Научит она.
Край земли она, зная,
покажет», — думая,
[Я] сюда прибыла.
Ну, как ты смотришь?
Мея с собою вместе
Если бы ты увела,
Что бы случилось?

На речь ее Тыргакчан-девица ответила:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Со средней земли

Богатством известного
Нингтони-маты
Девица-дочь,

Эрокчон-старушки
Хорошему обученню
Девица-дочь,
Секак по имени.
Я знаю конец земли,
Основу земли —
Все знаю я.

Разные хорошие народы
Видела я.
Я знаю все,
Что рожденю
Под солнцем;
Для меня нет неизвестного.

Сказала она. После этого они опять говорили о разном. Потом дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканы!
Геревлаканы!
Секак-девица,
Слушай хорошенько.
Открой свои
Оба уха!
На ус намотай (букв.: умом
своим хорошенько запомни)
То, что я расскажу тебе.
Какой земли край

Хочешь ты посмотреть?
Какой земли народ
Хочешь посмотреть?
Я знаю ураинкаев
Всех трех земель,¹⁶
Как своих пять пальцев.
Где проходит
Ангуй-река,¹⁷ знаю, все знаю.
Где [надо тебя] провести —
Это место я знаю.

Она кончила. «Если хочешь в путь пуститься, — говорит, — пойдем сегодня же». Сговорившись, собрав мелочи на дорогу, сказав: «Пойдем!», отправились. Вышли вон. Выйдя и превратясь в белых журавлей, полетели. Летят они. Вот они сколько-то пролетели. Летят, подымаясь ввысь. Подымаясь вверх, они добрались до верхнего мира. Добравшись, пошли по верхней земле (т. е. по горной тундре). Земля с хорошими местами. От мест [Секак] они отличаются — красивые места. Идя, дошли до одного дома. Дом хороший, четырехугольный. Дойдя, там остановились. Тыргакчан-тетушка такую речь держала:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Девушка верхнего мира,
Догикчон-дружок,

В твои места прибыла.
Дошла, говорю.
Открой дверь!
Я пришла узнать, говорю.

Когда сказала она, та открыла. Когда открыла дверь, они вошли. Войдя в дом, сели. Хозяйка дома так начала свою речь:

Доги, дерокон!
Доги, дерокон!
Дочь солнца, дружок,
Что видела ты?
Что слышала ты?
Это подруга твоя —

Какой земли
Она дочь?
Чье имя посит
Девица?
Как ее имя?

Секак-девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица,
Если ты спрашиваш,
Я расскажу,

Откуда происходят мои
предки (букв.: корни),
Где родилась я.
Если спросишь,
Какого старика,
Какой старухи

Дочь я,
Как имена их,
Расскажу я.
И о своем имени
Тоже скажу.
Отец мой со средней земли,
Богатством известный —
Ниянтони-старика
Дочь-девица я,

Секак-девица
По имени я.
Моей матери имя
Эрокчон-старушка.
[Я] ничего нового
Не видела, не слышала.
Может, ты расскажешь,
Что видела, что слышала?

Она кончила. Заговорила Догикчон-девица:

Доти, доти, доракан!
Средней земли девица,
Секак-дружок,
Что я видела,
Что слышала — не ново.

Рассказы одного
Другому не новы.
А имя мое —
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица.

Она кончила. Девица угостила подруг. Там [они] започевали. Переочевав, утром встали. Встав, «куда направимся?», — обсуждали. Догикчон-девица подругам говорит:

Доги, доги, доракан!
Друзья, этого верхнего
мира
Богатыри на игрища¹⁸
На нашей земле соберутся.
Приседа их и игрищ
Наступает день.

Сегодня на игрище
Предут разные
Маты-богатыри.
День сбора и встречи
Сегодня настал.
Не пойти ли нам
Есем трем туда?

Она кончила. Секак-девица заговорила:

Чими, чими, торокапен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-дружок,
Я ведь человек, еще
Не видевший юношей.
Мне хочется их
посмотреть.
И игрищ я не знаю,

Познакомиться
С игрицами я хочу;
С рождения игрища
Не видела я.
Посмотреть я хочу,
Разным играм
Научиться хочу.

Она кончила. Все три собрались в путь. Надели новые одежды и отправились. Девица верхнего мира знала место игрищ. Направились туда. В знакомое ей место пошли. Догикчон знала все места [игрищ]. Вот понемногу они дошли. Место игрищ было красивым. Юноши собрались, богатыри верхнего мира. Продолжают играть, петь и плясать. Догикчон-девица, паря вверху, такую речь держала:

Доги, доги, доракан!
Богатыри верхнего мира,
Маты, здравствуйте!
Мы добрались
До мест ваших игрищ.
Мы девицы трех миров,
Верхнего мира девица,

Догикчон-девица —
Это я, говорю.
Под солнцем живущая
Тыргакчан — одна из нас.
А одна из нас —
На средней земле
выросшая

Нингтони-старика
Дочь, по имени
Секак-девица.

Вы нас пустите
Играть вместе с вами?

Кончила речь. Тогда один юнокша произнес:

Данг, доле, доле!
Дэнг, доле, доле!
Вот, друзья, говорю,
Верхнего мира
Богатыри, к нам
Пришли трех земель
Девицы-кедак¹⁹
На наши игрища.
Как, мы допустим
Пришедших, я думаю?
Если спросите меня,
Я ведь тоже среднего мира

Старика Утольдина
Из рода Оха сына,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,
Мата и.
Секак-девица,
Здравствуй!
Ведь давно уж,
Как встречались мы,
Как странствуйешь?
Что видела?

Он кончил. Секак-девица речь начала:

Чими, чими, тороканен!
Вот среднего мира
Старика Утольдина.
Из рода Оха сына,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,

Мата-человек,
В верхний мир
Когда ты прибыл?
Я же ничего
Не слыхала, не видала.

Она кончила. Все продолжали свои игры. Три дня они пели. Напевшись, стали они собираться в свои места. Секак-девица вспомнила отца и мать. Вспомнив, стала собираться в обратный путь, к отцу, к матери. Вот она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,
Тыргакчан-тетушка,
Настало время
Вернуться к себе.
Отца и мать вспомнила,

Как-то живут
Теперь отец и мать?
Уже много времени
протекло,
Как я ушла от них.
Конец далес, прощай!

Она копчила речь. Отправилась, полетела. В свои места направилась. Вот летит она, летит, очень далеко запетела. Долго летела, наконец добралась до дома. Состарившиеся отец и мать обрадовались возвращению дочери, обнимали дочь. «Ну, как путешествовала, дочка? По каким местам ходила?», — спрашивают. Дочь в ответ запела:

Чими, чими, тороканен!
Матушка, батюшка,
Я прошла две земли,
Богатырей всех
Встретила, видела.
С дочерью солнца
Тыргакчан-девицей,
Богатырь-девицей,
Вместе путешествовала

В верхний мир.
Добрались до дома
Догикчон-девицы
Из верхнего мира.
Добрались, втроем
Отправились
В места верхнего мира,
В места игрищ
Богатырей верхнего мира.

Там в игры
Пограв, разошлись.
Все наши друзья

Вернулись к себе.
Вот и я тоже
Вернулась домой.

Она кончила речь. Так они жили и много оленей у них было.

4. Три девицы

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда над землей небо только зарождалось и было словно пуповина, в одном чуме-утэ¹ жили три девицы. Три девицы, и у каждой из них по одному котлу было, [каждая] сама себе готовила, варила. [Каждая] свою еду ела. Все три в лес ходили за дровами. У них не было ни одного оленя, ни одной собаки. Все три они не разговаривали между собой, ни о чем друг друга не спрашивали. Самы по себе жили.² Так и жили от рождения. Одна — по имени Секак-девица, средняя — Монгукчон и одна из них — Догикчон-девица.

Вот однажды Секак-девица к подругам, к младшим обратилась:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!³
Монгукчон-сестрица,
Послушай, что скажу.
Выросши под
Светлым солнцем,
Мы несколько не разговаривали.
Сегодня я поведу разговор!
На какой земле выросли [мы]
Сиротами, без матери и отца?

Как мы родились? — спросите
[вы]
Мы уранкаи — люди тайги.⁴
Как одилоками [все] три
Выросли мы?
Если подобные нам
Уранкаи имеются,
То вы, может быть, знаете?

Она кончила, тогда Монгукчон повела речь:

Кемонин! Кемонин!⁵
Сестрица, я говорю:
Ведь ты первой свет
увидала (т. е. ты старше)!

Если знать, уж [ты]
знала бы!
А мне как знать?

Она кончила. Тогда Секак-девица речь повела:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Я говорю,
Монгукчон-сестра,
Если бы мы
По средней Сивир-земле,⁶
По Кеян-земле⁷
В путь направились бы,

То мы, девицы,
До основания земли
Протяли бы.
Если бы мы отсюда
В путь отправились бы,
То куда бы пришли?

Сказав, она кончила. Монгукчон-девица продолжала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
И из этих мест,

От теплого чума
Не отдалялась.
Если ты умна,

Если ты собралась в путь
По Кеян-земле,
По Сивир-земле,

И если ты отправишься,
То я не задержу, говорю.

Она кончила. Секак-девица сказала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Вы послушайте
Мое девичье слово!
По средней земле,
По неизвестной далекой земле,

По неизвестной широкой земле
Завтра утром
Я, девица,
Завтра утром
В путь отправляюсь.

Она кончила. Монгукчон-девица сказала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Секак-сестра,

Ты в какую
Далекую сторону
Идти собираешься?

Она кончила. Одна из них не говорила, сидела, [смотря] вперед, и слушала. Вот они поужинали. Поели, легли спать. Утром встали рано. Позавтракали, опять сами себе порознь сварили. Эта женщина [Секак] кончила есть, собрала посуду. Одежду вверх подобрала, хорошенько связала волосы, набросила платок и подвязала вязки на унтах. Вышла, чтобы в путь отправиться. Выйдя, встала против двери. Встав, речь повела:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Сестрицы [мои],
На долго ли, на коротко ли
Давайте простимся.
Живите хорошо!
Если буду жива,
В каком-нибудь месте
На краю Кидан-земли⁸ встретимся.
Всем сердцем, всей душой⁹
Я стремилась
По средней земле отправиться.

Разве подобная мне девица
Может быть задержана
коряжинами¹⁰ в пути?
Где я буду идти,
Когда силы мои истощатся?
Пока силы есть, буду идти.
Прощайте, [сестры]!
Ну, конец пути далек,
распростимся.
Живите хорошо!

Она кончила речь и отправилась. А эти остались. Двинулась в путь Секак-девица. Идет своим путем. Вот уже полдень. В пути она, говоря: «Пить хочу», не остановилась. Говоря: «Пить хочу», воды не пьет и пути не прерывает. Вот дошла она до одного места. Красивое, удобное для стоянки место — нежайка. Дошла до места, где листья не желтеют. Девица, дойдя, осмотрелась хорошо. Видит — там озеро. Хорошее, с чистой водой, зимой не замерзающее озеро. Посмотрела туда — это место зимовки (букв.: посадки) разных уток и гусей. Удивилась девица. На берегу песок, села она на него. Сев, такую речь держала:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
На средней Сивир-земле
Есть различные места!
Здесь растут деревья-лакши¹¹
С тройными стволами,
С нежелтеющимися листьями.
С чистой, прозрачной водой,

С незамерзающей зимой водою
Ключи и озеро [здесь] такио.
Здесь кормится
Очень много перелетных [птиц].
Это места, через которые
Они дальше не летят.

Эта девица свое желание высказала: «Я, девица, здесь остановиться хочу». Кончила речь. Эта девица еще из дома принесла пальмú.¹² Принесла и ящик рукодельный. [Она] взяла кольцо. Взяв его, правой рукой схватила пальмú и повела речь:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Хороша, красива земля.
Если бы я, девица,
Здесь остановилась
И поселилась,
То сколько бы птиц узнала!
Столько разной птицы ходят
здесь!
Как бы там ни было,
[Я] до таких мест дошла,

Что придется мне
Птицей питаться.
Может быть, какой-нибудь
Зверь когтистый
Мне попадется?
В этих местах
Несущая яйца птица
Когда яйцо снесет,
[Я], вероятно, [его] съем.
Вот в какое место я пошла!

Кончила и опять продолжала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Если волшебством
я владею,
То подброншу-ка я
Одностороннею острую
Пальму к небу!
Четырехстолбовым
Железным помостом для
меня

Сделайся! Сделайся!
Потом подброншу-ка я
Мое колечко!
Снова мое волшебное!¹³
Кольцо мое, стань
Чумом-чорама!¹⁴
С едой внутри,
С одеждой внутри!

Сказав, девица подбросила кверху свою пальмú и кольцо. Подбросив, посмотрела вверх. Только взглянула вверх — и по ее желанию на середину лужайки упали четырехстолбовый помост из железа и чум. Она вошла в чум. Внутри все приготовлено: хорошая одежда и разные явства. Девица там поселилась, переночевала. Переночевав, утром встала и вышла по своей нужде. Выйдя, посмотрела на озеро — [там] полно уток. Вошла девица в чум. Села, дверь прикрыла. Приготовила как следует утренний завтрак. Только собралась есть, как снаружи звук послышался. Она в дырочку дверки посмотрела. Прислушалась: у дверки шум — словно какой-то человек упал. Тем временем он там, спа-
ружки заговорил:

Кудария! Кударгей!
Кудария! Кударгей!
Чей это дух-хозяин
пришел
На мое озерко?
Прежде всего,
Кто бы ты ни был,

Дверку открой!
Если людоед,
То быстро съешь.
Если убийца,
То быстро убьешь.
Если спаситель,
Быстро спасешь!

Он кончил. Девица быстро открыла дверку. В открытую дверь вошел мата.¹⁵ Когда он вошел, девица усадила его на почетное место. Когда он сел, она начала речь:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата, адэрбово!
Что видел ты?
Что слышал ты?
Чьего ты помнишь?
Где твои предки (букв.: корни)?

Она кончила. Заговорил мата:

Кудэрей! Кудэрэнг!
Кудэрей! Кудэргин!
На твои вопросы,
Девица-друг,
Я отвечу тебе.
Я — мата по имени Умусин,
Живу одиноким.

Спросил он. Девица ответила:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я расскажу.
Я итичья [дочь],¹⁶
У меня нет матери,
Отца я не знаю.
Мое имя Секак-девица.

Сказав, она замолчала. Мата заговорил:

Кудэрей! Кудэргин!
Кудэрей! Кудэргин!
Я, человек, говорю:
Твои вести я выслушал.
Прежде передавали
Рассказы итиц о том,
Что три девицы Сивир
Втроем вместе живут, —

С кем ты родня (букв.: откуда ты кровь имеешь)?
Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Куда путь держишь,
Мата-молодец?
Как имя матери, отца?

А ты, девица-друг,
Из каких мест?
Как имя твое?
Расскажи-ка.
С тех пор как пришла
сюда,
Сколько лет [прошло]?

Моя родина
На средней Сивир-земле.
У меня две сестры,
Они живут на одном
месте
В чуме-утен.

Так рассказывали.
С тех пор как я иду их —
Трех [женщин]-маток
[из племени] Сивир, —
Исполнилось три года.
Гоняясь за множеством итиц,
Наконец, я, приди, [их]
наниел.

Он кончил. Она угостила, дала мате всякой [еды]. После угощения он лег спать. Лежали, разговаривали. Переночевав, мата встал пораньше. Поех. После еды, сев против девицы, он такую речь держал:

Кудэрей! Кудэргин!
Кудэрей! Кудэргин!
Слушай, девица,
Мой рассказ, пойми его.
Ты сама знаешь,
Чтоб надо молодцу.
Я — сирота-человек,
Одиночка жил.
Родня у меня нет,
Нет и дома.
В поисках дома
Я путешествую.
Если бы бывши мать и отец,
Я спросил бы у отца.

Если бы друга имел,
То [с ним] посоветовал бы.
Ты, девица, сама
Уже в возрасте,
Сама раскинь,
Умом своим.
Если ты не согласна,
Скажи только «нет».
Правду сказать нетрудно
(букв.: твердым слово не бывает).

Ты не соединяйся!
Кудэрей! Кудэргин!

Он кончил. Заговорила девица:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я ничего не имею
Против твоих слов.

Я — сирота-девица,
Чего же мне не
согласиться?

Она кончила. Дала свое согласие:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Ты, мата-молодец,
Всем своим существом (букв.:
честным сердцем, своей печенью)
Ты обо мне думал!

Действительно, если
Мы должны соединиться,
То не плохо бы к свадьбе
Что-либо попекать [ла угощенье].

Она кончила. Начал матя:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргис!
Угощенье к свадьбе

Найти нетрудно.
Вот сегодня же
Подготовим свадьбу.

Он кончил. Вышел вон, взял в руки лук и одну стрелу¹⁷ и ушел. Пошел добывать угощенье к свадьбе. Пойдя за добычей, сразу же, еще до полудня, принес яжирного лося. Этим они угостились. Потом нашли место [для чума]. Появились у них дом и хозяйство. Муж был хорошим охотником: бил много зверей и птиц. Долго был, и вот вокруг стали кончаться звери и птицы. Им стало страшно жить здесь. Сколько лет они здесь жили, неизвестно.

Между тем у них родился сын. Сын был красивым, чистым ребенком. Вот он начал сидеть в колыбели. Вначале ползал, потом ходить стал.

Однажды рано утром послышался какой-то шум. Муж (букв.: старик), открыл дверь, вышел посмотреть. Со стороны захода солнца подходит медведь. По тропинке прямо к чуму идет. Человек взял лук, стрелу. Взяв, вышел и выстрелил в медведя. Пущенная стрела была удачной, он попал в ухо. Стрела прошла [голову] насеквоздь. Зверь упал. Человек подбежал к медведю. Волоском подтащил его к двери. Положив, отделил шкуру. Медведь был яжирным. Стали они есть его. Трое суток прожили. Когда они переночевали третью ночь, рано утром послышалась спаружки звук, словно речь послышалась:

Дэнгэ, дэнгэ, дэнгэ, дэнгэ!
Ты, мата-молодец,
Мой ровесник (букв.: вместе
рожденный) Умусни,
Здорово, друг!
Моего щенка

Кто убил?
Я в прежние годы [с тебе]
Ничего не слыхал!
Жаль, жаль щенка!
За какую вину
Ты убил его?

Он кончил. Умусни речь держит:

Кудэрей! Кудэргие!
Мата, шумный враг-авахи,¹⁸
И не знал, что это твой щенок.

Если это твой щенок, зачем
отпустил?
На какое воровство отпустил?
Я бы его не убил.

Он кончил. Враг-авахи начал есть:

Дынгда! Дынгда!
Я спрашиваю тебя,
Чем заплатишь за щенка?
Брось-ка мне в рот
Своего сына-парнишку.
Я не ел уже третий месяц!

Дынгда! Дынгда! Дынгда!
Дынгда!
Отдань мое и жену!
Если отдать, уйсусу [ее]!
Если не отдать,
То Секак, жену твою,
Любым способом отниму.

Он кончил. Тогда человек [Умусни] выскочил вон. Выскочив, мата показал куклы врагу-авахи.¹⁹ Авахи обиделся. От обиды начали они биться. Авахи был очень сильным богатырем. Умусни-мата собрался его одолеть за три дня, но не мог победить авахи. Во время боя заплакал сын, ворочаясь в колыбели. Сын, плача, говорил:

Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Секак-матушка,
Посмотря-ка на них!

Секак-матушка,
О чём ты думаешь?
Что же ты сидишь?
Умусни-папашу
Враг-авахи убить
пытается!

Он кончил. Через некоторое время раздался голос врага-авахи:

Дынгда! Дынгда!
Умусни, мужа твоего,
Я убил.
Скорей собирай все добро,
Мы пойдем.

Скорее приготовь в дорогу
своего сына.
Вачем таскаешь с собою
Сына плохого человека?
Вот я сейчас же
Съем его печень и сердце.

Он кончил. Женщина заплакала. Плача, заговорила:

Давэдареко! Давэдареко!
Вот несчастье пришло!
Для того ли я жила,
Чтобы быть съеденной
врагом?

Если я и жива останусь,
То что мне делать?
Если ты должен съесть,
Ешь меня скорее.

Она кончила. Вышла женщина вон. Выйдя, начала биться с врагом-авахи. Бьются двое суток, но поддается женщина, не сгибается. Три дня бьются. После трех дней авахи говорит:

Дынгда! Дынгда!
С разными богатырями
На средней земле
Бился я.
В течение трех дней

Я оставался испо-
браженным.
А здесь что за смолая
женщина!
И родилась же такая
Сильная женщина!

Так сказав, он кончил говорить. Тогда женщина заговорила:

Давэдареко! Давэдареко!
Враг-авахи,
Я — такая женщина,

Что в своем рту
Не помохусь.

Так сказала она. Они бывают еще три дня. Опять она не поддается. Вот женщина как будто стала одолевать врага. Тогда враг заговорил:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Секак-женщина,
Раньше [между нами] зла
ведь не было.

Давай коячим бой!
Ты дошла до победы.
Я прошу тебя добрым
словом!

Он кончил. Заговорила женщина:

Дэвадареку!
Дэвадареку!
Я, женщина, говорю:
За убийство мужа
Чем заплатив,
Оправдаться ты хочешь?
Я не остановлюсь,

Пока не разобью тебя.
Вот если бы мужа
Как прежде дышали,
Как прежде живым
Ты бы сделал,
Тогда не убила бы тебя!

Она кончила. Враг-авахи говорят:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Не убивай меня,
Я мужа тебе оживлю.

У врага была такая сильная мазь. Он начал его оживлять. Авахи помазал Умусни, тот ожидал. Стал человек-человеком. После оживления женщина, схватив врага за горло и бросив, прижала его к земле. Придавив, пальмой распорола живот и убила. Убив, пошла домой. Женщина, Умусни и сын стали жить по-прежнему.

5. Мокигдын

Гаврила Эдни, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда на самой середине земли дерево, как травка, вырастало, [а] гора, как холмик, подымалась, когда уран-каев¹ не было, когда зверей было мало и лиственниц больших не было, жил один парень. Этот парень сделал себе жилище — чум из маленьких стволов полярной берески. Таким образом живя, он в пищу употреблял всякого [зверя]. Когда он жил [здесь], деревья стали подрастать. Над парнем стало много итиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: «Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог [их] убить?». Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли. Сделав, он пошел на одно озерко и насторожил [петли] на том месте, где итица питалась ягодами. Насторожив, он пошел домой. На следующее утро встал рано, пошел осматривать петли. Смотрит — утки в петли попали. Взвалил их на плечо и вернулся домой. Дома очистил и приготовил поесть. Ест — до чего [пища] вкусная! Вот и начал он питаться птицей. Опять

задумался: «Вот убить бы лося и поесть, что вкусные звери». Вот задумался парень и сделал лук-самострел. Пять самострелов сделал. Пошел на речку. Там трона, хорошо пропитанная. Там и насторожил самострелы. Насторожил и пошел домой. Дома переночевал, утром встал и пошел смотреть самострелы. Смотрит — в одном самостреле охота иончал под стрелу и тут же упал. Так он [его] убил. Не освежевав целиком, он потащил [его]. Принес домой. Придя, освежевал его. Попробовал мясо. Вот охотник теперь нашел свое [охотничье] счастье. Так, привыкнув [охотиться], парень стал дальние думать. Вот он сделал лук. Сделав, стрелы подготовил. Начал охотиться с луком, стрелять стал. Затем он свой чум покрыл на зиму никурой лося.

Звали его средней земли молодец Мокигдын. Младшего брата у него не было. Задумался он. Стал он думать о далеких местах. «Много зверей я убил. Заготовил мяса, но нет у меня никого, кто бы ел это все. Только я сам. Пойду-ка поищу сотрапезника (букв.: поищу себе рот). Что это я на одном месте в чуме, по земле не постранировав, собрался состариться что ли? Не познав основы земли, состариться собрался что ли?». Вот и надумал: «Я должен пойти посмотреть край земли». Думая так, он заснул. Выснувшись, встал рано. Вот встал и утром начал кое-что собирать. У него была сделана сумка из шкуры, в нее он уложил еду. Взвалил ее на спину и собрался в путь. Выйдя и отойдя на три шага от входа, встал лицом к нему. Быстал и обратился к чуму со словами:

Доке, доке, дооник!
Доке, доке, дооник!
Пожив на одном месте,
Я отправлюсь в путь.
Чум ты, чумик,

Если ты живой (букв.: если
внутри есть живое),
То на долго, па коротко ли
Распрощаешься!

Сказав, этот парень отправился в дальний путь. Пошел Мокигдын-мата.² Вот в пути на одном месте застал его вечер, он заночевал. Переночевав, рано утром встал; перед тем как отправиться, завязал свою сумку. Завязав, взвалил на спину, чтобы идти. Взвалил и посмотрел вперед. Видит — кто-то идет прямо к нему. Посмотрел на приближающегося, а это, оказывается, медведь. Огромный медведь идет к нему. Парень, подумав, произнес: «Если я его в поеднике убью, то поем его мяса». Он натянул лук; патянув, собрался пустить стрелу. Думая так, начав к нему приближаться. Собрался выстрелить, а этот медведь сел.³ Сев, он повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурил!
Средней земли
Парнища-молодец
Мокигдын, сыночек-друг,
Что это на меня
Этот лучище

Нацелил ты?
Первую стрелу из лука
Приготовился спустить?
Лучше в меня
Не стреляй, не стреляй!
У меня на шее

Трехсаженная
Железная цепь
Виенг, говорю.
Ухватись за нее!

Тогда я тебя
Признаю, говорю,
За хозяина тебя
Призываю, говорю.

Вот парень опустил лук и стрелу. Когда опустил, медведь подошел близко. Когда тот приблизился, Мокигдын смотрит — действительно, трехсаженная длинная железная цепь волочится. Медведь говорит:

— За меня, за цепь ухватись; если ты добрый человек, садись на меня, хорошенько упрись. Если ты не будешь бить меня, я тебя повезу.

Ухватился парень [за цепь]. Ухватившись, хорошенько о твердую землю ногами уперся. Медведь рванулся вперед — [цепь] не пускает. Парень тянет медведя назад. Трижды вперед рванувшись, медведь повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурал!
Средней земли
добрый молодец,
Мокигдын-мата,
Кренко, крепко
Ты уперся ногами!
Ухватился ты
Кренко, крепко!
Уж очень ты
Тяжел парень!

Лурил, лурил!
Мокигдын-мата,
Прислушайся-ка
К своим думам!
Ведь я же хорошо [тебе]
говорю!
По краю средней
Сибир-земли
Мы вдвоем
Должны пройти!

Отправились в путь. Странствуя, парень добрался до большой дороги. Отправился по этой дороге. Добрался до разветвления на три дороги. Парень, остановившись, стал рассматривать разветвления пути. На левом ответвлении дороги насажена голова волка. Посмотрел человек на среднюю дорогу — с правой стороны дороги голова духа-хозяина⁴ насажена. Посмотрел он на правую дорогу — на ней конский хвост с шелковым волосом [к пальке] привязан, [палька] направлена в сторону восхода солнца. Тогда парень подумал: «По какой дороге отправиться?». Раздумывая и собираясь двигаться, он сказал медведю:

Доке, доке, дооин!
Доке, доке, дооин!

Ты, медведь, как думаешь:
Уранкой любезности будет?

Медведь хорошенько улегся. Улегшись, стал июхать и прослушиваться. Ничего не почуял — не мог. Парень, рассердившись на него, выдорнул огромную лиственицу вместе с корнем. Выдернув, переломил пополам; переломив, парень ударил медведя по голове так, что она треснула. Убил медведя и голову его отрубил. Отрубив, повесил мордой в сторону захода солнца на шесте, где висела голова волка.⁵

Повесив [его голову], парень в путь отправился. Подумал: «Пойду по средней дороге». Отправился по средней тропе. На ней

были следы ишедших вперед и не было следов [ни одного] возвращавшегося человека. Это были следы очень больших людей. Парень стал двигаться дальше. Вот в одном месте появились свежие (т. е. сегодняшние) людские следы. Парень подумал: «Далеко ушли эти люди! Хорошо бы их догнать!». Вчерашних следов не было. Идя по следам, нагнал. Догнал, видит — люди, такие же, как и он, большие. Догоняя, парень такую речь повел:

Доки, доки, дошли!
Доки, доки, дошли!
Вот говорю теперь,
Богатыри-маты,
Друзья, привет примите!
Чьей земли вы маты?

Чье имя посните?
Пу-ка, друзья,
Расскажите-ка,
Что видели, [что] слышали,
Куда путь держите?

Он кончил речь. Заговорил [повстречавшийся] человек:

Гуруканен! Гуруканен!
Страшущий человек,
[В ответ] на свой привет
Прими мой привет!
Если о моем звонком имени
Спрашиваешь ты,
То я по порядку
Все расскажу.
Геруканен! Геруканен!
Вот ты, друг,
Если вопрос

О новости задасши,
Я скажу тебе:
Там, где соединяются
Девять больших рек-енъ,
Там, где встречаются
Восемь морей-океанов,
На вершине листоношицы
Жилище-настия имеющий,
Живу я, Иронутон,
Богатырь человек.

Спросил тогда его товарища наш парень Мокигдын: «Как твоё имя?». Другой человек рассказал:

Даву, давукиенин!
Даву, давукиенин!
Мокигдын-мата,
Друг-человек,
Ты послушай,
Я расскажу.
На средней земле выросший,

На восьмой скале живущий,
По имени Кацанутан-мата я.
Куда, спрашиваясь, иду я?
В сторону восхода солнца,
К дочери солнца?
Путь держу я.

Они, поговорив, втроем вместе пошли. Идя, вниз по реке направились. С двух сторон утесы. Парни прошли по ущелью. Дошли они до конца ущелья. При выходе из ущелья с двух сторон стоят высокие богатыри с железными палицами.⁸ Мокигдын шел последним. Доплыли они до богатырей. Когда доплыли, те увидели их. Наш парень обратился к богатырям:

Геруканен! Геруканен!
Геруканен! Геруканен!
Где бы перейти людям
Большую реку-енъ Котор?

Кого вы караулите,
Кого поджидаете,
Стоя на двух сторонах
[ущелья]
У подножия гор?

Они ответили:

Нерэги, нерэги!
Тыли, тыли!
Мы, люди, охраняем
[границу].
Если спросишь: «Зачем?»,
Отвечу: по распоряжению
Дочери солнца,
Нлонгурмок-красавицы.
Она, услышав, что
Средней земли

Парень-богатырь,
Мокигдын-матя придет,
Сказала нам:
«Караульте проход!
[Враг], прида на мою землю.
Добра не сделает.
Не давайте перейти
На эту землю», — сказав,
Поставила нас сторожить.

Парни, рассердившись, начали [со стражей] перегибаться.
[Стража] сказала:

— Мы разобьем ваши головы железными палицами.

Тогда Иронучон говорит:

— Я первым пойду. Если меня раньше убьют, то убьют старого человека.

И вышел вперед Иронучон. Выпавшего человека Сэлэргун-богатырь сверху ударил. Тот увернулся, но одно плечо [он] разбил ему. Человек [Иронучон] тут же упал. Тогда Кадалучан-богатырь Мокигдын говорит:

— Друг, жаль! Убили нашего товарища. Пойду-ка я, — сказал он и вышел.

Подошел к Сэлэргуну. Сэлэргүн-богатырь приготовился к удару палицей. Ударил подошедшего, и хотя тот увернулся, но одно бедро разбил. Тут же [Каданучан] сел. Тогда Мокигдын говорит:

Доке, доке, доинт!
Доке, доке, доинт!
Друзья, как же быть?
Ведь мы были [богатырями]
С известными именами.
Сэлэргун, говорю,
Два Сэлэргун-богатыря

Меня одного
Для чего оставили?
Моих друзей убили,
А меня одного [вам]
И на зуб
Не хватит!

Сказал так парень и пошел. Сэлэргун-богатырь приготовился ударить Мокигдына. Говорит Сэлэргун-богатырь:

Нераги! Нераги
Мокигдын-матя,
Прощайся ты
Со светлым днем!
Если от прежнего

Что и осталось,
Если родная была,
Старшия и младшие,
Скажи им: «Прощайте!».

Сказал и ударил палицей. Но Мокигдын увернулся от удара. Увернулся, и [Сэлэргун] промахнулся и ударил по большому камню, который был перед ним. Пятнадцатую железную палицу разбил о камень на четыре части. Остался Сэлэргун без палицы. Подошел он [к противнику]. Когда он подходил, Мокигдын ударил его кулаком. По основанию уха ударил Сэлэргун. У того от удара потекла кровь из другого уха. Второй Сэлэргун подошел и

ударил палицей. Мокигдын схватил его на лицу, схватил и отнял. Отняв, его же палицей разбил ему голову. Убийца обоих Сэлэргунов. Дом Сэлэргунов был недалеко. «У товарищей ноги поломаны», — сказал, взвалил обоих на плечи и понес в дом Сэлэргунов.⁹ Принеся туда, положил их. «Когда раны на ногах заживут, возвращайтесь домой! Сами же знаете!», — сказал он и пошел дальше.

6. Нивонинде

Никус Арсенов (Эдян), род. в 1917 г., неграмотный.
1948 г., р. Амгунь, Верхне-Буренский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля словно брошенный мокрый коврик-кумалан была, словно брошенный коврик-тэнинэ¹ была, жил в то время один ураикай² в чуме. Чум его был утэп.³ Сказал бы этот человек «мама», но не было у него матери; сказал бы «папа», но не было у него отца. Жил спротою. (*Пояснение сканителя: «Эта часть — основа сказания»*).

Если послушать его звучное имя, то имя это было Нивонинде-богатырь. Откуда он вышел — не знал. Устал думать об этом. Сам про себя думал: «Большой я богатырь. Такого, как я, нет. В местечке Егинде,⁴ на земле Онои, нет такого человека, как я», — думал он. За все время, что он жил, к нему не пришел [ни один] человек-уранкай, не встретился с ним. Рассердился он из-за этого. Утром, когда еще птицы были, выйдя, он закричал: «Если бы в нижнем мире жил Халдяркай, было бы хорошо! Если бы было много людей и сильный человек победил, то я побился бы с ним!». Так кричал. Переночевав, утром проснулся, и, когда на постели-бе⁵ лежал, спаружки женщина-бай⁶ закричала:

Геревлакани! Геревлакани!
Силач Нивонинде,
Привоз прими!
Слова: «На средней земле
Сильного человека нет!» —
Выкрикиваешь ты.

Не отходя никуда
От чума, ты уже хвалишься!
На земле разные богатыри есть.
Вот, если бы ты пошел и
побился!

Женщина кончила речь, слово взял Нивонинде:

Генге, герой!
Твоих-то [богатырей] нет!
Если найду их, побьюсь!

Кончил, Женщина сказала:

Геревлакани! Геревлакани!
Все равно не одолеешь!

Когда она это сказала, сильно рассердился Нивонинде-молодец. А женщина рассказала про бьющихся людей:

— Есть богатырь нижней земли, атаман всех [врагов]-авахи,⁷ богатырь по имени Гарагалтун-Силин⁸ и верхней земли богатырь по имени Катан. Пойди и побейся с этими богатырями.

Когда она так сказала, Нивонинде собрался в путь к бьющимся богатырям. Перед уходом такую речь держал:

Генге, генгерой!
Я, парень-молодец,

Средней земли богатырь,
Во что бы то ни стало
дойду!

Вот, наклонившись вперед, в путь пустился. Идя, так он говорил:

Генге, генгерой!
Средней земли богатырь,

Я, Нивонинде.
Пощел к богатырю.

Отправился на бой. Распрощавшись со своим местом, пошел пешком: у него ни оленя, ни скотины никакой не было. Пешком пошел к богатырю нижнего мира. Отойдя от чума, пошел в сторону захода солнца. Долго шел он. Когда шел, впереди прозвучали слова. Нивонинде прислушался. Вот так прозвучало:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Конец пришел
Моей борьбе.

Одевает меня
Гарагалтун-Силин.
Нижней земли богатырь.

Бежит [человек] и говорит:

Нэдэрокошил! Нэдэроконин!
Авахи-богатырь
Вот-вот [нагонит и] одолеет
меля.⁹

Какой земли богатырь,
Придя, выручит меня?

Вот это услышал Нивонинде-богатырь. Услышав, побежал павстречу. Побежал и сразу встретил. Встретив, посмотрел — авахи-богатырь вот-вот настигнет, вот-вот схватит богатыря тайги. Увидев людей, Нивонинде такое слово сказал:

Генге, генгеронин!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,
Что это ты преследуешь

Человека тайги, [Катала].
с собираясь убить?
Вот одолей меня,
Тогда покажешь свою силу!

Они, встретившись, начали договариваться. Богатырь [Нивонинде], держась за ухо,¹⁰ начал речь:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,

За преследование человека
тайги
Я тебе морду разукрашу!

Когда он кончил, авахи-богатырь, держа себя за ухо, такую речь произнес:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
дынгды!
Богатырь тайги,

Нивонинде-мата,¹¹
Привет [мой] услышав!

Лишь только он так сказал, Нивонинде стал быть кулаком авахи-богатыря, не давая ему покоя. От этих ударов [авахи]-богатырь зашатался, но не падал. Покачавшись, авахи-человек такую речь держал:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
Дынгды!
Нивонинде-силач,
От твоих кулаков
Что-то стало [моя] шататъ.

Разны уралкай
Меня били кулаками.
Но я не шатался.
Впервые от ударов
Твоих я зашатался.

Они продолжали бой. Бются и так и эдак. Вот после трех дней Нивонинде-богатырь стал одерживать верх над авахи. Кончив поединок и одолев авахи, он собрался его убить. Авахи такую речь сказал:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
Дынгды!
Нивонинде-мата,

Не убивай меня!
С этих пор я не пойду
Против человека тайги.

Но тот, не слушая, добивает. Добив, такую речь держит:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Не приходите,
Впредь не спорьте

С человеком тайги.
Все равно убью!
Все равно одолею!

Одержав победу, сказал тому, [врагом]-авахи побежденному человеку [Катану]:

— Иди домой! А придя, помни обо мне, если кто заденет. Если вспомнишь, где бы я ни был — услышу.

Они разошлись. Катаан пошел домой. Нивонинде пошел своим путем. Расставшись, Нивонинде пошел в направлении к югу (букв.: на полдень).¹² Очень долго шел. Когда он шел, вверху, в небе прозвучала речь. Нивонинде прислушался:

Ненедареку! Ненедареку!
Средней земли богатырь,
Привет услыши!

Сказала [женщина] и продолжала:

Ненедареку! Ненедареку!
Нивонинде, богатырь
человек,
Средней земли богатырь

Меня обижает.
Спаси меня!
Освободи меня,
Нивонинде-богатыри!

Когда она сказала, заговорил Нивонинде:

Генге, генгеройиц!
Генге, генгеройиц!
Как-нибудь я доберусь до него!

Сказал и пустился в путь. Двигаясь вперед, быстро дошел до [того] человека. Дойдя, такую речь держал:

Генге, генгерой!
Какое зло она сделала,
Что ты девицу обижавши?

За обиду я тебе
Морду ляблю!

Человек, обидевший девицу, [был] Отани-богатырь. Встретились [они]. Отани-богатырь такую речь держал:

Орель-да, орель-да!¹³
Силач человек,
Не злая, меня

Встретил ты.
Пришедшего ко мне
Побив, я буду преследовать.

Рассердившись на эти слова, Нивонинде сразу же биться начал. Вот бились, бились они. И так, и сяк долбили кулаками. Нивонинде начали одолевать. Тогда Отани такую речь произнес:

Орель-да, орель-да!
Не убивай меня!
С этого дня и впредь
Не стану забывать.

Отпусти живого!
Если не убить,
Сестру отдам!¹⁴
Красивая сестра у меня.

Нивонинде перестал бить. Нивонинде-богатырь, взяв в жены сестру Отани, отправился домой. Вот с такими словами он обратился:

Генге, генгерой!
Отани-шурин,
Я в свои места
Собираюсь пойти.

Если какой проходимец
Тебя заденет,
Вспомни обо мне.¹⁵

Расставшись, он направился домой в свой чум, ведя за собой жену. Шли они, шли, вдруг вверху раздалась речь:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Силач человек
Нивонинде-богатырь,
Привет услышь!

Сколько раз за обиду
Ты расплачивался!
Такого, как ты, нет.

Нивонинде-богатырь с женой домой пришел. Там стали жить.

7. Отани

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, давно, когда основа земли с головную шкурку оленя-мойки¹ была, когда море словно большая река было, когда большая река-енэ² только начинала из земли выходить, когда хребет высоких гор только становился, на холме у реки чумутэн³ стоял. В нем жил один-одинешенек мата.⁴ Не было у него ни оленя, ни собаки. Не знал от ни матери, ни отца, выкорчив-

ших его от рождения. Парень задумался. Говорит венех: «Если бы я родился в диком месте средней земли, на правых ребрах у меня была бы земля. Если бы появился из дерева, на середине [моего] позвоночника пришла бы кора. Если бы я упал с една видимого радужного неба, на макушке у меня был бы ней». Так он рассуждал. [Покров] его зимнего жилья был из камысов с ног оленя-куе⁵ с пушистой щерстью; его летнее жилье покрыто шкурками перелетной птицы.

Вот перестали в его места прилетать птицы. Перестала кричать бурая зимующая ворона. Не стало и перелетных птиц — перевелись. Узнав об этом, и лось перестал попадаться.

Жил человек однолиценек. Поговорить — товарища нет, пораспросить — никого нет. Заскучал человек от одиночества. Очень надоело жить одному. Этот матя был по имени Отали-молодец. Стал он раздумывать, как по средней земле побродить, в путь пуститься по средней земле. Вечером, раздумывая, он заснул. Утром встал рано. Поел, одежду надел. Из шкуры лоси-иры⁶ у него был кафтан. Из сухожилия вакенки были у него ноги. Опоясавшись, он вышел на улицу. Выйдя, встал против дверки чума-утэн. «Ну вот, — говорит, — пусть будет как будет». Он запел:

Доки, доки, донна!
Чум мой, чумик-утан,
С остовом из трех жердей,
С грузом из четырех
жердей,⁷
[Ты] оставайся не
разваливаясь!
Через сколько-то лет приду!

Срок не изменю!
Я, человек, иду
За тем, что мне нужно.
Летний чум, крытый
Оперением птиц,
Зимний чум —
Чум-чорама;⁸
Конец далек, прощайте!

Кончил речь он. Направился в путь наци молодец. Пошел вверх по большой реке. Идет он, очень быстро идет. Перед ним и черная ворона, пролетев, «гак» по [услышала] прокричать. Вот путник-молодец дошел до истока реки. Очень крутая горница. Поднялся он на вершину. Поднявшись, отдохнул и огляделся. Посмотрел он в сторону захода солнца, посмотрел в сторону восхода солнца, видит — [на востоке] красшое светлое место. Подумал человек: «Куда пойду?». Подумал и речь произнес:

Доки, доки, донни!
Доки, доки, донни!
Звучным голосом (букв.: ртом)
крикну-ка!
Широким горлом заговорю-жа!

В стороне восхода солнца
Хорошие, красивые, веселые
Места показались.
Хорошо бы до солнца дойти,
говорю.

Сказал и кончил. «Я, матя-молодец, пойду!» — и встал. Встav, собрался шагнуть. Только хотел шагнуть, как [вдалеке] что-то, словно комариное жужжание, зазвенело, что-то, не похожее на пение птицы. Удивился молодец: «Где же это?», — говорит и

смотрит вверх. Видит — со стороны восхода солнца [что-то] движется к нему. Удивился молодец: «Как это птичи слова похожи на речь уранской?»⁹ Вот такая речь была:

Геревлакани! Геревлакани!
Средней земли молодец,
Отали-богатырь,
Здравствуй, говорю.

Расскажи, что видел, что слышал!
В такое время мы встретились!
В такой день мы сиделись!

Сказав, кончила [птица] речь. Мата заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Доки, доки, доц, донин!
Ты, летящая вверху,
Перелетная птица-мата,
Твоя речь на мою,
Уранская речь, похожа.
А голос твой на мой похож.
Ты, видно, уранкайка,
Крылатой стала.

На какой земле
Ты родилась? Расскажи.
У меня новостей (букв.:
смытанных, виденного) нет.
Я сирота, одиночка жила.
Нет ни матери, ни отца.
Что ты слышала?
Откуда ты родом?
Как тебя звать?

Он кончил речь. Перелетная птица начала:

Геревлакани! Геревлакани!
Мата-молодец,
Под небом с тройной радугой
Страштвую по земле,
Знакомясь с корнями земли,
Я много новостей собрала.
Разное я видела,
Разное я слышала.
Если есть глаза и уши,
Не видя, не слыша, как пройдет?
На поверхности средней земли
Разное можно увидеть.

Я видела, как человек
Человека убивает.
Если ты будешь расспрашивать,
Я расскажу тебе.
Под ярким солнцем
Над четырьмя землями летающей,
Под солнцем выросла я,
Тыракчан-девица.
Ну, а пока конец далек,
Распрощаемся-ка (букв.: пусто;
будет «прощай»)!

Сказала и назад отглянулась:

Мата, мата,
Лети за мною (букв.: смотри на мой след)!
Следуй по невидимому следу!

Сказала и исчезла ввыси, улетела. Рассердился человек.
В сердцах сказал:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Ты, бедняжечка птица,
Тыракчан-девица,
Под ярким солнцем живущая,

Девица-красавица,
По невидимому следу
По твоему погонюсь-ка!
На свежий след твой наступлю-ка
(букв.: след твой растоплю,
учитожу).

Сказал и бросился в погоню. Бежит и бежит. Бежал он в сторону восхода солнца. Бежал он так [быстро], что вершины невысоких деревьев, [теряя листву], в чити превращались, что большие деревья с корнем вырывались. А человек все бежит и бежит. В конце бега стала одолевать его усталость, [он] уже едва-

едва бежит. Добегает он до одной большой глыбы. Споткнувшись, ударился в нее лбом. Да так ударился (букв.: упал) лбом, что камень разбрзлся. Лоб его чуть не треснул пополам. Человек же продолжает свой путь, хотя и спотыкается. В конце своего пути он полетел, превратившись в железного ястреба.¹⁰ И в воздухе он продолжал свой путь в сторону восхода солнца. Поднялся он в небо с тройной радугой. Поднявшись, он спустился прямо к месту, где восходит солнце. Из двух крыльев его огонь, как молния, взметнулся (букв.: кашум), раздался треск. Там, на месте соединения семи морей, на месте слияния девяти больших рек, он спустился на середину сонки на белом море. Это был голец, достигающий неба. Сел [он] на вершину его. Сев, хорошенько осмотрелся. В это время услышал откуда-то идущую речь. Такую речь услышал:

Геревлакани! Геревлакани!
Кто же это воду выпил?
Кто же это траву съел?
Это мата появился (букв.: родился),
Должно быть, весть принес.
Что же это за мата, [который],

Прожив на средней земле,
Очень мало странствовал?
На трех Сибир-землях
О таком мате не слышала,
Не попал [он] мне и на глаза.

Сказав так и коснувшись крылом вершины гольца, доходящего до неба, она перебралась, едва протиснувшись [между небом и вершиной гольца]. Вот парень увидел, как она полетела, и пошел следом за ней. Пройдя, он дошел до неба. Пройдя [через] голец, парень пошел дальше. Вот попал в такое место, где назад не вырваться и вперед не выйти. Ну, парень застрял там. Застряв, он заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Семь морей, девять океанов,
Белое море-матушка,
Дух — хозяин гольца,
[Всяк], имеющий уши, послушай!
Здесь, на окраине этой Кетан-земли,¹¹
Я попал в безвыходное положение.
Пусть место под солнцем [как-нибудь] расширится!
Я мечтал увидеть еще места под солнцем,
Когда шел из своих мест.

Сказав [так], кончил [говорить]. Когда он кончил, откуда-то послышались слова. Повернулся в ту сторону. Взглянул парень. Отани-мата — стоит неподалеку от него одна старуха. Стоит и говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Что это, средней земли
молодец,

Отани-сыноч,
Что это ты размочтался
О таких дамских местах?

Кончила говорить. Потом продолжала старуха:¹²

Оле, доле! Оле, доле!
Вот что, сынок Отани,
За дочерью солица —
 Тыргакчан,
За девицей [из племени]
 кедак,
За девицей [из рода] Девильго-Кувульгат,¹³
Мечтая: «Как бы догнать мне»,
Гонишься ты и
Долго будешь мучиться.

Сказав, старуха только посмотрела, где бы он мог пройти. Парень взглянул вперед — ровная земля и нет гольцов. Пошел он вперед. Идет Отани и идет, потом, превратившись в железного ястреба, летит. Вот мата стал слушать правым ухом: «О верхнем пути своем по небу правым ухом услышу-ка, — говорит, — левым ухом услышу-ка, когда житель нижнего мира — враг-авахи¹⁴ вылезет на среднюю землю», — подумал он. Парень идет в сторону восхода солнца, на пути слышит какой-то шум. Что это прозвучало? Отани-мата идет, прислушиваясь. Хорошенько прислушался — земля гремит. «Это гром прогремел, — говорит, — значит чужой [приближается]». Еще хорошенько прислушался — удары кулачного боя, топот пяток человека, разрыхляют (букв.: обдирают) землю. Еще прислушался, стал подходить. Услышав людской шум, глядя вперед, пошел. Вот стало видно — это боятся люди. Один — чулуро,¹⁵ один — мата, боятся двое. Чулуро уже одолевает мату. Мата говорит:

Генге, генгей! Генге, генгей!
Салэргун-друг,
Ты дошел до победы
И меня одолеть (букв.: съесть) собираешься.

Тогда Салэргун сказал, а человек слушал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Богатырь верхнего мира,
Дёлопи-богатырь,
Три года пробившись,
На четвертый [я] одолеть [тебя] собираюсь!

Он кончил. Отани-мата слово взял (букв.: слово его настало):

Доке, доке, дон, донин!	Нижнего мира чулуро,
Ну, друзья, здорово!	За какие обиды и вину,
В какую игру вы играете?	За что плохое
Красиво вы играете!	Этого мату обижаешь?
Богатырь парень Салэргун,	Расскажи-ка ты мне!

Отани кончил речь. Враг-авахи заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!	Средней земли богатыря,
Я собираюсь взять [в жены]	Монгруни-старика,
У известного богатством	Младшую из его семи дочерей.

Много народу он перебил.
Я, одолев старика,
Собираюсь дочь его взять.

Этот же [Отани], придя [сюда],
Сам это хочет сделать.

Отани-мата ему тут отвечает:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Нижнего мира враг Сэларгун,
Богатырь-чулуро,
А известно ли тебе,
Чтобы враги-авахи когда-нибудь

Дочерей жителей леса [в жены] брали?¹⁶
И жители леса никогда [Себе жен] от врагов-авахи не брали.

Он кончил, авахи отвечал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Обо мне, говорят, авахи узнавали,
Каким талантом я отличаюсь от людей.

Сказав, он продолжал:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
дышгды!
А тебя, хотя бы ты и был

Средней земли Отани-богатырем,
Я быстро одолею!

Сказав, кончил. Они, поругавшись, начали биться. «Ну, враг-богатырь, ты начинай! Ударь!», — говорит Отани. Враг-авахи кулаком ударяет. Кулак при ударе отскочил [от Отани]. Начали они биться. Звуки от ударов кулаками по верхнему миру, словно гром, раздаются. В нижнем мире звук их [толчущихся] пяток отдается. Они бьются и бьются. Холмы во впадины превращают, места с валежником — в поляны, а поляны — в места с валежником. Они гальку в мокрый песок превратили. Стоят молодцы, равными друг против друга, никто противника одолеть не может. Сколько месяцев, сколько лет прошло с тех пор, как начали биться, не знают. Во время поединка они продвинулись вниз по реке. Тогда враг-авахи, богатырь, заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Однако с тех пор как мы,
Два богатыря, встретившись,
Начали биться друг с другом,
Прошел уже целый год.
Дынгда, дынгда!
Мы землю перерыли,
Теперь не вырастет то,

Что могло расти.
Авахи с нижних мест
Все испугались.
Богатырь верхнего мира,
Я говорю — [мы ни разу] не
присели.
А что бы случилось,
Если бы мы бой приостановили,
Если бы мы помирились?

Он кончил речь. Отвечая, Отани-мата сказал:

Доке, доке, дон, донин!
Раз я начал биться, не отступлю
(букв.: мысль мою не свернуть).
Если же суждено быть
побежденным,
Не перестану биться до поражения!

Если суждено умереть — я человек,
Который умрет без слов [о пощаде].
Я мата-сирота,
Одиночим человеком вырос.
Нигде нет у меня родни,
Ни младших, ни старших.

Где бы я ни умер,
Плача по мне не будет,
Одинокий я.
Враг, ты столько
Лесных людей прикончил!

При встрече с тобой
Хорошо бы мне тебе отплатить
За зло и все худое, что ты
причинил!

Кончил речь. Опять продолжают борьбу. Вот бьются они, долго бьются. Тогда авахи-богатырь говорит:

Дынгдэ, дынгдэ!
Богатырь средней земли,
Отани, мата-богатырь,
Хочу я спросить у тебя:
Какой воды напившись, ты вырос?
Раскоряка, ты страшен!
Нет [у тебя] уставших суставов!

Нет [у тебя] и голених
сухожилий!
От какого уракая
Ты, парень, рожден?
Вот приходит время
Моего поражения.

Кончил он. Тогда заговорил Отани-мата:

Доки, доки, дон, донин!
Нижнего мира чулуро,
Мата-богатырь Солэргун,
Я, человек, говорю:
Упругие сухожилия

Сводить уж начало,
Крепкие мозговые кости
Нагреваться стали.
Ну-ка, держись
хорошенько!

Кончил он, сказав, и опять они продолжали биться. Отани напряг все силы. Стал бить врага-авахи повсюду, его железную одежду во всех местах разрывая, стал ударять. От кулачных ударов изо рта авахи кровь потекла. Авахи обессилел. Когда он совсем ослаб, [Отани] стал его одолевать. И сразу же бросил его на спину. Бросив, вспомнил о старом ноже, выхватил из ножен, что за пазухой были. Оказалось, нож заржавел. Взяв его, [Отани] стал перерезывать [авахи] горло. Перерезал, убил. Убив врага, развел огонь. На огне его изжарил. Сжег его на огне и весь пепел разбросал по воде.¹⁷ Потом сказал: «Пусть не приходит громкий авахи на среднюю землю!».

Убив [врага], парень ушел. По тем следам, где бился, пошел обратно. Возвращаясь по своему следу, в одном месте он увидел много жилищ. В некоторых чумах шел дым от костров. Он пошел туда. Стоит большой дом. Парень попшел к этому дому. «Вероятно, это дом хозяина, руководителя и начальника», — подумал. Дошел до него и остановился у двери. Когда он остановился, к нему подошел один мата и поздоровался. Тогда Отани спросил мату:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, мата, друг-человек,

Скажи, где дом вашего
хозяина?
Поведай мне!

Кончил он, говорит тот: «Вот как раз он, я сообщу хозяину». Отани слышит его слово: «Хозяин, Монгруни-мата, пришедший, спрашивает о твоем доме». Старик Монгруни, хозяин-мата, гово-

рит: «Если мата пришел, скорее его впустите». Мату ввели в дом. За руку ввели и [усадили]. Когда он вошел, старик так сказал:

Гени, гени, гени, геней!
Мата-шарены, что [ты] слышал?
Из каких мест пришел?

Кончил. Мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Я живу на средней земле,
Отани-мата по имени.

А ты, старик, что слышал?
Расскажи, я спрашиваю.

Он кончил. Старик речь держит:

Геле, гене, гени, геней!
Отани-мата,
Жизни моей, старика,
Долгие годы прошли.
Здесь я состарился.
Много оленей вырастил я,
Многие люди приходили сюда.
Разбогател я, жина здесь.

Пока я жил, сюда
Богатырь-чулуро,
Авахи, Сээрргун-мата
Сюда приходил
И много моих людей побывал.
Ты, сынок, сделал добро.
Чем я тебе отплачу
За добroе дело?

Кончил он. Старик говорит своим сыновьям: «Парни, забейте яловую важенку с тремя изгибами (букв.: седлами) на позвоночнике угостить мату. Забейте холощеного оленя с четырьмя изгибами на позвоночнике угостить мату». Он кончил. Забив [оленей], его угостили. Впервые он наелся после того, как из дома ушел. Мясо двух оленей сварили сразу. Вот его-то за один присест он и съел. Наевшись, он там заночевал. Переночевав, встал утром. Отдохнул там один день. Отдохнув, переночевал еще. Старик хорошо угостил и дал разную красивую одежду. Еще переночевал он. Перепочевав, встал рано утром. Встал, позавтракал и обратился к старику:

Доки, дони, дон, донин!
Ну, хоаяин, дедушка,
Давно, давно, много лет назад [ты]
принес. Ты старый человек,
Многое [ты] видел и слышал.
Послушай-ка мою речь,
Теперь я стану говорить.
Ты такое большое стадо
Оленей вырастил,
Много детей родил
И вырастил ты!
Я сирота, одинокий человек,
Бродяга, с одним лишь желанием.
Если спросишь: «Что тебе надо?»,

Я скажу: мне нужен друг,
Который рядом может жить,
В поисках жены себе
Я стал бродягой.
Говорят, из семи дочерей
У тебя есть младшая,
Солнцем не опаленная,
Морозом не обмороженная,
Воспитанная тобою за семью
оградами,
За семью двойными оградами,
Девица Дарпекчан
Дочь [племени] кидан.
Вот ее-то я и прошу [в жены].

Тогда старики заговорили:

Гени, гене! Гени, гене!
Отаникан-сынок,
Твоего слова достаточно!

Я ничего не скажу против.
Дарпекчан, дочь моя, об этом
Сама знает, если ее спросишь.

Сказал и добавил: «Сходите за дочерью». За ней пошли, девушка пришла. Привела ее под руку одна женщина; эта женщина шла перед ней с опахалом. Приведя девушку, с двух сторон взяли ее под руки и усадили. Когда посадили, отец спросил:

Гени, гене! Гени, гене!
Моя младшая дочь,
Дарпекчан-дитя,
Чужеродец-молодец
Пришел сватать тебя.
Он оказал нам
Большую помощь.

Этот человек дал
возможность
Нам увидеть светлый день.
Он спас нас от чулуро,
От врага, Сэлэртуна-
богатыря.
Ты подумай об этом.

Кончил речь, заговорила девушка:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Монгрули-шапаша,
Секалап-мамаша,

Если вы [меня] спросите
[об ответе],
Если вы [меня] отдадите
[замуж],
Я не стану перечить.

Она закончила: «Если я должна выйти [замуж], я выйду». Тогда заговорил Отани-мата:

Доке, доке, дон, донин!
Я доволен данным тобою словом.
Когда же мы свадьбу сыграем?

Я уранкай, и у меня нет скота.
Какой зверь водится в этих местах?
Лось есть или нет?

Он сказал. Заговорил отец:

Гени, гене! Гени, гене!
Сынок Отаникан,
Вероятно, охотник знает,
Какие здесь звери водятся.
Давно, давно, когда я был молод,
Я охотился и зверя бил;
Состарившись, перестал охотиться.
Уж много лет прошло,

И оленей в стаде у меня немало,
Много оленей, говорю.
Скажи, можно ли
Из моего богатства
Справить свадьбу?
Забейте оленей сколько нужно
И устраивайте свадебное угощение.

Он кончил [и] стал готовиться к свадьбе. Забили четырех оленей. Парни, девушки и слуги — все собрались: одни за дровами ходили, другие носили воду, часть их резала мясо, часть — его варила. Быстро сварилось [мясо]. Все из котлов перенесли в дом. Много людей пригласили на угощение. Пошли за богатырями верхней земли. Богатыри верхнего мира привели девушек. Привели их и богатыри со средней земли. Старик Монгруни такую речь держал:

Гени, гене! Гени, гене!
Такое большое количество людей
Собралось, приехало на свадьбу.
Таицуя, веселись,

Устраивайте игрица!
Устройте круговой пляс!
Пусть [всяк] живущий запомнит
И потомству расскажет.

Он кончил речь. Парни договариваются: «В какую игру станем играть?». Собрались соревноваться в прыжках на одной ноге. В этом соревновании богатыри верхнего мира не устояли перед

Отани-матой. Окончив прыжки, перешли к борьбе. И в борьбе не было человека, который бы устоял перед Отани. Окончив борьбу, играли в разные игры. Потом устроили круговой хоровод. Много народа встало в круг, много народа пело и плясало. Но у Отани-маты были тонкий слух и острое зрение. В этой массе людей он услышал чье-то слова. Услышанная им речь раздавалась сверху:

Геревлакааны!
Геревлакааны!
Старик Молгрини,
Дарпекчан-дружок,
Привет мой примите!
Жаль, жаль!
О таких хороших играх

Почему же оповестили меня?
Когда собралось столько
богатырей,
Почему мне не сообщили?
На свадьбу [почему] не
пригласили?

[Девица] речь продолжает. А люди пляшут и пляшут, часть их совсем ее не слышит. Она же речь продолжает:

Гырывлакааны!
Гырывлакааны!
Отани-мата, привет!
Из своей земли когда шел,
После нашей встречи в шуту,
Как путешествовал дальше,
говорю.
Я, девица, тебе на свидании

Золотое кольцо дала (букв.:
уронила).
Давая, сказала: «Сохраня!».
Серебряную лягушку [к кольцу]
привязав,
Бросила его, «Лови!», — говоря.
Дарпекчан-дружок,
Я твоему мужу золотое кольцо
Подарила, не сердись, говорю.

Кончила речь. Когда она кончила, Отани-мата вверх посмотрел. Смотрит — сверху что-то, словно огонь, падает. Парень прискочил, подхватил правой рукой и понесся. Поймав, как будто держал в руке. Что же случилось — сам не понял. Пляшущие люди остались. Куда направился парень — сам понять не может.

Вот он пришел в себя. Движется [он] по какой-то темной земле. Не может понять, куда движется. Только свист в ушах стоит. Парень пришел в себя, осмотрелся. Смотрит — [а под ним] конь с крыльями по бокам, он сидит верхом на копе. Смотрит — земля внизу осталась, величиной с котел. Поняв, парень заговорил:

Доски, доки, дон, донин!
Что это за разбойник,
Что это за девица [из рода]
Кувульгат
Унесла меня, не предупредив?

Может, [ты] убить собираешься?
Может, съесть собираешься
Без всякого предупреждения?
Если бы я знал,
То тебе не пощадился бы, говорю.

Он кончил. Она заговорила:

Геревлакааны!
Геревлакааны!
Отани-мата, я не разбойник.
Не бойся! Не обижайся!
Чего бояться?

Я — под солнцем живущая,
По восьми землям ходящая
Дочь солница, говорю,
Тыргакчак-девица я!

Она кончила. Отани-мата понял тогда [в чём дело]. Только успел понять, как девица, охватив его за талию, полетела. Двою на одном коне летят. Тогда парень заговорил:

Доке, доке, дои, донин!	Ты так поступаешь?
Ты, девица, почему	В какие места
хитришь?	Ты увозишь меня?
Девица Кувульгат, почему	Для какой цели? говорю.

Он кончил. Когда парень кончил, девица сильнее погнала коня. Ехали, ехали, доехали до ее мест, до дома. Она, взяв за руку Отани-мату, ввела в свой дом. Отани-мата сел. Сев, осмотрел внутренность дома. Уж очень красиво внутреннее убранство. Весь дом выкрашен серебряной краской (букв.: водой). Парень, усадив девицу против себя, спросил:

Доке, доке, дои, донин!
Ты, девица, зачем меня привела?
Я тебя женено сделаю, говорю.

Кончил. Заговорила девица:

Геревлакаен!	Отани-мата,
Геревлакаен!	Если бы я боялась тебя,
Мата-богатырь,	Тогда бы не прилеала тебя.

Сказав, она окончила речь. Они легли спать. Этот молодец взял ее в жены. Остался там жить. Неделю он прожил. Однажды в полночь молодец услышал сверху слова. Услышал и узнал, что это речь Дарпекчан-девицы [из племени] кидан:

Дэвэдареко!	Дорогая девушка,
Дэвэдареко!	Я пришла, услышав о тебе.
Тыргакчан-девица,	Дочь солнца,
Дружок, привет!	Тыргакчан,
Для первой встречи	Девица-дружок,
В твой дом	Открой скорее дверь!
Я гостьей пришла.	

Она кончила. Тогда Отани-мата заговорил:

Доке, доке, дои, донин!	Проснись, встань!
Тыргакчан-друг,	Открой дверь!
Чья это речь?	

Сказал и разбудил [ее]. Тыргакчан-девица заговорила:

Гырывлаканы!	Говорить будет?
Гырывлаканы!	Это шуршит
Друг Отани,	Дух — хозяин дома.
Кто ночью	Спи, не вертись! говорю.

Сказав, она обняла мужа. Девица Дарпекчан опять заговорила:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!	В серебряном доме твоем
Тыргакчан, девица-друг,	Я долго не задержусь!
Дейдо-Девильгон-Кувульгат,	Я не боюсь твоей силы.

Разве я не хуже
Женщина, чем ты?
Я — девица, которая
Сделала то, что ты делаешь:
Взяла то, что ты берешь!

Я, девица, лечу по твоему
следу.
Вот я сейчас ударю ногую
И дверь расколется пополам!

Сказала и смолкла. Девица Дарпекчан спустилась. Спустившись, разбила пинком дверь и через нее прошла. Вшла в дом. Когда вошла [Дарпекчан], женщина встала. Отани-мата тоже встал, оделся. Эта женщина [Дарпекчан] заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Девица-друг Тыргакчан,
Моего мужа

Для какой цели
Ты украда?
По следам мужа
Я сюда прилетела!

Она кончила. Тыргакчан-девица заговорила.

Геревлакайны!
Геревлакайны!
Отани-мату
Я еще до тебя
Женила на себе.

Дарпекчан-дружок,
Известный мне раньше
Отани-мата не муж тебе!
Возвращайся своим путем!

Девица речь кончила. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Тыргакчан-друг,
На твою жалость
Я не отвечу жалостью.
Что бы ни случилось,

Я, девица, потревожившая
тебя,
Твоей силы я не боюсь!
Я тоже имею дар не меньше
твоего!

Она кончила. Когда кончила, обе женщины начали ругаться. Поругавшись, стали драться. Обе вышли вон. После этого Отани-мата, одевшись, вышел. Вышел — а две женщины, схватив друг друга за волосы, дерутся, не уступают друг другу. Мата стоит и смотрит. Смотрит и думает: «Что еще выдумали женщины?». В это время засветило солнце. Отани-мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Женщины, друзья,
Послушайте-ка!
Мои слова вы
Поймите хорошенько!

Чтоб стремясь отнять друг от
друга,
Начали вы драку?
Прекратите скорее!
Если не кончите по добру,
Хорошего не будет!

Он кончил речь. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареку!
Дэвэдареку!
Ой, мата-парень,
Послушай-ка

Мою девичью речь!
Которую из нас
Ты взял раньше?

Она кончила. Отани речь держит:

Доке, доке, дон, донин!
Дарпекчан-дружок,
Это ты, которая,

Как вначале мы
договорились,
Должна стать моей женой.

Он продолжал:

Как я могу взять
Вас обеих, но знаю.¹⁸

Человек рассердился. Рассердившись, он разругал обеих женщин. Слушают женщины, но дерутся. Он смотрит. Смотрел, смотрел, схватил сразу обеих за волосы. Схватил и связал их косы. Связав, начал бить. Обеих бьет по спинам. Когда он бил, девица Дарпекчан заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Человек, обожди!
Послушай меня!
Если быть, то обеих
Нас ради бей!
Если убивать, то обеих
Нас насмерть убей!
Я, девица, умолять не стану!

«Если убить, то убью», —
говорят;
«Если жить, то жить буду», —
говорят;
«Если спасать, то спасу», —
говорят.
Я была женой,
Взятой тобою
По твоей воле, говорю.

Мата побил обеих. Бил, бил и обеих подвесил на дерево. Вися, они сильно кричали и плакали, переругиваясь. Тогда Дарпекчан-девица речь держала:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Тыргакчан-друг,
Я не обижусь (букв.: злу не отдаю
свое будущее),

Рассудительной была, говорю.
Я — женщина,
Которая пощады не просит.
Если [ладо] умереть, то здесь
Тыргакчан вместе [со мной] умрет.
Живой она не останется.

Я ведь всегда

Дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканин!
Геревлаканин!
Отани-мата,
Страшно! говорю,
Больно! Обидно!

Прости мне зло!
Я действительно
Виновата одна!
Возьми себе в жену
Дарпекчан-девицу!

Она кончила речь. Человек прошел около них. Проходя, спросил женщин:

Доке, доке, дон, донин!
Ну, женщины, оставите
Теперь эту привычку?

И добавил:

Впредь так поступать
Не станете вы?

Сказал [так]. После этого заговорила девица Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
С этих пор и впредь
Женщины не должны
Так поступать!
Девица с парнем

Впредь пусть не ссорятся!
Я своим глупым умом
Думала: «Выше меня
Нет ничего». Я думала,
Что никогда не ошибаюсь
(букв.: не стибаюсь)!

Она кончила. Тогда парень снял их обеих с сугана и опустил. Когда опустил, все трое вошли в дом. Войдя, начали втроем разговаривать. Задумался человек Отани. Он подумал: «Я, парень, вначале должен был взять в жены Дарпекчан. Что бы ни случилось, я ее должен взять». И он взял в жены Дарпекчан. Взяв, мата такую речь держал:

Доке, доке, доп, донин!
Дочь солнца,
Тыргакчан-друг,
Я должен был взять себе
Женою Дарпекчан,

Я ее и возьму!
Ты меня привезла.
В эти места,
[Ты] по этим путям
И отвези меня!

Он кончил. Заговорила Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мата,
Я виноватая

Если говоришь, что я
привезла,
Если я виновата,
То я и отвезу.

Кончила речь она. «Сейчас, пока еще светло (букв.: чтобы день захватить), отвезу», — говоря, пошла за конями. Они втроем поехали на конях. Долго ехали. Доехали до дома Монгруни. Когда доехали, Отани там стал жить. Немного пожив, привезшая их женщина вернулась обратно. Вот там [он] и жил, вероятно.

8. Хуругочон

Аланас Пудов (Бута), род. в 1917 г., неграмотный.
1947 г., р. Алтогма, Якутская АССР.

Когда земля [размером] с коврик под седло была, когда пебо берестяным коробом [еще] охвачено было, на средней земле жила старуха Йюнгурмок. Жила она в то время, когда на этой земле стланик-кедр только начинал топорщиться, когда багульник только зацветал. Если внимательно взглянуть — мелкорослый березняк только подымал пущистые ветви.

Однажды она подумала: «Кто же живет без товарища, близким другом называемого? Откуда-нибудь же я появилась? Ну, —

думаст, — может быть, я жила всегда одна?». Долго она думала.

Раздумывая, взглянула вверх — кто-то над нею неподвижим парит. Это не кукующая кукушка, это не криклиwy ворон летит.

Живет она и живет на большой реке. Вот она стала обладательницей двух оленей. Кто их послал ей — не знала. Об этом она думала: «Во сне, что ли я [их] поймала?». Так и жила старуха с двумя оленями-важенками около проруби на озерке у большой реки. [Важенки] паслись в траве. Назывались они оленухами с раздаивающимися рогами. «Воспита-ка из них себе товарищей», — думая [так], ловила их.

Каждое утро рано приходили они. А тут у нее были — полу-чум-утэн из жердей.¹ Одной едой ей были половники ягодок, другой — половники кедровых орехов. Старуха думала: «Век живу я одна». Думать [так она] не переставала.

Вот однажды утром взяла она большой чуман² и выскочила вон со словами: «Надою-ка я молока». Вышла она и начала доить важенку. Вдруг в ее получуме-утэн что-то никогда не слышавшее пискнуло: «Ты-ый!». «Ахти! Кто это крикнул?», — подумала [она], подбросила свой чуман и побежала домой. Вот прибежала старуха домой. Вбежала в дверьку — никого нет. «Ты-ый!». «Ахти! Кто это произнес? Кто это говорящий пришел?», — подумала она и выскочила вон. Выскочив, обошла свое жилище. «Кто же крикнул?», — не переставая говорить, обошла еще раз жилище. Обойдя, пошла — что бы там ни было — доить важенок. «Каренгак, смотри, как течет твое молоко!», — говорит [важенке]. С чего-то она обрадовалась. Доит. Во время доения опять что-то защипало, но как-то иначе. А то, что цищало, став человеком, перестало быть слышным. Опять бросила она чуман и побежала. «Ну, уж если я должна его увидеть, посмотрю, как он выглядит», — думая [так], бежала она. Она очень быстро бежала и толкнула плечом дверьку так, что сломался ее угол. Входит, осматривает свой получум. Смотрит, а тот, [что цищал], превратился в человека — никогда не виданный ею мальчик валяется на ее постели. «Ах, бедняжка, кто тебя бросил?», — подумала [она]. Обрадовавшись, она развернула свой лучший теплковый платок [и] хорошенъко завернула в него [мальчика]. «Ну, теперь надою молока и буду кормить его молоком». Принесла [молоко] и все скормила. Он только ночь переночевал, как стал годовалым. «Ты-ый! Действительно, птичий ребенок, житель тайги», — думает она. Три ночи переночевал он и, став трехлетним, начал хорошо разговаривать со старухой. «Ух, что за милый, хороший! Он по земле ходил или с неба упал?», — долго думала старуха. Чей родом, откуда появился он — не знает.

Вот однажды утром этот мальчик речь произнес. Заговорив, он стал просить бабушку:

— Найди мне имя! На средней земле разные люди, прия, будут дивиться: «Как твое имя?», — будут они спрашивать. Когда спросят они, что отвечу, как назову я свое имя?

Кончил речь мальчик. Нюнгурмок-старушка ответила:

— Да, по правде сказать, я должна назвать тебя птичьим именем.³ Пусть у тебя впредь будет имя — средней земли Хурогочон. Когда чужеродцы спрашивать будут, назовись Хурогочоном средней земли. Потом я тебе сделаю лук и стрелы, приготовлю [их] рано утром. Тогда ты ими будешь играть.

Мальчик очень обрадовался. Старуха сделала ему лук-аланга.⁴ Он очень хорошо стрелял. Пошел вверх по большой реке, держа в руках лук. Уйдя из дома, он увидел то, чего никогда еще не видел на средней земле.

— Что это? — говорит.

Присмотрелся хорошенъко, а у этого неизвестного четыре ноги и вверх раздаиваются веточки. Вот он выстрелил из лука.

— А ну, покажу-ка я бабушке! Кто это такой?

Он, вззвалив [животное] на себя, бросился бежать. Ну, долго ли ему бежать? Быстрохонъко дошел. У дверки наклонившись, оббросил [ношу]. Старуха в стерой одежде от неожиданности вздрогнула. Она даже упала от испуга. «С чего это я испугалась?», — подумав, посмотрела. Подумала хорошенъко: «Да это лось!» — и выскочила наружу. Начала большим ножом [лося] свежевать. Сняла шкуру, полный котел [мяса] для варки наложила. Сварила все. «Внучка накормлю», — думает. Средней земли Хурогочон схватил всю вырезку с позвонков. Начал есть, проглотил сразу кусок величиною с черного тетерева; [он] с черного рыбчика куски глотал, с зайца величиною куски жира жевал. Когда кусок был величиной с куропатку, проглатывал. «Что за великан? Действительно, житель тайги». Вот он кончил есть. Тогда такую речь держал и бабушку свою спросил:

— Если бы в далекие места отправился я, то что бы случилось? — говорит он и спрашивает у бабушки: — На средней земле ходящее двуногое существо с ногтями, вероятно, имеется? Я хочу поискать себе товарища, — говорит. — А что если я в сторону восхода [солнца] пойду, как ты думаешь? — так он говорил.

Старуха Нюнгурмок ответила ему:

— Подожди с годок, пока мышцы не окрепнут, пока кости мозгом не наполнятся. Не ходи! Подожди! — говорит она.

Сказала она, и он стал ждать. Хурогочон взял большой лук и пошел вверх по большой реке. Он натянул до уха тетиву лука, сделанного из шестнадцати (букв.: из дважды по восемь) пластин. Выстрелил в ствол лиственницы. Стрела, пробив, застряла в задней части коры. Бродя, он не знал, сколько почек прорвал на охоте — три или тридцать. Когда он, так играя, охотился, вдруг над ним что-то пролетело, чего он никогда не видал. Посмотрел он на небо. «Что это?», — говорит он. А что-то неизвестное тоже

заговорило. Он прислушался — слова настоящие. «Что же это?», — думает он. Пока неизвестные [существа] летели вверху, он бежал, прислушиваясь к словам. Земля была вязкой, болотистой, и быстро бежать он не мог. Устал бежать. Бежит он, они обгоняют. Направился он к местам, куда они летели.

На пути у него показался дом. Оказывается, он пришел домой. «Войду-ка!», — говорит. Там сидели никогда не виданные им [девушки]. Войдя, он спросил: «Кто вы?». На его вопрос они назвали свои имена. Первая из прибывших начала рассказ:

— Мы — дочери Секардина, — говорит она. — Я старшая дочь по имени Монгукчон.

Затем средняя дочь свое имя — Дарпекчан — назвала. А самая младшая — Секакчан.

— В нашу страну, которая там, где восходит солнце, должны прибыть разные богатыри. Узнав об этом, мы [сбежали и] прибыли сюда. Сейчас мы на повозках прибыли. Сюда, в эти места, [за нами] скоро придут Сэлэргуны с нижней земли.

Они спросили бабушку Нюнгурмок:

— Где бы нам побывать, чтобы нас не нашли?

Нюнгурмок-старуха ответила:

— Не уходите, подождите, пока они не придут. В этом месте едва ли найдут.

Старуха Нюнгурмок кончила говорить. Юноша богатырь Хуругочон ничего не спросил и, услышав о богатырях, сильно задумался. Совсем смущился и думает: «Кто же, кто же придет?». Вдруг слышит: «Дверь открои!», — кто-то говорит. Дверь по просьбе открыли, [Сэлэргун] вошел в дом. Ему поставили восемь железных нар. Хуругочон средней земли к пришедшему с такой речью обратился, говоря:

— Сначала поздороваемся! А затем уж по порядку ты расскажешь, из какой страны в эти места ты пришел! О звучном имени [своем] поведай!

Кончил он свою речь, и заговорил Сэлонтур-богатырь:

— Сэлонтур я с нижней земли. Я ищу дочерей солица Секардина. Монгукчон ищу.

Он кончил говорить. Лишь только он кончил, как Хуругочон средней земли рассердился так, что толстые кишки [у него] чуть не лопнули, тонкие кишки чуть не порвались. Так, что в объеме на пядь растолстел, так, что вверх вырос на одну четверть. Так он рассердился на Сэлонтура.

— Что это, нижней земли Сэлонтур, вид у тебя такой страшный! Посредине лба один глаз, посередине груди одна рука, посередине лобка одна нога. Глазище с озерко, взгляд страшен!

Бзглинул [Хуругочон] хорошенько, а в глазу у того торчит сучок с пядь величиною.

— Возвращайся-ка ты поскорее по своим следам! Или я в тебя выстрелю из восьминапластинчатого лука. А ну, убирайся

скорее! Если не пойдешь, я твой позвоночник молодым деревом обдеру. Ашу, скорее выходи.

На эти слова Сэлонтур нижней земли так ответил, такую речь держал:

— Ты, такой-сякой, средней земли Хуругочон! Для чего ты жив? — говорит. — Кому страшны твои слова? Если я надумал взять, возьму [в жены] Моягукочи. Я тебя самого, негодняк, кровь твою выпустив, игрушкой сделаю! Почеками твоими, подбрасывая, буду играть!

На эти слова средней земли Хуругочон сильно обиделся. Так разговаривал, со словами: «А ашу-ка, побьемся!» — оба выскочили вон.

Тогда средней земли Хуругочон говорит:

— Вначале поиграем стрелами.

И они поставили перед собою луки на расстоянии одного локтя.

— Ну, кто из нас начнет? — [спросил Хуругочон].

Сэлонтур сказал Хуругочону:

— Ну, начинай ты!

— Ну, ладио, — сказал Хуругочон.

Три ли дня они нацеливались, четыре ли дня приготовлялись, не знали. Пять дней устанавливались. Наконец, Хуругочон подумал: «Сейчас человек из нижней земли вниз увернется!». Подумал и спустил стрелу в лобковую кость. Выстрелил так, что выпшиб какапдо.⁵ От выстрела Сэлонтур вздрогнул:

— Эх ты, такой-сякой, ведь больно! — говорит. — А ашу-ка, я выстрелю!

Говоря [так], он взглядом своего глаза величиной с озерко насквозь [того] пронзил. «Эх ты, такой-сякой! — говоря, подумал: — Средней земли человек вверх увернется» — и натянул тетиву до уха. В лоб Хуругочона со словами: «Вверх будет упираться» — стрелу пустил. Выстрелил, сорвав с головы [того] кожу. Они побежали в направлении горы с двойной седловиной. Но [они] не стали биться мечами, а начали биться кулаками. Бьются и так, и сяк, топчутся. Холмистая земля в равину превратилась. Бились, бились, до чего дошли — сами не знают. Голени в твердую землю до половины увязли. Тогда Хуругочон-богатырь говорит:

— Кто же из нас задрожал?

Посмотрели на колени. Оба опираются лбами, оба качаются вверх и вниз. Вот у Сэлонтура одна единственная нога задрожала. Вот-вот упадет, едва стоит. Хуругочон говорит:

— Если ты такой, зачем же со мною бьешься?

Он отбросил его далеко. О горячую лесину сильно ударили и поволок. Вот уже обнажились кости позвоночника Сэлонтура с нижней земли. Сэлонтур с нижней земли просит, говоря: «Добей!».

Но средней земли Хуругочон не думает [его] добивать, волочит его. Когда он тащил его, раздался голос с нижней земли.

— Кто это? — сказал Хуругочон и выпустил. Лишь только он [отпустил], Сэлонтур с нижней земли бросился прямо вниз, в свои места. Убегая, он наворожил. Хуругочон так понял [его слова]: «Я вернусь, когда сын твой будет играть лучком, когда дочь твоя будет играть ножницами», — сказал Сэлонтур с нижней земли и, измученный, исчез в нижнем мире.

Хуругочон-богатырь пошел один. «Где же я шел? — думает. — Здесь, по-видимому». Следы свои и здесь и там узнает. Пошел. Показался получум. Подойдя, присел он снаружи у дверки. Присел и такую речь держал:

— Бабушка, Нюнгурмок по имени, дверку открой!

При его словах старуха Нюнгурмок изо всех сил подскочила к дверке. Открыла и смотрит: внук пришел, едва [его] узнала. Очень обрадовалась. Соболью шкурку, ковер-кумалан⁶ бобровый, никакого добра не жалея, постелила ему.

— Вот, сынок, входи, — говорит.

Вошел он. Разной еды, не жалея, наставила. Хорошенько угощает его. Спрашивает:

— Куда, сынок, ходил, откуда пришел?

Хуругочон-богатырь своей бабушке долго рассказывает; потом спрашивает:

— Куда ушли дочери Секардина?

На это отвечает старуха Нюнгурмок:

— Монгукчон живет далеко. Тебе, сынок, не дойти.

— Почему же не дойти? — говорит. — Укажи только. Дойду, — говорит.

— Иди в сторону восхода солнца, перейдешь две больших реки, за рекой будет чум-чорама.⁷ Найдешь его. Вот там [она] и живет.

Лишь сказала она, лишь указала, как он, забыв о еде, сбежался в путь. «Дойду», — говорит, всю одежду надев на себя. Нюнгурмок-старуха крепко обняла [его]. Распростились [они].

— Возвращайся через год, — сказала она.

Ну вот, отправился он. Идет, а лук в руке держит. Побежал. Бежит в сторону восхода так [быстро], что крылатые [птицы] отстают, что молодые лиственицы [от ветра] в волокна разрываются. От движения его ближайшие деревья ветром вырывает с корнем. «Возьму-ка я себе посох», — думает он. Но никакое дерево для посоха ему не подошло. Многие он траву и следы большие оставляет, чтобы нестерся след. Издалека будут видны старые следы, где он шел. «В следующем году должен я вернуться, все следы еще будут заметны», — думает [и] бежит вперед. Вдруг на пути у него показалась неизвестная ему река с красивыми берегами. «Не та ли [это река], о которой говорила бабушка?». Противоположного берега не видно. Вот он переходит [реку].

Перейдя на тот берег, побежал в сторону восхода [солнца]. Бежит, вот опять показалась большая река. Побрел он, глядя на тот берег. Смотрит — красивая девушка появилась, говоря: «Я кольцо потеряла». Хуругочон со средней земли подумал: «Как-нибудь я должен его найти».

— В каком месте? Укажи мне место, где потеряла.

На эти слова она сказала:

— Иди в сторону восхода [солнца]. За третьей большой рекой есть трехголовый орел.³ У берега купаясь, я уронила кольцо. Возможно, о нем знает трехголовый орел. Найди [кольцо] и принеси. Если принесешь, возьмешь меня в жены.

Вот побежал он дальше. Почти добежал. Перешел вброд одну реку, по тому берегу бежит. Показалась вторая река, [ою] и ее перешел. «Здесь заводь, — говорит он, — у нее не остановлюсь». Бежит дальше, обрадовавшись, [что] что-то показалось. «Вероятно, это и есть [та река]», — подумал он. Очень большая река показалась. Сматря на тот берег, он пошел к ней. Здесь жил очень большой орел. «Вероятно, [это] он и есть», — подумал и вышел на песок. На тот берег направился. Побежал к гнезду орла. Добрался, смотрит — одни яйца, а самого орла нет. Орел улетел. Взял он яйца и спрятал. Поджидает орла. Сколько-то [времени] прошло, орел прилетел. Подлетев, орел начал парить над ним.

— Кто унес яйца? — говорит.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Я взял. Золотое колечко найдешь — отдам.

— Найду, конечно, — говорит [орел]. — Если оно в воде, найду. Жди один год.

И [собрался] лететь за кольцом. Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго.

— Много дней в пути проведя, через полгода приду, — сказал [орел]. Взлетев в небо, сказал: — Через четыре месяца принесу, — и нырнул в синеву, под верхней тучей исчез.

Хуругочон со средней земли ждет, поджидает. Начал ходить вверх и вниз по [берегу] реки. Когда он шел, поднялся ветер. «Что это?», — сказал, удивившись. Взглянул вверх — под нижней тучей никого нет. Кто-то взволновал поверхность воды в заводи. «С чего это волны ходят?».

Взглянул на реку — остался один песок. «Кто это ныряет?», — удивился он. Хуругочон со средней земли уже забыл о том, что трехголовый орел улетел. Между тем трехголовый орел вернулся, спустился около него. Спустившись, такую речь держал:

— Кольцо твое донес ли я? Вначале осмотри мою левую лапу. Если там нет, осмотри правую. На самом маленьком пальце должно быть твое кольцо.

Показал он Хуругочону вначале левую лапу, улегшись на спину и вытянув лапу. Посмотрел Хуругочон — не нашел [кольца], нет [его], только глина в лапе.

— Осмотря правую лапу, — сказал [орел].

Осмотрел ее — [орел] золотое кольцо принес, держа его в правой лапе. Найдя кольцо, [Хуругочон] обрадовался так как никогда. Тогда яйца орла хорошенько уложил туда, где они лежали. И такую речь сказал ему:

— За то, что слетал, большое тебе спасибо. За то, что ты нашел кольцо, я застрелил тебе лося. Убью и уйду. Приходи на тот берег большой реки, там и найдешь [его]. Я же спешу к себе.

Распрощались [они], и он ушел. «Как будто [я] с этой стороны пришел», — [долго] думал он, лишился сна и аппетита. В пути он кого-то увидел. Побежал, смотрит — лось. Убил [его]. Вырвал небольшую жердину, просунул [через лося], повесил [на дерево] и оставил. «Прилетит трехголовый орел и заберет, детенышам скормит», — сказал, оставляя.

Теперь в свои места побежал. В пути не знал, сколько дней осталось [идти] до своей земли. Но разве может он долго идти? Увязая в болоте до половины голеней, бежит он, большими прыжками перепрыгивая через стволы. От звука его шагов не осталось неблизости ни одного живого зверя. Медведи моментально убежали, с таким грохотом он бежал. На бегу он едва узнавал местность. Места похожи на его землю. Присмотрелся хорошенько — стоит красивое жилище, высокий дом.

Подойдя к двери, он такую речь держал:

— Дверь откройте! Сразу же расскажу все по порядку.

На эти слова Монгукчон открыла дверь. Открыв, постелила для Хуругочона со средней земли ковер из соболей. За руку [с ним] поздоровалась. Повела и усадила в своем доме. Монгукчон такую речь держала:

— Долго ходил. Мое кольцо нашел?

Хуругочон, сказав: «Нашел» — и радуясь, рассказал обо всем.

— Ну хорошо, теперь год мы оба будем готовиться к свадьбе, — говорит она.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго ждать.

Они договорились. Устроили свадьбу и жили хорошо.

9. Умусни

Майя Пикалева (Эдли), неграмотная.

1948 г., р. Урмы, Хабаровский край.

Жил мата¹ Умусни. Он не знал ни отца, ни матери. Жил один-одинешенек. Чумом ему служил получум.² Если посмотреть внутрь, то там ничего не было. Так он жил-поживал. Ходил охо-

титься вверх и вниз по реке. Однажды он ничего не убил на охоте. Вернувшись, лег спать и заснул от обиды. Ночью он видит сон. Послышался голос во время сна:

Дэвэрдаканен! Дэвэрдаканен!
Ну, мата-паронь,
Вставай-ка!
Дэвэрдаканен!
Молодец мата,

Я к тебе прибыла!
Вот опять в верхнем мире
Большое несчастье
Опять случилось.

Говорит [девица] и продолжает громко петь:

Дэвэрдаканен!
Молодец мата,
Пойдешь [на помощь] или
нет?

Что думаешь?
Добро если сделаешь,
Я не забуду.

Мата так отвечал:

Героканен! Героканен!
Женщины между собою
говорят:
Героканен! Героканен!
К тему же мужчины

Идти к женщине? — [Ясно]!
Героканен! Героканен!
Вот, девица, я без сил,
Пойти на помощь или нет?

Но девица увела мату. В свои места повела. Шли они, впереди девица шла. Долго шли. Пришли на родину девицы. Вошли к ней в дом. Увидели людей-[врагов]. Начал [он] с ними биться. Долго не бился — разбил [врагов]. Он взял ее в жены и стал жить с женой.

10. Умусликон

Семен Чепалов, род. в 1917 г., грамотный.
1936 г., пос. Тугур, Чумиканский район, Хабаровский край.

В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки,¹ когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо — верхняя земля, словно радуга, своим цветами сверкало, на самой середине средней земли, на устье большой реки-еиз² жил-поживал богатырь средней земли Уму-Умусликон. Один-одинешенек жил он. Чум-утэц³ его покрыт был шкурой оленя-мойки, [шкуры] прижаты бедренными kostями лося, порог [из костей]. Котелок у него был из черепа дикого оленя, нож — из кости дикого оленя.

Этот человек, отправившись охотиться вверх по большой реке, обратно притаскивал на десяти вязках [кафтаап] десять туши оленных.⁴ Действительно, Умусликон был сильным человеком: он не давал мимо пробежать четырехногому бегуну — оленю-куе с шестнадцатью копытами;⁵ не давал над собою пролететь птице, летающей в высоте. Он, Умусликон, считал себя большим силачом: «На средней земле не найдется такого сильного, как я», —

думал он. Умусликон сказал: «Вот я хожу, а вокруг все звери парами живут: и по земле ходящие [звери], и по воздуху летающие птицы». Умусликон вслух произнес: «Откуда же я произошел? Если бы с верхней земли (т. е. с высоких гор) упал, на макушке у меня был бы иней; если бы я из нижней земли (т. е. с открытых низин) вышел, на пальцах ног моих была бы земля; если бы я со средней земли (т. е. из тайги) пришел, на ребрах у меня была бы кора».

Однажды, когда Умусликон-богатырь, вернувшись с охоты, пил чай, в небе проозвучали слова. Он хорошенько прислушался — речь такая же, как у него. Голос произнес:

— Дэги, дэгинин! Богатырь средней земли, привет! Я пришел с верхней земли. Если скажешь: «Спустись», я спущусь; если [скажешь]: «Не надо», не стану.

Умусликон, не ответив, посмотрел через дымовое отверстие. Произнесший эти слова пролетел мимо. Рассердившись, парень бросил чайник на ману,⁶ привязал лук и обратился к чуму-утэн:

— По моей земле никто не ходил, кто это осмелился прийти? Какая птица прилетела? Пойду-ка я туда, куда глаза глядят (букв.: куда мой передняя сторона направлена). Если мне будет удача, то вернусь через три года. Оставайся, будь здоров!

Сказав, Умусликон побежал в сторону восхода солнца. От движения его маленькие деревья словно нити извивались, большие деревья с корнями вырывались. Во время бега перед ним встал одногий, однорукий, одноглазый чулуро.⁷ На рожне [он] обжаривал зайца. Богатырь, подойдя, обратился к половинчатому [существу]:

— Дай-ка я обжарю зайца.

— Ну-ка, братишка, обжарь, — сказал тот и отошел к комоднику.⁸

Не успел он посторониться, как парень убежал с зайцем в руках. Пока тот гнался за ним, Умусликон-богатырь съел всего зайца. Умусликон побежал дальше. Повалился [он] по земле и превратился в серебряного ястреба, полетел в сторону восхода [солнца]. Летя, он узнавал об осени по лице, о зиме — по изморози, о лете — по росе. Так он пролетал над разными землями. Уж очень большое пространство этот верхний мир! Летел, летел, наконец долетел до места игрищ в верхнем мире. На игрище много разных деревьев, куда спускались разные птицы-богатыри.

Умусликон-богатырь спрятался у комля большого дерева. Пока он находился в висаде, вечером прилетели разные птицы-богатыри. Прилетев [и став людьми], играли в разные игры; борцы боролись, певцы пели, прыгуны прыгали на двух ногах. Только один богатырь из такого количества богатырей ни в одной игре не выиграл — сын Юлтони, Гарпавулчан. Играя, богатыри начали зазнаваться. Они говорили:

— Если придет богатырь средней земли, выпустим его красную кровь на серединку лука,⁹ а самого разбросаем на четыре стороны!

Говоря так, они хвастались. Во время их хвастовства в небе раздалась речь киданская. Дочь Юлтопи — Дарпек-девица, паря в воздухе, так говорила:

— Нэмэдарекой! Нэмэдарекой! Богатыри верхнего мира, с чего это вы так расхвастались, словно не чувствуете [присутствия] человека? Уже двойной день (т. е. сутки) прошел с тех пор, как пришел богатырь средней земли — Умусли-мата. А сейчас он прячется у комля, где вы спускаетесь.

Богатыри верхнего мира сказали:

— Средней земли богатырь, когда же он пришел? Если уж пришел, то зачем прячется от нас? Выходи, выходи, давай поиграем! — говорят.

Тогда девица со слезами сказала:

— Спою-ка я в последний раз! — и спустилась.

Лишь только они разыгрались, как Умусликон-богатырь, закричав громким голосом, выскоцил из засады с такой силой, что в месте спуска [земля] затрещала в трех местах. Увязнув в твердой земле по колени, он обратился тогда [со словами]:

— Я — богатырь средней земли Умусликон. Выходите, выпустите кровь мою на серединку лука!

Богатыри верхней земли друг на друга посмотрели. Кое-кто, испугавшись, убежал. Из всех один только Гарпавулчан-богатырь вышел вперед и произнес:

— В какую игру мы станем играть? Кончиком ли стрелы друг друга попробуем, острым ли краем лука друг друга рубанем или кулаком (букв.: большим пальцем в кулаке) друг друга ударим? Из всех игр выбирай любую!

Умусликон-богатырь сказал:

— Что за напасть такая, что [мы], богатыри, друг друга боимся? Давай воткнем копья в самую печень. Давай пустим друг в друга стрелы.

Тогда богатыри начали сговариваться.

— Кто из нас начнет первым: я или ты?

Умусликон сказал:

— Начинай первым ты!

Гарпавулчан-богатырь, приложив кончик стрелы к самому уху, со словами: «Вверх будешь прыгать» — натянул лук. Стрела вырвалась в небо. Тогда [он] выстрелил вторично со словами: «Вниз будешь прыгать, спасаясь». Выстрелил так, что сорвал [с Умусликона] кожу. Тогда Умусликон-богатырь со словами: «Выстрелю-ка я! Вверх будешь прыгать» — натянул лук и выстрелил вверх так, что сорвал кожу с черепа противника. Выстрелил вторично — у того отлетел палец. В третий раз выстрелил — разбил плечо. После таких выстрелов Гарпавулчан-богатырь взмолился:

— Не убивай меня, я сестру мою Монгункон [из рода] Кимпори¹⁰ отда姆 тебе в жены.

Лишь только он так сказал, как Умусликон-богатырь произнес: «Действительно, для чего мис его убивать?». И плюнул [он] в обе стороны. Противник стал таким же, каким был.

Омыв пот, они отправились в места Гарпавулчана. Они так быстро шли, что гром прогремел 18 раз (букв.: дважды по девять) и выпал град. Много красивых мест они пробежали, прошли серединой три-четыре болота с одичалыми оленями. Когда они одолели все трудности пути, раздались шум, крик и кулачные удары. Это враги-авахи¹¹ напали на родину Гарпавулчана.

Богатыри, услышав шум, увидали, что окружены. «Как нам выйти», — говорят. Гарпавулчан-богатырь говорит: «Как я пройду?» — и бросился бежать. Умусликон-богатырь, превратившись в хвоинку, понесся по ветру. Двигаясь так, добрался до жилища [врагов-авахи] и прилип к углу дома. Прилипнув, Умусликон подсмотрел, как дерутся богатыри с врагом-авахи. Аваки действительно очень силен. Железнотелый Сэлэргун — аваки с нижнего мира, держа меч в руках, побил богатырей из разных мест. На земле старика Юлтона все люди мертвы, дерутся только три богатыря: сын моря Уговнор-богатырь, на земле выросший Отаникан-богатырь и сын Юлтона — Гарпавулчан-богатырь. Три дня бились они с Сэлэнтуром, тот всех одолел. Тогда Дарпек-девица, громко плача, спросила:

— Кто же спасет меня теперь? Все богатыри, которые могли помочь, разбиты. Умусликон-богатырь со средней земли далеко, не придет. Прошел уже год, как он направился сюда, отдав меня врагу.

Враг-аваки тогда сказал Дарпек-девице:

— Сложи хорошенько одежду, отправимся через три дня. И, поднявшись в свайное жилище, [он] лег отдыхать.

Умусликон-богатырь, превратившись в человека, подошел к врагу-аваки. Подойдя, начал дразнить его:

— Брось в меня железным шаром!

Сэлэргун сказал:

— Подожди умирать, не поймаешь его — пострадаешь! Ни один человек до тебя не поймал еще.

Как только сказал, Умусликон-богатырь, вырвав с корнем пень, бросил ему прямо в лицо. Сэлэмтун, разозлившись, сказал: «Снесу-ка я ему голову железным шаром» — и бросил [шар] в него. Умусликон-богатырь поймал его одной рукой и говорит:

— Брошу-ка я, а ты лови! — и бросил в него.

Тот, не поймав, упал, да так, что столкнул лабаз-жилище.¹² Встав, враг-аваки набросился [на него] с кулаками. Вот начали они кулачный бой. Врагу-аваки ни разу не удалось ударить Умусликона. Промахиваясь, он ударял кулаком по пиям и разбивал

их. Бились они, бились долго. Во время боя твердую землю в болото превращали, болото — в твердую землю, холмы — во впадины, впадины — в холмы. От трехмесячной борьбы притутился кулак Умусликона-богатыря. С каждым ударом [Умусликона] в тело Сэлэргуна-богатыря впивались железки его панциря. Наконец, Сэлэргун начал кричать и плакать.

— Умусликона, ты сильный, — говорит, — таких кулаков, как твои, авахи нижнего мира никогда не видали.

Враг, сказав это, упал на спину. Умусликон перерубил ему шею, скег его [тело] на огне¹³ и тогда вошел в дом Юлтони-старика.

Красивая девица, взяв Умусликона за руку, усадила его на почетное место. Потом убили одного оленя-манчика¹⁴ и одного кастрированного оленя — пороза и угостили [Умусликона]. Умусликон-богатырь женился на дочери Юлтони [из рода] Кимонори, на Монгункон-девице. Три дня собирали народ на свадьбу. Собрав, устроили свадьбу. После угощения устроили разные игры. Долго играли, переиграла во все игры.

Умусликон жил один год у жены.¹⁵ Потом однажды говорит тестю:

— С тех пор как я оставил свои места, прошло больше двух лет. Настала пора отправляться в свои места.

Юлтони-старик ответил:

— Уходящего человека я не задерживаю. Если должен уйти, уходи, — сказал.

Целый день собирались к отъезду. Утром привели на поводу одну одичавшую воженку и собрались в путь. Монгункон-девица, распрощавшись с родными, пошла впереди, ведя два нагруженных каравана. Умусликон погнал пеездовых олесей. Шли, шли, наконец дошли до своей средней земли. Дойдя до дома, Умусликон рядом с чумом-утеном поставил чум-чорама.¹⁶

Зажили Умусликон с Монгункон. Хорошо и долго жили в тайге. Разбогатели Умусликон и Монгункон. Умусликон-богатырь нашел удачу. Утром рано вставал и шел охотиться, с охоты без зверя не возвращался. Приходил всегда, убив какого-нибудь зверя. Хорошо они жили.

Между тем однажды в самую полночь подруга Умусликона Монгункон забредила, закричала во сне. Умусликон-богатырь, вскочив, сказал: «Что случилось?» — и посмотрел на подругу. Монгункон громко сказала:

— Ужасный, страшный кто-то начал меня есть! Дружок Умусликон, хорошенко слушай! Завтра в половине утра придут враги-авахи нижней земли. С тех пор как они ушли из своих мест, прошло три дня. Дружок муженек, приготовься хорошенько! Приходит день нашей смерти! Держись крепче! ... (Далее кусок текста утрачен).

Умусликон разделал тушу. Разделав, завернул мясо в шкуру, взвалил на плечо и понес. Добежал до дома [с добычей]. Дойдя, смотрит — жены нет нигде, все одежды ее в кучу свалены. Умусликон, расстроившись, со слезами начал кружить в поисках следов [авахи и жены]. Три дня ходил вокруг — ничего следа не нашел. На четвертый день нашел след — он шел на север (букв.: на полночь). [Враги] уехали на нарте, которую тащил огромный бык. Умусликон с громким плачем бросился бежать по этим следам. Пять дней плакал, на глазах у него образовались [от слез] волдыри величиной с зайца. Бежал, бежал Умусликон, наконец дошел до отверстия, через которое [авахи и жена] провалились в нижний мир.

Дойдя, стал думать, как попасть в нижнюю землю. Мучился, мучился Умусликон, наконец, став каплей олова,¹⁷ скатился в нижний мир. Падал, падал, наконец добрался. Нижний мир — очень темное место: там только половинка солнца, половинка луны.¹⁸ Умусликон-богатырь по железным следам [авахи] пошел от скалы к скале. Так, идя наугад, дошел до одного жилища. Начал искать дверку четырехгранных дома. Ее нигде не видно. Умусликон-богатырь остановился отдохнуть, опервшись на стену жилища. Опираясь, он услышал слова внутри жилища. Вслушался хорошенко — говорит его собственная жена, Монгункон-девица. Она произносит:

— Кимонин-матушка! Страшно! В чью землю меня [авахи] увел и зачем мучает меня? Настал день, когда мне надо варить головы людей. Долго не идет выручать меня дружок Умусликон!

Как только она произнесла это, Умусликон-богатырь сказал:

— С тех пор как я пришел, прошло три дня; я мучаюсь в поисках дверки твоего железного жилища. Открой дверку, дружок Монгункон!

Он сказал, и Монгункон подбежала открыть дверь. Умусликон-богатырь вошел в жилище. Смотрит — Монгункон, его жена, варит головы людей. Умусликон-богатырь спросил жену:

— Куда ушел Сэлэргун? Когда придет?

На вопрос его Монгункон-девица ответила:

— Вечером придет, пошел охотиться за людьми, чтобы съесть их. Из всех сильных самый сильный — железнотелый Сэлэргун, — сказала она. — Если ты, мата, силен, то его победишь! Дружок Умусликон, не поддавайся ему ни в чем!

На слова ее Умусликон-богатырь ответил:

— Каким бы я ни был от рождения, но без боя отсюда не уйду!

Умусликон, сказав, стал ждать. Вечером перед закатом солнца раздался звук железа. Когда он прекратился, прозвенел железный болт дверки, и [авахи] обратился к Монгункон-девице с громкими словами:

— Дынгды! Дынгды! Монгункон, дружок, скорее открои дверь! Усталый пришел я. Скорее открой!

Лишил только он произнес это, как Умусликон-богатырь без слов выскочил вон. Когда он выскочил, Саларгун, вздрогнув, вскрикнул:

— Ой, страшно! Откуда [ты] пришел? Умусликон-богатырь, задорово! Давай встретимся добром и станем жить вместе.

В ответ на это Умусликон-богатырь, разозлившись, сказал: «Вот тебе!» — и ткнул ему под нос кулаком, а правой рукой ударил в основание уха. Сэланде рассердился и попробовал схватить противника, но Умусликон-человек вывернулся, вскочил, говоря: «Паршивая собака, сейчас я раздеру тебе сердце и печень!», и ударили кулаком врага-авахи.

Вот богатырь и враг начали биться. Во время боя все авахи и духи поумирали от страха. Новсюду в верхнем мире отдавался звук их кулачных ударов. Так бились Умусликон и Саларгун. Бились долго. Наконец, Умусликон начал одолевать врага. Авахи закричали:

— Умусликон-богатырь, ты полегче ударяй! Действительно, ты сильный богатырь! Я такого мату¹⁹ не встречал. Не убивай! А что за польза для тебя, если ты убьешь меня? — говорит.

Умусликон-богатырь, не останавливался, бросил [авахи] на спину, зажал горло и перерубил его. Убив, [он] скжег его тело на костре. Затем, разыскав всех других врагов, перебил и их. Сжег всех и кепел развеял по ветру.

Победив, он пошел с женой в свои места [на среднюю землю]. Шел, шел, насили дошел до поверхности средней земли. В пути хорошенко отдохнув, отправились [далее] домой. Долго шли, наконец дошли до своих мест. Оставленный ими чум-утэй был в хорошем состоянии, как и прежде. Утром, встав, Умусликон пошел посмотреть оленей. Смотрит — хороши, против прежнего [их] в два раза прибавилось.

Тем временем у них родился мальчик. Умусликон, став отцом, очень обрадовался. На радостях словно помолодел. Хорошо воспитывал сына. Сын, раз переночевав, годовалым стал; дважды переночевав, двухлетним стал. «Такой ребенок, став мужчинкой, в десять раз сильнее Умусликона будет», — говорили они между собою.

Умусликон с Монгункон хорошо жили, имели большое стадо.

11. Умун-Умусликон

И. Федорова,

1936 г., пос. Чумикан, Чумиканский район, Хабаровский край.

Давно, давно жил один человек. Его имя было Умун-Умусликон. Этот Умусликон в чум заглянул — против входа лежал сумка. Взял эту сумку — внутри выдолбленная трубка. В трубке

трут. Зажег огонь с помощью трута. Пожром чума служила ровдуга из шкуры дикого оленя. Очень беден был этот Умусникон. У него не было собаки, чтобы «что!» сказать, вокруг не бродили домашние олени. Едой ему было мясо дикого оленя. Он бывал сыт, если убивал, и голодал, когда никого не убивал. Этот Умусникон был настоящим богатырем: не давал пройти мимо себя четырехногому, не давал промететь над собой летающему по воздуху.

Однажды он задумался: «На средней земле только я живу», — говорит. Поговорив с родными местами, этот богатырь собрался в путь. Пошел он пешком. Дошел Умусникон до одной большой горы. Сидя на вершине горы, он любовался окружающей местностью. Насмотревшись, говорит: «Интересно, как становилась земля?». В это время к нему подошел медведь. Умусникон спрятался в засаде, спустил стрелу и убил его. Разделал тушу, поел мяса. Потом Умусникон двинулся дальше. Дошел до одного места. [Там] стоит жилище. Вошел он в это жилище. Живут там старик со старухой, очень старые. Старик спросил:

— Что тебя принесло в эти места? Здесь [никакая] пташка «чиш» не произнесла. А ты-то как пришел? Как тебя звать? В каких местах ты родился?

Умусникон-богатырь сказал:

— Если тебя моя жизнь интересует, я расскажу. Я пришел из далеких мест. Мое имя Умун-Умусникон. Ты, старик, старый человек, несомненно ты много знаешь, много видел и богатырей-молодцев знаешь, вероятно.

Старик сказал:

— Я родился в то время, когда эти места только становились. Видел я и слышал о многом. Когда был молодым, встречал разных врагов-харги,¹ людей и страшных зверей. Вот если пойдешь в этом направлении, [там] будет море-океан, там живут три брата-богатыря и сестра. Сильные богатыри. Если в поединке ты их одолеешь, будешь настоящим богатырем. Не одолеешь, приходи сюда!

Пошел этот Умусникон, дошел до одной реки. Там след человека ушел вниз по реке. Умусникон пошел по этому следу. Дошел — стоит жилище. Умусникон сказал:

— Здорово, домище! Открой дверку!

В доме кто-то спросил:

— Кто это говорит?

Из чума вышел человек, и Умусникон с ним начал драться.²

Оказывается, это настоящий человек-богатырь. Умусникон одержал верх. Богатырь океана говорит:

— Мы отдадим тебе сестру.

Сестра сказала:

— Я не пойду за Умусникаона!

Сказав, девица убежала. Умусникон погнался за ней. Добрался до одного места. Здесь стоит каменный дом. Умусникон в поисках дверки трижды обошел вокруг дома и говорит:

— Каменный домище, если внутри тебя кто-либо есть, привет!

Внутри никто не произнес ни слова. Тогда Умусникон вошел в этот дом. Вонел, смотрит — спит человек. Очень большой человек, сбоку у него молот. Умусникон говорит:

— Доalgo спиши, вставай!

Человек не просыпается. Тогда Умусникон взял молот и ударили им спящего человека. Когда он слегка тряхнул ударили по лбу, тот проснулся. Проснувшись, спросил:

— Кто занес тебя в эти места? Я тебя сейчас же убью.

Умусникон сильно испугался и говорит.

— Я сюда попал в погоне за женщиной.

Этот человечище набросился на Умусника, чтобы убить. Это оказался враг-авахи. Тогда Умусникон стал с ним биться. В поединке он победил. Победив, Умусникон вышел вон. Вдруг в небе раздались слова. Умусникон [в ответ] произнес:

— Матушка — верхнее небо, батюшка — средняя земля, мне силу прибавьте!

Умусникон подумал: «Была [у меня] такая стрела, что пробивала семь туч». Взял он эту стрелу, отточил и пустил вверх, а сам зацепился за ее конец.³ Эта стрела унесла его вверх. Вот летит Умусникон на стреле. В верхнем мире он нагнал эту женщину. Женщина привела его в свои места. Добрался он. Там [стоит] чум-утэн⁴ и горит костер. Он поставил около чум-дю.⁵ Потом пошел к чуму-утэн. Внутри место мужа [этой женщины]. На почетном месте лежат шкура медведя — постель, лук и стрела. Взял Умусникон этот лук, натянул его до пояса, но не мог натянуть до конца за один раз. Вечером пришел муж женщины, на семи вязках [одежды] принес семь убитых зверей.⁶ Придя, спросил:

— Кто это пришел в мои места?

Вошел в дом, где сидел Умусникон. Оказывается, это был младший брат Умусника.

12. Гарпаникан

Григорий Чинков (Эдян), род. в 1919 г., грамотный.
1938 г., Сахалин.

На самой середине земли в то время, когда земля с ковер-кумалан¹ расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани. Откуда он произошел, неизвестно. У него не было отца, чтобы произнести «папа», не было матери, чтобы произнести «мама». «Если бы я на земле родился, на макушке у меня

росла бы трава; если бы я сверху свалился, на макушке у меня был бы иной», — думал [он]. Жил он так, поживал. Перед ним ни одна ворона, сиутившись, не могла произнести «гак», ни одна кукша, опустившись, не могла произнести «кук» — всех убивал.

Гарпани-богатырь ежедневно вставал рано и уходил на охоту. Перебив всех зверей вокруг дома, он начал уходить подальше. Так живя, он стал задумываться о дальних местах. Думая о будущем, смотрел па свой чум-утэн.² Долго думал, наконец обратился к чуму-утэн:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Хорошенько слушай!
Как молодцу до старости

На одном месте усидеть?
Есть ли богатырь
Сильнее меня?

Богатырь-мата,³ долго не раздумывая, взял лук и привязал к спине. Надев прокопченный кафтаи и на голову шапку-мета⁴ и обращаясь к чуму, опять сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Прощай-ка!
Если б я знал,
Когда вернусь,

То предупредил бы!
Если я далеко уйду,
То через два-три года
Я не вернусь!

Средней земли Гарпани, расставшись с чумом-утэн, как хороший олень-пороз бежит по твердой земле, взрыхляя твердую землю как олененок. Оставляет он свои места. От быстрого движения у богатыря-маты в ушах свистит и волосы ветер относит назад. На пути у него маленькие деревья в кольца извиваются, большие деревья, вырвавшись с корнями, шумно падают. След богатыря-маты похож на след от бегущего оления-пороза. Земля взрыхляется тут и там.

Гарпани-богатырь не знал, долго ли, мало ли шел [он]. Очнулся только тогда, когда оказался, словно загнанный зверь, на вершине хребта Кодорос. Вершины Кодорос-хребта покрыты тумашом и преграждают путь. Гарпани сквозь туман, навстречу ветру по вершинам бежит, оставляя хребет позади. Но и дальний путь имеет свой конец. Хребет Кодорос истощил его силы (букв.: кончает его дальний путь). Богатырь-мата теперь ничто не задерживает. Преодолевая трудности в пути, он ищет противника. Вот на пути у него на ровном месте стоит большой чум-форама.⁵ Стены восьмигранного чума-форама освещает солнце. Гарпани-мата в обе стороны смотрит: где вход — не знает. Куда бы ни посмотрел, большой чум-форама со всех сторон подпирает плавниковый лес. «Словно кости людей», — думает он.

Гарпани-мата вокруг чума-форама бегает и ищет вход. Не найдя дверки, останавливается снаружи. Не найдя основного

столба, начинает рубить жерди остова. Тогда из дымового отверстия выскакивает мата.

Кэдэрэнинде средней земли, выскочив из дымового отверстия и идя по земле, смотрит на Гарпани. Средней земли Кэдэрэнинде шире, сильнее и выше, [чем Гарпани]. В упор он смотрит, черен как уголь, только зубы белеют; волосы у него вьются, а глаза, словно кольца, врачаются. Остановившись против Гарпани, он такую речь держит:

Кэдэрэгойкон! Кэдирэгойкон!
Средней земли Гарпани,
С чьего разрешения ты

Жилище мое начал рубить?
Убирайся по добной просьбе,
Пока я не сверну тебе шею!

Гарпани средней земли, услышав его слова, натянул лук и прицелился в противника. Приготовился и противник. Взяв стрелы, смотрит на Гарпани и ждет его выстрела. Гарпани средней земли натянул лук до пояса. Спустив стрелу, смотрит — совсем не попал. Только с третьего выстрела стрела вонзилась [в серединку лука противника]. В гневе схватив лук, глядя на противника, [Гарпани] ждет его выстрелов. Средней земли Кэдэрэнинде прицеливается не хуже его. Средней земли Гарпани от стрел его отскакивает. Из трех стрел ловит он [серединкой лука] третью стрелу. Богатыри-маты, бросив луки, начинают поединок на мечах.

Во время их боя днем туман подымается, ночью искры [от мечей] сверкают. Чащу в гладкое поле [они] превращают, а поляну — в чащу, холмистое место — в овраги, а овраги — в холмы. Но вот от боя их мечи начали тупеть. Бросив мечи, схватились [они] за пояса. Пробуют силы — упругость сухожилий. Потом, скепившись руками и нажимая друг на друга, с силой упираются головами.

Ну, бились [они] и так, и этак. Сколько времени прошло с тех пор, как начался поединок, никто не знает. Об осени узнавали по инею, о весне — по траве. Но вот то один, то другой начинает падать. Силы кончаются, они ждут, кто кого одолеет.

Вот средней земли Гарпани бросает противника и оказывается на нем. Нажимая на него, сидит на груди. Взял меч и собирается перерубить горло [врагу]. Противник плачет, жалея о жизни, и так говорит Гарпани:

Кэдэрэгойкон! Кэдэрэгойкон!
Средней земли Гарпани,
Не убивай! Может быть, отпустишь?

Но средней земли Гарпани совсем не жалеет [его]; взял меч, он хочет перерубить [ему] горло. Но не успел перерубить, как в синем небе по ветру речь раздалась:

Гурукалин! Гурукалин!
Средней земли Гарпаникан,
Жаль мне! Моего брата не
убивай!

Если убешь брата,
Меня ты больше не увидишь!

Средней земли Гарпани долго не думал, перерубил мечом
мене противника. Убив, сел на колоду отдохнуть. В это время в ту-
чах раздались слова и пронеслись над ним:

Гурукалин! Гурукалин!
Средней земли Гарпани,

Прощай, говорю!
Меня больше не увидишь!

Средней земли Гарпани, разбив двойную дверку восьмигран-
ного чума-чорама, вошел в него. Во всех отделениях искал и за-
держался при входе в восьмую дверку. Но разве остановится
средней земли Гарпани? Он выбил луком железную дверку. Раз-
бив дверку, вошел внутрь. А в восьмом отделении у железного
пенька стоит, хоркая, верховой олень врага. Топорщится шерсть,
торчат копыта.⁶ От рогу не видел зверя такого:⁷ с двух боков
двойные крылья, на спине съественное седло, [на голове] сереб-
ряный недоуздок. Средней земли Гарпани повел его на поводу.
Выведя, привязал к лиственнице.

Зверь с хорканием ходит вокруг лиственницы. Смотрит в упор
на Гарпани и говорит:

Энгтони! Энгэни!
Средней земли Гарпани,
Если ты должен стать моим
хозяином,

Если унацешь, один пойдешь!
Не падай с меня!

Гарпани-богатырь, сев на него, стал подыматься вверх и во-
шел в тучи. Летя по небу, он взад-вперед качается. [Олень], хор-
кая, по небу летит. У средней земли Гарпаникан глаза слезами
наполняются, в ушах свистит, но он сидит на [олене], совсем не
падает. По синему небу он гонится за Конгакчан.

Над семью тучами [поднимаясь], под восьмой тучей спу-
скаясь ниже, гонится он по следу. Богатырь человек на седле
оления, как почка [к дереву] прильнув, проходит сквозь тучи.
Соревнуясь с тучами, сквозь туман летит по небу.

В это время против ветра звучат слова Конгакчан:

Гурукалин! Гурукалин!
Устала, надоело мне!
Орел мой верховой,

Скорее лети вперед!
Средней земли Гарпаникан
Гонится по моему следу!

Конгакчан-девица сильно плачет, на середине пути из сил вы-
бивается. Усталые, они приближаются к океану. За океаном жи-
вет Воршанде. Летят они и не знают, где пролететь над океаном.

Средней земли Гарпаникан, гоняясь по следу, заставляет де-
вицу спуститься. Поверхность океана в тумане, а другой берег
оceansа едва виден. На том берегу стоит домище. Туда летит Гар-

шаникан-богатырь. Паря над домом, как орел, он спускается на землю и привязывает своего верхового [оленя]. Взяв в руки меч, он останавливается у двери. Глядя на дверь, обращается к дому:

Куюкоко! Куюкоко!
Железный домище,
Если внутри кто-либо есть,

Познакомь меня с ним!
Если не познакомишь,
Дверку изрублю!

Немного [времени] прошло и в дверях показался Воршенде с молотом в руках. Железным молотом,⁸ цепью привязанным к руке, замахивается он на Гарпани. Но средней земли Гарпаникан от молота отскакивает. Обоюдоострый меч при каждом ударе [о молот] искры рассыпает. Средней земли Гарпани, борясь с молотом, разбивает его железную цепь. И железный молот, отделившись от цепи, падает на землю. Житель океана Воршенде, потеряв молот и отскакивая от меча, прыгает вверх. Средней земли Гарпаникан ударяет Воршенде, но убить мечом не может. Куда бы ни ударил — не может попасть. Меч, падая на одежду, высекает искры, и в синем небе звон раздается.

Но, несмотря на это, средней земли Гарпанинда рубит мечом железную одежду [противника]; от железного одеяния осколки железа, вспыхивая огоньками, падают на землю. Снимая с врага понемногу железное одеяние, он приближается к его телу. Когда из голого тела кровь потекла, богатырь человек разрубил плечо. Красная кровь, вытекая из раненого плеча, обагряет (букв.: разрисовывает) меч. Силы раненого врага иссякают. Весь в крови, он падает на землю. [Гарпани], придавив врага, сел ему на грудь и собирается перерубить ему горло мечом. В это время над ним в небе прозвучала речь:

Гурукания! Гуруканин!
Средней земли богатырь,
Теперь прощай!

Средней земли Гарпанинда, не задумываясь, убил врага и сжег его дом. Богатырь человек взлетел в небо и погипался по следу за Конгакчан. Он полетел вперед в тумане сквозь тучи. Опять в пути ветер допес ему слова Конгакчан. Горько плачет она. Измучилась в пути и силы иссякли:

Гуруканин! Гуруканин!
Орел мой верховой,
Скорее лети!

Средней земли Гарпани
По следам моим гонится!

Средней земли Гарпани, после того как послышались слова, долго не летел — нагнал Конгакчан. Нагнав, схватил ее за хосу. Намотав [хосу] на руку, он ударил девушку илоскостью меча.⁹ Ударив по бедру, довел девушку до слез. Вытирая слезы, Конгакчан-девица говорит Гарпани:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпани,

Не бей меня,
Пожалей меня!

Средней земли Гарпани, услышав слова и жалея девушку, не-рестал се мучить. Найдя в пути жену, по небу путь продолжает. Летят в места Гарпани. Богатырь человек свой трехгодичный путь в три дня проехал, дошел до своих мест. Придя, около старого чума поставил новый и зажил с женой.

* * *

Вот уже остались позади молодые годы средней земли Гарпани. Ходит он по своим местам и бьет зверей. Вот и старость наступила. Проходят годы и белеют волосы.

Появился сын у Гарпани-богатыря. Ежедневно возясь с мальчиком, он кормит его только лакомством.¹⁰ Не дает мальчику вчерашнего мяса. Сын начал играть с луком, каждый день бегает и стреляет в птичек. Не прошло и нескольких лет, а сын Гарпани уже бьет зверей. Бродя по тайге, в олени-мойки¹¹ стреляет.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь, не имея близкого противника, мечтает о далеких местах. Придя домой с охоты, обращается к отцу с матерью:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан!
Я думаю о далеких местах.
Как могу я,
Словно девушка,
состариться

На одном месте?
Отец Гарпаникан,
Ты, вероятно, знаешь,
В каком месте живет
Богатырь человек?
Как добраться
До этих далеких мест?

Гарпанинди-отец, услыхав слова его, глядя на сына, обратился к нему:

Куюкоко! Куюкоко!
Чиндони-сынок,
Твоему походу
Я не препятствую.
Если пойдешь отсюда,
То за девятью океанами

Найдешь богатыря.
Чиндони-сынок,
Далеко до тех мест.
Вверху летающая птица
Трижды снесет яйца,
Пока доберешься до этого
места.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь долго не думал, отправился в путь. Полетел на верховом [олене] своего отца. Вверху кружка, он произнес:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан,

Я предупрежжу, если узнаю,
Когда должен вернуться!
А пока прощайте!

Чиндони-богатырь, расставшись с родителями, сквозь тучи полетел по небу.

Гарпаникан-старик бродит по тайге. Бьет зверей вблизи жилья. Конгакчан-старушка и Гарпаникан-старик ежедневно по-

утрам ждут своего сына. Сколько лет прошло, как ушел их сын, неизвестно.

Вот однажды небо потемнело. Тучи покрыли небо, поднялся ветер, упал железный град. Через некоторое время после этого раздались слова:

Яргудеро! Яргудеро!
Ястреб, [ты] мой верховой,
Скорее лети!

Приближаются места
Средней земли Гарпани!

Прошло немногого времени после того, как прозвучали слова, и мата спустился. Спустившись на землю, он обратился к Гарпани:

Яргудеро! Яргудеро!
Средней земли Гарпани,
Привет мой услышь!
Из далеких мест
К твоему звучному имени,

К тебе я прибыл.
Средней земли Гарпани,
Не побиться ли нам
По традиции?

Гарпаникан-богатырь, услышав его слова, взял лук и выскочил в дымовое отверстие.¹² Смотря в упор, натянул лук. Противник также натянул. Богатыри долго не стояли, натянув луки, друг в друга прицелились. Верхней земли богатырь, глядя на Гарпаникан и взяв стрелу, в противника прицелился. Средней земли Гарпаникан увернулся от [пущенной] стрелы. Из трех пущенных стрел он поймал [серединкой лука] третью. Верхней земли богатырь, натянув [лук], смотрит на Гарпани. Стоя напротив, ждет, когда тот спустит стрелу. Тот стреляет подобно ему. Из трех пущенных стрел [богатырь верхнего мира] ловит третью.

Молодцы-богатыри решили испробовать крепость сухожилий и, схватив друг друга за пояса, уперлись плечами. Сколько времени прошло с тех пор, как они начали поединок, никто не считал. Во время боя средней земли Гарпани начал время от времени падать и кровью истекать. Вот уже кровь кончается и определяет смерти. От усталости со слезами сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Усталость моя очень велика!
Горло мое пересохло!
Видно, пришел конец жизни!

Как не слышит моих слов
Сын мой Чиндони?
Пусть мои слова
Отзовутся в его левом ухе!

Верхней земли богатырь трижды бросил его на землю. Сев ему на грудь, собрался перерубить ему горло мечом. Тогда Гарпани сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Чиндони-сынок
Как это не слышит меня?

Немного [времени] прошло, поднялся вихрь. Начался железный град и проливной дождь, подул ветер. Когда копчился дождь, прозвучали слова:

Чиандоло! Чиандоло!
Двукрылый верховой,
Быстрее двигайся!

У отца Гарпани
Дыхание на исходе!

Прозвучали слова, и скоро прибыл сын Гарпани — Чиндоникон. Взяв лук, он прицелился во врага. У присевшего вниз [врага] снес кожу с головы. Когда же тот подскочил вверх, [на миг] лишил его сознания. Когда же тот отскочил в сторону, пробил ему восемь ребер. Выстрелив, он ждет выстрела противника. Противник, целясь, стреляет не хуже его. Но как ни стреляет, не может попасть. Из трех стрел [Чиндони] ловит третью.

Тогда они начали биться мечами. Во время боя только искры летят [от мечей]. Но Чиндони долго не бился, выбил меч [у противника] и разбил ему руку. Ранив [противника], он ударил его еще раз мечом. Попав в макушку [головы], разрубил [врага] пополам. Потом скег [тело] на огне.¹² Собрав пепел его, развеял по ветру.

Спас отца Чиндоникон средней земли. Отдохнув дома, опять собрался в путь. Поднявшись ввысь, паря, как орел, в синем небе, исчез в тучах.

Гарпани жил до старости. Старость придавила и Конгакчан. Никто не знает, куда улетел их сын Чиндони.

13. Гарпас-мата-Гарпанучан

Барвара Диадорова (Монго).
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля только становилась, когда небоматушка подобно опрокинутому чуману¹ было, жил один человек. Когда земля, словно ковер-кумалан,² расстилалась, жил он, собирая ягоды. Появившаяся гора с холмиками была, когда он жил; появившаяся река как ручеек была, когда он жил. Трава только пробивалась, а дерево величиною с четверть³ было, когда жил мата.⁴ Если посмотретьеть, что за жилище было у этого маты, оказывается чум-утэн⁵ из плах. Звали этого молодца Гарпас-мата-Гарпанучан. Он не давал дважды пробежать мимо шестнадцатикопытному олешю⁶ — такой мата был. Так жил он, и надоело ему охотиться на одном месте. Взял он лук и собрался пойти посмотретьеть мир. Вот заговорил он:

Генге, генго-й!
Генге, генго-й!
В мире, вероятно,
Живет человек-уранкай?

Один я жить не стану!
Искать их надо!
Наступил день
Начала похода!

В поисках направился парень в сторону восхода [солнца]. Шел, шел, рассматривал мир. Искал он коричневоголового человека⁸ — уранкай-эвенка. В поисках переходил из одной горной

тундры в другую и увидел дикого оленя-ирун.⁹ Выстрелил в него из лука. Во время спуска стрелы сказал: «Берегись!». Когда он собрался пустить стрелу, зверь, почуяв, заговорил:

Онгтор, онтонин!¹⁰
Богатырь-мата,

Гарпаничан-богатырь,
Убьешь [меня], вероятно?

Парень выстрелил. На месте того [оленя], в которого он стрелял, вскочили два раниных олепя-ирун. Погнался парень за ними. Звери убежали так быстро, что он не успел даже ни «ах!» произнести, ни почесать затылок. Но он продолжал погоню. В это время впереди него послышались слова:

Геруканы! Геруканы!
Геруканы! Геруканы!
Вот подлец — убил моего оленя!
Не увижу [я] бедняжку [оленя]!

А тебе морду сверну
[За то, что] убил моего оленя!
Больше не придешь сюда!

Говорит тот человек. Гарпас-мата-Гарпаничан, услышав слова, обрадовался [встрече]. Быстрее побежал. Бежал, бежал, стал приближаться. Увидев вблизи человека, пошел к нему. Гарпас-маташел к нему навстречу. [От быстрого движения] с двух сторон его появилось пламя. Дальний человек, подойдя, схватил его десятью пальцами и ударил кулаком, говоря: «За что ты убил моего верхового оленя?». Гарпас-мата тоже ударил кулаком. Оба парни равно дрались. Полмесяца дрались, [боеes] десяти дней равно дрались. Через полмесяца Иронуде-мата стал выдыхаться. Выдохнувшись, сказал:

Геруканен! Геруканен!
Гарпас-мата,
Не убивай меня (букв.: мою
душу)!
У меня есть сестренка,

Красавица девица,
Секакчан по имени.
Если не убьешь,
Я ее отдам тебе!

Ну, конечно, Гарпас-мата, чтобы получить девушку, и не подумал убивать его. Окончив поединок, оба отправились к сестре Иронуде. Идут пешком, бегут. На восход солнца бежали, бежали, три дня бежали, наконец добежали. Иронуде позвал сестру:

Геруканен! Геруканен!
Я тебе товарища привел!
Не желая быть побежденным,
Я отдал тебя Гарпас-мате.
Чтобы живым быть,

Гарпаничану отдал я!
Быстрой выходи,
Приготовляй угощение
И одежду быстрой приготовь!

Тогда девушка, выйдя [из жилища] к брату, взяла за руку Гарпас-мату-Гарпаничана и ввела [в дом]. «Что же делать, — сказала она, — иу, если он одолел тебя, я выйду [за него]». Введя, угостила его разными яствами, приготовила одежду. Поехали они собрались спать.

Переночевав, встали утром. Пошли за убитым олепем, [чтобы приготовить] угощение к свадьбе. Пришел его. Приготовили

яства, разослали парней-[гонцов]. Одного парня в нижний мир послали, одного — в средний мир, одного парня в верхний мир отиравили. Пошли [они] за гостями. Посланые на третий день привели [гостей]. Со средней земли (т. е. с лесных склонов) на свадьбу пришли эвенки-урранкаи. С верхней земли (т. е. с горных вершин) пришли эвенки. С нижней земли (т. е. с низин и долин) пришли авахи.¹¹

[Авахи], захватив когтями [одного] парня, потащили его. Парень тогда говорит: «Что за народ? Не дают покоя человеку!». Когтями его всего разодрали. Авахи покончили с тем парнем. После угощения [авахи] отняли жену Гарпас-маты. Гарпанучан погнался за ними. Унесли они [ее] в сторону захода солнца. Там было озеро. На середине озера [авахи] нырнули в нижний мир и превратились в жемезо.

Гарпас-мата, догнав, нырнул туда же. Нырнув, добрался до места авахи. Дойдя, превратился в мальчика-сиротку,¹² попытался войти. Вошел в каменный дом. У авахи одна рука на середине груди, один глаз посреди лба. Авахи, увидев его, сказал: «Покорите-ка мальчишку, сиротку-ребенка». Женщина Секакчан спросила мальчика:

— Откуда ты пришел? Что ты собираешься делать у авахи?
Мальчик сказал:

— Тетушка, я за тобою гнался, — говорит. Затем, обратясь к авахи, парень сказал: — Вот, познакомлюсь с Секакчан.

Авахи говорит:

— Хорошо, мальчик, познакомься.

Мальчик, познакомившись, сказал:

— Тут есть разные плоды. Попробуем их, — говорит.

[Отправились]. Сойдя с коня, они влезли на дерево полаковаться плодами. Влезли, а их [конь] превратился в огромного оленя.¹³ На себе обоих унес. Отобрал [Гарпас-мата] у авахи [жепу свою]. Домой ее везет. Олень говорит: «Крепче держись, чтобы авахи не нагнали». Повез домой. «Скоро до дому доехем, вероятно». Добрались до дома. Как только доехали домой, полил ливень, прогремел гром, выпал град, закружил вихрь. Это следом за ними атаман-авахи шел со словами:

Дэнгээ, дэнгээ-бунин!
Дэнгээ, дэнгээ-бунин!
Гарпас-мата-Гарпанучан,
Отдать или не отдать —

Все равно возьму твою жену!
По-хорошему или по-худому
отдать!

Гарпас-мата рассердился. Рассердившись, в столб около дверки так пнул ногою, что поломал его, и выскочил. Нос одному авахи вырвал с корнем. Авахи-парень сильно обиделся. Тогда [Гарпас-мата] ударил [его] кулаком [величиной] с голову лося-чирак.¹⁴ Авахи, вытянув [руку], ударил кулаком с голову осеннего лося-анам.¹⁵ Начался поединок. Гарпанучан уложил па

спину авахи-парня. Бросив его, сел на горло. Режет и смотрит, говорит: «Кончил». Видит — вместо авахи он [давно] рубит гнилую колодину. Авахи-парень ушел в нижний мир, говоря:

Дээгдэ, дээгдэ-бүүн!
Гарпас-мата, прощай!

Ускользнул авахи, ушел домой. Гарпас-мата пошел к себе домой. Бежал, бежал, дошел до дома, до жены. Придя к жене, дома отдыхал.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганэй

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтуумакский район, Амурская область.

Жил один мальчик с матерью. Чума у них не было, жили они у костра. Он охотился. Однажды мать пошла недалеко, сказала сыну:

— Если кто-нибудь придет, если кто-нибудь будет меня спрашивать, ты не говори, [куда я ушла]. Если попросит что-либо сделать, ты не делай.

Когда старуха ушла, к костру пришел медведь и спросил:

— Где твоя мать?

Мальчик ответил:

— Я не знаю.

Тогда медведь сказал:

— Ну, если так, то ты привяжи меня на цепь вон к той лиственнице.

Мальчик пошел привязывать. Когда он привязывал, медведь бросил парня к себе на спину. Паренек словно прилип [к нему], и медведь побежал. Бежал, бежал, очень долго бежал медведь. Добежал до каменистой россыпи. На ней девушки играли, пабрасывая арканы друг на друга. Паренек увидел девушек и говорит:

— Девушки, девушки, пабросьте аркан па медведя! Спасите меня!

Девушки с арканами в руках забежали впереди медведя, арканом не поймали, промахнулись.

Медведь шел, шел и пришел к своим сородичам. Принес ларенъка в самую толпу их. Медведи собрались его съесть. Тогда паренек сказал:

— Дайте мне местечко, чтобы почиститься, вам лучше будет меня есть.

Медведи немножко раздвинулись. Тогда мальчик говорит:

— Мне не поместиться, дайте немножко больше места.

Медведи помире раздвинулись. Лишь только они дали ему побольше места, как он бросился бежать, перепрыгивая с одного медведя на другого. Медведи погнались, но не догнали. А он бежал да бежал. Добежал до старых костищ, где жила мать. Но мать уже умерла. Тогда он пошел в дальние страны, отправился искать девушку Торганэй.¹ Шел, шел и нашел маленький чум. В нем жила старушка.² Юноша спросил:

— Как найти место, где живет Торганэй?

Старушка говорит:

— Ты на своем пути встретишь много трудностей. Если ты их преодолеешь, то возьмешь [в жены] девушку Торганэй. Если же не сможешь [преодолеть], не возьмешь, — говорит старушка. — Я тебе дам верхового оленя.

Она дала ему верхового оленя, и он поехал. Ехал, ехал, [видит] — густая чаща. Остановился он и спрашивает:

— Как мне проехать?

Верховой олень заговорил:

— Мы превратимся в мышь и пройдем через чащу.

Пролезали, пролезали, наконец дошли до конца [чащи]. Опять поехали по ровному месту. Ехали, ехали, доехали до такого места, где ножницы сдвигаются и раздвигаются. Юноша говорит:

— Как мы проедем?

Олень отвечает:

— Сделаем железные унты и проедем.

Поехали. Опять поехали дальше. Ехали, ехали, доехали до места, усеянного остриями иголок. Через них перескочили. Ехали, ехали, смотрят — огромный пожар. Юноша говорит:

— Как мы проедем через пожар?

Верховой олень отвечает ему:

— Превратимся в птиц.

Превратились в птиц и перелетели через пожар. Поехали дальше. Ехали, ехали, опять [препятствие] — топоры рубят. Куда ни поедешь, везде страшно. Снова говорят:

— Как мы проедем через них?

Но проехали — олень придумал. Поехали. Ехали, ехали — вода, кругом вода, конца нет.

— Как нам проехать? Вода без конца.

Верховой олень его говорит:

— Превратимся в рыб. Рыбами проплырем.

Преодолели они и эту преграду в пути. Тогда олень сказал:

— Ну, теперь трудного пути не будет. Скоро доедем до девушки Торганэй.

Ехали, ехали, доехали. Показался огромный дом, блестящий, как солнце. Когда доехали, из дома вышла женщина и говорит:

— Я Торганэй.

На это юноша сказал:

— Как же так — ты Торганэй, а некрасива? А дом твой красив.

Тогда женщина сказала:

— Подождите до вечера, я скоро приду.

И ушла. Вечером пришла Стемнело. Когда настала ночь, она сказала:

— Ну, надо спать!

Пошла в дом. А под платьем у нее что-то потрескивает. Юноша удивился:

— Что это потрескивает?

Легли спать. Ночью все тело юноши было искошото. Едва доспал до утра. Когда они спали, послышался звон — колокольчиком [кто-то] звонил. Он спросил:

— Кто это идет?

Тогда женщина сказала:

— Я тебя обманула. Я — работница Торганэй. А под одежду я насовала корья.³ Торганэй сейчас начнет меня бить. Когда поломается это корье, она скажет: «Ну вот, я побила работницу».

Торганэй, подходя, закричала:

— Открой дверь! Кто это привязал своего верхового [оленя] к столбу?

Работница вскочила и пинком ноги открыла дверь. Торганэй схватила свою работницу и начала бить. Била, била, только треск раздается. Тогда Торганэй говорит:

— Ну, я забила свою работницу, все кости ей переломала.

Отвернула она одеяло, а там лежит юноша.

— Как, ты спал с моей работницей?! — говорит она. — Я — Торганэй-девица. Ты преодолел все трудности в пути. Я должна стать твоей женой. Много юношей пытались прийти ко мне. Никто не преодолел препятствий в пути, ты же сумел. Я твоя. Но за то, что ты спал с моей работницей, я дам тебе трудные работы. Если ты их выполнишь, ничего не испугавшись, я выйду за тебя замуж. Если не преодолеешь, не справишься [с ними] из-за страха, вернешься обратно к себе.

Юноша этот сказал:

— Сделаю.

Вначале она сказала ему:

— У меня есть звери, ты их погаси.

Он начал пасти. Зверей у нее было очень много, без счета.⁴ Увидев впервые такое количество, он вначале испугался. Звери хотели его покусать. Юноша пришел к Торганэй и говорит:

— Твои звери собираются меня покусать.

Торганэй пришла и говорит им:

— Вы не кусайтесь, он паш.

Долго он пас их и не боялся, звери слушались его. После того как он кончил пасти, Торганэй говорит:

— Ну, покарауль березки. В березняке есть медведи. Ты их не бойся. Если они захотят себя съесть, ты скажи: «Я муж (букв.: человек) Торганэй».

Пришел он в березняк, березки начали его бить ветвями. Юноша заплакал. Тогда березки спросили:

— Ты чей человек? Эта земля принадлежит Торганэй. Торганэй велела нам не пускать чужих людей.

Когда они разговаривали, пришли медведи. Как только они показались, юноша сказал:

— Я — жених Торганэй.

Березки и медведи не поверили. [Березки] отправились спросить Торганэй:

— К нам пришел чужой человек. Мы его царялаем, медведи хотят съесть.

Торганэй ответила:

— Не трогайте его, это мой человек.

Березки вскинулись и говорят медведям:

— Это свой, человек Торганэй.

Долго стерег юноша медведей и березки. Когда он кончил стеречь, Торганэй сказала ему:

— Найди своего верхового оленя. Найди и убей. Убив, мойся в его крови две недели, [чтобы очиститься]. Тогда ты возьмешь меня в жены.

Юноша убил [своего] верхового оленя и две недели мылся в его крови. Потом женился на девице Торганэй. Они хорошо жили.

15. Торганэй и Чаникой

Иван Романов (Бута), грамотный.

1936 г., пос. Боннак, Зейский район, Амурская область.

Давно, давно, когда мать-земля меховым ковром расстилалась, когда небо, величию с величии глаз, поблескивало, жили два паренька. Старший по имени Торганэй, младший — Чаникой. День им казался минутой, год — ночью. Так они жили и поживали. Один из них, подрастая, сделал игрушки и лучок. Стреляя из этого лучка, он не давал пролететь над собою птичке, кричавшей «чиц-чиц», и куяше, кричавшей «кук-кук», — всех убивал. Младший паренек был очень неловким, грязнулей и сопливым.

Вот Торганэй начал охотиться. Ходит на охоту, бьет зверей. Убив и привязав на вязку [от кафана],¹ приносит их домой. Однажды, придя, посмотрел на друга-брата, а тот красавец-красавцем стал. Спросил Торганэй Чаникую:

— Что ты сделал, что стал таким гладким и белым?

Чаникой ответил:

— Вероятно, я побелел и пригладился, когда валялся по снегу и по коре.

Торганэй опять ушел на охоту. Охотясь, убивал зверя и возвращался домой. [Смотрят] — Чаникой [опять] белый и гладкий. Спросил Торганэй:

— Что ты делал, что так пригладился и побелел? Расскажи подобру. Не расскажешь — побью.

Чаникой сказал:

— Братец, расскажу, только не бей. Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца; они меня причесали и памыли,² вот я и побелел.

Тогда Торганэй сказал:

— А ты поймай одну из двух.

Чаникой ответил:

— Непременно поймаю.

Торганэй спрятался в стороне от дома. Пока он сидел в засаде, в полдень прилетели две журавль-девицы. Спустились на том месте, где Чаникой рубил дрова, потом вошли в чум. Войдя, стали Чаникоя расчесывать и намывать. Пока мыли, Чаникой схватил старшую. Держа ее, он позвал брата:

— Торганэй, скорее иди!

Торганэй прибежал и повесил на вершинку жерди оперение журавль-девицы. Вот таким образом Торганэй получил жену.

Женившись, он прожил с женой три дня. Пошел на охоту. На охоте он пробыл долго. Вернулся домой. Дома никого нет: ни жены, ни брата. Посмотрел на дверной столб — тот уже упал.³ В заржавленном котле брата нашел что-то пересохшее.

Остался Торганэй один. Сидит и думает: «Что же мне делать одному?». Пошел тогда Торганэй в сторону восхода [солнца]. В пути встретил трехголового орла.⁴ Запел он:

Генге, генге, гемте-коен!

Лови привет, орел-великан!

От избытка сил [я] в путь направился.

Трехголовый орел, расскажи мне, что знаешь!

Я, оставшись один, следа примел.

Отвечает на это трехголовый орел:

Дынгды, дынгды, дынгды-коен!

Человек тайги, здоровъ!

С тех пор как две журавль-
девицы

К восходу солнца пролетели,

Уже три дня прошло.

Торганэй спросил:

— А как ты поможешь мне?

Трехголовый орел отвечает:

— Я тебе расскажу. Иди-ка ты прямо в сторону восхода солнца. Пойдешь, там будет три реки. Если ты смелый и сильный, перейдешь их. На противоположном берегу третьей реки будет десять зверей — [оленей]. У десятого из них рог сломал пополам. У него серебряное седло, серебряный трехсаженный по-дузодок. Если ты его поймаешь, то будешь силен.

Отправился Торганэй в сторону восхода солнца. Дошел до реки. Посмотрел — река очень широкая. А у него нет ничего,

чем он мог бы переехать. Посмотрел он вниз и вверх и бросился бежать [к реке], задевая ветки. Насадил кору на пятки⁶ и перешел по реке. Вот таким образом он перешел все три реки. На противоположном берегу третьей реки он увидел следы зверей. Торганэй потихоньку стал выслеживать их. Звери почуяли его. Увидев его, они убежали. Торганэй погнался за ними. Гнался, гнался, догнал. Догнав, нашел [среди них] оленя с серебряным седлом и с серебряным недоуздком. Схватив его за оба рога, Торганэй [вскочил на него] и перевернулся. Горушка показалась ему марью,⁶ а впадины показались ему холмами — так он кувыркался. Три дня держался [на олене], пять дней отдыхал.⁷ Устав, взмолился:

— Олень с серебряным недоуздком! Устали мои сухожилия, задохнулись мои легкие. Ведь все равно тебе не одолеть меня!

Вот так приучил он оленя к себе; Торганэй получил верхового оленя. На этом олене охотился на зверей. Нагнав, он убил одного теленка для еды в дороге.

Поехал Торганэй дальше, в сторону восхода солнца. Доехал до большой серебряной горы. Доехав до горы, он толкнул пяткой оленя, говоря: «Стань колодиной!».⁸ Верховой олень стал колодиной, а сам он превратился в маленького ребенка,⁹ плачущего у подножия горы.

Пока он плакал, огромный орел, услышав плач ребенка, слетел с вершины серебряной горы и со словами: «Какой бог послал мне сына?», обрадовавшись, захватил его. Принес домой. Оставил его в гнезде, орел улетел на охоту. Без него Торганэй из костей животных сделал себе игрушки, бубен сделал.

Орлу надоело охотиться, он вдруг очень устал, вернулся в гнездо и сразу заснул. Когда он спал, Торганэй потихоньку привязал себя к ноге орла. Привязав, ударил в бубен. Орел взлетел. Когда тот долетел до вершины горы, Торганэй, [отвязавшись], упал.

Упав, Торганэй памяривался с горы вниз и услышал чей-то плач. Услыхав, подошел. Подойдя, видит — на высохшем озерке [птица] Чиркимай качает новорожденного [и поет]:

Чивер, чивер, чивер-коен!
Баю, баю, баю-коен, не плачи!

Торганэй подошел к Чиркимай и спросил ее:

— Чей это сын?

Чиркимай говорит:

— Я забавляю оставленного журавль-девицами сына.

Тогда Торганэй спросил:

— А сами журавль-девицы куда улетели?

— Журавль-девицы улетели на свою землю, сегодня в два часа прилетят.

Торганэй, вспомнив, подумал: «Да это мой сын!» — и говорит Чиркимай:

— Ты его посильнее раздразни, чтобы плакал — быстрее придут журавль-девицы.

Чиркимай довела ребенка до слез. Торганэй спрятался в чаще. Увидев, как подлетели журавль-девицы, Торганэй подошел сбоку к якишицу и спрятался. Спрятался и слушает, как поют журавль-девицы. Старшую звали Гелтынгачан Кувульгат. Старшая сестра, Гелтынгачан, говорит:

— Скорее спустимся, мой сын плачет!

Чиркимай не успела ответить. Младшая девица занела:

Тенг, тенг, генге-койон!
Не будем спускаться!

Торганэй пришел
И находитесь неблизости.

Первая, Гелтынгачан Кувульгат, спустилась на сухое озерко. Подбежала к сыну. Взяла от Чиркимай сына и собралась кормить грудью. Лишь только она начала кормить, как подбежал Торганэй. Трехпудовым топором разрубил крылья-одежду журавль-девицы. Тогда младшая сестра Гелтынгачан сказала:

— Теперь прощай! Не послушала меня, спустилась, ведь паренек не плакал по-настоящему. Теперь живи век со своим мужем (букв.: стариком)! — сказала так и улетела в сторону восхода [солнца] младшая сестра.

Вот Торганэй, вторично найдя жену, остался с ней жить. Сын их каждую ночь подрастал. Отец делал ему игрушки, сделал лучок. С помощью этого лучка мальчик не давал пролететь над собою птичке, произносящей «чи-чи-чи!», — охотником стал. На охоте он встретил разных зверей, итиц. Они спрашивают:

— Как твое имя?

А у мальчика имени нет. Никакого не назвал — нет имени. Парнишка приходит домой и говорит матери:

— Я на охоте встречал итиц, те меня спрашивали: «Как твое имя?». Потом смеялись над тем, что нет имени. Как же я должен жить без имени? Дайте мне имя! — просит парень у отца и матери.

Мать говорит своему мужу:

— Ну, дружок, дадим имя напрему сыну. Я дам сыну имя Хуругочон. Пусть будет это имя у нашего сына.

— Хорошо, — сказал он.

Мальчик, получив имя, обрадовался, взял лук и пошел на охоту. На охоте опять встретил птиц. Они спросили его:

— Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Хуругочон.

Вот Хуругочон охотится и быст зверей. Убьет десяток и весь десяток принесет домой. Однажды на охоте он увидел бурундуга. «Что за зверь?», — говоря, стал его рассматривать. Посмотрел: «Уж очень красив он», — говорит. «А ну-ка я поймаю его живым», — подумал, погнался и схватил бурундуга. Поймал,

обрадовался и побежал домой, расталкивая ельник, так что шишки падали и коряжину выворачивались. Сильным человеком стал [он]. Пробежал он тальником, прибежал домой. Спросил у отца:

— Что это за зверь? Съедобный или нет?

Отец говорит:

— Это боякий слуга.¹⁰ Его нельзя есть.

Пошел онять охотиться Хуругочон. Когда он шел, послышался вой ветра. Сквозь этот вой ветра вдруг кто-то заговорил:

— Сильный паренек, что ты ищешь? Где твоя мать? Расскажи. Если не скажешь, я тебе сверну шею (букв.: я тебя с твоим ухом возьму).

Смотрит Хуругочон — никого не видно. Он подумал: «Кто это и где говорил?». Подумал, осмотрелся — никого. Ничего не помнит. Пошел вперед. Идя, увидел следы зверей. Их кто-то уже вспугнул. Так он никого и не убил. Пришел Хуругочон домой. Придя, спросил мать:

— Когда я шел и охотился, поднялся вихрь, потом кто-то спросил: «Ты, паренек, чего ищешь? Где твоя мать?».

Мать сказала:

— Это дочь солнца Секакчан Кувульгат, вероятно.

Хуругочон спросил мать:

— А эта дочь солнца, красавица Секакчан Кувульгат, где живет? Расскажи мне. Я пойду к ней. Она меня сильно рассердила, разогнала всех зверей передо мной.

— Я тебе расскажу. Иди на юг (букв.: на полдень), к подножию горы. Когда пойдешь, увидишь серебряный дом со столбом, достигающим неба. В этом доме живет дочь солнца Секакчан-девица. Там же однорукий мата-авахи¹¹ живет, у которого еда — пол-ягоды и который ест половинкой ложки. Если ты его одолеешь, то получишь девушку в жены.

Вот поставил Хуругочон по сторонам входа в материинский дом двадцатипудовые железные балки и говорит:

— Если это железо заржавеет, считайте, что я умер.

Распрощался Хуругочон с отцом и матерью и отправился в путь. Идет он и идет, день и ночь идет. Идет, сам с собой разговаривает: «Если бы я с нижнего мира пришел, на пятках у меня были бы глины». Посмотрел он на пятки — глины нет. Говорит дальше: «Если бы я со средней земли пришел, мой старый кафтан спосился бы». Посмотрел — кафтан сношён.

Вот шел он и доехал до серебряного дома. Придя, попробовал открыть дверь — никак не открывается. Превратясь в птичку, Хуругочон сел на дерево. Смотрит — богатырь-авахи лес рубит, ставит бревна к дому. Вот открывает авахи дверь. Как только открыл, Хуругочон, превратясь в муху, влетел. Влетел и остался жить внутри дома.

16. Алтанэй

Анисья Павлова (Булда), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давно это было. Жили-три молодца — Илихагдэн, Алтанэй и Тывьенэй; это были три брата. [С ними] жила одна сестра. Жили они в одном доме. У них не было ни отца, ни матери — умерли. Вот такая была семья. Они жили охотой. Во время охоты двое из них оставались дома. Сестра их вечно скучала. Как-то вечером братья пришли с охоты и сестра говорит им:

— Братцы, скучно мне! Поймайте мне зайчонка и привезите вместо игрушки!

Утром [братья] отправились охотиться. Принесли с охоты зайчонка, дали его сестренке. Она играла с зайчонком целый день. Наступила вторая ночь. Охотники пришли домой. Тогда она говорит:

— Братья, братец! Мне с ним не справиться. Сделай для него ящик, такой, чтобы в него не проникла вода.

Брат сделал ящик и дал сестре.

— Я посажу, — сказала она, — в этот ящик зайчонка.

Братья опять ушли охотиться, опять дома остались двое. Когда они ушли, девушка побежала к реке. Река была большая. Взяла она ящик, сунула в него зайчонка и закрыла его. Принесла к реке и спустила ящик на воду со словами: «Кто хочет меня взять в жены, пусть возьмет этот ящик». [Вернулась], сидит дома. Брат ее спит против нее. Проспал весь день, не проснулся ни разу. Сколько времени спал, неизвестно.

Когда он спал, прилетела большая птица. Спустилась и села, сломав девять верхних ветвей у листенници. Села и запела. Услышав песне, девушка выскочила из дома, посмотрела. Птица, увидев ее у двери, спросила:

— Кто отправил [ящик], ты или кто другой?

— Это я отправила, — сказала девушка.

Тогда птица схватила полчуши вместе с девушкой и унесла все это на крыльях. А брат Илихагдэн во второй половине чума весь день проспал, ничего не чувствуя. Вечером пришли с охоты Алтанэй и Тывьенэй. Пришли — половины жилища нет. Только во второй половине спит Илихагдэн.

— Илихагдэн, соня, — говорит Алтанэй, входя. — Посмотри, что случилось с чумом! Ты что — не чувствуешь что ли?

Когда тот сказал, [Илихагдэн] начал ругаться. [Алтанэй] говорит тогда своему товарищу [Тывьенэю]:

— Нашу сестру унесла птица Керальто-Гаральто. Мы должны собраться в погоню. Илихагдэн же пусть спит крепким сном.

Отправились в погоню два брата, Алтанэй с Тывьенэем. Направились вниз по реке. Шли они, шли, очень долго шли. Устали

идти, присели на кочку. Сидят и видят старишку. Этот старик Танкахэйт гадает.

— Ну-ка, пойдем к нему, — говорят.

Пошли к гадальщику. Тот испугался, подпрыгнул. Сел против молодцев и спрашивает их:

— Чьи вы дети? Куда идете?

— Мы, — говорят, — идем [по следам]. Нашу сестру люди увезли. Мы гонимся [за ними]. Вот, старик, если ты знаток, то ты, вероятно, знаешь про все это. Расскажи, по какой дороге нам идти, чтобы найти ее? Объясни нам хорошецко! — говорят они.

Тот погадал, потом сказал:

— Расскажу, — говорит. — Нагоняйте по средней дороге. [Там] найдете. Когда пойдете, встретите тальники, в них будет скот, который «ш-ш» произносит. Скот как бугорки сгрудится. Тогда покажется [то, куда идете].

Пошли они. Вот уже видно [стадо]. Стадо огромное, кажется холмиками: много коров и много лошадей. Дошли до середины, [смотрят] — девушка, выскочив [из дома], стоит у двери. Выйдя зашла:

Братец Алтанэй,
Ты ли пришел?

— Я пришел, — говорит он.

— Ну, если так, соберем угощенье, разными кушаниями напормим. Входите в дом.

— О, мы не войдем, — говорят они, — пусть твой муж выйдет.

Муж ее вышел навстречу, поздоровался. Когда он здоровался, [брать] ударил его пальмой¹ на длинной палке так, что голова слетела. Убили Керальто-Гаральто. Когда они убивали, сестра была в доме. Брат Алтанэй схватил ее за руки, вывел на улицу, а брат-товарищ Тывьеңэй поймал коня.

— Давай накажем ее, — говорят.

Сестра закричала:

— Братец Тывьеңэй, я боюсь, я всегда боюсь брата Алтанэя. Братцы, не убивайте меня!

— О, пусть говорит! — сказали.

— Тывьеңэй, скорей привяжи ее за хосу к хвосту коня. Привязав, отпустим [коня]!

Конь побежал, поволок привязанную к хвосту женщину.² [Испугавшись], бросился со всех ног. Так и убили девушку.

17. Алтанэй и Тывьеңэй

Петр Михайлов (Булда), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно (букв.: в начале жизни) с низовья вдоль реки летели пестрые утки. Девушка поймала утку и начала с ней играть. Немного погодя прилетела птица. Прилетела и спустилась

неподалеку от дома. Посмотрела девушка, а птица эта Моксувул. Птица запела, девушка стала слушать. Птица пела так:

С реки, на которой ты живешь,
С низовья этой реки могут
прибыть!

Вот придет человек,
Уж очень красивый на вид;
Придет он и скажет:

«Я тебе игрушку-оленя дам!
Я тебе игрушку-зайца дам!».

Даст он и скажет:
«Иди ты со мною!
Пойдем и станемъ мою жену!
Я тебя уведу», — скажет он.

Птица, [иронев], улетела. Улетела она, пришел человек. Пришел, дал девушке зайца.

— Я тебя уведу, — сказал он. Дал игрушку и увел.

Тывьенэй охотился с Алтанэем. Охотясь, Тывьенэй убил лося. Когда он свежевал лося, послышалось чение. Алтанэй говорит Тывьенэю:

— Ты слышишь что-нибудь?

— Что мне слышать? Звук мне послышался, что кто-то, как будто глотая почку лося, «бульк» произнес.

Пошли они домой. Пришли домой — сестры нет.

— Вот, — говорит младший, — кто-то с пением направился вниз по реке.

Перепочевали Алтанэй с Тывьенэем. Алтанэй задумался. Утром Алтанэй встал, навьючил на коня седло, потом обуздал коня и сказал: «Братец, поедем». Потом запел:

Тывьенэй, Тывьенэй, Тывьенэй!
Поедем, поедем, поедем!

— Братец, братец, сплю я, — ответил Тывьенэй.

Спи, сми, коли так!
Я один, коли так,

Поеду, поеду!
Спит крепким сном!

[Тывьенэй запел]:

Подожди, подожди.
Справимся, отправимся.

Отправились, поехали они к реке и [запели]:

Утки, утки
К соседям летят!

Смотрят — дом. В доме живут старик со старухой. Остановились на почевку в их доме. Спросили их Тывьенэй с Алтанэем:

— Что вы знаете? К чему у вас способность?

— Мой талант — предсказание.

— Ну, если ты предсказатель, то ты, вероятно, знаешь, куда нам идти.

Старик со старухой знали, к кому те едут. Они рассказали о том, что знали:

— Вы направляйтесь к Кирэ-богатырю. Это он украл вашу сестру. Если у вас есть счастье, то вы, направившись, до-

беретесь до следующего соседа. Доехав, спросите человека: «Какой у тебя талант?». Он сообщит о своем таланте, скажет: «Я Мукилту-[водоглотатель]».

Как только старик рассказал, они отправились. Доехали и спросили богатыря:

- Сообщи нам о своем таланте!
- Я Мукилту-[водоглотатель].

Тывьеңәй говорит:

- Иди с нами!

Мукилту отправился. Направились они вниз по реке. Ехали, ехали, доехали до следующего соседа. Ночевали у него.

— Здесь должен был быть ведун, — говорит Алтанэй. — Старик говорил нам: «Когда доедете до следующего соседа, спросите его, каким талантом обладает»; старик говорил, что когда мы спросим, то тот ответят: «Талант у меня, Курбэлтуна, — [круглым камнем бросаться]. Я большим камнем играю».

[Встретили они Курбэлтуна]. Тывьеңәй с Алтанэем увидел этого человека. Дорогою они думали: «Ведун говорил, что впереди еще что-то будет. Будем следить».

Между тем показались большие дома. Много жилищ, там-то и [должна] находиться их сестра. Там же их зять.

Сестра вышла навстречу. Поздоровалась, обрадовалась встрече: «Мои братья приехали». На радостях наготовила разной еды для угощения. Муж, прийдя, предупредил жену:

— Ты уложи спать братьев вои в том доме, — сказал он.

Они пошли туда почевать. Когда они заснули, пришел большой человек. «Слите?», — говорит он. Когда он, войдя, сказал, Тывьеңәй и Алтанэй сразу проснулись. Алтанэй говорит старшему брату:

— Как ты думаешь, [зачем] нас замкнули? Может быть, нас убьют? Теперь ты спи чутко!

Когда они заснули, дом подожгли с четырех углов.

— Просытайся. Настало то, о чем я говорил!

Тогда Тывьеңәй крикнул:

— У кого талант есть, выходи, спускайся к нам.

Курбэлтун бросил свою глыбу. Дом сломался, и огонь сразу охватил его целиком.

— Мукилтун,² — закричали [братья], — спасай нас!

А у Мукилтуна во рту было воды с целос озерко.

— Лей! — кричат, чтобы тот загасил пожар.

Выскочили они, не умерли. Забрали сестру и все добро, весь дом. Перестреляли людей Кирэ. Самого Кирэ обратили в бегство. Сбежал Кирэ. Тывьеңәй с Алтанэем после бегства Кирэ забрали сестру и направились обратно. Домой возвращались втроем. Когда доехали, [смотрят] — на оставленном жилище выросли мох и трава.

— Сколько же лет прошло с тех пор, как мы уехали, что жилище так обветшало? — сказал Алтанэй.

Не прошло и года, как прилетела птица Моксо. Спустилась на лиственницу около двери и запела:

Тывьенэй, Алтанэй,
Остерегайтесь!
Кирэн подходит
С войском.

Если есть товарищи [для
помощи],
Тогда не будете убиты.

Сказала птица и улетела. После ее пения, спустя несколько дней, пришел [Кирэн] с криком: «Берегитесь!».

Реку, текущую вниз, [Кирэн] заставил течь вверх. Смотрят [они] — подходит двухголовый [орел] Киралту. Когда подошел, Алтанэй с Тывьенэем начали стрелять. Не убили, не попали в него. Тогда тот сказал:

— Вам все равно не убить меня!

Лишь только он сказал так, как Тывьенэй обратился к Курбэлту:

— Вступай в бой с тем, что у тебя есть.

Курбэлтун бросил свой камень — снес одно крыло. Очутившись без крыла, Киралту ослаб. Тывьенэй с Алтанэем продолжали стрелять. Уничтожили Киралту. Это конец.

(Добавка сказителя: «У эвенков, живущих здесь, богатырьми были: Тывьенэй, Алтанэй, Мукилту, Курбэлту, Кирэн, Киралту. Тывьенэй с Алтанэем были братья. Кирэн украл их сестру»).

18. Курэнгой

Александра Боярковская (Хэбгимтигу), род. в 1919 г., грамотная.
1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жила сестра с двумя братьями. Братья охотились. Сестре приносили с охоты игрушки — птичку, утку, лучок, чтобы не скучала. Сама опять уходили. Однажды после их ухода сестра говорит:

— Есть где-то далеко богатый человек [Курэнгой]. Вот этому человеку я бы написала письмо.¹

Но чтобы написать, не было бумаги. Долго она думала: «На чем бы мне лучше написать? Заставлю-ка я братьев убить зайца, высушу его шкурку и напишу на ней письмо». Вот пришли ее братья с охоты. Сестра сидит дома и плачет. Братья спросили:

— Почему ты, сестрица, плачешь?

Сестра сказала:

— Братьцы, братьцы, мои птичка и утка улетели, белка убежала. Скучно мне одной. Поймайте мне живого зайца поиграть.

Сказала она, и братья рано утром пошли искать зайца. Поймали и привесили его сестре. Через два дня братья опять пошли охотиться. После их ухода сестра убила зайца и содрала с него

шкурку. Содрала ее и высушила. На высущенной шкурке написала письмо Курэнгю: «Курэнгой, я одна. Братья охотятся. Я тебя прошу взять меня в жены. Ты убей свою жену». Написав, сделала ящик, сунула в ящик письмо. Хорошо обшила ящик [замшой] и спустила его в реку по течению. После того как она отправила письмо, вернулись братья.

— Сестричка, где твой зайчик? — спросили они.

Сестра ответила:

— Я была с зайцем около жилища. Летел орел. Он и унес. Теперь, братья, не приносите мне ничего и не убивайте [никого] для меня. Я не стану плакать и не стану скучать.

[Братья опять собрались на охоту].

— Ну, малыши, мы будем на охоте десять дней. Оставайся и будь здорова.

Ушли. Сестра осталась одна. Письмо, которое она отправила к Курэнгю, дошло через пять дней. Оно застряло в заколе и закрутилось. В то время когда оно вращалось [в заколе], на берег пришла за водою старушка, работница² Курэнгоя. Она заметила [ящик], оставила свои котлы и бросилась бегом к Курэнгю. Прибежала и говорит:

— Курэнгой, Курэнгой, в твой закол ящик пошел!

Курэнгой не поверил ее словам и отправил пять богатырей.

— Если она не соврала, возьмите [ящик], пройдите по берегу двадцать сажен и положите его. Если же старуха обманула, суньте ее в железную бочку и утопите.

Пять богатырей пришли на реку. Смотрят — ящик действительно вертится в водовороте. Вытащили ящик, положили на коврик. Положив этот ящик, сами пошли к Курэнгю. Ящик распаковали. В нем была шкурка зайца с письмом. Принеся, попробовали прочесть, но никто не умел читать. Тогда Курэнгой сказал:

— Сходите за старухой, за моей работницей. Она прочтет.

Старуха прочла. Курэнгой, прослушав ее чтение, убил свою жену.

— Убейте двадцать пять коров, двадцать пять лошадей, приготовьте угощение, — сказал Курэнгой, — пригласите ко мне в дом тридцать богатырей.

Когда позвал, пришло тридцать богатырей. Курэнгой обратился к богатырям:

— Сходите и приведите эту девушку, а братьев ее убейте. Потом приходите за мною.

Богатыри ушли к девушке. Когда они пришли, братья были дома. Они все начали угощаться вином. Братья опьянили. Старший говорит:

— Сестра, что ты делаешь? Нас собираются убить!

Сестра ответила:

— Вот тебя сейчас убьют эти богатыри, а я выйду за Курэнгоя!

Братья бросились бежать. Богатыри, перед тем как они выбежали, натянули в двери сетку. Один из братьев превратился в муху и пролетел, другой, старший, превратившийся в бабочку, застрял в сетке. Старшего брата поймали, связали и повезли к Курэнгоя. Младший, бывший мухой, превратился в яструба. Когда те ехали, он летел над ними и кричал старшему брату:

— Говорил же я тебе, говорил: «Давай скорее уйдем, пришли наши убийцы». Ты считал, что брат обманывает тебя. Вот каму чаешься, хорошо. Не слушал меня, ну и оставайся так! Но, чтобы ни случилось, ты найди меня. Ты ведь знаешь наши места, наши угодья.

Между тем [богатыри] добрались до Курэнгоя. Курэнгой встретил их. Пять богатырей выстроились около его дома. На дороге разостлали материю. По ним прошла девушка в дом Курэнгоя. Ее старшего брата убили, вырвали [у него] один глаз и зарыли в землю. Долго справлял свадьбу Курэнгой. Справил свадьбу и перекочевал на другое место. Когда они перекочевали, на старую стоянку пришел младший брат. Никого не напел. Идя по берегу реки, он увидел могилу. Когда он проходил, из могилы, из-под земли, послышался [женский] голос:

— Кто ты? Мужчина или женщина? Если ты мужчина, сходи убей лося и принеси мне его одну ногу! Во дворе Курэнгоя есть конские волосы. Ты их собери, свой веревку и принеси мне.

Человек ушел, пошел охотиться. Убил лося, принес одну ногу. Собрал конский волос, принес. Остановился около могилы. Женщина опять заговорила:

— Вотки конский волос в землю моей могилы. Я превращусь в иголку и продену [в себя] волос. Ты меня вытащи.

Опустил человек волос. Женщина превратилась в иголку и была вытащена. Иголка превратилась в человека. Это оказалась первая жена Курэнгоя. Разговорились они. Она и говорит ему:

— Ногу лося ты приложи ко мне, как мою ногу. Я пайду твоего брата. А ты не думай ни о чем иди охотиться.

После разговора с ней он отправился на охоту. А жена Курэнгоя отправилась на старую стоянку. Курэнгой давно перекочевал. Недалеко от стоянки похоронили брата этого парня. Женщина нашла могилу брата этого человека. Она собрала конский волос. Собрав, свила веревку и опустила в могилу. Человек, превратившись в иглу, вышел из могилы. Когда он выпал, женщина увидала, что у него нет одного глаза, и говорит:

— Ты подожди здесь, а я пойду поищу зверя, которого убил твой брат. Найду и принесу глаз зверя. Сделаю тебе глаз.

Сказала она и ушла. Нашла зверя, вырвала один глаз и принесла. Вставила ему глаз и говорит:

— Ну, догоняй своего брата! Он бродит по своим угодьям. Ты найдешь.

Парень отправился искать своего брата. Шел, шел, дошел до старых кострищ. Попал дальше. В кострище едва теплится огонь. Он подумал: «Ну, скоро найду». Переночевал там. Утром рано опять пошел. Идет и видит — дымок подымается. Обрадовался: «Догнал брата», — думает. Пришел наконец. Огонь горит. Брата нет. По краю костра печется мясо на вертелах. Поел он мяса. Когда посл, то пришел брат. Увидел его и заплакал.

— Я думал, что больше не увижу тебя.

Старший говорит:

— Не плачь, братишка! Мы будем ходить на охоту, найдем Курангоя, убьем его вместе с сестрой.

Они отправились и встретили богатыря. Тот подбрасывал большие камни. Они спросили:

— Кто ты? Что делаешь?

Богатырь ответил:

— Я большой богатырь. Я подбрасываю каменные глыбы, чтобы увеличить свою силу.

Братья говорят:

— Если ты богатырь, будь нам товарищем.

Богатырь ответил:

— Хорошо, я буду им. А каменные глыбы буду держать в руках.

Они отправились втроем. Шли, шли, вдруг видят на дороге лежит человек. А рядом с ним течет река. Они спросили:

— Что ты за человек? Что ты делаешь?

Человек ответил:

— Я богатырь. Я набираю в рот воду и выпускаю.

Тогда богатырь, державший каменную глыбу, сказал:

— Если ты богатырь, забери в рот всю реку.

Тот сказал:

— Что же, заберу и выпущу!

Забрал воду в рот и река сразу высохла. Выпустил, река опять появилась. Два брата и говорят:

— Будь ты нам товарищем. Забери в рот речную воду. Пойдем искать нашу сестру с мужем по имени Курангой.

— Ну, что же, — ответил он, — пойдемте!

Отправились они. Шли, шли, долго шли. Всё показался дымок чума. Рядом с чумом стоял русский дом. Они говорят:

— Сегодня вечером дойдем, когда они будут спать.

Вечером все четверо дошли до чума. Курангой хорошо встретил их, ввел в русский дом. Заставил убить десять коров, угостили вином. Они долго шли, оба брата опьянили. И один богатырь, с каменной глыбой в руке, тоже опьянел. Другой богатырь не ел, не пил, не угощался вином. Курангой спросил:

— Почему ты не хочешь есть?

Богатырь только рукой махнул. Курангой разговаривал, потом сказал:

— Вы оставайтесь, ешьте, пейте, а я пойду спать в чум.

Вышел и замкнул русский дом на замок. Люди продолжали пьялить в доме, ничего не подозревая. Только один богатырь был трезв, тот, что воду во рту держал. Вдруг почему-то в доме показался дым. Этот богатырь заметил и показал [на дым] рукой:

— Почему дом дымится?

Два брата взглянули в окно. Дом дымится. Оба брата бросились бежать. Богатырь, державший во рту воду, выпустил ее и погасил пожар. Второй богатырь глыбой открыл дверь. Выйдя, они погнались за Курэнгоем. Догнали. Догнав, [убили и] зарыли в землю обоих, Курэнгоя с женой.

Зарыв, стали вместе жить и охотиться.

19. Мокогдыр и Сигундар¹

Анисья Павлова (Булда), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Ехали верхом трое юношей. Начали они петь Мокогдыру:

Мокогдыр, Мокогдыр!
Поедем-ка мы
К дочери Сигундара!

Говорят [оны]: «Ну, скоро ли соберешься?». — «Вот поеду», — говорит Мокогдыр [и запел]:

Товарищи, друзья!
Товарищи, друзья!
Подождите, подождите!

Моего верхового [оленя]
Среди сотни оленей
Арканом не поймать!

— Багдакэ, багдакэ,² — отвечают ему эти люди.
Поехали на оленях арканить. Мокогдыр поймал одного верхового [оленя].

— Ну, скорее едем к дочери Сигундара!

Поехал Мокогдыр на верховом олене.

— На этом не езди, — говорят [юноши].

Его верховой олень одичал. Вот надо пересезжать через реку.

— Сейчас здесь не пересажайте, — говорит Мокогдыр. — Вначале жертву принесите, — говорит он.

— Ха! Ха! Ха! — засмеялись они. — Ты сам принеси жертву, мы не станем.

Мокогдыр сам принес жертву. Ехал он позади них и повесил лоскуток на берегу реки. Переохали они через реку. Поехали дальше. Опять запел Мокогдыр:

Товарищи, друзья!
Осторожнее, осторожнее
Двигайтесь [вперед]!

Тихонъко, тихонъко —
К реке подъезжаем!
Сейчас, сейчас!

— К какой реке мы подъезжаем? — [спрашивают они].
Он говорит:

Вода этой реки — кровь человеческая, вероятно!
Берега ее — спина человеческая, вероятно!
Кочки на берегу — головы человеческие, вероятно!
Галетник — губы человеческие, вероятно!

— Ну, вот и подъезжаем, — говорит Мокогдыр.
Посхали толпой. Доехали до широкой реки. Когда доехали,
Мокогдыр запел:

Друзья, товарищи,
Остерегайтесь
Этой реки!

•

Вот, переезжая через реку, говорят они:

— Жертву принесем сейчас же.

— Сейчас не переезжайте! — говорит Мокогдыр.

— Ну вот еще, будем ждать тебя! — сказали они.

И три парня поспешили к дочери Сигундара. Мокогдыр повторил:

— Остерегайтесь реки!

— Ну, мы-то переседем! — говорят.

— Ну, поезжайте, — сказал Мокогдыр, — а я посмотрю, как вы, молодцы, перееедете.

Спустились парни к броду. Пробуют, пробуют и не могут переехать. Опять едут, подъезжают к другому берегу, подымаются на берег. Подымутся до половины и падают обратно [в реку]. Плынут по воде на верховых оленях со всем добром. Мокогдыр беспокоится:

— Я остался на этом берегу, пу попробую [и я] как-нибудь переехать.

[Стал заклипать]:

На копытах
Верхового олена

Шилья появитесь!
Появитесь! Появитесь!

На тот берег он переплыл. Переbralся и поднялся на берег. Поднялся хорошо. Теперь направился к дочери Сигундара. Едет и смотрит вокруг. Вот стоит серебряный домишко. Поехал он туда. Доехал, привязал своего верхового [оленя] и вошел. Сидит там одна женщина.

— Ты что за женщина? — спрашивает он.

— Я дочь Сигундара, — отвечает эта женщина.

— Я приехал к дочери Сигундара, — говорит человек.

— А зачем ты приехал к дочери Сигундара? — спрашивает она.

— Жениться, — говорит [он].

Они сидели вдвоем в доме, разговаривая.

— Ну, надо спать, — говорит Мокогдыр.

Легли спать. Настала полночь. Вдруг кто-то громко запел.
Мокогдыр говорит:

— Друг, кто это поет?

— Ничего, это домовой. Обними меня хорошенько, — говорит эта девушка.

А дочь Сигундара приехала на коне и поет снаружи:

Тонгкоддин, служанка моя,
Открой же дверь!
Серебряный дверной столб

Только не сломай!
Мокогдыра, моего супруга,
Ты не отнимешь, — говорит.

— Мокогдыра, мужа твоего, я выпущу из рук, — говорит [Тонгкоддин].

— Кто это? — спрашивает Мокогдыр.

— Домовой, — отвечает девица.

А дочь Сигундара продолжает петь снаружи:

На молодых зверей
Луки настороживая,
Я поздно вернулась.

Тонгкоддин, служанка моя,
Открой, открой! — говорит.

Наконец, она рассердилаась.

— Серебряный дверной столб сломаю! Откроешь ли ты мне дверь? По-видимому, ты что-нибудь задумала! Ну, берегись же! Вот сейчас сломаю, — кричит дочь Сигундара.

Ударила и сломала [столб]. Со звоном упал серебряный столб. Тонгкоддин-служанка отскочила к двери. У двери лежала кочерга. Дочь Сигундара наступила на нее и сломала. Дочь Сигундара прижала служанку, вырвала у той ногу и отбросила ее.

— Мокогдыр, — сказала она, — что ты сделал?

Тот ответил:

— Я пришел к дочери Сигундара.

— Зачем?

— Жениться.

— Почему же ты запачкался о мою служанку? Иди скорее на реку, — говорит она, — пролежи три дня в воде.

Мокогдыр пошел, три дня пролежал в воде, тогда опять пришел к ней.

— Ну, если ты должен жениться на мне, сходи-ка за моими щенятами. У меня два щенка недалеко от дороги.

Мокогдыр пошел за ними. Идет по дороге и видит — два медведя. Два огромных медведя. Поймал он их за уши и повел. Держа за уши, прибежал к ней.

— Вот я привел твоих щенков, — говорит Мокогдыр.

— Ну, пусть будет так, — говорит дочь Сигундара, — сходи приведи двух бычков, — говорит она. — Когда пойдешь по краю той дороги, увидишь двух бычков, приведи их.

Пошел за ними Мокогдыр. Идет и видит двух огромных лосей с широкими рогами. Человек подбежал, уцепился за их рога. Вот бежит он по берегу. Довел-таки их Мокогдыр до дома.

— Ну, я привел твоих бычков, — говорит он.

Тогда дочь Сигундара сказала:

— Ну, я выйду за тебя замуж, раз ты силен. Но уж если ты должен на мне жениться, — говорит, — поди поохоться, чтобы я узнала твою силу.

Так она и не дает лечь спать Мокогдыру.

Пошел охотиться Мокогдыр, но не нашел зверя. Не напел, заплакал, сел на колодину³ и задумался. Вернулся домой, пришел к невесте. Она спросила:

— Ну как, Мокогдыр, убил зверя?

— Нет, — говорит.

— Мокогдыр, а почему у тебя распухли глаза? Иди еще поохоться.

Ну, пошел он [опять] охотиться. Не смог найти зверя. Совсем нет зверя. Устал он. Опять сел на колодину. Сидит, думает и поет:

Место, где мой чум был, землею
стало.

Сумы-торсуки мои почками стали.
Недоуздки мои тальником стали.

Олени мои дикими стали.

Подпруги мои марниковым

Кумаланы⁴ мои мхом стали.

березияком стали.

Тэниты⁵ мои мхом стали.

Говорит он и плачет, все еще сидя на колодине. Опять он вернулся домой. Женщина спросила:

— Мокогдыр, ты убил зверя?

— Нет, — говорит.

— А почему у тебя опухли глаза?

— Кустарники и тальники поцарапали, — говорит Мокогдыр.

Женщина, варя саламат,⁶ поет:

Кустарники, тальники,
Идите есть саламат!

Кустарники и тальники пришли. Дочь Сигундара спросила:

— Кустарники и тальники, зачем вы поцарапали Мокогдыра?

— Мы не царапали, — говорят они.

Дочь Сигундара побила кустарники и тальники.

— Мокогдыр сам плакал, сидя на колодине и жалея свои сумы-торсуки.

— Ты что же обманул? — говорит она.

Тогда Мокогдыр сказал:

— [Я скучал]. У меня был дом, там были у меня олени.

— Сколько оленей у тебя было? — спросила дочь Сигундара.

— Я имел сотню оленей, — говорит Мокогдыр.

— А ну, пойдем к ним, посмотрим, — сказала дочь Сигундара.

Отправились они. Направившись, дошли до матов.⁷ Мокогдыр вошел в чум матов. Жена осталась спаужи. У сватов был медвежий праздник, они устроили сэвэн.⁸

— Садись, Мокогдыр, угостись сэвэном.

Мокогдыр позвал жену, крикнул:

— Женщина, женщина, будешь угощаться сэвэном?

Тишина, [никакого ответа].

— Куда это ушла женщина?⁹ — говорят они.

— Пойду-ка за женою, — сказал он и вышел.

Жены нет — [она] ушла. Дочь Сигундара вот такая была: она ударила трижды по земле и разбила ее. Появились три птицы и улетели. Сама будучи божественной, она тоже улетела. Прежде она была божеством⁹ и не ела мяса медведя. И сейчас улетела вверх на небо, чтобы не есть сэвана.

20. Сирбут-Сирбунэй

Александра Боярковская (Хэбгимпту), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жили брат и сестра. Отец и мать их умерли. Жили они, проживали. Когда Сирбут-Сирбунэй стал подрастать, сестра сделала ему из тальника лучок. Сирбут-Сирбунэй стал охотиться с этим лучком. Первый раз выйдя на охоту, убил рябчика. Убил, прибежал к сестре и говорит:

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Глаза спереди и сзади красные. Шуршит при вспаривании.

Сестра говорит:

— Братец, братец, эта птица называется рябчик. Ее едят. Начал он бить их и вязить на вешалах.

Опять пошел на охоту Сирбут-Сирбунэй, пошел бить зверя. Убил тетерева. Опять пришел к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Сам черный, шейка длинная, шум сильный. По краям глаза красные. Клювом «так-так» делает икусает.

Сестра сказала:

— Братец, братец, это тетерев-глухарь. Ты добывай его.

Сирбут-Сирбунэй принес [тетерева] и повесил на вешала. На другой день опять пошел на охоту, шел по марнику.¹ Когда он шел, выскоцила кабарга. Выстрелил он в нее и сразу убил. Побежал к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? На макушке головы у него выросли две листвоподицы. На заду у него белое пятно, ноги длинные.

Сестра сказала:

— Братец, братец, этот зверь называется кабаргой.

Принес он кабаргу и повесил на вешала. На другой день опять отправился на охоту, пришел на озеро. Когда он сидел на озере, прилетели два гуся и стали играть на озере. Сирбут-Сирбунэй начал на них охотиться, выстрелил. Один гусь поймал стрелу. Поймал и нырнул в воду. Выстрелил он в другого гуся. И другой, поймав вторую стрелу, нырнул в воду. Нырнули гуси и вынырнули из воды. Сирбут-Сирбунэй остался без стрел. Заплакал он.

— Отдайте мне стрелы!

Гуси говорят:

— Если догонишь нас, отдадим стрелы обратно.

Сказали, засмеялись и улетели. Сирбут-Сирбунэй расплакался. Прибежал к сестре, вырвал маленькую лиственницу и говорит:

— Сестричка, сестричка, я тебя сейчас побью. Ты меня направила на озеро и из-за тебя я потерял стрелы. Вот я побью тебя сейчас!

Сестра говорит:

— Братец, братец, не плачь, я тебе сделаю другие стрелы. Когда я тебе сделаю стрелы, ты отправляйся в далекие страны. Догонишь гусей, унесших твои стрелы. Теперь ты не охотися. Я тебе покажу куда идти: отсюда на девятой горке есть конь по имени Чоколдой. Этого коня никто никогда не ловил. Всякого, кто пытается поймать, конь съедает. Если ты ловок, иди!

Сирбут-Сирбунэй отправился. Расстался с сестрой со слезами:

— Вернусь я или нет?

— Если ты не вернешься, как я буду одна жить? — плача, сказала сестра.

Пошел он. Шел, шел, показалась гора. Подошел он. Это были кости людей. Прошел он восемь горок. Всё кости людей, остатки еды коня. Шел, шел, дошел до девятой горки. Смотрит — на вершине горки стоит конь-конище. Весь разукрашен, сам рыжий. Похрустывает костями. Сирбут-Сирбунэя услышал издалека, поднял уши. Сирбут-Сирбунэй испугался и говорит:

— Как я подойду к нему?

Сказал так и превратился в мышь. Влез под кости. Полз, полз и все слушал, где жует кости конь. Подумал он: «За что бы мне лучше ухватиться?». Подумав, прыгнул ему на шею, зацепился. Лишь только он зацепился, как конь пнул ногой свою горку — рассыпались по сторонам кости. Конь начал кататься на спине, но Сирбут-Сирбунэю ничего не сделалось. Покатавшись, конь побежал к скале. Добежал до скалы и опять начал кататься. Сирбут-Сирбунэй не упал, ничего ему не сделалось. Скатившись со скалы, [конь] поплыл по воде. Выскочил из воды, но Сирбут-Сирбунэй не упал. Тогда конь сказал:

— Сколько лет я живу и никакой человек меня не поймал. Кто ты? Стань человеком и садись ко мне на спину. Поедем вперед. Ты будешь моим хозяином, будешь мною владеть. На том месте, где ты жил, осталась сестра. Она плачет и думает, что ты

умер. Да и ты вспоминаешь свою сестру. Около малу² в доме, в котором живет твоя сестра, есть два столба, украшенные золотом. Эти столбы стоят на куске ткани. Под этой тканью находится золотой конь. Этот конь принадлежал твоим отцу и матери. Увидев этого коня, ты пожелаешь его и бросишь меня. Когда заплачешь, сбрось одну слезу на правый столб, вторую — на левый. Тогда ткань сама подымется, и конь встанет. Тогда ты бери [из нас того], кого хочешь.

Сказал так Чоколдой-конь и побежал. Бежал так, что только деревья мелькали, очень быстро бежал. Доехал [Сирбут] до дома, сестра встретила его и заплакала. Сирбут-Сирбунэй тоже заплакал. Заплакал, уронил слезу на столб, как говорил Чоколдой-конь. Лишь только он уронил слезу, как ткань поднялась. Ткань поднялась, и вышел золотой конь. Лишь только вышел конь, как Сирбут-Сирбунэй вскочил на него. Чоколдой-конь стоит и говорит:

— Я тебе говорил, что около твоего дома есть конь лучше меня. Какого же коня ты станешь владельцем?

— Я буду хозяином двух коней.

Переночевали они. Наутро Чоколдой-конь говорит:

— Я знаю, зачем ты поймал меня. Ты потерял две стрелы. Твои две стрелы находятся у двух гусей. Ты собираешься гнаться за стрелами. Я знаю, кто взял твои стрелы: это не гуси, это две дочери Сигундара. Дойдя до них, ты обеих возьмешь в жены.³

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, поедем, я обоих [коней] возьму. Когда устанете, я буду менять вас.

Отправились они. Чоколдой-конь все быстрее и быстрее бежал. Золотой конь отставал. Сирбут-Сирбунэй поджидал. Ждал, ждал, а тот, поблескивая, тихо шел. Когда тот подходил, опять быстрее бежали, но золотой конь опять отставал. Стали они ждать, долго ждали. Золотой конь пришел, догнал их. Сирбут-Сирбунэй рассердился и говорит ему:

— Почему ты отстаешь? Вот я тебя убью!

Чоколдой-конь говорит:

— Не убивай, садись на него, а я пойду тихонько позади.

Сирбут-Сирбунэй сел на золотого коня. Ехал он, ехал. Очень медлительный был конь. Так дошли до реки. Река большущая, вода в ней красная. Начали пересаживать эту реку. Золотой конь побежал. Не смог он переехать, затонул на середине реки. Чоколдой-конь на бегу шнул ногою [золотого] коня с человеком. Переbrавшись, поехали дальше. Сирбут-Сирбунэй сел на Чоколдоя-коня. Оставил он золотого коня. Ехали, ехали, показались коряжины. Подъехали, оказывается — это лошади и коровы. Проехали мимо. Опять показались бугорки. Они оказались людьми. Проехали и их, опять показались кочки. Кочки оказались головами людей.

Тогда подумал Сирбут-Сирбунэй: «Я доехал до Сигундара. Возьму свои стрелы». Смотрит — поблескивает золото. Это дом Сигундара. Подъехал. Снаружи стоит золотая коновязь. Привязал коня к коновязи, вошел в дом. Сигундар сидит на золотом кресле за золотым столом. Весь дом окрашен золотом. Увидев Сирбут-Сирбунэя, [Сигундар] сказал:

— Остановись у двери! Откуда ты, человек?

— Я Сирбут-Сирбунэй. Гонюсь за двумя своими стрелами. Твои дочери унесли две [мои] стрелы.

Сигундар говорит:

— Если догонишь моих дочерей, я тебе обеих отдам в жены. Подожди немнога, я сейчас приду. Пойду сказать, чтобы тебе дали хорошие одежды.

Он ушел, пришли два человека и принесли нарядные одежды, все вышитые золотом. [Когда Сирбут-Сирбунэй] нарядился в одежду, начали готовиться к свадьбе. Сигундар сказал работникам:

— Забейте сто коров и сто двадцать лошадей.

Их всех заставил приготовить разные хорошие кушанья. Затем велел привести дочерей. Они пришли со звопом: одежды их, светящиеся на солнце, колокольчиками звенят. Они держат две стрелы. Сирбут-Сирбунэй усадили между ними. Сирбут-Сирбунэй опьянел; опьянев, встал и упал, разбив стенку. Пробует садиться — ломает скамью. Опирается на стол — ломает стол. Сигундар говорит:

— Сведите его спать в двенадцатый дом.

Девушки увели. Уложили его между собою. Когда [все] уснули, Сигундар пришел в их дом, чтобы выстрелить из лука. Нацелился в лоб Сирбут-Сирбунэя. Тот проснулся, смотрит — Сигундар собирается убить его. Он превратился в муху и вылетел через окно. Став мухой, он летал па улице и в доме:

— Сигундар, — говорит, — тебе меня не убить.

Садится [муха] на стол, па тарелку. Тогда Сигундар сказал:

— Ты меня не раздражай! Помирисся! Стань человечком и садись за стол!

Сирбут-Сирбунэй превратился в человека. Сел за стол, начал пить вино и охмелел. Охмелев, начал все ломать. Тогда Сигундар пригласил двадцать богатырей. Они схватили Сирбут-Сирбунэя и связали. Сунули в железную бочку и пустили в реку. Долго он плыл, затем заржал Чоколдой-конь. Сорвавшись с коновязи, он по берегу направился искать Сирбут-Сирбунэя. Смотрит — плывет железная бочка. Увидев, пнул ее ногою так, что она оказалась на другом берегу и раскололась. Сирбут-Сирбунэй вышел, сел на Чоколдоя-коня. Отправился опять к Сигундару. Доехал до его дома, привязал коня к другой коновязи, сам превратился в муху. В щель окна жилища девиц влетел. Украл стрелы и вылетел. Полетел к Сигундару и говорит:

— Если ты действительно силен, одолей меня. Пойдем, побьемся!

Сигундар сказал:

— Хорошо, по ты будешь один, а нас будет трое.

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, буду биться с тремя. Вам ведь меня не одолеть!

Сигундар сказал:

— Нет, тебе не одолеть! У меня есть девятиголовый змей
И того ты не одолеешь!

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, пойдем, побьемся, посмотрим, кто кого одолеет. Тогда и узнаем.

Пошли биться на гладком месте. Бились три года. Сирбут-Сирбунэй всех одолел. После того как он победил, пришел девятиголовый змей. Шесть лет он бился со змеем, снес восемь голов и все еще стрелял в него. Когда он собирался снести девятую голову, пришел парень и говорит:

— Я твой сын! Я пришел сказать: стреляй в среднюю голову, тогда ты убьешь этого змея.

Как только он сказал это, Сирбут-Сирбунэй выстрелил в эту голову, убил. Одолел змея. Сел и спросил:

— Каким образом ты приходишь мне сыном? Ведь у меня нет жены.

Мальчик сказал:

— Я расскажу все. Меня мать послала к тебе рассказать. Ты одолел Сигундара. На дочерях его женился. Одна из них — моя мать. Мне девять лет. Когда мать мне рассказала, я нашел тебя.

Сирбут-Сирбунэй усадил сына на коня. Они отправились в места Сигундара. Доехали. Там хорошо жили.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.

1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко¹ начал враждовать и затеял войну. [Он] рассорился с Нюрумнялями.² Поссорились они из-за лосей. Люди рода Нюрумняя приметили следы лосей, [Ховоко же их убил]. Рассорившись, Нюрумняли пошли, чтобы встретить Ховоко. Народу [на стоянке] было много. [Нюрумняли] окружили чум с людьми. Ховоко, когда еще все люди были в чуме, [успел] убежать — пролез под снегом;³ пролез он вместе с младшими братьями. Младших братьев семь, он [был] восьмым. За людьми, за [родственниками Ховоко], тогда же устроили погоню. Гнались за одним бой-

цом, за сонингом⁴ Лонгко. Стариака Нюрумния толкнул Лонгко, привязывавшего лыжи. Одну лыжину тот успел привязать [к ноге], а другую [Нюрумния] толкнул. Не успел он привязать, как подошли люди [Нюрумняли]. Не смог он привязать, опоздал. Побежал по следам [к братьям]. Люди [Нюрумняли] погнались по этим следам за Лонгко, чтобы нагнать (букв.: прихватить).

Жена Лонгко, по имени Деко, была шаманкой. Нюрумняли убили Лонгко. Пришли к его жене. Начали разговаривать Нюрумняли. Но увидели Деко, сидящую на колоде, только одни шаманы. Смотрят — Деко превратилась в шаманского духа. На том месте, где она сидела, ползает паук. Нюрумняли так и не нашли никого. Паук был только до тех пор, пока они не ушли.

Нюрумняли отправились по домам. После их ухода Деко опять превратилась в звенкийку. Пока она была пауком, она насыщала болезни (букв.: ела души)⁵ на Нюрумнялей. Деко сказала дочери:

— Принеси-ка бересту для подстилки!⁶

На бересте она начала оцишивать, [подобно дичи], души Нюрумнялей. Говорит дочери:

— Принеси-ка нож!

На подстилке начала рубить души Нюрумнялей на мелкие куски. Когда рубила, окровавила подстилку. Тогда Деко сказала дочери: «Разрезала». Ночью во сне вместе с духами-помощниками ела их души. В то время умерло много Нюрумнялей потому, что она их резала на мелкие части. [Ушедшие Нюрумняли] об умерших не знали.

Когда [Нюрумняли] погнались за Лонгко, Ховоко выскочил из-под снега и сбежал, испугавшись, к Пачаки, чтобы не быть убитым. Ховоко сказал своей жене, чтобы она сообщила Нюрумнялям, что он сбежал к Пачаки. Ховоко сказал:

— Иди и жди меня у Пачаки! [Враги же] пусть приходят туда.

Ховоко добрался до Пачаки. Пачаки — стрелок-сонинг,⁷ настоящая гроза людей. Ховоко два года учился стрельбе у Пачаки. Ховоко платил Пачаки: они [и их люди] обменивали друг у друга девушек и женились [на них]. Это называлось тамаан.⁸ Таким образом, платя, они жили дружно, нессорились. Перестали друг с другом воевать.

Так вот Пачаки учил Ховоко два года. Была у них одна игра: [они] перепрыгивали через дерево-бадяка (букв.: раскоряка), держась прямо и не шевелясь. На том месте был большой луг на несколько километров. По этому лугу Пачаки и Ховоко вели на поводу воженку. Воженку отпускали, она бежала к стойбищу, [а они] руками пытались удержать ее. Пачаки погнался за воженкой, схватил за ногу бегущую по лугу. Схватив, Пачаки повел ее. Передал ее Ховоко и говорит:

— Ну, теперь ты поймай воженку за ногу!

Ховоко отпустил важенку, чтобы убежала. Сам погнался [за ней]. Гнал оленя дольше, чем Пачаки. Только тогда схватил за ногу.

Пачаки учил и братьев Ховоко. Два года обучал [их] уверты-
ванию от стрел.⁹ В конце второго года Пачаки сказал:

— Теперь кончим обучение! Научились вы! Стрелы не должны губить вас.

Ховоко сказал Пачаки:

— Завтра [я] собираюсь идти к своим врагам, к Нюрумнялям. Пачаки сказал:

— Не пойти ли и мне бить Нюрумнялей?

Ховоко заметил:

— Остерегайся, народ многочисленный, говорят — их так много, что за один год не перебить (букв.: им не кончиться).

Ховоко не захотел вести Пачаки, пожалел, [боясь], чтобы не убили [того]. Сказал [ему]:

— Остерегайся! [Ты уже] навоевался, не враждуй!

На утро Ховоко с младшими родственниками ушел, пошел бить Нюрумнялей. Долго шел. Он знал их места. Там встретил шамана. Бедный старикашка этот шаман — только один сын был у него. Сын его тоже сонинг — мастер увертываться от стрел. Этот старикашка был чужой, не из рода Нюрумия.¹⁰ А чужеродца Ховоко не убьет, убивает только врагов.¹¹ Ховоко попросил старика пошаманить для него и узнать, как избавиться от [нанаде-
ний] Нюрумнялей. Жил там один Нюрумия — старик, свойствен-
ник Ховоко.¹² Ховоко узнал в нем своего врага — Нюрумню.

Старуха, [бывшая в чуме], сказала этому Нюрумне:

— Чего сидишь? Жена рожает!

Нюрумия выскоцил вон и побежал к своим. Ховоко даже под-
скочил, услышав слова старухи. [Он понял, что] она дала знать Нюрумне. [Ховоко] побежал, чтобы тот не успел добраться до своих. Погнался, чтобы тот не успел [им] сообщить [о Ховоко]. Сын этого старика-шамана пошел сопровождать Ховоко. Шаман пошаманил для Ховоко. Ховоко погнался за Нюрумней. Сын ста-
рика бежит, бежит, но отстает от Ховоко. Наконец, бегом нагоняет [Ховоко]. Там в низине [они] нагнали Нюрумнию. Ховоко говорит спутнику:

— Ты встань здесь! Я один подойду, а ты будь позади меня (букв.: на моих следах).

Потом оставил спутника. [Ховоко] ушел с мечом. Ударил ме-
чом в стоящего [Нюрумнию]. Ховоко, убив его, вернулся к ста-
рику. Возвращаясь, они увидели лося. Ховоко приказал своему спутнику:

— Иди, убей лося!

Товарищ подкрался и убил. Потом пришли домой. Заставили шаманиТЬ старику. Шаман, камлая, сказал:

— [Ты в походах] встретишь один чум-семью.

Он предсказывал [с помощью] бугорков [на обечайке бубна].¹³ Ховоко пошел к Нюрумнялям, убивать [их]. Шаман сказал:

— Одну семью перебьешь. Расскажу так, как [мой дух] говорит.

Потом шаман обратился к своему духу-помощнику:

— Сосчитай людей на стойбище.

[Духи] сказали, что народу много. Шаман, [шамана], ходит, с духами-помощниками разговаривает. Потом шаман, проходя по [воображаемому] стойбищу, сказал при помощи духов:

— Много чумов я прошел. У Нюрумнялей будет один чум Кордаку. Там, на этом стойбище, ты будешь убит одним младшим родственником.

Духи — помощники шамана кончили [свое хождение]. Шаман сказал:

— Иди теперь сам!

Ховоко пошел. Начал искать Нюрумнялей, нашел один чум. У Нюрумнялей [один из] сонинтов был по имени Оптокон. Сонинг Оптокон по силе почти равен Ховоко. Ховоко знал Опточона. Узнал [и] его оленей. Говорит Ховоко братьям:

— Это олени Опточона, убейте теленка для еды, для шашлыка.

Они выстрелили в бычка и убили. Бычок, захрапев, побежал и увел с собою оленей. Олени побежали домой, к чуму Опточона. Ховоко, [находясь] между оленями, навьючил [одного] оленя. Побежал к чуму Опточона, олени тоже побежали. Опточон увидел Ховоко среди оленей, узнал Ховоко и говорит:

— Ховоко, что ты делаешь? Стой!

Ховоко сказал:

— Я-то?

Остановились [оба]. Начали задевать друг друга, собираясь стрелять друг в друга. Опточон сказал:

— На площадке для стрельбы вставай, равный мне!

У них существовала игра стрелами.¹⁴ Вначале обменивались стрелами. Ховоко бросил свою стрелу Опточону, Опточон бросил свою стрелу Ховоко. Они обменивались стрелами, вызывая друг в друге злость, чтобы не примириться. Ховоко вернулся к младшим братьям, жарящим на рожне мясо бычка. Говорит:

— Я нашел Опточона, вызвал его на бой (букв.: дал ему знать). Будем есть сушеное мясо, данное его женой (букв.: женами).¹⁵

Опточон убежал к своим. Ховоко сказал жене Опточона, чтобы положила в карман немногого сушеного мяса. Потом Ховоко погнался за Опточоном. Нагнал, когда тот подходил к сородичам. Опточон вызывал лодку, чтобы переехать через реку. Ховоко услыхал [его], услыхал [и] крик старух. Старухи на том берегу говорят:

— На чем переехал? Вероятно, это пришел Ховоко.

Опточон пересхал к своим и говорит:

— Ховоко к нам пришел. Остерегайтесь! — Потом добавил: — Поварите [слегка] гусей и обжарьте на рожнах, чтобы оттянуть перестрелку.

Ховоко подслушал [разговор] людей. Пошел вместе с братьями осторожно через реку, остерегаясь Олтокона.

Начался дождь. [Люди] вошли в чум есть гусей. Ховоко бросился бежать под дождем, открыл луком тиску¹⁶ шалаша сторожа,¹⁷ изломал его и убежал. Сторож не успел и разглядеть [Ховоко]. [Ховоко с братьями] бросились бежать, чтобы убить людей, бывших в чуме. Откнув [Ховоко покров чума] — Олтокон стоит и ест крыло гуся. Ховоко пустил стрелу в кадык Олточона. Олтокон, откусив от крыльышка гуся, умер. Тогда начали бить людей, рубить их в чуме. Ховоко перебил всю родню Олточона.

Потом опять ушел, пошел искать других [Нюрумнялей]. В пути он начал пить воду и услышал эхо. Это пели и плясали женщины. Услышал он в воде [звуки] и говорит брату:

— Слушай-ка!

Младший брат послушал и говорит:

— Действительно, вот и они их видны, — младший брат Ховоко сказал. — Ты прав; стойбище большое.

Ховоко подкрался к поющим женщинам на расстояние выстрела и стал высматривать. Ночью пошел посмотреть на их сонника. Увидел сонника в белом кафтане. Ховоко вернулся к братьям и говорит:

— Я видел молодого сонника. В красивом белом кафтане их сонник.

Ховоко побежал к чумам, к спящим. Один из Нюрумнялей вылез через дымовое отверстие.¹⁸ Из дымового отверстия спрыгнул подальше от Ховоко к человеку в белом кафтане. Ховоко сказал:

— С чего это он побледнел?

Ночью Ховоко погнался за парнем. Гнался всю ночь. Уже задохся Ховоко. Оба [они] задохлись. Добрались до упавшего дерева. Ховоко задохся попозже того; он был немного сильнее и пришел в себя от одышки раньше. Говорит:

— Э-э! Что случилось? Я еще силен!

Пошел большим шагом, по следу Нюрумни пошел. И нашел его без сознания — [тот от бега] задохся. Голова его слегка шевелится. Ховоко ткнул ножом его в затылок и тут же добил. В это время брат [Ховоко], прятясь за кастрированного оленя, подкрался к Нюрумни. Нюрумни выстрелил поверх оленя в подкрадывающегося, убил его брата. [Ховоко] пошел к своим братьям. Пришел. Увидя Ховоко, один из братьев сказал:

— Нашего брата победили.

Ховоко побежал к Нюрумнялям. Нюрумни сказал Ховоко:

— Я отомстил (букв.: рапу прорезал). Поступай как запасен!

Ховоко ударил Нюрумню. Тогда Ховоко сказал:

— Ну, теперь мы квиты! ¹⁹

Договорились возвратиться и перестать убивать Нюрумнялей. [Ховоко] предложил унести мертвого брата в горы, чтобы Нюрумняли не издевались над ним.

После этого Ховоко еще долго жил у себя дома. Состарился. Когда он уже состарился, Нюрумняли встретили Ховоко, нашли [его следы] в тайге. Он гнался за лосем. Нюрумняли погнались, спросили [о Ховоко]:

— Далеко он?

— Далеко.

Погнались по его следам. Ховоко убил лося, здесь его и догнали. Он свежевал лося. Подбежали к Ховоко сзади и стрелы прижали [к луку]. Ховоко не смог вытащить свою стрелу, убежал на лыжах. Они погнались. Когда они гнались, лыжа Ховоко застряла между ветвями дерева. Ховоко упал. Тут-то Нюрумняли и выстрелили в него. Ховоко сказал:

— Эх, пришли вы к старику, к седому! Что же вы делаете? Нет у меня силы.

Они убили Ховоко и говорят:

— Сварите его мясо в котле.²⁰

А мясо оказалось тощим. Начали искать костный мозг, а мозг уже стал жидким. Навар пекирный — одна жидккая вода.

— Как он по земле ходил, такой тощий?²¹

(Рассказчик три раза похлопал в ладоши, говоря: «Кончились. Я кончил»).

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

Павел-Калтан Кувачонок (Чапагир), род. в 1780 г., неграмотный.

1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Оптокон был сонингом¹ у Куркогиров. Пачаки был [из рода] Момо. Оптокон [и] Пачаки разбили Кордуялей. Люди Пачаки голодали. Не было у них мяса. Они убивали оленей Кордуялей [и] ели. Потом стали искать других [эвенков] — Хорболей. У тех перебили олешей — молодняк.

* * *

У Момолей сонингом был Ульбимчо. Он тоже воевал с Кордуялями, чтобы съесть их оленей [во время голода]. В боях убивали мухчиши, забивали оленей; а женщины забирали себе.

3. Олени

Семен Куркогирский (Момо), род. в 1894 г., неграмотный.
1960 г., пос. Куюмба, Байкитский район, Эвенкийский национальный
округ, Красноярский край.

Когда жил Пачаки и после него оленей здесь еще не было. Во время межродовых столкновений оленей еще не знали, не знали и русских. Оленными [эвенки] стали после Пачаки, после прихода русских. Вначале оленными, вероятно, стали живущие на Оскобе. Прежде на Катонге жили ганальчи.¹ Иногда они воевали между собою из-за оленей. Безолепные люди убивали [чужих] оленей [для еды].

Некоторые Момол прежде были [из рода] Кимол. Кимол ушли далеко за Енисей.

4. Ховоко

Кокотой Шюникагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко был сопингом¹ у ганальчей.² Вот он пошел мстить (букв.: охотиться) за родню. Шаман ему паманил.³ Шаман сказал:

— Ты встретишь двух человек в одном чуме.

Потом обратился к человеку, сидящему подальше:

— [Враг] вырвется и ты не сможешь его убить. Будешь гнаться за ним до стойбища, состоящего из десяти чумов. Когда дойдешь до десяти чумов и посмотришь на тот берег реки, пойдет маленькая тучка и начнется дождь. Тогда бросишься бежать за ним и убьешь. Тебя же убьет третий свойственник.

Ховоко убил всех, но двух парней не заметил, дал [им] убежать. По следам на траве в дождь погнался. Наконец догнал их [Ховоко]. Оба эти парня повернулись лицом к Ховоко. Он пустил в них раздвоенную стрелу, когда они перенрыгивали через речушку. Попал одному в сухожилие.⁴ Раненый упал на том берегу. Ховоко сел там. Парень начал стрелять в сидящего. [Парень] стреляет, а [Ховоко] продолжает сидеть, увертываясь [от стрел]. Парень пустил все восемнадцать стрел.⁵ Потом [Ховоко] сказал парню:

— Иди ко мне!

И начал передавать [ему] свои девять стрел. Обманул парня, чтобы схватить его. Парень не поддался. Начал стрелять и него со стороны. Выстрелил в него и тогда же убил.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный,
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный
округ, Красноярский край.

Ховоко был [из рода] Момочар. Был еще сонинг¹ Топоко² [из рода] Момо. Молодым Ховоко пришел к людям. Встретился с парнями, [чтобы испробовать силы]. Встретились [противники] и, стоя на лыжах, начали пускать стрелы друг в друга. Ховоко перебил эвенков. Убив восемь человек, [они] встретили одного парня. Двое же парней ушли вперед на лыжах. В одного из них, который был поменьше, [Ховоко] выстрелил. Сразу же убил его. Убив, логнлся за другим, за старшим. Во время погони [они] пускали друг в друга стрелы. [Ховоко] не смог того убить. [Парень] тогда сказал:

— Приготовься!³

— И ты приготовься!

[Тот] приготовился. Ховоко сказал:

— Стреляй!

Приготовился и Ховоко [к выстрелу]. Парень выстрелил. Выстрелив, сказал:

— Ну, вот видишь, [куда попала стрела]?

Ховоко сказал:

— По краю череца [скользнула].

Третий год уже мстят (букв.: охотятся за) Ховоко. Ховоко состарился. У Ховоко есть мать, жена. Мать Ховоко спросила [пришедшего парня]:

— Ты кто?

Тот говорит:

— Ховоко давно отдал женщину [в чужой] род. Я, — соврал парнишка, — сын Ховоко. Вероятно, старик состарился.

Эта старуха сказала:

— А ты что собираешься делать?

— Куда старик ушел? — спросил он старуху.

Старуха ответила:

— Здесь были его следы.

Парень пошел по его следам. Нашел следы диких оленей. Ховоко охотился за оленями. Пришел парень [к нему]. Ховоко свежует [оленя]. Вынимает печень оленя. Парень спросил:

— Ты [Ховоко]?

— [Это] я.

Парень схватил меч. Схватив, ударил парень, но не смог зарубить Ховоко. Парень взял меч [и] надел лыжи. Ховоко понял, что задом.⁴ Быстро пятился по пади, [вдруг] лыжа его в полынье [оказалась]. Ховоко упал на спину в самую полынью. Тогда парень перерубил ему горло мечом. Взял за волосы его голову, помес и его матери. Сказал матери:

- Налей воду в котел.
Мать налила воду в котел, сварила голову сыща.⁵ [Парень] говорит:
— Вот ведь разбойник! Ишь как у него вылезли глаза!

6. Лонгко

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Я расскажу о своем предке — стрелке-татаракта¹ Пачаки. Во времена Ховоко бывали [межродовые] столкновения.

Жил тогда боец-татаракта Лонгко. В то время жили ганальчи.² Они тогда часто обижались друг на друга. Убьют свата — начнется война. [Когда] убьют бойца, люди [его рода] убивали [кого-либо из] родни убийцы.

Лонгко убил звенка [из другого рода], началась взаимная расправа. Лонгко послал человека поговорить и посватать женщины у другого рода.³ До этого [эти два рода] не враждовали. Брата Лонгко, отправленного сватом, [те] убили. Лонгко ждал, когда [сват] вернется. Ждал год, год беспокоился, думая: «Убили». [Он] чувствовал, что [того] убили.

Лонгко рассердился, начал обдумывать, как бы им отомстить [за убитого]. Встретилась [семья] Лонгко с [семьей] убийцы. Остановились маты на одном стойбище, не признавая друг друга. Там была и жена Лонгко. Развьючивая оленей, она узнала оленей своего рода; она знала, что люди будут убивать друг друга. Медленно развязывала она оленин. Муж ее Лонгко ходил в стороне от стойбища. Чужие ходили [за ним] следом. Жена Лонгко запала о гневе (букв.: о сердце) своего мужа. Она сказала:

— Мой муж начнет убивать, лишь только придёт.

Жена Лонгко чувствует, [что начнут биться], и не хочет подойти к костру. Собирает она свой скарб. Боится быть узнанной. Жена Лонгко прикрывает свое лицо платком, прячет, чтобы [ее] не узнали. Опасается, чтобы они [ее] не напугали. Сидит у своих вещей, пока не придет ее муж. Муж, придя, [сразу] бросится в бой. Узнала она оленей рассерженных врагов. Лонгко прибежал, ругаясь:

— Где [свата] похоронили? Я убью вас и разорю стойбище вместе с оленями!

Когда он начал убивать, один враг очищал жерди от веток. Это был самый ловкий боец-татаракта. Лонгко бросился к несущему жерди и говорит:

— Давно ли убивал, [а сейчас] очищаешь жерди! («Вот сердитый», — добавил рассказчик по-русски).

Погибли он этого человека, заставил его расстрелять все свои стрелы. Потом убил [его], всех перебил. Так кончилось.

7. Ибде

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный
округ, Красноярский край.

У ганальчей¹ был еще Ибде.² Он женился и стал ибде. Отделился Ибде [от своих] и вошел [в семью жены]. У жены этого отделившегося человека были отец и мать. В душе они презирали, не любили парня. Старуха ненавидела, муж ее невзлюбил [его]. Был у этого старика сын, хороший боец-гатаакта.³ [Отец] надеялся на своего сына-бойца, как на защитника, и говорил: «Мой сын будет сонингом».⁴ Так он верил. О храбости и ловкости Ибде они не знали. Парень чувствовал такое [отношение к себе]. Его ненавидели, дома следили [за ним]. Плохо кормили мужика: для еды пасаживали ему на плоскую палочку первый шейный позвонок с горлышком.⁵ Парень обижался на них и сердился. Целый год жил отделившимся [от своих] этот Ибде; на следующий год не вытерпел, рассвирепел. Рассердился, и весной, когда снег начал покрываться настом, он решил [родителей] жены убить.

Старик ушел без тропы [охотиться]. Парень этот попал стороню — надумал обмануть. Старик пошел [со своим] сыном. В пути [недалеко от стойбища] они убили лося. Парень шел стороню. Пришел, когда они на стоянке у костра уже жарили мясо на рожках. Парень подошел сзади. Они не заметили своего Ибде. Сидят и едят мясо с рожков. Луки со стрелами они повесили. [Парень], стоя за деревьями с луком, выстрелил в них. Убил сына старика, убил и старика. Потом пошел павстречу женщинам и своей жене. Идя павстречу и подходя к женщинам, он начал петь песню.

Старуха, услышав [песню] и поняв [ее] содержание, догадалась, [что он задумал]. Он встретил жену, которая остановилась, и в сильном гневе ударил ее [топором], а старухе завернул губы в рот со словами: «Худыми словами ты ругалась».

[Так] кончилось.

8. Пачаки

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный
округ, Красноярский край.

Это было после Ховоко,¹ после ганальчей.² В то время эвенки не были знакомы с хлебом. Жили, питаясь мясом, рыбой, тетеревами и утками. Русского [языка] не знали. Жили так же, как и прежде. (*Реплика рассказчика: «Глупые были, вероятно»*). Два человека встретили русского. Они искали посей. Только за лосем гнались, русских не искали. Нашли они [русских] на Ангаре, [в районе] Кежмы. Нашли они только двух человек. Один [из эвенков] был умным (букв.: самостоятельным),³ другой — глуповатым. Эвенки русского языка никогда не знали. (*Реплика рас-*

сказчика: «Глухари, глухари!»). Удивляются [эвенки] следам саней [на снегу].⁴ Один встал и говорит:

— Кто это след оставил (букв.: дорогу сделал)? Свежий след — это русские ездили по дрова. Давай убежим!

Товарищ его говорит:

— Пойдем, посмотрим на людей. Что представляют собою?

Попали, немного прошли. Открылась поляна. Это место [поселка] Кежма. Стали рассматривать деревянные дома. «Что это?». — «Не знаю», — [говорит другой]. Встретили русского. [Тот] идет смотреть палатку. Самостоятельный, умный предупреждает [другого], чтобы не убил [русского]. Он хочет поздороваться. Русский [человек] тоже впервые увидел эвенка. Пока они стояли, [другие] русские подошли. [Они] здороваются, а [эвенки] не хотят. [Эвенки] боятся, чтобы их не убили. Русские разговаривают по-своему. Эвенки не понимают. Глупый говорит [русским]:

— Я тебя убью.⁵

Товарищ [эвенка] предупреждает [его], чтобы не убивал. Долго сидели они. Русские их не понимали. Увели [их] в деревню, никак не могут понять. Привели на обед к куницу. На стол поставили всяких кушаний. «Тунгус, садись!», — говорят. [Те] не понимают. «Давай чай пить!». Эвенки думают: «Вероятно, собираются [нас] убить». И сами тоже хотят убить русских. «Садись пить чай», — [говорят те]. Никак не понимают [эвенки]. Начали [разговор] русские. [Эвенк], что поумнее, стал осматриваться. У [русских] есть чашки. Подал [русский] хлеба умному. Жевал, жевал тот — понравилось. Говорят по-эвенкийски: «Хоропю». Потом взял сушку, съел: «Вкусно». Съел сахар. «И пе думай убивать хороших людей», — говорит [он]. Бросили [они] луки и начали есть. Товарищ стал подражать, тоже начал есть. «Вкусно, — говорит, — хорошую еду мы пашли».

Обед прошел, животы наполнены. Купец говорит:

— Ложись, отдохтай!

[Солнце] начало спускаться. Еще раз [их] накормили. На обратный путь подарили им еды. [Русские] друзья попросили эвенков бить белку.

Русские начальники думали: «Вероятно, эвенков много». Показали им белку — будем обменивать па хлеб. Тогда один [из эвенков] понял и говорит:

— Предлагают убивать белку.

Задумался [тот] эвенк и понял. Дали [им] хлеба столько, что [они] едва снесли. Попросили [их] прийти на другой день. Попали эти эвенки домой, принесли хлеб. Родичи их удивляются. Умный стал учить своих. [Все] пробуют, [говоря]: «Вкусно». [Принес] эвенки сказали:

— Предлагают бить белок и соболей. На них обменивают продукты. Завтра набьем много.

Набив [белок], начали приносить их и обменивать. С тех пор русские стали звать [эвенков] «нирушками»,⁶ а те стали называть русских «лучами».⁷

На утро много [эвенков] пришло. Каждый пошел к купцу, неся белок и соболей. Надавали им [русские] продуктов, ружей, пороха, пистонов. Сами учили [их], как стрелять.

Потом русские устроили перепись (букв.: ревизию). Эвенки называли [им] имена дедов. Записали всех Куркогиров и Момолей. Рассказывали [им русские] про царя.

Пачаки научился русскому языку. Уже после Пачаки [эвенки] познакомились с табаком. Пачаки был умным хозяином. Он враждовал с Кунгногирами.⁸ У него была большая обида [на тех].

Тогда было много Момолей. У Пачаки с Кунгногирами было столкновение — лучный бой. Пачаки сказал русским:

— Начали Кунгногиры. Они и виноваты.

Начальство судило [их]. Пачаки сказал:

— На меня напали [Кунгногиры], чтобы начать войну.

Кунгногиры оправдывались: [они] делали вид, что не желали биться. [Их] судили начальники. Кунгногиры сказали:

— Мы не приходили биться. Сам Пачаки начал бой.

Пачаки оказался виноватым: многих убил. Большину часть Кунгногиров перебил. Убивая Кунгногиров, он погнал [их] к русским. Кунгногиры испугались Пачаки и убежали к русским. Пачаки погнал их на речку Чадобец. Старики начали платить [русским] подать (букв.: душу).⁹ Все перешли на сторону русских. После этого [эвенки] перестали убивать друг друга, испугались.

Потом русские целый год не ходили за Пачаки, [ждали], что сам придет. На следующий год казаки увезли его на суд (букв.: в плен). (*Реплика рассказчика: «Пачаки хитрый»*). Казаки увезли его в губернский город. В то время был царь. Тогда [виновных] наказывали прутьями. Начальник осудил Пачаки, его побили железными прутьями, чтобы боялся. Прижали к полу и били (букв.: царапали) по спине. Побили и поставили [на ноги]. Положили в больницу, лечили лекарствами. Через неделю он поправился. Дал обязательство не убивать ни одного [эвенка]. Позже его сделали князем (т. е. старшиной). Он умел [говорить] по-русски и был умным. В должности князя он был долго.

9. Пачаки Момо

Дюнгипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.

1935 г., р. Тыганы, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде жили гапальчи.¹ У нас, [в низовьях Чуни], жили Куркогиры и Момоли, других не было. Уже позже пришли Ко-чонили, Хорболи [и] Лопоколи. [Они] стали ганальчами.

У Куркогиров сонингом² был только один Пачаки.

Ганальчи начали войну с Чемдалями.³ В этом месте (т. е. в верховьях Подкаменной Тунгуски) эвенков было много. Куркогиры [и] Момоли очень рассердились [на Чемдалей]. Раньше они были в хороших отношениях. [Момоли] убили много Чемдалей. У Чемдалей были ружья, у Момолей — только стрелы. Когда начали биться, появились русские. [Они] напали князя (т. е. старшину) Момолей. Одного куркогирского князя — младшего брата Пачаки — Чемдали убили. Пачаки рассердился [и] перестрелял много Чемдалей.

Чемдали пришли к русским на Ангару. Подали в русский суд. Момоли и Куркогиры [в этом деле] проиграли. Момоли не понимали по-русски, Чемдали понимали. Когда [Чемдали] пожаловались, они послали царю бумаги. Русские наказали Момолей железными прутьями. На Ангаре был русский начальник. Он написал царю: «Если будем наказывать эвенков, [оин] все вымрут». Царь написал: «Бейте потихоньку прутиком». Начали бить прутиком, чтобы, поссорившись, [оин] не стреляли друг в друга. Стало хорошо. Пачаки сделали князем, он стал начальником.

С тех пор из луков били только белку. [Эвенки] начали покупать ружья.

10. Пачаки Момо

Дюлипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.

1985 г., р. Тычапы, Байкальский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

С тех пор как жил Пачаки, прошло две сотни лет. В то время началась русская казна.¹

Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умиралы) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень трудно, они голодали. Оленей было мало: у кого пять, у кого шесть. Начали эвенки есть глину. Они сушили глину на костре, говоря: «Пусть хоропенеко просохнет», и mestами глину с мукой. Казенных запасных магазинов не стало. Порох кончился, [только] свинец остался. В то время появились куницы и начали торговать. Они стали продавать (букв.: давать) эвенкам много пороха. Эвенки начали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки. Куницы стали лучше кормить их. Олени стали размножаться, их перестали есть. Много зверя — лосей стало.

Прошла еще сотня лет. Тогда родился мой отец. Мой отец был бедняком. Ничего не имел, и оленей [у него] не было. Когда женился, взял [он] в приданое двух теленков. Потом выросло десять оленей. Дальше он стал лучшие промышлять.

Все эвенки забирали хлеб на Ангаре. Мой отец отсюда (т. е. с устья Чулы) ходил на Ангару. В большой мороз ездил за иро-

дуктами. Купцы за один раз давали много муки. Отсюда до Айгары ходили два месяца. Купцы говорили: «Ранней весной белкуйте, добывайте лосей, оленей!». Когда же наступал второй холод,² они говорили: «Принесли прошлогоднюю весеннюю белку?». И опять давали [муку в долг], чтобы эвенки [на охоте] имели пищу.

Тогда я родился. Что дальше (т. е. до моего взрослого состояния) было, не знаю. Вот я стал взрослым.³ Отец хорошо учил меня тогда: «Работай, ничего худого не говоря. Говори только хорошее и хорошо живи. Верь в бога — будет лучше». Нас было много: три брата старше меня, я, четыре брата младше меня — двое из них родились сразу — и три сестры младше меня.

11. Момоли и Чемдаши

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1985 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Вначале Пачаки [с эвенками] втроем отправился к Чемдалям. Отправил [вперед] гонца, чтобы сватать жену. [Тот], пуская стрелу-салэ,¹ сказал:

— Салэ!

Чемдали увидели его гонца. Один [из них] ответил:

— Химилгон! Химилгон!²

Другой сказал:

— Пачаки посыпает [свата]. Зачем ты отвечаешь: «Химилгон! Химилгон!»? [Надо отвечать]: «Салэ! Салэ!».

Чемдали еще раз ответили:

— Химилгон! Химилгон!

Пачаки не смог сосватать. Тогда попробовал сватать [для Пачаки] Хорбо, [говоря]:

— Жену просит Пачаки!

Чемда сказал:

— Как я им дам женщину? Кровь свою лакают!³

Хорбо рассердился:

— Ах вы такие-сякие, что вы говорите! К русским [жаловаться] ходите! Над народом смеетесь (букв.: народом играете), — и продолжал: — Приходите-ка туда к скалам!

Чемдали влезли на скалы. Пачаки оказался у подножия. Пачаки сказал [своим парням]:

— Будьте позади!

Отец его пошел вперед. Чемда выстрелил в отца Пачаки, в Багдарикана. Пачаки отскочил от стрел Чемдалей, ползком начал [к ним] приближаться. Как только Пачаки подошел, Чемдали убежали, испугавшись. Люди его с криками погнались [за Чемдалями]. Пачаки тоже погнался за другими. Один человек [из рода] Пачаки не смог бежать, будучи раненным стрелою. Пачаки сказал:

— Зачем же ранил? Выстрелил я в раненого!

Натинул [Пачаки] стрелу до виска и спустил. Пачаки нашел Багдариана и сказал:

— Побудь здесь! [Не ходи]! Кости растеряешь.⁴ Жди здесь!

Потом убежал. Пачаки рассердился на Чемдалей. Пачаки нашел старишку [Чемда], спрятавшегося в [долине ручья] Ангкулак. Спрятался тот [давно]. Попробовал [Пачаки] выстрелить в него, в старишку. Чемда стал упрашивать не стрелять, сказал:

— Мальчишка, сам будешь убит!

Пачаки сказал ему:

— Сложи кости (т. е. сам умри)!

Потом Пачаки ушел. Парни его шумели [своими] доспехами. Пачаки перестрелял все свои стрелы, подсчитал — только три осталось. Одна стрела у него была дятловая. Выстрелил он в колено Чемды. [На колене] на железной пластинке образовалось отверстие. Чемда сказал:

— Сэлэ! Давай породнимся! Перестаньте стрелять!

На это Пачаки ответил:

— Где же были [раньше] эти свойственники? Если бы [сразу] отдали женщину, мы бы не воевали. Давайте жить хорошо. Если отадите [ее], будет лучше.

Старишку из рода Чемдалль пришел туда, к Пачаки. Когда старишку пришел туда, [Пачаки] начал тыкать мечом в кольчугу. Меч соскользнул, Пачаки проколол кольчугу старишке. Пачаки был сердит на [Чемду] и зарубил его.

Перебив Чемдалей, Пачаки направился домой, в свой род, чтобы взять стрелы (букв.: собрать колчан). Чемдали убежали к русским. Чемдали жаловались русским, говоря:

— Пачаки нас разбил.

Русские сказали:

— Приведите [людей Пачаки].

Пошли [они] за Топоко и Пачаки. Сталли [Чемдали] жаловаться русским. Чемдали знали русский язык, Момоли не знали. После суда Момоли уступили Чемдалям. Пачаки сильно не били. Потом комиссар сказал:

— Назначьте (букв.: запишите) его князем (т. е. старшиной).

12. Чемдали и Хорболи

Илья Чемда, по прозвищу Лучаткан, род. в 1865 г., неграмотный.

1936 г., исс. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чемдалей [было] два ружья. Зло выросло между Чемдалями и Хорболями. Раньше у них были шаманы. У Хорболей — три шамана, у Чемдалей — одна шаманка. У Хорболей умер человек. Шаман говорит:

— Этот, однако, не простит.¹

[Чемдали] согласились дать [Хорболям] за того умершего девушки. Девушка живет у своих полгода, ее не отдают. Потом эта девушка забеременела, стала тяжелой. Тогда к ним пришли [Хорболи], стали [оин] просить девушку; знают они, что она потяжелела, и стосняются [просить]. А эти-то [Чемдали] говорят:

— Беременную не отдадим.²

[Хорболи] опять пришли и стали просить, чтобы отдали в жены. Те не желают отдавать, собрались дать другую. Хорболи не желают соглашаться.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да!³ — отвечают [Хорболи], желая начать [с ними] войну. — Если не хотите отдать эту, мы вас всех персбьем!

Рассердились [Чемдали]. Сонигтом⁴ у них был Гадаңча. У него и старший и младший брат были одеты в броню. Договорились в тот же день начать бой. У Чемдалей только восемь мужчин, у Хорболей — восемьдесят. В тот же день пришли [на бой]. Хорболи расположились за речкой, Чемдали — на этой стороне. У Чемдалей два ружья, у Хорболей только луки. На том берегу развели костры, на этом берегу тоже [горит] костер. Сидят, разговаривают между собою. Хорболи послали одного старичка узнать: хотят ли те драться или не хотят. Старик этот пришел, спросил:

— Ну, что будете делать, отдадите [девушку] или нет?

— Другую отдадим, — сказали Чемдали.

Старик вернулся к своим, сказал:

— Отдают другую.

Жениха спросили:

— Ну как, возьмешь другую в жены или нет?

Он сказал:

— Не желаю брать в жены другую, кровь ее пролью — убью.

(Реплика сказителя: «Он ту любил, другой не желал»).

Когда Чемдали собрались отдавать [другую], [Хорболи] захотели убить ее. Тот старик еще раз пошел сватать [беременную]. Чемдали опять не захотели отдавать [ее]. [Старик] начал считать их, говоря:

— Один, два, три, четыре, пять! Ведь мало [вас], как [вы] нападете на людей?⁵

Чемдали рассердились, говорят:

— Отдадим небеременную вместо беременной. Не будем воевать!

У Чемдалей была стрелка малюсенькая (т. е. пуля). Ею выстрелили вверх. Пролетела [она] над пими со свистом. Пачаки испугались, говоря:

— Что это за стрелка? Пожалуй, не устоять [мне против нее]!

Испугался, увидев ее. Начали они стрелять друг в друга [из луков и ружей]. Младшему брату Пачаки попали в книшки.

Пачаки сидит у костра. Брат Пачаки пришел к старшему, таша кишки в поле [кафтан]. Пачаки сказал:

— Ой, ой, говорил тебе, [что будет] тяжело!

Схватил он лук и начал сильно бить Чемдалей. Чемдалей стало мало, испугались [они] и бросились бежать. [Пачаки] погнался [за ними]. Во время боя сонинг Чемдалей влез в дупло коряжини. Потом уже нашли его спрятавшегося. Четыре человека, гонясь за ним, пашли. Четыре человека не смогли убить [сонинга Чемдалей] — он увертывался [от стрел]. Никак не могли убить [его]. Убегавшему Гаданче стрела попала в ляжку. Он вытянул стрелу за оперение, но, охромев, не смог бежать. Посмотрел он вперед — четыре человека [Хорбо] не смогли убить сонинга [Чемдалей]. Он, охромев, выстрелил четвертому в легкие. Они все убежали, когда один из них упал. Сонинг [Хорбо] увидел, что Гаданча хромает. Подошли другие, погнались за Гаданчей. Стрелы их падали как град. Гаданча хотел их задержать подольше. Долго бежал Гаданча вперед. Стрелы продырявили весь его кафтан, но его не убили. Он был в броне. Убежал далеко и спрятался Гаданча.

У Пачаки был младший брат Лонгко. Ему прострелили палец. Он сказал:

— Чем [я] буду стрелять?

Потом промахнулись, выстрелили в лоб ему, но [не убили]. Он сломал древко стрелы и убежал. Потом пришел к своим. Перестал воевать, сказал:

— Выньте из меня стрелы! Как птичек насобирали [их].

Начали вытаскивать стрелы, он [и] умер.

(*Здесь рассказчик пояснил: «Прежде воевали друг с другом. Если человек в чем-нибудь нуждался и если младший или старший брат не давал, сильно воевали друг с другом. Воюя с чужим родом, убив сонинга, съедали его сердце».*)

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

Павел-Калтан Кувачонок (Чапатир), по прозвищу Баликан, род. в 1870 г., пеграмотный.

1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Все эвенки Момоли и Куркогиры, жившие здесь (т. е. па Подкаменной Тунгуске, у устья Чуи), назывались гацальчами.¹ Момочо, отец Пачаки, пришел к Дюрунге свататься. Момочо взял жену у Куркогиров, а Момоли отдали Куркогирам свою девушки. Прежде обменивались женщинами. После Момочо пришел [к Нюрумнялям] Чолко свататься. Начал он сватать.

У горных жителей был род Нюрумняль. Нюрумняли жили дальше (т. е. севернее) Туры.² Они испугали Чолко. Момочо убежал к Куркогирам, за ним — Чолко.

Нюрумняли были раньше во враждебных отношениях с Куркогирами. Для примирения [Куркогиры] взяли от Нюрумнялей двух женщин. На одной женился Пачаки, другую взяли Куркогиры. После этого [Куркогиры] перестали враждовать [с Нюрумнялями]. Тогда Нюрумняли соединились³ с Куркогирами, и они перестали бояться друг друга.

14. Кордо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давным-давно, во время войн и взаимных убийств, жил Кордо. Жили вместе три человека: один Хоркигир, другой Саремакта, третий Кордо. Был [у них] орел. Перьями орла они оперяли стрелы. У Хоркигиров был сонинг¹ Гильбовуль. Люди Гильбовуля были плохими. Они жили на Ирикте и Катонге. Убив орла, [они] не выделили [часть] оперения [для] Кордо. Из-за орла и произошла ссора. Тогда, [отделившись], сюда (т. е. на Чуню) пришел Кордо. Дети его стали жить здесь.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

Делчикан Панткагир, род. в 1912 г., грамотный.
1935 г., р. Учами, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Куркогиры и Нюшкагиры начали большую войну. С шаманами [на место боя] пришли. На середину реки Вояв вышли Куркогиры. У Нюшкагиров вождем-курильщиком¹ был куркогирский эвенк. Курильщик Нюшкагиров по ошибке изогнул железную подвеску.

— Понапрасну [я] тебе шаманю, напрасно удачу [тебе] на своих дорогах ищу.

Куркогиры [и] Нюшкагиры отправились на бой. Пришли, развели сгонь на виду друг у друга. Начали пускать друг в друга стрелы. Куркогиры попали стрелой в лоб нюшкагирского человека. Курильщик Нюшкагиров стал ходить, ругая своего шамана. Нюшкагиры были разбиты.

(Пояснение рассказчика: «Это было у эвенков с самоназванием илэ; стрелы их горчат в коре деревьев»).

16. Сергунго Кордуяль

Кокотай Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Сергунго был сонингом¹ у гавальчей.² Сергунго жил уже после того, как эвенки узнали русских. Состарился он, очень старым стал. Родственников у него было очень мало. Родственники

его повезли ясак.³ Ушли только мужчины — ушло восемь человек.⁴ Кордудялей. На стойбище семьи и сонинга оставили. [Эвенки] своих боялись⁵ — враждовали с ними. Сергунго стал охранять жен ушедших. Живут [они] потихоньку, перегородили реку у подножия хребта. Вдруг женщины увидели на том берегу восемь человек, снимающих утлы. Пошли эти женщины к своему сонингу. Сергунго греет спину у костра, [прикрывшись одеялом]. Выглянул он из-под одеяла, говорит:

— Сумучокор! Сумучокор!⁶

Сказал, влез под одеяло [и] продолжает греться у костра.

Пришли мужчины и начали пускать стрелы в него, лежащего. Он, лежа, увертывается. Никак [они] не попадают; долго стреляли, все мимо. Израсходовали [все] стрелы. Перед тем как кончить стрельбу, схватили пальмы,⁷ а мечи и луки положили. С пальмами подбежали, начали рубить его. Но так и не убили. Он, Сергунго, убивал ганальчей. Наконец, убив его, увезли женщин. Оставили только одну старуху, чтобы она замерзла. Был там парнишка, только что начал ходить. Оставили его, говоря: «Замерзни ты!».⁸

Вернулись ганальчи, отвозившие ясак. Добыли в пути для старухи еду: рыбу, птиц, гусей. Самы отправились догонять [нападавших]. Погнались и нагнали их. Одна женщина [из уведенных] собирала ягоды. Увидела мужа, тихонько показала ему на чум врагов,⁹ чтобы [он] не подходил к врагам.

Вот вечером легли они спать. Когда уснули, [пришельцы] быстро прибежали [к ним]. А женщина, которая показывала, находка, [чтобы обмануть], кафтан на пень. Муж ее пустил стрелу в бегущего врага. Женщина подошла к мужу. Враг, умирая, попробовал колнуть ее ножом. Но женщина прикончила его. Они перебили всех [нападавших].

17. Гильбовуль

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.

1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давно, давно жили Мачаку [и] старик Бонгачо. Хороший старик был. Тогда же жил Гильбовуль. Он поссорился с младшим родственником. [Гильбовуль с ним] начали играть, бросая аркан. Они, набрасывая [аркан] друг на друга и прыгая, поругались.

В то время, вероятно, жил Олтоко [из рода Хоркигир]. Он пустил стрелу в Гильбовуля. Гильбовуль увернулся от [стрелы] Хоркигира. [Люди Гильбовуля] перебили Хоркигиров. От Хоркигиров остался один человек. Гильбовуль побежал

и своим, взял [с собой] шесть человек. На следующий год [он] вернулся. Встретил сонинга, [с которым играл в аркан], пустил стрелу в его оленя-важенку. Этот товарищ выследил Гильбовуля-сонинга,¹ когда тот обжаривал мясо на вертеле, и крикнул:

— Ты кто? Гильбовуль? Мы были равными, когда упражнялись в набрасывании друг на друга аркана!

[Гильбовуль] сказал:

— Да, да, мы были равными.

«Не стану-ка я с ним разговаривать», — подумал [сонинг] и убежал к своим родичам. [Гильбовуль] пошел следом к его жене. Придя к ней, спросил:

— Куда ушел [муж]?

Жена ответила:

— Не знаю, куда ушел.

Шел дождь. [Гильбовуль] все бродил в окрестностях чума, искал его следы. Вот увидел следы на траве, покрытой росой, пошел по следам. Шел, шел и пришел к своим родичам.

Другой [сонинг] тоже ходил по следам и дошел до них же. Родичи его набили гусей. Когда они набили, старуха сказала:

— Приведите-ка (букв.: вытащите-ка) [Гильбовуля].

Тот другой сказал:

— Не придет [Гильбовуль] — [он] далеко. Скажите девочкам, чтобы следили за ним, если придет. Чтобы [они] не прозевали его прихода.²

А [Гильбовуль] спрятался в траве. Спрятал и их еду — гусей. Побежал он, откинув луком дверную занавеску и говорит:

— Это ты, парень?

— Я, — ответил второй сонинг.

Стоя, он ел крыльшко гуся, отрывая куски мяса. Гильбовуль пустил ему в грудь стрелу. Гильбовуль убил в этом чуме восемь человек. Перебил [он] мужчин и в других чумах. В стороне [был еще] чум, [в нем] старик делал луки.³ Перебив [мужчин, Гильбовуля] пошел в чум посмотреть. [Тогда] старик пустил [в него] стрелу, чуть не убил Гильбовуля. Гильбовуль, разозлившись, выпрыгнул через дымовое отверстие.⁴

Тот [старик] сказал:

— Эх ты, такой-сякой! Что делаешь?

[Гильбовуль] выстрелил [и] ударил мечом старика. Подальше стоял еще чум. Там тоже жил старик. Он пошел в хоровод и начал ругать [пляшущих]:

— Разве вы встретились для того, чтобы со слезами играть в хоровод?⁵

Гильбовуль побежал к пляшущему старику и убил его. Прикончив, он вернулся на стойбище. Туда [люди] притащили человека — убитого им старика, сказав:

— Окурите-ка его кости и сожгите на костре.⁶

[Он] пошел за лосем вдвоем с тем, который хотел убить [Утышку]. Брат Утышки пошел впереди на лыжах, убийца — за ним. Брат Утышки положил вещи на лыжу,⁵ наступил на нее [и] упал. Долго шли на лыжах. Брат Утышки начал отставать, не стало сил. Тогда парень выстрелил в спину того, который хотел убить [Утышку], промахнулся и попал ему в ухо. Этот убийца упал [без сознания]. Упав, [он] пришел в себя. Придя в себя, сказал:

— Пусть скажут «хавун».⁶

Когда он так сказал, брат Утышки ослаб [и упал]. [Утышка] начал было обвязывать его голову. В это время он ударил убийцу ножом, но промахнулся. Как только он промахнулся, убийца бросился бежать на лыжах. Уходя на лыжах, убийца взял ружье. А парень помочился на его ружье — оно намокло. Идя на лыжах, [убийца] выстрелил назад, [ружье] только пинкуло. Брат Утышки, когда тот приближался к дому, выстрелил в него. Тут же и убил.

20. Деерок

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.

1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Во времена тапальчей,¹ еще до существования Ховоко, были шаманы. Уже после Ховоко начали узнавать предания. [Шаман] шаманил вместе со своими духами-сэвэн,² превратясь в невидимку-мэлкэн.³ В то время шаманы незаметно поедали души эвенков. Душа была почти невидима, ее видел только шаман. Они ёли только души врагов.

Были [тогда] шаман Чичико и шаманка Деко, а также Деерок — жена Арчамки, дочь Апчоды. Арчамка был сыном Пачаки, жил в Кежме. Все старики знали Деерок. Ода шаманила, будучи беременной. В животе у нее был ребенок, который должен был родиться. Эвенк говорит Деерок:

— Мой ребенок болеет.

Деерок отвечает:

— Как же я беременная буду шаманить?

Эвенк говорит:

— Умрет ребенок, если не пошаманишь. Скорее шамань! Не дождется он родов, умрет. Если умрет, то и с духами своими не напоишь [его]. Доберется до нгеви,⁴ тогда не сможешь [его душу] догнать [и] не сможешь вылечить.

Тогда Деерок забеспокоилась и начала шаманить, будучи беременной. Начала камлать вместе с духами-помощниками, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа. Деерок перестала быть беременной. (*Реплика: «Интересно!»*). Плод переложила в мужа, говоря: «Хэ-эк!». Смотрят

на мужа — беременный он. Деерок начала лечить больного. Больной начал поправляться. Пока она не кончила шаманить, муж ее был беременным. Больной [ребенок] на утро поправился. Перестав болеть, утром же начал ходить. Пищу хорошо принимал. Деерок повесила на дерево [жертву] — теленка, повесила и кусок ткани.

Окончив шаманить, она взяла плод от Арчамки, Стала [снова] беременной. Только во время родов Деерок сошла с ума. Сумасшествие было сильным — слов не понимала. Испортили [ее] духи. Двух ее детей испортили, одного по имени Нюрик, другого — Хагданча, оба стали сумасшедшими. С тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной.

21. Юргины

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Бановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жили эвенки-ганальчи.¹ Молодец Юргины был у них сонингом.² Он пришел к жившим за водоразделом, по реке Ероме.³ [Ошикиры] тех мест договорились [с Юргины] биться, стрелять друг в друга. Юргины, поджидая [их], стал жить на одном, назначенном месте. Ошикиры оттуда (т. е. с Нижней Тунгуски) начали подходить в срок. Таким образом, Юргины и Ошикиры стали врагами. У Юргины был младший брат Лопкончо. [Ошикиры] пришли в срок. Лопкончо тогда привел сватов. Он говорит им:

— Помогите мне!

Ошикиры тоже привели своих сватов; послали сватать Хикчингу. [Они] прибыли в срок. Пришли в чум Юргины. Этот Юргины большой сонинг. Стали [Ошикиры] сватать. Вот сели они, начали разговор. Ошикиры спросили Юргины:

— Ну, как, отдашь женщину?

Юргины, стоя в середине, говорит:

— Дать мне или нет? Не хочу отдавать! Они пролили кровь (т. е. убили нашего сородича)!

Сразу после этого он начал стрелять в Ошикиров. Ошикиры выстрелили в самую серединку его лука, стрелой попали в центральный клинышок.⁴ Середенка лука сломалась. Убили Юргины. Брат его Лопкончо начал стрелять в них. Лопкончо выстрелил раз, а их стрелы падали на панцирь Лопкончо как дождь. Тогда они закричали Лопкончо:

— Лопкончо, давай сватать!

Лопкончо бросился бежать, пробежал мимо своих сватов. Потом сваты [Ошикиров] опять начали стрелять в него. Лопкончо выскоцил и пробежал сквозь толпу. Парни погнались, стреляя в него, но отстали [от него]. Далеко убежал Лопкончо. Стоит там

женщина, держит пальму.⁵ Пробежкал [он] мимо той женщины. Ударила она [его] пальмой. Эта женщина попробовала снять стрелы с его панциря. Попадали [стрелы], Лопкончо убежжал.

Ошикиры-женщины пришли к Лопкончо. Лопкончо убежжал, очутился в другом месте. Пришли [женщины] к его сватам.

— Лопкончо где? — спросили.

— Угостили его.

[Женщины] отправились тогда к своей родне.

Утром Лопкончо пошел посмотреть убитого брата. [Враги] топором разрубили Юргины на куски. Собрал он разрубленные части в куль и хотел хороить. Положил в дупло.⁶

Пробыл [он] дома четыре дня. Тогда Лопкончо отправился мстить за брата. Пошел по оставленным следам. На полпути напал двух женщин. Увел [их] домой. Женщины [Ошикиры] отправили [к ним] за [убитого] брата. Лопкончо женился на одной из [этих женщин]. Вторую отдал своему свату. Вот тогда помирились они с Ошикирами.

22. Юргины

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.

1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Был еще большой сонинг¹ Юргины. Тоже убивал эвенков. [Юргины] жил на стойбище вместе с ними, как и Лонгко. Врагами его были два человека. Юргины рассердился на эвенков — они убили его свата.

Жили они на стойбище вместе, были свойственниками-матами.² У Юргины была дочь. Она [выросла], стала женщиной. Юргины подговорил свою дочь, чтобы убить матов посредством обмана.³ Враги его — сильные бойцы — узпали [об этом]. Юргины почувствовал это и говорит:

— Меня убьют!

Он знал сонинга [матов] и говорит дочери:

— Ты сделай вид, что хочешь иметь его мужем. Попытайся его обмануть, чтобы убить.

Дочь Юргины пошла в гости к парню. Сделала вид, что хочет иметь его мужем. Молодой человек падумал жениться [на ней], захотел взять ее в жены. Перестал бояться и говорит:

— Я женюсь.

Хотя его и обманули, он в душе любил [ее]. Женился молодой человек. Пошел следом за женой в ее дом. Женщина привела мужа в свой дом. Юргины следил за дочерью.

Длем [молодые] начали искать вшей в волосах друг друга.⁴ Юргины в это время попросил сына поискать оленей. Парней там было двое. [Юргины] одному [из сыновей] сказал:

— Идем-ка искать вдвоем, потом убьем его.

Женевшийся [на дочери] не знал [об этом] и не боялся. Откуда же знать ему, что товарищ убьет его? Жена Юргины вывела вон детей. Дочь же продолжала искать вишей. У Юргины был маленький сын. Та девица сказала мальчику:

— Пойди, посмотри оленей.

Жена Юргины сказала:

— Долго же они ищут оленей! Кто столько времени щет?

Жена Юргины вышал вон. А Юргины, вместо того чтобы пойти искать оленей, побежал домой к ищащим в волосах, чтобы убить [зятя]. Жена Юргины попросила дочь принести дрова для дымокура.

— Важенки пришли! Подой! Что так сидишь!

Тогда дочь, оставив волосы мужа, выскошила вон. Муж догадался и схватил жену за полу [платья]. Юргины сидел у дверки снаружи, подстерегал. Он отрезал ножом полу дочери и тогда же в чуме напал на ее мужа. Муж стал защищаться от стрел. Так и убил Юргины этого человека в чуме. Обманул и убил.

23. Нурговуль и чангиты

Андрей Коненкип (Хунгикал), неграмотный.

1931 г., р. Ика, Катангский район, Иркутская область.

Жил человек Нурговуль,¹ было у него две жены и восемь сыновей. Ночью к нему пришли враги-чангиты,² окружили его чум, потом начали концами луков тыкать в покровы чума (букв.: луками давать знак), чтобы Нурговуль вышел. Сыновья его повыскачивали. Чангиты их всех перебили. Перебив, чангиты начали разговаривать:

— Мы убили теперь Нурговуля.

Один чангит сказал:

— Убили или не убили, я видел [его] воин там, как будто мелькнули его волосы.

Потом они сосчитали [его] сыновей — их восемь, отец убежал. Чангиты [от досады] заплакали.

Нурговуль нашел своих сородичей, потом отправился мстить чангитам. [Люди его] нашли в тайге оленя [чангитов] и убили его, чтобы съесть. Человек [чангитов], когда искал оленя, увидел Нурговуля и побежал домой. Пришел домой и рассказал:

— [Я] видел, что неподалеку мелькнули волосы великого Нурговуля.

Люди приготовились выслеживать его. Тот мужик сказал:

— Я очень далеко видел, скоро не придет. Давайте сейчас есть.

Люди поверили ему, начали есть в одном чуме. Лишь только они начали есть, как на них напали враги. Начали стрелять в евших, всех перебили.

Нургувуль позже ушел один. Сорок человек нашли его, снявшего на камнях. Все направили луки, потом сказали:

— Давайте предупредим, ведь грешно.³

Лишь только они сказали так, как Нургувуль вскочил. Они и не заметили, как он побежал по камням. Начали стрелять, так и не могли убить. Тогда они начали искать его при помощи шаманов, нашли его на реке. Направили мужиков, чтобы сходили убить его. Люди пришли, смотрят — камни все разбросаны, дрался он перед смертью со злыми духами. Принесли мертвого домой. Мужики сказали:

— Давайте разрежем его, посмотрим, что он за силач.

И разрезали его — у него два сердца. Потом сердца сварили;⁴ в котле не оказалось ни одной капли жира.⁵.

24. Олуувуль и Нургувуль

Иван Каплин (Палтаракай), род. в 1890 г., неграмотный.

1959 г., пос. Бугоркан на Нижней Тунгуске, Катангский район, Иркутская область.

Прежде были соинги¹ Олуувуль и Нургувуль. Олуувуль был здесь (т. е. на Кочоме и Нижней Тунгуске), Нургувуль — на Лымте (т. е. на реке Илимпее). Стреляя друг в друга, они ловили стрелы.²

Олуувуль жил в то время, когда были первые шуленги.³ Олуувуль убил немало людей. Его много раз ловили, но Олуувуль убегал домой. Олуувуль гонялся за людьми по их следам. У Олуувуля была жена. Он отправил ее в кочевку без стрел и сам откочевал. Люди хотели убить Олуувуля. Отправились в кочевку, обошли гору, вернулись обратно. Одна мать закричала [Олуувулю]:

— Войди в мой чум!

Он вошел. У нее было три сына. Сыновья сказали:

— Дед пришел, забейте оленя!

Один парень выскочил, забил оленя. Мать угостила старика мясом.

Олуувуль спросил:

— Почему вы боитесь меня?

Поев, он сказал:

— Пойду-ка я принесу дров.

Парни сказали:

— Хорошо!

Олуувуль рубил сухую лесину. Парень, прорезав ровдужный покров, наставил лук, чтобы убить Олуувуля. Они подготовили лыжи и собрались выстрелить в него. Средний парень говорит:

— Я, пожалуй, попаду.

— Ну, ну, [попробуй]!

Парень выстрелил ему в живот, не попал. Олуувуль побежал по тропе. Парни вышли в тундре на водоразделе, смотрят — Олу-

вуль бежит как лось. Начали они догонять Олуувуля, окружили. Олуувуль сел и говорит:

— Парни, я к вам добром пришел. Вы хотите прикончить мою жизнь? Стреляйте! Во что вы хотите выстрелить?

Парни выстрелили ему в грудь, но не убили. Он говорит:

— Парни, пустите ко мне старуху-жену.

Пустили. Олуувуль сказал ей:

— Вынь из груди вонзившуюся стрелу. Вонзи в отверстие мою стрелу.

Она сделала, как он просил. Тогда только он умер. Когда [Олуувуль] умер, она отдала парням все три стрелы, сказав: «Выполнила [просьбу]».

— Бабушка, ты не бойся, тебя не станем убивать.

Старуха пошла с парнями в тундру. Вместе с ними весну и лето кочевала. Где-то жила ее родня. Потом она пошла к ним одна. Парни ушли на [реку] Лимты. Там была большая тундра. С тех пор эту тундру, на истоках речки Дэткон, называют тундрой Олуувуля.

25. Урон

Мария Комбагир, род. в 1922 г., Григорий Хукчор, род. в 1920 г., грамотные.

1935 г., озера Неконгда и Агата, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил старик. Его сын был женатым. У него был поворожденный внук. Сын этого старика пошел к ганальчам.¹ Там убили сына этого старика. Соплив² Урон³ убил. Жену его увел к себе в жены. Старик спрятал внука под котлом. Пришел Урон. Взял жену, а внука не мог найти. Старик сказал:

— Нет внука.

[Урон] увел жену [сына]. Старик этот начал учить внука увертываться от стрел и стрелять, чтобы убивать ганальчей. Научил его и говорит:

— Иди, приведи мать.

[Внук] пошел за ней. Самые плохие одеяния надел, самые лучшие одеяния и луки взял с собою. Отправился. Пришел, вошел в чум, где жила его мать. Много семей ганальчей было там. Урон сказал:

— Приготовьте чай.

Пока чайник кипел, [парень] играл с детьми Урона. Играли в стрельбу. Он разбил лиственицу от вершины до корня. Другие ребята не попали в нее. Опять он вошел в чум, начал пить чай. Во время чая он отскочил от стола, говоря:

— Не тот ли ты, который убил моего отца?

Урон бросил [в него] нож. Он увернулся. Потом погнались за ним и стреляли в него. Парень добежал до места, где была

[спрятана] его одежда. Он в Урона выстрелил и убил. Убив Урона, увел [свою] мать. Дошел до деда. Дойдя, сказал:

— Кто-то там ходит.

Дед сказал:

— Не говори так.

Когда он сказал, мальчик ответил:

— Я их не боюсь.⁴

Потом встретил медведя, прикрылся полой [своего кафтаны] и погнался [за ним]. [Медведь] обломал ему половину бока. Парень посмотрел на свой бок. Посмотрев, начал рубить медведя. Этот парень отрубил ему одну ногу. Медведь упал замертво.

Вернулся [внук] к деду без половины [бока]. Посмотрел дед на этого парня — у того два сердца; оба сердца были волосатыми. Дед стал шаманить, начал лечить. Тот поправился. Когда дед вылечил, этот парень опять ушел. Шел и увидел двух лосей, бегущих по болоту. Погнался за ними. Гонясь, одного убил. Убив, приволок его к деду. Дед сказал:

— Ну, ты теперь очень силен!

26. Урон и Унгковуль

Николай Хирогир, род. в 1894 г., неграмотный.

1960 г., оз. Агата, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил Урон, этот человек был соинигом.¹ В него стреляли, но не убили. Увертывался он, когда стреляли. Он убивал людей, его же не могли убить.

Урон говорил так:

— Есть человек — соиниг Унгковуль.² Я пойду к нему.

Урон пошел к Унгковулю, дошел за три дня. Дошел до чума Унгковуля. Бышел [туда]. Унгковуль, увидев его, спросил:

— Кто ты, человек?

— Я — человек Урон.

— Да-а, — сказал он, — силен ты! Для чего пришел, когда я уже состарился? Если бы я был молодым, мы бы поиграли.³ Почему не пришел, когда я был молодым?

Унгковуль продолжал расчесывать свои длинные волосы. Урон тут же рассердился па Унгковуля. Рассердившись, выстрелил в Унгковуля, расчесывающего волосы. Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся.⁴ Урон промахнулся, не убил. Увернувшись, [Унгковуль] вышел вон. На улице Урон погнался [за ним], начал стрелять, Унгковуль стал увертываться. [Урон] не смог попасть стрелой. Лишь когда вокруг дерева закрутились волосы [Унгковуля], тогда он попал под стрелу. Урон тут же его победил. Унгковуль сказал:

— Я зацепился за лиственницу, поэтому тебе удалось попасть в меня.

Урон пошел обратно, очень многих он убил. Родня Унгковуля узнала, что тот убит. Двое людей сказали:

— Пойдемте-ка убьем Урона.

— Да, — говорят родственники, — Урона не убешь — сильный мужик.

— О-о! Мы заставим шамана попаманить!

Шаман пошаманил. Пошаманив, сказал:

— Пойдемте втроем. На той стороне, где его чум, заночуем.

Утром рано ястреб сядет на вершину дерева. Этого ястреба [вы] убьете. И идите в горы. Но если не убьете, не ходите. Этот [ястреб] — его душа.⁵

Они пошли. На этой стороне горы сел ястреб. Выстрелив, они сломали ему крыло. Пошли к чуму Урона. Чум Урона на том берегу речки.

Утром рано был туман. Подняв луки, как рога, [они] начали переходить реку. Перешли. Урон увидел их и говорит:

— Три зверя перешли [через реку]. Сейчас, когда туман рассеется, пойду [туда].

Обратился он к одному из своих:

— Друг, сходи-ка за водой.

Идя за водой, тот нашел на реке трех человек — [они] прятались. Они схватили этого парня и говорят: «Не рассказывай [Урону]!».

Пришел этот человек к Урону, принес воду. Урон спросил:

— Ты что подпрыгиваешь, тебе плохо?

Человек сказал:

— Брюхо болит.

Урон, сидя [около чума], начал есть. Люди подкрались к нему, выстрелили. Урон увернулся. Увернувшись, не нашел своего человека. Увидел чужого [шамана]. Со словами: «Вот и поешь этим ртом» — Урон спустил в него стрелу. Попал ему прямо в рот. Шаман умер. [Урон] хотел еще выстрелить, да лук сломался. Тогда он побежал — испугался, оставшись без лука. Когда он побежал, за ним погнались двое людей. На бегу он бросил [в них] нож. Второй человек погнался [за ним]. Урон в пути к реке наткнулся на вал из валежника. Поднялся на склонившуюся сухую лесину и, спрыгнув на берег реки, завяз. Выстрелил в самого шамана. Люди перешли реку, [подошли] к Урону. Когда они перешли, Урон сказал:

— Не станете же вы убивать меня живого. Закройте мне глаза.⁶

Закрыли [ему глаза] и убили. Умер Урон. Вскрыли его — у него два сердца. Посмотрели костный мозг в ногах: мозг жидкий, совсем негодный.⁷ Пошли обратно к его отцу в чум. Старик, увидев их, прикрыл котлом парнишку-[внука]. Они сказали отцу:

— Вот какого зверя мы убили. Урона убили. Посмотрели на его мозг, а он жидкий.

— О, — отец сразу догадался: много людей выкормил он, охотясь, поэтому и стал жидким [его костный мозг].

Пошли эти люди обратно домой. Потом говорят отцу:

— Пусть отомстят нам (букв.: приходят к нам) в будущем.⁸ Мы наставим меток по пути. Идя по этим следам, придут [к нам].

После их ухода отец Урона начал воспитывать его сына. Начал охотиться сын Урона⁹. Дед, обучая внука, стрелял в [него] тулыми стрелами, а внук увертывался. Стал он мастером увертываться. Тогда спустил дед стрелу, задерживающуюся в полете, тот увернулся. Внук играл во все игры Урона (т. е. освоил все его приемы).

— Теперь довольно, [ты] почти равен отцу и даже немножко лучше, — говорит дед, — ты даже лучше отца.

Внук однажды спросил:

— А от кого я родился?

Дед сказал:

— От меня родился.

Внук сказал:

— Как от тебя родился? Ты очень стар. Вот на тропах есть метки. Кто их сделал?

Дед сказал:

— Это мои, сделал, когда еще были молодым.

Внук не поверил:

— Свежие они. Ты лучше мне [правду] расскажи!

Тогда дед рассказал:

— Твоего отца убили и мать увезли [чужие] люди.

Тогда он сказал:

— О-о! Я пойду к ним!

Внук хотел пойти, дед говорит:

— Не ходи, людей много — сорок [человек].

Ушел внук, дед не смог задержать его. Так и ушел он.

— Внучек, — сказал [дед], — на середине пути (букв.: земли) живет кузнец.⁹ Закажи ему стрелы и лук. Военные стрелы закази.

Пошел наш парень. Дошел до кузнеца.

— Дедушка, я поохочусь, чтобы принести тебе мяса (букв.: для твоей еды). Ты сделай мне стрелы.

Кузнец сказал:

— Много [врагов] — сорок человек. Ты и не пробуй считать этих людей.

Сделал он ему сорок стрел. Отправился парень. Дошел до чумов — много их, сорок. Спрятал [он] стрелы. Сделал себе стрелу из клюва гагары, сделал плохенький лук. А свой спрятал. Потом пошел к чумам. Есть там один чум, самый большой и хороший. Подошел он к дверке. Поставил лук у дверки,¹⁰ сам вошел. Вошел, [видит] — в чуме одна женщина. Женщина удивилась, когда он

вопшел. Сел [он]. Когда он сидел, спаужки разговаривало много людей. Выйдя вон, [он] посмотрел. Видит — один человек подплывает в лодке. Переехав, подъехал к берегу. Придя домой, тот увидел его лук.

— Ой! Что за человек пришел? О! — сказал тот, увидев лук.

Потом этот человек вошел в чум — на малу¹¹ сидит парень. Спросил он парня:

— Откуда идешь?

— Я, — говорит [парень], — сирота.

— Что ты ешь? Принесите-ка ему поесть ножку теленка.

Мальчик сходил за ножкой, принес кишку, желудок, [насадил на вертел], обжарил у огня. У [парня] на ноге не было ножа.¹² Тогда тот человек спросил:

— Есть ли у тебя нож?

— Нет, — говорит парень.

Тот человек выхватил длинный нож и говорит:

— Ешь этим ножом.

Мясо поспело. Желудок, [который дали парню], плохой. Разрезал [сын Урона] желудок и бросил этот горячий кусок тому в глаза. Попал в глаза этого человека. Тогда тот хотел заколоть парня ножом. Парень увернулся, убежал. Когда он побежал, человек крикнул своим:

— Люди, к нам пришли [чужие]!

Пришли [люди], посмотрели на парня. [К ним], в эти места, он пришел со стрелами. В него начали стрелять все сорок человек. Он увертывается, луком своим отбивает стрелы. Потом [сын Урона] начал стрелять. Спустил десять стрел — умерло десять человек. Четыре раза выстрелил, всех перебил, только одного оставил, самого сильного. [Сын Урона] с ним пошел в чум и сказал:

— Ну, теперь давай играть (т. е. биться) вдвоем. Ты будешь там, я — здесь, на шкуре.

Начали стрелять. [Сын Урона] выстрелил в его железные пуговицы — сломал их.

— Оставь мне только дыхание! Не убивай! — просит тот.

[Сын Урона] не убил его. Увел свою мать, откочевал к себе. Три дня еще ждал сын Урона. На третий день он начал охотиться. Лишь только он ушел на охоту, как следом пришел тот [человек и спрятался].

[Сын Урона] вернулся затемно, ночью. Когда он, придя, начал есть, мать его приоткрыла дверку [чума]. [Сын Урона] спустил стрелу. Тот человек увернулся. Не удалось убить его. Встал он, схватил на бегу стрелу [и] сказал:

— С этого дня я перестану стрелять. Ладно?

Человек этот побежал. [Сын Урона] погнался за ним. Нагнал его и выстрелил ему в спину. Этот человек умер. [Сын Урона] откочевал. Добрался до деда. Когда пришел, дед сказал ему:

— Ну, и храбрый же ты человек! Такой же, как Урон. — И добавил: — Страшно одному на земле. Не мсти им.

Внук задумался. «Что он собирается делать?», — подумал [дед]. Говорит тогда внук:

— Я видел на реке беременную самку, на кого-то похожую.¹³ Как бы не случилось чего!

Посмотрел внук на реку — по берегу идет медведь. Начал скрадывать его. Когда тот подошел, он сплял кафтан, накрылся им. Медведь начал драть его когтями. «Я от него увернусь», — подумал. Вдруг заныло ребро. Смотрит — ребро видно. Побежал [он] скорее домой. Добежал до чума, трижды перевернулся и умер.

Об Уроне много народа рассказывает. Все рассказы немного отличаются друг от друга.

27. Ганальчи

Петр Комбагир, род. в 1924 г., грамотный.

1936 г., оз. Некоянга, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Люди отправились стрелять [чужеродцев]. У чужих [им людей, к которым они пришли], было две женщины. Женщины спрятали своих мужей и говорят [пришедшим]: «Вон туда ушли наши мужики». [Женщины] продырявили лодки пришельцев. Показали на озеро и сказали: «Ушли туда». Пришедшие сказали: «Убьем их». Поехали [они] в лодке и на середине озера утонули. Погибли. [Женщины] сказали своим спрятанным мужьям: «Выходите. Те пропали».

28. Захребетные жители

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.

1935 г., р. Тыгтана, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Среди живших на водоразделе (т. е. между Нижней и Подкаменной Тунгусками) были плохие люди. Водились там мелкие олени — мелеле.¹ [Эти люди] поймают арканом зверя и с живого чулком сдирают шкуру. Брали они только шкуру, зверя же пускали голого. Побежит голый зверь, а они смеются. Таким образом убивали много зверей. У этих людей были и собаки, они только жирели. [Люди] убивали собак со словами: «Летнюю еду будем есть». Ловили они удочкой рыбу. Поймают рыбу и едят сырую. Съев, [остатки] бросают в стрежень реки со словами: «Рыба, рыбой стань!». На следующий год опять ловят удочкой рыбу. Рыба сухая, как вертел, подойдет к отверстию во льду и ее хватает приманку. Тогда они бродят в поисках зверя. А зверь убегает голый. Так и кончился этот народ. Жил он на реке Верхней Катонге (т. е. на Нижней Тунгуске).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Александр Афанасьев (Монго), исграмотный.
1936 г., р. Бурея, Верхне-Буреинский район, Хабаровский край.

На одной реке жили Огинкогиры.¹ Когда они жили, пришло очень много Мокогиров.² Придя, [Мокогиры] остановились стойбищем перед [Огинкогирами]. Потом отправили они одного старика к Огинкогирам и сказали:

— Прежде вы вместе со своими сородичами вели войну против наших сородичей. После войны отняли одну женщину. За эту женщину, которую отняли, отадите [нам] женщину или нет? Ответьте нам, — сказали Мокогиры.

На это Огинкогиры ответили:

— Мы не знаем ту, прежнюю, о которой вы говорите.

Тогда старик сказал:

— С того случая, [когда забрали] мокогирскую женщину, прошло уж очень много времени; в то время я был ребенком, когда об этом говорили.

Огинкогиры заметили:

— Вы, вероятно, старое вспоминаете. Мы же этого не помним.

Тогда Мокогиры сказали:

— Если вы не знаете, то мы знаем.

Потом добавили Мокогиры:

— Что бы ни случилось, мы возьмем женщину. Отдадите [вы] или нет?

На это Огинкогиры возразили:

— Не хотим отдавать женщину. Если победите и убьете нас в борьбе, тогда возьмете.

Мокогиры сказали:

— Давайте биться завтра. Вы или мы — кто-нибудь да победит.

На это Огинкогиры ответили:

— Ну, давайте биться. Мы-то не боимся, у нас хорошие, сильные люди.

Тогда в эту ночь каждый мужчина из Огинкогиров сделал себе пук. Потом, встав утром, устроили изгородь, чтобы через изгородь стрелять друг в друга стрелами.

Перед боем Мокогиры договорились:

— Кто окажется победителем, пусть не оставит никого [в живых]. Если вы победите, не оставляйте [нас], если мы победим, то не оставим [вас].

Тогда начали биться. У Огинкогиров было два хороших молодца-сонинга.³ Один был сиротой, сыном старухи.⁴ Эта старуха [была родом] из Мокогиров. Когда-то после боя она была взята Огинкогирами у Мокогиров. Потом [у нее] родился парень этот. Во время боя старуха сказала парню:

— Не дерись! Ты же знаешь, что Мокогиры твои сородичи.
В битве перебили Мокогиров, очень много людей. Тогда сын старухи, перескочив [изгородь], бросил вызов Мокогирам.

— Ладно! — сказал сонник Огинкогирам.

Перескочили через изгородь вдвоем. Сын старухи, падая, сказал:

— Я ваш, не убивайте!

Мокогиры сказали:

— Наш товарищ пришел, не убивайте его!

— Это сын той старухи, — сказал старик Мокогиров.

Мокогиры сказали:

— Ну, убьем другого.⁵

На другого напало много людей. Схватили этого человека живым, связали его ремнем. Потом, подправив изгородь, пришли к Огинкогирам. Придя, перебили, убили всех Огинкогиров. За одну женщину, отнятую, убили много мужчин. Мокогиры были невиноваты.

30. Побоище

Григорий Лонтогир, неграмотный.

1931 г., р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Жили два брата. Один из них боец-мнинчон (букв.: подвижной, бойкий). Тогда была весна. Они жили в чумах. Во время обеда услышали шуршание подходивших на лыжах свойственников. Луки и стрелы тех братьев были снаружи. Подошли пристельцы к лукам и стрелам, взяли стрелы и унесли. Мужики-[братья] сказали:

— Ну, [мы] пропали теперь!

Старший [братья] начал обдумывать, [как быть], начал рыться в коробе для инструментов. Нашел там клюв ястреба, сделал из него стрелу [и] говорит брату:

— Ну, теперь бежим!

Старший взял жерди [и] начал прыгать с помощью их, [чтобы не оставить следов]. Младшему брату сказал:

— Ты иди по реке вниз, на этой реке есть наледь, там у наледи поджидай того, который гонится. Я здесь буду подстерегать со стрелой — клювом ястреба.

Старший, упервшись на жерди, спрыгнул к подножию [холма]. Увидел перед собой большую колодину,² покрытую снегом. Он хотел было перескочить через колодину, но прыгнул под нее, не задев снега; под колодиной стал подстерегать [свойственника]. Немного спустя услышал, что кто-то подходит, и подумал: «Что это за человек?». Тот подошел к месту, где он подлез [под колодину], поискав вокруг — нигде нет, только следы от прыжка. [Прибежавший] сказал: «Может быть, [спрятался] за колодиной?». Потом ступил на колодину. [Старший брат] из-под колодины сразу же выстрелил ему в грудь. Этот нарець тут же упал.

Тогда [старший брат] взял его стрелы, надел лыжи и скрылся в направлении наледи. Быстро дошел до наледи. С опушкой услышал, как стреляет [из лука] его младший брат: «Тсс! Тсс!». Стал он взглядываться. Смотрит — младший брат сломал сухой лиственничный сук и им ловит стрелы, совсем не увертываясь.² Он подумал: «Ну, что же тут с братишкой поделаешь!».

Начал [младший брат] ждать, пока [противник] перестреляет свои стрелы. Тот перестрелял стрелы, осталась только одна; тогда он сказал:

— У меня осталась одна стрела, ею я теперь убью тебя!

Младший брат сказал:

— Попытайся убить, мне уже настал конец.

Тот пустил изо всей силы последнюю стрелу, [младший брат] поймал ее своим суком. Он сказал:

— Если бы у тебя были и [еще стрелы], то ты [все равно] ничего бы со мною не сделал.

Старший брат подъехал на лыжах по наледи, дал лук младшему, говоря:

— Ну, теперь расправься с ним!

Тогда [противник] сказал:

— Возьму-ка и я сук!

Он взял сук, присособился [и] сказал:

— Ну, пускай стрелу!

[Младший брат] сразу же спустил в него стрелу, но тот, хоть и попробовал поймать, не смог — в самую середину груди воинзилась [стрела]. Братья взяли лыжи и стрелы [и] пошли домой. Вот они уже подходят к дому. Из чума подымается дым. Стали прислушиваться, слышат слова, которые говорит старик (т. е. отец убитых):

— Где они? Далеко ли уйдут без лыж!

У этого старика парни убили важенку, начали есть костный мозг, разбивая кости: «Паг! Паг! Паг!». Братья прошли на лыжах мимо чума, вдоль спального места. Старик, услышав, сказал:

— Идут!

Они сняли лыжи, открыли дверку. Старик, увидев, воскрикинул:

— Кто это принес [этих парней]? Ну, теперь мы пропали!

Братья убили старика и старуху, женились на их невестках. Женившись, начали жить [хорошо].

31. Чангиты

Андрей Коненкин (Хунигикал), неграмотный.
1931 г., р. Ика, Катантский район, Иркутская область.

Простояв на [одном] стойбище, сорок хозяйств откочевали, остановились на месте побоища. Стойбище устроили на вершине

яра. Одна женщина [на стоянке] забыла аркан. Эта женщина попала на старое стойбище искать аркан. Дойдя до стойбища, услышала шум камлания. Привязав верхового оленя, [она] пошла незаметно посмотреть; смотрит — пришли сорок человек и шаманили на [их] старом стойбище. Шаманили, шаманили эти сорок мужчин, потом начали рубить [оставленные] оставы чумов. Эта женщина поехала на олене к своим чумам. Приехав, рассказала:

— [Я] видела много чангитов!

Этой женщине не поверили. У мужа этой женщины был старший брат. Эта женщина натала обматывать [ремешком] волосы² брата своего мужа [и], напевая, сказала:

— [Жаль], вот скоро эти волосы будут лежать подо мхом.

Сердце этого человека почувствовало недобро. Он взял себе в товарищи мальчика, пошли они на озеро ловить рыбу. Забрали они луки, стрелы. В самую полночь услышали громкий крик [чангитов]. [Он] загасил водой из котелка огонь, чтобы не светил.

У одного человека чум стоял на самом краю яра. Он подскочил к малу³ чума, [схватив] и размахивая покрышкой чума, скатился по откосу и нырнул в реку, бросив покрышку вниз по течению. Чангиты начали стрелять по берестяной покрышке. Пока не ушли [они], человек пробыл на берегу. [Они] перебили всех мужчин на стойбище. По самой середине яра протекал ручей, на другом берегу тоже стояли [зенки] стойбищем. Чангиты этих не видели. Один старик [из стойбища], выйдя по нужде, закричал:

— Чего это шумите?!

Чангиты услышали старика, пришли на это стойбище, всех убили. Мужик, нырнувший [в воду], тихонько вышел из воды, пошел к рыбакам, к своим товарищам. На рассвете они услыхали, что [чангиты] откочевали, увели их жен. Слышишт — сильный плач раздается. Когда [чангиты] ушли, рыбаки пришли домой. Этот мужик начал собирать людей в погоню за чангитами.

Собрали стрелы с убитых. Старухи им указали, [куда чангиты ушли]. Мужики погнались. Чангиты остановились на отдых ло-среди мохового болота. Мужики, зайдя вперед, на краю болота стали следить за ними. Чангиты зашевелились. Старший [из мужиков] указал своим товарищам:

— Впереди [каравана] будет шаман, за шаманом пойдут их главари. Постарайтесь убить их.

Вот идут чангиты. Когда подошли к [спрятавшимся] очень близко, старший выстрелил прямо в шамана. Другие выстрелили в их главарей. Одному главарю, который увертывался, попали в икру [ноги]; остальные от стрел начали разбегаться по болоту. Перебили всех чангитов, вернули своих жен. Один чангит, убегая сказал:

— Женщины, женщины, возвращайтесь [домой]!

32. Женщина и чангит

Иркума Лопа, род. в 1923 г., грамотная.

1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина, выйдя [из чума] по нужде, увидала чангита.¹ Чангит прижал голову к земле.² Женщина пошевелила его волосы, сказала:

— Что это за кочка со мхом? Что это такое твердое?

На чангита, на кочку помочилась. Женщина, увидевшая чангита и потрогавшая его голову, сказала соседке-свойственнице:

— Я видела чангита. Стаскаем одеяла в один мой чум.

Другая женщина сказала:

— Чего это ты на все обращаешь внимание!

[Первая] женщина уложила детей другой женщины на выочных сумы. Мать же их легла спать у себя в чуме.

Женщина, увидевшая чангита, поставила большой чум. Внутри его положила одеяла. Сама спряталась с топором под покрышками внутри чума. Чангит пришел, соседку-свойственницу убил. Потом пошел в другой чум. Вошел в чум, загасил огонь. Женщину не видит. Женщина незаметно ударила топором чангита. Чангит закричал: «Хулангаик! Хулангаик!».³ Потом он умер.

33. Женщина

Аркалик Мукто, грамотная.

1935 г., р. Нидымкан, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина у колодины¹ мочилась. Чангит² забрался в дупло колодины. Женщина потеребила его голову, сказала подруге:

— Женщина, я видела чангита. Точи топоры!

Другая женщина сказала:

— Чего это ты следишь за чангитами? Не верю [тебе]! Не стану точить!

[Первая] женщина положила детей вдоль выочных сум, стоявших в ряд. Детей уложила спать и укрыла их. [В чуме] сунула в одеяло кафтаны; у края костра положила два полешка. Пришел чангит. Убив другую [женщину], не поверившую, он пришел к той, которая мочилась. Загасил покрышкой огонь в чуме. Тогда женщина эта ударила чангита по голове топором. Чангит сказал: «Хулагаик».³

На утро эта женщина вытащила вон чангита. Сыновья ее пришли домой. Эта женщина сказала [одному]:

— Твоя жена, мне не поверившая, убита.

Муж той женщины сказал:

— Ты-то как спаслась? Ты же не убита.

Мужчина этот разрубил чангита и сжег на костре.⁴ Начал плакать по жене.

34. Эвенк и чангит

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1916 г., грамотная. 1945 г., р. Дэткан, р. Непа, Каталгский район, Иркутская область.

Жил эвенк с женой. Домик у них был высоко [от земли], как лабаз,¹ [для защиты] от чангитов.² Когда муж уходил на охоту, жена подымала бревно-лесенку к себе вверх; когда он приходил, сбрасывала вниз.

Однажды муж ушел на охоту. Собаки его начали лаять на лося. Он погнался. Вспотел, бросил рукавицы, бросил шапку. Чангит подобрал их и надел. Побежал к его жене. Добежал до жены, начал кричать:

Бабонька-дружок,

Лесенку сбrosь!

- Борболе! Борболе!³

Жена услыхала. Испугалась изменившегося голоса. Запела:

Не стану, не стану бросать!
Борболе! Борболе!

Голос у тебя чужой!
Борболе! Борболе!

Враг запел:

Дружок бабонька!
Борболе! Борболе!
А что скажешь —
Борболе! Борболе! —

Если брошу рукавицу?
Борболе! Борболе!
Посмотри на свою работу!
Борболе!

Бросил женщине рукавицы. Женщина посмотрела. Узнала рукавицы, свою работу. Но все еще не верит, поет:

Почему у тебя такой голос?
Борболе!

Враг запел:

На собак кричал —
Борболе! Борболе! —
Голос потерял!
Борболе! Борболе! —

Брошу-ка шапку —
Борболе! Борболе! —
Наверняка поверишь!
Борболе! Борболе!

Женщина поверила, сбросила лесенку. Враг поднялся со смехом:

— Ха! Ха! Ха! Как же мне не обмануть такую хорошую женщину? — сказал женщина: — Теперь я уведу тебя домой как свою жену.

Женщина сказала:

— Возьми все вещи, меня оставь!

Враг сказал:

— Я не хочу брать вещи, я хочу взять тебя.
Взял и увел [ее]. Скоро пришел муж. Закричал:

Женушка-дружок!
Борболе! Борболе!

Лесенку сбрось!
Борболе!

Жены нет. Тишина. Опять закричал со слезами:

Жива ли ты или нет?
Борболе! Борболе!

Очень устал я!
Борболе!

Никого нет. Сделал другую лесенку, поднялся. Жены нет.
У сосны спросил:

Сосенка-братишка!
Борболе! Борболе!

Не видала ли жены?
Борболе!

Сосна сказала:

Нет, не видала!
Борболе! Борболе!
Спроси у лиственницы!
Борболе! Борболе!

Лиственница счастливая,
Она все знает.
Борболе!

Спросил у лиственницы:

Лиственница-братишка!
Борболе! Борболе!

Не видала ли жены?
Борболе!

Лиственница запела:

Видела! Видела!
Борболе! Борболе!

Чангит увел ее.
Борболе!

Человек запел:

Куда увел?
Борболе! Борболе!

Лиственница сказала:

[В сторону] заходя солнца
ушел!
Борболе! Борболе!

Туда иди!
Борболе!

Человек пошел к шаману. Пришел, спросил:

— Что мне делать? Чангит увел мою жену.

Шаман сказал:

— Сейчас не ходи. Иди через девять месяцев.

Дал человеку три лучины, сказал:

— Зажги одну, оставь дома. Сам в три месяца обойди землю.
Вернувшись, посмотри на лучину. Если вся горит, найдешь жену. Если нет, то плохо. Ходи так три раза.

Человек зажег луchinу, отправился. Вернулся через три ме-сяца, лучина не сгорела — осталась с палец. Зажег вторую. Вто-рой раз пошел в обход. Вернулся опять через три месяца. Лу-чина осталась с наперсток. Человек рад — его лучины предсказы-вают хорошее. В третий раз пошел в обход. Опять вернулся — лучина сгорела. Человек пошел к шаману, рассказал обо всем. Шаман сказал:

— Теперь хорошенъко приготовься. Сделай себе хороший лук, стрелу с железным наконечником. Иди искать жену.

Человек хорошо приготовился, наделал много стрел. Крепкий лук сделал. Пошел в сторону заката солнца. Три дня шел, дошел до чангита. Подойдя к его двери, закричал:

Чангит! Чангит!
Борболе! Борболе!

Ну, если ты силен, выходи!
Борболе!

Враг запел:

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Зубы паточу —
Борболе! Борболе!

[Чтобы] укусить, если
ослабну!
Борболе!

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Детей поцелую (букв.:
понюхаю).

Борболе! Борболе!
Может быть, побежден буду.
Борболе!

Человек не ждал. Открыл с силой дверку. Видит — чангит пытается убить его жену. Выстрелил он в него, попал в ухо. Убил чангита, освободил жену, увел ее домой.

35. Киндыгир и чангиты

Николай Шапыгин, грамотный.

1936 г., р. Верхняя Ангара, оз. Байкал, Северо-Байкальский район, Бурятская АССР.

Жили четыре брата, одна сестра и двое мальчишек [из рода Киндыгир]. Они очень боялись чангитов.¹ Ребятам сказали, чтобы [они, сидя на деревьях], смотрели хорошенъко, не прозевали бы [чангитов].² [Братья] вошли в чум. Сестра нашла табак, братья закурили. Ребята, забравшись на деревья, кричат по-вороны:

— Близко не видно, поблизости нет!

Дети проезвали чангитов. Три брата слишком много курили, у них закружились головы. В их чумы начали стрелять чужие — чангиты. Они выскоцили из чумов. Начали биться с чангитами. В конце концов старший сказал [своим братьям]:

— [Вы] стреляете, не очень-то увертывались.

Лишь только он так сказал, средний [брать] ослаб и упал без чувств; [враги] его застрелили, убили. Потом убили второго брата, и только тогда убили и [старшего]. Сестра, когда братья были убиты, убежала, надев их одежду.³ Теперь чангиты выстрелили в нее и убили.

Чангиты пришли, посмотрели — [оказывается], они убили девушку. Заплачали по девушке.⁴

— Откуда мы могли знать, что она может попасть под выстрел? Если бы следовала традиции (букв.: была бы настоящим человеком), сидела бы в чуме!

Парнишки убежали, спрятались от чангитов. Чангиты зовут их, чтобы убить. Среди чангитов был один человек, взятый от Киндыгиров. Этот Киндыгир, щаца [ребят], увидел парнишку. Увидев, остановился, начал мочиться, чтобы другой чангит не обратил внимания. Когда его товарищ обошел [его] стороной, Киндыгир подошел к парнишке, сказал:

— Поведай о Киндыгирах, я когда-то и сам был Киндыгиром.

Дал парнишке кремень для высекания огня. Этот парнишка вернулся к Киндыгирам. С тех пор и стали об этом рассказывать.

36. Бэрко и чангиты

Никита Сахаров (Чакигир), род. в 1916 г., грамотный.
1937 г., р. Тунгир, Тунгирский район, Читинская область.

Летом много матов (т. е. эвенков), стоя на одном стойбище, пели песни, веселились. Эти маты, веселясь, целое лето ничего не делали. Они только и знали одно веселье. Прежде эвенки зиму охотились, а летом отдыхали. Они летом ели то, что заготавливали зимой. Среди них был один мата. У него были жена и младшая сестра; детей не было. Имя его было Бэрко, имя сестры — Тоган, имя жены — Чипа.

В то время они веселились все лето. Бэрко был сильным человеком, мастер бить зверя; он ничего и никого не боялся. Каждого зверя, которого Бэрко видел перед собою, он убивал. Он был сыном Буллэтов.¹ Бэрко взял жену от Нгангагиров;² Чипа была из рода Нгангагир. Летом они жили с родной женой.³ Родня очень любила зятя. Буллэты были очень богаты. Нгангагиры отдали дочь богачу.

Пока они так веселились, приближалась зима. Настала зима, пошел снег. Бэрко-мужик, когда началась зима, уехал от родных. Они сговорились встретиться весной. Уезжая, Бэрко говорил тестю:

— Ну, старик, хорошенько бей белок. Весной встретимся.

Тестя, уйдя вперед, вернулся к зятю. Подойдя, сказал:

— Ну, зять, если найдешь что-нибудь для еды, принеси гостинца — часть туши убитого зверя.

Бэрко-мужик, уехав от родных, всю зиму охотился. За эту зиму он [с семьей] съел много зверей. Они за зиму съели пять медведей. Пока они кочевали зимой, подошла весна. Бэрко на охоте встретил мату. Этот матя тоже охотился. Бэрко начал его спрашивать:

— Чьего ты рода?

Мата сказал:

— Я Игангагирский.

— Я этих Игангагиров знаю.

Сказав так, Бэрко спросил:

— Кто твой отец?

— Мой отец человек по имени Хонгта.

Бэрко голову почесал, почесал и сказал:

— Я такого родственника не знаю. Никогда не слыхал о Хонгте, — и добавил: — Завтра познакомимся.

Мата сказал:

— Ну, завтра познакомимся. Вот, мата, завтра прикочевывайте к нам.

— Прикочуем, — сказал Бэрко.

Бэрко, придя домой, своим рассказал:

— Я встретил мату, встретил человека из рода Игангагир. Они стоят вверх по той речке. Я ему сказал: «Мы завтра прикочуем к вам».

Жена⁴ сказала:

— Хорошо, откочуем.

На утро они отправились в кочевку. Бэрко-мужик пешим пошел вперед. Тоган привела оленей. Чила начала складывать вещи. Бэрко дошел до маты, начал ставить жерди чума. Поставив остов, пошел за дровами. Подрубил дерево около задней стороны чума матов. Около их вещей свалил дерево. Прешел Бэрко около вещей матов. Проходя, увидел на вещах матов что-то страшное. Увидев, сказал:

— Ну, к худым [людям] пришел.

Сказав так, пошел к приготовленному остову чума. Доносятся уже звуки каравана. Бэрко-мужик задумался, как уйти от чаангитов.⁵ Пришли его хозяинки.

— Вот, — начал он рассказывать, — мы пришли к худым людям: на их вещах я видел что-то худое. Чангиты-то, вероятно, людоеды. Давайте откочуем. Вы покройте половину чума,⁶ поймайте оленей, навьючите их и отправляйтесь кочевать. Я же пойду к [этим] людям в гости.

Уходя в гости, он сказал:

— Отправляясь кочевать, привяжите для меня самого быстрого верхового оленя.

Бэрко-мужик взял нож, пошел в гости. Семья его начала собираться откочевывать. Тоган пошла за оленями. Чила накрыла половину чума, ту сторону, которая выходила к чаангитам. Тоган

привела оленей. Когда начало темнеть, они навьючили оленей, отправились. Всю ночь шли. Для своего мужика привязали самого быстроногого оленя.

Когда Бэрко пришел в гости к чангитам, они посадили его на малу⁷ за костром. Бэрко, войдя и сев, начал рассматривать. В котле у них варилось мясо. Сидели двое мужиков. Один мужик очень широкий, похож на сонинга.⁸ Они угостили гостя чаем. Стали варить мясо в котле. Пока он сидел как гость, другой мужик рассказывал о том, что он якобы видел. Когда стемнело, пришло еще два человека. Оба сильные мужики. На Бэрко напал страх. Он уже порядочно сидит у чангитов. Бэрко собрался домой. Они говорят:

— Посиди, еще выпьем чаю.

Опять начали пить чай. Бэрко опять собрался уходить, попив чаю. Они непускают. Мать чангитов у дверки посматривает. Она сказала:

— Твоя семья уже спит.

Бэрко сделал попытку выйти. Когда добрались до дверки, они поймали его. Бэрко ударил ножом схватившего. Другие вскочили, пытались ударить ножом Бэрко. В тот момент, когда они замахнулись, Бэрко заслонился их детьми. Они закололи своих детей. Таким способом Бэрко еле-еле выскошил через дверку. Когда он вышел, они подняли крик. Начали драться друг с другом. Один сказал:

— Это ты выпустил его!

Бэрко в тот момент, когда они дрались, побежал к своему чуму. Там привязан его верховой олень, рядом висит его лук. Бэрко взял лук и поехал на олене по следам своих. Ехал, ехал, потом, обогнув свои следы, вернулся [назад]. Начал подкарауливать чангитов. Вот чангиты идут на лыжах.⁹ Передний быстро катится. Третий из чангитов тащит груз на себе. Самый сильный из них говорит:

— Смотрите, не потеряйте чайников. Сейчас встретим и убьем его.

Бэрко-мужик очень рассердился, услышав слова чангитов. Начал стрелять в щедших. Всех чангитов перебил. Убив трех чангитов, вернулся к их чумам, убил их жен, пошел обратно. Зашел вперед, прислушался. Старуха бормочет, чистя котел: «Эх, жирного человека упустили».

Он вошел в чум. Схватил за голову эту чистившую, сунул головою в огонь. Пока он возился со старушкой, из глубины вылезла девочка. Бэрко не видел выходившую девочку. Он сказал:

— Я всех чангитов и их женщин перебил.

Перебив всех, он ногнался по следам своих. Долго гнался за ними. Хозяйки ушли очень далеко. Наконец дотнул Бэрко-мужик своих хозяек. Его родные боялись, думая: «Нашего мужика убили».

Придя, он начал пить чай. Кончил пить чай, говорит:

— Я прикончил всех чангитов. Теперь они не придут.

Семья его обрадовалась. «Цел наш мужик, не убили его», — говорят. Они собрались кочевать. Сложив покрышки чума, начали есть. Во время еды Тоган посмотрела вверх по реке. Глядя, увидела кого-то, [идущего] вверху по [льду] реки. Она сказала брату:

— Брат, кто-то там мелькает на льду.

Брат спросил:

— Где?

Начал смотреть. Вглядываясь, увидел — много чангитов катится по льду на лыжах. Бэрко-мужик сказал:

— Это идут чангиты.

Начал он думать, как поступить — бежать или стрелять. Бэрко сказал жене:

— Не будем стрелять, их очень много. Ты ложись под застругу.¹⁰ Мы останемся с Тоганой, — объяснил [Бэрко] жене.

Он сказал Чипе:

— Если чангиты убьют меня, ты откочевывай к своим братьям.

Чипа не глупа (букв.: Чипа как Чипа), влезла под застругу. Бэрко и Тоган остались. Вот чангиты стали приближаться. Вот уже совсем близко подходят чангиты. Их было восемь. Чангиты окружили Бэрко. Чангиты, запугивая их, сказали:

— Будете плохо разговаривать, убьем! Наших сородичей кто убил? — спросили они у Бэрко.

Бэрко сказал:

— Я ничего не знаю.

Тогда чангиты сказали им:

— [О том, что] наших сородичей убили, нам рассказала одна девочка. Убежала она, когда они бились. Эта девочка едва пришла.

Один чангит сказал:

— Ну, тогда вы помогите нам отомстить убийце.

Чангиты, запугав их, увели. Бэрко дали очень хорошие лыжи. И Тогане дали очень хорошие лыжи. Оба они были быстроходами, а брат был особо быстрым [на ходьбу]. Чангиты очень торопились. «[Убийцы] могут далеко уйти», — говорили.

Ну вот, все отправились на поиски убийц. Идут, дошли до следов оленей [сородичей]. Сородичи (букв.: враги) долго жили на одном месте, их олени разбежались очень далеко. Чангиты очень долго искали следы убийц. Они не нашли их следов. Поэтому очень рассердились. Один чангит очень быстро пошел вперед. Идя впереди, он остановился. Чангит сказал [Бэрко]:

— Иди ты впереди!

Бэрко пошел впереди. Сестра идет за ним. Бэрко пошел быстро, он подумал: «Мою сестру чангиты убьют, [если догадаются]». Идя, посмотрел назад, в направлении сестры. Сестры не видно, только чангиты идут. Он пошел быстрее. Бэрко сильно

рассердился, когда убили его сестру. Он отскочил в сторону. Отскочив, начал стрелять в чангитов. Тогда Бэрко убил много чангитов. Троих из них убежали.

Чангиты, проголодавшись, направились затем домой. Чангиты потеряли Бэрко и, потеряв, пошли домой. Бэрко тожешел к их чуме. Там на улице его подстерегал один человек. Бэрко-мужик увидел его. Увидев, начал прислушиваться. [Слышил] — в чуме проголодавшиеся насыщаются. Бэрко выстрелил в их сторожа. Этот сторож сразу упал. Евши в чуме говорят:

— Стереги хорошенько!

Сторож не откликнулся. Бэрко спустил стрелу в лоб сторожу. Из чума спрашивают сторожа:

— Ты не замерз?

Сторож не отвечает. Чангиты говорят:

— Почему не отвечает?

Один чангит вышел. Вышедшего Бэрко убил. Чангиты говорят:

— И этот мужик ушел.

Они посмотрели на своего мужика. Мужик их мертв. Чангиты подняли шум. Главный из них сказал:

— Я ничего не боюсь.

Сказав так, он выскочил. Падая [после выстрела], чангит сказал Бэрко:

— Если ты хочешь убить (букв.: съесть) меня, то убивай уж всех!

Бэрко убил главаря чангитов. Чангиты очень испугались Бэрко. Ни один из них не вышел из чума. Чангиты всю ночь прятались в чуме от Бэрко. Бэрко-мужик всю ночь подстерегал чангитов. Чангиты ночью не выходили. Бэрко-мужик задумался. В ту ночь была сильная вьюга. Бэрко сильно замерз. Продрогнув, он сказал:

— Чангиты, выходите из чума! Если выйдете, я не стану вас убивать; если не выйдете, я сейчас же перебью вас!

Чангиты поверили ему. Поверив, они вышли. Когда они вышли, Бэрко-мужик начал стрелять.

Бэрко рассказывал:¹¹

— Я начал убивать всех выходящих чангитов. Я перебил чангитов. Но один из чангитов не вышел, остался. Я, перебив чангитов, вошел в чуму. Входя, я увидел одного чангита. Чангит, увидев меня, закричал, громко закричал: «Эй, мата, не убивай, я на тебя буду работать!». Я, — рассказывал Бэрко, — был очень сердит на тех за то, что убили мою сестру. Я этому чангиту отрубил пальмой¹² голову. Убив всех чангитов, я вспомнил о сестре. Вспомнив, я везде искал ее следы. Нашел то место, где убили сестру. На этом месте сестры нет, только ее кровь. Я остался один. Я остался без жены и сестры. Оставшись один, плакал и скучал. Скучая, вспомнил, что жена влезла [под застругу]. С тех пор как договаривались, прошел один месяц. Я много раз вспоминал

жену, вспоминал, как она влезла в снег. В то время, когда я былся с чангитами, я никого не вспоминал. Вспомнив о жене, я направился к тому месту, где она влезла под застругу. Дошел до того места, где была жена. Жены нет на этом месте. Она вылезла из-под заструги. Я начал искать дорогу, по которой пошла жена. Увидел, что она откочевала. Погнался по следам жены. Очень долго гнался за ней. Моя жена торопилась прийти к сроку, назначенному ее отцом. Я догнал жслю на десятый день. Догнал, и мы направились кочевать в назначенное место. На третий день добрались до места. На этом месте стояло очень много матов. У этих матов жил и мой тесть. Я рассказал [обо всем], встретив этих матов.

У матов было три шамана. [Эвенки] остановились на стойбище, заставили шамана шаманиТЬ. Шаман, посмотрев, сказал:

— Очень много чангитов гонится по вашим следам.

Другой шаман сказал:

— Ты большой лгун!

Самый большой шаман сказал:

— Медведи, волки шаманов ведут.¹³ Очень много чангитов идет, — и он добавил: — Ну, мужики, хорошенько готовьтесь, идут соннати чангитов.

У эвенков тоже были соннати. Некоторые из эвенкийских соннатов ничего не боялись. Маты ежедневно поджидали чангитов. Маты опять заставили шаманиТЬ самого главного шамана. Когда шаман шаманиЛ, порвались кисти-бахрома его плаща, сломалась колотушка. Шаман кончил шаманиТЬ. Кончив, сказал:

— Чангиты подходят.

В ту ночь шаманы эвенков умерли. На эвенков напал страх. Когда залаяли собаки, одна женщина вышла к венцам. У вешней залегли чангиты. Женщина, как бы не заметив их, вошла в чум. У эвенков луки были спаружи.¹⁴ Прежде эвенки держали луки спаружи, чтобы тетивы не пересыхали. Если оставить в чуме, тетивы пересохнут. Эвенки никак не могут взять свои луки. Тем временем чангиты начали спускать стрелы. Эвенки выскочили без луков. Они в этот день не выставили сторожей. Чангиты убили очень много эвенков. Эвенки тоже много их убили. Если бы у эвенков луки были в чуме, то они победили бы чангитов. Чангитов было очень много.

37. Человек и чангит

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Это было очень давно. На устье притока большой каменистой реки, у подножия большой горы подымался дым из одного чума. Около чума лежали два оленя. У костра [в чуме] играл ребенок, начинающий ходить. Около чума стояли ряды выочных сум.

В чуме сидела женщина и штопала унту. Эта женщина поджидала мужа. Муж был на охоте. Женщина думала: «Бог не посыпает зверя, мука уже кончилась». Муж этой женщины охотился три дня и, никого не убив, возвращался домой. Возвращаясь, он увидел в долине человека, шедшего к притоку [реки]. Этот человек был чангитом.¹ Встретившись, они поздоровались, сели на колодину² и закурили. Чангит спросил человека:

— Ты за каким зверем охотишься?

Человек ответил:

— Я охочусь только за четвероногими зверями — свистящими, шипящими и зимой спящими.

Чангит сказал:

— Я таких зверей не признаю, я охочусь за двуногими. Я нашел тебя. Сейчас я тебя съем.

Человек очень испугался и говорит:

— Ты не убивай меня, у меня есть сын. Ты приходи ко мне завтра. Еще не входя в чум, открай рот и загляни в чум. Я брошу тебе в рот своего сына.

Чангит согласился. Сговорившись, оба разошлись по домам. Человек, придя домой, начал рассказывать жене:

— Я встретил чангита. Чангит собрался съесть меня. Я должен отдать ему сына. Завтра он придет.

Мать, услышав об этом, расплакалась, жалея сына. Ночь проплакала. Утром, встав, стала месить тесто. Много теста подготовила. Начали поджидать чангита. Вот слышат — чангит идет, распевая:

Дён, дёй, дёй, ден!
Поем, поем, поем!
Вку-вку-вкусное
Мя-мя-мясо!
Ско-ско-скорей

Бро-бро-бросайте
Сы-сы-сына
В гло-гло-глотку!
Ис-ис-иссохла сна,
Мя-мя-мяса не, не, не поев!

Распевая, чангит вдруг разинул пасть и заглянул в дверку. Как только он заглянул, человек бросил ему в пасть тесто. Пасть чангита наполнилась тестом. Чангит запел:

Эх, чол-чол-чолдон!
Эх, лич-лич-личар!
Эх, тып-тып-тышар!

Эх, пло-пло-плохое!
Эх, мя-мя-мясо!

С этой песней чангит исчез. Лишь только чангит исчез, человек переловил оленей и откочевал в далекие места.

38. Манги-чангит

Екатерина Маркова (Чакигир), род. в 1900 г., неграмотная. 1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Прежде эвенки передвигались на лодках. У них не было верховых оленей, не было оленей вообще. Они охотились.

Давно жили манги.¹ Манги были чангитами.² Они ездили верхом на конях.

Тогда же жил охотник. Когда начало темнеть, манги пришли к человеку. У человека были дочь и жена. Жена вываривала кости, собираясь получить жир. [Вываривая], взглянула вверх. На скалах увидела чангитов. Тихонько произнесла:

— Чангиты пришли!

Муж ее погрузил лодку. Она дернула дочь за ухо, закричала:

— Как это ты не можешь найти оленем кровь? Вон туда я всегда клала, едва [пузырь с кровью] притащила. Всегда на том месте лежит! Всегда там лежит!

Она взяла дочь на руки и вышла из лодки. Потом они поплыли вниз по реке со словами: «Вот, просвертили все-таки лодки».³

Чангиты закричали:

— Упустили добычу!

Была еще женщина из чужого рода. Чангиты пришли к другим [эвенкам], у речушки залегли [между кочеками]. Женщина пришла за водою. Увидела, тихонько сообщила второй:

— Чангиты пришли. Давай не убегать, а рвать увядшую траву для стелек.

Вторая сказала:

— Давай выдирать их волосы.

Начали выдергивать [волосы] у залегших. Чангиты говорят:

— Ах ты, такая-сякая!

Тогда женщины бросились бежать от чангитов. Чангиты отстали от них.

39. Куригуль и манги

Кокотой Нюшкагир, род. в 1875 г., неграмотный.

1936 г., пос. Банновара, Тунгусско-Чукский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил человек Куригуль. У него было два младших брата. Куригуль женат, те холостые. Они жили охотой. Жена бывало скажет:

— Боюсь я — оставляешь меня дома одну. Не оставляй, страшно!

[Тогда] он построил ей высокое жилище — лабаз,¹ поднял туда жену. А чум остался на земле до его прихода. Вечером, народившись и находитившись, он возвращался. Все трое днем охотились в разных местах. Куригуль на охоте убил дикого оленя, собака его задрала медведя. Начал Куригуль свежевать зверя. Обычно при свежевании он сдирал шкуру от головы. А сейчас по ошибке начал сдирать к голове. Ругнулся мужик. Посмотрел, а манги² уносит его жену. Жена крикнула:

— Вот, оставляй меня, теперь один без меня намучаешься!

Куригуль взял стрелу и пустил [в манги], но промахнулся. Манги этот удетел и его младшему брату. Посмотрел [Куригуль] вверх, [вспомнил слова жены]: «Ты, друг, моиа стереги!». Пустил

он стрелу [в манги], немного промахнулся. К младшему брату — Нике полетел. Взглянул [Куригуль], услышал голос [жены]. Схватил лук, стрелы, выстрелил и задел хвост [манги]. Пролетел [тот] мимо.

Братья-мужики вернулись домой. Они знали, где [манги] живет. Стрела не может его пробить — все бока железные (т. е. в броне). Куригуль кузнец. У него [тоже все железное], только рот без железа. Тогда Куригуль выковал железо для рта. Выковал для себя и для младших братьев, [включая] Нику. Младший брат Ника — сильный мужик. Пошли они тогда к манги. Дошли до него. Живет он в деревянном доме. Позвали его, вышел [тот]. У манги есть большие лук и стрелы. Тогда Ника сказал:

— Давайте ловить ртами стрелы, когда они, пущенные вверх, будут падать.

Манги пустил вверх стрелу. Ника поймал ртом падающую стрелу. Упала стрела ему в рот. Тогда Ника пустил вверх стрелу. Манги открыл рот, чтобы поймать стрелу. Стрела упала в рот манги, прошла через все внутренности и вышла в анальное отверстие. Сразу же убила его. Всплыли [братья] в избу манги. Жена никак не узнает их. Манги испортил ей зад. Взяли жену, увезли домой. Она не может сидеть — падает. Испорчен у нее зад. Тогда Куригуль выковал шурш, вставил ей в зад. После этого она прожила только годик и умерла.

40. Чакиптула

Мария Комбагир, род. в 1922 г., грамотная.

1935 г., оз. Неконгда, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чакиптулы было две жены. Одна была только что взятая, другая — старая. Чакиптула ушел, пошел охотиться. [У них] ощенилась собака. Чакиптула пришел домой. [Вторая] жена сказала:

— У твоей жены ребенок щенком пищит.

Чакиптула пришел в чум старой жены. Посмотрел и, [увидав щенка], ушел вместе с другой женой на озерко. У оставшейся жены родился сын, пока она жила в старом чуме. Искала [она] по речкам налинов. Нашла одного налима. Тот спросил:

— Что с тобой?

— Меня Чакиптула бросил в чуме. Нечем кормить сына.

Этот налим сказал:

— У меня ничего нет, у меня только печень.

Она сказала:

— Давай ею кормить.

Начали выкармливать сына здвоем с налином. Потом сын подрос, всякого [зверя] начал бить. Однажды мать сказала:

— Иди к отцу. Он откочевал на озеро. Иди и не забывай напевать: «Чакишула! Чакишула!», — сказала мать.

Так, напевая, он ушел. Идет и поет. Перепрыгивая через реку, забыл [слово]. Опять вернулся к матери. Мать сказала:

— Что с тобой случилось? [Зачем] сюда вернулся?

— Забыл [слово].

— Не забывай, все время пой.

Так, напевая, опять ушел. Не забыл песни. Дома до людей. [Отец] спросил его:

— Что тебе?

— Мой отец, по имени Чакишула, пришел в этот чум, — сказал он. — Не ты ли это?

Мужик, [увидев сына], побил свою жену, которая заставила оставить сына, и с ним ушел.

41. Мальчик

Дюлигча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.

1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил мужичишка эвенк. У него было две жены. Одна жена сердится, плохо обращается, другая хорошо обращается. Муж эту жену не бил. [Эта] жена его родила мальчика. А первая жена спрятала мальчика, подложила [взамен] мешок. Пришел муж (букв.: человек), первая жена сказала:

— Жена твоя родила пустой мешок.

Как только она сказала о мешке, муж рассердился, сказал:

— На худую жену сердкусь; оставлю тебя!

Оставил он одну жену в старом чуме. С другой женой откочевал. Спрятанного ребенка та женщина утопила в реке. В этой реке ребенка нашел налим, начал его воспитывать. Выкормил ребенка. Он начал ходить. Эвенкийка-мать увидала на берегу, на песке следы ребенка, сказала, догадываясь:

— Уж не моего ли сына след?

Сделала для ребенка маленькие унты: одну сделала совсем маленькой, другую побольше. Ребенок стал жить в воде. Он по песку начал ходить, по берегу. Там нашел унты, сделанные его матерью. Мальчик начал их надевать. Одну, которая поменьше, не смог надеть, другую надел хорошо. Мальчик заплакал, не сумев надеть. Мать услыхала его плач. Прибежала, схватила сына, надевавшего унты. Налим сказал:

— Моего сына уносить! Что ты собираешься делать?

Эвенкийка сказала:

— Мой он! На реку пошел, а ты поймал.

Потом мать начала воспитывать сына. Сын стал мужчиною. Большим стал. Начал охотиться на зверей. Стал их убивать. Мать говорит:

— Пойдем по следам отца!

Пошли по его следам. Пришел он к отцу, догнав его. У отца заночевал. Отцу нечего есть. Ложась спать, этот парень говорит отцу:

— Давай-ка поговорим о прошлом.

Пришедший парень начал рассказывать:

— Вот мой рассказ. Жена [одного] мужика родила. Вторая [жена] спрятала ее сына, подложила мешок, утопив ребенка в реке. Налим воспитал ребенка. Мать нашла его. Увидав на реке след, спшила унты. [Когда ребенок вышел на берег], мать схватила илачувшего, утащила домой. Схватив, начала сына воспитывать, пока он не стал мужчиной. «Ну, — сказала сыну мать, — пойдем по меткам и следам отца». Этот парень теперь нашел отца. Ты знаешь этот рассказ? Жена его, которую он оставил, в старом чуме.

У отца этого парня дрогнуло сердце.

— Малыш, — сказал он, — я оставил свою жену в чуме, когда она родила мешок.

Потом парень сказал:

— Мою мать ты оставил не одну, — говорит парень. — Я стал мужчиной, пошел по этой дороге.

У этого парня в пупе появилось золото. Он показал отцу пуп золота. Утром этот парень ушел охотиться, убил дикого оленя, принес отцу ногу. Отец содрал камыс с ноги, чтобы съесть. А ногой этой ударили жену-[обманщицу] так, что у той треснул череп. Жена умерла.

— Если бы ты не спрятала сына, [мы] бы не голодали. Меня обманула, говоря: «Мешок родила».

Муж вернулся ко второй жене. Тогда сын, у которого было в пупе золото, умер. Его положили глубоко в землю.

С тех пор золото появилось на дне земли. Если бы не покрывали могилу землей, золото до сих пор было бы на поверхности земли.

42. Дептылы

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная.
1946 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Дептылы прикочевали к эвенкам. Эвенки не знали, что те были худыми людьми. Дружили с ними, жили на одном стойбище. Дептылы начали сватать [у эвенков] девушку. Эвенки отдали [девушку], стали сватать их девушку [для себя]. Посватали. Дептылы откочевали отдельно. Они берегут девушку: не заставляют работать, кормят хорошим мясом. Девушка не может понять, почему за ней так ухаживают, говорит: «Такие хорошие!».

Эвенк пришел в гости к Дептылам. Эвенкийка, [жена Дептыла], сказала брату:

— Мне хорошо жить. Меня не заставляют работать, кормят меня лучшим мясом.

Она послала матери [подарок] — нагрудник. Он ушел домой.

Девушка эвенкийка, живя у Дептылов, узнала, что ее хотят принести в жертву.

Однажды они начали шаманить, собирались в одном чуме. Девушку вместе с детьми отправили в чужой чум. Дети подошли к ней. Держа ее руки, говорят:

— Это будет моя игрушка.

Другая говорит:

— Нет, моя!

Девушка спросила:

— Почему вы хотите взять мои бабки от меня живой?

Ребята сказали:

— Утром тебя принесут в жертву.

Девушка поняла и обманула детей:

— Вы спите, а я пойду по нужде.

Выходя вон, положила на пень свой кафтан. Сама надела другую одежду и побежала по тропе. Дети пошли посмотреть. Увидели пепел [с кафтаном] и говорят:

— Вон она присела.

Утром пришли Дептылы, чтобы ее убить. Но девушки нет. Девушка подошла к склонившемуся дереву и влезла [на него]. Затем с него спрыгнула и нырнула под снег. Дептылы пошли искать, гоняясь по ее следу. Дошли до наклонившегося дерева, там след исчез. Дептылы так и не смогли найти ее. Вокруг дерева ходили на лыжах, не смогли ее отыскать. Шаман их шаманил, тоже не смог найти. Говорят они:

— Шаман [эвенков] сильнее. Не станем с ними воевать.

Откочевали они на другое стойбище.

Девушка вышла из-под снега, побежала к родителям. Придя, рассказала обо всем, спросила мать и отца:

— Почему вы отдали меня худым людям?

Мать сказала:

— Почему же ты сообщала, что живешь хорошо?

Эвенки спяли с нее одежду, надели на девушку Дептылов. Свели ту на то место, где пряталась эвенкийка, убили, а лицо ободрали, чтобы [Дептылы] не узнали. Сами откочевали.

Дептылы опять вернулись на старое стойбище, ишли искать, говоря:

— Вероятно, эта девушка вышла?

Нашли мертвую и говорят:

— Вот, вероятно, она.

Принесли домой. Во время камлания принесли ее в жертву. Так эвенки обманули Дептылов.

43. Дептыгиры

Евдокия Маркова (Чакитир), род. в 1910 г., грамотная.
1947 г., р. Тунгир, р. Тывда, Читинская область.

Жили хорошие эвенки. Невестка у них была из рода Дептыгири. Они же отдали свою дочь Дептыгирам. Разъехавшись со свойственниками, [Дептыгиры] решили принести свою невестку в жертву. Остановились на стоянке. Детишки говорят ей:

— Кости твоих пальцев будут для нас куклами.

Женщина спросила:

— Меня хотят убить?

Сама думает: «Заберусь-ка я в пустоту каменистой осыпи».¹ Попала, положила в пустоту продукты. Вот вечером пришли охотники, проголосились. Эта женщина говорит:

— Я выйду по своей нужде.

Вышла. Повесила свой кафтан на пень, сама влезла в пустоту. Те ходили на лыжах по поверхности осыпи, искали ее, не нашли.

Простояли они три дня и откочевали. Та женщина три дня пролежала в снегу. Потом поднялась выруга, начался ветер. Девушка эта вылезла из-под снега, побежала по поверхности его. Ветер замел ее следы. Прибежала она к родителям.

— Почему пришла?

— Меня собирались принести в жертву.

Тогда они собирались и далеко откочевали.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Кодакчон — уранкай, житель горной тайги. Он пеший охотник, живет на средней Сивир-земле. Он отправляется по всем троим Сивир-землям, на восток от родных мест. Героиня Монгукчон, спасаясь от врага, путешествует южнее средней Сивир-земли, рядом с Кеян-землей, по окраинам Кидал-земли и других Сивир-земель (верхней и нижней). Встретившись с Кодакчоном, она просит его защитить ее от преследования врага. Кодакчон убивает ее врага и склоняет его труп. Разделавшись с врагом, Кодакчон направляется дальше на восток. В пути, заметив оленя, он гонится за ним и попадает в места героини: это один из ее домашних оленей. За оказанную ей помощь в борьбе с врагом Монгукчон соглашается стать женой Кодакчона.

¹ Чум-утэн — конусообразное жилище, составленное из тонких жердей и покрытое дерном, землей, а иногда корой хвойных деревьев и шкурами. У некоторых эвенков из сказаний утэн служил летним жилищем; в XVII—XIX вв. это было зимнее жилище.

² В сказаниях термин «мат» употребляется в значении «человек» и как самоназвание. В последнем значении он употреблялся в начале советского периода среди эвенков верхней части бассейна Олекмы, предки которых были связаны с верхним Приамурьем. В преданиях подкаменито-тунгусских эвенков этим термином называют род жены и всех его членов (см., например, предание 34). В современных говорах словом «мат» называют и приордца, соседа, гостя, пришельца, ботатыри. Из других языков это слово известно только в эвенском в значениях «пришелец», «путник», «чужеродец». Но в чукотском и корякском языках от корня «мат» образуются все термины свойства и глагол «брать в жену». Это не случайное совпадение, а, как и многие другие факты, общие для языка и этнографии чукчей и коряков, с одной стороны, и тунгусов — с другой, свидетельствует о древних связях отдаленных предков тунгусов с сибирскими предками современных чукчей и коряков (оленых).

³ Сивир — название земли и племени. В сказаниях упоминаются три земли Сивир. Средняя Сивир-земля граничит с Кеян-землей; через Кеян-землю попадают в Кидал-землю. В горной тайге средней Сивир-земли живут охотники-уранкай. К югу от Сивир-земли находится теплая местность: там «деревья не желтеют и вода не замерзает, это места зимовок штиц» (см. сказание 4).

Название племени сивир может быть сопоставлено с названием шивеи (VII в.) — названием предков современных сибиряцев (шибо), по языку родственных маньчжурам и в настоящее время в большинстве своем живущих в Синьцзяне и имеющих свою письменность. В летописях VII в. термином «шивеи» назывались различные по языку и по культуре племена (южные, северные, бо, пеньмохын, большие); языки больших шивеев, которые жили севернее всех других, отличался от языков остальных групп.

Поскольку в сказаниях основные герои живут в районах к западу от рек Онона и Амюэв (в верхней части бассейна Амура), рядом с Сивир-землей или на ней самой, можно указать на записанные Д. Г. Мессершмидтом в 1725 г. в том же районе топонимы: р. Кара-Шибир (приток Уды), степь Шибир, р. Нарин-Шибир (в бассейне Онона); село Удинское в то время называлось Шиваган.

В новой Танской истории (VII в.) о шивеях говорится, что «их язык есть язык мохэ», что они имеют только старейшин, которые называются «мохэду» (имея вождя относят к тунгусам; см.: Н. В. Кюлер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62). Южные шивеи, согласно старой Танской истории, являются особым родом киданей на северной границе народа дун-ху. В истории Бэйши (VII в.) говорится, что язык шивеев «один с кумохским, киданским и даулским», что «поколения их, обитающие на юге, называются кидань» (Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 76).

⁴ Кидан (*кеба ~ кедан ~ китан*) — название земли и племени. В сказаниях кидане по языку близки эвенкам-уранкаям («твоя речь на мою, уранкая речь, похожа»; «я услышал речь, похожую на мою»). Но рядом с указанием сходства языка киданей и уранкаев, в сказаниях отмечаются и кидане с особым языком («послышалась речь киданская»). От киданей эвэнки-уралканы берут себе жен. В некоторых сказаниях слово *кидани ~ кедайканы* является словом запева. О том, что отдельные представители киданей вошли в среду эвенков, дав начало роду Кидань (мк. ч. Кидар), говорит название рода — Кидарский, записанное в документах XVII в. среди амгульских и охотских тунгусов.

В сказаниях фигурируют представители разных родов из племени кидань, например Нингтони из рода Орель (Орельский род также был зафиксирован среди амгульских тунгусов XVII в.), коневодка Тыргакчан из рода Дейдо-Девульгои (название Девульго — Дебульго сохраняется до настоящего времени среди верхнесамгинских звяников Якутии; современные Марфусаловы также считают свое происхождение из рода Девульго), оленевод Монгруши (он же Юлтони) из рода Немедар, Монгукчан из рода Кемони, живущая на Сивир-земле. Кидане отличаются от пеших охотников тем, что содержат коней для езды и оленей, которых убивают на мясо. Жилищем им служат деревянные четырехгранные айтурские (=уйгурские) дома.

Языковая близость некоторых киданей и эвенков-уранкаев и отсутствие кочевого скотоводства у киданей, по-видимому, являются отражением очень раннего времени, когда группы киданей, живущие рядом с тунгусами — сивирами и уранкаями, продолжая охотиться, только начинали становиться коневодами.

Первые сведения о киданях появляются в IV в. По данным истории Бэйши, кидане были одного корня с кумохи и западными соседями (Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т. II, стр. 74), «общими их сходны с мохэскими» (там же, стр. 75), некоторые из них содержали оленей (Н. В. Кюлер. Китайские данные о народах Сибири. Рукопись. Архив Инст. этнографии, № 3). В X в. это сильное племя скотоводов, покорив и объединив другие племена, образовало киданско-государство Ляо.

Уранкай — житель горной тайги. Этот этноним в эвенкийских сказаниях встречен впервые; он имеется в якутских ололхо, встречается и в негидальских преданиях. Уранкай сказаний — это группа эвенков, живущая в горной тайге Сибирь-земли и Оюн-земли (в местечке Етидя), на границе с Кеям-землей. Они пешие охотники, не имеющие никакого скота. Их бродячому образу жизни мешает даже легко переносимое имущество. Живут они в коническом чуме, питаются мясом зверей и птиц. Одеждой им служат шкуры зверей. Они оказывают помощь всем охотникам горной тайги, соседним коповодам и оледоводам, родственным им по языку, в борьбе против врагов Сэлэргунов из племени чулуро. Уранкай берут в жены дочь кидапей и сивиров. С чулуро же горные охотники тайги в брачные отношения не вступают. Но чулуро нападают на них и выкращивают их женщины.

Уранкай (китайск. улянха), по правильному, с нашей точки зрения, замечанию Палладия (к переводу «Сокровенного сказания» монголов), «не были каким-либо особым родом или племенем». Это имя обозначает жителей вообще без различия племен». По нашему исследованию (Г. М. Василевич. Эвенки-уранкай. Этнографические доклады Всесоюзн. геогр. общ., № 3, Л., 1966), слово «уранкай» было называнием или самоназванием разноязычных и разнокультурных племен как в XIII в., так и в XVIII—XIX вв. Одна любопытная деталь: на рисунках, приложенных к «Саныцайтухуй» («География»), одежда уранкай отличается от одежды других тюрко- и монголоязычных народов (курыканы, кума, кидане и др.) (Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковедн. наук, вып. 7, 1958). У последних одеждой служит длинный, покрывающий обутые ноги халат с двойной запашной полой. Уранкай же одет в короткий распашной, не сходящийся на груди кафтан из целой шкуры, короткие штаны-натазники; спереди имеется маленький передничек из листьев. Эта одежда напоминает костюм эвенков, которые также всегда носили распашной, не сходящийся на груди кафтан, сделанный из целой шкуры, и нагрудник. На мужских штанах-натазниках спереди пришивался маленький передничек *хан'и* или *хандь* в виде длинной бахромы из ровдуги (оленей замши). Этот костюм мы застали в 1925 г. у стариков (Г. М. Василевич. Эвенки Катаангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Таким образом, на рисунке из «Саныцайтухуй» скорее изображен уранкай-тунгус, чем урянха-с-монгол. В связи с этим можно говорить и о самом названии. Слово «уранкай» просится на сопоставление с тунгусским (эвенкийским, эвенским) *ура* (*ура*, акающая огласовка), обозначающим «гора, покрытая лесом», а суффикс *-нкан* → *нкай* обозначает «житель»; таким образом, слово «уранкай» буквально переводится из эвенкийского как «житель горной тайги». Так в сказаниях часто называют себя герой.

Документы XVII в. в районе Присайны выделяют урянков, соонов, и тувиццев. Б. О. Долгих, указывая, что в 1682 г. небольшая группа плавивших ясак тувиццев возглавлялась шулепгой Унтанеем (Унтаней — эвенкийское имя) и устойчиво называлась урянками, пишет: «Возможно, это были ассимилированные тувицами тунгусы... термин „урянки“ не имел этнического значения: в XVII в. так назывались балагацкие тунгусы, а в начале XVIII в. — самые разные группы населения Сибири и даже иройские хамныгаты (тунгусы, — Г. В.) Монголии» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 298).

⁶ «Какой злодей-людоед, ирица сюда, убьет тебя?». Слово *д'энэбэ* (букв. «людоед») употребляется в значении «злодей», «убийца». Глагол «съесть» в сказаниях употребляется в значении «убить», «разрушить», «захватить». Такая семантика слова характерна для языка охотников, питавшихся мясом. Охота — уничтожение зверя — имела целью только удовлетворение своих потребностей, и главным образом в пище. Для других целей охотники не били копытных зверей. Поэтому «убить», «съесть» и

«упичтожить» в представлении охотника были одним понятием; таким образом, одно слово выражало целый комплекс понятий.

⁷ Онон-земля — горная тайга в бассейне р. Онон, образующей вместе с р. Ингой (эвенк. *анцайды* — «правая сторона») р. Шилку (эвенк. *шилки* — «выжимать», «отжимать»). В 1897 г. по Онону еще жили эвенки.

⁸ «Волшебное слово» (эвенк. *итъ-тураэмээ*, букв. «stabуированное слово»), т. е. слово, в которое введена волшебная сила. Эвенки верили в силу слов и одушевляли их, обращаясь к ним как к живым существам.

⁹ Авахи — враг. По-эвенкийски «враг» — *булэн*. В преданиях синонимом этого слова стало название древней группы *чачыт*, постоянно нападавшей на тунгусов — охотников тайги. Третьим синонимом слова «враг» в сказаниях является якутское слово *авахи* (из якутск. *аваахы*). Эвенки, среди которых распространены эти сказания, исторически или в позднейшее время были связаны с якутами; большинство их знало якутский язык, а часть — и якутские олонхо. В олонхо главные противники богатырей происходят из племени злых чудовищ *абаасы* ~ *абаахы*, жителей нижнего мира. В эвенкийских же сказаниях самими страшными врагами всех охотников тайги являются конные Салулэнде ~ Салэргуны ~ Салемэнде ~ Салентуры (букв. «одетые в железо») из племени чулуро, которые живут на запад от охотников. Связи эвенков с якутами привели к появлению синонима «авахи» в языке сказаний, а в некоторых из них и к якутскому образу извечного врага.

¹⁰ «Дынгды, дынгды» — залев и припев злейших врагов. Слово, обозначенное от звукоподражания *дынг* (звук металла). Припев постоянный для всех сказаний.

¹¹ Сжечь тело врага и развеять его пепел или бросить в пучину — правило полнейшего уничтожения врага, характерное для сказаний, распространенных на восток от линии Лена—Байкал. Вместе с выходцами из Забайкалья—Приамурья этот мотив проник и в предания эвенков бассейна Енисея. Сжигание тела убитого противника описывается и в якутских олонхо, но в эвенкийских такое уничтожение относится только к злейшим врагам всех лесных охотников, а в якутских — ко всем побежденным противникам. В бурятских улигерах — это только один из способов уничтожения врага.

¹² Лабаз — свайная постройка. У охотников лабаз был временным жилищем для семьи, когда глава уходил на охоту. В сказаниях лабаз характерен для сивиров и киданей. В нем живут только женщины. Возможно, жилища на деревьях у одной из групп шивеев VII в. и были такими лабазами (ср.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 76).

2. Кодакчон

Это сказание сказитель слышал от эвенка Соготока Эдян во время отдыха на охоте. Сам сказитель считает себя эвенком, хотя только мать его эвенкийка, а отец — якут. Сказитель говорит на якутском, русском и эвенкийском языках и слышал якутские олонхо. Возможно, под влиянием последних он несколько изменил сказание, введя образы, мотивы, эпизоды, слова и даже суффиксы якутских олонхо. Поэтому сказание отличается от всех остальных. Текст сказания полностью записан на магнитофонную ленту. Запись хранится в фонограммархиве Института языко-литературы АН СССР (Ленинград).

Два брата живут на земле Тарундик: старший — Кодакчон-богатырь, являющийся в то же время шаманом, и младший — Боскондяринда-болящий. Они охотники. У старшего все имущество составляет железный посох, он мастер ходить; это эвенкийский образ. Имя же младшего, его яномопь, его коль, являющийся помощником и советником, его богатырские одежды — все это заимствовано из якутских олонхо. Якутское происхождение имеет и описание поединка на «горячей площадке».

Младший брат, выздоровевший с помощью итицы-девицы, находит богатырские одежды и богатырского коня и отправляется на восток по Ингчор-земле. Путешествие его тянется семь лет. Дойдя до олешевода Угояна, он, проделав все, что предсказывал его брат, спасает дочь Угояна от врагов, которые постоянно нападают на землю ее отца. За эту помощь Угоян отдает ему в жены свою дочь. Кодакчон, оказав помощь брату, когда тот на своем коне не смог перепрыгнуть через магическую реку, двинулся дальше. В пути он встречается с богатырями и спасает одну из них от врага. После всяческих злоключений он женится на ней и возвращается в свои места. Там встречается с сыном брата.

¹ См. сказание 1, прим. 1.

² Боскондаришдя — имя, заимствованное из якутского языка. По-якутски босхо означает «слабо держащийся»; босхон — «не могущий вставать на ноги и держать легкие вещи в руках; слабый, расслабленный» (Э. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I. Л., 1958, стр. 508—509).

³ Большой дом с богатырской одеждой и с богатырским копьем — характерен для эвенкийских сказаний и в данном случае заимствован из олонхо.

⁴ Роль яйца как источника жизненной силы показана в разных сказаниях. См., например: «Кильдынакан рот открыл, яйцо проглотил. Стал силач-силачом» (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1936, стр. 110 и др.). Отразилось это представление и на поговорке: «Одно яйцо где бы ни упало, смерть одна» (т. е. двум смертям не бывать, одной не миновать).

⁵ «Вверх посмотрит — вниз смотри, вниз посмотрит — вверх смотри» — якутская формула подчинения старшему, характерная для эвенков.

⁶ См. сказание 1, прим. 9. В данном сказании образ половинчатого человека заимствован из олонхо.

⁷ В тех случаях, когда сказитель хочет подчеркнуть что-либо важное, он, говоря об одном предмете, животном или человеке, употребляет слово в форме множественного числа вместо единственного. В данном случае речь идет, вероятно, о табуированных оленях, пасущихся у священного дерева.

⁸ «Но отдаст ли старик?» — фраза, свидетельствующая о существующем запрете отдавать девиц в жены конным соседям, имеющим металлическую броню. Эвенкийским охотникам Приамурья запрещалось отдавать девиц в жены скотоводам. Но последние часто выкрадывали жен у охотников. Один из таких случаев отмечен и в документах XVII в. Так, тунгусский князь Томкониг Лалигир сообщил, что «у него была взята жена его в полон в ту орду, где руда серебряная, на Омур-роту, и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. Полевои. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томского обл. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963). С. Широкогоров в 1912 г. записал, что оленные нерчинские тунгусы не вступали в брачные связи с конными кочевыми тунгусами.

⁹ Извечные враги охотников при передвижении превращаются в орлов — перехваток представления о происхождении от орла и культа орла, имевшегося у тюркских и других народов Сибири (см. подробнее: Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, 1925).

¹⁰ Обычная характеристика охотника: пеший обладает только посохом и мастер ходить на дальние расстояния.

¹¹ В эвенкийских сказаниях богатырями бывают как мужчины, так и женщины (см. сказания 3, 4; см. также: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 115—117). В отличие от богатырей-мужчин женщины-богатыри не принимают активного участия в игрищах.

¹² У эвенков существовало правило раздражать противника перед поединком или перед состязанием жестами или обидным словом.

¹³ Тогондор (букв. «огневой») — имя богатыря. Сuffix -дор, с помощью которого образуются мужские имена, характерен для монголов.

¹⁴ Для сказаний характерно преувеличение признаков и времени. Здесь, три года упомянуты вместо трех дней. См. ниже: «подбрасывал [в схватке] три дня».

¹⁵ «Мы станем мужем и женой», букв. «мы станем людьми». При разговорах между собою муж и жена не употребляли ни собственных имен, ни терминов «муж» (*эдэ*) и «жена» (*асэй*); вместо них говорили «дружок» (*эдэй*), «товарищ» (*эиркэй*), «человек» (*байэ*).

¹⁶ «Не бери с собой пи сды, пи одеяды» — это выражение характеризует исключительно охотников, которым мешало все лишнее из одежды и еды. Гардизи, характеризуя лесных охотников Приантарья VIII—X вв., писал: «Обитатели болот не имеют домашних транспортных животных, все кладут себе на спину» (В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927). Об этом же говорил в XII в. и Марвази (*Shagaf al Zashid Marvazi. China on the Turk and India. Transl. V. Minotsky. London, 1942, p. 31*).

¹⁷ «Поцеловались», букв. «понюхались». Вместо поцелуя эвенки прикладывали нос и принюхивались.

¹⁸ Чум-дю — конусообразное жилище, покрытое «тисками» — полосами, сплетыми из вываренной бересты, или «шоками» — двумя покрышками, сплетыми из ровдуги (олений замша).

3. Секак

Героиня Секак — дочь обладателя оленей Нигготонга из рода Орель, из племени кедак. Оленей они держат для мяса. Девочка, начав ходить, просит мать и отда дать ей имя. Имя дает мать. Получив его, она начинает мечтать о дальних походах и, не слушая родителей, отправляется на восток. В пути встречает юношу Дюшкульдина из рода Оха, держащего путь с юга. Встреча происходит на окраине Кидан-земли. Героиня добирается до всезнающей Тыргакчан из племени кедак. Тыргакчан живет на юге («под солнцем»; ср. описание земли Кидан в сказании 4), в четырехугольном айгурском доме с четырьмя покоями, и имеет работницу. Она знает уракаасов всех земель и путь по Анюям. Секак с Тыргакчан отправляются на мужские игрища, прихватив по пути девицу Догикчон из племени кедак, жительницу гор («верхнего мира»). Познакомившись с играми, Секак возвращается домой.

¹ Олень-мойка — одно из возрастных называний оленя (годовалый дикий олень).

² См. сказание 1, прим. 1.

³ См. сказание 1, прим. 2.

⁴ «Орель, орель» — запев и привев. Орель — название рода амгунских тунгусов, зарегистрированное в XVII в. и не забытое амгунскими эвенками еще в 1948 г. Озеро в нижней части бассейна на Амгуни также называется Орель.

⁵ «Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила». Для удобства ходьбы петлю на середине подола кафтаны привязывали к цоясной тесьме, загибая подол. Девица привязала подол нижнего кафтана, а подол верхнего кафтана не подняла.

⁶ «Мое слово сделай волшебным». Эвенки верили в силу слова. В таких случаях слово называлось *мусучй түрән ~ мухулжэн түрән ~ итичийэн* (из якутского *итчин*) *түрән*, букв. «слово, имеющее волшебную силу». Человек произносил такое слово-ожелание и невозможное становилось возможным (например, с неба падал чум или лодка и т. д.).

⁷ Журавли-гаха (*гаша* в шекающих говорах) — серые, с темными полосами по краям крыльев — фигурируют в восточных сказаниях и в шаманских мифах сымских эвенков. Но если в сказаниях в гаха превращаются все девицы-героини, то в западных шаманских мифах этициами-

гаша становятся враждебные охотникам люди. В одних мифах гаша помогают героям уйти от мучителя-кета, в других — пытаются выкрасть ее от мужа-охотника. Фигурирование гаша в мифах потомков ангарских пеших охотников и в сказаниях потомков забайкальских пеших охотников свидетельствует о древних связях и былой общности этих групп, одним из выражений которой является общий тотем — журавль.

⁸ Превращение в ястреба также, вероятно, является пережитком тотема у племен, близких по языку к горным охотникам.

⁹ Оха можно сопоставить с названием рода урянхитон-монголов во времена Чингисхана — Ухэ (в переводе О. И. Смирновой, см.: Рашид-аддин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 270) или Оха (в переводе И. Березина, см.: Труды Восточн. отд. Российской археол. общ., т. V, СПб., 1858, стр. 145). Среди дархатов в XVII в. был род Уха-Дархат (В. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 259). О том, что Дюнкульдин Оха из сказания не был эвенком, говорит суффикс его имени -диль, характерный для языков тунгусов нижнего Приамурья и для монгольского языка; в эвенкийском языке этому суффиксу соответствует -зин.

¹⁰ «День ранний, год долгий» — обычное выражение в значении «времени хватит».

¹¹ «Попробуй догнать» — один из способов добывания невесты, распространенный на крайнем северо-востоке. Если юноша, погнавшийся за девушкой и погнавший ее, дотрагивался до нее, она должна была стать его женой.

¹² Белый четырехгранный дом (айгурский дом) с нескользящими двойными покоями был характерен, по сказаниям, для близких по языку соседей охотников тайги, содержателей оленей и коней. Жилище на сваях было характерно для всех тунгусоязычных охотников. В таком жилище находилась семья охотника во время его ухода на охоту.

¹³ Слово «айгурский» указывает на связь соседей горных охотников с древними уйгурами, в то время живущими в Забайкалье.

¹⁴ «Сумкоильдин — работник мой» — речь идет о илленом, захваченном еще в детстве. В составе эвенкийского рода были женщины, взятые во время межродовых столкновений и мужчинами — дети этих женщин, захваченные вместе с материами или рожденные позже. Судя по суффиксу -дии, Сумкоильдин мог быть захваченным у монголов (см. прим. 9).

¹⁵ «Дочь солнца» — довольно широко распространенный эпитет в эвенкийских и эвенских сказаниях: дочь Юлтэни (юлтэн по-эвенски «солнце»), дочь Сигунцара (сигул по-эвенкийски «солнце»), дочь Монгрунги из племени кидан. Все эти имена относятся, по-видимому, к одному и тому же лицу — жителю южных широт (см. ниже: «под солнцем живущая»). С другой стороны, это название указывает на связь с культом солнца. По сообщению Ауфи (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского пантеония, ч. 2. СПб., 1900, стр. 417), у киданей и частично у уйгуров существовал кульп солнца. Возможно, этот кульп и отразился в имени одного из первых оленеводов.

¹⁶ «Уралкаш всех трех земель». См. сказание 4, прим. 5. Представление о трех землях уралкашах, возможно, отразило более позднее административное деление на три округа территории на правых притоках Амура. В маньчжурский период Канси, в XVII в., в северо-западной Маньчжурии было три округа — Тайши, Фуюй, Цоянь (Н. В. Кюнер. Китайские исторические данные о народах Севера. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковедн. наук, вып. 1, 1929, стр. 97).

¹⁷ Ангой — река (букв. «дорога», так как обычно эвенки ходят по долинам рек). Так называются притоки Ишилки и Аргуни. Топоним Ангой из Верхнего Приамурья был вынесен, по-видимому, тунгусами на восток (один из нижних правых притоков Амура называется Ангой) и тунгусами-орочом на северо-восток (нижний приток Колымы — Ангой имеет свое чукотское название).

¹⁸ Игрища юношеской-богатырской происходили в определенное время и в определенном месте. В данном сказании они происходили в «верхнем мире», т. е. в горной лесотундре, где жили охотники эвенки и где иногда могла быть своя средняя (племенная) земля.

¹⁹ Кедак — название племени кедан, употребляемое в тех случаях, когда говорят о женщинах.

4. Три девицы

Девицы-уранкаи — жительницы леса, пешие охотницы. Каждая живет самостоятельно. Одна из них, Секак, отправляется в путь по средней Сибирь-земле, по Кеяп-земле и по Кидан-земле. Последняя находится в южных широтах. Здесь Секак находит мужа — охотника со средней Сибирь-земли и остается. В поединке мужа убивает враг всех охотников — Саларгуй. Жена продолжает с ним поединок и начинает одолевать врага. Чтобы спастись, тот обещает оживить мужа. Но, как только он оживляет мужа, она убивает врага.

¹ См. сказание 1, прим. 1.

² «Сами по себе жили». Описание самостоятельной жизни девиц охотниц, по-видимому, является отражением жизни охотников, для которых жизни большими группами была невозможна, так как мешала охота. Все источники указывают, что эвенки кочевали маленьными группами, по 2—3 семьи, объединяясь только для коллективных работ во время отела оленей и в период гнуса.

³ «Дэвэдарско! Дэвэдареко» — запев и припев Секак. Название рода Дэвэдар(ский) сохранилось у охотских эвенков еще в XVII в.

⁴ См. сказание 1, прим. 5.

⁵ «Кемончи-кемонин (~ кимонин)» — запев и припев. Название рода Кима (~ Кимо) имеется у потомков ангарских эвенков, в современной сымской и подкаменотуругусской группах. У удэгейцев существовал род Кимонко. Название Кемо ~ Кемони просится на сравнение со словом «кемукъ» в имени предка Агууды — Рай Кемууч Агууда, живший в XII в., быв родом из племени джурджи (Рашид-ад-дин. История Чингисхана. Перевод И. Березина. Труды Восточн. отд. Российской археол. общ., т. XV, СПБ, 1888, стр. 18). Джурджи ~ Джурджин — первое тунгусоязычное племя Северо-Восточного Китая, образовавшее государство.

⁶ См. сказание 1, прим. 3.

⁷ Кеяп-земля — по сказанию, она граничит на западе со средней Сибирь-землей. Кеяп ~ Кеот ~ Кият — название рода Чингисхана. Следовательно, Кеяп-земля сказаний — это земля монгольского рода Кият. Юрты их были долины рек Оюона, Корулсана и Тоглы (см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л, 1952, стр. 32—34, 10). Рашидия связи тунгусов с монголами отражены в названии нижнего притока Ангары — Киянка и в собственном имени Кеот, записанном в XVII в. наряду с именем Ангара у юкагирского племени (Дополнения к актам историческим, т. IV, стр. 3, 10, 16, 26), к которому эти имена могли быть присвоены из Забайкалья тунгусами-орочами (предками современных эвенков).

⁸ См. сказание 1, прим. 4.

⁹ «Всем сердцем, всей душой», букв. «крепким сердцем, крепкой печенью» — обычное выражение, обозначающее сильное чувство, желание.

¹⁰ Коряжина (*takzon*) — вывороченное дерево, валежник.

¹¹ Деревья-лэкчине — деревья с тонкими, свисающими (плакучими) ветвями.

¹² Пальма — длинный односторонний нож, привязанный к палке. В тайге заменяет топор и оружие охоты (на медведя).

¹³ См. сказание 3, прим. 6.

¹⁴ Чорамный чум, чум-чорама — в сказаниях так называется жилище с зимним выходом через дымовое отверстие, характерное для культуры

амурских племен, от которых охотники берут жерл. Это название распространено среди охотников (аяпской и чумиканской групп) эвенков и среди эвенков. Чорама обозначает всю нижнюю цилиндрическую часть остова чума и каждую палку этой части. Иногда этим словом называют весь чум типа чукотской яранги (остов из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической; покров такого чума сшит из шкур).

¹⁵ См. сказание 1, прим. 2.

¹⁶ «Я птичья дочь», букв. «птичья по происхождению» — прямое указание на тотема — журавли. О птичьем происхождении героя говорится и в других сказаниях.

¹⁷ «Взял... одну стрелу». В сказаниях и преданиях настоящий стрелок стрелял в цель только раз и всегда попадал. Поэтому количество стрел в колчане было небольшим — чаще всего одна-две стрелы.

¹⁸ См. сказание 1, прим. 9.

¹⁹ См. сказание 2, прим. 12.

5. Мокигдын

Мокигдын — пеший охотник. Усовершенствовав свои орудия охоты, он отправился по средней Сибирь-земле на восток. Дойдя до разветвления трех дорог, он свернул на юг. В пути он встречается с другими богатырями. Они идут по Котор-реке до ущелья, где хозяйка местности установила стражу, вооруженную палицами и никого не пропускающую. Стража одерживает победу над богатырями. Но Мокигдын разбивает палицы стражников и уходит дальше.

¹ См. сказание 1, прим. 5.

² См. сказание 1, прим. 2.

³ Здесь мы встречаемся, по-видимому, с пережитком культа медведя. Среди эвенков и эвенов Охотского побережья бытует миф о двух братьях — медведе и человеке (см. подробно: Г. М. Васильевич. Древние охотничий и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957).

⁴ Духом — хозяином всех зверей у амурских тунгусов считался тигр.

⁵ Культ медведя был широко распространен среди народов Сибири. Культ волка бытовал у монголов. В сказании интересен факт вспышания на один месец голов медведя и волка, что, возможно, является пережитком двух культов. Следы двух этих культов сохранились у коряков.

⁶ Река-сна — большая река. В тунгусо-маньчжурских языках общим словом для понятия «река» являются бира. Но паряду с ним есть и другие слова. В эвенкийском языке для обозначения очень большой реки служит слово йана. Производное от него — йанызи служит названием Енисея (коандези — по записи Мессершмидта 1723 г.).

⁷ См. сказание 3, прим. 15.

⁸ Установка стражи в ущельях для защиты проходов была широко распространена у народов Центральной Азии. Палицы в вооружении стражи нехарактерны для эвенков.

⁹ «Взвали на спину и попес домой». У эвенков существовало правило: раненому сопернику, но не врагу, надо помочь. Стражей были захваченные в плен охотники, поэтому и отложение трех богатырей к ним было таким же, как и другим охотничьям племенам.

6. Нивонинде

Пеший охотник Иванинде живет на Оинен-земле в местечке Егинде. На запад от него живет враг Гарагалыту Силин. Нивонинде оказывает помощь богатырю тайги, разбив его врага. Затем Нивонинде направляется на юг, чтобы оказать помощь встреченной им девице. Ее пре-

следует богатырь Отани из рода Орель. Нивонийде вступает в поединок с Отани и начинает одерживать верх. Но он щадит противника, за что получает его сестру в жены. С этого момента он берет на себя обязательство защищать Отани от врагов.

¹ Коврик-кумалан, сплитый из шкуры с головы оленя или лося, служит для покрывания вылоков. Коврик-тэнинг, сплитый из шкурки с боков животного, подкладывают под седло.

² См. сказание 1, прим. 5.

³ См. сказание 1, прим. 1.

⁴ Егинде — название места на реке Онон, где живут уралки.

⁵ Бе — место в чуме, на котором обычно спят; поэтому оно названо в сказании постелью. Бе находилось с правой или левой стороны от центрального места — малу.

⁶ Словом бээ — «человек», «мужчина» в сказаниях и преданиях называют и женщины.

⁷ См. сказание 1, прим. 9.

⁸ Гарагалтун Силин — имя богатыря врагов охотников — Сэлэргунов. Имена, образованные суффиксами -та, -тун, были характерны для монголов.

⁹ «Вот-вот пагонит и одолеет меня», букв. «съедание меня богатырем-авахи подходит к концу». Глагол «съесть» употребляется в значении «убедить», «одолеть».

¹⁰ Держаться за свое ухо — один из способов раздражения противника в сказаниях.

¹¹ См. сказание 1, прим. 2.

¹² Заход на юг во время движения на восток имел целью погоню за девицей. Почти во всех сказаниях жены героев происходят из южных мест.

¹³ См. сказание 3, прим. 4. Этот припев показывает, что Отани был из рода Орель.

¹⁴ Традиция за пощаду в поединке (соревновании) отдавать сестру (или дочь) встречается и в других сказаниях.

¹⁵ «Если какой проходимец тебя заденет, вспомни обо мне». Беря в жены сестру противника, герой брал на себя обязательство защищать ее брата.

7. Отани

Отани — племянник охотника. Во время своего похода на восток он встречается с девицей из племени кедак, из рода Дейдо-Девильгон. Эта девица, по имени Тыргакчан, говорит на его языке. Она путешествует по всем трем Сибирь-землям. В знак согласия стать его женой она дает ему кольцо и улетает. Он гонится за нею, преодолевает высокие горы на окраине Кидай-земли. Далее в пути он видит бой лесного богатыря с врагом чулуро. Чулуро хочет взять в жены дочь оленевода Монгруни из племени кидай. Отани помогает Монгруни разбить врага. За помощь Монгруни отдает ему в жены свою дочь. Отани, забыв об обещании, данном им Тыргакчан, соглашается жениться. Во время свадебного пиршества на коне презжают Тыргакчан и увозят Отани. Через некоторое время к ним приезжает дочь Монгруни. Отани не знает, как поступить: «Как человек может иметь двух жен», — спрашивает он. Дочь Монгруни отказывается от него и отвозит обоих на своем коне домой, к Отани.

¹ См. сказание 3, прим. 4.

² См. сказание 5, прим. 6.

³ См. сказание 4, прим. 4.

⁴ См. сказание 4, прим. 2.

⁵ Олень-кус — одно из назраний дикого оленя.

⁶ Лось-ира (*ирук*) — сезонное (осеннее) название лоси или оленя.

⁷ Груз — наружные жерди, придавливающие покров чума.

⁸ См. сказание 4, прим. 14.

⁹ См. сказание 4, прим. 5.

¹⁰ См. сказание 3, прим. 8.

¹¹ См. сказание 1, прим. 4.

¹² Образ старухи-помощницы заимствован из якутских олонхо и нехарактерен для эвенкийских сказаний.

¹³ Девильго-Кувылгат — девица из рода Девильго. Среди томмотской группы эвенков имеются потомки рода Девулыг (~ Дебульга — губная огловка; см.: А. И. Мыреева. очерк томмотского говора. В кн.: А. В. Романова и А. И. Мыреева. Очерки токсинского и томмотского диалектов. М.—Л., 1962).

¹⁴ См. сказание 1, прим. 9.

¹⁵ Чулуро (или же Сэлэргуны ~ Сэлэхүнде, букв. «в железо одетые») — известные западные враги (авахи) всех охотников горной тайги. Они копьеводы, живут к западу от р. Онон. В настоящем сказании вместо обычного имени Сэлэргуну дано имя Гарагалтун Силин. В сказаниях 2 и 8 образ чулуро (авахи) и представление о местах, где они живут («нижний мир»), по-видимому, заимствованы из олонхо.

Название чулуро (у западных эвенков — чулугды; см.: Г. М. Васильевич. Фольклорные материалы и памятники эвенкийских родов. Труды 2-го Всесоюз. съезда Геогр. общ., т. III, М., 1949) можно сопоставить с именем западного тюркского кагана Чуло, нападавшего на племя тьеле в VII в. (Н. В. Кюндр. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 30), или с именем Чулохоу — военачальника восточной части тюркского каганата (VI в.). Но может быть и иное объяснение. В ранние периоды врагами-чулуро могли быть и тюркоязычные группы туинов, вышедшие к Байкалу в первые века нашей эры, а позднее (V—VI вв.) — уйгуры (айгуры). В сказаниях забайкальских эвенков, записанных в XVII в. Георгием (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1938, стр. 233—235), враг Кураткан, похитивший дочерей Долодая, также живет на западе.

¹⁶ Существовала традиция, запрещающая дочерям охотников вступать в брак со скотоводами, одетыми в железную броню. О запрете выдавать девиц лесных урянхитов замуж за скотоводов говорит и Рашид-ад-дин (Рашид-ад-дин. Летопись. Труды Восточн. отд. Российской археол. общ., т. V, 1858, стр. 90).

¹⁷ См. сказание 1, прим. 11.

¹⁸ «Как я могу взять вас обеих, но злаю» — фраза свидетельствует, что для эвенков того периода двоеженство было нехарактерно.

8. Хуругочон

Это сказание записано у чижинеучурских эвенков, среди которых были сказания алдано-зейских эвенков. Поэтому оно несколько отличается от остальных. Рассказчик передавал его прозой. Герой сказания появляется у старухи чудесным образом. Появление его предваряется птичьим звуком, поэтому старуха дает ему «птичье имя» — Хуругочон. Старуха живет с двумя прирученными сю вожаками и их молоком кормит мальчика. Мальчик растет очень быстро («за день увеличивается как за год»). Став взрослым, Хуругочон отправился искать себе товарища. Вернувшись, он узнает, что к старухе приходили три дочери Секардина и просили ее спрятать их от преследования Сэлэргуна. Хуругочону не удается убить их врага. Последний пользуется оплощностью Хуругочона и убегает. Вернувшись, Хуругочон не находит девиц. Одну из них ему удается догнать. За то, что она выполнила ее задание, она соглашается стать его женой.

¹ Получум-утэн — полуконусный чум. У эвенков с верхней части басейна Андана до сих пор сохраняется летом теневой павес в виде половины конуса, составленного из листвениц.

² Чумай — берестяной квадратный короб.

³ «Я должна назвать тебя птичим именем». По сказаниям зейских эвенков, девицы-таха (журавли) оставляют рождённых ими от охотников мальчиков в тайге. В этом сказании старуха вначале услыхала птичий звук, потом уже детский голос, и поэтому она догадалась, что птица оставила ей своего ребенка. В связи с этим она и говорит, что должна назвать его «птичим именем» — Хуругочон.

⁴ Лук-аланга. По воспоминаниям современных эвенков, этот лук делался из одного куска дерева, куда вклеивалось сухожилие. В отличие от этого лука лук-бэр мог склеиваться из пластин разных деревьев.

⁵ Какапдя — penis.

⁶ См. сказание 6, прим. 1.

⁷ См. сказание 4, прим. 14.

⁸ Трехголовый орел — образ, нехарактерный для эвенков; он заимствован из монгольских или тюркских сказаний.

9. Умусни

Охотник Умусни однажды услыхал призыв о помощи. Девица просила спасти ее от нападения врага. Он не очень хотел помогать ей, но она увела его в свои места. Ему пришлось вступить в бой с врагом и разбить его. За эту помощь она согласилась стать его женой.

¹ См. сказание 1, прим. 2.

² См. сказание 8, прим. 1.

10. Умусликон

Герой — леший охотник услыхал однажды речь, похожую на его, и бросился бежать на восток, откуда доносился голос. Он добежал до места гнезд богатырей и спрятался. Но Дарпек, дочь оленевода Юлтоны из рода Кимонори, из пламени кидан, указала на спрятавшегося. Ему пришлось выйти и принять участие в играх. Во время борьбы с ним брат Дарпек, чувствуя себя не в силах, стал просить пощады, обещая за это отдать победителю свою сестру в жены. Поединок был приостановлен. Продолжая путь, Умусликон помог Гарпавулче разгромить врагов, напавших на его народ. Умусликон женился на Дарпек и пробыл у тестя два года. Отправившись в свои места, он увел два каравана оленей, подаренных ему тестем. Дома он поставил для себя привычный ему чум-утэн, для жены — чум-чорма. Однажды во время его отсутствия враг увел его жену. Умусликон пробрался в страну врага, разбил его и вернулся домой с женой.

¹ См. сказание 3, прим. 4.

² См. сказание 5, прим. 6.

³ См. сказание 1, прим. 4.

⁴ «Притаскивал на десяти вязках [кафтан] десять туш оленевых». Кафтан, сделанный из целой шкуры, ставился на груди вязками. Иногда к этим вязкам охотники привязывали убитую дичь. В сказании мастерство охотника сильно преувеличено.

⁵ «Олень-куэ с шестнадцатью копытами». См. сказание 7, прим. 5. У оленя на каждой ноге по два основных копыта и по два маленьких задних.

⁶ Малу — центральное место в чуме, у противоположной входу стороны, за очагом.

⁷ См. сказание 7, прим. 15.

⁸ Колодник, колодина — лежачее толстое дерево, бревно.

⁹ «Выпустим его красную кровь на середину лука», т. е. зарубим луком. Края лука были настолько остры, что им можно было рубить.

¹⁰ Здесь происхождение определяется по матери.

¹¹ См. сказание 1, прим. 9.

¹² См. сказание 1, прим. 12.

¹³ См. сказание 1, прим. 11.

¹⁴ Олень-манщик — олень, с помощью которого охотятся в открытых местах на диких оленей. Охотник подымет зверя подражанием хоркалью-самки и пускает к нему манщика, у которого рога опутаны ремнем. Манщик и дикий олень начинают драться, сцепившись рогами. Когда дикий олень запутается в ремне, охотник подходит и стреляет в него. Сюжет об олене-манщике добавлен позднее. По-видимому, он попал к эвенкам из тундры, через якутов-оленеводов.

¹⁵ Жизнь в семье жены в течение одного-двух лет — перениток матрилокального брака.

¹⁶ См. сказание 4, прим. 14.

¹⁷ Превращение в каплю олова — заимствованный из якутских олонхо-мотив.

¹⁸ Описание нижнего мира здесь заимствовано из якутских олонхо.

¹⁹ См. сказание 1, прим. 2.

11. Умун-Умусников

Умун-Умусников — пеший охотник отправляется в горы искать богатырей. Дорогой он убил медведя, затем встретил старика со старухой. Старик указал ему путь и место, где он встретит богатыря. Дойдя до богатыря, Умун поизбрал свои силы и оказался сильнее. Богатырь обещал отдать ему в жены свою сестру. Та не согласилась и убежала. Умусников отправился дальше. Дошел до дома, в котором сидел богатырь; рядом с ним лежал молот. Умусников ударил богатыря молотом, тот проснулся. Это был враг-авахи. В поединке с ним Умусников одержал верх. Услышав слова, раздающиеся в писбе, он пустил стрелу и сам зацепился за ее конец. Таким образом он догнал женщину. Она привела его в свое место. Там он узнал, что мужем этой женщины был его младший брат.

¹ Харги — враг. Враг здесь назван эзенкайским словом. Это слово до сих пор в некоторых говорах сохраняет свое первоначальное значение — «тайга», «низкий, мелкий лес», «дикий олень», а в перчинских говорах — «земля». Отражая первоначальное представление о трех землях (верхней, средней и нижней), это слово одновременно обозначало и духа — хозяина этих земель. Одно из этих значений — «дух нижнего мира», «черт», «враг» — сохранилось в эзенкайских говорах до сих пор паряду со значением «оленя», «тайги».

² При встрече мужчины и юноши по традиции вместо приветствия начинали драться, пробуя свои силы.

³ «А сам зацепился за ее [стрелы] колен» — сказочный элемент, характерный для сказаний зейских эвенков.

⁴ См. сказание 1, прим. 1.

⁵ См. сказание 2, прим. 18.

⁶ См. сказание 10, прим. 4.

12. Гарпаникан

Г. Чинков, рассказавший это сказание, позже переработал его стихами (ср.: Г. Чинков. Гарпанинцы. Сказание с подстрочным переводом Г. Василевич. Л., 1936).

Герой — пеший охотник. Он отправился в путь на восток. Переезжав через хребет, он увидел чум-форама с выходом через дымовое отверстие.

В нем жил непривычный по виду человек — с черными кудрями и круглыми глазами. Гарпали вступил с ним в поединок. Оба ловили серединки луков пущенные друг в друга стрелы, бились мечами. Герой победил. Он вошел в чум-чорама и там увидел оседланного оленя. Выведя оленя, он с трудом освоил езду на нем. Дальше на восток он едет на олене. Езда на олене ему кажется полетом. Он следует за девицей Конгакчан. В пути он встречает исконного врага звенков, одетого в железные латы. В поединке убивает его и сжигает. Потом за девицей продолжается. Догнав ее, он хватает ее за косу и слегка ударяет плоскостью меча. Женившись, он отправляется с женой в свои места. Дома он ставит для жены чум-чорама. У них рождается сын. Подросши, он, как и отец, отправляется в путь. В это время к отцу приходит богатырь пробовать свои силы. Но герой уже состарился и не может одолеть врага. Тогда он вспоминает о сыне и зовет его. Сын слышит и приходит помочь отцу. Он убивает противника, сжигает его и пепел развеивает.

¹ См. сказание 6, прим. 1.

² См. сказание 4, прим. 4.

³ См. сказание 1, прим. 2.

⁴ Шапка-мета — шапка из шкурки с головы оленя, лося.

⁵ См. сказание 4, прим. 14.

⁶ «Торчат копыта» — имеется в виду пара задних маленьких копыт у оленя.

⁷ «От рода не видел зверя такого». Несшие охотники, не имеющие связей с оленеводами, удивлялись, впервые увидев верхового оленя. Скорость передвижения верхом на олене для привыкшего ходить пешком казалась скоростью птичьего полета. Поэтому воображение сказителей наделило первых верховых оленей крыльями.

⁸ Железный молот на ремне, привязанном к локтевой кости руки, — оружие, неизвестное охотникам и употреблявшееся восточными племенами, с которыми встречались охотники.

⁹ «Ударил девушки плоскостью мета». См. сказание 3, прим. 11.

¹⁰ Самым лучшим лакомством у звенков считался костный мозг, вынутый из длинных костей неостывшей туши оленя или лося.

¹¹ См. сказание 3, прим. 1.

¹² Зимний выход в чорамовом чуме сказаний был через дымовое отверстие.

¹³ См. сказание 4, прим. 14.

13. Гарпас-маты-Гарпанучан

Герой — пеший охотник отправился по горным тундрам искать эвенка-уралка. В пути он убил домашнего оленя, приняв его за дикого. За это Иронуде вызвал его на поединок. Но, почувствовав слабость, Иронуде просил пощадить его и в награду обещал выдать за Гарпас-мату свою сестру. Тот согласился. На свадебное угощение пригласили звенков-уралтаев из горной тайги, звенков — с голыцами, врагов — с низин. Последним удалось увести невесту. Герою, погнавшемуся за ними, после преодоления различных препятствий удается отнять свою жену.

¹ См. сказание 8, прим. 2.

² См. сказание 6, прим. 1.

³ Четверть — мера длины, расстояние между большим и указательным пальцами.

⁴ См. сказание 4, прим. 2.

⁵ См. сказание 4, прим. 1.

⁶ См. сказание 10, прим. 5.

⁷ См. сказание 4, прим. 5.

⁸ «Коричнеголовый человек» — речь идет о коричнеголовых уранкаях, живших на Сивир-земле. Это название, по-видимому, является отражением названия больших шамеев в тайское время — *хуантоу шишеи*, т. е. «желтоголовые шиши» (Н. В. Кюн с р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62).

⁹ См. сказание 7, прим. 6.

¹⁰ «Онтор, онгтоши» — закон и притвор от звуконадражательного слова *оматы* — «хоркать» (об олене).

¹¹ См. сказание 4, прим. 9.

¹² Превращение в мальчика-сиротку характерно для сказок амурско-зейских эвенков.

¹³ Превращение коня в оленя отражает более позднее явление — переход от коневодства к олениводству и наоборот, что неоднократно имело место среди амурских групп эвенков.

¹⁴ Лось-чирак — возрастное название лося; четырехлетний лось.

¹⁵ Лось-ацам — сезонное (осенне) название лося.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганай

Герой — юноша, сын медведя и женщины. Его воспитывала мать. За ним пришел медведь и увез его в свои места (см. о братьях — медведе и мальчике, детях одной женщины: Г. М. Васильевич. Древние охотничьи образы эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1958, стр. 168). Но юноша оказался хитрее и сбежал от медведей. Когда он вернулся, мать уже умерла. Тогда он отправился искать девицу Торганай. Старуха-помощница дала ему волшебного верхового оленя. Он с помощью оленя преодолел ряд препятствий и доехал до девицы. Девица Торганай в сказании рисуется как хозяйка тайги, которой подчинены все звери и деревья. У нее есть работница. Желая стать женой парня, работница выдала себя за Торганай. Когда Торганай вернулась, она наказала служанку за обман, а парню дала ряд поручений, которые он с трудом выполнял. Последнее из поручений — вымыться в крови своего волшебного оленя. После этого она стала его женой. Сюжет об охотнице, припринявшей работницу за девицу, ради которой он преодолел многое трудностей, встречается в текстах верхненеменских эвенков (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1936) и подкаменитутгусских эвенков (Г. М. Васильевич. Рашико представления о мире у эвенков. В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, стр. 165).

¹ Торганай — так называются в сказаниях мужчины и женщины (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 170). Это имя сопоставляется с названием группы дауров — торгачин, известным по сведениям Идесса (XVII в.). В. Бранд, спутник Идесса, писал, что язык торгачинов сходен в большей части с тунгусским (V. Brand. Beschreibung der Chinesischen Reise, welche vermittelst ist einer Zaris Gesandschaft durch den Ambassador Herrn Ides Anno 1693—1694 von Moscou über gross Ustiga, Sibirien, Dauren, durch Mongolischer Tartarey verrichtet worden. Hamburg, 1648). Идес сообщал, что аргунские конные тунгусы считали себя родственными с торгачинами (E. Isbrander's Ides. Three Years Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103). Миссионеры XVII в. считали, что торгачинцы, мергенчины и солоны являются обозначением одного и того же народа (J. H. Plat. Geschichte des Ostlichen Asiens, T. I, Bd. I. Die Völker der Mandschurien. Göttingen, 1830, p. 955). Северные торгачинцы, родственные даурам, были конными охотниками, южные занимались земледелием. Русские документы XVII в. называют северных торгачинов лезгинско-ми людьми (В. Огородников. Туземное и русское земледелие на

Амуре в XVII в. Труды Дальневост. унив., сер. III, № 4, 1927, Владивосток). Возможно, этоним *торган* своим происхождением связан с наимением монгольского рода: *торга* + (*г*)ут → *торгу*.

² Мотив встречи с советником — стариком или старухой, от которых герой получает волшебного коня (здесь — верхового оленя), нехарактерен для эвенкийских сказаний и, по-видимому, заимствован из монгольских сказаний.

³ Одежда из коры — пережиток далекого прошлого; упоминается только в фольклоре.

⁴ Образ женщины, которой подчинены все звери и деревья, имеется в мифе о трех девушках — девушке-солнце, девушке-луне и серебряной девушке (Г. М. Васильевич. Ранние представления о мире у эвенков, стр. 165).

15. Торганэй и Чаникой

Два брата, из которых младший неряха и неудачник, а старший — хороший охотник, живут вместе. Младшему, Чаникой, помогают журавль-девицы, прилетающие с востока. Старший брат, охотник Торганэй, хитростью берет в жены старшую из них — Гелтынгачан. Однажды, вернувшись домой, Торганэй никого не нашел. Он направился на восток. Встретил трехголового орла-предсказателя, который указал ему, как научиться ездить на диком олене. С большим трудом облезли дикого оленя, Торганэй поехал дальше на восток. В пути он преодолел множество препятствий. Журавль-девица Гелтынгачан — жена Торганэя держала сына в тайге. Ухаживала за ним утка-деница Чиркимай. Мать приходила только кормить его. Торганэй подстерег жену, разрубил ее крылья и начал с ней жить. Его сын Хуругочон, став взрослым, уходит на юг за невестой, которую охраняет враг-авахи. Хуругочон, превратившись в мууху, остается в доме девицы Секак. (Сказание не закончено).

¹ См. сказание 10, прим. 4.

² «Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца, они меня причесали и намыли», см. также ниже: «Журавль-девицы сегодня прилетят покормить ребенка». Жительницы долин и равнин оставляли в тайге детей, рожденных ими от охотников, и время от времени приходили их навещать. Чаникой, брат Торганэя, был сыном младшей дочери скотовода из рода Кувульгат.

³ «Посмотрел на дверной столб — тот уже упал». В сказаниях восточных эвенков герои, уходя в походы, ставят с двух сторон двери столбы — деревянные или железные. По этим столбам оставшиеся узнавали о судьбе героя. Если столб заржавеет или стхиет и упадет, героя считали погибшим. Но если герой отсутствовал много лет, то столбы могли падать и от времени.

⁴ Трехголовый орел в этом сказании играет роль волшебника-помощника, дающего герою волшебного верхового оленя. Помощники, как уже отмечалось, характерны для тюрко-монгольского эпоса.

⁵ «Насадил кору на пятки», т. е. привязал к ногам куски бересты и при помощи их перешел через реку — дреzzнейший способ перехода через реку.

⁶ Марь, марник — долина, покрытая низкорослым березняком, съышником или ивицким.

⁷ Описание приучения дикого оленя к верховой езде соответствует действительности. Эвенки-орочоны из верхней части бассейнов Альдана и Зеи считают, что олени, рожденные от диких оленей, сильнее и быстрее бегают. Они приучают их к выку и упряжке в нарте. Если приучение к езде в караване не предстает затруднений, то приучение к езде передовиком является очень длительным и трудным процессом.

⁸ См. сказание 10, прим. 8.

⁹ В данном сказании охотник Торганэй наделен сверхъестественной силой; кроме того, он еще шаман, умеющий превращаться.

¹⁰ По представлениям эвенков, некоторые животные после сокровения людей и животных остались у духа — хозяина верхнего мира («бога») в качестве посредников между ним и людьми.

¹¹ См. сказание 1, прим. 9.

16. Алтазэй

Данное и последующее сказания превратились в сказки. Три брата — племянники охотника и сестра живут вместе. Два брата охотятся, один остается дома с сестрой. Сестра просит братьев принести ей для игры зайца, те приносят. После их ухода она, сунув зайца в ящик, пускает его по течению реки. Ниже по реке живет скотовод Керальто-Гаралыто из рода Курэнгой. Он уводит девочку к себе и делает ее своей женой. Братья, узнав об этом, отправились мстить. В пути они встретили старика-предсказателя. Добрались до Керальто-Гаралыто, убили его, а сестру привязали к хвосту коня и отпустили. Случай кражи женщины у тунгусов полуоседлым населением Забайкалья и Верхнего Приамурья отмечались в исторических источниках XVII в. Например, мы узнаем из расспросных речей Копылова и Москвитина, что у тунгуса Томкона Лалигир, кочевавшего в верхнем течении Алдана и неоднократно выходившего на Шилку и Амур, «была взята жена его в полон в ту орду... на Омур-реку и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. П. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томск. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963, стр. 30).

¹ См. сказание 4, прим. 12.

² Привязывание женщины к хвосту лошади как наказание заимствовано из тюркских сказаний; этот мотив нехарактерен для эвенкийского фольклора.

17. Алтазэй и Тывъенэй

Братья — конные охотники живут вместе с сестрой. Однажды прилетает птица-вестник Моксовул и сообщает девушке, что придет жених Киро. Следом за ней приезжает жених, дает девушке игрушку и уводит к себе. Братья, вернувшись, не находят сестры. Тогда они едут вниз по реке к Киро. По пути встречают стариков-предсказателей и ботатырей Мукилту и Курболтуна, которые присоединяются к ним. Киро встречает их, уговаривает вином и укладывает спать в доме. Ночью Киро поджигает дом. Курболтун, проснувшись, разбивает дом мышкой, а Мукилту гасит пожар водой. Они перебивают много людей Киро. Через год к братьям прилетает птица Моксовул и предупреждает, что скоро Киро придет к ним с войсками. Курболтуну удается убить Киро.

¹ Песенка «Утки, утки к соседям летят» очень древняя и сохраняется как у восточных, так и у западных (с бассейна Енисея) эвенков. Сейчас ее полный текст уже забыт и поют только две строки.

² В собственных именах с окончанием на -ы, как и в ряде предметных слов, конечный звук может сохраняться и опускаться, например: Киралту и Киралтун, Мукилту и Мукилтун.

18. Курэнгой

Два брата жили с сестрой. Уходя на охоту, они оставляли сестре игрушки. Однажды она написала Курэнгую письмо на шкурке зайца, в котором просила увезти ее. Письмо она спустила в ящик по течению реки. Ящик попал в водоворот и был замечен работницей Курэнгоя. Его вытащили. Прочесть письмо смогла только работница, взятая в плен от охотников. Курэнгой убил свою жену и послал ботатырей за девушкой. Братья вернулись, смотрят — сестры нет. Они направились к Курэнгому. Их встретили, напомнили вином и собрались убить. Тогда младший превратился

в муух и удетел. Старший, превратившись в бабочку, тоже полетел, но застрял в натянутой вокруг дома сетке. Его вынули, ослепили и убили. Первая жена Курэнгоя была колдуньей. С помощью колдовства она вышла из могилы и, вытащив оттуда же старшего брата, вставила ему глаз лося. Он нашел младшего брата, и оба пошли искать Курэнгоя. По пути встретили и пригласили двух богатырей — Курболтуна, подкидывавшего глыбы камня, и Мукилту, набиравшего в рот воды объемом с целое озеро. Курэнгой встретил их, напоил вином и уложил спать в доме. Ночью дом был подожжен. Но Мукилту, который не пил вина, погасил пожар водой изо рта. Курболтун открыл глыбой замкнутую дверь. Богатыри погнались за Курэнгаем. Догнав, они зарыли живыми в землю Курэнгоя и его жену.

¹ «Я бы написала письмо». О грамотности аргунских тунгусов писал Идес: эта группа тунгусов считала себя родственной с торговцами и вела с ними переписку (E. Isbrander's Ides. Three Years Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103).

² Работницами обычно были женщины, взятые в плен. У Курэнгоя работницей была женщина из среды охотников.

19. Мокогдыр и Сигундар

Мокогдыр и трое юношей отправились к дочери Сигундара. По пути они переезжали через две реки. Вторая из них описывается как река из мира мертвых. Мокогдыр переехал, товарищи же его не смогли перебраться. Мокогдыр доехал до Сигундара. Там его встретила служанка Тонгколдин и выдала себя за дочь Сигундара. Дочь Сигундара ночью вернулась с охоты, узнала, что Мокогдыр спит со служанкой, побила ее, а ему дала ряд заданий. Дочери Сигундара в сказании частично придаются черты хозяйки тайги, у которой вместо щенков — медведи, вместо домашнего скота — лоси; в ее распоряжении были все кустарники и тальники. Мокогдыр рассказал ей о своих местах, об оленях и dome, и она отправилась с ним. Когда они проходили мимо его сородичей, Мокогдыра и жену пригласили угоститься сэвэном. Она отказалась и, превратясь в птицу, исчезла.

¹ Имена эвенков, оканчивающиеся на -дыр, -дар, имеют монгольское происхождение. Эти суффиксы, образуя собственные имена, добавляются к основам эвенкийского происхождения: Моког + дыр (Мокогир — название рода), Сигун + дар (Сигун — «солице»).

² «Багдаха, багдаха» — непереводимое слово; по-видимому, ранее было начальным запева.

³ См. сказание 10, прим. 8.

⁴ См. сказание 6, прим. 1.

⁵ См. сказание 6, прим. 1.

⁶ Саламат — тюркское блюдо из жареной в масле муки. От якутов перешло к восточным эвенкам.

⁷ Слово «мат» в данном сказании, как и во всех преданиях, обозначает каждого члена рода, с которым действующее лицо находится в отношениях свойства. Следовательно, слово «мат» можно перевести как «свойственник», «сват», «сратья».

⁸ Сэвэн — обряд съедания головы медведя. На этот обряд съезжались члены двух родов, находящихся во взаимноброчных отношениях. К празднику варили голову медведя и в большом количестве сала жарили мелко изрубленное отварное мясо; это блюдо также называлось сэвэн (см. подробнее: Г. М. Васильевич. Древние охотничий и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957). Кроме того, слово «сэвэн» обозначает духа — помощника шамана. Производное слово «сэвэнчэ» переводится как «паманить» (букв. «находиться в состоянии сэвэн»). Эти три значения

свидетельствуют о том, что первоначально окуривание дымом горящего сала и понималось как обращение к духам.

⁹ «Прежде она была божеством». Слово Тансара — «божество» заимствовано из якутского. Образ дочери Сигундара в этом сказании вобрал в себя черты древнего образа духа — хозяина земли и всех зверей.

20. Сирбут-Сирбунэй

Жили сестра с братом. Брат постепенно приучался к охоте, принося сестре пиц и зверей. Однажды дво гусыни-девицы, дочери Сигундара, унесли его две стрелы, предложив ему догонять их. Сестра в ответ на его жалобу указала, где он сможет найти волшебного (богатырского) коня. Брат ушел, добился до коня, укротил его и стал его хозяином. Этот конь указал, как найти другого коня — золотого, и предложил ему выбрать одного из них. Но Сирбут захотел быть хозяином двух коней. С двумя конями он отправился на поиски дочерей Сигундара. Золотой конь стал отставать. В пути первый конь помогал Сирбуту, и золотому коню. Наконец, они добрались до Сигундара-скотовода. Сигундар предложил ему нарядные одежды. Начались приготовления к свадьбе. После угощения дочери Сигундара увезли Сирбута на ночлег. Во время сна Сигундар хотел убить его. Сирбут почувствовал и проснулся; он превратился в муху и вылетел в окно. Сигундар опять предложил ему превратиться в человека и помириться. Сирбут согласился. Опять устроили угостление. Но, когда Сирбут напился, Сигундар велел своим богатырям сунуть Сирбута в железную бочку и утопить в реке. Выручил его первый конь: пнул бочку ногою так, что она раскололась. Сирбут вернулся к Сигундару и, превратясь в муху, влетел в покой. Он выкрад свои стрелы и вызвал Сигундара на поединок. Сигундар предложил ему биться с тремя богатырями, затем с девятиголовым змеем. Когда Сирбут снес восемь голов змея, пришел его сын и указал отцу, как надо стрелять, чтобы убить. Так Сирбут убил змея. Отец и сын вернулись к матери — одной из дочерей Сигундара.

¹ См. сказание 15, прим. 6.

² См. сказание 10, прим. 6.

³ «Ты обеих возьмешь в жены». Традиция двоеженства была характерна для скотоводов, с которыми охотники находились во взаимообразных отношениях.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокой

В преданиях говорится о столкновении между родами Момочар и Нурумниль. Столкновение было вызвано нарушением правил охоты: Ховоко Момочар убил лося, за которым гнался Нурумниль. У Нурумниля умер человек, и они, считая, что смерть вызвана паником из рода Момочар, «съевшим» душу умершего, собрались отомстить этому роду. Таким образом, одиссызаемая в преданиях вражда вызвана двумя причинами. Когда с каждой стороны было убито поровну, произошло примирение. В предание включено описание способа подготовки бойцов-соников.

Ховоко был воином-охотником и военным вождем в роде Момочар. В местах, где он кочевал, осталось название хребта Ховоко, расположенного в районе Илимпей, в 7 км ниже р. Кочочума (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Олеснику и Лене в 1873—1875 гг. Записки Русск. геогр. общ. по общей географии, т. XX, вып. 1, 1896).

² Нюрумнили — люди рода Нюрумния. Название состоит из слова *Нюру* + *-мия* (суффикс, обозначающий принадлежность женщины к роду) + *-л* (суффикс множественного числа). Места кочеваний рода Нюрумния отмечаются сохранившимися топонимами: хребет Нюрумниды (букв. «относящийся к Нюрумне»), расположенный справа от р. Иртыши и р. Гарандуказана; озеро Нюрумниды — к северу от Нижней Тунгуски; обнажение Нюригды (букв. «нюрикский») на хребте Онгкочо, ниже пос. Наканна (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского...). Таким образом, древние места кочеваний этого рода находились в районе Нижней Тунгуски, между реками Кочочума и Онгкочо, и в бассейне р. Илимчи. Д. Г. Мессершмидт, прославивший в 1723 г. по Нижней Тунгуске, писал, что тунгусы, кочующие южнее этой реки, охотились и севернее, в 3—4 днях от Нижней Тунгуски (D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Teil 2, Berlin, 1984). По преданиям сымских эвенков (потомков илжнеанггарских тунгусов XVII в.), пешие охотники Нюригды (букв. «нюрикский») жили в землянках (букв. «в нижнем мире»), в местности у оз. Ламу (Байкал), где не было ни берез, ни лиственниц. Они обменивались ножами и женщиными с эвенками другого рода.

Так как эвенки ходили на охоту к северу от Нижней Тунгуски, группы, кочевавшие в этих местах, во время выделения административных единиц (управ) стали называться Нюрумнильским административным родом (волостью, управой). Б. О. Долгих, принимая административный род (волость, управу) за племя, считает в своих работах род Нюрумниль племенем:

В данном предании слово «люди» (люди-Нюрумнили) выражено термином *тэээ*, обозначающим «семья», «род», «племя», «народ».

³ «Успел убежать — пролез под снегом». В тайге между Енисеем и Леной всегда существует мощный слой рыхлого снега, так как от теплой почты не бывает. Поэтому во всех преданиях одним из способов ухода от врага является бегство под снегом. При нырянии в снег след терялся и преследуемые таким образом оставались незамеченными. Этот способ спасения эвенки заимствовали от боровой дичи, которая также уходит под снег, прячась от врагов.

⁴ Если во всех сказаниях слово «сонинг» равнозначно русскому «богатырь», то в преданиях сонигтом (или *сано*, букв. «спящий») называют лучшего охотника, который снабжает мясом всю группу, кочевавшую вместе. Чаще всего эта группа состояла из двух больших семей, находившихся во взаимопомощных отношениях друг с другом. Во время военных столкновений сонинг выходил на поединок с противником или становился главою отряда. Сонинги назывались также *гатаакта* и *иничом*.

⁵ Эвенки в прошлом объясняли болезнь человека тем, что шаман враждебного рода начиндал есть его душу. Когда шаман съедал душу, заболевший умирал. С таким представлением у эвенков встретился сержант Попов в 1794 г., проезжая по Нижней Тунгуске среди тунгусов той группы, от потомков которой записаны эти предания (Акты архивов Якутской области за 1650—1800 гг., т. I. Составил Е. Д. Стрелов. Якутск, 1916).

⁶ Разрезая туши диких и домашних животных производили на толстой подстилке из бересты или ветвей, чтобы кровь не попала на землю, так как, по представлениям эвенков, это могло привести к несчастью.

⁷ «Пачаки — стрелок-сонинг». Пачаки, охотник-воин рода Момо, был, по преданию, первым «князем» (т. е. старостой) у группы тунгусов, живущих между Кежмой, Ангарой и Подкаменной Тунгуской. Момо — название рода, широко расселившегося в начале XX в. по бассейну Подкаменной Тунгуски. В преданиях этот род упоминается впервые в то время, когда началась организация административных управ (родов). Род Момо выделился из древнего рода анггарских тунгусов — Кима. К. Рычков записал от сымских эвенков из рода Кима, что Кима и Момо были одними родом. В предании З прямо указывается, что род Момо (Момоли) были раньше родом Кима (Кимали). Мы здесь остановились подробно на этом

роде потому, что Б. О. Долгих в своей работе «Родовой и племенной состав народов Сибири» считает, что Момо (множ. число Момоль) и Мамугат — один и тот же род (Мамагат ~ Мамугат, букв. «житель реки Мама ~ Маму», нижнего притока Витима). Основывает он этот вывод на записях П. Малых (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269) и С. Широкогорова (S. Shirokogoroff. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929, p. 158), но толкует их неправильно. Б. О. Долгих пишет, что «в преданиях северобайкальских эвенков Мамугиры выступают как род тунгусов на Лене, с которыми борются предки забайкальских тунгусов» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Л., 1960, стр. 171). Записи же Малых произведены не от северобайкальских тунгусов, а от баргузинских, относящихся к другой группе. У него читаем: «Всевами мы (т. е. баргузинские тунгусы, — Г. В.) с Мамугирами». Ссылаясь на Широкогорова, Долгих пишет: «По этим преданиям, Мамугиры жили вместе с Чилчагирами в Иркутской губернии». У Широкогорова же говорится: «По преданиям, баргузинские тунгусы до прихода русских имели столкновения с Мамугирами, жившими севернее их, где-то в Якутском уезде. Столкновения были длительными и тяжелыми и продолжались до тех пор, пока Мамугиры не были вытеснены с территории баргузинских тунгусов... часть Мамугиров жила рядом с Чилчагирами» (там же, стр. 158; Чилчагиры жили в нижней части Витима). Территориальное название «житель Мамы» могло распространяться на витимских Сичогирос (сичугов XVII в.) и Чилчагирос, которые перешли на Нижнюю Тунгуску. Поэтому в 1794 г. сержант Попов указал, что рядом с Кундигирскими тунгусами (якутская огласовка — Кундогир) живут и мамагатские (якутская огласовка — Мамагир). Но в 1873 г. А. Л. Чекановский отмечал, что члены рода Мамагир уже вымерли; это вполне могло быть, поскольку на новом месте название Мамагат ~ Мамагир («жители Мамы») было постепенно забыто как территориальное, но сохранилось еще как родовое. Таким образом, название рода Момоль и территориальное название Мамугат не имеют ничего общего.

⁸ Таманац, букв. «плата», «он заплатил» — в этом предании обозначает обмен девушками в знак примирения, будущей дружбы и взаимопомощи.

⁹ Обучение воина-охотника начиналось в детском возрасте. У западных эвенков в мальчиках бросали горячие угольки, камни, наконец пускали стрелу, ставя его на разные расстояния, и он должен был суметь отскочить. Затем он влезал на дерево и учился вовремя спрыгивать оттуда, чтобы увернуться от пущенной в него стрелы. Аналогичный способ воспитания упомянут в преданиях коряков (С. Стебницкий. Фольклор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии). На востоке эвенков учили ловить серединкой лука пущенную в них стрелу, что также требовало ловкости и умения подскакивать.

¹⁰ У эвенков шаманы и сониши могли быть чужеродцами. В межродовых столкновениях убивали только мужчин, женщин же и детей не трогали. Если все мужчины были перебиты, их жен и детей победители были обязаны взять в свой род. Иногда родичи захваченных отбивали и возвращали их. Но часто дети вырастали в чужом роде. Эти мальчики могли стать сониши и шаманами, если они отвечали всем необходимым для этого требованиям, и новый род их признавал. Таким чужеродцем и был шаман у рода Нюрумия.

¹¹ Во всех преданиях соништ убивают только врагов, только тех, кому надо отомстить. Никогда он не убивает мужчин, являющихся чужеродцами во враждебном сониши роде. Иногда эти чужеродцы бывают одного рода с сониши.

¹² Свойственник — здесь употреблено слово *ибден* (букв. «сведенный»). Дальнее понятие является отражением древнего матрилокального брака.

¹³ Бугорки на обечайке бубла назывались «ушами» и «глазами» бубна. С помощью этих бугорков шаман предсказывал будущее.

¹⁴ Перед поединком эвенки «играют стрелами», т. е. обмениваются стрелами.

¹⁵ Об употреблении множественного числа вместо единственного см. сказание 2, прим. 7.

¹⁶ Тиска (эвенк. *тъкса*) — покрышка чума, сплетая из трех полос бересты и общитая берестяной каймой. Обычно остав жилища покрывают 4—5 тисками.

¹⁷ В каждом родовом стойбище прежде всего выделяли сторожей (*эт-эймнил*) — стариков или молодежь, которые должны были следить за приближением врага. Старики устраивали себе шалаш, а молодые сидели на деревьях. О приближении врага они давали знать криками ворона «Ку! Ку!». Предания говорят, что эти сторожа не участвовали в охоте. Этому не соответствует указание А. Ф. Анисимова, согласно которому сторожа «были из наиболее сильных и ловких охотников, отличающихся теми или иными доблестями и имеющими известные заслуги перед родом» (А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков. Л., 1936, стр. 87).

¹⁸ «Вылез через дымовое отверстие». На Подкаменной Тунгуске жили пещевые, т. е. береговые, тунгусы, не имевшие оленей. Зимой они жили в чуме-голомо, построенном из илах, составленных конусом и снаружи покрытых дерном или снегом. Особенно тщательно обсыпали снегом нижнюю часть. Насыть достигала в высоту одного метра и более. Таким образом, входя в дверное отверстие, приходилось внутри чума спрыгивать вниз. Такое жилище сохранялось и в начале советского периода. В древнее время голомо ставилось над ямой, и, по рассказам эвенков, входить в жилище приходилось через дымовое отверстие. Следы таких ям найдены в районе Байкита, недалеко от устья Чуяи.

¹⁹ Столкновения между представителями разных родов могли быть вызваны разными причинами. В этом предании Ховоко убил ясля, за которым гнались Ниурумяли, т. е. нарушил охотничью традицию. За это Ниурумяли убили человека Ховоко, посланного к ним сватом. Позднее Ховоко за смерть свата убил одного Ниурумю, а те в ответ убили брата Ховоко. Тогда он убил еще одного Ниурумю. Таким образом, с каждой стороны было убито по два человека, после чего и произошло примирение.

²⁰ Традиция варить тело (или его часть) убитого была характерна для преданий западных эвенков, живущих в бассейне Енисея.

²¹ Эвенки объясняли это тем, что такой сонник был уже старым, всю свою жизнь он охотился и кормил большое количество людей.

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

В этом предании столкновение произошло из-за того, что Куркогиры забивали оленей, принадлежавших Кордуяям.

¹ См. предание 1, прим. 4.

3. Олени

В предании рассказывается, что у пещевых эвенков Подкаменной Тунгуски олени появились после Пачаки. Первыми оленеводами стали верховские группы эвенков.

¹ Ганальчи — так назывались все эвенки Нижней и Подкаменной Тунгусок, к северу от Антары. Слово условно переводят как «стрелок», имея в виду основу *ганат* — «стрелять» (из лука). Но слово *ганальчи* состоит из корня *ган-* и суффиксов *-а*, *-чи*; последний при предметной основе обозначает владение чем-либо, при глагольной (по аналогии с монгольским) — образует имя деятеля. Таким образом, этимология слова остается пока невыясненной.

4. Ховоко

Рассказ о мести Ховоко своей родне.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² См. предание 3, прим. 4.

³ Здесь в значении «памянить» употреблено слово *гулирэн*, что буквально означает «положить кости зверя на помост».

⁴ «Попал одному в сухокилье» — стрельба в ноги убегающему противнику характерна для всех преданий эвенков.

⁵ «Восемнадцать стрел», букв. «две девятки». Счет девятками (две, три, четыре девятки) был распространен среди эвенков, имевших ранние связи с монголами; счет семерками — среди энчиков, имевших ранние связи с тюркоязычными группами.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Описывается столкновение родов Момочар и Момо.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² Топоко — сонник рода Момо. О кочевании его в этих местах свидетельствует название возвышенности Ховоко у р. Онгекон, против современного поселка Кислокан на Нижней Тунгуске.

³ Перед поединком эвенки обращались к противнику, предлагая тому «приготовиться» — быть готовым отскочить от цущенной в него стрелы.

⁴ Обычно эвенки, отходя от могилы, птились задом на определенное расстояние.

⁵ См. предание 1, прим. 20.

6. Лонтко

Предание о столкновении двух родов из-за убийства свата.

¹ Стрелок-гатаанта — стрелок, убивающий с первой стрелы и умеющий так отскакивать, что в него не попадали стрелы противника.

² См. предание 3, прим. 4.

³ Род здесь называл словом *тээрэх* (во множ. числе).

7. Ибде

В предании говорится о жизни зятя в семье жены и о его мести родителям жены за плохое отношение к нему. В предании отразились семейные отношения более позднего времени: зять живет и работает в семье жены, чтобы оплатить калым.

¹ См. предание 3, прим. 1.

² Ибде — собственное имя, данное по термину *ибдери*, т. е. «зять», букв. «введенный».

³ См. предание 6, прим. 1.

⁴ См. предание 1, прим. 4.

⁵ Первый шайтанский позвонок оления или лоси считался у эвенков плохой пиццией.

8. Начаки

В предании описано начало торговых отношений между русскими и тунгусами в районе Кежмы на Ангаре, а также столкновение алгарских Момолей с пажинтунгусскими Кунгогирями. После столкновения Кунгогиры поклонились в русский суд на Начаки Момо. Его наказали. Но так как он был умным и способным человеком, его назначили «киязом»

(старостой). Исторические источники зарегистрировали неоднократные столкновения между тунгусами Подкаменной и Нижней Тунгусок, например столкновение Кунгогириов с татарскими (подкаменитунгусскими) звенками в 1653 г., нижнетунгусских Мучигириов с аянго-илимско-ленскими Иялягирами в 1672 г. и др.

¹ У звенков распространен способ определения времени событий по отношению к какому-либо известному лицу («до» или «после» него).

² См. предание 3, прим. 1.

³ Употребление слова «самостоятельный» в значении «умный» заимствовало из местного русского говора.

⁴ Звенки с бассейна Подкаменной Тунгуски до советского периода не знали парчевой упряжки, а до прихода русских и вообще не знали саней.

⁵ Рассказчик ошибочно употребил русское слово «кущлю» вместо «убью».

⁶ «Нирукка» — так стали называть русские торговцы звенков и звенки русских. Слово *ниру* по-эвенкийски значит «друг», -*шка* — русское окончание.

⁷ «Луч» — эвенкийское произношение слова «русский». В эвенкийском языке нет слов с начальником *r-* и с окончанием -*ский*.

⁸ Кунгогир — эвенкийский род, в XVII в. кочевавший по бассейну Нижней Тунгуски, между реками Кочомо и Эйко. Часть их вышла к западу, в бассейн Верхней и Нижней Чуны и на приток Чуны — Чунку. Часть их попала на среднюю часть Подкаменной Тунгуски, между реками Тайга и Кому, куда они пришли с Чадобца (приток Ангары). А на р. Чадобец их во время столкновения оттеснили Момоли с Пачаки. Столкновение Кунгогириов с татарскими тунгусами (подкаменитунгусские Момоли) отмечено в 1653 г. (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 175). Все Кунгогири (Кунгогиры ~ Конгогиры ~ Конгогиры) были членами одного рода, а не различных, как предполагает Долгих (там же, стр. 165—166).

⁹ Эвенки с XVII в. стали выплачивать ясак, который в XVIII в. был заменен ежегодным денежным взносом с каждого охотника.

¹⁰ Эвенкийское представление о наказании железными прутьями, вероятно, основано на одном случае в 1685 г., когда аянгских тунгусов Рыбипской и Чадобской волостей (в которые, вероятно, входили Момоли с Пачаки) наказали за неуплату ясака за 1684—1685 гг. (причиной чего явилось исчезновение зверя из-за хищнической охоты пристольцев). «И мы, холопи ваши, — сообщали в донесении енисейские служилые люди, — тех ясачных людей всех двухсот человек велели поставить на правеж и били на правеже день» (цит. по: Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у звенков. Л., 1939, стр. 12).

9. Пачаки Момо

Во времена организации первых волостей, т. е. во времена Пачаки, в пизовых р. Чуни жили два рода — Момоли и Куркотиры. Они находились во взаимнородичных отношениях и выступали вместе против Чемдалей, живущих в верховьях реки. У последних были ружья, а у первых — только луки. Момоли с Куркотирами мстили Чемдалям за убийство брата Пачаки. Чемдали подали в русский суд на Ангаре жалобу на Куркотиров с Момолями. Момолей осудили и наказали. Потом Пачаки был назначен «князем» (т. е. старостой). Так звенки представляли себе назначение русскими властями «князя». Они считали его представителем русских властей и никогда не путали административный «род» (т. е. упрану, волость), который они называли русским словом «орда», с кровным родом.

¹ См. предание 3, прим. 1.

² См. предание 1, прим. 4.

³ Чемдали (ед. ч. Чемда) — эвенкийский род, расселенный в XVII в. по Ангаре, в районе Кежмы, и севернее. В настоящее время потомки его живут в верхней половине бассейна Подкаменной Тунгуски.

10. Пачаки Момо

Хотя этот текст является рассказом, а не преданием, он относится к тому же времени, что и предыдущий. Представляет интерес отклик, который получил в этом рассказе случай неурожая хлебов на Ангаре. Это в свою очередь говорят о том, что эвенки быстро привыкли к русскому хлебу. Кроме того, здесь интересен способ приобретения оленей нашими охотниками — в виде приданого жены. К этому же времени относятся факты, рассказанные Калтаном Баликаном М. Ошарову, который на их основании написал книгу «Большой аргит» (Красноярск, 1935).

¹ «Русская казна» — так эвенки называли русскую власть и казенные запасные магазины.

² «Второй холод» — так эвенки называли вторую половину зимы.

³ «Вот я стал ларостым». Здесь употреблено слово *байо* — «человек», «тело», «сам».

11. Момоли и Чемдали

В предании описана процедура сватовства между членами родов Момоли и Чемдаль. Чемдали отказались принять сватов, что привело к столкновению. Чемдали подали в русский суд жалобу на Момолей. Подробно описано наказание, после которого оба рода примирились.

¹ Сваты, подходя к стойбищу, пускали маленькую стрелу — сэлэ, которая обозначала, что идут люди с мирными целями, и кричали «Сэлэ!» — традиционное слово, возвещающее о приходе сватов.

² «Химилгон» — традиционное слово, обозначающее отказ сватам.

³ «Кровь свою лакают!» — ругательство.

⁴ «Кости растеряешь!» — образное выражение, обращенное к старику.

12. Чемдали и Хорболи

Смерть одного из Хорболей стала причиной столкновения двух родов. Чемдали обещали отдать за умершего свою девушку. Но беременность этой девушки позже стала причиной нежелания отдавать ее в чужой род. В предании описываются боевое одевание Чемдалей, приготовление к бою, бой и смерть брата Пачаки — Лонгко.

¹ «Этот, однако, не простит». Считалось, что неожиданная смерть человека была вызвана духами шамана враждебного рода. Сородичи умершего мстили роду шамана.

² Девицу, забеременевшую до брака, род не выдавал замуж в другой род, пока она не разрешалась от бремени. После этого она могла выйти замуж в другой род, оставив ребенка в своем роде, но ее могли и не отдать.

³ «Си-ри-да! Да-ли-да!» — клич, не переводимый из современного языка, служащий как бы объявлением о начале военного нападения.

⁴ См. предание 1, прим. 4.

⁵ Здесь слово «люди» обозначено термином *тээ* — «семья», «род», «племя», «парод».

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

В предании Нюрумняли отказались выдать девушку объединению Момолей и Куркогиров. Это привело к столкновению. С целью примирения Нюрумняли отдали этим двум родам двух женщин. После этого все три рода объединились и начали кочевать вместе.

¹ См. предание 3, прим. 4.

² Тура — центр Эвенкийского национального округа.

³ По преданиям и историческим источникам XVII в., эвенкийские роды (и части их) объединялись чаще всего по два. Иногда объединялись и три рода, как в данном предании. Это были роды, бравшие взаимно женщины в жены. Объединения не были постоянными и при любом случае быстро распадались. Но и столкновения довольно быстро прекращались, если побежденные в знак примирения отдавали женщин в жены победителям. После этого роды обычно объединялись и кочевали вместе до следующего столкновения.

14. Кордо

Описывается отпочкование частей рода, характерное для преданий всех групп эвенков. По традиции, это объясняется тем, что братья не сумели поделить перья птиц для оперения древков стрел, поссорились и разошлись. Разойдясь по новым местам, они дали начало новым родам.

¹ См. предание 1, прим. 4.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

У Нюшкагиров сонингом был человек из рода Куркогир. По ошибке он изогнул металлическую подвеску на костюме шамана. Это послужило причиной ссоры и столкновения Куркогиров с Нюшкагирами. В столкновении участвовали все мужчины, включая и шамана. Два лагеря установились друг против друга и развернули костры. Затем начали пускать друг в друга маленькие стрелы, сообщая о предстоящем бое. Куркогиры разбили Нюшкагиров (ср. предание сымских эвенков о столкновении двух родов, в котором участвовали шаманы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 90).

¹ Курилон — синоним слова «сонинг».

16. Сергунго Кордуяль

Действие происходит после введения ясачных сборов. Мужчины рода Кордуяль повезли ясак на Ангару, в Кежму. Для охраны женщин и детей остался старый сонинг Сергунго. На оставшихся напала группа враждебного рода. Враги убили сонинга и увезли женщин и детей, оставив для обратной мести старуху с мальчиком. Мужчины, ходившие с исаком, вернулись. Не найдя жен и детей, они пошли мстить. Отбили женщин и детей и вернули их обратно.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² См. предание 3, прим. 1.

³ На Подкаменской Тулагуске не было таких ясачных изб, какие были на Нижней Тунгуске (Мангазейский уезд). Здесь сами эвенки должны были привозить ясак на Ангару — в поселки Богучаны, Чадобец или Кежму.

⁴ С ясаком ушло восемь мужчин, а для охраны женщина и детей остался один мужчина. Это говорит о том, что группы эвенков одного рода,

жившие вместе, были небольшими. Члены одного и того же рода могли жить такими группами в разных местах. Такую же картину дают исторические источники. Так, в «Книге приходной ясашной мягкой рухяди» Енисейского острога за 7130 (т. е. 1621—1622) г. перечисляется количества соболей, сдающих «князьями», т. е. главами групп ангарских тунгусов. По количеству сдаваемых ими соболей можно судить о численности мужчин в группе (роде) — 3—5 человек (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 274).

⁶ Столкновения между разными группами эвенков происходили и после введения ясачных сборов. Боясь нападения враждебной группы, мужчины, уходя сдавать ясак, оставляли сопника, хотя бы и старого, который в случае нападения мог бы защитить женщин и детей.

⁶ «Сумучакор! Сумучакор!» — один из военных кличей.

⁷ См. сказание 4, прим. 12.

⁸ Мотив оставления врагами в живых старого человека и мальчика, который мог бы в будущем отомстить за смерть своих сородичей, встречается в разных преданиях эвенков.

⁹ Уведенные женщины обычно помогали своим мужчинам, которые приходили их выручать. Они потихоньку указывали, где были враги, подрезали тетивы их луков, иногда они действовали пальмой или толором, как в данном предании.

17. Гильбовуль

В предании рассказывается о столкновении двух родов.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² Сторожами могли быть и девочки. См. предание 1, прим. 17.

³ В каждом роде (позже территориальной группе) был мастер по изготовлению луков, который делал луки для всех мужчин. Жил он всегда отдельно. Мясо для еды ему доставляли охотники-заказчики.

⁴ См. предание 1, прим. 18.

⁵ Караваны эвенков, встретившиеся в тайге, день-другой стояли вместе на одном стойбище и по вечерам обычно устраивали хороводы — йэхэрэ. Приведенный здесь оборот означает, что радость пиротехнике была омрачена слезами по убитому.

⁶ Сожжение тела врага на костре — традиция, характерная для восточных эвенков. Восточная традиция в преданиях западных эвенков указывает на то, что в их составе имелись и восточные эвенки.

18. Бакадя Момо

Предание об одном члене рода Момо — шамане по имени Бакадя (букв. «найденыши»). Однажды Бакадя и другой шаман послорвали о том, чье духовное существо сильнее, и устроили их состязание. Оба в полном облачении сели на лед реки и сидели до тех пор, пока второй шаман не замерз. Бакадя же просидел еще два дня. Потом он предложил своей жене уйти из этих мест. Она доинки были отправиться в путь без металлических предметов. Женщина забыла выпустить из пояса металлический ножницы. Тогда Бакадя потерял ее в пути, а сам стал невидимкой-мэлконом.

¹ Мэлкон — невидимка. У эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок мэлконом назывался дух души покойного — невидимка, лишь иногда появляющийся в виде огонька или головешки или в виде множества огоньков — миражка. В маньчжурском языке слово мэлкон означает «марево», «призрак» (И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. 882). В значении «огонь» это слово может быть сопоставлено с чукотским жигын — «огонь».

² По представлениям эвенков, вдовец приносил несчастье.

³ Шаманские кафтаны — плащи имели сзади «хвост» — в виде острого мыса на подоле (или спускающейся со спины узкой молосы) с колокольчиком на конце (Г. М. Васильевич Тунгусский кафтан. Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958).

⁴ Согласно традиции, при захоронении шамана нельзя было кладь в гроб металлические подвески. Их вместе с шаманским костюмом вешали около захоронения. Полет «на край земли» обозначает переход души шамана в мир мертвых.

19. Утышка

Два рода матак, находящиеся во взаимнобрачных отношениях, жили вместе. В одном из этих родов решили убить главу другого рода, чтобы захватить выточные сумки и оленей. Разговор об этом происходил на якутском языке. Парень, бывший при разговоре, все понял и сообщил своим.

¹ Матак — род свойственников.

² «Человек из этого рода». Здесь в значении «человек» употреблено слово тээз — «семья», «род», «племя», «народ».

³ Слово «люди» здесь также выражено термином тээз.

⁴ См. предание 6, прим. 4.

⁵ У непских и верхнеленских эвенков широкая лыжа келчи служила охотничьей нартой, на которой перевозили необходимые охотнику вещи. Вероятно, такая же келчи была и у аянских групп, перешедших на Подкаменную Тунгуску.

⁶ «Хавун» — традиционное слово, которое говорят кому-либо перед тем, как его убить.

20. Деерок

История про шаманку, которая шаманила, будучи беременной. Во время камлания она передала свой плод мужу, а затем снова возвратила его себе. От этого она во время родов сошла с ума. Сошли с ума и двое ее детей. Сумасшедшие шаманки и ее потомства эвенки объясняли тем, что ее испортили духи-помощники.

¹ См. предание 3, прим. 1.

² См. сказание 19, прим. 8.

³ Словом мэлкэн называли и шаманов, которые могли становиться невидимыми.

⁴ Нгеви — мир нерожденных душ.

21. Юргины

Предание о столкновении аянских эвенков из рода Чемдаль с нижнетунгусскими из рода Ошикир. Ошикиры шли с Нижней Тунгуски на Подкаменную через реку Ерому. Юргины — глава рода Чемдаль не захотел отдать Ошикирам в жены девицу, потому что те убили его сородича. Это дало толчок к столкновению. Юргины был убит, но брата его, Лопкончо, убить не смогли, потому что он был в броне. Лопкончо хотел мстить Ошикирам, но встретил в тайге двух женщин, отправленных Ошикирами в уплату за убитого. На одной из них женился Лопкончо, на другой — его сват. Тогда Чемдаль и Ошикиры помирились. Сержант Понев в 1794 г. записал у эвенков из района, где жили Ошикиры, данные о количестве женщин, которое побежденный род должен был выдавать победителям за убитых и раненых мужчин (Акты архивов Якутской области, т. I. 1650—1800. Якутск, 1916, стр. 294).

¹ См. предание 3, прим. 1.

² См. предание 1, прим. 4.

³ Ерома — левый приток Нижней Тунгуски.

⁴ Этот обычай свидетельствует о восточном происхождении Ошикиров.

⁵ См. сказание 4, прим. 12.

⁶ Древним способом захоронения у эвенков было помещение трупа в вертикальном положении в дупло. Такого типа захоронение было найдено Вилюйским отрядом геологической экспедиции в верховьях Вилюя в 1925 г. Позже гроб из дупла дерева стали плашмя укладывать на столбы или на подрубленные стволы деревьев.

22. Юргинны

Предание о мести Юргинны за убийство отравленного им свата. Мстя, он должен был убить одного человека. Он дважды прибег к хитрости. Во-первых, он уговорил свою dochь, чтобы та взяла в мужья одного парня из рода, которому он должен был отомстить. Когда парень в качестве мужа поселился в чуме Юргинны, последний придумал вторую хитрость, чтобы его убить.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² См. предание 1, прим. 12.

³ Убийство с помощью обмана нехарактерно для эвенков. Этот мотив, по-видимому, заимствован от якутов.

⁴ Искать вшей в волосах друг друга у эвенков было своего рода лаской. В отдельных случаях этим пользовались, чтобы неожиданно уколоть ножом в затылок и убить.

23. Нурговуль и чангиты

Тема о Нурговуле распространена в средней части бассейна Нижней Тунгуски и севернее, в озерном районе. Она попала и в оленекский хосунный эпос. В предании чангиты ночью напали на семью Нурговуля и убили его сыновей. Родичи Нурговуля начали мстить за убитых. Нурговуль же ушел один в тайгу. Чангиты его увидели, хотели убить, но он скрылся. Они погнались за ним и нашли его уже мертвым.

¹ По рассказам татарских эвенков, Чурговуль из рода Монгол кочевал по бассейну р. Илимпеси и в верховьях р. Тотеи; в верховьях Илимней, как указывали, находится его могила. Жил он, по преданию, во время организации административных волостей. Возможно, это имя совпадает с именем Нурговуля из сибирской ессейских тунгусов (1768 г.) (В. О. Долгих. Происхождение иганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952, стр. 22).

² Чангиты — так называли в этом предании враги. Предания, в которых говорится о чангитах, распространены у эвенков, живущих от западной границы на восток до линии Алдан—Зея. Чангит (эвенк. чан + вит), по-видимому, название какого-то очень древнего племени чан, которое постоянно нападало на эвенков; поэтому слово стало синонимом врага (см. подробнее о чангитах: Г. М. Васильевич. Фольклорные материалы и родоплеменной состав тунгусов. Труды Второго всесоюз. геогр. съезда, т. 3, 1949).

³ Существовало правило — не убивать спящего без предупреждения.

⁴ См. предание 1, прим. 20.

⁵ См. предание 1, прим. 21.

24. Олуувуль и Нурговуль

По рассказам юрбогоченских эвенков, Олуувуль и Нурговуль были союзниками у эвенков с р. Илимпеси. Жили они во время организации административных управ, т. е. во время первых шулепов. Оба союзника были ис-

кусными стрелками и не могли друг друга убить. Олувуль перебил много звеников. Поэтому звеники искали его. Однажды Олувуль пришел в чум к обиженным им людям. За ним погнались и окружили. Тогда он сказал, что состарился и пришел к ним, чтобы его убили. С его же помощью им удалось его убить. Жена Олувуля отдала им стрелы мужа и некоторое время кочевала с ними. С тех пор тундра на истоках р. Лимы стала называться его именем.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² «Стреляя друг в друга, они ловили стрелы» — эта традиция, характерная для амурско-забайкальских звеников, говорит о восточном происхождении как Олувуля, так и Нурговуля. Род Нурговуля Монгол имеет амурское происхождение. Группы этого рода вышли на запад от Лены задолго до прихода русских в Сибирь. В XVII в. семьи этого рода зарегистрированы в районе оз. Ессей и на среднем течении Ангары. Потомки рода Монгол на Нижней Тунгуске разделились на три группы, дав начало родам Монгол, Палгаракай (или Павгиракай) и Голе; они расселились по Катангскому району и Эвенкийскому национальному округу (см. подробнее: Г. М. Василевич. Звеники Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1962).

³ Шулениги — так звеники данной группы называли «князей», т. е. старост.

⁴ По преданиям, сонинги на старости лет часто приходили к тем, кого они преследовали при жизни, и просили тех убить их и взять их стрелы. Возможно, эти предания и дали повод некоторым авторам (К. Рычков, С. Широкогоров) писать, что звеники оставляли стариков умирать в тайге. Обычай убивать стариков по их просьбе характерен для чукчей и коряков.

25. Урон

Предание илимчейских звеников, попавшее в оленекский якутский эпос. Сонинг Урон убил у одного старика сына, а невестку увел. Старик успел спрятать внука. Он воспитал из внука ловкого стрелка и послал его вернуть свою мать. Внук, переодетый в старье, вооруженный плохим луком, пришел к Урону. Там он играл с сыновьями Урона, состязаясь с ними в стрельбе из лука. В чуме во время еды он бросил нож в Урона и выскошил из чума. Урон погнался за ним. Но парень убил Урона и увел домой свою мать. Однажды он встретил медведя и пошел на него с пальмой. Ему удалось его убить, но и сам он был основательно ранен. Дома дед вылечил его (ср.: Материалы по звеникскому фольклору. т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 91, 246—248).

¹ См. предание 3, прим. 1. Гапальчами назывались не только звеники с бассейна Подкаменной и Нижней Тунгуской, но и группы, кочевавшие по бассейну Котуя и верховьям Оленека.

² См. предание 1, прим. 4.

³ Урон — это имя можно соотнести с именем оленекского тунгуса XVII в. — Урия Эдяна, в детстве захваченного звениками из рода Ванадыр (Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 345).

⁴ «Я их не боюсь» — так говорить о звере, на которого охотились, у звеников запрещалось. Поэтому парню не удалось сразу убить медведя.

26. Урон и Унгковуль

Урон был большим мастером увертываться от пущенных в него стрел. Он собрался, накопец, посостязаться с Унгковулем. Унгковуль был уже стар и удивился, почему тот не пришел, когда он был молодым. Урону не удалось стрелой убить Унгковуля. Но во время его погони за Унгковулем волосы последнего запутались в ветвях, и тогда Урон убил его. За

смерть Унгковуля начали мстить родичи. Они пытались убить душу Урона, местопребывание которой указал шаман, но неудачно. Они погнались за Уроном и убили его. Отомстив Уропу, они предложили сыну Урона, когда тот подрастет, найти их по оставленным на деревьях меткам для обратной мести. Дед вырастил внука, по силе и ловкости равного Урону. Родовой кузнец выковал ему стрелы, и он отправился мстить. Ему удалось отбить луком все стрелы врагов и перебить их, оставив в живых лишь одного. Он увел мать, но позже сам погиб от медведя.

Стоянновения тундровых оленевых эвенков — выходцев из Забайкалья и Приамурья с таежными охотниками получили отражение в игасанском фольклоре (Б. О. Долгин. Происхождение игасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952).

Сюжет всех преданий об Унгковуле, Уроне и Нурговуле один и тот же: один богатырь убивает богатыря другого рода и уводит его жену; дед спасает внука, воспитывает его как мстителя; выросший внук отправляется мстить за смерть отца, убивает врага и уводит мать. В основе этой сюжетной схемы характерен для германских сказок народов тюркоязычного мира. Вероятно, он привнесен оленевыми эвенками из Забайкалья и верхнего Приамурья, где иредки тунгусов могли иметь связи с рабочими тюркоязычными группами.

¹ См. предание 1, прим. 4.

² Унгковуль (в олонхо оленекских якутов — Юнгкеебиль) — имя соинника оленекских эвенков. О пребывании его в бассейне Оленека свидетельствует название одной из протоков Оленека — Юнгкеебиль (в якутской огласовке).

³ «Мы бы поиграли». Термин «играть» (эзи-) во всех сказаниях обозначает состязание друг с другом в стрельбе из луков, в кулачном бою и т. д.

⁴ «Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся». Соединение двух традиций — восточной и западной — говорит о смешении групп восточных пришельцев с западными, аборигенными.

⁵ По представлениям эвенков, душа человека могла переселяться в любой предмет. Слово маин, синоним слова ёмъ («душа»), также забайкальско-амурского происхождения. В забайкальско-амурских говорах, по материалам С. Широкогорова, душа и охотничья удача называются одним словом — маин ~ маугун.

⁶ Согласно традиции, нельзя было убивать стариков с открытыми глазами.

⁷ См. предание 1, прим. 24.

⁸ По существующей традиции, убившись предлагали отомстить им будущем мальчику, который подрастет, для чего они делали на своем пути отметки на деревьях.

⁹ Родовой специалист — куанец всегда жил между стойбищами рода.

¹⁰ «Поставил лук у дверки». Луки никогда не вносили в чум, чтобы тетивы не нагревались. Оставление луков снаружи часто использовалось младенцами врагами, которые подрезали на них тетивы.

¹¹ См. сказание 10, прим. 6.

¹² Эвенки к западу от Лены привыкают до сих пор ножны к бедру. Ношение ножа на бедре унаследовано от энеолитического населения Приангарья и Прибайкалья. Кроме эвенков, это характерно для кетов, а также встречается у некоторых эндов и игасанов.

¹³ «На кого-то похожую». Существовало правило не называть медведя во время охоты.

27. Гамальчи

В предании говорится о нападении одной группы эвенков на другую. Женщины, ссыпав мужей, чтобы их не убили, незаметно продырявилиают юбки врагов и те тонут.

28. Захребетные жители

Фрагмент рассказа об аборигенах, живущих в енисейской тайге до прихода тунгусоязычных групп. Они отличались от тунгусов тем, что ели сырую рыбу, мясо собак и снимали чулком шкуру с диких оленей. Эта тема встречается в фольклоре долганов и вошла в фольклор оленеских якутов (якутенных тунгусов).

¹ Мелеле — название мелкого тундрового дикого оленя. Слово не тунгусского происхождения. В чукотском и корякском языках В. Иохельсон записал слово *мелле* — дикий тундровый олень (W. Jochelson. The Yukagirs. New York, 1926, pp. 362—363).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Два рода эвенков из аянской (Мокогир) и чумиканской (Огинкогир) групп, бывшие во взаимообразных отношениях, пришли к столкновению из-за отказа одного из них отдать ранее свороженную женщину. Огинкогиры перебили всех мужчин Мокогиров.

Рассказ о столкновении Огинкогиров с Мокогирами бытует и среди негидальцев (К. Мыльникова и В. Цинциус. Материалы по исследованию негидального языка. Тунгусский сборник, Л., 1930, стр. 201—207). Столкновение между аянскими и амгунскими эвенками зарегистрировано в 1794 г.

¹ Огинкогиры (эвенк. *Хэгэнкээгир*>*Эгинкээгир*) — род амгунских эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в течение XVII—XX вв. Представители этого рода, войдя в состав негидальцев, дали начало негидальному роду с этим же названием.

² Мокогиры — Макагиры (эвенк. *Мэкээгир*) — род аянской группы эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в XVII—XX вв. Этот же род в XVII в. был записан как Макагский (Дополнения к актам историческим, т. XI, стр. 204). П. Шимкевич отметил этот род в Приамурье, где кочевали манегры. С. Широкогоров встретил представителей этого рода также в Приамурье, среди бираченов, где они кочевали вместе с родом Манягир. Ему сообщили, что старинный род Макагир — Мокогир жил на Зее (эвенк. *Д'ейа* — *Д'ийа* — *Д'ейу*), поэтому его называли также еще *д'ейчар* — *д'ейчер* — «жители Зеи». Выйдя к югу от Амура, род Макагир — Мокогир размножился и разделился на Макагир и Мокогир.

³ См. предание 1, прим. 4.

⁴ «Один был спротой, сыном старухи». В роде Огинкогир сонник был родом из рода Мокогир, поскольку он был рожден от беременной женщины, взятой в плен Огинкогирами; поэтому его называли спротой.

⁵ Существовало правило во время столкновений убивать мужчин только из того рода, против которого выступали. Мужчин другого рода, выросших или родившихся в этом роде, не трогали.

30. Побоище

В предании говорится о столкновении двух родов нижнетунгусских эвенков. Интересно отметить, что в данном предании впервые описываются переход на ходулях, прятание под колодой для подстерегания врагов.

¹ См. сказание 10, прим. 8.

2 Удивление и возражение старшего брата вызывает то, что младший брат, вместо того чтобы увертываться от стрелы противника, ловит ее сухим лиственничным суком, т. е. действует по восточному способу, нехарактерному для западных эвенков.

31. Чангиты

В предании рассказывается о нападении ангарских эвенков на испеких и об уходе ими изонции. Впервые в этом предании эвенк, чтобы обмануть противника, прыгает в воду с берестяными покрышками; покрышки плывут по течению, а эвенк, пырнув, всыпывает совсем в другом месте, против течения. Противник принимает покрышки за проследуемого и стреляет по нему. Предание дает возможность судить о порядке движения в кочевке: сначала идут шаманы, за ними гравари, а затем уже следуют все остальные.

О столкновениях испеких тунгусов с ангарскими документы XVII в. упоминают не раз. Вариант этой темы использован А. Салаткиным для написания поэмы «Гегдаалтуэн, Унгариккан» в стихах (перевод с сохранением ритма стиха опубликован, см.: журн. «Звезда», 1939, № 4). Столкновение это имело место, по-видимому, в конце XVIII в. О нем токминские эвенки хорошо помнили в 1925 г. А одна старуха показывала нам меч, якобы сохранившийся со времени столкновения.

Название рода Хунгникаи, которое указал Коленский, рассказавший нам предание, было в XVII—XVIII вв. хозяйственным называнием всех эвенков верхней половины бассейна Нижней Тунгуски и в переводе значило «собачьи». Это название группы эвенков существовало еще в XVIII в. Д. Г. Мессершмидт, проезжая по Нижней Тунгуске, записал в этом районе название группы эвенков *хундышал* («собачья»), а в низовье этой реки — *оротонг* («оленевые»).

¹ См. предание 23, прим. 2.

² Эвенки, живущие между Енисеем и Леной, обматывали ремешком волосы от маcusки головы до конца косы; коса при этом стояла в виде дуги.

³ См. сказание 10, прим. 6.

32. Женщина и чантит

Рассказ о том, как одна женщина убила подкравшегося врага. Подойдя к стойбищу, враг залог между кочками. Одна женщина заметила его и, вернувшись домой, предложила другой спрятать детей. Но та не послушала. Первая женщина спрятала своих детей, сама же с топором присела под покрышкой в чуме. Враг, придя, убил соседку. Когда же он вошел в чум первой женщины, та зарубила его топором. В основе этого предания лежит действительный случай, о котором рассказывали в разных местах на притоках Подкаменной и Нижней Тунгусок.

¹ См. предание 23, прим. 2.

² «Чантит прижал голову к земле». Обычай прятаться между кочками, чтобы незаметно напасть ночью, упоминается в фольклоре коряков (С. Стеблик и И. Фолькор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии).

³ «Хулаатганик ~ хулаганик» — древнее слово, не переводимое из современного языка. Употребляется для выражения досады, возмущения, гнева.

33. Женщина

Другой вариант предания 32.

¹ См. сказание 10, прим. 8. Забираться в пустоту колодины — один из способов спрятаться от врагов.

² См. предание 23, прим. 2.

³ См. предание 32, прим. 3.

⁴ См. сказание 1, прим. 11.

34. Эвенки и чангит

Это предание находится на стадии превращения в сказку.

Эвенки в прошлом строили свайные жилища, где жили семьи в то время, когда мужчины охотились. В предании один эвенк в погоне за зверем бросил свою рукавицу и шапку. Браг, подобрав эти вещи, приходит к свайному жильцу охотника. Бросив наверх рукавицы и шапку, которые спшила для мужа жена, он заставляет последнюю сбросить ей бремя-лесенку. Тогда он уводит ее с детьми к себе. Вернувшийся охотник, не найдя семьи, обращается за помощью к шаману. Тот указывает ему способ, при помощи которого он может вернуть жену. Охотник так и поступает.

¹ См. сказание 4, прим. 12.

² См. предание 23, прим. 2.

³ «Борбоме, борбоме!» — прислов-запев, характерный для преданий токминских, верхнеленских и северобайкальских эвенков (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 187).

35. Киндыгир и чангиты

Эвенки из рода Киндыгир воевали с витимско-мамскими (Мамагатами или Мамугирами; см.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269—270). В данном предании рассказывается об одном столкновении между ними.

¹ См. предание 23, прим. 2.

² См. предание 17, прим. 2.

³ Мотив переодевания девушек в одежду брата имеется только в преданиях эвенков с Верхней Ангары и левых притоков Витима. Этот мотив заимствован из бурятского фольклора.

⁴ «Заплакали по девушке». Женщин и детей во время столкновения не убивали. Потому, когда эвенки сняли платье с убитой девушки и увидели, что это не мужчина, они заплакали.

36. Бэрко и чангиты

Бэрко из рода Буллэт был женат на эвенкойке из рода Игангагир. Две семьи свойственников летом кочевали вместе, на зиму разъезжались. В предании описывается встреча Бэрко с незнакомыми семьями Игангагиров. Семья Бэрко бежит от них. Сам же Бэрко для отвода глаз пришельцев остается. Чтобы Игангагиры не думали, что все ушли, был оставлен на половину покрытый чум, за которым привязали верхового оленя для Бэрко. Игангагиры хотели его убить, но он вырвался. Они откочевали на лыжах, в караване их были только вьючные олени. Бэрко удалось перебить всех Игангагиров. Незамеченной осталась только одна девушка, которая убежала и сообщила сородичам о случившемся. Родные Игангагиров, узнав, отправились мстить Бэрко. Во время этого второго столкновения были убиты люди с каждой стороны.

¹ Буллэт (множ. число от Буллэ) — название рода, потомки которого расселились по бассейну Олекмы и в верхней части бассейна Алдана. Остальные семьи жили восточнее, в бассейне Зеи.

² Игангагир — название многочисленного и широко расселенного рода. В XVII в. члены этого рода расселились по бассейну Вилюя и другим левым притокам Лены выше Вилюя. В XVIII в. они переплыли в бассейн Олекмы и на правые притоки Витима.

³ Обычно на лето семьи из родов, взаимно бравших девиц в жены, объединялись, а осенью разъезжались.

⁴ Вместо слова «жене» употреблено «член семьи», «семья». Муж никогда не называл свою жену по имени или обычным словом «жена». Вместо этого употреблялись другие слова: *нүлгэв* — «кочовка, ведущая караван», *гиркэв* — «товарищ», *өүзән* — «семья» и др.; жена также не называла по имени мужа, употребляя для этого термины «человек», «мужчина».

⁵ См. предание 23, прим. 2.

⁶ «Вы покройте половину чума». Это было своего рода обманом врага. Чум, покрытый на половину, создавал впечатление, что жители его не ушли. В действительности же семья откочевывала, а подальше от чума обычно стоял верховой олень, готовый увезти последним хозяина.

⁷ См. сказание 10, прим. 6.

⁸ См. предание 4, прим. 4.

⁹ «Чапгиты идут на лыжах». Речь идет о тех пеших охотниках, которые употребляли оленей только под выюк, сами же переходили пешком во время кочевок.

¹⁰ «Ложись под застругу», букв. «лезь на дно» — способ прятания в горных местах, где снегу наметает столько, что под застругами остаются глубокие впадины.

¹¹ Повествователь, рассказывая предание, мог передавать рассказ от первого лица — от лица своего героя, а затем снова переходить на обычное повествование (в 3-м лице).

¹² См. сказание 4, прим. 12.

¹³ По представлениям эвенков в прошлом, духи — помощники враждебных шаманов (медведи, волки) могли помогать врагам найти преследуемых.

¹⁴ Оговорка рассказчика: спаружи эвенки держали только луки, ружья же всегда находились в чуме.

37. Человек и чангит

Данное предание также находится в процессе превращения в сказку.

¹ См. предание 23, прим. 2.

² См. сказание 10, прим. 8.

38. Манги-чангит

Это предание распространено среди эвенков Подкаменской Тунгуски, от которых оно попало на Витим и Олекму. Описывается случай неудачного нападения группы из рода Хуладай на семью эвенков. Последние, заметив врагов, сделали вид, что не видели их, и продолжали свою обычную жизнь. Неожиданно для врагов они собрались и уплыли вниз по реке. Хуладай названы в этом предании маги и чангитами потому, что те и другие постоянно нападали на эвенков. Но в отличие от западных вариантов здесь враги — конный народ, что характерно только для зейско-амурских групп. Это предание записано на одной из рек (Тында) бассейна Зеи. Сложены западные эвенки могли проникнуть на Олекму и Тунгир через эвенков из рода Чилчагир и Хачакагир, основная масса которых кочевала по рекам бассейна Витима, а часть упала на запад на Ильинскую Тунгуску и западнее (Г. М. Васильевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Связи между семьями одного рода сохранялись, и широки расселенные родичи, хотя и редко, ездили друг к другу в гости. Это и способствовало распространению сюжетов. В этом предании интересно сохранение памяти о безоленином проплыве олекминских эвенков.

¹ Манги (множ. число Манги ~ Мангит) — реально существовавшая группа центральноазиатского населения. В XIII в. мангиты — одна из час-

тей гвардии Чингисхана, хорошо вооруженная и храбрая в боях. В XVI в. маньчуты вошли в состав ногаев — тюркской народности. Позднее они дали начало родам Мантыт и Манги в составе разных тюркоязычных, а на востоке — маньчжуроязычных народов (S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the tungus. London, 1931). Начинаяющие шаманы маньчжуров должны были знать биографии шаманов-предков. Значительная часть предков этих шаманов происходила из рода Манги. Группа верхнеленских эвенков считает свое происхождение от рода Мангиян. Все эти факты свидетельствуют о том, что манги вошли и в состав древних тунгусов, когда те жили в районе Прибайкалья—Приамурья.

² См. предание 28, прим. 2.

³ В подлиннике непереводимое выражение.

39. Куригуль и манги

Кузнец Куригуль жил с женой и двумя холостыми братьями. Во время их охоты жена жила одна в жилище из сваях. Однажды манги увел ее. Как Куригуль, так и манги имели боевые достоинства и броню. Но Куригуль решил убить манги, послав ему стрелу в рот. Он выковал железные чехлы в рот для себя и для братьев, и они отправились к манги, который жил в деревянном доме. Придя, предложили ему соревноваться в ловле ртом пущенной вверх стрелы. Манги согласился. Упавшая стрела прошла насквозь и убила манги. Куригуль вернул свою жену. Но она, побывав у манги, стала ненормальной.

¹ См. сказание 1, прим. 12.

² См. предание 38, прим. 1.

40. Чакинтула

Охотник Чакинтула имел двух жен — молодую и старую. У молодой родился сын. В это время опечилась собака, и старая жена сказала, что у молодой родился щенок. Чакинтула оставил жену с ребенком, сам со старой женой откочевал. Мать пошла на реку и пожаловалась налиму. Вместе с налимом они начали воспитывать мальчика. Он вырос, и мать послала его к отцу. Найдя отца, он рассказал ему обо всем. Отец оставил старую жену и с сыном вернулся к другой.

Тема о воспитании ребенка налимом распространена среди эвенков Подкаменной и Нижней Тунгусок (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1936, стр. 131—132). Служит о налиме как воспитателе брошенного в реку мальчика был вынесен ангарскими эвенками на северо-восток и попал к юкагирам (ср.: W. Jochelson. The Yukagirs, t. I. New York, 1926, pp. 39—41). Налим — тотемный предок бурят-эхиритов, с которыми ангарские эвенки были связаны (Г. Н. Потанин. Отчёки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883; М. Н. Зобанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1926, стр. 6). Предания кетов, соседей ангарских эвенков, объясняют происхождение рода Конэя от налима. Таким образом, в басене Ангары у двух народов (кетов и бурятов) был ярко выраженный тотем-налим; это представление попало и к дроздам тунгусам Приангарья. По-видимому, культ тотема-налима был у аборигенного населения Приангарья и Прибайкалья и от них попал к кетам и тунгусам, а позже — к бурятам. Попал он вместе с группами аборигенов, вошедших в состав указанных групп.

41. Мальчик

Другой вариант предания о Чакинтуле, записанный южнее.

42. Дентылы

Эвенки Дентылы остановились на стойбище с другой семьей эвенков и обмепялись невестами. Затем Дентылы откочевали. Они берегли невестку, хорошо кормили и не давали ей работать. Они хотели принести ее в жертву и стали уже готовиться к жертвоприношению. Но невестка узнала об этом от детей и сбежала. Дентылы не нашли ее, шаман также не мог им указать, куда она деслась. Тогда они решили, что чужой шаман сильнее, чем их, и откочевали. Сбежавшая женщина прибежала к своим и обо всем рассказала. Тогда родичи сняли с нее одежду, нарядили в нее девицу Дентылов, отвели последнюю на то место, где пряталась убежавшая, убили ее и ободрали ей лицо. Дентылы, вернувшись, нашли ее и, приняв за свою невестку, принесли в жертву.

Случай жертвоприношения девушки, по-видимому, был исключительным и произвел большое впечатление. Поэтому рассказ о нем распространился из района верхней части бассейнов Подкаменной и Нижней Тулгусок на восток, до р. Зен.

43. Дентыгиры

Восточный вариант продания о Дентыгирах.

¹ В горах, в местах нагромождения каменных глыб, между ними остаются большие пустоты. В этих пустотах эвенки прятались от врагов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

УЛГУРИЛ

1. Агді

Кэтэннауккүр бичётін. Тімәпна ағдіва дөлдіра. Мигдіма ағдімкәкүй эмэллән, д'үйватың йіппи, илелюэ дәғивүсисінәп. Хэрэлгәрдү мәрвэр бакатта. Иргит-тә эмәнәвөр әчбіл сарә. [Агді] орорвотың силяттана, ағива бадаранә. Тоғо д'әгдалләп. Умүн иле д'үн бичбі. Бейз д'үдүви бимуд'эрән. Намадүн деңгиз бид'эрәп. Бадарәва ичәмій, деңгилви ганасинан. Биралә түксасинан, д'үләтін. Ичәд'эрәп — д'үйваты тоғо д'әбд'эрән. Иләл бираля хурра. Тоғо мүве д'әвүллән. Лургид'ад'ая — хурд'эрә. Хурипкілвә хата д'әрдәвкій. Дашилватыл д'әгдівкіл. Будда упкат.

2. Агді

Асай тар тіксайи аййнасчә. Тігдәд'эрән. Аййнасшә тар ахй. Умнёт ағдиллан. Асай тар тіксадүйіл д'икілчә. Тіксаван йәчб агді. Асай тар хунни хорын бичбі. Ахйва дәғивүсчә уғысыккүй тар агді.

3. Эпүмук

Умиәкән һұдук-вәл зөвәнкілдүләм эмәрән эпүмук кор. Упкат ухәлде. Шаман аййчиллан. Аййттан, аййттан, албаран. Бүйіл қэтетмашәл бәдара. Зөвәнкіл гәвә шамаңиме гәлиәрә. Хуңту шаман эмәрән, Шанайак гарбий. Татия хуңту — н'әлисейнчү. Ичәтмій — эңәсей. Шевәнчеллән. Этәкәйим гүнәп:

— Упкат авгараң аш!

Эвәнкіл урүнә, д'үтәлд'и орор бүре. Ухәмук зөвәнкілтән атіркән манаңд'авкіл. Мәстин шамаңтын бүрәп. Упкат бүре, эмбимурән умүкән атіркән Корболик. Илій-дә албаллан бәдамій. Дараг орор бичётін. Окоңкіл, тәпүт-чәпкін, д'әптәйи. Гөроллокип, албаллан.

Умбә долболжено дөлдірап иле гиранйвән. Шүкәкәнми гаран, ораллан:

— Гакал минә! Гакал! Едә кәсбәйтчакни? — д'алдүви гүнд'әвкій. — Эр эпүмук мүчүшиан.

Оқынла-вал бикә, д'алдәчиллан «зөвәнкілвә гәләктәнәшкітә». Эр бирайай шолайлә бикичитти.

Тімәтінә хулладүви әд'әнә, д'алдаб'әчән. Умнёт дөлдіран н'үцен'акыл орелватып. Илмалчараи, дөлчачиллан. Түлішкій йүрән — бікүн-дә әчкін. Д'алдүйік гүнәп: «Эр айакайтчара, бодонми хуңтупчән». Тәрәрен, тәттән, уріләпдүлә шурурәп, гәләктәпәшиңан бүнил тәттәшти. Бакаран ишмәкән шурдуқатайва, урүнен увалишан д'үлайи. Колободроц, иргішеви итігаран, шурурәп бирайайша шөлекій, гүнке: «Талә зөвәнкіл бикичайтын».

Тәлій налқанай болчә. Тірга киңләт ңәнәмій ургәпчү — имания хулузчә.

Корболик тімдітіс упа утәрэвкій, шуруммен. Тірга иманна хулулләкин, дәрүмкічилівкій. Долболноң ішін шот шурувкій. Түгі нағапта тіргапай нәнәрәп, д'апкійдүтін бакараң эвәнкіл, орор үд'алватын. Корболик мәңшилви бакараң. Нуңардугін айат биллән. Өкілла-вал бикебіл, ішін ухәлле кордү. Шамалтың шәвәнчелізен. Ичәршә браң, Корболик әмәврівөлән энүмукве. Эвәнкіл хәңкічілле. Корболин гүнән:

— Би буйлаптың иланияма бәғал бичәв, әңбәв бурә. Эпүмук мұшқунин миндук шурурән. Әңбәв әмәврә.

Он-да гүндәрәккі, әңблә тәд'әрә. Корболикке бувкәнә. Эпүмук хата эвкій этәрә. Үрәлбі манаңд'авкій. Түг-дә манаңвраң упкачын. Упқат бурә, әмәймуре илани: бәйз ашынуц, хұптаң; Мучапчә, Гарпалик, Холоңо. Нұлғыра ғәлә уріккіттулә. Мучапчә Гарпаликкій гүнән:

— Колбобой колобоңқол! Мәтімасчалим.

Гарпалик колобоңқол иргіштійен. Мучапчә мотімашипан. Кутудүви мотіва вәрән. Иниғірән умәрвә, хасилма, улләзвә ашұқан. Шурурән д'үләві, бирайава дағышшынан. Тәкәләвунник капуңгараң, Мучапчә бурурән мүлә. Мұдук йүрән, упкачын улаптап. Гулдурунайш илараң, апқечилләз, олғычайлап тәтігделі. Дәбуви лұктан, ойсовуви тәттәп, улапкунма. Даңдороп. Тімдітіс химат шурурән д'үләві. Д'үләві әмәрән. Гарпалик арчимкана, гүнән:

— Би эши толқынна айава толкынчәв — мотіза вад'тиңіл.

Мучапчә гүнән:

— Әңбәс толкытта, би аран әңбәв әйбәр? Тінәзә әмәчә бимчәв. Апқечалим тәтілви олтігчака. Әшіткән улалқұн, хүңтуйә тәттіе бүкәл.

Гарпалик бүрән. Тәдүк улләзвә улбәрән. Мучапчә эшиң ёва-да д'әншә гүндәвкі:

— Діллив экүд'әрән.

Тарштідук ухәлләз, бурән. Гарпалик айат пәрәш, авшайан браң. Тәдүк нұлғира дагамәккійкән. Өкілла-вал бикебіл, Гарпалик толкыттан — Мучапчә әмәрійен, тірекбімі цалайд'апа. Әмәкбайм гүнән:

— Ділдув тіләкә!

Болгодүн хуккәлсінән. Тәдүк тар-да п'ян бурән. Гарпалик гүлләз д'алдуви: «Тар миңә Мучапчә гәлпәд'әчән». Тарштідук ухәлләзи, бурән. Әмәймурән умүкән Холоңо. Эмүкин бид'әнә, албаллаң ылә-дә үд'амай. Горово туғи бишпин. Уміб дәлдіран бирайа барғидәдүн ашың қацирвән орорво. Холоңо түкшашкан, әрәд'әнә: «Әке-е, миңә гакал! Буд'әлім!»

Ашың әріллән:

— Экәл әмәттә! Әмәрәкиш, вад'әм!

Тар ашың сақан, үрілән манаңынаваң әнүмуктү кордү. Тарит ашатқалма эшиң әмәвікін. Холоңо ишін әмүкин әмәймурән болодолбі. Боло бейзә кәрәмәд'әнә, бакараң, шурурән Холоңоғов д'үләві.

4. Эвәнкіл Кәтәнәлдүк

Кешмадұ нонон Момол бичтін; Кешмадұ ділібд'ачатын. Халтін Байакәпнүн элб әмәчтіл. Әмәкбайм, Байакіл бочатын. Кешмадұ Момол, Күркәгір, Лопокол, Момбәчар, Кордуйал ділібд'ачатын. Кордуйал Күркәгірлідүк жүйдітін, амакатын Кордуй бичән. Момбәчар — Күркәгірлідүк. Упчумбәчилкейм, халтін хүйдітә. Хүйдікбайм, Момбәчар бочатын. Амакатын бәрін иректемә мәмә бичән. Тарит пұцал Момбәчан гөрбійчүлдікін. Хүтәлин Момбәчар блітатын. Пацқагир дігәр бичтін. Амакатын Пацқа бичән. Гүйвікіл — Күркәгір нонон Нұрумнап бичтін. Кәмукәгірвра ишін Чемүкәгір гүйвікіл. Гүйвікін, тарил нонон Пацқагир биңкітін.

* * *

Ағдіній хүркәкән бичбі, йәкбідің халчын. Ахын йәкәмий бичбі. Кәтәнәлә әд'илье бид'әчәп. Илан бейзәл ичехиңе багдака үд'анвән. Ваймуд'әнекі

и борахиная, дүр бэйэл амардукин. Агдийн пектрэнэн, урарэн. Нуцалмэн пектрэнэйн хинчилгээн дөллийн хичирэ. Иксэ, чумиллан. Ийрэн. Пектрэнүүмий тэврэн, гэврэл пектрэнэн, албаран вайдэмий.

* * *

Чилчагир, киранма ваксай, эчтэн асакийла борйра. Аксалдчай; гийн сууре Киренчайлай, тэдүк Байкал чағддэлайн. Гийн эдү, Витим эвгиддүн эмбнүүрэ.

Кононогирил Йоромоткий холийлай, Чилчагийрэлийн умүкэндү бид'энжийтийн Хиркэгир, Хачакагир Йоромо дағадуйн бид'энжийтийн. Тарил ёштэ эмзэсэл, Чичэгир бичтэй.

Нонон умүкэн бэйс Чинмэнчэ д'алкуйн хутэчий бичэн. Хутэлийн ахилат-тэдэй хэрэгэлтийд'ечэл. Пацарайтай, Чинмэнчэ хутэн. Утликатай, Агдийн, Нэрүүнжэктэн, Шайгакай, гийлаа омцом. Акаригир Чайгаду дуннэтэнжийтийн.

5. Вил'уй илэлийн

Амим Ойогир эдүк горолб балдчай. Вил'уй бирайадуй. Нуцан эзвэний бичэн. Амим Хологолиун умүндү нулгийктэд'ечтэй. Хологохол орочий бичтэй. Тарил йэкэл бичтэй. Мунчэгир бид'евийл бичтэй. Бу Чириндадуй, Нээжилдэдү. Би Марка бирадуй балдчай.

Кочоний нонон Чуп'аду нулгийктэд'энжийтийн. Хэлтий Таймурулай цэнэчтэй. Талай Мүктэл бичтэй. Мирэшэл Чайзгирдук йүчэл. Поте йэкэл, Бетидук йүчэл. Емидэйил нонон Бахтадуй дуннэтд'энжийтийн.

* * *

Н'амад'я анцаний амасий илэл ороро ёчир бицжийтийн. Гиркумат нулгийнжийтийн. Ирүвүрдү куцакарвэ ирүүжийтийн. Мэндэлжийтийн умүн дуннэдү. Муннукаравэ, хорокильва лукит вакийтийн. Дэлгүүр туица арублил бинжийн. Сулакийкардий, кэрэмжэрдий тамиажийтийн. Йүдүлэх укийжийтийн, шурчацаавэр. Хомтойлав авдуудуктийн вакийтийн.

Увачай орочо ёчиши бичэл. Увамат гиркуктаажийн, тарит увачаанд'и гэрбичэл. Эвгү хутэн асийн йэкэмийн бичэн. Увачайр Чобнадук элэ эмчэл.

* * *

Бордоцуй нонон Нээжинэдү бид'энжийтийн. Улкат мэжчэрэчэл. Бордоцуй мэчиний йэкэл бичэн, хаман бичэн н'амад'и андашил амасий. Хутэн-хунраттвойнадуй мэжчэрэчэн. Дүр куцакарил-ахяткарийн эмбамутэл. Тикин луңгартай Нээжинэдү хавалд'анжийл. Ошигир бирайалдуй Курлаа, тэдүк Чобнатай Лима бирайадун бид'энжийтийн.

6. Эзвэний бурагийлтийн

Пононгийдук эдү Чулманадуй Кенас бид'ечэй. Кенас эр бугадуй бд'акин, тэжээлийн бчай. Кенастуук эзвэнийт омёкилтийн бнатай. Эзвэнийл йэжлнүүн эр бугадуй сэзвэжчээнээ бичтэй.

Эдү бид'эрэл эзвэнийл бугагийлтийн нонон хувтуудаандү бинжийтийн. Монгорийл бугатын билир Алдан эйжэжийн бид'эрэйн. Н'урмаган бугатын. Булжэтлийн умүкэндү Амургийгэй бид'эрэйн. Бетум Битимдү бид'энжийтийн Солонгон бугатын билир Алдан эйжэжийн бид'эрэйл. Буйагир бугатын Гил'ийдүй, Амур эд'игийнбидүн бид'эрэйн. Бугануун майскэййл эвгиддэдүтийн. Дээмийл бугатын Учирвээ эйжэжийн. Дондийил Олокподу Букочарийн умүндү бид'энжийтийн. Дондийил сэ бичтэй. Буйагирил иландуй хуйэтта: Баттак, Куртак, Кантутгээр.

* * *

Лоцоркыл бурагатиң попоп Йакұскайгайдадүп бичәп. Амаргұт кин'аситиң Алданаудулә хурчән. Әдүк амаргут Лоцоркыл Д'әйс бирайалдулан әмәчәл. Әхбіткөл Лоцоркыл ахұқан бочати. Эміхия тәкбітиң Булда бичән. Булда хупат шахинәйве әдьшәз. Тәйіл Эмажин болчал.

Пәрвөордт бдалані Д'әйе әд'йіркіндүп Ман'агиріл бид'әңкітіп. Муричіл бикел, нұқартын әзеккілгәчір шуалғынад'аңкітіп. Түрәнтиң сип умүн. Пәрвөордт әллакин, Ман'агиріл Китайлә суруғатиپ, Амурва хәдәхән.

* * *

Эр бурадү — Алғемәдү, дағадүн бихил биралду, Ыдү-кәт Бута бид'әңкітіп. Бута-Колесовиж попон Учирдү, Катуңайдү бид'әңкітіп. Тәдук Алғемәйлә нұлтічәтіп. Бута-Наумових попон Алғемә дәрәкимәп Нуйам, Налурак дәрәрзатиң бугатасын. Бута-Пудових попон Гөлтамададү, Алғемәдү бид'әңкітіп. Тікин ушқачітіп колхосидү бид'әре.

* * *

Бу аймакілвун әдү Учирдү әд'йіркіндү бичәл: Кәлтәкі, Кәңде, Бута, Бетум, Каңағи. Кәлтән бугаңайтіп Учир дебдүп бичәп, и'ап Алданадү бичәтіп. Кәңде бугаңайтіп Амсаудү бичән. Кәңде амбайн әйкә бичән. Эр бурадү әзекін біна, хутеби ғалдічән. Хутегін әзеккіл бочати. Бута, Бетум — Учирдү, Алғемәдү, Гөнамадү бурагатад'аңкітіп. Каңагил — Учир даотудүк, Алданадү, Д'агдау солоки ғаратағайтіп. Әхбіткөл бикічитіп Дарқылак — Д'агдау солоки илан шулгі. Лоцоркыл Колтоқипун умүшдү каначай Амгагайдала.

7. Атіркән хутен

Атіркән бичән. Хутен бичән хүркәпші. Мәнәйілдүп д'алин бид'әңкіл. Илан бейзіл бейіумәчілле, хүркәкәп и'ап илнәрзі. Байни иуцандулық әмәрзен. Тар хүркәкән гарларан. Йүргін түркәврән бейтулмә, албаран вад'әми. Тар д'алин хүркәкәндүлә әмәрэ. Д'авақсай, сицилигендүлжіт йәмшүре, кигләлдіндер хәкимиәре, гүңе:

— Эйле вәли.

Тәдук сурурә. Илан бейзіл әмәрэ атіркән д'үлән, әйледүлән. Умүптін гүйнен:

— Атіркәнма вәйт.

Иләтіп гүйнен:

— Эртәт ватчәрә, тоғовбын алә сіңәт, атіркән доцотовдің торойо ачиг.

Тоғово силлактын, атіркән тар хутакамы қоғыйдәлән блстава підәрап. Бейзіл гүлзурулма хәкимиәре, сурурә.

Хүркәкән, арукас, сицилигендүк йүрән. Д'үләвін әмәрән, әйнідүлжіві. Эмакес, айнан бойынша үйасын. Әйнумын тәннә бучбәз бакара, хүркілде, тәмбілде. Тәйілд'әркітіп, д'алин, илан бейзіл, әмәрэ. Иланадү үзінде. Д'үрлү бейзіл әрүпчүт, үмүшдү — айамамат. Әрүпчено д'әнд'әрйіл будда, апаура. Айама д'әбд'әңбә әңбә будда. Атіркән тар ағарачашын, әңбә будда. Тар хүркәкәншүп әсбін тар бейзі гиркій бдан. Бейурә умүшдү, гиркула умүшдү.

* * *

Котэ байэл бичэл. Д'утын бичэл тайду. Умүкбэн атэркэн бичэл. Тар хутэн мотивын иччэл, ахалгаччэл. Ахалгакайым, хуруччэл тар байгуулдээр упкат билээ, хувуултил. Тар иччэл мотивын, мурукбччэл, ганачилдээр. Тар куңакайн бичэл, тар хийкуүкэн, ураччэл мотивынвар.

— Едэ уранти? — гүннэл, идакалчал нунцамэн.

Тоогово хийвийт бичэл. Эдэлжийнхэн хирэ, нокомлохийн дэчэг тогово — элдэва. Кучува бакаччэл тар атэркэн, тайду илаччэл. Мотивын бакача, бүшнэдээрбэй. Иччэл, хигж, дэлччэл куңакайн эзийн. Д'ур байэл, д'алин, эмччэл. Эмэгийнмийл, тэргчилччэл, хилэндээрэкил. Атэркэн эзччэх хилэндээмий. Тар гунд'ээ, «Эбэй! Эбэй!» балшилд'ана. Ёхалдуултийн хилэтпер эзтичэл. Тар хутэн хобцашши бэрлилбэтил. Тар ганатччэл, пушарватын ваччэх хувуултил.

РАССКАЗЫ

1. Гроза (о подкаменотунгусском метеорите)

Иван Куркогир, род. в 1914 г., цергамотный.
1936 г., р. Чуюнго, Тунгусско-Чупский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Стояло много чумов. Утром услышали гром. Разразилась невероятно шумная гроза. Она разбила чумы, унесла по воздуху людей. Люди очутились на маринковом болоте. Не могли попасть, куда их перенесло. Гроза, сжигая тайгу, сжарила и их оленей. Огонь распространялся. Там стоял чум одного человека. Мужик хотел попасть домой. У него в торсуке — выючной суме были деньги. Увидев пожар, он бросился к деньгам. Побежал к реке, к чумам. Смотрит — огонь сжигает чумы [соседей]. Люди бросились в реку. Огонь попал по воде. [Плавники] всыхивают, они пыряют, а [огонь] зажигает и ныряющих. Обжигает [их] головы. Так все [они] и умерли.

2. Гроза

А. Мукто, род. в 1922 г., грамотная.
1935 г., р. Нидымкан, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Попала женщина поправить берестяные покрышки [на жилище]. Шел дождь. Пока она поправляла, раздался гром. Женщина спряталась под покрышки. Гроза разбила покрышки. У женщины был красный кафтан. Гроза унесла эту женщину вверх.

3. Болезнь

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная.
1945 г., р. Даткон, р. Нена, Катангский район, Иркутская область.

Однажды к эвенкам откуда-то пришла болезнь — корь. Все заболели. Шаман начал лечить. Лечил, лечил, не смог [вылечить]. Мертвых очень много становилось. Эвенки сходили за другим шаманом. Пришел чужой шаман по имени Шанаик. Облачение его иное — страшное. Со стороны посмотреть — сильный [шаман]. Начал он шаманить. Окончив, сказал:

— Все поправитесь.

Эвенки обрадовались, дали [ему] по два оленя [от каждой семьи]. Но болезнь не прекращалась. Эвенки умирали. Умер и сам шаман. Все

умерли, осталась одна старуха Корболик. Некуда ей было деться. Поблизости были олени. Ходила она за ними, забивала для еды. Но если они уходили далеко, она не могла [их догнать].

Однажды вечером она услышала шаги людей. Взяла топорик и закричала:

— Возьми меня! Возьми! Для чего мучаешь?

А сама думает: «Это болозы вернулись».

Спустя некоторое время стала думать: «Пойду-ка я ищу эвенков. Их стойбище вверх по этой реке». Так думала она утром, лежа в одеяле. Бдруг услышала крик гусей. Вскочила, прислушалась. Вышла вон — никого нет. Думает: «Это — хорошие предзнаменование: моя жизнь изменится». Встала, оделась, пошла на стойбище искать одежду умерших. Нашла тючную сумку с мукой, обрадовалась, притащила домой. Накинула хлеба — подорожников, собралась и пошла вверх по реке, думая: «Там стойбище эвенков».

Тогда наступила весна. Днем на лыжах идти трудно — снег мокрый. Корболик вставала рано утром и шла. Днем, когда снег размягчался, отыхала. Ночью сняла быстро шла. Так шла она семь дней. На восьмой день нашла следы эвенков и оленей. Корболик нашла своих. У них стала хорошо жить. Но сколько-то дней прошло, и эти начали болеть корью. Шаман шаманил. Сделал вид, что Корболик принесла болезнь. Эвенки начали ее ругать. Корболик говорит:

— Я жила с мертвцами три месяца, и умерла. Мушун — [дух] болезни ушел от меня. Не принасса я [болезнь].

Но как ни говорила, не поверил. Корболик заставили покончить с собой. Но болезнь не прекращалась. Стойбище вымирало. Так и вымерли все. Все умерли, осталось трое: муж с женой и дочь — Мучанча, Гарпалик и Холонго. Откочевали они в другое место. Мучанча говорит Гарпалик:

— Напеки колобков. Я пойду охотиться за лосем.

Гарпалик напекла ему подорожников. Мучанча отправился на охоту. Ему повезло, он убил лося. Привязал к поняге (т. е. заспинной дощечке) мозг, печень и ясного мяса. Пошел домой, начал переходить через реку, колодину, [по которой шел], сломалась. Мучанча упал в воду. Вышел из воды весь мокрый. Развел костер, заночевал, плакал сушить одежду. Снял нижнюю одежду, надел верхнюю, мокрую. Замерз. Утром попал быстро домой. Когда пришел домой, Гарпалик, встретив, сказала:

— Я сегодня хороший сон видела — ты убил лося.

Мучанча сказала:

— А ты не видела во сне, как я чуть-чуть не утонул? Я бы вчера пришел. Заночевал, суша одежду. Сейчас и весь сырой, дай другую одежду.

Гарпалик дала. Потом начали варить мясо. Мучанча ничего не ест, говорит:

— Голова болит.

В этот же день заболел и [затем] умер. Гарпалик сделала ему гроб, хорошо похоронила. Потом все откочевали педалеко. Прошло несколько дней. Гарпалик увидела сон — подходит Мучанча, держка в руках подушку. Придя, говорит: «Положи под мою голову». Лег к ней на колени. Потом сняла умер. Гарпалик подумала: «Это за мой пришел Мучанча».

После этого для она заболела и умерла. Осталась одна [дочь] — Холонго. Одна она ничего не могла сделать. Долго так жила. Однажды услыхала, что за рекой женщина зовет оленей. Холонго побежала, кричала:

— Тетя! Возьми меня, умсят!

Женщина закричала:

— Не приходи! Придешь — убью!

Эта женщина знала о том, что стойбище вымерло от кори. Поэтому не пригласила девочку. Холонго снять осталась одна до осени. Осенью человек, белкуя, нашел и увел Холонго [к себе] домой.

4. Эвенки с Катанги

Павел Баяки.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде Момоли жили в районе Кежмы. В Кежме платили ясак. Часть их с Баякатом пришла сюда (т. е. в район Полигуса). Придя, они стали называться Баяки.

В Кежме платили ясак Момоли, Куркогиры, Лопоколи, Момочары, Кордуяли.

Кордуяли выделились из [рода] Куркогир. Дед их был Кордуй. И Момочары выделились из [рода] Куркогир. Пассорившись, часть [Куркогиров] от分离了. Отделившись, стали [называться] Момочарами. Лук их деда был из лиственницы. Поэтому он и назывался Момочая. А потомки его стали Момочарами. Пангкагиры были горными жителями. Дед их назывался Пангка. Говорят, что Кунгногиры раньше были Нурумнялями. Кемукагиров называют также Чемукагирами. Говорят, что [Кемукагиры] первоначально были Пангкагирами.

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., р. Тетен, Катангский район, Иркутская область.

Агдыни еще мальчиком знал якутский язык. Жена его была якуткой. Он жил выше [Тетеи] по Катанге. Трое мужчин пошли смотреть следы дикого оленя. Тот, который хотел стрелять, пошел вперед, двоешли сзади. Агдыни выстрелил и промахнулся. Его за промах затончали в снег. Когда он очутился в снегу, начинало таять. Агдыни выбрался, зарядил ружье, выстрелил вторично, но не смог убить [оленя].

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., пос. Хомокор, Катангский район, Иркутская область.

Чилчагиры, убив орла, не поделили его маховых перьев. Рассорились. Одни ушли на Киренгу и дальше за Байкал. Другие здесь, по эту сторону Витима, остались. Конгногиры жили вверх по Ероме вместе с Чилчагирами. Хиркогиры и Хачекагиры жили недалеко от Еромы. [Хачекагиры], приедя сюда, стали называться Чичогирами.

Давно один человек, Чинмончо, имел восемь сыновей. Сыновья его женились и расходились [в разные стороны]: Пангаракай, Утышкаткан, Агдыни, Голо, Левушкотко, Пагъякан, а других забыли.

Акаригагиры бродили по притокам (букв.: речкам) Чайки.

5. Эвенки с Вилюя

Михаил Ойогир, род. в 1896 г.
1960 г., р. Нидым, Илимский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Мой отец Ойогир родился далеко отсюда, на одном притоке Вилюя. Он был эвенки. Мой отец кочевал вместе с Хологонами. Хологоны были оленными. Они были якутами, но жили как мы. Мы кочевали в районе [озер] Чирингда и Неконгда. Я родился на реке Мархе.

Кочонили вначале кочевали по Чуню. Часть их ушла на Таймуру. Там они стали называться Муктолами. Мироско вышли из [рода] Чапогиров. Потом — якуты, вышли из [рода] Бети. Эмидакини проще жили на Бахте.

* * *

Семен Кунчичир, род. в 1879 г.
1959 г., пос. Наканье, Катангский район, Иркутская область.

Сто лет тому назад эвенки не имели олесей, кочевали пешком. На волокуше они перевозили детей. Жили они долго на одном месте. Били стрелами зайцев и глухарей. Ясак тогда был равен пяти рублям. Платили также лисицами и белками. Ельцов промышляли мордами и вяливши их. Медведей били в берлогах.

Увачан не имел оленей. Ходил, [кочевая], таская [все] на себе. Поэтому его прозвали Увачан. Жена его младшего сына была якуткой. Они пришли сюда с Чоны.

Бордомгии проще жили в Наканье. Все они вымерли. Бордонг сам был якутом, шаманом; жил лет сто тому назад. Его дочь скончалась в последнюю войну. Остались две девочки. Теперь они работают в Наканье.

Ошникиры жили по рекам Курья и Лима, в направлении к Чоне.

6. Места, освоенные эвенками

Павел Михайлов (Нюрмаган), род. в 1888 г., неграмотный.
1947 г., пос. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно здесь, на Чульмане, жил Кенгас. Когда Кенгас поселился на этой земле, начался его род (бука: корень). От [потомства] Кенгаса начались роды эвенков. Эвенки с якутами устроили в этом месте кампанию. Места здешних эвенков были в разных сторонах. Земли Лонгорков были вниз по Алдану. Земли Нюрмаганов вместе с Булээтами были в направлении к Амуру. Бэтумы жили на Бытиме. Земли Сологонов были прежде ниже по Алдану. Места Буягири были на Гилюе, по эту (т. е. левую) сторону от Амура, и на запад [от реки Учур, где жили] Бута вместо с майскими [эвенками]. Земли Дэнгмалов находились выше по Учуру. Донгойми жили вместе с Букачарами на Олекме. Денгоплей было очень много. Буягиры разделялись на три группы: Баттах, Куртак, Контутор.

* * *

Николай Николаев (Булагир), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Токаринай, Алданский район, Якутская АССР.

Места Лонгорков прежде были в направлении к Якутску. Потом их «князь» (т. е. старшина) ушел на Алдан. Отсюда позже Лонгорки ушли на притоки Зеи. Теперь Лонгорков стало мало. Родоначальником Эмихин, говорят, был Буудо. Дочь Бууда вышла замуж за [русского] крестьянина, [говорящего по-якутски]. После того они стали родом Эмихин.

До революции вниз по Зее жили Малаягиры. Они были лошадиными, но кочевали как эвенки. Язык их такой же, [как у эвенков]. После революции Малаягиры ушли в Китай, перейдя через Амур.

* * *

Семен Наумов (Бута), род. в 1877 г., неграмотный, р. Сутам, 1947 г., Алданский район, Якутская АССР; Дмитрий Колесов (Бута), род. в 1913 г., грамотный, р. Алгома, 1947 г., там же.

На Алгоме и на соседних речках всюду кочевали Бута. Бута-Колесовы прежде жили на Учуре и Катуни. Потом откочевали на Алгому. Бута-Наумовы прежде жили на истоках Алгомы, на истоках Нуяма и Налурака. Бута-Пудовы прежде жили на Гелтамде и на Алгоме. Теперь все живут в [одном] колхозе.

* * *

Папин роды здесь на Учуре, по нижнему течению его, жили: Колтоки, Конгдо, Бута, Бэту, Кангаги. Места Колтоков были на самом Учуре и на Алдане. Места Конгдо были на Амге. Отец Конгдо был якутом. Поселившись в этих местах, он народил детей. Дети его стали звенками. Бута и Бэту имели места на Учуре, Алгоме, Гонаме; Кангаги — в устье Учура, на Алдане и вверх по реке Дыгде, на расстоянии трех нуула (т. е. около 30 км); сейчас их место — Даркилак. Лонгорки вместе с Колтоками имели родню на Амге,

7. Сын старухи

Калтан Кочони, род. в 1922 г., грамотный.
1935 г., р. Варгома, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жила старуха. Был у нее сын. На постоянной стоянке — мэнэепе жила их родня. Троє мужиков пошли на охоту. Парень встал в засаде. Зверь шел на него. Этот парень выстрелил. Стрела ударила в зверя, но не убила. Родственники [парня] пришли к нему, схватили его, зарыли в снег и на лыжах затоптали, сказав:

— Теперь мы его убили.

Потом ушли. Пришли троє мужиков к старухе в чум, к его матери. Один из них сказал:

— Убьем и старуху.

Третий сказал:

— Не станем убивать, загасим только ее огонь, чтобы старуха замерзла без огия.

Когда они стали гасить огонь, эта старуха спрятала в мешочек уголек. Мужики затоптали костер и ушли.

Парень, очнувшись, вылез из-под снега. Пришел домой, к матери. Придя, вместе с матерью пошел по следу зверя. Нашли там мертвого зверя, [в которого парень стрелял]. Освежевали его, стали заготавливать мясо. Когда заготавливали, пришли те троє мужиков — родственников. Их накормили. Двум мужикам дали худое мясо, одному — хорошее. Евшие худое умерли, упали. Евший хорошее [мясо] не умер. Старуха эта лечила его, чтобы не умер. С парнем этот мужик стал тогда дружить. Вместе ходили на охоту, вместе бродили.

* * *

Д. Чапагир, оз. Амо, 1936 г.

Было много людей. Был у них там чум. Жила одна старуха. Сын ее увидел лося, но не погнался за ним сразу. Пошли к тому зверю все [охотники] вместе. Вот дошли до зверя, окружили зверя, чтобы стрелять. Этот парень был еще мал и промахнулся, [только ранил].

— Почему ты промахнулся? — говоря, начали бить его.

Они погасили огонь [у старухи]. Но пока они гасили, сунула она уголь в рукавицу. Нашла трут та старуха, разожгла огонь. Нашла умиравшего юсса. Освежевала его, накормила мать парня. Пришли два мужика, родственники. Придя, присели, пока она варила суп. Кончила варить старуха. Крикнув: «Обой! Обой!», она осмелила их, плеснув им в глаза. Сын ее разрубил их луки, выстрелил в них и убил всех.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НАПЕВЫ СКАЗАНИЯ О КОДАКЧОНЕ

Для наиболее древней традиции эпических сказаний характерно сочетание двух способов звукового произнесения — мерной речи и пения. При всем разнообразии форм эпоса в них условно можно различить два основных вида: сказания, которые поются, как например руны Калевалы, русские былины, ненецкие ярабц, и сказания с эпизодически появляющимися музыкальными частями, как якутские олонхо, туркменские сказания, башкирские легенды об узюи-куях, бурятские и монгольские улитеры. К последнему типу относятся и эпические сказания эвенков. Эти два вида эпоса не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать в фольклоре одного и того же народа, однако в таких случаях всегда можно наблюдать преобладание одного из видов или придания каждому из них особого значения.

Если поющиеся сказания имеют довольно большое количество письменных публикаций и фонограмм, то сказания с эпизодическими музыкальными частями известны только в единичных и далеко не полных записях, не дающих целого представления о всем драматургическом комплексе поэтической и музыкальной речи. Между тем изучение этого вида эпоса чрезвычайно важно для выяснения путей развития национальных литератур и театрального искусства. Достаточно сказать о многочисленных стихотворных вставках в эпических сказаниях эвенков, которые, возможно, некогда пелись, так же как песенные реплики в русской волшебной сказке (что встречается и в фольклоре других народов), а также вспомянуть русскую народную и классическую китайскую драмы, насыщенные музыкальными номерами, древние формы театральных представлений, как греческая трагедия со вставными репликами Хора, средневековые мистерии, затем более поздние формы — зингшпиль и комическую оперу, где действующие лица поют монологи, и, паконц, водевиль и оперетту. Вполне вероятно, что возникновение таких видов литературы и театральных спектаклей было связано в ряде случаев с существованием некогда эпическими повествованиями с поющими эпизодами, которые являлись монологами персонажей. Здесь надо отметить, что именно эта форма эпоса, сохранившаяся у некоторых народов до настоящего времени, иногда превращается в подобие театральных пьес в концертном исполнении, как например пение реплик героев улитера помощниками сказителя или включение в сказание песен других жанров, что наблюдается при исполнении рун Калевалы.

Музыкальные эпизоды в эпических сказаниях эвенков имеют специальные напевы (дак в ульгерах и олонхо) и исполняются том же лицом, которое ведет повествование. Поются только наиболее пространство реплики, которые можно условно назвать монологами; диалоги же персонажей остаются в составе прозаического или ритмизованного сказа. Монологи поются на напевы-формулы, равные одному-двуум стихам. Напев пред-

ставляет собой формулу в виде двойного произношения названия рода, племени или собственного имени персонажа и выполняет роль поэтического зачина монолога. Весь последующий текст монолога используется на варирированное повторение заданной формулы. Иногда музыкально-поэтическая формула повторяется несколько раз внутри монолога, создавая впечатление постоянного призыва.

Сказание о Кодакчоне в исполнении С. М. Савина, записанное целиком на магнитофонную ленту, дает возможность проследить некоторые закономерности соотношения музыкального и поэтического текстов и высказать предположения об их драматургической роли в эпической композиции.

Для 15 музыкальных эпизодов, содержащихся в сказании, исполнитель использует пятью напевами. Напев I исполняется с текстами, начинающимися словами «Герукаанен! Герукаанен!» (1-й эпизод — монолог женщины-илицы, матери Кодакчона) и «Кедайканен! Кедайканен!» (5-й эпизод — монолог Нурдяк — дочери старика из племени Кидай, поется на мотив отца); напев II, начинающийся словами «Геягда, генгдаренен!», общий для Кодакчона и Боскондяриппи; напев III — «Дэнэдарэко! Дэнэдарэко!» (7-й эпизод — монолог Нурдяк, жены Боскондяриппи); напев IV — «Кимо, кимоку!» (9-й эпизод — монолог Секак, жены Кодакчона); напев V — «Гунгер! Гунгер!» (10-й эпизод — монолог врага).¹

Перед началом пения исполнитель каждый раз делает небольшую паузу и начинает первую музыкальную фразу, значительно форсировав звук; последующие фразы он поет несколько мягче. Повествовательный текст после музыкального эпизода сказитель произносит сначала на повышенном звуке, как бы продолжая финальный тон напева, что создает впечатление постепенного перехода пения в речь.

Последовательность музыкальных эпизодов напоминает форму рондо — постоянного возвращения к главной теме, которой является напев II: I—II—II—II—I—III—II—IV—V—II—II—II—II. Правда, эта схема должна бы быть несколько иной, так как исполнитель ошибочно спел две рецликки врага (4-й и 6-й эпизоды) на основной героический напев, но все-таки принцип рондообразной последовательности и при таком распределении напевов сохраняется: I—II—II—V—I—V—III—II—IV—V—II—II—II—II.

При отсутствии звукозаписей от других исполнителей, конечно, нельзя говорить об обязательном применении такой схемы, однако можно полагать возможность ее использования, так как она обусловлена большим количеством реплик главного героя повествования.

Знатоки эвенкийской эпической традиции утверждают, что у каждого персонажа свой напев. В исполнении С. М. Савина это правило не выдержано. Однако, если не считать указаний выше ошибки, появление которой легко объяснимо, распределение напевов по эпизодам соответствует строгой логике:² напев I является темой родителей, чьи дети вступают в брачные отношения, напев II — тема мужчин одного рода, связанных кровными узами, главный герой которого Кодакчон (сюда же относятся и реплика коня брата Кодакчона), напевы III и IV — темы женщин разных родов и напев V — тема врага. Таким образом, напевы являются некоторыми родовыми музыкальными иероглифами, несомненно очень древнего происхождения (в особенности напев IV — «Кимо, кимоку»).

Все напевы построены на пентатонической (бесцветоновой) основе, однако у них различные диапазоны, разные опорные звуки и ритмика (ср.

¹ Потации напевов I, II и IV приводятся во фрагментах, III и V — полностью.

² Замена напевов произошла, возможно, вследствие неоднократного замещения звуков при произнесении слов «Лэндэ» и «Дендэ», которые имеют самостоятельные напевы-формулы; в 6-м эпизоде эта ошибка, вероятно, произошла по закону повтора главной темы рондообразной формы.

ритмические схемы каждого напева). Наибольшим диапазоном обладают напевы I и II. Оба они производят впечатление большой энергии и силы. Но если в напеве I подчеркнуто значение нижнего тона, что создает характер устойчивости и покоя, и центральная часть его отягощена обильными мелизмами, что, правда, не лишает этот напев некоторой танцевальности, то напев II звучит более просто. Все его основные звуки украшены равномерно, а резкий взлет на септиму не закрепляется, как в напеве I, в верхней точке, что придает ему более порывистый характер, делает его похожим на босовой клич. Напев III несколько уже по диапазону (секста) и экономнее в интонационных средствах. В отличие от первых двух он разен погустилию. При первом звучании напев со словами «Дэвэдэрэко! Дэвэдэрэко!» украшен мелизмами, при повторах он становится проще и скромнее. Его четкая ритмика кажется ритмом танца. Напев IV по характеру мелизмов временами напоминает напев II, но он необычайно узок по диапазону. У него фактически нет звукоряда — это только два устоя, существующих на разных уровнях; напев может захватываться на любом из них. Сам характер напева герояни Секак служит своеобразной характеристикой ее рода жениции-волнельниц. Напев V резко отличается от всех предыдущих. Он намного меньше по диапазону, чем основной напев героя сказания, но частотичное повторение музыкальной формулы, постепенное нарастание верхних звуков создают впечатление большой силы и угрозы. Этот напев, характеризующий врага, исполнители эвенкийского эпоса называют «грубым», что следует понимать как «жесткий», «жестокий».

Следует отметить, что Савин строго сохраняет ладо-тональность каждого напева. Это ярко обнаруживается при частых повторах главной темы, появляющейся достаточно точно на тех же звуковысотах, несмотря на соседствующие с ней другие, звучащие в иных тональностях темы. Тонально-звуковысотная последовательность первых звучаний напевов (как в редакции Савина, так и при исправлении ее) идет по восходящей линии, как бы подчеркивая напряженность развивающихся событий. Постоянное возвращение к главной теме делает всю композицию цельной и устойчивой, завершение сказания пятнадцатым повтором главной темы создает звуковой финал, подчеркивающий победу героя и членов его рода.

Сказание о Кодакчоне, как, вероятно, и другие, является отшлифованной всевами поэтическо-музыкальной композицией, замечательным шедевром древнего искусства эвенков, который, несмотря на частичные разрушения и утраты, не теряет своего художественного и научно-исторического значения.

Впервые подготавливая для публикации напевы эвенкийского эпоса, записанные на магнитофоне (до сих пор были известны только слуховые записи), нам пришлось столкнуться с рядом трудностей нотации звучания, при преодолении которых мы шли тем же путем, что и ранее, при работе над наенцкими эпическими песнями. Основные, контурные звуки напева выделены крупными головками, украшения выполнены петитом. Тактовые черты выставлены в соответствии с реально слышимой акцентуацией, которая в большинстве случаев совпадает с долгими гласными. Размещение согласных под звуком или грушией звуков означает продолжение ее звучания при уже смыкнутых губах, своеобразное явление «долгой согласной». Скрипично- temporовый ключ показывает звучание октавой ниже. Слова в круглых скобках — ритмические вставки, не имеющие смыслового значения.

В. М. Добровольский.

I

Спокойно $\text{♩} = 144$

Тё - ру - ка - ны ! Тё - ру - ка - ны !
 Э - р(у)-кон э - ша - лэй(и) кэ - զ'(з)-э.и
 Со - (ы)м бэ - иэ (ы)а) (կ)э - пе (չ)и-лан ջօր
 Аи - ча - ни - ма - յու - та - (չ)ի - (հ)
 Տի - му - րի - կան օ - ցլա - կսա - կան
 Աօն - ցլա - կսա (խան) ու - կըն - ց(է) - ս(ը)ն
 Ես - սէ - րի օ - կա - կոյ-նան-նի
 Ա - ցս ուշեան-նի սլ - ու - շէ - կալ !

Спокойно $\text{♩} = 120$

II

Աքր-տէկ ! Աքր - տէ - նի - կեհ - (հէ) . (կոյ) !
 Եր - կան է - մի-լեյ ս - կա - կալ - ու !

Спокойно L=100

IIa.

Бен - ге ! Бен - ге - ро - ке . н

Подвижно L=69

III

Де - бе - га - ре - кей ! Де - бе - га - ре - кей !

О - лэ - лу - га

а - ба - хин - га - ми - я, дö - я - кам - я - кей !

Де - бе - га - ре - кей ! Де - бе - га - ре - кей !

Э - ко - э - мим гон, (х) - гэ - ре - ки - тн(э)

Э - күн - дук - тан хән - га - кән - га (ха) - үз
 мәк - га - (ха) - үз би - га - кән - (хы) - кән
 мә - дук - кәр - (хан) э - ре мә - үз
 то - зо - ба и - лам - га - ри о - рор - ба гән - га - ми
 мә - мә би - ги - кән
 ба - га - га - күн - (хы) га - ба - са - кән,
 мә - мә га - ре - кән¹ мә - мә га - ре - кән
 Никкин - ка - гы - би мә - га - га - би
 мә - мә га - ре - күн¹
 со мә - мә би - ги - кәс, үз - күн - тан о! Гла - ра ба... гас, үз - күн - тан

IV

Свободно $\text{P} = 160$

Ки - мэ, ки - мэ - ку!
 Ки - мэ ки - мэ - ку!
 Эрё - күн э - шай - ла
 Э - күн си - мэ
 мо - я - дух бал - ги - та Ко - дак - на - н (ий)
 Ки - мэ, ки - мэ - ку!
 Эр - ка то - то
 бу - ча - та - дух
 Э - мэ, әз - ко - кән, ә - рэй, дэ - ник, сә - кән, нә - кә - әз, кә, кү, на - на?
 Ки - мэ, ки - мэ - ку!
 Эр - кән са - ма - ру (и) Э - күн - дух.. та

V

Скоро и решительно $J = 72$

Гу-нер, гу-нер! Гу-нер, гу-не - (ро-де-ко - о - то-тум)
 Гу-нер, гу-нер! Гу-не-ре(е), гу-не! Са-ла- мон-гэ
 ав-ду-дук-би сō - шат мац-ну-да- кам(и)!
 Гу-не-ре(е), гу-не! Гу-не-ре(е), гу-не хэр-ти - иэ дун-на-дух
 м-нур-э - ген ду-лии дун-на-лэ ис-га-чэт.
 Гу-не-ре(е), гу-не-ре! Гу-не-ре(е), гу-нер! А-йа а-ши.. кам
 мэ-ка-к(а)-ка - кам а-йа - ба бү-зя-лэ-бэр эк-ээ-дэ-хэм.
 Гу-нер, гу-не-ре(е)! Гу-не-ре(е), гу-нер! Би-(зэн) бэ-йэ-нээ и-зин-
 -дэ - ми-йа гу-ро бү-зя-лэ ии - мү-рэн!
 Гу-нер, гу-нер! Сō сом и. шат, шин. из ав-ду-дук-би ии-бэ-зин!

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ПЛЕМЕННЫХ, РОДОВЫХ НАЗВАНИЙ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН¹

- Агдыли, с. и. 381.
Акаригир, р. н. 381.
Алгома, р. 382, 383.
Алдан, р. 382.
Алтанэй, с. и. 268—272, 354.
Амга, р. 383.
Амур, р. 344, 382.
Ангара, р. 296, 360—363.
Ануй, р. 204, 339, 343, 344.
Анчода, с. и. 306.
Арчамка, с. и. 306.

Багдарикан, с. и. 297.
Байкал, оз. 381.
Бакадя, с. и. 304, 305, 364.
Баттах, р. н. 382.
Баякан, с. и. 381.
Бети, р. н. 382.
Бенгача, с. и. 302.
Бордоигил, р. н. 382.
Боскоидяринда, с. и. 185—190, 341, 342.
Буокочар, р. н. 382.
Булдэ, Буллаэ, Буллэт, р. я. 325, 371, 382.
Бута, р. я. 382, 383.
Буягир, р. н. 382.
Бэрко, с. и. 325—330, 371.
Бэтум, р. н. 382, 383.

Витим, р. 381, 382.
Воршемде, с. и. 253, 254.
Войв, р. 301.
- Гаданча, с. и. 299, 300.
Гарагалтун-Силлин, с. и. 219, 346—348.
Гарнавулча, Гарнавулчан, с. и. 243—245, 349.
Гарпалик, с. и. 386.
Гарпани, Гарпаникан, с. и. 250—257, 350—351.
Гарпас-маты-Гарпаникан, с. и. 257, 351.
Гельтамда, р. 383.
Гельтынгачан-Кувульгат, с. и. 266, 353.
Гильбокуль, с. и. 301—303, 364.
Гилой, р. 382.
Гонам, р. 383.

Дарпек, Дарпекчан, с. и. 228—236, 244, 245, 349, 350.
Дебульго, Девульго, Девильго, Дейдо-Девильго, Дейдо-Девильго-Кувульгат, с. и. 225, 231.
Деерок, с. и. 306.
Дейдо см. Дебульго.
Дело, с. и. 285, 306.
Делтони, с. и. 225.
Догикчон, с. и. 204—207, 343.
Донгоиль, р. н. 382.
Дэнгмал, р. н. 382.
Дэткон, р. 311.
Дюпкулкон-Дюпкулдин, с. и. 200—206, 343, 344.
Дюрунго, с. и. 300.

¹ Условные обозначения:

оз. — озеро

р. н. — племенное название

пос. — поселок

р. — река

р. я. — родовое название

с. и. — собственное имя

хр. — хребет

- Егинде-земля 218, 346, 347.
 Енисей, р. 290, 346.
 Ерома, р. 307, 365.
 Зея, р. 382.
 Ибде, с. и. 293, 360.
 Идагурчац, с. и. 196.
 Илимпеи, р. 356, 366.
 Илихагдэн, с. и. 268.
 Иягчор-земля 342.
 Ирикта, р. 301.
 Иронуде, Иролучон, с. и. 216—218, 258, 351.
 Каданучан, с. и. 216, 217.
 Каштаги(р), р. и. 383.
 Катан, с. и. 220.
 Катаңга, Катонга, р. 290, 301, 384.
 Катунь, р. 383.
 Кеда, Кедак, Кедан, и. и. 206, 225, 339, 343, 345, 347. См. также Кидан.
 Кекма, р. 293, 306, 360, 363.
 Кесмо, Кемони, р. и. 339, 345 (ср. припев).
 Кемукагир, р. и. 381.
 Кенгас, с. и. 382.
 Кералыто-Гаралыто, с. и. 268, 354.
 Кеян-земля, 208, 338, 340, 345.
 Кидан, Кедан, Кидани, и. и. 179, 180, 201, 208, 224—228, 339—344, 347.
 Кидан-земля, Кетан-земля 179, 180, 201, 208, 224, 228, 338, 339, 343—347.
 Кимо, р. и. 345.
 Кимо-Кимопиш, р. и. 207, 208, 247 (ср. припев).
 Кимол, Кимал, р. и. 290, 345, 357.
 Кимонко, р. и. 345.
 Кимонори, с. и. 245, 349.
 Киндыгир, р. и. 324, 325, 371.
 Кирелга, р. 381.
 Киро, Киро, Кирэлту, с. и. 270—272, 354.
 Киника, р. 345.
 Кият, р. и. 345.
 Кодакчоц, с. и. 178—197, 338, 341.
 Кодорос, хр. 251.
 Контоки(л), р. и. 383.
 Конгакчан, Конгакнай, с. и. 253—256.
 Кондо, Конгдогир, р. и. 381, 383 (см. Кунгдогир).
 Конуткур, р. и. 382.
 Корболик, с. и. 380.
 Кордаку, с. и. 287.
 Кордо, с. и. 301, 363.
 Кордуул, р. и. 289, 301, 302, 359, 363, 381.
 Котор, р. 216, 346.
 Кувульгат, р. и. 230, 231, 266.
 Кунгдогир, Кунгногир, р. и. 295, 360, 361, 381, 382.
 Курболтуу, с. и. 291, 354, 357.
 Курвул, с. и. 332, 373.
 Куркотир, р. и. 289, 295, 296, 300, 301, 359, 361, 363, 381.
 Куртак, с. и. 382.
 Курэнгой, с. и. 272—276, 354.
 Кэдэренице, с. и. 252.
 Палыгир, р. и. 342.
 Лимты, р. (русск. Илимпей) 310, 382.
 Понгко, с. и. 284, 285, 300, 308, 356.
 Лолгорки, р. и. 382.
 Лопокичо, с. и. 307, 365.
 Лопоко(л), р. и. 295, 381.
 Мамагат, Мамугир, р. и. 358, 371.
 Манги, и. и. 332, 333, 372.
 Манягир, р. и. 382.
 Марха, р. 381.
 Мачаку, с. и. 302.
 Мирошко, р. и. 382.
 Мокигдын, с. и. 213—217, 346.
 Мокогдыр, с. и. 276—280, 355.
 Мокотир, р. и. 317, 318, 369.
 Моксо, Моксонул, с. и. 270, 272, 354.
 Момо(л), р. и. 289—296, 298, 300, 304, 357, 360—364, 381.
 Момочан, Момочар, р. и. 291, 356, 360, 381, 382.
 Момочо, с. и. 300.
 Монгол, р. и. 257, 366.
 Монгруни, с. и. 225—229, 334, 339, 344, 347.
 Монгукучон, Монгункоц, с. и. 180—184, 209, 237—248, 338—340.
 Мукылту, с. и. 354—356, 271.
 Мүксто(л), р. и. 382.
 Мучапча, с. и. 380.
 Мутуугир, р. и. 362.
 Накапна, пос. 357, 382.
 Натурак, р. 383.
 Нгангагир, р. и. 325, 371, 382.
 Нивонийде, с. и. 248—251, 346.
 Нидым, р. 381.
 Нингтони, с. и. 198, 203—206, 339, 343.
 Нурговул, с. и. 309, 310, 366.
 Нуям, р. 383.
 Нюнгурмок, с. и. 217, 234—237.

- Нюрдяк, с. и. 191.
Нюргаган, р. и. 382.
Нюрумия(л), р. и. 284—288, 300, 356, 357, 359, 363.
Нюшкагир, р. и. 301, 363.
Нялягир, р. и. 361.
- Огинкогир, р. и. 317, 318, 363.
Ойогир, р. и. 381.
Олуул, с. и. 310, 311, 366.
Онгкочо, р. 357.
Онгчор-земля 197.
Оноц, Онон-земля 180, 218, 339—347.
Опто(п), с. и. 284—289, 302, 356, 359.
Орель, р. и. 339, 343.
Оролдин, с. и. 190.
Отани, с. и. 223—234, 245, 347.
Оха, р. н. 200—206, 343—345.
Ошикир, р. и. 307, 308, 365, 382.
- Пагъякан, с. и. 381.
Палтка, с. и. 381.
Паңгакагир, р. и. 381.
Пачаки, с. и. 285, 289—300, 306, 357—360.
Пото, р. и. 382.
- Секак, Секакчан, с. и. 178, 179, 194—210, 212, 237, 258, 259, 267, 343, 345.
Секардин, с. и. 237, 239, 348.
Сергунго, с. и. 301, 302, 363.
Сивир, Сивир-земля, Шибир 178, 207—210, 215, 224, 338—347.
Сигуцар, с. и. 276—284, 344, 355, 356.
Сирбут-Сирбунай, с. и. 280—284, 356.
Соготок, с. и. 341.
Сомогон, р. и. 381, 382.
Сумкольдил, с. и. 203, 344.
Сэлүлэнде, Сэлэнтур, Сэлэмэнде, Салэмтун, Сэлэргун, с. и. 189, 192, 194, 217, 225—228, 237, 341, 345—348.
- Таруцдяк-земля 195, 341.
Тоган, с. и. 325, 328.
Тогондор, с. и. 194, 342.
Томконц, с. и. 342.
Тонгколдин, с. и. 278, 355.
Топоко, р. и. 294, 360.
Торгавай, с. и. 260—266, 352—354.
Тура, пос. 300, 363.
Тынъенай, с. и. 268—272, 354.
Тыргакчан, с. и. 203—205, 223—234, 339, 343, 347.
- Увачац, р. и. 382.
Уговпор, с. и. 245.
Утоян, с. и. 191, 245, 342.
Ульбимчо, с. и. 289.
Умусли(кон), Умусни(кон), с. и. 210—212, 241—250, 349, 350.
Унгковул, с. и. 312, 313, 367, 368.
Унтанэй, с. и. 340.
Уранкай, п. и. 179, 204, 207, 213, 215, 218, 223, 227—229, 257, 259, 339—346.
Урон, с. и. 311—316, 367, 368.
Утольдан, с. и. 206.
Утышка(ткан), с. и. 305, 306, 381.
Утур, р. 382, 383.
- Хагдачча, с. и. 307.
Халдяржай, с. и. 218.
Хачикагир, р. и. 381.
Хиркогир, р. и. 381.
Ховоко, с. и. 284—293, 306, 356—360.
Холгон, р. и. 381.
Хорбо(ль), р. и. 289—301, 362.
Хоркигир, р. и. 301, 302.
Хоролден, с. и. 189.
Хуладаал, р. и. 372.
Хуругочон, с. и. 234—241, 266, 348, 353.
- Чадобец, р. 295, 361.
Чакицтуна, с. и. 333, 334, 373.
Чалит(ы), п. и. 319—331.
Чаникэй, с. и. 263—266, 353.
Чапотир 382.
Чемда(з), р. и. 296—300, 361—365.
Чилчагир, р. и. 381.
Чиндони, с. и. 255, 256.
Чипмоичо, с. и. 381.
Чипа, с. и. 325.
Чирилгда, оз. 381.
Чиркимай, с. и. 265, 353.
Чичогир, р. и. 381.
Чоколдой-конь 282, 283.
Чолко, с. и. 300.
Чулуро, Чулугды, п. и. 225—229, 348.
- Шанаяк, с. и. 379.
- Эмидакль, р. и. 382.
Эрокчон, с. и. 197, 203, 204.
- Юлточи, с. и. 243—245, 344, 349.
Юргины, с. и. 307—309, 365, 366.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Учир, Урмй, Чумукэн, Сахалын, эвэлкйлий нимцакарты	19
1. Кёдакчэн	19
2. Кёдакчэн	27
3. Сёнак	39
4. Илан ахакар	49
5. Мэкигдэн	57
6. Пивэнйнд'э	62
7. Отани	66
8. Хуругэчэн	82
9. Умусий	89
10. Умүслэкэн	90
11. Умүн-Умүснийкэн	96
12. Гарпайкэн	98
13. Гарпас-мата-Гарнаанчан	105
Алдал, Дэйэ эвэлкйлий нимцакарты	108
14. Төргэнэй	108
15. Төргэнэй, Чаникэй	111
16. Айтайнэй	115
17. Айтайнэй, Тийланэй	117
18. Куренэй	120
19. Мэйбэгдэр, Сигундар	123
20. Сирбут-Сирбүнэй	127
Катэндэл эвэлкйлий нимцакарты	131
1. Хэвэк, Лонко, Энтаакэн	131
2. Элтэкэн Курягир, Начакай Момо	135
3. Оор	136
4. Хэвэк	136
5. Хэвэк Момбэр, Танкэн Момо	137
6. Лонко	138
7. Ибдэ	138
8. Начакай	139
9. Начакай Момо	141
10. Начакай Момо	141
11. Момот, Чэмдэл	142

12. Чөмдәл, Харбэл	143
13. Момол, Куркэгир, Н'урумн'ял	145
14. Кордо	145
15. Куркэгир, Н'үшигэгир	145
16. Сэргүнэ Кордуйал	146
17. Гилбэвул	146
18. Бакад'а Момо	147
19. Утишка	148
20. Дэйэрэк	149
21. Иургини	150
22. Иургини	151
23. Нургэвул, чацитэл	152
24. Олуувул, Нурагэвул	153
25. Үрэн	154
26. Үрэн, Үүкэвул	154
27. Ганалчийл	158
28. Дэгэр	158
29. Эзинкэгир, Мэкэгир	159
30. Валдикйт	160
31. Чапиткакүр	161
32. Асй, чацит	162
33. Асй	162
34. Эвэнкий, чацит	163
35. Киндэгир, чацичийл	165
36. Бэрка, чациттэл	166
37. Бэйз, чацит	171
38. Мадж-чацит	172
39. Куривул, мадж	173
40. Чакинтула	174
41. Бэйэткэн	175
42. Д'эптэл	176
43. Д'эптэгир	177
 Сказания дальневосточных (учурекских, урмийских, амгуенских, чумиканских и сахалинских) эвенков	178
1. Кодакчон. Г. Эдян, 1948 г., р. Урми	178
2. Кодакчон. С. Савин, 1960 г., р. Урми	185
3. Секак. Г. Эдян, 1948 г., р. Урми	197
4. Три девицы. Г. Эдян, 1948 г., р. Урми	207
5. Мокигдын. Г. Эдян, 1948 г., р. Урми	213
6. Нивонинде. Н. Арсенов (Эдян), 1948 г., р. Амгууль	218
7. Отами. Г. Эдян, 1948 г., р. Урми	221
8. Хуругочон. А. Пудов (Бута), 1947 г., р. Алгома	234
9. Умусни. М. Пикалева (Эдян), 1948 г., р. Урми	241
10. Умусликон. С. Чепалов, 1936 г., пос. Тугур	242
11. Умун-Умусликон. Н. Федорова, 1926 г., пос. Чумикан	248
12. Гарпаникан. Г. Чинков (Эдян), 1938 г., Сахалин	250
13. Гарпас-мата-Гарпапучан. В. Диаборова (Монго), 1948 г., р. Урми	257
 Сказания верхнеалдано-вейских эвенков	260
14. Торгапай. А. Боярковская (Хэбгимнэгү), 1947 г., пос. Тында	260
15. Торгапай и Чаникой. И. Романов (Бута), 1936 г., пос. Бомнан	263

16. Алтанэй. А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман	268
17. Алтанэй и Тывынэй. П. Михайлов (Булдэ), 1947 г., р. Чульман	269
18. Курэнгой. А. Боярковская (Хэбзимигу), 1947 г., пос. Тында	272
19. Мокогдыр и Сигундар. А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман	276
20. Сирбут-Сирбуйэй. А. Боярковская (Хэбзимигу), 1947 г., р. Тында	280
Предания	284
1. Ховоко, Лонгко и Оитокон. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	284
2. Оитокон Куркогир и Пачаки Момо. Н.-К. Кувачонок (Чалагир), 1935 г., пос. Байкит	289
3. Олени. С. Куркозирский (Момо), 1960 г., пос. Куюмба	290
4. Ховоко. К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара	290
5. Ховоко Момочар и Топоко Момо. Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны	291
6. Лонгко. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	292
7. Ибде. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	293
8. Пачаки. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	293
9. Пачаки Момо. Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны	295
10. Пачаки Момо. Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны	296
11. Момоли и Чемдали. Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны	297
12. Чемдали и Хорболи. Н. Чемда, 1936 г., пос. Вановара	298
13. Момоли, Куркогиры и Нурумнили. Н.-К. Кувачонок (Чалагир), 1935 г., пос. Байкит	300
14. Кордо. Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны	301
15. Куркогиры и Нюшкагиры. Л. Панкагир, 1935 г., р. Учами	301
16. Сергулго Кордуныль. К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара	301
17. Гильбовуль. Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны	302
18. Бакади Момо. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	304
19. Утышка. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	305
20. Деерок. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	306
21. Юргини. К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара	307
22. Юргини. Н. Баяки, 1960 г., пос. Полигус	308
23. Нурговуль и чангиты. А. Коненкин (Хунцискал), 1931 г., р. Ика	309
24. Олуувуль и Нурговулы. Н. Каплин (Пангаранай), 1959 г., пос. Бугоркан	310
25. Урон. М. Комбагир, 1935 г., озера Неконёда и Агата	311
26. Урон и Унгковуль. Н. Хирогир, 1960 г., оз. Агата	312
27. Ганальчи. Н. Комбагир, 1936 г., оз. Неконёда	316
28. Захребетные жители. Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны	316
29. Огинкогиры и Мокогиры. А. Афанасьев (Монго), 1936 г., р. Бурея	317
30. Побоище. Г. Лонтогир, 1931 г., р. Непа	318
31. Чалгиты. А. Коненкин (Хунцискал), 1931 г., р. Ика	319
32. Женщина и чангит. Н. Лопа, 1935 г., пос. Байкит	321
33. Женщина. А. Мукто, 1935 г., р. Нидымкан	321
34. Эвек и чангит. А. Салаткина (Вакувагир), 1945 г., р. Доткон—р. Непа	322
35. Кинтугир и чангиты. Н. Шаньгин, 1936 г., р. Верхняя Алея	324

36. Бэрко и чангиты. <i>Н. Сахаров (Чакигир), 1937 г., р. Тунгир</i>	325
37. Человек и чангит. <i>А. Боярковская (Хэбзимнгу), 1947 г., пос. Тында</i>	330
38. Манги-чангит. <i>Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., пос. Тында</i>	331
39. Куригуль и манги. <i>К. Нюшказир, 1936 г., пос. Ванивара</i>	332
40. Чакицтула. <i>М. Комбагир, 1935 г., оз. Неконгда</i>	333
41. Мальчик. <i>Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны</i>	334
42. Дептылы. <i>А. Салаткина (Вакувагир), 1946 г., р. Дэтюн-р. Непа</i>	335
43. Дептыгиры. <i>Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., р. Тунгир, р. Тында</i>	337
Примечания	338
Сказания дальневосточных (учурских, урмийских, амгуинских, чумиканских и сахалинских) эвенков	338
Сказания верхнеалдано-зейских эвенков	352
Предания	356
Приложения	375
Приложение I	375
Улгуурал	375
1. Агді	375
2. Агді	375
3. Энүмук	375
4. Эзэнкүйл Катэнцалдук	376
5. Вилгүй илэлия	377
6. Эзэнкүйл буравчилтін	377
7. Атираан хутэн	378
Рассказы	379
1. Гроза	379
2. Гроза	379
3. Болезнь	379
4. Эвенки с Катаиги	381
5. Эвенки с Вилюя	381
6. Места, освоенные эвенками	382
7. Сыи старухи	383
Приложение II. Напевы сказания о Кодакчопе (<i>Б. М. Добровольский</i>)	384
Указатель географических, племенных, родовых названий и собственных имён	392

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ЗВЕНКОВ

* * *

*Утверждено к печати
Институтом фольклорики
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АИ СССР*

* * *

Редактор издательства Н. А. Храмцова
Художник В. В. Грибачев
Технический редактор Р. Е. Эндель
Корректоры Л. М. Боза, Ш. А. Иванова и Н. З. Петрова

Сдано в набор 6/XII 1965 г. Подписано
к печати 22/IV 1966 г. РИСО АИ СССР
№ 152—118В. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$. Бум.
л. 12 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 25 + 1 вкл. (1/4 печ. л.) =
= 25 $\frac{1}{4}$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.59. Изд.
№ 2742. Тип. зал. № 636. М-27675.
Тираж 1500. Бумага типографская № 2.
Цена 1 р. 90 к. + переплет 10 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
37	5 снизу	буғалән	буғаләви
92	11 »	Бу	Би
137	7 »	тукаландү	тулакандү
174	4 »	әмәчәп	әмбәчәп
334	11 сверху	пришел в этот чум	оставил [меня] в этом чуме

Исторический фольклор эвзиков